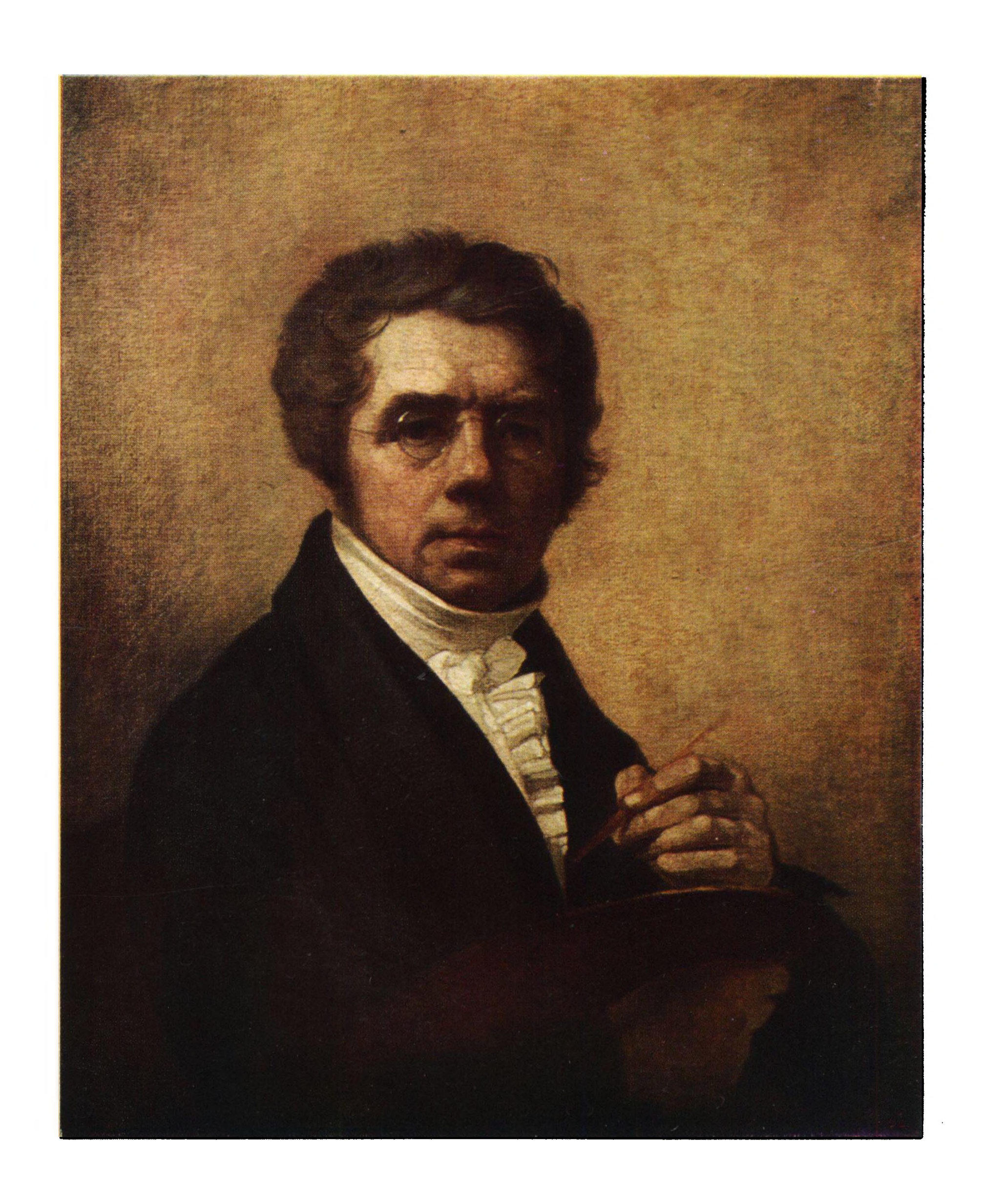
Мир художника

Статьи
Письма
Современники о художнике

АЛЕКСЕЙ ГАВРИЛОВИЧ ВЕНЕЦИАНОВ

АЛЕКСЕЙ
ГАВРИЛОВИЧ
ВЕНЕЦИАНОВ

А. Г. Венецианов. Автопортрет. 1811



Мир художника

Статьи

Письма

Современники о художнике

АЛЕКСЕЙ ГАВРИЛОВИЧ ВЕНЕЦИАНОВ

Ленинград
«Искусство»
Ленинградское
отделение
1980

ББК 85.143(2)1
В29

Составление,
вступительная статья
и примечания
А. В. КОРНИЛОВОЙ

В $\frac{80102-129}{025(01)-80}$ 174-80 4903020000

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ А. Г. ВЕНЕЦИАНОВА В ПИСЬМАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ, ДОКУМЕНТАХ

Предание, бытовавшее в семье художника и дошедшее до нас в пересказе его дочерей и племянника, сообщает, что род Венециановых происходил из Греции, из «Эпирского местечка города Богдари». В Греции они звались Михапуло-Проко или Фармаки-Проко, точной фамилии предание не сохранило. Прадед художника Федор Проко с женой Анджелой и сыном Георгием приехали в Россию в 1730—1740-х годах. Поселились они в Нежине, небольшом украинском городке, где получили прозвище Венециано, позднее превратившееся в фамилию Венециановы. *

По настоянию нежинского греческого магистрата, заявившего, что род Проко в Эпире был знатным и влиятельным, в 1794 году Венециановых включили в родословную книгу дворян Черниговской губернии. Однако принадлежность к дворянскому сословию оказалась условной: Венециановы занимались

* Сведений о происхождении фамилии Венецианова в документах не обнаружено.

торговлей, и когда отец художника, Гаврила Юрьевич, переехал в Москву, то должен был записаться в купеческое сословие.*

Связи Венециановых с московским купечеством укрепились благодаря женитьбе Гаврилы Юрьевича на дочери московского купца Анне Лукиничне Калашниковой. Метрические книги церкви Воскресения за Таганскими воротами сохранили запись о том, что в Москве «7-го февраля 1780-го года у купца второй гильдии Гаврилы Юрьевича Венецианова и жены его Анны Лукиничны родился сын Алексей» — впоследствии знаменитый художник.**

Из публикуемых в сборнике «Записок» племянника живописца, Н. П. Венецианова, возникает картина бытового уклада семьи, в которой родился и вырос художник. С живейшими подробностями, свойственными рассказу очевидца, воссоздана старая купеческая Москва с ее неторопливым и размеренным ритмом, с гостеприимством и хлебосольством, вошедшими в поговорку. Небольшая лавочка возле Покровского монастыря, где торговал Гаврила Юрьевич, дом на Воронцовской улице, в приходе церкви Воскресения на Таганке,— старая московская топография, у которой были свои традиции. На берегах Яузы, в Замоскворечье и на Таганке селилось купечество. Здесь жили Венециановы и их многочисленная родня, здесь же в собственном доме у Садового кольца разместилось и семейство П. И. и Н. П. Милюковых, будущих соседей А. Г. Венецианова по имению и постоянных его корреспондентов, письма к которым вошли в настоящий сборник.

Дом Венециановых находился у Коломенского тракта. Гаврила Юрьевич ездил в близлежащие помещичьи усадьбы. Там скупал он садовые кусты и саженцы плодовых деревьев, а потом продавал их московским жителям: сады и огороды в Москве были повсюду. В «Записках» племянника художника подробно описаны сад и огород на Воронцовской улице со множеством цветов и плодовых деревьев. Все это входило в круг детских впечатлений будущего живописца.

Впоследствии первый биограф Венецианова П. Н. Петров писал: «Все люди талантливые, как известно, сохраняли неизгладимыми в памяти первые впечатления детства, поразившие их чуткое воображение. В доме отца [художника] ‹...› было много, разумеется, рабочего народа обоего пола в своеобразном костюме. Не удивительно, что вкус А. Г. Венецианова, преимущественно, тянул его к воспроизведению минутных поз и положений простых людей, служивших для художника живыми оригиналами для изучения».***

В газетном объявлении, опубликованном в 1795 году в «Московских ведомостях», указывалось, что у московского купца Гаврилы Юрьева Венецианова продаются кусты смородины, луковицы тюльпанов, а также хорошие

---

* Генеалогические сведения, сообщаемые мемуаристами, а также первыми биографами художника П. Н. Петровым и М. И. Семевским,— разноречивы. См. с. 324, 360—361 данного издания.

** А л е к с е е в а, с. 205 (см. список принятых сокращений).

*** П е т р о в, с. 274 (см. список принятых сокращений).

картины, писанные пастелью. В таком же объявлении за предшествующий год предлагались «очень хорошие разные картины, деланные сухими красками в золотых рамах за стеклом, за весьма умеренную цену». *

Что это были за картины, неизвестно. Исследователи творчества Венецианова высказывали предположения, что это могли быть либо работы начинающего художника, либо Гаврила Юрьевич скупал картины у разорившихся владельцев имений, заодно с ягодными кустами.

Торговля картинами была нередкой в купеческой практике тех лет. В том же 1795 году «Московские ведомости» предлагали желающим «лучших мастеров картины» всего «двадцать пять картин за половинную цену». Можно было приобрести и «разные оригинальные картины... за половинную цену», какие угодно, вплоть до «картин высокой и тонкой работы», «живописных картин Рембрандта, Вандика, Рубенсовской школы» и «всяких сортов и разных цен картины». ** Подлинность Рембрандта, Ван Дейка и Рубенса была сомнительной, но интерес к художеству несомненный. Семья Венециановых не оставалась к нему безучастной.

Из воспоминаний Венецианова, дошедших до нас в пересказе его племянника, известно, что в детстве он много рисовал с картин и любил рисовать своих товарищей. Последнее относится уже к годам пребывания художника в пансионе, куда он был отдан родителями. В каком именно из московских пансионов учился Венецианов, неизвестно. Мемуаристы не указывают точного названия учебного заведения.*** Но каким бы оно ни было, программа непременно включала российскую словесность и французский язык, математику, историю, географию, чертежное дело и рисование. По письмам художника более позднего времени можно заключить, что он был знаком с французским языком, хорошо знал геометрию и черчение, которые пригодились ему во время службы в землемерном ведомстве и при разработке теории перспективных построений в рисунке и живописи.

Дымкой легенды окутаны первые годы творчества Венецианова. Из рассказов художника о своем детстве, содержащихся в «Записках» племянника, возникает образ живого и юркого мальчика, карманы которого набиты карандашами и щетинными перьями. «Я всегда рисовал украдкой, а в особенности от учителей, которых я боялся. Но когда я был в V классе, я смело завоевывал свое любимое занятие и рисовал красками, да не водяными, а масляными, и

---

* Савинов, с. 11 (см. список принятых сокращений).

** Московские ведомости, 1794, № 77; 1795, № 9, 13, 96; 1796, № 28, 30. См. также: Савинов, с. 12.

*** В окрестностях Таганки было несколько пансионов: на Большой Ильинке — пансион Аадя, за Покровскими воротами — Бартоли, на Мясницкой — Блемера, за Серпуховскими воротами — Борденова, в Лефортове — Борциуса, в Немецкой слободе — Дельсаля (см.: Петров, с. 270). М. С. Урениус полагает, что это мог быть немецкий пансион Тиммермана, между Таганкой и Покровкой (см.: Урениус М. С. Венецианов и его школа. М., 1925, с. 6).

не на бумаге, а на полотне, и, бывало, по целым дням пропадал по воскресеньям у одного живописца, Пахомыча»—такпередает мемуарист слова художника.

Тот же легендарный Пахомыч — или Прохорыч, как называет его автор в другом месте воспоминаний,— просит купца Венецианова отдать сына к хорошему мастеру, но отец и слышать не хочет. Тем временем Пахомыч учит своего питомца рисовать сначала карандашом, а после красками; ученик не слушается, пишет по-своему, да так, что сам Пахомыч удивлен и велит рисовать прямо красками. Работы юноши смотрят и другие художники: из Кремлевского дворца и Оружейной палаты.

Что бы ни рассказывала легенда, как бы наивно ни передавал слова Венецианова его племянник, достаточно взглянуть на работы художника раннего периода творчества, чтобы понять: «Пахомыч» хоть и мог быть его учителем, но лишь в самом начале и очень недолго.

Художественная жизнь Москвы 1780 — 1790-х годов была интенсивна и насыщенна. В то время здесь еще работал знаменитый портретист Ф. С. Рокотов. Ценнейшие живописные собрания хранились в старых московских особняках и подмосковных усадьбах Юсуповых и Шереметевых (в Архангельском, Кускове, Останкине). Надо думать, Венецианов впитывал в себя самые различные художественные впечатления. Исследователь творчества художника А. Н. Савинов полагал, что он мог пользоваться и непосредственными указаниями Ф. С. Рокотова.

Из «Записок» Н. П. Венецианова становится известно, что после окончания пансиона художник определился на службу в Чертежное управление с жалованьем по пяти рублей ассигнациями. «Прослужил я чертежником три года, меня назначили помощником землемера в Санкт-Петербург»,— передает мемуарист слова Венецианова. Назначение состоялось, по-видимому, в 1801—1802 годах. *

В «Санкт-Петербургских ведомостях» за 30 мая 1802 года появилось объявление о том, что «недавно приехавший сюда живописец Венециано, списывающий предметы с натуры пастелем в три часа, живет у Каменного моста в Рижском кофейном доме». ** Объявление было напечатано трижды. Это не значило, что никто не откликнулся: в газетах того времени объявления, как правило, печатались трижды. Но обращение в газету художника было явлением необычным. Оно указывало на отсутствие знакомств и рекомендаций, благодаря которым живописцы обычно получали заказы, и в то же время оно говорило об уверенности двадцатидвухлетнего художника в своих силах. Короткий срок выполнения заказа, указанный в объявлении, говорил о достаточном уровне профессиональной подготовки.

---

* Алексеева, с. 207.

** Известия к Санкт-Петербургским ведомостям, 1802, № 43—45, 30 мая — 6 июня (Алексеева, с. 206—207).

Занятия живописью трудно было совместить со службой землемера, которая требовала частых разъездов. Поэтому позднее Венецианов перешел в Канцелярию директора почт Д. П. Трощинского *, а в свободное время посещал Эрмитаж, где копировал старых мастеров и изучал живопись.

Биограф художника П. Н. Петров усомнился в возможности для чиновника почтового департамента иметь достаточно свободного времени, чтобы систематически упражняться в залах Эрмитажа. Сомнения основательны, но они могут быть и отклонены, если уточнить роль директора департамента Д. П. Трощинского в жизни Венецианова.

Родом с Украины, Трощинский был безотказен, когда земляки обращались к нему за помощью. Известно его участие в судьбе молодого Н. В. Гоголя, которому он помогал при поступлении в Нежинскую гимназию, а позже — по просьбе матери писателя — протежировал в Петербурге.

Очевидно, помогал Трощинский и Венецианову. Нежинские греки, родственники художника, могли обратиться к своему влиятельному земляку с просьбой о поддержке. По-видимому, она выразилась не только в зачислении Венецианова на должность при Почтовом департаменте, но и в возможности заниматься любимым делом, которой директор не лишил своего подчиненного. Венецианов имел не только время для занятий в Эрмитаже, но сразу же приобрел и учителя в лице знаменитого портретиста В. Л. Боровиковского.

Боровиковский также был родом с Украины. С Трощинским его связывало давнее знакомство: в 1790-х и в 1819 году художник дважды писал с него портреты. Позднее через Трощинского, при содействии Боровиковского, Венецианов получил разрешение работать в доме В. П. Кочубея, где находилось известное живописное собрание. Трощинский ли познакомил Венецианова с Боровиковским, или Боровиковский, встречая художника в залах Эрмитажа, заметил его и сообщил о его успехах Трощинскому, как бы там ни было, но, вероятно, директор Почтового департамента не был случайным лицом в жизни Венецианова. Появление его имени в первых строках «Автобиографической записки» вполне закономерно.

Знакомство с Боровиковским во многом определило развитие Венецианова. «Вот тут-то я понял, как нужно правильно рисовать»,— передает слова художника его племянник. Под руководством учителя Венецианов делал копии с классических произведений, хранящихся в Эрмитаже.

Тогда же им были созданы портреты «Неизвестного в испанском костюме», А. И. и А. С. Бибиковых и другие. Как уже отмечалось исследователями, воздействие портретного мастерства Боровиковского сказывалось и на протяжении всего творчества художника.

---

* В автобиографической записке Венецианов связывает свое поступление в Канцелярию Трощинского с 1807 г., но так как Трощинский еще в 1806 г. вышел в отставку, то упомянутое событие следует относить, по-видимому, к 1804—1805 гг.

В ту пору кроме Венецианова у Боровиковского занимался И. В. Бугаевский-Благодарный. Возможно, оба ученика жили в доме мастера, как это было тогда принято. К более позднему периоду, к 1817 году, относится замечание Боровиковского о том, что семейство его «состоит из пяти учеников и старухи кухарки».* Даже покинув мастерскую учителя и выйдя на самостоятельную дорогу, ученики не порывали с ним связи. «Заходил Венецианов, говорил об общем»,— писал в своем дневнике Боровиковский 13 февраля 1824 года.** После смерти художника Венецианов и Бугаевский унаследовали его живописные полотна. К ним, близко знавшим учителя, позднее обращались первые биографы и исследователи творчества Боровиковского.

Характерен факт, отразившийся в переписке канцелярии президента Академии художеств за 1826 год, после того как смерть Боровиковского прервала его работу над образами для церкви Харьковского университета. Не зная, кому перепоручить заказ, обратились за рекомендацией к А. Н. Оленину. Он указал на Венецианова. По окончании работы профессорами Академии был дан отзыв о ее качестве: выполнена «с отличным искусством и в совершенно надлежащем порядке». Традиции мастера были восприняты учеником.

На смерть Боровиковского Венецианов откликнулся в письме к Милюковым от 2 апреля 1825 года, называя знаменитого портретиста почтеннейшим и великим мужем, украсившим Россию своими произведениями; художник собирался писать его биографию. Просветительские идеалы, воодушевлявшие Боровиковского, получили продолжение в деятельности его ученика.

Одно из первых начинаний Венецианова — издание «Журнала карикатур на 1808 год». Художник стремился не просто смешить своими карикатурами, но исправлять и воспитывать. «Смех исправляет нравы» — таков эпиграф, который он избрал для своего издания.

Сатира была широко распространена в русской журналистике того времени.

Мой дух горит желаньем
Полезным сделаться порока осмеяньем,—

писал А. Шаховской в том же 1808 году в журнале «Драматический вестник».

Само появление в свет «Журнала карикатур» было вызвано общим оживлением журнального дела в России. В либеральном цензурном уставе 1804 года говорилось, что «скромное и благоразумное исследование всякой истины не подлежит и самой умеренной цензуре, но пользуется совершенной свободой тиснения, возвышающей успехи просвещения».***

Журнал Венецианова не был журналом в общепринятом смысле слова. Издание предполагалось выпускать в виде «тетрадей» по несколько гравиро-

* Алексеева Т. В. В. Л. Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII—XIX вв. М., 1975, с. 327.
** Там же, с. 329.
*** Устав о цензуре. Спб., 1804, с. 10.

ванных листов каждая. Первая тетрадь должна была состоять из четырех изображений и пояснительного текста. Журнал просуществовал недолго. История его возникновения и закрытия прослеживается по публикуемым документам.

В первую субботу января 1808 года вышел лист под названием «Аллегорическое изображение двенадцати месяцев», в следующую субботу — лист «Катание в санях». Третий лист — «Вельможа» — увидел свет в третью субботу, 18 января. В тот же день журнал прекратил существование.

Запрет исходил от императора. Сам ли Александр I, просматривая свежие номера изданий, был возмущен злой сатирой на власть имущих, или кто-то услужливо осведомил его о том, что мелкий чиновник, коллежский регистратор Венецианов посягнул на лицо, стоявшее на высшей ступени служебной иерархии и осмелился его высмеять,— неизвестно. Строгий протокольный слог документа сообщает лишь, что государь император нашел издание «несвойственным», приказал запретить его, а художнику предложил рачительнее исполнять свои прямые служебные обязанности. Венецианову недвусмысленно напоминали, что чиновнику четырнадцатого класса осуждать сильных мира сего не подобает.

Гнев императора и запрещение журнала вызвал лист «Вельможа». В нем усмотрели резкую обличительную сатиру на существующее положение вещей. Не пытаясь воспроизвести черты какого-либо определенного лица, художник изобразил влиятельного сановника, почивающего на ложе, в то время как его ждут дела государственной важности, а приемная наполнена просителями. Среди них: «израненный герой», инвалид с медалями на груди, вдова с ребенком, заимодавец. Все эти персонажи отодвинуты на второй план. В изображении их нет и доли шаржирования. Сатира направлена целиком на вельможу. Уродливое существо с огромной головой и толстыми короткими ногами производит не столько смешное, сколько отталкивающее впечатление.

Гротескный метод шаржирования — искажение пропорций человеческой фигуры — был распространен и в русских народных картинках, и в радикальной сатирической графике Западной Европы конца XVIII века. Английская карикатура в лице одного из виднейших ее представителей, Д. Гильрея, была известна в России. Листы политической карикатуры Гильрея хранились в Эрмитаже и были знакомы Венецианову, имевшему доступ к музейным коллекциям. Достаточно положить рядом карикатуры Гильрея и Венецианова, чтобы параллель между ними оказалась очевидной. *

Тема, затронутая Венециановым, была актуальна. Приемная вельможи служила предметом сатиры как на Западе (Лесаж), так и в России (Капнист,

---

* Гос. Эрмитаж, отдел гравюры: Gillray „Good cases for Discontent or the Jersey Smuggler detected". Инв. N 356597; „Dido in Defpair". Инв. N 359. См. также: Mr Gillray. The Caricaturist. A Bibliography with 147 Illustrations by Draper Hill. London, 1965, ill. 110. — „Lovers Dream" (1795); Historical and descriptive account of the caricature of James Gillray. London, 1851, p. 61.

Крылов, Державин). * В «Почте духов» И. А. Крылова, с которой Венецианов наверняка был знаком и по первому изданию 1789 года и по переизданию 1802 года,— главный персонаж, гном Буристон, «присутствовал в кабинетах вельмож», «снимал маски с лицемеров». ** Он видел «многочисленное общество здоровых и изуродованных бедняков», которые ждали в приемной. Среди них — инвалид с деревянной ногой, образ, аналогичный тому, что был выведен Венециановым в карикатуре на вельможу. Тот же персонаж встречается и в одноименной оде Г. Р. Державина.

А там — на лестничной восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный старый воин, тот
Тремя медальми украшенный.

Исследователи творчества Венецианова проводят прямые параллели между этими двумя произведениями. *** В карикатуре на вельможу можно отыскать тех же действующих лиц, что и в оде Державина «Вельможа»: от «израненного героя» и инвалида с тремя медалями на груди до вдовы с ребенком на руках.

А там — израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой,
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твоей приказ,—
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час! ****

Ода Державина «Вельможа» была выпущена вторым изданием в том же 1808 году, что и карикатура на вельможу Венецианова. Что разрешалось вознесенному на Олимп Державину, то было безоговорочно запрещено Венецианову. В данном случае различная цензурная мерка была обусловлена не только несоизмеримостью социальной репутации знаменитого поэта и безвестного художника, хотя, конечно, и этот факт сыграл свою роль, но, надо думать, что на пропуск в печать державинского «Вельможи», при одновременном запрещении его венециановского двойника, повлияло опасение — и, вероятно, не безосновательное,— что зрительная осязаемость карикатуры окажет более сильное действие, нежели одическое повествование в стихах Державина. Подобное предположение можно подкрепить дальнейшим ходом событий; ис-

* Эпиграммы на вельможу В. В. Капниста, П. А. Вяземского, А. Н. Нахимова. — В кн.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975, с. 118, 184, 216, 220.

** Крылов И. А. Собр. соч. М., 1945, т. I, с. 155—156.

*** Савинов, с. 28; Алексеева, с. 22.

**** Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957, с. 214.

тория русской цензуры неоднократно засвидетельствовала дифференцированный подход к адекватным темам и сюжетам в различных видах искусства.

Одним веским словом Александр I отодвинул на десятилетия появление русской журнальной сатирической графики. Однако это не помешало Венецианову остаться в глазах потомков отцом русской карикатуры.*

Изъятие из продажи «Журнала карикатур» поставило Венецианова в затруднительное положение. Он собрал по подписке более 800 рублей, истратил их на подготовку материала, который был уничтожен в цензурном комитете, и «поставив себя, таким образом, в обязательство с публикою», подвергся «совершенному расстройству». Художник вновь просил о позволении издавать теперь уже другой журнал, из истории Петра I, и тем самым, возместив затраты, рассчитаться с публикой. Но, несмотря на полученное разрешение, ни одного номера предполагаемого журнала не вышло. Заменить одну разработанную тему другой «на ходу» было невозможно. Лишь три десятилетия спустя художник обратился к историческому сюжету из Петровской эпохи.

Первый опыт Венецианова в области карикатуры получил продолжение; через несколько лет он направил свое сатирическое дарование против пороков общества: французомании или «чужебесия». В годы «тильзитского позора» тема низкопоклонства перед иностранцами была особенно актуальна. Истоки этой темы обнаруживаются в отечественной журналистике второй половины XVIII — начале XIX столетия. «Жалкая тошнота по стороне чужой» осмеивалась еще в сатирической литературе 1780-х годов. Прозвучала она и в «Почте духов», и в «Модной лавке» Крылова, а позже получила отражение в творчестве Венецианова.

Художник, как ранее в карикатуре на вельможу, следовал лучшим традициям русской сатирической литературы своего времени. В 1812—1813 годах он создал серию гравированных листов, объединенных темой разоблачения слепого подражания иностранцам. Тема эта, что называется, витала в воздухе. Французский парикмахер, французский магазин, модная лавка — сюжеты многочисленных сатир литераторов и художников.

Герой одной из карикатур Венецианова — «Французский парикмахер» — кажется зрительным воплощением образа, выведенного Крыловым в «Почте духов»: «Прибор его соответствовал чистоте его ремесла, а его лицо изображало важность, приличествующую глубокомысленному министру; и сколько наружность доказывала его состояние, столько поступки опровергали сии доказательства. Мне казалось, что я видел в нем знатнейшего придворного, переодетого в парикмахерское платье».** Образы, созданные литератором и художником, схожи. У обоих один источник — реальная действительность.

Современник художника, Ф. Ф. Вигель, вспоминал о своей матери, как за «полторы сутки до какого-то славного бала была она причесана рукою

---

* Петров, с. 268.
** Крылов И. А. Собр. соч., т. 1, с. 59.

искуснейшего тогда парикмахера, разумеется француза, который двое суток сряду должен был работать над головами всех, желающих быть по моде. Зато что за прическа! Все тут было: и бастионы, и башни, и ленты, и цветы, и блонды, и пудра, и помада, и все это вздымалось на аршин вышины над головою».* И хотя со времен молодости матери Вигеля до начала 1810-х годов мода на прически переменилась, французские парикмахеры все так же оставались в почете.

Персонаж другой карикатуры Венецианова — «Деятельность француженки в магазине» — опять-таки зрительно воплощает образ, данный Крыловым в «Почте духов». «Старуха была из числа тех торговок, продающих модные женские уборы, кои получают более прибытка от переноса любовных писем, от склонения молодых девушек к любви и от назначения любовникам свиданий, нежели от продажи кружев, чепчиков и модных шляпок». **

Не только заезжие авантюристы служили предметом сатиры художника, но и невежественные легкомысленные клиенты: посетители модных лавок, восхищавшиеся платьями «цвета сдерживаемых вздохов» и «совершенной невинности», туфлями с носками, вытянутыми «стерлядкою», и чулками тончайшей паутинной пряжи. «Кузины наши,— писал С. П. Жихарев,— показывали мне свои наряды: кружева, кружева и кружева; есть и четверть аршина шириною. Много денег оставлено в магазине Обер-Шальме! достаточно было бы годовое продовольствие иному семейству. Недаром старики эту Обер-Шальме переименовали в Обер-Шельму». ***

Модные лавки и их содержательницы, торгующие заморским товаром, высмеивались Венециановым. Дородная содержательница магазина в шали, наброшенной поверх декольте,— «Французский магазин помады и духов» — предлагает щеголю свой товар: коробочки и флаконы с румянами, духи и пудру. Как бабочка к огню, тянется к ним легковерный франт. «Французское ли это?» — «О, мосье, самое свежее». Трудно сказать, кому больше достается в этой карикатуре — ловкой француженке или доверчивому покупателю.

Серия бытовых карикатур Венецианова заняла существенное место в сатирической графике своего времени. Как уже говорилось, она имела прямые тематические аналогии в литературе. Сюжет гравюры Венецианова «Французское воспитание» находит параллели в сатирических произведениях А. Н. Радищева и Д. И. Фонвизина. Рассказ Радищева о безграмотном французе лакее, ставшем учителем, равно как и колоритная фигура Вральмана в комедии Фонвизина «Недоросль»,— все это имело реальную основу. Когда граф И. И. Шувалов выписал из Франции восемь лакеев для Пажеского корпуса, чадолюбивые родители тотчас переманили их к себе для воспитания де-

* Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928, т. 1, с. 28.

** Крылов И. А. Собр. соч., т. 1, с. 47.

*** Жихарев С. П. Записки современника. Ред., статья и коммент. Б. М. Эйхенбаума. М. — Л., 1955, с. 12, 692.

тей. В Москве уроженец Прибалтики, выдавая себя за француза, учил финскому языку.* Венецианов не ограничивался областью бытовой карикатуры. Вместе с И. И. Теребеневым, И. А. Ивановым и другими художниками он участвовал в создании политических карикатур эпохи Отечественной войны 1812 года.** Ему принадлежала серия листов на темы партизанской войны. В основе сюжетов лежали реальные события, отраженные в военной публицистике и в журнале «Сын Отечества».***

Сатирические листы, в том числе и выполненные Венециановым, можно было видеть во всех книжных лавках Петербурга: у И. Глазунова, И. Заикина, Я. Сленина. «Санкт-Петербургские ведомости» регулярно помещали объявления об их продаже. Карикатуры выставлялись в витринах, продавались коллекциями и «порознь». Они повторяли традиции русских народных картинок и воспринимались как произведения «площадного искусства».

Прошло десять лет с тех пор как Венецианов в первый раз приехал в столицу с твердым намерением посвятить себя живописи. Природный талант и ученичество у Боровиковского позволили ему миновать тернистую дорогу академического образования. Он стал мастером своего дела. Но оставаться дольше недипломированным художником было нельзя. В государстве, где все подчинялось строгой регламентации, каждый живописец, если он хотел получить признание и возможность иметь официальные заказы, должен был «поклониться» Академии художеств. Венецианов так и поступил.

В феврале 1811 года он представил на рассмотрение Совета Академии «Автопортрет» с просьбой присвоить ему за эту работу звание «назначенного», то есть кандидата в академики. Звание было дано сразу же: работа полностью отвечала требованиям Академии.

В начале XIX века жанр автопортрета был особенно распространен. Известны автопортреты современников Венецианова — О. А. Кипренского, А. Г. Варнека, К. П. Брюллова, С. Ф. Щедрина, С. С. Щукина и других, в которых образы даны в романтически опоэтизированном ключе. «Автопортрет» Венецианова выполнен иначе: в нем больше строгости, «приземленности». Художник представил себя за работой: с кистью и палитрой в руках. Большой лоб венчает копна густых волнистых волос. Глаза сосредоточенно смотрят на мир. Это образ труженика, принадлежащего к цеху живописцев.

---

* Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Комментарий. Л., 1974, с. 229.

** Подробнее об этом в кн.: Каганович А. Л. И. И. Теребенев. Л., 1956.

*** Черкесова Т. В. Политическая графика эпохи Отечественной войны 1812 года и ее создатели. — В кн.: Русское искусство XVIII — первой половины XIX века. М., 1971; Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967. Армейские летучие издания («Россиянин», «Известия»), выпускавшиеся в походных типографиях, собрали вокруг себя литераторов, служивших в русской армии. Среди них был В. А. Жуковский, с которым позднее Венецианов познакомился в Петербурге.

Первую ступень академической «табели о рангах» Венецианов преодолел быстро. На звание академика ему было предложено написать портрет инспектора Воспитательного училища Академии К. И. Головачевского. Соученик А. И. Лосенко, еще до основания Академии ставший художником, Головачевский был патриархом среди своих коллег-преподавателей. «Все его манеры и одежда принадлежали к первому времени основания Академии ⟨...⟩ на плечах летом и зимой имел красный плащ, что делало его личность торжественною»,— вспоминал Ф. И. Иордан. *

В знаменитом плаще на плечах, в окружении трех мальчиков воспитанников изобразил Головачевского Венецианов. Фигуры мальчиков символизировали союз «трех знатнейших художеств»: живописи, скульптуры и архитектуры. Головачевский являл собой олицетворение единства старой Академии с новой, молодой ее порослью. Работа Венецианова была принята Советом. В сентябре 1811 года он получил звание академика.

Венецианов-портретист развивал лучшие традиции русского живописного портрета XVIII века, воспринятые в период ученичества у Боровиковского. Его кисти принадлежат портреты современников: М. П. Родзянко (1806), А. И. и А. С. Бибиковых (1807—1809), М. А. Фонвизина (1812). Характерен круг изображенных лиц. М. П. Родзянко — офицер Павлодарского гусарского полка, участник кампании 1806 — 1807 годов, а позднее Отечественной войны 1812 года, адъютант П. Коновницына. В середине 1810-х годов Родзянко состоял членом петербургской масонской ложи Соединенных друзей. В 1826 году его имя значилось в списке причастных к восстанию на Сенатской площади. Членами ложи были А. С. Грибоедов, П. Я. Чаадаев и другие участники декабристского движения.

Двое других изображенных Венециановым — А. И. Бибиков и М. А. Фонвизин — офицеры лейб-гвардии Измайловского полка, участники наполеоновских войн. Биограф Фонвизина В. И. Семевский сообщил, что в Измайловском полку существовал кружок. Его члены вели беседы, предметом которых были политические, общественные и научные вопросы. Возглавлял кружок будущий декабрист М. А. Фонвизин. **

Степень близости Венецианова к тем, кого он портретировал, определить трудно. Эпистолярии, мемуары и документы дают слишком отрывочные сведения, чтобы по ним можно было восстановить круг знакомств художника этих лет. Однако можно думать, что он тянулся к передовым людям своего времени. Доказательством служит упоминание имени Венецианова в списке членов Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения.

Целью Общества было «распространение грамотности в простом народе». Учрежденное «Союзом благоденствия», оно предусматривало в своем уставе

* Иордан Ф. И. Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана. М., 1918, с. 9.

** Семевский В. И. Общественное движение в России в первой половине XIX века. Спб., 1905, т. 1, с. 2—3.

открытие в Петербурге ланкастерских школ «для обучения детей обоего пола чтению, письму, арифметике, катехизису». Общество должно было «изготовить таблицы, книги и все другие пособия для сих училищ и стараться об учреждении в других городах России отделений своих для содействия той же цели». Просветительские идеалы Венецианова совпали с задачами Общества; участие в его деятельности расширяло круг знакомств и вводило художника в среду передовых, патриотически настроенных людей. *

Исключительно ценные сведения можно извлечь из ознакомления с составом членов Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения. Конечно, было бы рискованно предполагать, что художник был знаком со всеми его участниками. Речь идет, в первую очередь, не о почетных членах, среди которых мы встречаем имена государственных сановников и крупных военных: А. А. Аракчеева, М. С. Воронцова, М. М. Сперанского, С. С. Уварова и других. Хотя и в этом списке были лица, с которыми общался художник: например, А. Н. Голицын, В. П. Кочубей, А. Н. Оленин.

Знакомых Венецианова следует искать в числе рядовых членов Общества и членов управляющего комитета. Художник достаточно хорошо знал председателя Ф. П. Толстого, помощников председателя Ф. Н. Глинку и Н. И. Греча, секретарей В. И. Григоровича и В. К. Кюхельбекера. С большой долей вероятности можно предположить, что уже в те годы художник имел личные и деловые контакты с писателями и художниками, входившими вместе с ним в Общество: В. А. Жуковским, И. А. Крыловым, Д. И. Хвостовым, В. И. Панаевым, И. П. Мартосом и другими. Дальнейшие изыскания, возможно, позволят найти материалы относительно встреч Венецианова и с теми членами Общества, которые участвовали в декабристском движении: И. Г. Бурцовым, Н. М. Муравьевым, А. Н. Муравьевым, С. П. Трубецким, К. А. Охотниковым.

Достаточно сказать, что в списке действительных членов Общества, составленном «по старшинству их вступления», имя академика А. Г. Венецианова значится под № 17. **

Прямых документальных свидетельств о деятельности художника в ланкастерском Обществе не сохранилось. Косвенным доказательством того, что вступление его в члены Общества не было случайным, служит работа Венецианова над оформлением книги А. Д. Стога «Об общественном призрении в России» (1818). Автор посвятил свой труд проблеме «человеколюбия», входящего в число «первейших обязанностей» «народоправителей и правительств». Венецианов исполнил виньетку на титуле книги: аллегорическая фигура, символизирующая «Мудрость», и надпись: «К общественному благу». Тематика изображения, как и самой книги, перекликалась с филантропическими и гражданскими идеями, близкими декабристскому «Союзу благоденствия».

* Подробнее об этом см.: Русская старина, 1881, т. 30, с. 181; Базанов В. Г. Ученая республика. М. — Л., 1964, с. 12—33.

** Сын Отечества, 1819, ч. XIII, с. 94—95.

Сходные задачи преследовал Венецианов и при издании литографированных портретов известных исторических деятелей. Правда, начинание это, равно как и книга Стога, относится к 1818 году, когда идея Общества еще только носилась в воздухе. Тем характернее, что замысел Венецианова 1818 года вполне соответствовал духу Общества, которое было официально утверждено лишь в январе 1819 года.

Издание, предпринятое художником, отчасти напоминало форму, избранную некогда для «Журнала карикатур»: каждый портрет должен был сопровождаться «жизнеописанием» изображенного лица. Во время работы Венецианов пользовался собранием картин В. П. Кочубея, где хранились портреты «великих людей России» работы неизвестных художников, а также живописной коллекцией А. Н. Голицына. И Кочубей, и Голицын являлись членами Ланкастерского общества. «Жизнеописания» написаны не были, портреты же Венецианов исполнил. Печатались они в литографии Министерства иностранных дел, которую возглавлял также член Общества П. Л. Шиллинг.

Исследователь творчества художника Т. В. Алексеева полагает, что литографии могли быть использованы «в качестве пособия для училищ» Ланкастерского общества. Круг изображенных исторических деятелей — Петр I и его сподвижники — прямо отвечал задачам познания истории отечества, которые Общество ставило перед своими членами.

Участие Венецианова в Обществе позволяет не только обозначить его окружение на исходе 1810-х годов, но и наметить другой, не менее важный для нас аспект: вероятно, существует внутренняя социально-психологическая взаимосвязь между членством в ланкастерском Обществе и настойчивым стремлением художника к педагогической деятельности. Начиная с 1818 года он пытается создать собственную школу, воспитанниками которой станут начинающие живописцы из крепостных крестьян или людей «простого звания».*

1819 год был для Венецианова насыщен событиями. Художник представил свои труды императорскому двору. В немногословном деловом послании он извещал статс-секретаря Н. М. Лонгинова, что желал бы поднести исполненные им портреты великих людей России императрице Елизавете Алексеевне. Перелом правой руки временно лишил Венецианова возможности работать. Надежда на то, что труд художника будет оценен по достоинству, не покидала его. Вознаграждение последовало: золотая табакерка с финифтью была вручена Венецианову летом 1819 года.

Тогда же Венецианов вышел в отставку. Два десятилетия канцелярской службы, хождения в департамент, обязанности быть затянутым в мундир

---

* Т. В. Алексеева относит возникновение школы Венецианова к 1818 г., опираясь на свидетельство художника (1843) о том, что «в 1818 году, оставя службу», он «посвятил себя исключительно обучению молодых людей живописи (Алексеева, с. 27).

В автобиографической записке (1840) Венецианов указывает другую дату оставления им службы — 1819 г. См. с. 181 данного издания.

Почтового, а позднее Лесного ведомства, куда он определился в 1809 году, остались позади.* Художник уехал в деревню.

Во второй половине 1810-х годов стремление к свободному и независимому существованию — в «укромных уголках» и «сельских домиках» — было явлением распространенным.

В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

Одни искали в деревенской жизни тишины, другие старались сочетать уединение с полезной деятельностью. «У нас,— писал будущий декабрист П. Каховский,— молодые люди при скудных средствах занимаются более, чем где-либо. Многие из них вышли в отставку и в укромных своих сельских домиках учатся и устраивают благоденствие и просвещение земледельцев». **

Венецианов оставил службу и удалился в деревню с тем, чтобы целиком посвятить себя живописи. Намерения свои он начал осуществлять сразу же. Пока шло оформление купчей крепости и закладывался фундамент будущего дома в сельце Сафонково (Вышневолоцкого уезда Тверской губернии), художник работал. Жил он в то время в имении, принадлежавшем родственникам жены, в соседнем Ржевском уезде, и писал ближайшее свое окружение — соседей помещиков: Путятиных, Стромиловых, Балакшину. В их портретах он воссоздал тип русского провинциального дворянства, который был представлен Пушкиным в «Евгении Онегине» и «Повестях Белкина».

Мечтателен облик провинциальной барышни с книгой в руках — портрет В. С. Путятиной (в замужестве Поздеевой) 1815—1816 годов. Проста ее прическа, скромен деревенский наряд, незатейлив фон — ветка рябины, лопухи, куст боярышника. В портретах этого цикла — Л. А. Стромиловой, Е. А. Балакшиной, Е. А. Венециановой — нет романтической приподнятости, свойственной портретным работам В. Л. Боровиковского или О. А. Кипренского. Они непритязательны в своей простоте и жизненной правде.

Тем временем постройка сафонковского дома подошла к концу. Семейство Венециановых — Алексей Гаврилович, Марфа Афанасьевна и две их дочери, Александра и Фелицата,— перебралось в Сафонково. О том, каково было жилище, служившее художнику до конца его жизни, можно судить по фотографии, сделанной в 1911 году Б. И. Аникиным. *** Двухэтажный деревянный дом с балконом на резных столбиках возвышался посреди обширной поляны.

* Дело «об определении регистратора Венецианова в С.-Петербургскую губернию землемером» было начато 15 ноября 1809 г. и окончено 15 марта 1819 г., когда, согласно «Автобиографической записке», художник вышел в отставку. Дело не сохранилось. Упоминание о нем было найдено А. Н. Савиновым в описи различных дел Департамента государственных имуществ Министерства финансов. Дело канцелярии. — ЦГИА, ф. 379, оп. 34, № 25 (см.: Савинов, с. 53.).

** Декабристы. М: — Л., 1951, с. 508.

*** ГТГ, ф. 38, № 69.

Три раскидистых дуба росли перед окнами. Поодаль находились избы, амбары, сараи. Крестьянских построек было не много, так как за сафонковским помещиком числилось всего около семидесяти душ.

Каждого Венецианов знал в лицо и по имени. Многие стали его постоянными натурщиками. Одну из девочек, Капитолину, дочь крестьянки Прасковьи Назаровой, Венециановы взяли в дом: присматривать за младшей дочерью Фелицатой. Бойкая, смышленая девочка с открытым лицом послужила моделью для одной из известных работ художника — «Капитошка», дошедшей до нас в литографии А. В. Тыранова (оригинал не сохранился). «Настя и Маша», «Параня со Сливнева», «Анисья» — конкретные, реальные образы, написанные со знакомых художнику крестьян.

Точные даты выполнения многих работ неизвестны. Установить хотя бы приблизительно время создания некоторых помогают документальные свидетельства. Из деловой переписки 1822 года становится известно о поднесении Венециановым императрице Елизавете Алексеевне двух картин «в сельском домашнем роде», писанных пастельными красками. По предположению Т. В. Алексеевой одной из этих картин была «Жница» * — молодая крестьянка, изображенная в синем сарафане и малиновом кокошнике с серпом на плече. Картина появилась, очевидно, не позднее 1821 года. Художнику был пожалован бриллиантовый перстень и шестьсот рублей. Второй картиной могла быть пастель «Анисья». Эта картина датирована художником 1822 годом. **

Венецианов не состоял преподавателем Академии художеств. Большую часть года проводил вдали от Петербурга. Его мало знали. И хотя он, благодаря званию академика, имел право на государственные заказы, предложений ему не делали. Угроза забвения нависла над художником. Она заставляла его напоминать о себе.

Ободренный принятием и поощрением своих трудов при дворе, Венецианов год спустя решился поднести новое свое произведение императору. Александр I принял дар, пожаловал художнику 1000 рублей и приказал хранить картину в бриллиантовой комнате Зимнего дворца. Это произведение — «Очищение свеклы». Оно изображает группу крестьянок за чисткой овощей. В композиционном и колористическом отношении эта работа значительно сложнее предшествующих. В ней сказывались опыт и умение владеть техникой пастельной живописи. Картина была занесена в каталог Эрмитажа и заняла достойное место в его собрании.

---

* Алексеева, с. 146.

** Зильберштейн И. С. Парижские находки. Огонек, 1967, № 50, с. 9. Акварельный этюд к этой картине хранится в Калининской областной картинной галерее, под названием «Крестьянка, расчесывающая лен», и изображает Анисью, дочь крестьянина Николая Лукьянова из деревни Микашихи (Кац Л. Анисья из деревни Микашихи. — Калининская правда, 1980, 15 янв.).

Успех окрыляюще подействовал на Венецианова. «Оживило меня и заставило себя посвятить совершенно живописи» — так несколько лет спустя писал художник в одном из писем к А. Н. Оленину.

Венецианов по-прежнему большую часть года проводил в Сафонкове, но наезды в Петербург приобрели теперь строгую целеустремленность. Встречи и беседы в мастерской Боровиковского, посещения Академии и Эрмитажа заполняли почти все время. В одну из таких поездок художник познакомился с произведением французского живописца Фансуа Гране «Внутренний вид капуцинского монастыря в Риме». Картина, приобретенная в 1820 году Александром I и выставленная в Эрмитаже, имела успех. Известный мозаичист Г. Векклер повторил ее в мозаике. Художники дискуссировали по поводу эффекта освещения, который применил живописец, чтобы создать иллюзию пространства.

Картина Гране произвела большое впечатление и на Венецианова. Позднее он вспоминал, что более месяца каждый день просиживал перед нею. «Сия картина произвела сильное движение в понятии нашем о живописи. Мы в ней увидели совершенно новую часть ее, до того времени в целом не являвшуюся: увидели изображения предметов не подобными, а точными, живыми, не писанными с натуры, а изображающими самую натуру»,— отмечал художник в 1831 году в письме к издателю «Литературных прибавлений» к «Русскому инвалиду» А. Ф. Воейкову.

Письмо к Воейкову было написано спустя двадцатилетие после появления картины Гране. Вероятно, Венецианов несколько преувеличил ее значение. Выполненное в сухой, протокольной манере, произведение Гране послужило лишь импульсом для решения проблем, давно волновавших художника. «Оживотворение предметов», правдивая передача натуры занимала его. Он решил превзойти Гране, уехал в деревню и принялся работать. Результат этого — картина «Гумно» являлась своего рода экспериментом. Художник стремился отойти от образцов, которым он следовал долгие годы, занимаясь копированием в Эрмитаже, и «изображать не иначе, чем в натуре является».

Из воспоминаний А. А. Венециановой создается впечатление, что тотчас по приезде в деревню художник занялся работой над «Гумном» и в 1821 году картина была закончена. Но воспоминания создавались в 1860-х годах, много позже описываемых событий, и память могла изменить мемуаристке, тем более что ей в ту пору, когда писалась картина, не было и пяти лет. «Гумно» создавалось не в 1821, а в 1822—1823 годах.* Большая подготовительная работа предшествовала появлению этого программного произведения.

О ней умалчивают документальные материалы, зато красноречиво говорит графическое наследие художника. Избы и деревья, рисованные «с натуры в Порхове 17 мая 1821», крестьянские постройки, сараи, амбары и изгороди — вся эта «деревенская архитектура» не случайно появилась в рисунках и

* Алексеева, с. 146.

гравюрах Венецианова этого времени. Отобрав мотивы, продумав замысел, обобщив опыт натурных зарисовок, принялся он за дело. Первоначальное намерение соперничать с Гране уступило место более серьезной и глубокой задаче.

Из всей окружавшей художника «деревенской архитектуры» он выбрал обширное и просторное гумно, которое давало возможность построить перспективу по всем правилам начертательной геометрии. И если в картине французского живописца иллюзорность пространства достигалась «фокусным» освещением, то Венецианов решил отказаться от каких-либо внешних эффектов и воспользоваться лишь тем, что давала сама природа. Свет, который через дверь гумна проникал внутрь, был недостаточен. Чтобы усилить его, выпилили одну из стен, и потоки лучей, не «сфокусированных», а естественно льющихся в открытый проем, заполнили пространство, освещая ряды бревен и досок.

Многолетняя привычка к копированию сковывала Венецианова. Фигуры позирующих крестьян казались статичными, но все же задача была выполнена: художник преодолел технические сложности перспективно-пространственного решения и максимально приблизился к «натуре», к жизненной правде.

«Лучшею из картин Венецианова должно почесться Русское гумно. Какая правда! Какое знание перспективы! 〈...〉 Художник взял на себя слишком большую обязанность — соблюсти эффект в трех светах, чего не осмелился и сам Гране»,— напишет позднее П. П. Свиньин в журнале «Отечественные записки».

В Сафонкове достижения Венецианова могли оценить лишь Никифор Крылов, ученик художника, да немногие доброжелательно настроенные соседи. Только в Петербурге — центре художественной жизни — мог получить Венецианов истинное признание. Он стал собираться в столицу. Надежды и сомнения волновали его. Художник мечтал о том, чтобы «Гумно» нашло себе место в собрании Эрмитажа, «на одной стене с Гранетом».

Судьба картины зависела от многих обстоятельств. Венецианов, по приезде в Петербург, решил представить ее ко двору. Художник помнил, как когда-то Александр I запретил «Журнал карикатур». Ему ничего не стоило и теперь расценить «Гумно» как очередную «перспективу», которых и без того достаточно в его собрании. Следовало подготовить мнение самодержца. Сделать это можно было только через влиятельное официальное лицо. Нужен был человек, одновременно совмещающий в себе «хорошую» фамилию, служебное положение, чин и близость к «художествам». Таким человеком, расположенным к Венецианову, оказался П. А. Кикин. Боевой генерал, участник Отечественной войны 1812 года, статс-секретарь и в то же время один из основателей Общества поощрения художников, Кикин покровительствовал Венецианову. Он взялся сообщить о нем Александру I «с лучшей стороны».

Однако это произошло не сразу. Три месяца провел художник в напряженном ожидании, пока наконец Кикин не сделал представление. Александр I,

подготовленный статс-секретарем и помнивший Венецианова по прежним его занятиям в Эрмитаже, благосклонно принял картину. Художнику было пожаловано три тысячи рублей. «Гумно» внесли в каталог Эрмитажа. Венецианов увидел себя «на одной стене с Гранетом».

Тем не менее опасения, волновавшие художника накануне отъезда его из Сафонкова в Петербург, во многом оправдались. «Гумно мое всеми принято очень хорошо, кроме художников»,— писал он Н. П. Милюкову 27 марта 1824 года. За этой фразой стояло многое. Если накануне Отечественной войны, в 1811 году, Академия удостоила Венецианова звания академика портретной живописи и приоткрыла ему доступ в свою среду, то к 1820-м годам положение переменилось. Усилилась цеховая, кастовая замкнутость служителей искусства.

Симптоматично, что в то время как Венецианов, заканчивая «Гумно», собирался в столицу, Петербург оказался свидетелем необычной полемики. Издатель «Журнала изящных искусств» В. И. Григорович получил декларативное послание от художников, подписавшихся инициалами «Н» и «О».* Авторы утверждали, что давать оценки и судить об искусстве имеют право лишь те, кто получил профессиональную подготовку в стенах Академии. Традиционная система художественных представлений, насаждаемая официальной школой, возводилась в абсолют. Точка зрения, изложенная корреспондентами журнала, отражала настроение значительной части приверженцев строгого академизма.

Венецианов не принадлежал к их числу. Он стоял особняком. Не столько оттого, что не прошел систематического курса, сколько от независимости взглядов, сформировавшихся вне русла академических традиций. Творчество его было явлением самостоятельным. В произведениях «Очищение свеклы», «Гумно», «Утро помещицы» художник стремился к правдивому отражению действительности. Это не соответствовало эстетическим нормам, которые господствовали в Академии художеств середины 1820-х годов.

Однако, вопреки ожиданиям, творчество художника вызвало интерес. К счастью для Венецианова, художественная критика того времени не была подвластна Академии. Статьи об искусстве, о выставках писали люди, далекие от академического Олимпа. Здесь, в первую очередь, необходимо назвать имена издателей: «Отечественных записок»— П. П. Свиньина и «Журнала изящных искусств»— В. И. Григоровича. Оба они были членами Общества поощрения художников, которое, пользуясь поддержкой императорской фамилии, выказывало определенную самостоятельность в своих начинаниях и практической деятельности. По существу, одним из проявлений независимости от Академии явились похвальные отзывы о произведениях Венецианова, помещенные этими двумя журналами.

* Журнал изящных искусств, 1823, с. 340, 521.

«Наконец мы дождались художника, который прекрасный талант свой обратил на изображение одного отечественного, на представление предметов его окружающих, близких к его сердцу и к нашему»,— писал П. П. Свиньин в журнале «Отечественные записки». Новизна тематики, избранной Венециановым, отвечала веяниям времени.

Вопрос о проблеме национального в русском искусстве стоял особенно остро. В 1819 году в Петербурге открылся первый музей русского искусства — Русский музеум П. П. Свиньина. Тогда же в Эрмитаже была основана «Галерея Художественных произведений Русской школы». Одними из первых картин, поступивших в собрания национального искусства, были картины Венецианова. Они стали известны публике. О них заговорили. Самобытность, свежесть сюжетов привлекали внимание, позволяли надеяться на успех русской школы. «Может быть, через некоторое время Российская школа не только бы сравнялась, но и превзошла многие из современных школ живописи»,— писал О. М. Сомов в журнале «Сын Отечества». *

Не только любители, но и представители академических кругов прислушивались и присматривались к деятельности Венецианова; помимо произведений, принятых в собрание Русского музеума и Эрмитажа, художник собирался представить на готовящуюся академическую выставку 1824 года еще несколько своих работ. Это насторожило Академию; она сочла себя обязанной откликнуться на новое направление в живописи. Совет Академии, задавая программу оканчивающим курс, ввел в нее необычную до сих пор тему. Художникам Ф. Г. Солнцеву, В. И. Грязнову и П. И. Пнину предлагалось изобразить сцены из жизни простого народа: «Крестьянское семейство» и «Шашечная игра». Работы эти были выполнены и экспонировались в первом зале академической выставки 1824 года, которая стала значительным событием художественной жизни Петербурга. Она открывала традицию трехгодичных академических выставок. Каждые три года Академия отчитывалась в своих достижениях. На этот раз художники столицы представили более трехсот работ.

Картины Венецианова разместили в третьем зале. Это были: «Крестьянка», «Крестьяне», «Крестьянка с грибами в лесу», «Крестьянка, занимающаяся чесанием волны в избе», «Крестьянские дети» и другие. Перед ними постоянно толпились зрители. «Академические аристархи,— писал позднее П. Н. Петров,— никак не могли понять, при своем взгляде на вещи, что может здесь нравиться публике, толпящейся перед маленькими холстиками мужичьих портретов, когда их собственные высокоблагородные сюжеты и портреты высокопоставленных лиц заслуживают лишь мимолетного взгляда проходящих по выставке». **

Произведения той же тематики, но принадлежавшие выпускникам Академии — Солнцеву, Грязнову, Пнину, подобного успеха не имели. Их отличал

* Сын Отечества, 1820, ч. 66, № 51, с. 229.
** Петров, с. 461.

внешний, псевдонародный характер, и противостоять жизненной конкретности венециановских полотен они не могли.

Периодическая печать того времени отмечала, что публика, заполнившая залы Академии, была необычной. Начиная с 1820 года помимо «благородного сословия» в Академию был допущен простой народ. Бесплатный вход — во всю первую половину срока действия выставки — позволял зрителям «без всякого разбора» осматривать экспозицию. «Эти матросы, извозчики, лакеи ⟨...⟩ эти женщины в лохмотьях, которые толпятся ⟨...⟩ вся эта праздная толпа зевающего народа, зачем вошла сюда и что вынесет для ума и для сердца?» — вопрошал Н. И. Гнедич. *

Итак, перед картинами Венецианова кроме любителей художеств стояли вчерашние крестьяне, те, что были отпущены в город по оброку и сохраняли самые тесные связи с деревней. В мальчике, пролившем бурачок с молоком, в крестьянке, расчесывающей лен в избе, они видели близкие им образы. «Если большому стечению народа в нынешний раз противу прежних годов было причиною одно только любопытство, а не распространяющийся вкус к художествам, то и здесь видна уже польза,— писал П. П. Свиньин в «Отечественных записках»,— у нас еще весьма часто истинные таланты кроются под корою голого тулупа». **

Венецианов чутко прислушивался к мнениям окружающих. Чтобы получить объективную оценку своих работ, он обратился к издателю «Журнала изящных искусств» В. И. Григоровичу. Еще до открытия выставки художник просил сделать строгий разбор его произведений. Григорович откликнулся. Извещая читателей журнала о предстоящем вернисаже, он сообщил, что среди новых художественных произведений первое место занимают картины Венецианова. В обзоре академической выставки издатель также уделил большое внимание работам художника. Оценивая произведения Венецианова с позиций достижений русской национальной школы живописи, он находил, что они оригинальны «приятностью кисти, точностью освещения и правдою без прикрас».

Высоко ставил Венецианова и П. П. Свиньин, опубликовавший в журнале «Отечественные записки» разбор картин художника. «Подвиг г. Венецианова тем еще значительнее, что без сомнения обратит многих художников к последованию ему, а имя его будет так же прославлено и любезно нам, как имя Вильке в Англии, как Мьериса в Нидерландах»,— писал он.

Восторженный пафос Свиньина, высоко оценившего «подвиг г. Венецианова», похвалы Григоровича, всеобщее одобрительное мнение — все неоспоримо говорило о триумфе художника.

Словно позабыв о сложностях в отношениях с Академией, Венецианов решил преодолеть барьер, отделяющий его от официальных художественных кру-

* Сын Отечества, 1820, ч. 64, с. 255.
** Отечественные записки, 1820, ч. 3, с. 272.

гов: получить звание советника живописи, а вместе с ним право преподавать в Академии. Тринадцатилетний «стаж» академика и признание достоинств новых работ позволяли надеяться на успех. Для получения звания нужно было выполнить «программную» картину. Академия, зная, что произведения художника благосклонно приняты при императорском дворе и удостоены всеобщего признания, не нашла повода отказать. Совет предложил ему изобразить Александро-Невскую лавру.

Программу Венецианов получил осенью 1824 года. Работать предстояло с натуры. Промозглая петербургская непогода, ранние холода, пронизывающие ветры, моросящие дожди, холод внутри собора явно не способствовали работе. Сюжет оказался не по сезону. Приходилось оставить задуманное или изменить программу. Академия пошла навстречу, и назначение переменилось. Новой программой стало изображение натурного класса Академии.

Задание не было лишь формальной проверкой умения художника грамотно построить перспективу. Натурный класс составлял гордость Академии, в особенности ее президента А. Н. Оленина. Когда в 1817 году, в начале поприща на посту главы Академии, Оленин принимал здание, оно производило впечатление крайней запущенности. Вспоминая о времени своего ученичества, скульптор Н. А. Рамазанов писал, что в натурном классе было «и грязно, и душно, и стирка [куски хлеба для стирания итальянского карандаша и сангины. — *А. К.*] чем-то пахнет».* А главное, коптящие лампы и железная вентиляционная труба, откуда копоть попадала на рисунки и лица воспитанников.

К 1824 году многое переменилось. Натурный класс был заново отделан по проекту архитектора А. Мельникова. «Неудобства тогда же были устранены. Рисовальные классы освещены ‹...› множеством конкетов. Смрада и копоти уже нет, труба уничтожена, никто в сих классах жестоким простудам не подвергается. Дежурные профессора и учащиеся, пробыв ежедневно по два часа в тех классах, не очищают уже лица несколько часов сряду от едкой копоти и не глотают ее»,— писал Оленин.**

Предлагая изобразить в качестве программы «Натурный класс», Совет Академии хотел увековечить свои заслуги по благоустройству здания и заботу о воспитанниках. К этому времени в штате Академии освободилось место,— жалованье «очистилось шестисотное»,— появилась надежда занять его.

Венецианов энергично принялся за дело. Для исполнения программы требовалось написать обычную «перспективу», которую было под силу сделать не только самому художнику, но и любому из способных учеников его, тем не менее Венецианов не был бы Венециановым, если бы отнесся к своей задаче традиционно. Сознание ответственности за себя, как новатора в области перспективной живописи, верность правилу «ничего не изображать иначе, чем

---

* Рамазанов Н. А. Материалы для истории художеств в России. Спб., 1863, с. 171.

** ГПБ, ф. 542, оп. I, № 586, л. 20 об.

в натуре является», не позволило ему отнестись к работе формально. Он задумался над проблемой композиционно-пространственного решения. Следуя принципу рассматривать натуру в прямых геометрических линиях (который позднее лег в основу его теоретической работы о перспективе), художник начал делать подготовительные наброски.

Ежедневно в натурном классе появлялась его коренастая фигура с холщовой папкой под мышкой. Усаживаясь возле входных дверей, лицом к амфитеатру скамеек, на которых работали ученики, он принимался за рисунок. Сверху воспитанникам была видна лишь склоненная голова с копной пышных седеющих волос да листы грубой голубоватой бумаги, на которой художник чертил «перспективу». Заглядывая через плечо, можно было рассмотреть изображение. В нем много места занимали портреты самих учеников и их преподавателей: А. Е. Егорова, А. И. Иванова, В. К. Шебуева. Излюбленная тема наставников и воспитанников, волновавшая художника еще в годы участия в Ланкастерском обществе, получила зрительное воплощение.

Метод Венецианова писать все «как в натуре является» не соответствовал требованиям Академии. Из писем художника к Милюковым видно, что чем дальше продвигалась работа, тем напряженнее становились отношения с Академией. Назревал конфликт. Если еще недавно Венецианов писал друзьям, что он чувствует себя окруженным Демосфенами, Аристидами, Праксителями, то теперь перед ним возникло реальное лицо академического «аристарха». Художнику предложили принципиально изменить свою позицию. Если принялся за программу, то должен писать ее не по своей методе, не с натуры, а по правилам, принятым и апробированным Академией.

Пришлось пересмотреть первоначальный замысел. Если прежде он рисовал «Натурный класс» с реального места — в проходе у дверей, то теперь следовало показать его с воображаемой точки зрения, как бы существующей за пределами пространства, ограниченного стенами помещения. Это давалось нелегко. Два месяца бился художник с циркулем и линейкой. Казалось, к какому решению ни приди, академисты отвергнут любой вариант. Так и случилось.

«Натурный класс» стал камнем преткновения. Совет Академии, рассмотрев эскизы, по-видимому, нашел их «несвойственными». Дальнейшая работа в таком случае была бесполезной. Картина осталась ненаписанной. «Превосходительные и высокородные» не допустили в свою среду пришельца.

Сытому месту у «академического корыта» — с казенной квартирой, дровами и постоянным жалованьем — Венецианов предпочел независимость, пусть стесненное, но свободное и самостоятельное существование. Место его в художественной иерархии определилось теперь уже надолго.

Прошедший год был трудным. Тревоги и беспокойства наполняли его. Венецианов тяжело пережил общее бедствие — наводнение 1824 года. Свидетельством очевидца становится письмо к Милюкову от 24 ноября, в котором он подробно описывает «страшную свирепую пятницу». Особенно ярко картина наводнения воссоздается благодаря тому, что Венецианов находился

в самом центре его, на Васильевском острове. Он жил тогда на Пятой линии в доме Костюриной.

Сразу же, как спала вода, художник пошел бродить по городу. Он спустился к реке. Волны еще бурлили. Линия берега напоминала обнаженный хребет чудовищного животного. Как «клейменый вор мимо управы благочиния», брел Венецианов, отмечая в памяти все, что увидел он в этот страшный день. Какие-то люди делали зарубки на каменных стенах домов, отчеркивая уровень высоты воды. В иных местах, стоя на панели, Венецианов пробовал дотянуться рукой до зловещей черты — и не доставал. Тогда на него находило оцепенение, и неверными шагами он двигался дальше. Побывал на Выборгской, Петербургской стороне,— везде было горе и разрушение.

Наводнение 1824 года вошло в историю Петербурга. О нем писали очевидцы, сообщали газеты и журналы, его отобразил в своей поэме А. С. Пушкин. Прототип героя «Медного всадника», лишившегося во время наводнения близких и потерявшего рассудок,— неизвестен. В тогдашних газетах и журналах подобный случай описан не был. Тем не менее безымянные прототипы пушкинского героя бродили по улицам Петербурга рядом с Венециановым. Об одном из них, капитане Луковкине, накануне наводнения перебравшемся с Канонерского острова на Адмиралтейскую сторону и задержанном там водой, рассказал художник. Возвратившись, Луковкин не только дома своего не нашел, но и места не узнал, а позднее отыскал остатки бывшего своего жилища на Гутуевом острове, а в нем жену и детей в объятиях друг друга мертвыми. Луковкин потерял разум.

Беда не обошла и семейство художника. Дом Костюриной на Пятой линии Васильевского острова оказался окруженным водой. Утро 8 ноября встретили без хлеба. Несколько часов провел Венецианов на улицах разрушенного наводнением города; вернулся он совершенно разбитым, слег и долго не мог оправиться. Всю зиму болели и его домашние. Лишь к весне дела стали налаживаться. Возвращалось и желание работать. Не рассчитывая более на поддержку Академии, Венецианов целиком связал свою деятельность с Обществом поощрения художников.

Становление художественной культуры — процесс сложный, не поддающийся педантичной регламентации. Цеховая замкнутость Академии препятствовала вовлечению в сферу творчества многих способных и талантливых художников. Назначенный в 1817 году президент Оленин закрыл доступ в Академию выходцам из крепостного сословия. Не только крепостные, но и молодые люди других сословий, которые были одарены природой «тягой к художествам» и которым не посчастливилось учиться в стенах Академии, нуждались в поддержке. Требовалась организация, которая вопреки академической «табели о рангах» создала бы условия хоть минимально сносные для профессионального развития самоучек. Такой организацией стало Общество поощрения художников.

Оно возникло в 1820 году в среде просвещенных меценатов, любителей изящных искусств. Его инициаторами были: статс-секретарь Александра I П. А. Кикин, человек «весьма радушный к пользе художников»; князь И. А. Гагарин, покровитель отечественных талантов; полковник в отставке А. И. Дмитриев-Мамонов, автор натурных зарисовок Бородинского сражения; флигель-адъютант Л. И. Киль, известный гравер-любитель; Ф. Ф. Шуберт, составитель первого топографически верного плана Петербурга.

Среди деятельных участников Общества поощрения художников мы встречаем имена хорошо знакомых Венецианову Ф. П. Толстого и В. И. Григоровича. Незадолго до того они являлись руководящими членами Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения. Можно предположить, что правительственные репрессии, обрушившиеся на ланкастерские школы в 1820 году, побудили Толстого и Григоровича сосредоточить свои усилия на более нейтральной деятельности, на поощрении и воспитании художественной молодежи.

Общество развернуло широкую деятельность. В его задачи входило «поощрение» художников заказами и денежной поддержкой, а также распространение художественных произведений в публике посредством изданий, выставок, лотерей. Одним из первых изданий, предпринятых Обществом, было издание «литохромий» с произведений Венецианова.

Литохромии — литографические отпечатки, покрытые по изображению полупрозрачным слоем масляной краски — были нововведением. Честь этого начинания принадлежала Венецианову. Творческая инициатива художника выразилась и в том, что он варьировал колористическую гамму своих произведений. Так, литохромия, выполненная с его картины «Параня со Сливнева», существует в двух цветовых решениях: с преобладанием красных тонов в одном варианте и преобладанием синих — в другом. По-видимому, так же были «иллюминованы» и другие картины.

В отчете Общества поощрения художников за 1825 год сообщалось, что комитет, «желая доставить публике возможность к приобретению приятных картинок и притом за умеренную цену, воспользовался опытом иллюминирования масляными красками литографических рисунков, который впервые у нас удачно сделан г. Венециановым».

Литохромии поступили в продажу и стали известны публике. Появление их приветствовал Свиньин, который писал в журнале «Отечественные записки», что отпечатки с произведений Венецианова, раскрашенные масляными красками, сохраняют достоинства оригиналов. О распространенности литохромий свидетельствовало и упоминание в полемической заметке А. С. Пушкина, напечатанной в «Литературной газете» 1830 года под названием «Собрание насекомых», которое заканчивалось словами: «Издание сие украшено будет искусно литохромированным изображением...»

Выпуская литохромии, Общество поощрения выполняло сразу несколько задач: оно внедряло новый вид художественной продукции, популяризировало

живописные произведения и давало заработок Венецианову и его ученикам. Именно заботясь об учениках, составлял художник условия договора с Обществом по изданию литохромий на 1826 год. Он стремился так уладить дело, чтобы молодые художники были «подбодрены» публикой.

Учеников у Венецианова к этому времени собралось уже несколько. Наиболее талантливыми из них были Н. С. Крылов и А. В. Тыранов. Представляя их Обществу, Венецианов просил покровительства и, по возможности, обеспеченности заказами. «Тыранов человек бедный», а Крылов «страшится дорогого содержания и боится умереть в Петербурге с голоду»,— писал он. Оба ученика происходили из мещан Тверской губернии. Венецианов познакомился с ними во время своих наездов в Сафонково. Позднее Свиньин в журнале «Отечественные записки» расскажет читателям их истории.

Никифора Степановича Крылова Венецианов впервые встретил в Теребенском монастыре, куда ездил на ярмарки и по делам конного завода. Там у местного архимандрита работали калязинские иконописцы. Среди них художник заметил восемнадцатилетнего молодого человека, который писал смелее других. По совету художника Крылов приехал в Петербург. Он жил в доме Венецианова, занимался в его мастерской, а вскоре начал посещать и рисовальные классы Академии.

Венецианов также способствовал развитию дарования другого своего ученика — А. В. Тыранова. Заметив в нем способности, художник решил взять его к себе. Позднее Свиньин сообщал, что «успехами и поведением ученик породнил себя со своим наставником». И действительно, по предположению Т. В. Алексеевой, добиваясь для Тыранова разрешения заниматься в залах Эрмитажа, Венецианов называл его своим сыном.*

Переписка Венецианова с Обществом поощрения художников еще раз подтверждает, что его жизнь была неразрывно связана с учениками. Занятия с ними и хлопоты о них постоянно занимали художника.

Педагог по призванию, лишенный академической кафедры, Венецианов вынужден был на собственный страх и риск обучать и выводить в свет своих питомцев. Успеху его начинаний во многом способствовало Общество поощрения. Благодаря ему решалась существенная проблема выставок. Трехгодичный перерыв между академическими выставками отнюдь не содействовал популярности Венецианова и его учеников. Избежать забвения публики помогала организованная Обществом постоянная выставка-продажа художественных произведений.

Устраивалась она неизменно в центре города, на Невском проспекте. Людное, оживленное место, удобное расположение способствовали большой

---

* Тыранов приехал в Петербург и стал заниматься у Венецианова в 1824 г. 10 декабря 1824 г. в списке именных билетов, дающих право посещать Эрмитаж, фигурирует билет, выданный «Венецианову 2-му, сыну академика Венецианова». По предположению Т. В. Алексеевой, получившим этот билет был Тыранов (ГЭ, ф. 11, оп. 2, д. 4; Алексеева, с. 153).

посещаемости. Мимоходом, во время прогулок заходили сюда петербуржцы осмотреть экспозицию. Среди посетителей были люди простого звания, любители художеств, живописцы, литераторы.

Выставка Общества поощрения, на которой впервые были широко представлены работы Венецианова, открылась 2 февраля 1826 года в доме Марса на Невском проспекте. Двадцать одно произведение самого художника — из них шестнадцать бытового жанра — и произведения его учеников Крылова и Тыранова составляли значительную часть экспозиции, и именно они вызывали неизменно доброжелательные отзывы публики и положительные замечания критики.

Среди посетителей был издатель альманаха «Северные цветы», лицейский приятель Пушкина, поэт Дельвиг. Другом и советником художников называл Дельвига Пушкин в стихотворении «Художник» (1836). Произведения Венецианова были отмечены Дельвигом. В своем альманахе он поместил отзыв о них, принадлежавший перу Григоровича.

В конце мая 1827 года на выставку вместе с Дельвигом пришел Пушкин. За несколько дней до того он вернулся в Петербург. Остановился в Демутовом трактире на Мойке близ Невского проспекта, недалеко от дома Марса, где помещалась выставка Общества поощрения. Пушкин любил «цех художников», постоянно посещал их мастерские и выставки. Упоминаний поэта о Венецианове не сохранилось. Однако, факт их знакомства засвидетельствован воспоминаниями П. А. Каратыгина и А. А. Венециановой. Можно предположить, что впервые Пушкин обратил внимание на работы художника именно на выставке Общества поощрения 1827 года. Семь лет, которые провел поэт вне Петербурга, в бессарабской и михайловской ссылках, были как раз тем временем, когда сформировалось творчество Венецианова.

На выставке Пушкин увидел образы крестьян столь хорошо знакомой ему Тверской губернии: смышленого «Захарку», пытливым взглядом смотрящего из-под нахлобученной на самые брови отцовской шапки; «Мальчика, надевающего лапти», в котором позднее, желая угадать скрытый замысел художника, старались увидеть юношу Ломоносова «обувающимся в лапоть и готовящимся покинуть родину»; * «Спящего пастушка», прикорнувшего в тени березы на берегу мелкой и узкой реки Ворожбы. Пейзаж, воспроизведенный в этой картине, был знаком Венецианову до мельчайших подробностей. Из окон сафонковского дома видел он эти поросшие осокой берега, сарай за покосившимся, почерневшим от дождей забором, силуэты елей, холмы и

* Егоров А. Памятники замечательным русским деятелям. — Русская старина, 1889, IX, с. 651. Об использовании картины Венецианова «Мальчик, надевающий лапти» при создании скульптором П. П. Забелло рельефа на памятнике М. В. Ломоносову в Петербурге. — Исторический вестник, 1891, т. 75, с. 783; Исторический вестник, 1892, т. 50, с. 551.

дальний лес на горизонте. Подобные же пейзажи чертил на страницах черновых рукописей и Пушкин. Их ввел он в строфы «Евгения Онегина»:

Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор...

Стремление к изображению «низкой натуры» явилось симптомом зарождения реалистического видения в русском искусстве.

В середине 1820-х годов складывался круг учеников и последователей Венецианова. На выставке Общества поощрения 1826—1827 годов были представлены работы только двух из них. Фактически же в мастерской художника работала в это время уже целая группа молодых живописцев. На академической выставке 1827 года трое из учеников Венецианова были удостоены золотых медалей.

Попечениями Венецианова избавлены от крепостной зависимости Алексеев и Златов, уволены из мещанского сословия Тверской губернии и переехали на жительство в столицу Крылов и Тыранов, взяты на обучение сын каретника глухонемой Беллер и происходивший из петербургских мещан Денисов. Пешком по осенним дорогам пришел к Венецианову из Вышнего Волочка в Петербург мещанский сын Зиновьев.

Сохранилась картина А. А. Алексеева, изображающая мастерскую Венецианова. В ней представлена светлая, просторная комната в петербургской квартире художника. На стенах развешаны этюды, здесь же стоят статуи. Одну из них осматривает молодой человек, по-видимому Крылов. Гипсовые слепки рисует, устроившись между статуями, другой ученик. Возле окна сидит Тыранов, делая этюд с крестьянской девушки. К нему направляется Алексеев с намерением устроиться рядом и приняться за работу.

В этой патриархальной обстановке, где наставник был не только учителем, но как бы отцом своих учеников, укреплялась духовная и житейская близость Венецианова с его подопечными. «Его семейство было нашим семейством, там мы были как родные дети»,— писал А. Н. Мокрицкий в своих воспоминаниях. Художник даже ходатайствовал несколько раз о присвоении своей фамилии некоторым ученикам. Из переписки президента Академии художеств Оленина с министром императорского двора Волконским в 1840 году явствует, что художник просил «вольноотпущенного Федора, по отцу Михайлова, в отпускной означенного без всякой фамилии, переименовать Венециановым».* Однако эта просьба, поддержанная Олениным, который ссылался на имевшиеся ранее подобные случаи у художников, была отклонена. Министр императорского двора потребовал от Оленина указать, какие законные основания существуют для перемены фамилий художников. Таких оснований не имелось. В XVIII веке нравы были проще, и подобные случаи каза-

* Имелся в виду Ф. М. Славянский.

лись обычными. Но уже в 1810-е годы аналогичная просьба Г. Р. Державина не имела успеха. Так Венецианову и не удалось передать свою фамилию кому-либо из учеников.

Деятельность художника не укладывалась ни в официальные, ни в обычные житейские нормы. Одержимый мыслью о создании своей школы, он не останавливался перед расходами, которые намного превышали его возможности.

Венецианову шел уже пятый десяток. Материальная база — сельцо Сафонково — давала средства лишь на насущные нужды. Других источников дохода не было. Художник не служил. Картины продавались редко. Нужно было постоянно выкраивать и выгадывать. Обеспечить учеников, чтобы они могли спокойно работать и совершенствоваться, не думая о куске хлеба, стало его заботой. «Мы все пришли к нему голышами; у каждого были свои нужды: он помогал нам всячески»,— писал А. Н. Мокрицкий в своих воспоминаниях, которые публикуются в сборнике. Даже в тех случаях, когда, преуспев, кто-либо из учеников получал за свои картины значительную сумму, Венецианов, как вспоминала его дочь, не позволял себе располагать хотя бы частью ее.

За денежной помощью к Обществу поощрения художник не прибегал. Однако, зная о его материальных затруднениях, Общество по собственной инициативе решило просить Николая I оказать Венецианову поддержку. В протоколе заседания Комитета от 12 августа 1826 года было соответствующее заключение, но ожидаемой помощи не последовало.

А тем временем художник задолжал более 4000 рублей. Сроки уплаты за мастерскую давно прошли, расходы увеличивались, но расстаться с мыслью о своей школе и отпустить учеников Венецианов не мог. Желание продолжать начатое дело было столь сильным, что заставило его пойти на крайность: напомнить о себе Николаю I. Пришлось обратиться к старому испытанному способу поднесения картин. Четыре работы Венецианова, изображающие крестьян, были представлены во дворец.

Неизвестно, какая участь постигла бы эти произведения и получил бы художник вознаграждение или вежливый отказ, если бы в дело не вмешался президент Академии художеств Оленин. Формально он мог уклониться от всякого вмешательства: Венецианов не имел прямого отношения к его ведомству. Но Оленин оказался человеком более широких воззрений; он счел для себя возможным высказать сочувственное мнение о Венецианове и его бескорыстной педагогической деятельности. Картины приняли; из четырех работ император оставил для Эрмитажа две маленькие картинки, за которые Венецианову выдали две тысячи рублей. Таким образом, долг был погашен лишь наполовину.

Венецианов находился в унизительном положении. Он вынужден был играть роль просителя, в то время как просил не за себя лично, а за дело, которое являлось общим. Император поступил с Венециановым именно как

с частным лицом, с просителем. Это не соответствовало даже общепринятым нормам. Академия и та отдавала должное художнику. «Его искусство в живописи и полезное намерение образовать несколько хороших художников, производимое им в действие с таким успехом и бескорыстием при весьма небогатом состоянии, достойны милостивого внимания»,— писал президент Академии в письме к министру императорского двора от 31 марта 1827 года. Но ни Николай I, ни Академия не пришли на помощь Венецианову и его школе. Три золотые медали, которые получили на академической выставке 1827 года ученики Венецианова, были даны не самой Академией, а — через ее посредство — Обществом поощрения художников. Оно продолжало поддерживать молодые дарования.

Доброжелательное отношение к работам Венецианова и его учеников широкой общественности столицы мы обнаруживаем в журнальных отзывах. «Эти лица, это небо, эти вещи,— все это русское, все невымышленное, все взятое с самой природы»,— писал Свиньин в обзоре выставки, напечатанном в журнале «Отечественные записки». Он же познакомил читателей и с биографиями воспитанников художника.

О педагогическом таланте Венецианова писал и Ф. В. Булгарин в статье, помещенной в «Северной пчеле». Но эта похвала, конечно приятная художнику, не могла оставить его равнодушным к общим рассуждениям Булгарина. Превознося произведения иностранных мастеров, работавших в России, особенно Д. Доу, автор лишь бегло касался картин русских художников. В то же время он не преминул упрекнуть отечественных живописцев, что они мало пишут исторических картин.

Суждения Булгарина были достойны его газеты. Полуофициозный орган, «Северная пчела» хвалила то, что было принято хвалить в официальных кругах, и порицала то, что там полагалось порицать. Сожаление по поводу уменьшения числа исторических картин являлось «реверансом» в сторону Академии. В системе академических художественных представлений историческая картина классифицировалась как высший род живописи. Низшим считался бытовой жанр: именно тот, в котором работал Венецианов.

Художник решил ответить Булгарину. Он впервые взял в руки перо, чтобы написать публицистическую заметку. В то время область теории искусств и эстетических концепций в журнальной практике почти целиком была предоставлена критикам, а не профессиональным художникам. Венецианов был одним из первых живописцев, который решился выступить на страницах периодической печати со своими мыслями о художественном творчестве. Общепринятая в то время эпистолярная форма журнальной полемики подсказала ему мысль изложить собственные взгляды в виде «Письма к Н. И». «Н. И.»— Николай Иванович Греч. Обратиться непосредственно к нему заставили Венецианова два обстоятельства: во-первых, Греч, совместно с Булгариным, издавал «Северную пчелу» и художник отвечал на статью, появившуюся в его газете; во-вторых, обоих корреспондентов связывало дав-

нее знакомство. Однако опровержение Венецианова в печати не появилось.

В чем же заключалось принципиальное различие взглядов художника, не принадлежащего к официальной художественной школе, и критика, суждения которого базировались на основных положениях академической эстетики? Полемизируя с Булгариным, Венецианов писал о том, что публика хочет видеть картины на сюжеты из отечественной истории и к тому же «красно, разумно и правдиво» написанные. Под этим Венецианов разумел реалистический подход к изображению исторического события. Далекое от жизненной правды сочинительство по узаконенным Академией правилам являлось, по его мнению, причиной холодности и равнодушия публики.

Помимо проблемы соотношения жанров в русской живописи того времени статья Булгарина затрагивала и другие наболевшие вопросы. В ней содержались неумеренные похвалы Доу, написавшему портретную галерею героев Отечественной войны 1812 года для Зимнего дворца. Достоинства и недостатки работ английского живописца, разбор которых Венецианов сделал в том же «Письме к Н. И.», казались частностями по сравнению с более серьезной и острой проблемой о положении художника в обществе.

Иностранные живописцы, такие как Д. Доу, а позднее Ф. Крюгер и другие всегда были обеспечены заказами и вниманием со стороны императорского двора. Их «кистью нужда и вежливость не управляют, которые часто нашего брата заставляют отступать от истины и марать свои достоинства; он [Доу] переносит на полотно то, что видит ⟨...⟩ не отыскивает мины, родными и знакомыми предпочитаемой, а наш брат должен иногда делать не то, что видит сам, а то, что видят его окружающие»,— с горечью писал Венецианов.

Он на собственном опыте и на примере своих учеников знал, как тернист путь русского художника, сколько препятствий на этом пути и как далеко не всегда достигается избранная им цель. Именно поэтому и посвятил Венецианов свою жизнь ученикам. В 1828 году художник сообщал Оленину, что в его мастерской занимаются уже тринадцать воспитанников. Между тем материальное положение его не изменилось к лучшему. Обремененный долгами, он вынужден был заложить в Опекунский совет свое небольшое имение; но и это не помогло. Вскоре Венецианов вновь прибегает к покровительству Оленина. Внешние обстоятельства сложились благоприятно для художника.

В эти годы Николай I принял на себя роль верховного судьи в делах искусства. По его предписанию Академия художеств из ведомства министерства народного просвещения была переведена в ведомство министерства императорского двора. Высочайшее одобрение или порицание стало определять судьбу художников. Оно могло низвергнуть с академического Олимпа знаменитость и поднять на щит безвестного начинающего живописца. Так было и тогда, когда уволили из Академии старейшего профессора А. И. Иванова, наставника целого поколения воспитанников, в том числе К. П. Брюллова и А. А. Иванова. Так случилось и в 1829 году.

Николай I, проходя анфиладой дворцовых зал, заметил молодого художника Денисова, рисующего перспективу старой Эрмитажной галереи. Картина была почти готова. Она понравилась императору тем, что была «грамотно» написана, выполнена «с большим отчетом». Николай I именно этого требовал от искусства. Точность, по его мнению, нарушалась лишь одним. У дверей галереи стоял на часах дворцовый гренадер. На картине его не было; император приказал — дописать.

Завязалась межведомственная переписка. Министр императорского двора сообщил о том Оленину, Оленин — Венецианову, Венецианов — Денисову. Одобрение работы молодого художника стало восприниматься как одобрение деятельности венециановцев вообще. Если до сих пор все просьбы Венецианова помочь его школе оставались без ответа, то теперь о них стало уместно напомнить императору. Роль эту взял на себя Оленин.

В официальном письме к министру императорского двора он осмелился высказать собственное мнение. «Некоторое денежное годовое пособие господину Венецианову, например, по три тысячи рублей в год, казну государеву, кажется, не обременит,— писал Оленин,— а господину Венецианову даст способ укрепить и распространить полезное его для Художеств заведение!» Тот самый Оленин, который в 1817 году удалил из Академии крепостных крестьян, теперь просил за воспитанников Венецианова — вчерашних крепостных, молодых людей из числа самых бедных мещан и вольноотпущенников.

Ходатайство Оленина имело успех. Венецианову тогда же было дано звание придворного живописца с жалованьем по три тысячи рублей в год. Правда, выплата жалованья начала производиться только год спустя.

С этого времени император стал проявлять интерес к ученикам Венецианова. Кроме картин Денисова он удостоил своим вниманием работы Алексеева и Тыранова. Каждому из них делались замечания, достойные самодержца. Так, в картине Тыранова «Крестьянская девушка» Николая I заинтересовало, с кого именно написан портрет. И вновь началась межведомственная переписка. Министр императорского двора вопрошал о том президента Академии, президент — Венецианова; пока, наконец, не составили официальный ответ, что портрет писался с дочери норвежского уроженца, скобяного мастера Ольсена, Аграфены, находившейся в прислугах у Венецианова.

Все это, казалось бы, не стоило упоминания, если бы полуанекдотические ситуации не оборачивались материальной поддержкой венециановцев. Вслед за наградами ученикам следовали награды учителю. Венецианов получил даже орден Владимира IV степени, который давал право на личное дворянство. Правда, академисты восприняли эту новость весьма прохладно: «И Венецианов кавалер!» — иронически замечали некоторые, узнав о награждении его. Тем не менее внимание Николая I, а затем успех на академической выставке 1829 года значительно укрепили положение Венецианова и его школы.

«С 23 сентября Академия художеств открыла выставку произведений своих за три прошедшие года,— писал Н. В. Гоголь,— это для жителей

столицы другое гулянье: около тридцати огромных зал наполнены были каждый день до 27 числа толкающимися взад и вперед мужчинами и дамами, и здесь встречались такие, которые года по два не видались между собой. С 27-го числа Академия открыта для простого народа».*

На академической выставке 1830 года Венецианов представил пять своих работ и тридцать две работы учеников. Они заняли почти половину экспозиции. Объединенные родственной тематикой картины венециановцев производили впечатление организованного выступления целой школы. Мимо этого не могли пройти ни критики, ни представители официальной художественной школы.

Работы Венецианова стали предметом обсуждения. Им была посвящена значительная часть статьи Воейкова об академической выставке, помещенной в газете «Русский инвалид». Критик давал развернутую характеристику и высокую оценку творчества художника, подчеркивая его значение в русском искусстве.

К этому времени уже были созданы наиболее известные произведения Венецианова, в которых он подытожил многолетние творческие искания, возникли поэтически обобщенные образы крестьян, запечатленные в картинах «На пашне. Весна» и «На жатве. Лето». Успехи учеников, работавших в одном русле со своим учителем, наглядно демонстрировали достижения его школы. Эти успехи явились, в первую очередь, результатом напряженной преподавательской деятельности художника.

С годами педагогический метод Венецианова приобрел вид стройной системы. Основной принцип, которого придерживался художник, состоял в том, чтобы писать предметы с натуры, а не по «оригиналам»— образцам для копирования, как то было принято в Академии. Вначале он занимал учеников рисованием простейших предметов: на выставке Общества поощрения 1826 года Тыранов представил небольшой этюд, изображающий чашку. К. А. Зеленцов под влиянием Венецианова в 1825 году написал натюрморт: стакан с водой и кистями, коробочка, плетеная корзина, медальон и краски. Таким образом, на простейших предметах художник «ставил» глаз ученика. После чего успевающему предлагалось перейти к гипсам. Рисовать с гипсов, по системе Венецианова, следовало до той поры, пока рука и глаз не привыкнут к верности и плавности линий. После этого переходили к «натуре», писали портреты друг с друга и окружающие предметы.

Педагогическая деятельность Венецианова получила обоснование в его теоретической работе «Нечто о перспективе», публикуемой в сборнике. Это углубленная методологическая разработка принципов перспективного построения, которой руководствовался художник в занятиях со своими воспитанниками. Она представляет собой тщательно продуманную систему, противо-

* Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.—Л., 1952, т. 10, с. 179.

положную нормативной академической системе, и строится на «непредвзятом» видении мира.

В этой теоретической работе со всей очевидностью отразилась широта воззрений художника. Он утверждал, что живописец не должен ограничиваться чисто профессиональными навыками. Изучение словесности, логики, метафизики не менее важно, чем рисунок. В свете этих рассуждений становится яснее значение многообразных связей художника с писателями, переводчиками и другими представителями гуманитарных знаний.

Мемуары и письма позволяют очертить довольно обширный круг литературных знакомых Венецианова. Конечно, кое-что ускользает и не поддается научной реконструкции; жизнь всегда богаче и многообразнее того, что фиксируют письменные источники. Но и то, что сохранилось, дает возможность утверждать: связи Венецианова со столичными писателями являлись не случайным эпизодом его биографии, а закономерным существенным элементом духовной жизни художника. На картине Г. Г. Чернецова «Парад на Марсовом поле» он изображен вдали от столпов Академии художеств, среди писателей и журналистов — Крылова, Жуковского, Пушкина, Гнедича, Свиньина и Каченовского.

Венецианов посещал многие петербургские салоны, часто принимал гостей у себя дома. Воспоминания А. Н. Мокрицкого и А. А. Венециановой убеждают нас в том, что даже самые именитые писатели охотно проводили вечера в скромной гостиной Венецианова. Из дружеских записок художника к библиографу и переводчику В. Г. Анастасевичу мы узнаем о встречах его с Н. В. Гоголем, А. А. Краевским, Г. И. Спасским.

Творчество молодого Гоголя сразу же захватило Венецианова: в 1834 году художник рисует на камне портрет автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки». По забывчивости Венецианов не перевернул изображения, и оттиск отпечатался справа налево; так же читается на нем и фамилия художника. Сохранились считанные экземпляры этой литографии.* Портрет Гоголя, исполненный Венециановым, по мнению современников — С. Т. Аксакова, П. А. Каратыгина поражал сходством с оригиналом.**

К 1833 году относится знакомство художника с Я. М. Неверовым, членом кружка Станкевича. Вскоре, весной 1834 года, в Петербург приезжает и сам Станкевич, которого Неверов вводит в дом Венецианова. Все вместе посе-

* По предположению Н. Г. Машковцева, были сделаны лишь пробные литографические оттиски портрета Гоголя. Один из них принадлежал товарищу Гоголя по нежинской гимназии, поэту Н. Я. Прокоповичу, другой в 1870-х гг. был обнаружен в столе умершего Некрасова, третий — в 1900 г. найден в доме Гоголя в Васильевке (Машковцев Н. Г. Гоголь в кругу художников. М., 1955, с. 30).

В 1847 г. Венецианов сообщал Н. П. Милюкову, что И. И. Лажечников пожелал иметь портрет Гоголя и художник поручил сделать его с литографии своему ученику Н. Васильеву.

** Аксаков С. Т. Собр. соч., Спб., 1886, т. 3, с. 351.

щают они Академию художеств, знакомятся с эрмитажными коллекциями. По предположению А. Н. Савинова, именно от Станкевича и Неверова впервые услышал о Венецианове Белинский.

Два года спустя в Петербург приезжает А. В. Кольцов. Из его писем к Белинскому известно, что начинающий поэт был доброжелательно принят в доме художника. «По воскресеньям я обедаю у Венецианова, а иногда у Григоровича,— писал Кольцов Белинскому.— Эти обои добрые люди: ко мне ласковы, хороши, кажется, любят...» * Венецианов собирался писать «любезного Кольцова». 29 апреля 1836 года Неверов сообщал Станкевичу: «Кольцов еще здесь. Его стихотворения готовятся к печати вторым изданием, к которому прибавится несколько пиес и портрет его, сделанный Венециановым». ** К сожалению, этот замысел не был осуществлен; во всяком случае, никаких следов портрета не сохранилось. Однако примечателен сам факт, который свидетельствует о творческом интересе и взаимных симпатиях художника и поэта.

Многолетнее личное знакомство связывало Венецианова с Жуковским, который и сам был художником-любителем. Жуковский принимал деятельное участие в судьбе учеников Венецианова. Им поручил он написать известную картину «Субботнее собрание у Жуковского», которая изображала перспективный вид кабинета с фигурами русских писателей — посетителей литературных вечеров в Шепелевском доме, где жил поэт. Иллюстрации к произведениям Жуковского, помещенные в издании А. Ф. Смирдина «Сто русских литераторов», также делал воспитанник Венецианова, К. А. Зеленцов.

Известна роль Жуковского в деле освобождения Т. Г. Шевченко. Портрет поэта, написанный К. П. Брюлловым, разыгрывался в лотерее. Вырученные деньги послужили выкупом за Шевченко. На отпускной расписались бывший владелец крепостного П. В. Энгельгардт, В. А. Жуковский, К. П. Брюллов и Матв. Ю. Виельгорский, внесший недостающую сумму. Юридически Венецианов не принимал участия в деле, но фактическая его помощь предопределила успех этого трудноосуществимого предприятия. В автобиографической повести «Художник» Шевченко подробно рассказал о роли Венецианова в его освобождении.

Вряд ли необходимо подробно перечислять всех литераторов, с которыми Венецианов поддерживал дружеские отношения. Вероятно, не было ни одного более или менее известного писателя в Петербурге, с которым не был бы знаком художник.

Признание Венецианова как главы школы, его дружеские связи со многими писателями и художниками, поощрительное отношение к нему и его ученикам со стороны Николая I — все это привело к тому, что у художника появились тайные недоброжелатели. В настоящем сборнике впервые публи-

---

* Кольцов А. В. Соч., М., 1966, с. 278.
** Савинов, с. 190.

куется официальная переписка министерства императорского двора с другими ведомствами, из которой видно, что в 1833 году настойчиво выяснялось, не получает ли Венецианов каких-либо окладов помимо трех тысяч рублей в год, положенных ему как придворному живописцу.

Венецианову завидовали. Полагали, что он обогатился. Но это не соответствовало истинному положению вещей. Действительность оказалась враждебной подлинному творчеству. Успех школы Венецианова не смог обеспечить ей безбедного существования.

Жалованья и небольших доходов от имения в Сафонкове было недостаточно, чтобы содержать воспитанников. В одном из писем художник признавался, что боится лишиться средств не только для продолжения обучения художников, но даже и собственных детей. Обстоятельства заставили расстаться с мыслью о школе. Вскоре он с горечью назовет ее «бывшей». «Венецианов вышел из сил,— напишет он о себе в автобиографической записке в 1840 году,— и потерял средства содержать школу, т. е. иметь учеников на своем содержании», с этого времени «сделались у него ученики приходящими».

Но существовало и еще одно обстоятельство, которое приблизило «закат» школы Венецианова. Шумный успех К. П. Брюллова способствовал тому, что часть венециановцев перешла в мастерскую Карла Великого (так именовали Брюллова современники). Впоследствии Венецианов назовет их «потерянными людьми». Самого Брюллова, его талант художник ценил, о «перебежчиках» — сожалел. Дальнейшая судьба их была незавидна. Творчество «бывших венециановцев» развивалось в русле брюлловских традиций, осваивая лишь внешнюю их сторону. Такова обычная участь эпигонов.

Увлечение, которое испытали некоторые из учеников Венецианова, не было случайным явлением. С именем Брюллова для них связывалось представление о «большом искусстве». Середина 1830-х годов в русской живописи отмечена триумфом «Последнего дня Помпеи». Казалось, был найден ответ на вопрос, который некогда задавал сам же Венецианов историческим живописцам в «Письме к Н. И.». Появилась картина, «красно, разумно и правдиво» изображавшая историческое событие. Правда, очевидцам торжества «Помпеи» трудно было предугадать, что блистательный взлет «высшего рода живописи» не разрешит, а только усугубит противоречия внутри академического искусства; через несколько лет знаменитый Карл Брюллов оставит неоконченной другую свою историческую картину — «Осаду Пскова». Тем не менее в середине 1830-х годов казалось, что еще можно возродить русскую историческую живопись.

Владелец «Помпеи», А. Н. Демидов, подаривший ее императору, решил поощрить отечественные таланты к созданию новых произведений. В 1836 году он предложил Академии объявить конкурс на картину из эпохи Петра I. За лучшие меценат предлагал две премии в размере восьми тысяч рублей каждая. В 1837 году Совет Академии рассмотрел предложение Демидова и огласил тему.

На конкурс было представлено семь работ. Все они получили неудовлетворительные отзывы. Среди них находилась и картина Венецианова «Петр Великий. Основание Петербурга». Надежда художника поддержать свою школу демидовской премией не осуществилась.

Во второй половине 1830-х годов число воспитанников Венецианова уменьшилось; однако среди них появились яркие индивидуальности. Таков был Лавр Плахов, сын «беднейшего на службе полковника», прирожденный жанрист, нашедший себя в изображении русских народных сцен. Такими оказались и Евграф Крендовский, воплотивший заветы Венецианова в жанровых произведениях из провинциального быта, и Сергей Зарянко, воспринявший от своего наставника любовь к перспективным построениям и оставивший выразительный портрет своего старого учителя.

Кроме Зарянко Венецианова в эти годы писали и другие его ученики: Сорока, Славянский. На портретах 1840-х годов художник легко узнаваем. Хотя годы изменили его, это все тот же неутомимый труженик, что и на автопортрете 1811 года. Те же густые волосы венчают большой открытый лоб, те же глаза сосредоточенно смотрят на мир, и только руки — старческие, в морщинах,— устало сложенные на коленях, да некоторая сутулость прежде широких плеч выдают почтенный возраст; и доброта явственно проступает в увядающих мягких чертах лица.

Последнее значительное выступление венециановцев как представителей школы произошло в 1839 году. Двадцать семь произведений художника и его учеников было разыграно в лотерее в пользу Петербургской детской больницы. Выставка картин, предшествовавшая розыгрышу, давала возможность зрителям познакомиться с новыми работами Венецианова. Помимо обычных жанровых произведений художник предложил к розыгрышу два пейзажа. До сих пор пейзаж играл лишь роль фона в некоторых из его полотен. Выступление в новом жанре говорило о богатых творческих возможностях.

Кроме картин, представленных на лотерею, венециановцы показали свои работы и на академической выставке 1839 года. В зале исторической живописи нашлось место для пяти видов с натуры учеников академика Венецианова. Но, несмотря на это, школа Венецианова была уже не столь сильна и многочисленна, как прежде.

Художник болезненно переживал закат своей педагогической деятельности. Ему трудно было расстаться с надеждой на преподавание. Когда в 1840 году в Москве создавался Художественный класс, учреждаемый как отделение Академии, Венецианов стремился получить там место наставника. По этому поводу он обращался к директору канцелярии министерства императорского двора В. И. Панаеву. Художник втайне надеялся на его протекцию, но Панаев ограничился формальным ответом. Места в Московском классе художник так и не получил.

Три года спустя, в 1843 году, Венецианов подает записку в Академию с просьбой возвести его в звание профессора. Прошение было оставлено без

внимания. Академия не соблаговолила предоставить профессорскую кафедру художнику, умудренному многолетним педагогическим опытом. Венецианов был, по словам скульптора Н. А. Рамазанова, «умный и вместе ⟨...⟩ фанатичный старик, имевший свою исключительную манеру и не расположенный к методе академической».* Естественно, что начальство не захотело допустить «брожения умов». Так закончились сложные отношения Венецианова с Академией.

С конца 1830-х годов художник все реже появляется в Петербурге. Последнее десятилетие жизни проводит он главным образом в Сафонкове. Подробности деревенского быта Венецианова воссозданы в ранее не публиковавшихся воспоминаниях дочери художника А. А. Венециановой.

Из них мы узнаем, что в имении художника «самый бедный из мужиков имел двух лошадей, но, большей частью, по четыре и по шесть, рогатого скота у них тоже было довольно, постройки все порядочные, у всех по деревне». В Сафонкове Венецианов устроил школу для крестьянских детей и больницу для жителей окрестных сел и деревень, куда «больных привозили верст за сорок и за шестьдесят»; он заботился о том, чтобы у крестьян даже в голодные годы был хлеб: выстроил «мирской магазин» — хлебное хранилище (каждый крестьянин-тягольщик, то есть семьянин, запасал по мере или четверику ржи, овса, жита, которые хранились в закромах «под записью»). О многих из этих начинаний своего отца мемуаристка говорит как о новшествах, редко встречавшихся в усадьбах окрестных помещиков. Некоторые из соседей, «не понимая пользы, изъявляли неудовольствие». Однако идиллическая окраска, сообщенная мемуаристкой всему повествованию, нуждается в некоторой корректировке.

Впервые публикуемая в настоящем сборнике (помещена в приложении) переписка по поводу приказчика села Сафонково, крестьянина Лариона Дмитриева, по фамилии Кузнецова, показывает, что патриархальные отношения между Венециановым и крепостными — не художниками — складывались иногда достаточно сложно и мало напоминали сельскую идиллию.

Из письма художника по делу о Ларионе Дмитриеве — правдивость которого подтвердил сам крепостной — видно, что он был взят сиротой в дом Венецианова. Тот сам учил его арифметике, геометрии и другим необходимым знаниям, то есть готовил в приказчики. Должность приказчика стала для сироты нежданным подарком судьбы. Чтобы оправдать выбор Венецианова, нужны были недюжинные способности, и такие способности у Лариона оказались. Мало того, в нем пробудился еще сильный характер и самосознание личности. Это и послужило источником конфликта. Непосредственные причины — ослушание, мелкое жульничество и прочее,— были настолько незначительны и обычны в деревенском быту, что сами по себе не могли вызвать

---

* Рамазанов Н. А. Материалы для истории художеств в России. Спб., 1863, с. 275.

бури. Импульсом к развернувшейся драме послужило то обстоятельство, что Венецианов, как он пишет, решился отечески «поучить» своего питомца.

Оба они понимали, что сущность дела заключалась в моральной стороне наказания. Да и не мог старый человек, каким был в ту пору Венецианов, «своеручно» причинить вред молодому двадцатилетнему парню. Конфликт носил социально-психологический характер. Ларион не мог вынести подчинения. Он бежал из Сафонкова, но был возвращен. Бежал вторично и подал в суд на своего помещика. На допросе он говорил, что готов скорее идти в военную службу, нежели возвращаться к прежним своим обязанностям. Отеческое попечение о Ларионе превратилось в социальную драму.

Почти одновременно с историей Лариона развертывалась трагедия крепостного Григория Сороки, жившего в тридцати верстах от Сафонкова в имении помещика Н. П. Милюкова. В отличие от Лариона, это был не просто крепостной, а крепостной-художник, отчего конфликт приобрел иной и более острый характер. Сорока с малолетства выучился рисовать. В начале 1840-х годов его обучением занялся Венецианов. Из писем художника к Милюкову становится известно о конфликте между талантливым крепостным живописцем, мечтавшим посвятить себя искусству, и помещиком, готовящим ему участь садовника. Венецианов был целиком на стороне Сороки. Молодой художник подолгу оставался в Сафонкове, где работал вместе с Венециановым. «Не предсказывал ли я вам, или, лучше сказать, описаниями моими не остерегал ли я вас от того, что случилось с вашим Григорьем»,— писал художник в 1842 году Н. П. Милюкову. — Он не виноват, а вы виноваты, вы ему дали направление, а потом остановили, вы ему дали почувствовать удовольствие внутреннее, изынули из него душу из склепа положительного и остановили».

То же отчасти мог сказать Венецианов и о себе, и о своем конфликте с Ларионом.

Живя в деревне бо́льшую часть года, Венецианов не оставлял работы. Он продолжал писать портреты крестьян, жанровые картины, заканчивал большое полотно «Туалет Дианы». В это время к нему наведывались старые ученики: Плахов, Зарянко. Появились в сафонковской мастерской и новые воспитанники. Большие надежды возлагал художник на крепостного живописца Федора Славянского из деревни Вышково Вышневолоцкого уезда. Хозяева медлили, запрашивая за освобождение его две тысячи рублей, и Венецианов опасался трагедии. Но судьба Славянского сложилась более счастливо, нежели у Сороки. Венецианов добился его освобождения, отправил в Петербург, и уже в 1840 году молодой художник занимался в Академии. Числясь по классу Варнека, Славянский тем не менее каждую весну приезжал в Сафонково, где работал под руководством Венецианова. В один из таких приездов он написал портрет своего наставника.

В сафонковской мастерской кроме Славянского и Сороки в конце 1830-х — начале 1840-х годов занимались и другие воспитанники: М. Антонов,

Н. Бурдин, А. Чернышев. Они, как и прежние ученики художника, писали этюды с натуры, делали жанровые композиции, пейзажи, портреты. В 1840 году Венецианов по установившейся традиции представлял своих питомцев Обществу поощрения художников; он предлагал «воззрению» Комитета двенадцать «картинок» Антонова и Бурдина. Принятые Обществом под его покровительство молодые художники вскоре вступили в Академию. Антонов и Чернышев стали заниматься в классе М. Воробьева, Бурдин — у Варнека. Последними учениками художника были: его племянник «нежинский грек» М. Эрасси, ставший впоследствии довольно известным живописцем, и И. Васильев, которого учитель собирался везти в 1847 году в столицу. Но поездка не состоялась: Венецианов умер.

Мемуары дочери художника рассказывают о последнем годе его жизни. Год этот был заполнен работой над образами для церкви пансиона дворянского юношества в Твери.

Венецианов и раньше обращался к живописи религиозной тематики. Дневники Мокрицкого содержат упоминание о картине художника, изображающей бога Саваофа. Кисти Венецианова принадлежали также образа для собора всех учебных заведений (Смольного собора), для церкви Обуховской градской больницы и другие. Если до сих пор в изображении святых художник пользовался общепринятыми в подобных случаях иконографическими канонами или образцами старых мастеров, то теперь ему предстояло найти иной подход к изображению, так как требовалось показать местного святого Макария Калязинского.

Канонизированный в XVI веке, Макарий был уроженцем села Кожино Кашинского уезда Тверской губернии и происходил из известного рода дворян Кожиных. Венецианов стремился к иконографической достоверности. Он разыскал местную икону святого, работал в архиве, читал летописи и приложения к «Истории» Карамзина. Собранные материалы стали источником в работе над образом. Выполнив эскиз, художник собирался везти его в Тверь.

Путь этот оказался последним. Ранним утром 4 декабря 1847 года он выехал на дорогу. Стоял гололед. На крутом спуске лошади понесли, седока выбросило из кибитки. Венецианов умер на месте.

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,
На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Похоронили художника на Дубровском погосте, неподалеку от Сафонкова. Дочери поставили на его могиле памятник: высокий крест. На чугунном постаменте была изображена палитра с кистями, а под ней надпись:

Алексей Гаврилович Венецианов

1780—1847

Настоящий сборник является наиболее полным сводом эпистолярных, документальных и мемуарных свидетельств о жизни и деятельности А. Г. Венецианова. В 1931 году издательством «Academia» было предпринято первое издание подобного рода — «А. Г. Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников», вступительные статьи и примечания А. М. Эфроса и А. П. Мюллер. Сборник открывался предисловием А. В. Луначарского. «Материалы, которые мы в настоящее время печатаем,— писал Луначарский,— показывают, как именно, в каком социально-бытовом окружении мог произойти оригинальный венециановский эпизод русского искусства, оставивший после себя значительный след, ибо от Венецианова пошла целая группа интимистов и жанристов...»

Со времени выхода первого издания прошло полвека. За последние десятилетия круг материалов о жизни и творчестве художника значительно расширился. Исследователями Т. В. Алексеевой, С. М. Бабинцевым, К. В. Михайловой, А. Н. Савиновым, Г. В. Смирновым, И. М. Степановым, З. И. Фомичевой и другими введены в научный оборот новые рукописные источники.

При подготовке настоящего издания были заново просмотрены архивные фонды, в результате чего в сборнике впервые печатаются не известные ранее материалы. Кроме того, некоторые источники, которые прежде давались либо в сильном сокращении, либо только упоминались, в настоящем издании приводятся полностью.

Состав сборника определяет характер предлагаемых документов. Его открывает раздел, в котором собраны статьи и заметки, включающие журнальные выступления Венецианова, и наброски его теоретической работы о перспективе.

Во втором разделе представлено эпистолярное наследие — письма Венецианова к давним друзьям и соседям по имению Милюковым, которые отражают бытовой уклад семьи и приоткрывают внутренний мир художника, а также записки к писателю и библиографу В. Г. Анастасевичу, письма к конференц-секретарю Академии художеств В. И. Григоровичу и другим лицам.

В третьем разделе помещена официальная переписка и документы, раскрывающие многолетние связи Венецианова с Академией художеств и министерством императорского двора. Здесь же публикуются материалы, касающиеся Общества поощрения художников. Впервые эта переписка, собранная и систематизированная в едином комплексе, позволяет ясно представить отношения Венецианова с официальными учреждениями.

Следующий, четвертый раздел составляют воспоминания современников. В мемуарах людей, близких художнику,— его дочери и племянника,— а также в «Дневнике» и воспоминаниях ученика А. Н. Мокрицкого раскрывается жизненный и творческий путь Венецианова, намечаются основные вехи его биографии.

Пятый раздел включает прижизненную критику: статьи П. П. Свиньина, В. И. Григоровича, А. Ф. Воейкова и Ф. В. Булгарина, посвященные Венецианову и ученикам его школы.

В приложение вынесены архивные документы, касающиеся отношений Венецианова с его крепостным Ларионом Дмитриевым, материалы о смерти художника, а также метрические свидетельства, газетные объявления и прочее. В приложении дана и выдержка из статьи первого биографа Венецианова П. Н. Петрова, содержащая сведения о генеалогическом древе рода.

Внутри разделов и подразделов соблюдается хронологическая последовательность документов.

Тексты, опубликованные ранее, печатаются по рукописям, если таковые существуют, и по первой публикации, если местонахождение рукописи неизвестно. Рукописные тексты воспроизводятся в соответствии с правилами современной орфографии, кроме тех случаев, когда стилевое и интонационное своеобразие текста требует сохранения его старого написания. Так, составитель счел нужным сохранить «для колорита» ряд непривычных нам сейчас написаний — «щастие» (вместо счастье), «чорный» (вместо черный), «итить» (вместо идти) и др. Конъектуры, а также слова или фамилии, добавленные составителем ради пояснения текста, даются в квадратных скобках.

Отсутствие в примечаниях тех или иных данных о датировке или местонахождении художественных произведений означает, что эти данные не удалось установить.

Составитель сборника выражает глубокую признательность К. В. Михайловой и Г. В. Смирнову, которые позволили воспользоваться рукописью еще не изданного каталога юбилейной (к 200-летию) выставки произведений А. Г. Венецианова, содержащей ценные сведения о работах художника. Сердечную благодарность приносит составитель также всем, чьими советами и замечаниями пользовался при работе над книгой: М. М. Раковой, Н. Л. Приймак, В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсону.

С особой признательностью вспоминает составитель ценнейшие советы и указания покойного А. Н. Савинова.

А. Корнилова

Статьи

Письма

Современники о художнике

I СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

«ПИСЬМО К Н. И.» [ГРЕЧУ]. 1827

Так как обещал я тебе, почтен[нейший] Н[иколай] И[ванович],[1] написать мои художничьи замечания о нонишной Академической выставке, то в исполнение моего обещания и начинаю, а между тем прежде скажу мое мнение о художнике вообще, разумея скульптора и живописца: что художник не что иное есть, как писатель, который обязан свои мысли изъяснять хорошо, красно, разумно и правдиво, с благонамеренной целью непременно; как сочинитель песенки, мадригала и поэмы с диссертацией и прочие без подразделений, по моему мнению, должны подчиняться сему правилу, так и живописец от издателя видиков и портретцев до создателя бессмертных исторических памятников. Художник и писатель, чем более сведущ в науках и светом образован, тем более их произведения достойны и уважения, и изящнее. Сим-то правилом, мой почтенней-

ший, руководствуясь и приуча в себе разбирать всякое художественное произведение, я тебе намерен передать мои мысли о выставке ноничной, а между тем позволь мне помещать мое мнение о некоторых мнениях «Северной пчелы», для чего я беру тот же порядок в переходе от предмета к другому, который читаю в ней в № 108.

Г. Б[улгарин],[2] начиная описывать выставку, говорит, что у нас время от времени число исторических картин уменьшается на выставках и на нынешней их гораздо менее, что сему причиною любители или публика, оставляющая художников без занятий, без требования, без заказов,— я совершенно противного сему мнения.

Публика не виновата, она любит отечественные произведения, жаждет ее [историю] в картинах; лишь бы только явился Петр, Екатерина, Александр, Дмитрий. Кто не пожелает иметь какой-нибудь из подвигов Петра, Екатерины, Александра, Дмитрия и проч., но хорошо, красно, разумно и правдиво писанных. Я не воспитанник Академии, не готовил себя быть художником, а любя художество и посвящая ему свободное время от службы, сделался художником и составил собственное свое понятие о живописи. Для утверждения себя в частях моего понятия практикой и избрал род, свои правила живописи. Чтобы утвердить себя в тех правилах системы живописи, которые я сам для себя составил, занялся произведением самых простейших и грубых предметов русских, из которых многие не что иное есть, как этюды, и счастливым себя почитаю, не имея оных, а из маленьких моих картиночек никогда ничего у меня не остается, любители отечественного являются и раскупают,— примеров множество, доказывающих, что не любители причиной недостатка исторических картин, а художники.

Мнение это, что любителей нет и художники остаются без занятий, лишает нас, художников, [возможности плодотворно работать], совращая с пути природою назначенною, словом, гасит способности.[3]

Молодой воспитанник, слыша от наставника своего, что любителей нет, следовательно, труд им принимаемый 12 лет усовершенствовать себя, в скульптуре и живописи бесцелен и что они, конча курс попечений правительства, должны будут умереть с голоду, ежели не отыщут занятий по службе, местечка в доме или какого-нибудь постороннего приюта.[4]

Я бы тебе, любезный Н[иколай] И[ванович], насказал более и более причин уменьшения на выставках исторических картин, но обещание мое есть дать мое мнение на академическую выставку, притом же я более знаком с кистию, нежели с пером. Так как я располагал держаться того же порядку в переходе от одного произведения к другому, который принят «Северною Пчелою», то и начну

так же, как она, с картины г. Дова.[5] Этот знаменитый художник обогатил нас своими произведениями. Многие из его портретов можно сказать: не портреты, а живые лица; верность в положении главных частей тени и света совершенна, характеры большей части лиц смелые и решительные, его кистью нужда и вежливость не управляет, которые часто нашего брата заставляют отступать от истины и марать свои достоинства, он переносит на полотно то, что видит в то время, в том лице, которое перед мольбертом его, он не отыскивает мины, родными и знакомыми предпочитаемой, а наш брат должен иногда делать не то, что видит сам, а что видят его окружающие. Я художник и завидую его таланту, счастливым себя почитаю, знаю цену его достоинства, но между тем скажу, что он с перспективой, которая, по-моему, то же, что грамматика в литературе, ни мало не знаком или ею пренебрегает, что делали многие отличные художники и еще продолжают, в рисунке нерадивы, почему в колоссальном портрете государя Александра I, имеющего столько достоинств, лошадь хоть тенью и светом разительна, но не нарисована, ноги не соответствуют голове, голова — груди и задней части, просто сказать в картине нет горизонта, а горизонта нет оттого, что г-н Дов не знаком с перспективой или пренебрегает ею, а без правил линейной перспективы нельзя написать такой картины.

Картина Басина[6] меня поразила прекрасным расположением фигур, в которых была видна изящная натура, соединенная с идеалом; но подробно разобрать и исчислить ее достоинства не смею, для того, что еще не знаю сюжета, почему на время оставляю. О картине же Куракинской Андромеде[7] могу сказать: что я в первый раз увидел те достоинства Тициана, о которых читал и от художников вой восторгов слыхал, с тою разницею только, что в этой Андромеде, увидя тот неподражаемый верный колорит, которым выше всех художников был одарен Тициан, здесь вы увидите соединенным с изяществом рисунок греческой статуи и найдете в Андромеде родную сестру Венеры Таврической! Тициан не копировал с Венеры, а, постигнув теорию исполнительной части Фадиасов,[8] произвел свою красоту. Андромеда, будучи прикована к скале, увидя чудовище, испуганная бросилась и этим движением произвела ту прекрасную позу, какой бы лучший греческий художник не изобразил бы. Вы увидите, как от порыва цепи впились в тело, особенно левой руки, в них сильно повернувшейся и не потеряла красоты. Желалось бы, чтобы руки были немного полегче, а левое колено, должно быть, каким-нибудь случаем в починках или чистках несколько попорчено. Голова, так же видно, что после Тициана была в каких-нибудь руках без головы, впрочем оная картина так сохранена, как немногие из древних картин до нас доходят, может,

потому, что она была в небрежении. Могу сказать, что до сих пор наш Эрмитаж не имел Тициана, а теперь его имеет. На этой картине есть и Персей, есть и чудовище, и море, впрочем пейзаж довольно хорош.

В гравюрах галереи герцога Орлеанского есть эстамп с этой картины, но дурно выгравирован и с какою-то переменою первого плана берега.[9]

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИБАВЛЕНИЙ К «РУССКОМУ ИНВАЛИДУ» [А. Ф. ВОЕЙКОВУ] ОТ ИЗВЕСТНОГО НАШЕГО ХУДОЖНИКА А. Г. ВЕНЕЦИАНОВА О КАРТИНЕ «БЕРЛИНСКИЙ ПАРАД», ПИСАННОЙ КРЮГЕРОМ. 1831

I

В 1820 году явилась в Императорском Эрмитаже картина: внутренность костела, писанная Гранетом; сия картина произвела сильное движение в понятии нашем о живописи.[1] Мы в ней увидели совершенно новую часть ее, до того времени в целом не являвшуюся; увидели изображение предметов не подобными, а точными, живыми; не писанными с натуры, а изображающими самую натуру; увидели в ней то, чем очаровывал в декорациях великий художник Гонзаго.[2] Некоторые Артисты уверяли, что в картине Гранета фокусное освещение причиною сего очарования и что полным светом, прямо освещающим, никак невозможно произвести сего разительного животворения предметов, ни одушевленных, ни вещественных. Я решился победить невозможность, уехал в деревню и принялся работать. Для успеха в этом мне надобно было совершенно оставить все правила и маперы, двенадцатилетним копированием в Эрмитаже приобретенные, а приняться за средства, употребленные Гранетом,— и они мне открылися в самом простом виде, состоящем в том, чтобы ничего не изображать иначе, чем в натуре является, и повиноваться ей одной без примеси манеры какого-нибудь художника, то есть не писать картину à la Rembrandt, à la Rubens и проч., но просто, как бы сказать, à la Натура.

Избрав такую дорогу, принялся я писать Гумно, и должен сознаться, что двенадцатилетняя привычка к манерам много мне мешала в моем предприятии. Но картина Гумно написана, она находится в Русской галерее Императорского Эрмитажа. После сего писал я еще несколько картиночек: «Хозяйка, раздающая лен», «Крестьянка, чешущая шерсть», «Деревенская госпожа за завтраком», «Одевающийся мужичок», «Спящий мужичок» и проч.[3] Все сии картины не что иное, как этюды мои в безусловном подражании натуре. Переменя совершенно мои правила, предпринял я передать

их другим и, к полному моему удовольствию, увидел успехи чрезвычайные. Тыранов, по двухлетнем знакомстве с живописью, написал картину «Внутренность Французской библиотеки Эрмитажа»,[4] которая и находится в оном; Денисов также, Алексеев, Плахов, Златов, Васильев и другие; а Крылов сделался известен по своим портретам; и все это произвелось моею методою, извлеченною из картины Гранета, перед которою более месяца каждый день я просиживал. Теперь столько же смотрю, разбираю, любуюсь, изучаю картину Крюгера Парад в Берлине.[5] В ней нет идеального, великого, гениального, того, что находим в Мадонне Рафаэля, чему удивляемся в причащении Иеронима, в Афинской Школе,[6] в картинах Гвидо-Рени,[7] Пуссеня;[8] но если бы Рафаэль так выполнил свою Афинскую школу, как Крюгер Парад, неужели бы она потеряла достоинство? Если бы, скажу, Пуссень философские свои мысли выражал языком Крюгера, тогда бы его все понимали. К сожалению, я не видал картины Страшный суд Мишель-Анжа,[9] знаю ее только по очеркам, но воображаю, какое бы действие произвела на чувства зрителя, если бы она была выполнена кистью Крюгера и если бы на сей картине первопланные фигуры грешников были так живо изображены, как первопланные конные Офицеры у Крюгера? Я уже предварительно согласился, что в картине Берлинского художника нет гениального, великого, того, что в Мадонне Рафаэля; но согласитесь же, что для изображения парада на огромной площади, окруженной зданиями и украшенной памятниками героев — освободителей отечества,— парада, на котором присутствовал король со всею своею фамилею и принимал салют от российского великого князя, на котором толпы зрителей составлены из людей, известных по своим достоинствам, заслугам, талантам, и все похожи, не только лицами, но корпусом, привычками держать себя, манером одеваться; парада, на который художник пригласил даже городских оригиналов, известных странностями, и уместил около 120 портретов,— нужен ум, необходимо дарование. Минутного вдохновения тут недостаточно. Артист должен был долго размышлять, назначить место каждой группе, каждой особе; иных нарисовать одинокими, других сам друг, иных сам-третей, показать нам, кто с кем знаком, выразить характер каждого; и все сие Крюгер выполнил,— превосходно! У меня спросят, нужно ли тут присутствие гения, чтобы изобразить кадета, во фронте дразнящего собак, а позади его стоящего солдата; мысль мало значащая, но такая, которая нам раскрывает большое знание художника свойств человеков в разном возрасте, разных местах, несущих различное звание, исполняющих разные обязанности. Посмотрите, как спокойно, вольно, бесформенно стоит солдат; от чего? от того, что его не видит начальник; но заметьте, с каким вни-

манием смотрит он на парад; видно, что вся душа его там; а кадет, по свойственной ребячеству его резвости, не упускает случая потопать ножонками на собак, и если б смел, то выскочил бы к ним из фронта; он бы не сделал таких движений, если бы стоял в первой шеренге.

Крюгер показал нам, что в Берлине дети точно так же дразнят собак, как у нас в Петербурге, что точно так же ногами топают, сгибают коленки и машут руками, сжав кулаки, и что у кадет в задней шеренге происходит в Берлине точно то же, что и у нас в Петербурге. Посмотрите же теперь на кадета передней шеренги: он повозрастнее, он пожирает глазами скачущего на бурой лошади офицера.

Не случалось ли вам видеть на наших петербургских парадах, как лихо конь уланского офицера передним копытом бьет землю и подымает пыль, а сам всадник с самодовольным видом машинально крутит усы? Не знаком ли вам кирасирский офицер, спокойно сидящий на лошади и глазами следящий движение приближающихся взводов?

Вот живая, серая, оседланная гусарская лошадь, она слышит военную музыку и по привычке мечется, чтобы вырваться из рук конюха и стать в параде на свое место; удалой ее прыжок напугал даму, и она схватилась крепко за своего кавалера, смотрит на коня, как на дикого зверя; тут же крестьянка, как говорится, кинулась без оглядки: так кидаются от испуга крестьянки! с каким тут взглядом направляет мускулистые кулаки свои мужчина, чтобы хватить серую по морде за страх, причиненный женщинам, а ему толчок. Сия группа одна из превосходнейших; но вот другая спорит с нею о преимуществе; группа, в которой помещена славная певица Зонтаг[10] и знаменитый музыкант Паганини.[11] Г-жа Зонтаг сидела в коляске и встала, чтобы лучше видеть, как салютует прусскому королю российский великий князь: на лице ее видно полное удовольствие; а Паганини в это время отвлекся народною сценою. С седыми усами и в треугольной шляпе кучер Зонтаг, состаревшийся на козлах и видавший уже с них и Парады и гулянья, склонил голову, опустил усы и, уверенный в постоянстве лошадей, заснул точно так, как спят старые придворные с усами кучера у подъездов Зимнего дворца. В это время двое ребятишек мастеровых воспользовалися его сном, вскочили на козлы, ухватилися за фонари коляски и стремительно смотрят на парад, составя из себя и кучера прекрасную в общей группе маленькую пирамидальную группочку. В группах составлять группочки, никакого места не оставлять пустым, и притом без затеснения, так, чтобы вся главная масса занятий в группах стремилась к одной цели, есть единствен-

ное, высочайшее достоинство в композиции г. Крюгера. Пониже коляски славной певицы виден в тени простолюдин, любитель парадов, человек, как видно опытный и запасливый; он из приготовленной им стекляночки через край пьет, и — кто знает? может быть, тост за здоровье зрителей, и тем приводит в смех соседа, превосходнейше над ним смеющегося. Внизу инвалид на деревяшке, кажется, сердится на то, что не так идет парад, как в его время. Гумбольдт[12] и другие не только написаны, а сгруппированы, как лучше желать невозможно. Поблагодарим художника, что он поместил здесь и свой портрет. Как-то у художников принято не любить прямых линий, линий, составляющих взводы, шеренги и другие построения войск: они портят картины однообразием; для чего те предметы, которые находятся в небрежном, раскиданном виде, называются художниками: питореск;[13] но если б с картины Крюгера снять повзводно идущий полк, в линию построенных трубачей, а на противоположной им стороне в линию же стоящих за королем принцев, генералов и офицеров, и наполнить место их такими группами, какие находятся на правой ее стороне, то картина не только не приобрела бы достоинство питореск, но совершенно бы его потеряла. Умный художник, построя трубачей в чистой прямой линии, так их своей кистью разыграл, что они не писанными, а живыми кажутся; вот, например, во втором взводе лошадь под трубачом не хочет стоять, приподымается на дыбы, а трубач ее осаживает: льзя ли естественнее, точнее изобразить быт строевой лошади? Приближающийся же полк, не колыхаясь, стройно движется, подымает пыль, заслоняя ею второй и третий взводы или эскадроны, столько и именно столько, сколько в натуре оной заслоняются в тихое безветренное время. На пыльных облачках сих и сквозь оные кирасирские каски блестят, как звездочки; лошадиные головы, ноги шевелятся,— именно идут. Художник, сочетав здесь единство с стройностью, дал такое разнообразие, которое составляет в сей части общее целое неподражаемое. За первым взводом другие следующие постепенно от пыли тускнеют и, наконец, задние совсем ею поглощаются, а вместе с ними и близлежащие там предметы. Когда я в первый раз подошел к картине, то тотчас увидел его величество короля, не спрашивая ни у кого: где он? хотя я прусского короля никогда не имел чести видеть; потом, подводя к картине своих воспитанников и многих знакомых, слышал: «вот король! Это должен быть король!» По-нашему, короля бы должно поставить на первом плане; Крюгер поступил иначе; он представил его на первом месте, или справедливее сказать, так поместил, что каждый видит в нем главное действующее лицо, и ему второе содействующее, нашего государя, которого каждый узнает, невзирая на менее профильный

поворот и невзирая на то, что на нем никаких нет отличительных признаков, подобно как на прусских принцах. Сия линия, начавшаяся у первого взвода полка и продолжающаяся до конца картины, или до части дворца, в которой расположены позади короля принцы, генералы и офицеры,— совершенна до nec plus ultra [до предела]. Все стоят под тенью дворца. Каждой особы лицо так окончательно выполнено, как почти оканчивают в миниатюрных портретах, а между тем, выражая по-художничьи: никто не просится вперед и не портит целого. Здесь нет местечка пустого; все занято и — никому не тесно,— и ничего нет лишнего. Чтобы более украсить сию превосходнейшую линию, Крюгер поставил тут на белой лошади офицера. Эта лошадь есть совершенное изображение старой лошади, выслужившей многие походы, но хорошо сбереженной: в ней из-за Анатомии выглядывает Остеология;[14] уже ей не до парадов! Государыня императрица Александра Феодоровна, бывшая тогда великая княгиня, из окна верхнего этажа смотрит не на парад, на публику, а с восторгом вперила взор свой на августейшего своего родителя и на любезнейшего супруга. Ее величество видна точно так, как можно видеть и узнавать издали; в других окнах прусские принцессы, и маленькие принцы в нижнем этаже дворца; так, в глубине окна стоит граф Моден,[15] как живой. Сие здание в тени; но видно, что за ним солнце и что оно вполне его освещает, а не так, как Оперный дом, который покрыло прозрачное облачко; а сквозь оное солнечные лучи не смеют обрезывать тени. Далее, библиотека озарена полными его лучами, свет от земли сильно отражается на отененную сторону здания; еще далее здание, близ деревьев находящееся, темнее предыдущего; не по принятым правилам воздушной перспективы оно написано,— но от деревьев лучи солнечные могут ли так отражаться, как от ровной земной поверхности.

У Крюгера везде отчетность, везде наблюдение натуры! Не красками написана, а просто из камня сложена, железом кровля покрыта и белою краскою окрашена, на картину поставлена и солнцем освещена Королевская Кордегардия. В летнее время, при серенькой погоде, когда голубое небо бывает распещрено облачками и когда говорят: к вечеру быть дождю! — каждому случалось видеть по земле идущую пятнами тень, быть самому в ней и предметы в сажени от себя видеть солнцем озаренными; потом через секунду тень с себя сошедшую на предметы, прежде солнцем освещенные, замечать в том какую-то тихую игру облаков на земле; наблюдатель природы Крюгер схватил это время и поставил на своей картине! Он написал голубоватое небо, не итальянское небо; но ведь Берлин не в Италии, распустил по нем легкие мгляные облачка и тучку; тень от них разложил по земле и под сею тенью поставил те группы

и фигуры, посредством которых ему нужно было другие осветить,— осветить солнцем, оживотворить; оттого на офицерах серебро и золото блестит, как настоящее серебро и золото, а сукно на мундирах и фраках освещено солнечным тепловатым цветом. Вообще же о лошадях могу сказать, что никогда с подобною живостию, разнообразием, портретностию не случалося мне видеть ни написанных, ни нарисованных лошадей. Например, из новейших художников, изображающих лошадей, произведения Вернета[16] в полном смысле изящнейшие, показывающие нам в артисте познания движений, свойств, натуры лошадей. Г. Орловского[17]: киргизские, козацкие, троечные, ямские тоже говорят о пылкости духа художника; г. Зауэрвейда[18] показывают его глубокое знание анатомии, классическое внимание, познание красоты сего животного; но не заставляют нас забываться до того, чтобы, засмотревшись, видеть их не кистью написанных, а просто живыми, движущимися со всадниками своими. Бурую только лошадь, которая скачет, видно художник поторопился кончить, и то только одни задние ноги. Из сотен лошадей, дышащих жизнью, можно какой-нибудь частичкой у одной лошади позволить пренебречь, засмотреться, забыть и прочее!..

Вот вам, М[илостивые] г[осудари], мое мнение, которого вы столь настоятельно требовали. Начиная исполнять ваше желание, избавляю себя, а вместе и других русских художников от укоризн ваших в безмолвии нашем; оно происходило и от непривычки писать, и от опасения подпасть под жестокую критику журналистов. Покорнейше прошу судить и осуждать меня строго за одни только мнения мои, а не за способ выражения.

Имею честь быть, и проч.

II

Теперь прошу г.г. художников разрешить мне, принадлежит ли оная картина [«Парад в Берлине», Крюгера] к роду историческому? Кажется, по принятым до сего законам, она должна принадлежать к роду Фламандскому или домашнему, но отнюдь не историческому. Невзирая на то, что она представляет событие 1824 года в Берлине и изображает не только двух государей, но лица знаменитых мужей и артистов нашего времени. Первое, потому, что на оной писано все с натуры: головы, фигуры, лошади, здание, самый воздух — все дышит жизнью; и второе, потому что ни одного нет Греческого или Римского костюма, они все в мундирах, фраках, сюртуках, шляпах, шляпках. Ни одной даже лошади Исторической: английские, разной породы, датские, козацкие даже, а все движения взяты с натуры. Следовательно, никак не может она принадлежать к роду Исторической живописи. По сему нельзя

ли заключить, что статуи, воздвигнутые нашим великим воинам князю Кутузову и Барклай де Толли, изваянные г. Орловским,[19] ставятся в мундирах и шинелях [и] не должны даже сметь называться памятниками Историческими, а памятниками в домашнем роде. Не знаю, не ошибочна ли уже сама и История наших веков, или того времени, когда люди перестали носить туники и тоги, сандалии и прочая, называемое Историею...

Не назвать ли с приключением фламандской школы или в домашнем роде, например, торжественное вступление императора Александра в Париж, ежели бы представлено было на картине, то оной картины потому никак бы нельзя иначе назвать, как картиною в домашнем роде, потому что ни костюмы, ни лица не дали бы возможности представить их в Историческом и высоком стиле, отняли бы крылья и силу художника творить чудеса.

Г. Крюгер при начинании этой картины, кажется, мыслил, чтобы представить событие Парада, украсить не просто народом идеальным, а представить все лица, своим существованием украшающие время существования Берлина. Он изобразил Гумбольдта, Зонтаг, NN, с лишком 100 портретов (список при сем прилагается),[20] не только сих, но известных наружными отличительными чертами, которые в каждом городе своей оригинальностью всем знакомы, как у нас в Петербурге.

Он их представил не портретами, а живыми, показал так, как Гранет очаровал нас своим знанием оптической и линейной перспективы в человеке и вещах неодушевленных, а г. Крюгер поражает не только знанием животворить человека, но благороднейшее животное, лошадь, он так изобразил, как еще никогда кто-либо не мог воображать, чтобы видеть в оной картине столько живых портретов лошадей в характере их и движении. Эта бурая лошадь на первом плане, на которой сидит кирасирский офицер, повернувшая голову к зрителям, кажется, чувствует, что на нее смотрят, за ней серая, на которой сидит уланский офицер, ударяет ногой, и пыль показывает, что уже сделала не одну линеаду. На той линии, которая ко дворцу, серая лошадь не говорит ли о своих летах и службе... Исчисление всего приводит в изумление. В рядах музыкантов и первом взводе кирасир в собственном своем чувстве! А три собаки, соблазнявшие кадета! Нет, полно, скажу только — живо! Далее, почтеннейший г. Крюгер, для пользы Художеств!

СЕКРЕТ ЛИПМАНОВСКИХ КАРТИН. 1839

В Берлине г. Липман удивляет всех своим картинопечатанием. Одну из этих картин, находящихся у его императорского

высочества герцога Лейхтенбергского, увидел я и сперва удивился; начав, однако, ее рассматривать со всех сторон, увидел, что она должна быть произведена восковыми красками и потом подделана кистью.

Я решился испытать мою догадку и начал таким образом: окрасил воск в лиловую темную, лиловую светлую, желтую и темно-коричневую краски; из воску темно-лилового сделал два цилиндрика, из желтого три, длиною дюйма в полтора, а толщиною в треть дюйма; потом начал я их склеивать так, чтобы они составили форму листочков цветочка Иван да Марья; сделавши это, желтые цилиндрики я обложил тонко светло-лиловым воском, потом слепок этот вставил в бумажную коробочку и пустоты ее залил разогретым темно-коричневым воском, которому давши остынуть, отнял бумагу и получил дюйма в два кубик, у которого с двух противоположных сторон находились цветочки Иван да Марья.

Нагревая металлическую пластинку и кладя на нее бумагу, начал я прикладывать мой кубик с цветочком, и у меня стали печататься на бумаге цветы точно такие, какие были на моем кубике. Не все они были ровны и чисты, оттого что не ровна была температура пластинки, не ровно было держание воскового кубика на бумаге и сила прижимания его к горячей бумаге. Для этого нужна приноровка, но дело в том, что изобретение г. Липмана открыто, и те, которые имеют познание в мозаичных произведениях, могут печатать картины, переменив свои стеклянные краски на восковые и приспособив их надлежащим образом.

Впрочем, я думаю, что этот способ может принести большую пользу не печатанием картин, а печатанием рисунков для фабричных произведений, где потребно не столько ученых знаний, сколько верного копирования картин. Судя по моему кубику, могу определить, что дюйм приготовленной массы для печатания узора или картины может дать более ста оттисков, сколько же даст аршин!

НЕЧТО О ПЕРСПЕКТИВЕ [Середина 1830-х гг.]

Перспектива есть, следовательно, есть и правило, посредством которого художник переносит данный ему предмет на бумагу и на холст в сокращении, но в таком сокращении, которое не изменяет предметов, видимых им в натуре. Предметы оные суть: воздух, горы, леса, реки, животные, строения, человек — словом, все виденное глазами нашими имеет свою Перспективу.

Художники, живописцы и скульпторы непременно должны знать Перспективу; без нее лучшие их произведения будут не что иное, как смесь знания с невежеством. Как бы ни была превосходно

написана картина, но без знания Перспективы она не будет иметь никакого достоинства. Перспектива научает художника правильно поставить или посадить человека или какой бы то ни было предмет на известном месте, чтобы он не удалялся или не приближался, но был там в картине, на том месте, как мы его видим в натуре. Взглянем на произведения древних, как-то Рафаэля, Рубенса и прочих, и мы увидим, что они превосходно знали перспективу линейную и воздушную; в картинах их мы видим постепенное удаление предметов, которое так превосходно показывает нам как бы живую натуру; но незнание перспективы показало бы нам другое: задние части выходили бы вперед, а передние удалялись, рука фигуры, показывающей прямо, была бы направлена вбок, нога вместо того, чтобы стоять на полу, была бы повешена на воздухе и так далее.

Следовательно, перспектива есть необходимая наука для художника; будучи хорошо знаком с нею, он никогда не ошибется в размещении фигур, групп и других предметов в своей картине. Желая показать некоторые правила, посредством коих может художник иметь о ней хорошее понятие, начнем с самого простого и самого легчайшего.

Правило 1[1]

Возьмем какой-либо предмет для приведения в перспективном виде, то есть в сокращении, например, точку,— назовем эту точку *данная*, а потом вообразим себе зрителя, который пришел для снимания предмета и поставил другую точку, «б», которую назовем точкой зрения. Зритель, приходя снимать данный предмет, непременно должен взглянуть на оный, и в это мгновенье образуется линия из его глаз прямо на предмет, которую мы и назовем перпендикуляр зрения «в», но так как зрение наше имеет границы, то есть ограничивается углом «д» 90 градусов, ибо более этого пространства глаз наш вместить не может, ибо и этого довольно для помещения на всякой картине, что же мы увидим более (разумеется, несколько поворотясь в сторону), то это будет уже лишнее, в таком случае мы проведем от точки зрения «б» угол «г», который и назовем *угол зрения «Г»*. Зритель должен иметь картину или стекло (X): параллельно своим глазам X стекло [на полях надпись: «X перед своими глазами»] это он может поставить против себя, на том расстоянии, как ему нужно, следовательно, мы протянем линию вертикально, перпендикулярно зрению, и эта линия пересечет угол зрения, тут мы найдем ширину картины, а где стекло пересечет перпендикуляр зрения, тут уже будет данная точка в сокращении.

В этом правиле мы смотрели прямо на предмет, как бы человеку в лицо, и узнали его ширину, но он также должен иметь

высоту, и для сего, чтобы узнать, взглянем на него сбоку, то есть в профиль; для сего проведем мы линию и назовем ее земная линия «а» [на полях надпись: «Но так как перед глазами нашими есть всегда линия, стоим мы или сидим, то от глаза зрителя проведем линию параллельно земной и назовем — горизонт зрения»], поставим на ней зрителя вышины какой угодно, потом перенесем на земную линию стекло и поставим его параллельно зрителю, в таком от него расстоянии, как она находится от точки зрения в 1-м правиле.

Потом перенесем на земную линию данную точку «а» и положим ее на таком расстоянии от стекла, как находится в правиле первом «X»; на оную точку от глаза зрителя проведем линию, как он взглянул вниз. Потом ограничим глаз зрителя углом в 90 [градусов], и где угол зрения и линия, падающая на данную точку, пересечет стекло, это пространство между пересекающимися линиями будет высота картины.

Перспектива разделяется на практическую и теоретическую. К практической [относятся]:

1. Перспектива линейная, в ней точка глаза, горизонтальная линия, текучие линии [сходящиеся] к точке, линии от точки глаза отклоняющиеся и составляющие свои собственные, точка отстояния, ее действие. Линии в голове и целой фигуры изменения, зависимость линии от точки отстояния. Потребность машинки.

2. Сила глаза (а не воздух) (чтение) местное положение солнца, состояние атмосферы, точка отстояния глаза всем действием управляющая, эффект.

3. Контур (абрис), внимательное рассматривание изгибов оного, начало появления частей и окончание оных вне контура (контур фигуры не должен быть межевым планом), общая форма, движение целого (ensemble). Геометрические фигуры.

4. Рисунок или отенение, непременная связь его с околичностью, зависимость от оной, круглота отнюдь не принята художниками, следствие оной — верное выполнение теней, того только, что позволит сила глаза и точка отстояния от оного; верная градация, выполнение тончайших изменений тени и света, составляющих не что другое, как у скульптора контуры бесчисленные; архитектура, необходимость оной к пути изящного.

5. Краски — вещь последняя, они должны сами собой явиться при точном выполнении рисунка и градаций оного, они только удобняют выполнение оного. Лучше иметь их на палитре менее, чтобы не затрудняться в рисунке.

6. Необходимость изучения натуры простой, по причине ее разнообразия бесчисленного; переход оной к изящной; сравнение натуры с антиками моделей Греков. Красота общая, частная и личная,

гармония частей, Греками открытая. Ничтожность художника без наук.

К теоретической [относятся]:

1. Остеология — наблюдение связей частей скелета, в них общего, форм общих и частных, особенно головам принадлежащих; изменение оных в движении.

2. Анатомия, потребность знания, не счета мускулов, а движения оных и тонкого внимания к формам оных и действия на кожу.

3. Словесность, логика с метафизикой столько же для художника нужны, как рисунок. Внимание к действиям душевным, рассматривание изящных движений, Греками принятых, естественность оных *(нрзб)*. [На полях: «Каждая черта должна быть основана на логических правилах».]

[4.] Гимнастические упражнения, танцевание, фехтование, верховая езда, мимика.

5. Красота общая и частная, характер лиц, наций, земли, костюмы, здания, анахронизм и проч., и проч., чтение хороших писателей, читать Винкельмана.[2]

6. Выбор минуты, действие точки отстояния, освещение, разница между маленькой и большой картиной.

7. Предупреждение любителей, к кому-нибудь их привязанность, впечатление Винкельмана на Рафаэля Менгиса[3] и проч. в них полезное. Рейнольдс,[4] следствие его последователей, знаток в картинах и знаток в живописи. Почерк — не стиль. Подражание художникам. Вандик,[5] ученик Рубенса, без дару и недостатков Рубенса, а с собственными достоинствами. Колорит — не цветность. Перуджино — *(нрзб)* точность; ум — Пуссень, чувства — Гвидо. Ноничные произведения французов scène de société [сцены из общественных нравов — *франц.*]. Статуи Венус Медицейская, Таврическая с амуром, сидячие; Аполлино, Аполлон, Германик, Силен, Геркулес, Зенон, новые Фаон [фавн], Амур и Психея, ответственность живописца и литератора.

Польза каждому по ощущаемым способностям рисования с контуров или рисунков по довольном изучении натуры и антиков, и вред начинания копировать без знания оных: Брауншвейгская живопись,[6] остапиевская [остадиевская] композиция. К роду живописи природа научает, а к родам сим ведет натура.

Как несносно слышать, что Екатерина не была знающа в живописи, как соболь не имеет в себе ничего разуму надлежащего, а одни достоинства торговые.

Живописец держись в таком понятии, можно ли надеяться, что бы они когда-либо могли сделать [служить] к новому возвышению и быть наукою полезною, сопутчицей.

Познай служащих к возвышению рода человеческого.

Живопись не состоит из родов, чувствам подлежащим, материальных, так сказать, мануфактурам свойственным. Она должна быть единственно подсудима разуму, разуму чистому, не одержимому предрассудками. Федоров[7] большой знаток в картинах, а о живописи понятия не имеет.

Уважать ли достоинства людей, которые производят хорошее инстинктом, а не разумом.

Произведения Греков и великих нашего времени художников, Рафаэля, М[икель] Анджело, Пуссена и проч., доказывают, что путь их к достижению совершенства была одна натура в ее изящном виде, почему слепое подражание произведениям сих великих людей не только нас не приближает к усовершенствованию изящных искусств, но лишить может художника навсегда сего намерения. Мы должны брать те средства или, как сказано, пути, которыми достигал своего бессмертия Рафаэль; мы в его произведениях видим то, что нам ежедневно являет *натура,* к творениям благоговеем потому, что они дышат изящной природой, естеством движений не только частей одной фигуры, но всех вообще лиц, отношений одного к другому, словом, мы видим наяву, а не на картине.

Совершенно от нас, от нашего знания, умения находить оную [перспективу] зависит, ежели мы посвятим себя, изготовим, как бы сказать, вкус к тонкой разборчивости. Художник не должен сметь жаловаться на недостатки моделей, а должен уметь оными пользоваться, уметь отыскать, исправить недостатки природные или случайные (коротковатый от природы стан, мускулистые от упражнений руки), но никак не изменяя характера как общего, так и частного (общий, свойственный *Фаонам* [фавнам] или *Гладиаторам, Венерам* или *Юнонам),* частный — свойственный одним Фаонам, одним Гладиаторам, например, с легкой мускулатурой *(нрзб)* нельзя изобразить Фаона.

Мы знаем трех Венер Греческих, они были творимы в трех разнохарактерных натурах, в чистом лице, свойственном одному характеру, так что с моделей Медицис нельзя было бы произвести Юноны.

Ничто так не опасно, как поправка натуры, тот, кто рано начал исправлять натуру, никогда не достигнет высшей степени художеств.

Каждый знает, что зрение обнимает предметы в природе не иначе, как по линиям, известным в оптике, составляющим луч, направленный острием к глазу, которому так ясно нас Диоптрика научает. От Оптики, Диоптрики и близкой к ним Геометрии недавно произошла *Начертательная геометрия,* известная прежде под име-

нем Перспективы. Уже двадцать лет как я, по любви моей к живописи, посвятил себя изучению видеть натуру, а для успешного занятия сим предметом я знакомился с оптикой, диоптрикой и новообразовавшейся начертательной геометрией; разумеется, я не мог участвовать в глубоких ведениях оптики, они отвлекли бы меня от цели моей — приспособления начертательной геометрии к живописи,— а занимался только теми частями Начертательной Геометрии или Перспективы, которые составляют твердые, безусловные основания закона естественного зрения, тому самому, по которому глазу подлежащее должно представляться именно так, а не иначе.

В эту часть художественного образования не входят красота, изящество и прочие Эстетические начала, ибо они не зависят от верного *видения* предметов в Природе. Художник объемлет красоту и научается выражать страсти не органическим чувством зрения, но чувством высшим, Духовным, тем чувством, на которое природа так нещедра бывает и одаряет только немногих своих любимцев, и то частицей, которая нередко без внимательного попечения остается непроросшей.

Мои многолетние старания о приспособлении начертательной геометрии к живописи убедили меня в необходимости изучения сей науки, а опытами над многими молодыми людьми я имел случай еще более убедиться в важности ее, ибо видел быстрые успехи учения, основанного на ее началах; впрочем, мне не удалось еще подчинить моих опытов, привести к твердым правилам, потому в особенности, что беспрерывно открывались новые легчайшие, и еще потому, что не имел я и времени. Теперь же отличнейший труд почтеннейшего Андрея Петровича Сапожникова, *«Курс рисования»*, восхитил меня и оживил; это издание вознесло любовь мою к художеству тем высоким чувством удовольствия, которое свойственно человеку, надеящемуся на прекрасную будущность для любимого им предмета занятий. С удовольствием сердечного наслаждения, сознаюсь даже, что я никогда не имел столько силы терпения и знания порядка в изложении первых правил рисовального искусства, словом, всех тех достоинств, какие вижу в отличной книге Андрея Петровича, с помощью которой каждый родитель или наставник могут взять нарочно приготовленные для сего фигуры (тела) или сделать линейку, квадрат, куб, цилиндр и конус, заставить ребенка смотреть на них и чертить с них, замечать их направления и изменения, а от них переходить к вещам у каждого в комнате находящихся, сравнивать линии стола и стула с линиями квадрата и куба, подсвечника, чашки и прочего с цилиндром и конусом, и так далее.

Таким образом, дитя, даже взрослый, в коем хотя несколько есть природной способности, посредством сего руководства непре-

менно, решительно говорю, непременно раскроет ту частицу дарования, которую он получил от природы, и приобретет дотоле неизвестное ему удовольствие, для того, что по свойственному человеку самолюбию, он уже будет как бы свое творить, имея дело с *натурою*, с природою, а не с кунштиком, и время отдохновения от других занятий, употребляемое детьми иногда на изобретение разных шалостей, заменится рисованием с чашки, чернильницы, стула, потом цветка, бабочки, собаки и, наконец, товарища, приятеля или других любимых предметов, в той части знания, к которой природа его способности направила. Имеющий наклонность к Ботанике займется травами и цветами; любящий Минералогию — штуфами, иной рычагами, другой человеком. В подтверждение этой истины скажу, что в Институте глухонемых сим способом в два месяца открылось уже двенадцать человек, имеющих дар к живописи, они употребляют на рисование время, которое им дано на отдохновение и игры; здесь есть другая нравственная польза: дитя, привыкая рисовать *с тел*, потом с натуры, забывает игрушки и шалости, а приучается к трудам приятным и полезным.

На рисование или живопись я всегда смотрел с своей точки, шел по проложенному самим мною пути и других вел по сей же дороге. Невзирая на то, что я получил название перспективного живописца (от иностранцев) [8], я никогда не почитал перспективу особым, отдельным родом живописи; она, по моему мнению, не что иное есть, как приуготовительное изучение, необходимое для каждого рода сего искусства, и потому я никогда не занимал учеников моих исключительно перспективою. Производимые ими внутренности *комнат* никогда не вели их к так называемому *перспективному роду живописи*, а были и должны быть началом правил знакомства глаза с натурою, приучением его видеть в ней Начертательную Геометрию, Градусы тени и света, силу изображения и изменения линий, зависящих от отношения предмета к глазу. Здесь я разумею и практическую теорию теней, ибо неодушевленные вещи — стены, окна, мебель и прочее, самые даже статуи — не подлежат тем разнообразным изменениям, кои свойственны предметам одушевленным, они стоят, держатся перед неопытным художником смирно, неподвижно и дают ему время точнее и рассудительнее вникнуть, всмотреться в отношение одной части к другой, как в линиях, так в свете и тени с самим цветом, как зависят от мест, занимаемых предметами.

В курсе рисования, изданном почтеннейшим Андреем Петровичем, есть систематическое изложение приступа к так называемому перспективному роду живописи. Перспектива, по моему мнению, есть приготовление глаза верно, по законам природы видеть натуру;

не в улицах с домами и храмами или комнатах со стульями и столами, а в группах из людей и животных, одном человеке, даже и в одной голове.

По моему мнению, Перспектива занимает в живописи такое же место, какое Грамматика в Литературе. Она научает с точностью переносить видимые нами, зрению подлежащие предметы на холст или бумагу; так же, как Грамматика, способствует к правильному выражению идей и понятий, образующихся в уме нашем.

Не имея времени и возможности систематически излагать мои мнения о приложении Начертательной Геометрии, Оптики, Диоптрики и самой Катоптрики к живописи, я намерен, однако, помещать отдельные мои о сем наблюдения в журнале Общеполезных сведений. Это будут отрывки из сведений, приобретенных моими опытами; повторю сказанное прежде: зрение *обнимает* предметы по линиям, известным в Оптике, следовательно, и облака из линий сих не исключаются.

Прошедшее лето я делал над ними мои наблюдения: чертил их на оконничном стекле литографическим Карандашом и один из сих чертежей снят с натуры, при сем прилагаю в примере. Облака я взял для сего первого моего отрывка для того, чтобы принесть пользу молодым художникам, тем, из которых многие, умея прелестно располагать облака на картинах и рисунках, не дают им того естественного хода уходчивости к горизонту, той, как бы сказать, свободообразности, которую мы видим в природе, в натуре, невзирая на градации теней и света, усиливающиеся показать удаление, облака их не имеют, той, как я сказал, свободообразности, а всегда кажутся плоскими, невзирая на красоту расположения. От чего же это? От недостатка в рисунке, в размещении величины их по естественному порядку, который [производит] уничтожающее действие, как тени и света, так и цвета, и от несоблюдения правил Перспективы. Является как бы какая-то борьба прекрасного с недостатками. Один из почтеннейших любителей наших в таком случае часто говорит: «Ах, кабы немпожечко, немножечко чего-то того, что на небе!», именно свободообразности приложения Начертательной Геометрии.

Может быть, прежде меня кто-нибудь сделал приложение геометрических линий к облакам, но мне, по крайней мере, нигде кроме натуры не доводилось читать. Я не говорю о картинах знаменитых художников.

На рисунке — «Горизонт» линию самую назову «А»; на первопланном облаке поставлю цифру «1», на краю рисунка провожу перпендикулярную линию до горизонта «А», и назову «В»; к сей линии протягиваю две линии, заключающие в себе толщину облака

«I» и назову верхнюю «С», а нижнюю «Д», точку, где коснется верхняя линия «С», перпендикулярная «В», назову «Е», а ту точку, где кончается линия «Д», перпендикулярная «В», назову «П», точку же, где коснется перпендикулярная «В» горизонту «А», назову «д»; теперь возьму треугольник или что-нибудь, имеющее прямой угол, например, лист бумаги, и стану ставить таким образом, чтобы непременно две линии угольника или листа бумаги находились на точках «Е» и «д», а самый уголок листа бумаги сыскал бы себе место на линии «Д»; это место, найденное уголком, я замечу точкой и назову «Н», проведу диагональную линию, а потом спускаю мой треугольник или листок бумаги по диагональной линии до тех пор, [пока] верхняя сторона треугольника не коснется точки «П», тогда то место на диагональной линии, где остановился уголок угольника или листа бумаги, означу точкой, по которой протяну линию, параллельную линиям «С» и «Д». Этот второй промежуток будет местом второй величины облаков, почему означаю цифрою «2». Таким образом, продолжая до последней возможности, я открываю естественную Градацию для размещения облаков в том самом порядке, в каком они движутся в натуре.

Должно заметить, что чем облака ниже и гуще, как бы тучнее, тем диагональная линия далее отходит от перпендикулярной, то есть разгибается или просто угол становится тупее. Это обыкновенно бывает тогда, когда тучи застилают небо и идут в два ряда, почему для верхнего слоя угол по произволу можно поставить гораздо острее, а для нижнего, *тучного,* тупее. Сожалею очень, что мне прошлым летом не случилось снять с натуры сих двуслойных облаков. Следующим летом я не премину заняться сим предметом.

Нередко случается, что первопланные облака являются гораздо меньшими, нежели облака второго и третьего плана, точно так же, как и при взгляде на строения случается иногда видеть на первом плане хижины, а на втором или третьем дома, дворцы и башни, но градация линии целого через то не теряется.

[О СИСТЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ В РИСОВАЛЬНЫХ КЛАССАХ. Вторая половина 1830-х — 1840-е гг.]

Во всех учебных заведениях учат рисовать и по сию еще пору для того только, чтобы сказать, что учат *(нрзб)* для одного удовольствия нарисовать что-нибудь, а не для пользы приносимой сим искусством.

Искусство рисовать и самая живопись суть не что иное, как орудия содействующие Литературе и, следовательно, просвещению народа.

Рисование и живопись имеют три главных рода: *Исторический, Портретный и Ландшафтный.* Первый содействует в Литературе в начертании предметов высоких, отвлеченных, Духовных. Второй в представлении простого, *легкого* народного быта, имеющего более выражение характеристическое, близкое к натуре. Третий способствует всему относящемуся к точным наукам, в нем заключаются: животные, здания, деревья, цветы, камни, вода, воздух и прочее.

Как чтение с письмом по правилам Грамматики есть первый приступ ко всем родам Литературы, так и приспособление глаза *точно видеть натуру* и по правилам перспективы переносить ее на холст или бумагу — есть приступ ко всем трем родам живописи.

Глухонемые, лишенные удовольствия вполне наслаждаться предметами к умозрению относящимися, не лишены возможностей чувствовать изящное и вникать в подробности зрению подлежащие.

В России Литература точных наук нуждается в сотрудниках и Народ сетует, говоря: «У нас *ничего нет,* а Правительство предлагает средства и Глухонемые могут быть этими сотрудниками, они, лишенные возможности заниматься Исторической живописью, должны быть направляемы к двум последним родам: Портретному и Ландшафтному, как доступным их органам; не имеющие же дара сделаться по сим двум родам самостоятельными Художниками, могут содействовать Литераторам: Зоологам, Ботаникам, Минерологам, Нумизматикам и другим. Кажется, если не в год, то верно в полтора можно приготовить несколько глухонемых к изданию Литографией наших Русских монет, Медалей и прочего, подобно французскому изданию: Frésor de Numismatique et de Gliptique [Сокровища нумизматики и глиптики. Париж, 1836].

Достигнуть сего полагаю возможно не иначе как разделив рисовальный класс на четыре, из коих первые два сделать *Приуготовительными,* а последние *Действующими.*

В первом классе занимать непосредственным изучением Геометрических линий и тел, давать срисовывать не только с находящихся уже в Институте Геометрических тел, но и с мелких бумажных вещиц, как то коробочек, цилиндриков, конусов и проч., даже и с домашних вещей, например, чашек, чайников, ложек, сложенных чулок, лент и прочего. И так, из учеников, в которых откроется способность верно *видеть натуру,* переводить во второй класс.

Во втором классе показать перспективу, главных ее, основных частей, то есть: *Горизонт, точку зрения* и действия, отстояния от глаза от предмета, и показывать оные действия не иначе как практически или Механически, так, чтобы учащиеся непременно убедились в безусловной необходимости действий сих правил Перспективы на все предметы без исключения. Занимать же их рисованием

внутренностей комнат, вещей в комнатах находящихся, бюстов и других мелких неодушевленных вещей, как то: фруктов, цветов, раковин, насекомых, птиц и проч. Отличнейшим можно давать и краски для цветов, насекомых и птиц.

P. S. В этом классе стараться приучать вернее копировать натуру с барельефов, и иногда для убеждения в возможности вернейшего с натурой сходства давать срисовывать и с *(нрзб)*.

В Третьем уже действующем *классе* приучать рисовать па камне, особенно барельефы, следовательно можно давать и Монеты и Медали срисовывать прямо с натуры. А также бюсты, ставя оные группами.

Так как в сем классе должны уже раскрыться природные способности к каким-нибудь частям одного из родов живописи, то оные в них и питать решительно, почему давать писать портреты друг с друга и прочие предметы масляными красками.

В четвертом классе отличившимся в рисовании с бюстов и натуры и по написании нескольких масляными красками картинок, позволить ходить в Эрмитаж копировать с Вандика, Рембрандта, Рюиздаля[1] и Потера,[2] также в Академические Гипсовый и Натурный классы, давать рисовать и писать целые фигуры с натуры и притом группами. Имеющим же особенный дар давать рисовать контурами с эстампов *новейших* художников: Давида,[3] Вернета, иногда Больи[4] и других, ибо в их произведениях изображаются портреты жизни человеческой.

P. S. Литографией занимать тех, которые не будут иметь самостоятельности Художника.

Девиц занимать преимущественно рисованием цветов, из которых заставлять делать группы, т. е. букеты и, так называемые, узоры. Более всего печься об улучшении их вкуса и памяти. Кажется, *очень бы хорошо было* также приучать девиц рисовать наряды: шляпки, чепцы, пелеринки, вязку лент, куафюры, самое даже одевание, которое можно рисовать и в карикатурном виде, для того, что подобные занятия с улучшением вкуса могут содействовать развитию умственных способностей.

Головы и фигуры, относящиеся собственно к живописи без орнаментов, должны быть отделены и подразделены на Античные или Греческие и новейшие. P. S. в состав первых могут входить чисто Греческие и копии с знаменитых художников: Рафаэль, Гвидо, Анибал Кар[раччи] [5] и проч.

Орнаменты или, точнее, все те рисунки, которые относятся собственно к Технической части, должны быть разделены на произведения древних: Египтян, Греков, Римлян, как Архитектурных, так и проч[их] искусств, должны находиться отдельно от Готи-

ческих, Мавританских, Византийских, Китайских и проч. Этрусские и Помпейские, кажется, могут быть помещаемы ближе к древним. Новейшие французские рисунки, развивающиеся из так называемого Рококо, или Ренссии, должны быть особенно отделены как живущие, чтобы каждому можно было удобно изучить их развитие и начало. Так как в этой отрасли не последнюю роль играют краски, столько же действующие на вкус, сколько и линии, то должно иметь рисунок в красках.

Узоры раскрашенные — приятно взглянуть — а заводчику полезно, — на вазу поничную, бывшую при рождении *Рококо,* Этрусскую, Греческую и Китайскую. Возьмем например вазу *Медицис* и взглянем на ее движение, чего мы тут не увидим.

Китайские орнаменты в заведении необходимы, они имеют разительное отличие от Греческих и новейших, например Китайский а ла грек очень хорош и везде может быть употреблен на вещи формою к нему близкие.

После Геометрических фигур мужчинам лучше всего давать рисовать орнаменты с Гипсов. К Геометрическим фигурам непременно должно прибавить куб стеклянный, для того, чтобы начинающий рисовать тотчас видел причину, почему он ставит заднюю часть куба короче, чем переднюю и при этом учитель должен непременно учащегося довести до того, чтобы он понял Горизонт, на Горизонте точку зрения, текучие линии и точку отстояния с линии земли. Непременно надобно, чтобы мальчик или девочка, имеющие перед глазами орнамент гипсовый или рисованный, знали, какого он рода, то есть из семьи ли Рококо или Готической, Римской и проч.

Девочек надо спешить занять узорами для их косынок, ридикюлей, фрезок и прочего; которыми чтобы они воспользовались дома и приятельницам могли бы услужить, можно даже им дать краски для раскраски своих узоров. Но Гипсовых орнаментов не оставлять до тех пор, покуда рука привыкнет к плавности, а глаз к началу понятия видеть линии и тени в натуре. Тогда с продолжением срисовывания украшений с рисунков, при непременном знании рисунка, к какому он разряду или эпохе принадлежит, давать рисовать на выбор: головки карандашом, пейзажи или цветы красками с *натуры искусственной.* Конечно, на первый раз нельзя заставить рисовать розан, а настурец можно, и тому подобные малолиственные цветы. Можно давать фрукты, плоды земляные, раковины. При этом занятии непременно должны открыться природные способности у каждого и градус оных.

Мальчиков после твердого изучения тел по правилам перспективы заставлять рисовать с гипсов орнаменты с полнейшим отчетом и сохранением всех теней, полутеней, светов, рефлексов и в это же

время в промежутке перемены оригинала Гипсового давать рисовать с рисунков, начиная с какого-нибудь Греческого, например, кайму для чего-нибудь, потом подобную же кайму Этрусскую, а там Помпейскую, Готическую и далее. Тех, которые будут показывать хорошие способности, заставлять делать подражание. Эти подражания совершенно открывают градус и род способности и уже таковым можно поручать ходить в магазины или в окнах их являющиеся новые вещи, достойные замечания, на память рисовать и приносить в школу, а за хорошие понятия и успехи награждать как возможно щедрее и взыскивать строже.

А между тем давать рисовать не целые массы, а отдельно части, рисовать внутренность комнат, это и зимой можно, тех, которые не будут удовлетворены техническою частью, переводить в Гипсовые головы и в живописное отделение. P. S. При красках надобно показать ту гармонию слияния цветов, которую теперешний вкус беспрестанно разыгрывает в своих новых произведениях. Не худо кажется, в роде программы, давать делать рисунки для фабрик: например, для какой-нибудь ситцевой, и рисунок этот передавать фабриканту для произведения в дело, с тем чтобы тот по мере надежды на количество потребления сделал награду рисовальщику. Или несколько рисунков, сделанных для ситцу разными учениками, предоставить из них выбор фабриканту.

II. ПИСЬМА И ЗАПИСКИ

1. ПИСЬМА К МИЛЮКОВЫМ

1

[1820—1821 гг. Сафонково]

Здравствуйте, мой любезнейший Николай Петрович![1] а посланию сему причины нижепишущиеся: к Сназину[2] выехал я в середу *в полдень*, а приехал *в 10 часов вечера*, от него выехал в четверг в *3 часа после обеда*, приехал домой в пятницу в *9 часов утра*. Каков вояж! Сей-то вояж план мой — в воскресенье быть у вас и в четверг на священье у Сназина — совсем разладил, а сладил так, что ежели Прасковья Васильевна[3] не поедет на священье, то приехать мне к вам во вторник с женою и потрохом, а ежели поедет, то приехать одному и от вас или в среду или в четверг отправиться в Ивановское. Итак, мой дорогой, прошу решить, как мне к вам явиться — одному с красками или с потрохом, а между тем сего же дня отправлен гонец к почтеннейшему нашему Серафиму[4] с полученною мною от Ивана Терентьевича просьбою к нему участвовать при освящении — я ему пишу выше, то есть на той странице, писаной проект, сиречь, о вторнике, среде и четверге. — Поняли? — Нет, не все, для

того, что я вам еще всего не написал, а это все состоит в том, чтобы в середу он приехал к вам и от вас бы со мною отправился в Ивановское. Ладно или не ладно, а дело сделано. Итак, мой дорогой Николай Петрович, берите перо и пишите — с потрохом или без него, а маменьке вашей с моим почитанием ручку поцелуйте; жаль, что обычью нет, а то бы попросил и у папеньки поцеловать, у сестриц у всех ручки перецелуйте за душою вам преданного

А. Венецианова.

Его благородию милостивому государю Николаю Петровичу Боткину.[5]

2

[Начало 1820-х гг. Сафонково]

Вчерась поздно вечером очутился я с насеткою моею в Резиденции нашей, и потому опаздывают к вам Геллертовы рассказы.[1] Мы с Иван Ивановичем[2] ездили удивлять природу, которая лет за десяток назад и образа человеческого не видывала, почему ожидавший Посол Сытнинский[3] должен был вспять возвратиться.

С сим подателем надеюсь видеть портрет вашего Папеньки, для которого сукно на фрак и на шубу готовлю.

Некогда! Спешу в Сафонково. Простите, неоцененный мой.

Вам преданный

А. В.

Его благородию милостивому государю Николаю Петровичу Милюкову.[4]

3

[Декабрь, начало 1820-х гг. Сафонково]

Здравствуйте, желанной мой Николай Петрович. Не знаю, мой дорогой,— нет, лучше опять скажу: желанной! — благодарить ли мне тебя за чистое твое расположение, отпечатанное сердцем в строках двух твоих писем: потому что благодарить тебя за нежность чувств твоих, кажется, то же, что благодарить тебя за твое существование; а пожелаю тебе за скуку ту, изнуряющую тебя так уродливыми личинами, первое: воздать от чистого твоего сердца совершенное благодарение небесному творцу, а потом обнять истинных твоих друзей за впечатление их воспитанием драгоценной этой скуки! Ах, мой желанной Николай Петрович, как тот счастлив, кого не ослепляет едкий свет необузданной суетности, всегда управляемой безумною самостью, и кто может видеть узника, влекущегося на золотой цепи в страшную неволю этикета, должности, чести и всякой модной сволочи обязанностей! А между прочим, скажу жалобе

твоей на Городскую надменность и на прочие столичные пузыри, что в безмятежной нашей деревенской жизни найдешь ты для своего сердца от крестика в золотник, золотого, до нескольких берковцов и чугунный, то что так же, как в белокаменной.

Начал за здравие, а свожу за упокой! — прошу не погневиться. Ежели бы не возгласили: пожалуйте кофе кушать, то от крестов чугунных, может быть, кинуло бы меня к хрустальным каблучкам!

Ох, мой дорогой! Очень мне грустно, что здоровье маменьки опять начало ее изнурять. Единственное и самое вернейшее лекарство во всех болезнях есть твердость духа, она дает силу действия всем лекарствам и разум врачу, а маменька ваша, кажется, лишает себя сего небесного бальзама — делается дамою и перестает быть тем примерным героем в болезнях, которым она до сих пор была. Ваша обязанность отыскивать средства к возвращению прежнего ее Гения через тех, кому она более верит,— напомните ей: *«вера твоя да спасет тя»,* и что Христос плотию только оставил нас без себя на земли.

С тех пор как мы простились в Братском, я нигде, кроме разу, одного разу в Поддубье,[1] не был, потом в Теребенях[2] с Петром Ивановичем.[3] Свежесть прекрасного зимнего воздуха в выспренней белизне зеркальных звездочек Эолова с Бореем Творения для моего диковинного состава сделались нонче неблагоприемлемы, и, кажется, чем далее, тем более и более появляется во мне приближение к разрешению, напоминающее: земля еси, и в землю пойдеши! Мериносы[4] мои перестают мне с прежним усердием служить! Одна добрая моя палитра не перестала еще холодеть ко мне, она приголубливает спотыкающуюся бренную мою голову.

Что же такое? Ведь бумаги только страничка, а я ничего не написал! Скажите сестрицам,[5] что я их почитаю, и ежели благопристойность, учрежденная предрассудками, расстоянием состояния и прочее и прочее все это позволяет сказать, то скажите, что я их люблю всею душою, всем сердцем, сколько нельзя больше — ну, я тогда буду счастлив, когда мои Саша и Филиса[6] будут таковы, как они. Любезного Васеньку,[7] с добрым его сердцем и душою, не знаю, как оценить. Шкап его Фелису утешил, а батьку ее привел в то умиление, которое возвышает его душу.

Что же делать, ну, простите! Поцелуйте ручку у Маменьки, скажите ей, что бранил я ее очень, бранил за потерю ее всегдашнего духа. Поздравляю с наступающим праздником и приближающимся Новым Годом, в котором желаю очень получить оседлость и перестать быть кочующим. Я навсегда одинаково пребуду почитающим вас и душою преданным.

А. Венецианов

Сделайте одолжение, мой дорогой, на прилагаемую при сем сумму потрудитеся приказать взять того пластыря, который женщина делает, получившая рецепт на него от француза.

4

22 июня 1823 г. С. Трониха

Здравствуйте, мой дорогой и любезнейший Николай Петрович, с собственным вашим приездом в Град Петров поздравить вас поздно — поздравляю с приездом к вам дорогих сердцу, желал бы, чтоб при них вам Питер так полюбился, чтобы вы его не оставляли и даже меня бы дождалися. Может быть, людимости Московской, рассыпчивой приветливости и порхающей ласки не найдете ни в ком, но твердое по сердцу знакомство отыщете везде — с трудом — с искусом времени и на всегда. По наружности и по всему тому, что теперь вас объемлет, не правда ли, что Питер похож на часы Аглинские, а Москва — на Французские! Время бы вам более доказало истину Аксиомы этой в моральном отношении — Московские связи с блеском светят, а Петербургские греют, только — записался!

Были ли в Эрмитаже, на заводах, фабриках, где разум человеческий в величии Гения пользы цветет и плоды вкушать заставляет, в училищах, гимназиях, академиях, где все стремится к благу Царства... Нет поля без крапивы, нет розы без шипов!

Ежели будете в Эрмитаже и увидите почтенного старика Ивана Лукича Лукина — *он управляющий Эрмитажем и библиотекарь,*— скажите ему мое почитание, скажите, что я все мои желания направляю к тому, чтобы у них быть на одной стене с Гранетом.

Я сейчас еду к вам в Поддубье и к моей туда Саше..?, да мой дорогой! Следовательно, Поддубье теперь для меня еще милее.

Простите, благодарю, мой любезнейший, за камлот, [1] много благодарю, желаю, чтобы Питер полюбился и здоровье бы ваше не мешало там насладить воображение всем Изящным духа. Сердечно вам преданный и душою почитающий

Алексей Венецианов

Итак, мои почтеннейшие Петр Иванович и Иван Иванович, вы в Питере затем, чтобы повидаться с одним, только с одним человеком каждому из вас, и, попечаясь о нем, а попечаясь так, что, ежели бы к пользе и жизнь потребовалася, не пощадит и оной, и я сегодня еду в Поддубье, чтобы повидаться с Прасковьей Васильевной да поглядеть на Сашеньку, и потому вчерась пораньше домой приехал, чтобы сегодня пораньше ехать в Поддубье. Невзирая на то, что никакого отношения вчерашнего дня рано не имеет с сегодняшним рано, нет.

Не все то дело писать! — дело нас и так довольно изувечило! Следовательно, можно перо брать — нет, пора перо брать, чтобы чувства сердца сообщить, глупости, или, как хотите назовите, открывать.

Итак, желаю вам успеха в желаниях ваших, которые всегда бывают в исполнении, когда находятся в границах. Будьте здоровы, я навек пребуду душою и сердцем преданный и покорнейший слуга

Алексей Венецианов.

Пора в Поддубье.

[Приписка П. В. Милюковой.]

22 июня 1823 г. С. Трониха

Любезный друг Петр Иванович, письмо твое от 17-го сего месяца получила. Слава Богу, что вы хорошо доехали и нашли Николая здоровым. Я и дети также все довольно здоровы, скучаю только об тебе с Николаем. Приезжайте скорее домой. Ев[праксия] Тим[офеевна] [2] также здорова и Владислав. [3] Она потому не пишет, что поехала вчерашнее утро с моими детьми к Сназину на именины и случилась оказия в Волочок. Так и спешу тебя о себе и детях уведомить. Со днем твоего ангела поздравляю, желаю, чтобы ты был здоров и весел.

5

[25 июля 1823 г. Петербург] [1]

Желанный мой Николай Петрович! Прежде всего заклинаю я тебя молчанием, содержанием в тайне даже от папеньки этого предложения и просьбы: знаю точно, что для доброй твоей души и успех, и попечения будут приятны. С нетерпением я ждал прошлого лета Алексея Осиповича, [2] чтобы ему предложить о несчастном положении Василия Егоровича: [3] но А[лексей] О[сипович] не приезжал, следовательно, горечь участи несчастного не сменилась услаждением. Возьми ты на себя, мой друг, это попечение. У Василия Егоровича есть 9 или 10 пушечек — моделей, сделанных по калибру, предложи Алек[сею] Осип[овичу] разыграть их в лотерее рублях в 1000: может быть, Василий Александрович [4] по доброй душе своей примет участие и другие твои знакомые не откажутся помочь страждущему семейству.

Ты сделаешь добро человеку, угнетенному за нерасчетливую доброту, а себе доставишь удовольствие, которое во всю твою, даже вечную, жизнь будет тебя питать. Принимайся! Не раздумывай! Ложные мысли предрассудка да не коснутся тебя при свете чистого разума, ежели ты станешь отклоняться. Теперь скажу, в чем состоит мое заклинание,— чтобы никому не говорить, что я тебе

предлагаю, а сказать, что самому тебе пришла мысль. Потому что я уже много имел неудовольствий в подобных случаях. Allons, courage! [Ну, смелее — *франц.*] Уведоми меня в Питере у Кокушкина мосту, в Хозяйственном Департаменте М.В.Д., у И. С. [В.] Бугаевского.[5] За твое попечение о В[асилии] Г[еоргиевиче, Егоровиче] я попекусь о твоем архитекторе.[6]

6

17 декабря 1823 г. Тропиха

Здравствуй, мой дорогой Николай Петрович! Твой папенька на пути в недра чистой дружбы, в недра пищи сердечной, а я на пути из недр нежных ласк моих милых малют, из недр доброй приязни — к неизвестности, которая заманивает необходимостью, обязанностью и каким-то священным долгом и льстит самолюбию.

Никогда еще я не оставлял Тропихи с таким теснением духа, как теперь готовлюсь оставить; кажется, будто душа моя тело оставляет и сходит в челюсти мерзлой пропасти. На Сашу мою и Филису гляжу с таким щемлением сердца, от которого весь мой состав цепенеет, а домашние попечения разрешаются, как в реторте. 10-го числа, приехавши в Волочок, я занемог, и так, что хотел последний долг христианина выполнить; от болезни тела дух мой приходил в такое уныние, от которого мысли останавливались, мертвели. Судороги делались в воображении моем! *Лекариочик* оживил меня, возвратил в Тропиху, а в Тропихе заставили меня благоговеть к соседям моим, а более всех, мой любезнейший, к твоему Папеньке, да воздаст ему творец небесный! Кажется, богу было угодно в кратковременной болезни озарить меня своею благодатию и оною открыть мое счастье в добром расположении ко мне соседей.

Болезнь моя (простуда) отдалила немного мой отъезд, и я теперь уже думаю отправиться дня через два в Петров Град; приехавши туда и шагнувши в мои намерения, писать стану к вам, а теперь что сказать? — прости! — не хочется, а между тем какая-то скука, щемя сердце, как бы вырывает перо.

Скажите мое сердечное почитание вашей Маменьке, ее доброе расположение ежедневно растит в душе моей преданность, сестрицам вашим скажите, что искренность их да чистые чувства умиляют всегда мое воображение, а братец ваш научает меня терпению своими болезнями.

Человек предполагает, а бог располагает. Елизавет Францовна[1] по болезни своей расстается с нами. Ежели бы моя Саша с Марфой и фамилией были теперь в Москве, ощутительно бы было для моих скудных финансов терять без цели.

Однако же скажу прости, хоть и перо очинил; желаю тебе пользоваться удовольствиями Праздника и совершенным благом быть в оной глазах так нежного отца и друга. Прости, мой желанный, я навсегда пребуду тебя почитающим и сердечно преданным — нелицемерный

А. Венецианов.

7

25 декабря [1823 ? г.] Сафонково

Неужели благодарить тебя, Любезнейший Николай Петрович, за память троицких обитателей, кажется, благодарностью такой разругать тебя надобно. Правилами своими каждого ты давно уверил, что, полюбя, не разлюбишь, а о забвении понятия не имеешь. Итак, мой дорогой, поблагодарю тебя за доставление удовольствия побеседовать с тобою из-за берегов Ворожбы к берегам Яузы.[1] Сегодня 25 декабря. Поздравляю тебя с праздником и наступающим новым годом, желаю и оканчивать все и начинать в истинном удовольствии, в мирном, питающем душу, услаждающем воображение, без раскаяния и скуки от великих подвигов, свойственных молодому человеку.

Я собираюсь в Питер, хочу в Крещенье быть там, не знаю, как бог поможет, еду, кажется, недели на две, на три, не более. Хочу поглядеть на то, что питало мою душу, и на тех, которые услаждали ее. Говорят, будто все в мире подвержено перемене, а мне кажется, что многое — не перемене, а изменению, через которое вновь оживает. Мне-то кажется, любезный Николай Петрович, что в чувствах людей — *я разумею людей с душами* — отсутствие то же производит, что отдаление солнечных лучей от всего прозябаемого, с приближением же которых — с возвращением, лучше сказать,— к природе, кажется, точно так, как в знакомстве, оживает все — растение связей, знакомства, приязни,— *не смею сказать дружбы,*— зависит от хозяев, от грунта их сердца и от угождения, разумом устраиваемого.

Зовут меня кофе пить! напился! Хочу съездить к почтеннейшему Петру Ивановичу, поздравить его, пожелать ему покойного пути и вручить ему сие марание.

Альбом ваш давно-давно я отдал Ладыгиным;[2] в нем, было, вдобавок к Ангелу начертилось кое-что из истинных происшествий, но не кончилось — чуть-чуть было я не попался.

Простите, мой дорогой, приехавши в великий Петров Град, напишу вам что-нибудь, а теперь повторю мое вам желание — наслаждаться городскими удовольствиями с сельской простотой. У маменьки вашей поцелуйте ручку за вам душою преданного

Алексея Венецианова.

Жена моя вам кланяется и, свидетельствуя всем ее преданность, благодарит вас за приписку к ней.

Его благородию милостивому государю Николаю Петровичу Милюкову.

8

27 марта 1824 г. Питер

Ух! Слава богу! Насилу-то, насилу ты нашел свободную минуту от тяжкого бремени трудов твоих уделить Питерскому бродяге. На меня какой-то черной, мерзлой столбняк находил, что я не смел к тебе из Питера аукнуть. Меня Василий Александрович[1] (*нрзб*), зная вашу с ним связь и его развалившееся здоровье, я мерещил себе все что-то сумрачное, чему и приписывал и безмолвие твое. Слава богу, откликнулся! Ну, здравствуй же, желанный мой Николай Петрович! Слава богу, что ты здоров и у вас все хорошо, мне только и надобно было.

Нимало не дивлюсь безуспешности, та добродетель, которая вошла нонче у людей в моду, есть ничто иное, как система достигать цели желаний или, лучше сказать, благотворить с иудейскими процентами, почему в тупом горизонте сердечных чувств эта модная добродетель находит убедительные невозможности; много, очень много и здесь такого есть народа, который благотворит с процентами, но много и такого, который видит и проценты и капитал в горизонте сердечных чувств.

«Преображение»[2] можешь мое взять для того, что его ни за что нигде нет, а воскресенье достану и привезу.

Николай Николаевич[3] тебе много красно наговорил, а я тебе скажу, что у меня много журавлей в небе летает, а синиц ни одной в клетке. Покамест еще соловья баснями кормят, то была болезнь царская, то свадьба государская, то похороны княжие, то поминки, да то-то, да то-то, да и вот три месяца как не бывало. Впрочем, конечно, бог не без милостей. «Гумно»[4] мое всеми принято очень хорошо, кроме художников, но государь еще его не видал, а знает о нем с лучшей стороны! Везде свой порядок, которому должно повиноваться, вот тебе все! К святой неделе думал, было, я быть дома, но нельзя, а может быть на Святой выеду. В июле думаю сюда тащить Марфу, Сашу и Филю. Прости, Трониха; но *не навсегда.*

Прости же покудова и ты, мой желанный, скажи сердечную мою преданность дорогому твоему Папеньке и бесценной твоей Маменьке. Сестриц твоих милых ручки поцелуй, а братцев в губки, именно в губки, за сердечно тебя почитающего

Алексея Троницкого.

9

2 сентября 1824 г. Санкт-Петербург

Здравствуй, мой любезнейший Николай Петрович. Нонче да завтра лошади мои повезут Михайлу Марковича[1] и мое с ним писанье с посылками потащит, ан и сентябрь на кончике, ау — и оторвался! — и Поддубских нет в Поддубье. Писать же в Москву — вот дело-то так сделалось! Ну, так здравствуйте в Каменной, а я в пресловутом и, понюхивая, вспоминаю милого друга, яковлевского владыку.

К Папеньке и Маменьке о житье моем маленько написал, неужто и тебе повторять? А скажу тебе о несчастном Василье[2] или о злополучных отце и матери: В[асилий] на сенатской гауптвахте и, кажется, усовершенствовался во всех лихостях, нужных удалоотчаянной голове. Мы и с Марфой у него были, и он у нас сперва бывал. Потом, когда смекнул, что я не деревенский, а старый городской воробей, перестал ходить. А Иван,[3] боже мой, только. В[асилия] судьба решена — его скоро отправят за караулом.

Любезнейший Владимир,[4] не потому, что он тебе брат и чтобы по обыкновению сделать приветствие похвалою брата, нет, мой дорогой, а истину скажу: он не будет, а уже есть украшением в вашем семействе, при прекраснейшем рассудке — отличное поведение и особенно прилежание — нет! — любовь к наукам. Ежели не вынудят его оставить службы, он будет великий человек.

Принимаюсь за изображение натурного класса для параллели Гранету, и мне иногда кажется, что я не в Питере и не в Академии, а в Афинах и в Парфеноне вижу Демосфенов, Аристидов, Праксителя *(нрзб.)* Может быть, ты скажешь: пристрастие всегдашнее меня переселяет за трехсотлетие до Христа? Нет, мой дорогой, а вернейшее сравнение во всех отношениях *затретьяго* с девятнадцатым, чистота вкуса, изящность его с игривостью питают мое воображение и пресыщают душу. Поэзия, проза, живопись, архитектура со скульптурой цветут. Скажем — не во многих, да разве во всех афинянах изящность цвела?.. Записался... Не сделаешь ли заключения, что исступление такое может оставить Сафонково? — Нет, мой дорогой, никогда не оставлю того, что питало и будет питать в уединении мою душу и Гения.

Ну, прости, мой дорогой, пиши ко мне, душою тебе преданному

А. Венецианову.

Санкт-Петербург
В.О., 5 линия, дом Костюриной.[5]

10

24 ноября 1824 г. [Петербург]

Изволь, мой любезнейший Николай Петрович, скажу тебе, что знаю о следствиях страшной свирепой пятницы, в которую разверзались подземные хляби поглотить нас. С десятого часу утра ветер дул с сильными порывами вдоль Невы по двенадцатой, и мы могли еще кое-как лепиться по высоким тротуарам — смотреть на плывущие к нам в линии дрова, ящики, шляпы и разную мелочь; в двенадцатом порывы усилились, сделались непрерывными, все улицы наполнились водою, в пенистых которой волнах скрылись нижние этажи. Тут зашумели не одни дрова, от которых затряслись наши каменные стены. Сплоченные две барки с сеном ударились о стены 1-го корпуса по берегу, другие две ввалили на площадь Коллежскую,[1] третьи к биржевым анбарам, и четвертые две, примкнувшись к первой, у первого корпуса рассекшись, скинули свой груз с волн его [слово пропущено]... с невскими лютыми волнами. В третьем часу с теми же порывами ветер начал южнеть и с улиц наших волны оборотил, в которых мелькали кое-какие мелочи: столы, шкапы, сундуки, кадочки, а барки, кровли, этажи домов, крупной лес задумались; как в три часа, уже улицы были только грязны на середине, а тротуары сухи. Я только выходил к Неве и увидел берег наш таким, каким он был, может быть, и в XVI веке — казался таковым,— мосту не было видно, он в сумерках скрывался около Адмиралтейства. По набережной неприметно было и столбика балюстра, у которого держалися одни садки [и] колебалися на зыблющихся волнах. 8-го числа поутру мы были без хлеба. Я отправился ходить. Все мрачно молчало и леденело, во всех нижних этажах сквозь выбитые стекла збитая, изуродованная мебель, с платьем, постелями, лежала на воде. Люди иные тихо по тротуарам бродили, другие у окон стояли и в них не смотрели. К полудню кое-что начало оживать и горести узнавать. Академическая площадь,[2] Румянцовская[3] засыпана была мелкими дровами. Корпус 1-й с набережной, в уступе, где палисадник, заставлен был в садике барками двумя с сеном, а берег за *(нрзб)* другими двумя избитыми. По бирже текли сахарные лужи, в которых валялось красное дерево, бакаут и прочее. Первая линия была загромождена плотами и Васильевской деревянной набережной с перилами, Средний проспект заставлен барками, засыпан дровами, а последний[4] забит и барками и остатками домов с Тринадцатой линии. Средний и последний проспекты засыпались цельными домами и этажами, за которые начали приниматься полками разбирать с полудня, чтобы заделать сперва проход, потом проезд. Тут-то начали находить несчастных и по одиночке и семействами, волнами погребенных, открывать коров, лошадей, кур,

гусей, собак. При уцелевших домиках заборов не было, надворные постройки снеслись, а вместо них стояли другие, из гавани принесенные. Это то, что я своими глазами видел. Адмиралтейская сторона была украшена подобно нашей, но только мелким ломом, а не домами. Ежели описывать пострадавших, то духу не станет. Капитан Луковкин, имевший домик на Капонерском острову, 7-го числа отправился в Адмиралтейскую сторону за покупками к имянинам (он — Михайло), оставя дома жену, сына-офицера, накануне из полка приехавшего, трех дочерей и человек трех людей; был там оставлен водою до утра 8-го числа, потому что перевоз не учредился; дома своего не нашел и места не узнал, а отыскал дом на Гутуевом острову и в нем жену в объятиях детей мертвыми, людей также — бедной доброй Луковкин потерял разум. Каретная часть, Ямская и Преображенской полк не видали воду, Васильевская, Выборгская, Петербургская с островами и гаванью много исковерканы. От Екатерингофа до Питергофа следы бедствий ужасны. Может быть, за 1000 человек погибло, а не до 10 тысяч, как в Москве назначили. Греч уже печатает, Свиньин станет многое описывать того, что возвысит русского, много, очень много было великодушнейших поступков, украшающих душу, а душа нашего Александра,[5] кажется, имеет что-то нечеловеческое, в нее сам бог переселился; никакой отец не может более иметь попечения о детях, как он; он в бурю хотел сам броситься на катер спасать плывущих в домах по Неве, для которых отправил Бенкендорха.[6] Никаких не оставил развалин, не осмотря, и трупов, не оробя слезами. Народ говорит: «У него, у батюшки, слезы замирали, уста запекались, глядя на беды наши». Учреждения к вспоможению бедным превосходят воображение, устройства к пресечению монополизма удивительны, все у нас в той же цене, в которой было до потопа.

Итак, мой любезнейший, вот тебе кое-что из бывшего и настоящего; бывшее ужасает, а настоящее умиляет — умиляет к нашему доброму ангелу-хранителю царю.

Вчерась я ходил к Алексею Егоровичу,[7] надеясь там найти Владимира Ивановича,[8] но ни того, ни другого не нашел; сего дня посылал к нему, и вот тебе от него писание ко мне. Волю твою я все ж выполнил.

Марфа моя довольно похворала, я тоже спотыкался, теперь поподнялись, все бродим и прислушиваем пушечных выстрелов, от которых сердца екают. И не у одних у нас — кажется, долго жители Питера не забудут нашего ужаса.

Дорогую, добрую и любезнейшую имянинницу, Катерину Петровну,[9] поздравляю со днем ее Ангела, желаю ей здоровья и здоровья с сердечными удовольствиями. Всех вас поздравляю с дорогой

имянинницей — у маменьки прошу поцеловать ручку и сказать, что в доме Завалевского, где она жила, первого стекла только на палец не было в воде. Теперь по всем улицам сделаны метки высоты воды, во многих местах с тротуаров не мог я рукою доставать оных — в какое-то оцепенение приходишь, вообразя бывшее.

Прости, мой дорогой, желаю тебе здоровья, истинных удовольствий и сердечного спокойствия.

Сердечно тебя почитающий обитатель топившейся столицы Троницкой обладатель и сухих берегов Сафонкова

Владыка

P. S. Друга твоего папеньки, верно, в Москве нет,— я к нему в Поддубье напишу.

Сослужи ты мне службу, хотя она и не по твоей части, но я уверен, что тебе маменька поможет. Вот что: купи или закажи Бердо, самое тонкое, для платков, сиречь аршинное, кажется, в тринадцать сот, и не замедли отправить в Трониху к Петру Гавриловичу.[10]

11

[1 декабря 1824 г. С. Петербург]

Вот, мой почтеннейший,[1] мне придумывалось, что вы уже за домашними друзьями вашими пустились в Москву,— ан и Катерина Петровна в Поддубье с вами. Итак, мой почтеннейший и дорогой, здравствуйте!

Зная, что все касательное до нас занимает вас, скажу вам: квартиры еще я не имею всей, для того что не очистились хорошие, а на невыгодную помещаться не хочется. Пансион определили получать из казначейства, а жалованье очистилось шестисотное.[2] Покамест только — потоп наш много меня расстроил и многих, теперь все занято устройством потерпевших от свирепого зева Невы. Перед потопом Марфа моя была с месяц больна и помучила меня, после потопа я изволил 2 недельки похворать, так что задумывал со всеми замками, в воображении согромозженными, расстаться. Теперь добрая Филинька больна, которая более нас терзает своею кротостью и терпением, нежели болезнью. Антошка[3] обезручивал и обезноживал нас также, на него сильно морская вода действовала. Все перехворали, а дружок Филинька в череде.

Вот вам наше житье-бытье — описывать вам свирепости мокрой могилы, мрачную пасть свою расстилавшей, не стану, воспоминания действия, а более следствий, до гроба, кажется, станут цепенить каждого. Теперь у нас умиляют сердца милости кроткого, доброго царя, он душою и телом переселился к расхищенным, утешает их в невозвратимом и облегчает возвратимое, не боится никого, как про-

стой ходит по развалинам гражданин и не по рапортам о жизни человеческой заключает.

Сделайте милость, мой дорогой и почтеннейший Петр Иванович, потрудитесь приказать доставить Петру Гавриловичу мое писание и его персону лично к вам предоставить. Вот уже на четвертой месяц как я Трониху оставил, а весточки из нее никакой. До приезда Ивана Ивановича[4] я управлялся терпением, т. е. был уверен, что ко мне пишется так же, как от меня, но подвергается общему уделу истления писем, к которому я так давно привык. Не получа же от Ивана Ивановича никакой дубровской хартии, как-то я поразладился в моем мнении. Здешняя жизнь манит мое самолюбие и дает средства к выполнению обязанностей в отношении к детям, а деревенская есть моя оседлость, управляющая здешними намерениями, потому что грустно за три месяца не получать вестей.

Доброй Николай Петрович беседует со мной из Москвы, я его и всех поздравлял с имянинницей,[5] надеясь, что она в Белокаменной. Теперь поздравляю с прошедшим днем ее ангела вас, дай бог, чтобы она была здорова, здорова и здорова — только ей желаю, для того что, кажется, от этого блага истекают все в мире блага.

Ежели по-прежнему не обманет нас зима, то успокоит совершенно и смягчит в воображении хищность Невы — привыкнуть бы, кажется, надобно в 7000 лет к игрушечкам природы и не считать за небылицу ее капризных переполох; но жалкое творение — человек ценит одно лишь настоящее и благо, и зло, прошедшему не внемлет, будущему не верит, увы, и в промысле Творца ежели вздумает причины найти, то и тут их просто находит в нем без отношения к себе, говорит: так богу угодно, так богу вздумалось, каприз ему пришел. — Ну, добро, надобно кончить. Надоем!

Бедному моему Филиньке не лучше, пиявицы к вискам ставили, и головке не легче, катаплазмы[6] не помогают, что-то будет завтра? Простите, мой почтеннейший и дорогой, желаю вам здоровья со всеми вашими добрыми, нам милыми домашними, желаю вам их найти всех таковыми, какими могут вас утешить и порадовать. Я навсегда с одинаковой преданностью и с сердечным удовольствием вас почитающий

А. Венецианов.

Почтеннейший мой, на прошедшей почте я писал к Петру Гавриловичу [Мачихину], чтобы он объявил моим поданным, что ежели кто желает ко мне писать, имея нужду, то чтобы Петр Гаврилович брал письма и отправлял. Это для того, что у меня староста преумная шельма, то чтобы его сим несколько поограничить в личностях. Посоветуйте, мой дорогой, годен ли этот прожект, может ли ограничить старосту и облегчить доброго Петра Гавриловича?

12

7 декабря [1824 г. Петербург]

8 декабря получили мы ваше письмо, почтеннейшая наша и дорогая Прасковья Васильевна. С 27-го прошлого месяца Филинька наша отняла у нас руки и головы: больна горячкой, которая есть следствие свирепости 7-го числа, бдительным надзором доброго доктора Зеланда[1] она держится в жизни; он нас утешает надеждой и своим попечением. Ужасно теперь Филипьку в руки взять, только одна кожица на косточках осталась. Завтра — 9-ое число, и будет двенадцать суток — что они скажут?

До вчерашнего дни (7-го числа) мы здесь на острову были заперты Невой (с 2-го числа), вчерась она стала, и мы как будто свет увидели. Вчерась был у меня Андрей Клементьич,[2] сказывал, что Алексей Егорович получил письмо от Осипа Ивановича,[3] которой пишет, что он очень нездоров после плаванья по ворот; во вторник или в середу думает он туда ехать, ежели Осип Иванович сюда не будет. В Кронштате ни одного офицера чудовище не поглотило, оно по крепости множество разрушений понаделало, стены с пушками поразнесло, 170-ти пудовую мортиру на несколько сажен отбросило, кораблей тьму избило, на косе несколько домов снесло, кажется. Ужасно! Людей не дощитываются только 72. На многих улицах воды не было. Известная мне Галкина была суха и церковь Богоявленья.[4]

Сего дня поутру, чтобы грусть рассеять и самому не сделаться тем, что Филинька, ходил я за реку и по новому ее хребту шел, как клейменый вор мимо управы благочиния. Хотел видеть Ивана Ивановича; но не застал его; письмо ваше оставил у него. Ежели пойду завтра ходить, опять зайду к нему,— он воды боится и потому не бывает у меня. С ним увидевшись, поговорим о камлоте и вам доставим.

В прошедший вторник я писал к Петру Ивановичу; но... но письмо еще у меня и пойдет с сим вместе. Не слыхать, чтобы кто затевал особливое издание о бедствиях 7-го числа, а пишут Греч в «Сыне отечества» и Свиньин в «Отечественных записках». Павел Петрович украсил следствия его многими сердцу милыми анекдотами и будет продолжать. Думаю, позавидует Европа характеру русских.

Желаю вам здоровья и еще-таки здоровья, единственного счастья человеческого, от искреннего сердца вам преданного душой

Венецианова.

Тебе, мой милой друг Николай Петрович! Что сказать? Грустно мне, очень грустно, так что забыл, бывало ли когда так грустно.

Душа моя томится отчаянием и надеждою,— все из рук сыплется, валится, ноги по песку на тротуаре скользят. Часто мерещится страшное молчанье грозной тишины двух часов седьмого числа.

Итак, мой дорогой, ваша Москва отличается жертвами, украшает себя в истории Европы и увенчивается правом гордиться добротою. Миллион и сто тысяч вдобавок к нашим миллионам заставят несчастных забыть слезы навсегда.

Прости, мой дорогой, ежели луч света в душу мою заглянет, покалякаю с тобой, а теперь, право, что-то чернила в пере сохнут. Еще раз прости, будь здоров, я навек пребуду душой тебе преданный, твой весь

Венецианов

7 декабря, понедельник, вечер.

Сестриц твоих дорогих поцелуй, а братцев в губки за меня и горкую Марфу, которая держала, держала перо, да так и оставила, сил у бедной нет.

13

[февраль — март 1825 г. (?) Петербург] [1]

Только с неделю как я духом отдохнул, и моя Марфа, увидел, что жить будет; вот, Мои Почтеннейшие и дорогие Петр Иванович и Прасковья Васильевна, почему столько времени я к вам писать пера в руки не брал и никого даже не уведомил, что живу не в Костюриной доме, а *в доме канатного фабриканта Гильмора в Четвертой линии у Большого проспекта* (дом чудной) — уже третий месяц. Старая, кажется, еще деревенская простуда, скопясь, сломила ее; доктор говорит, что год надобно пилюли принимать. Слава богу, однако же теперь я живу, Саша с Филей радуют меня; Филь мой, кажется, через год будет по-аглински лепетать, а по-французски беспрестанно врет. В этом доме, где мы живем, никого нет, кроме Англичан. Я работаю беспрестанно и уже сделался историческим, сиричь пишу образа, взял не оконченные Боровиковским. До возвращения Петра Андреевича будет мне скучно. Кутайсов [2] и Пушкин [3] не то у царя, что Кикин! По милости вашей, мой почтеннейший, я примирился теперь с совестью моей, с духом спокойствия и живу. От батюшки [4] получил письмо и теперь к нему пишу. Ежели бы не вы, длилось бы это несчастие и, может быть, вспыхнуло бы в последнюю минуту жизни и меня бы сковало на вечность. Мне надобно приехать в Москву и, думаю, зимой. Мне пишут, что я лишен наследства, может быть это неправда. Ежели это случилось прежде начала переписки моей с Батюшкой, то моя совесть и чувства покойны, а ежели уже после, то больно, и новое бремя будет

тяготить мою душу. Мимоходом, мой дорогой, не проведаете ли вы как-нибудь от старика о времени. Ей-ей, моими трудами и ограниченным желанием я могу воспитать моих малют без видов на батюшкино состояние, при чистом спокойствии духа. Чистое ваше расположение заставило предложить вам и чистое мое желание.

Новостей у нас никаких, занимала несколько и кружила голову многим неудача в скачке казаков; говорят, еще будут скачки. Товаров к здешнему порту привезено немного, до того, что для отправки здешних колониальных произведений покупают суда двойною ценою.

Ваш обер-полицмейстер[5] здесь очень виден, кажется, тот порядок, который он здесь учреждает, зла не произведет.

Попокойнее буду, побольше напишу, а теперь, простите, желаю вам здоровья, и здоровья и еще-таки здоровья, которому как-то чем далее, тем более и более я цену познаю. Простите, чистою душою вас почитающий

Покорнейший слуга
Алексей Венецианов

Сего же дня пишу к Дубровскому жителю.

14

Христос воскресе! 2 апреля 1825 г. (?) Питер

Поздравляю вас, почтеннейшие наши и дорогие, с светлым праздником, дай вам бог многие в радости встретить, в кругу вашего милого семейства, с вашею чистотою чувств.

Мы все здоровы, погода у нас полуизрядная, потому мешает ребетенкам показать пестрые качели и самим повеселиться их весельем — не знаю, кто более веселится, ощущает удовольствия при виде нового приятного, дети ли, или отцы и матери, видя удовольствие детей? Это я у вас спрашиваю, мой почтеннейший Петр Иванович. Марфа ездила за вербами и, бедная, плохоньких купила,— я готов был ее приласкать, а она себя, а особливо тогда, когда восторг удовлетворял наши желания. Вам могу такие мелочи писать, потому что вы знаете цену, и пишу оных внимательности отцовской и материнской. Неужели всё философией замораживаться? Вот зима к концу, и весна пальчик протянула,— как раз стукнет год нашего здесь существования, если определено просуществовать. Работаю я, мои почтеннейшие, как никогда еще не работывал, и при работе моей таким пеленаюсь терпением, какого не воображал, и это терпение по крайней мере годик меня должно тискать.

Назначено мне было писать Невский монастырь — за холодом назначение переменилось на Натурной класс. Неоспоримо, что я бы

успел, следовательно, древним ректорам и профессорам довольно бы было щекотливо. Почему, чтобы затруднить, перемена точки зрения, т. е. чтобы писать не с натуры, а по правилам. Я прибегаю к правилам и их не нахожу справедливыми. Президент[1] предлагает отыскать.— Два месяца бился с циркулем и угольником. Ура! нашел. Их надобно утвердить, утвердить Академии, следовательно, сознаться в нерадивости и невежестве, кому же? Превосходительным и высокородным, воспитанным Академиею, и признать пришельца законодателем (линеечек). Терпи, Казак! Ежели вытерпишь, Атаман будешь.— Многим бы хотелось, чтобы я в Трониху уехал, однако не поеду, скорее в Рим и Париж пущусь, нежели туда (а летом в Тронихе побываю). Государь уехал, и чистейшая, беспристрастная душа Петра Андреевича Кикина на шесть месяцев для Кавказа нас оставляет. Следовательно, все для меня должно, непременно должно заснуть, а между тем лето наступит, и уже без руководств примусь за Невской. Главнейшая моя беда произошла оттого, что я опоздал к первому сентября приехать. Боже мой, где нет интриг! Где одними прямыми путями достигают целей, а между тем рано или поздно истина все побеждает.

Вот, мои почтеннейшие, я вам описал мое житье-бытье. Малюты мои меня утешают своими успехами и невинными чувствами, а Марфа здоровьем. Она здесь несравненно лучше деревенского, да и я что-то потолстел, думаю, оттого, что дух не морится голодом.

Исакий наш, столько занимавший ученой изящной мир, сделал движение. Наши мудрецы[2] полтора года чертили, выдумывали и обдумывали, как бы произвесть что-нибудь такое, что бы украсило век и Европу, и потому не думали и об издержках. Определяли — старое сломать, выломать и новое создать как со сторонки, avec pas drigurdon,[3] Монферан[4] на ушко шепнул: а я сделаю то же, не ломая и не выламывая, следовательно, 30 миллионов рублей оставлю в Казне. Итак, наши мудрецы, как ключ по дну. Впрочем, иные не унывают; впрочем, между нами сказать, Исакием, как красавицей, интриги вертят. Не надоел ли я вам, мои почтеннейшие? Но, что делать, как-то разбеседовалось.

Почтеннейший и великий муж Боровиковский кончил дни свои, перестал украшать Россию своими произведениями и терзать завистников его чистой, истиной славы. Ученые *художники* его не любили, для того что не имели его дара, показывали его недостатки и марали достоинства. Я буду писать его биографию.

Вот, ведь уже довольно бумаги испестрил, а праздничного ничего не сказал. Апельсины дешевы, а лимоны — даром. Ничто не гонит из Петербурга, а привязывает к нему. Говорят, устерс таких понавезли, каких давно не бывало, а едуны с Биржи не сходят,

по 190, 200 рублей там оставляют и делаются настоящими бочонками, пухнут даже.

Однако совестно, уже перемаравши столько бумаги.—Ну, мой любезнейший Николай Петрович, какие скоро у нас будут гравюры! Государь в светлое воскресенье пожаловал Обществу[5] яичко. Соизволил за издержки, которые Общество употребит на гравирование знаменитых происшествий истории российской и видов достопамятных мест, выдавать сумму, какая потребуется. Каково? Ведь быть добру, ежели по обыкновению интриги не ворвутся и не испакостят янизмом. Чудесных московских видов до 60 получено от покойного знаменитого Алексеева.[6] Виды до 1800 года, следовательно, каждого русского близки сердцу. Они не окрестностей, а Кремля, лавры Воскресенского, Перервы[7] и проч.

Добро! Желаю вам совершенного здоровья, спокойствия, истинных удовольствий и приятного возвращения в столицу милую, Поддубье. Там взгляну на вас, мои почтеннейшие, и вздохну, что один буду иметь это удовольствие, к которому так моя душа привыкла. Простите.

Сердечно вам преданный и покорнейший слуга

Алексей Венецианов

15

26 мая 1825 г. [Петербург]

Брапите нас, почтеннейшие[1] наши, сколько должно, и помилуйте. Мы сами забыли, когда к вам писали, будучи совершенно здоровы оба, все четверо. А между тем, зная, что вы нас не разлюбили за безмолвие, рекомендуем подательницу, она родственница Елизаветы Францевны, из русских француженок и из III главы Гурона.[2] Она с месяц пожила у нас и приучила нас к себе, кажется, довольно прочно, или покамест не украсится опытностью.

Ну, мои почтеннейшие, вы скажете: что же он там делает, как его дела идут? — Он сидит у моря, ждет погоды и жует пословицу: терпи казак, Атаманом будешь. Ежели бы я был выкормлен в академическом корыте, то может быть, и чуть-чуть поменьше Академические Богатыри на меня зубы грызли, а так как я из Тропихи, *невесть* откудова, моложе сотни родовых, т. е. со мною делается и заделается то же, что с графом Федором Петровичем,[3] сиречь отдадут все и кукиши станут из кармана показывать.

Теперешнюю остановку хода дел моих я даже почитаю к лучшему, потому что полная зависимость от Академии изнурила бы меня и пресекла бы всю перспективу, надела бы кромниныкую схиму и необходимостью бы рот замазала, т. е. отпела бы, а теперь мне выдерживаться не далее Генваря. Не спрашивайте — может

быть, раньше вас уведомлю, а теперь покамест очень часто с досады сердце трещит и не пилюли, а ядра глотает и терпит. Ведь всего даже не перекалякаешь. Ежели обстоятельства позволят, то в Августе побеседуем в Тронихе, быть надобно там на Петра Гавриловича [Мачихина], кажется, пребористый надели сарафан и золотной повязали повойник.

Мы квартиру переменили *почти*, на этой неделе переедем, тут же на острову, в Четвертой линии, за Большим проспектом, в доме англичанина Гильмора. Будем жить одни. Дом из голландского кирпича, покрыт голландской черепицей, камень в орнаментах голландской, изразцы в печках голландские, наружная архитектура и внутреннее расположение голландское. Во внутренних сенях семь дверей, а во внешних четыре, виноват, пять. Марфа чрезвычайно восхищена, у нее сад, и наводнением украшенный.

К Батюшке я писал, к Юрию Михайловичу[4] два раза и, кажется, давненько, но вести нет. С Владимиром Ивановичем[5] виделся в Воскресенье, и он был у меня, и я у него. Хотел к вам письмецо прислать, но, видно, не удалось. Он очень сокрушается, не получая более шести недель писем из дому.

Без вас вашему Кирилле в Поддубье я изволю приказы отдавать. А. М. Полторацкой,[6] будучи здесь с зимы, заскучал экипажем; я ему предложил мою коляску, он в ней поехал и пришлет в Поддубье, почему Кирилле и дан ордер оную без сомнения принять. Вот, мои почтеннейшие, кажется, все написал — нет, не все! а ничего не написал!

Марфа местечка просит и потому скажу — простите. Пребуду навек душою почитающим и сердечно преданным вам

Нижайшим слугою

Алексей Сафонковско-Троницкой

16

[Конец 1820-х — начало 1830-х гг. Троиха]

Здравствуйте, Милостивый Государь, Ваше Высокоблагородие, Николай Петрович! Честь имею вас поздравить с приездом из Питера. Слышим стороной, что у вас там, в Питере вашем, все благополучно и вы на двух похоронах побывали, а мы здесь только на именинах погуляли, собирались было и к Николе, да отдумали. Нуждица, правда, была, да людям поручили: купить меру луку да пряников. Вот мы, ночевав в Пожепках,[1] — а там теперь житье без хозяйки, своя воля,— и пустились домой в болото, да и давай к вам бумагу марать, благо ее есть вволю. Вот и мараем, а это потому, что оказия есть: завтра чем свет кони пойдут в Волочок, возьмут

оттудова карету нашу, письма, да кое-что еще, да спросят к вам писем, и коли найдут, то завезут. И вот таким-то родом мы тогда заживем, конь шестой у нас есть, куплен в Островках,[2] у Андрея Клементиевича при Петре Ивановиче, конь доброй, рыжий, годный самому барину под седло. Дуй белку в хвост!

Его Высокоблагородию Николаю Петровичу Милюкову.

17

[1830-е гг. Сафонково]

Здравствуйте, мой дорогой Николай Петрович, здравствуйте!

В полном смысле сего слова, приехавши от вас в Всесвятское,[1] я немножко поизмок, а приехавши домой, от той шинельной мокроты поотсырел, а потому *поплатился* и в Братское[2] ехать побоялся! Ведь к вам пишется не систематически или хриею, сиречь без ex hordium tractatia compendium, следовательно, можно писать отрывками.

Посланник сей к вам представляется для получения ящичка с палитрою и фрака, для вручения письма исправнику, которое, прошу вас покорнейше приказать вашему человеку, который будет с папинькой в Волочке, повернее Ивану Яковлевичу[3] вручить — я его посылаю незапечатанным, чтобы вы взглянули на мою ябедливость и потом сами бы запечатали.

Третьего дня догоняю я на своем рыжаке в дудинских владениях[4] Тришина сына. После: здорово, куда едешь и прочее, дошло до новостей. Детина мне говорит: «Подписались ли вы крестьян кормить?» — Нет! — «Да как же, ведь от государя велено, с подпискою ходят сзывают в Волочок».— Соврали тебе, а велено объявить — у кого есть негодные крестьяне, то тех пошлют на поселение и за них выдадут хлеб для прокормления хороших. — «Вот что! а у нас было иные *ладили* кое-где в лесах в холодняке *хлебать,* коегде *поспрятать, чтоб бы по весне продать, а самим сидеть на барском».*

Не знаю, полюбится ли такая история Петру Ивановичу? Я думаю, и в вашей барщине подобных промышленников попаберется.

Вот к вам челобитье. Папеньке вашему будет в Волочке очень хлопотливо и потому не до безделиц частных,— сделайте мне одолжение, любезнейший Николай Петрович, потрудитесь выписать от Постникова[5] указ о *принятии от помещиков людей на поселение,* а я к вам во вторник явлюсь.

Мне теперь прокормление и поселение голову кружат! Веришь ли, мой дорогой, от вас приехавши, целую ночь я не спал, потом встретил Дубинского попутчика и дорогою не дремал.

18

[Начало 1830-х гг. Сафонково]

Как затевали, так и выполнилось, да не все. Выполнилось то, что мои отправились в субботу, пообедавши, в Рожественское,[1] а оттуда на ночь к вашим. В воскресенье, убоясь 15, поутру, в семь часов, взяв коня за повод, дошел я до погосту,[2] пеш, потом доехал до Тронихи, оттуда пеш чуть не до Жорнов,[3] от Жорнов доехал до Сливнева,[4] а там уже пеш отправился в Поженки, куда, однако, честь-честью я скакал. — Спрашиваю вас, говорят: нет его и не ждали. Теперь не знаю, или вы меня надули, или я вас, моею ручкой, которая всегда украшена и описками и прописками. Ежели я, то простите, вперед не буду, и в четверг не *из-перно,*[5] а *из-устно* повинную голову принесу, а между тем одолжите меня до четверга вашей книгой об *урочных работах.* У меня завелся спор с мужиками в Канавах, чего ради сей нарочитый ученой человек к вам и отправляется. Итак, до сердечного удовольствия вас видеть

уважающий вас
Венецианов.

Видите! Прочитал и поправил — это значит — начало к исправлению, ежели я виноват.

19

19 ноября [1832—1833 гг. Петербург]

19 ноября и седьмая неделя тому, как мы в последний раз имели сердечное удовольствие быть в любезных Островках в намерении бумажном столкнуться в Москве. Итак, дети уже написали, и я принимаюсь — за что же, вы думаете, мои почтеннейшие? — Повествовать вам, как прибыл во пресловутый, что нашел изящнейшего, радостного, — нет, то все вы прочтете в «Пчеле» Питерской[1] и в богатых говором Московских газетах; а я вам поведаю тоску мою: уже месяц тому как Филиса лечится и день ото дня хуже и хуже становится. Вы спросите, что же она? Начало болезни вам известно, но ход и перемены она старается скрыть, для того что составила себе какое-то правило: *побеждать трудности и болезни, переносить все с терпением, что чувственное ничто, одно нравственное благо, и в святой религии находящееся должно быть главной жизнью человека.* Каждый раз принимает доктора с улыбкой, не так, как пациентка, а так, как хозяйка гостя, и до того ослабела, что уже третий день с постели не поднимается.

В таком положении моем нейдут на ум блестящие движения рода человеческого, зарождающиеся в Питере нашем, все тускло; во дворце еще ни разу не был и с Александром Александровичем[2]

не видался, а нужно, очень нужно для домашнего быта известить об описи нашего имения. Худо, очень худо оставаться при дочерях одному отцу в эту эпоху развития органической жизни, в которую отец ценностью жизни нравственной должен отдаляться дочерей. Ценностью, говорю,— конечно, ежели строго разбирать, то эта ценность есть не что иное, как предрассудок; но и самые предрассудки, происходящие из нравственного источника, делаются законом нравственности, уничтожением которых может колебаться целое, составляющее достоинство человека, а особенно девушки. Дочь должна быть откровенной с отцом, точно так же, как и с матерью; но отец не должен колебать приличий полупредрассудками, из источников нравственности составленных. Итак, я прав, для того, что соблюдал закон приличия, не принимался за права матери, и потому-то, что прав, смотрю на страдания дочерей. Простите мне, мои почтеннейшие отец и сын, что пишу вам не письмо, а то, что теперь бродит в духе моем, носящем крест бренного человека. Теперь не начать ли письмо писать? — Вы в Москве все вместе, в том полном священном удовольствии, к которому душа моя при воспоминании благоговеет, но нравственное благо, покуда еще человек в органической оболочке, без материального существовать не может, прискорбна есть душа моя — даже до смерти, Иисус сказал. Вы, мой дорогой Николай Петрович, примыкаетесь ли к пути ваших намерений и к таким ли, какие у нас в пять прошедших месяцев съидеализировались? Желал бы я, чтобы наши идеалы вступили в материалы и принесли плод идеалам. Да я знаю, что вы мне напишете, а Василий Петрович[3] перескажет. Вы, Василий Петрович, меня не найдете в доме Струковской, а в доме *Шрейбера по 11-й линии, на Среднем проспекте, против дому Орешникова, известного привилегированного глазного врача.* И это, я думаю, случится перед Рождеством, а до Рождества недолго. Итак, до свидания же с вами личного, а с братцем — бумажного.

Душою ваш

Венецианов

Середа, вечер.

20

Вторник, 24 апреля [1834 г. Петербург]

Христос Воскресе!

Здравствуйте, мой почтеннейший Николай Петрович,[1] поздравляю вас с праздником; а вы поздравьте за меня и супругу вашу и поцелуйте милых малют и сестрицам пожелайте от меня всех благ от бога.

Зимой мы вели себя дурно, хворали, теперь все ведем себя хорошо и любуемся праздником, сравниваем его с деревенским и не знаем, который которому предпочесть, а городской Петербургской лучше; он центр изящества будущих народных чувств, невзирая на тягостные официальные обязанности, много имеет того светлого, теплого свету, который согревает душу. Царь прослезился, перешел в человека и отца при присяге сына,[2] сын-наследник раскрыл народу светлую свою душу и тем, кажется, уверил его в продолжении блага. Ах, почтеннейший Николай Петрович, как бы мы все были счастливы, ежели бы старались ключи наших черных дней отыскивать меж себя, а не в высшем правительстве. Старухи-няни виноваты! — они приучали нас в детстве нашем: киску винить, а нам эта привычка полюбилась, так что и в старости не хотим ее оставить, а переменяем только киску на судьбу, на лукавого и лукавых, себе подобных.

Итак, царь наш явился в той красоте человеческого сердца, которая сообщается светом своим многим и переходит в потомство; в деревне подобного сему и не услышишь и не увидишь — услышать-то, конечно, удастся, но видеть никак, а зрение есть орудие, с помощью которого душа, получая понятие о свете чувственном, возносится к нравственному.— Дело вот в чем, что в Питере лучше, нежели в деревне; конечно, хлопотливее, заботнее, да есть из чего хлопотать: здесь можно жить все 12 месяцев, а там только один тот, в которой благополучно пожнутся; здесь два знакомства — одно официальное, а другое сердечное, *короткое*, простое, а в деревне толку не найдешь, и рад бы подразделиться, да приличие не велит,— следовательно, в Питере лучше. Правда ли? — Когда будет вам свободно, то возьмите перышко и скажите.— Был я у Алексея Степановича[3] сегодня, а он у нас без меня вчерась — сказывали, сказывали, сказывали, сказывали...? ...? ... — а — а! — О чем, бишь, я вам писал? Да, о том, что в Питере лучше, нежели в деревне. К чему же это? — К тому, чтобы попробовали пожить в Питере, полюбовались ежечасно прибавкою изящного к изящному. — Да к чему же это? — А вот к чему: к тому, что часто мои говорят: «Ах, ежели бы добрые и любезные Милюковы жили здесь, как бы это было хорошо!» Прощайте, будьте здоровы, а я с Сашей и Филинькой буду навсегда от чистого сердца почитающим вас и покорнейшим слугою

А. Венециановым.

21.

[Не ранее 1834 г. Тропиха-Сафонково]

Вчерась нарочно посылал к Андрею Клементиевичу, звал его к себе, чтобы в его бричке на моих лошадях ехать с ним в Островки и

там поздравить со днем Ангела нашего добрейшего Петра Ивановича. Но г. Хромоногой отказался, а я остался, для того что лошадей у меня теперь только тройка и дрожки без колеса, храбрый же мой Георгий с мельницы не возвратился.

Итак, мой почтеннейший Николай Петрович, поздравляю вас с дорогим имянинником старшим и другим юным,[1] прошу поздравить за меня добрейшего и почтеннейшего батюшку вашего, Петра Ивановича. Да даст ему господь силы лет его и постоянное здоровье. А юного поцелуйте покрепче, покрепче. Скажите, когда вы едете? Это для того, что мне бы хотелось с вами видеться.

Будьте здоровы и с имянинниками и со всеми близкими вам.— А Миша Гераси[2] говорит, что я бы вас не застал в Островках, что вы в Маковище[3] и будто на имянинах у Владислава Ивановича.[4]

Прощайте, мой почтеннейший Николай Петрович.— В субботу мы были на Тифонщине[5] у тети Нади,[6] полюбовались ею, ее удовольствием чистым, религиозным и полным. Такие явления много душе пользы приносят! Добро, прощайте.

Душою вас уважающий

Венецианов

Его Высокоблагородию Николаю Петровичу Милюкову.

22

16 января [1830-е гг. Петербург]

Не браните меня, мой почтеннейший, за безмолвие, от почты до почты откладывал писать, для того что хотел писать с присылкою камлота. Вот я теперь посылаю; но не точно по образчику — счет потерял, сколько партий переждал, дожидаясь точного по образчику камлота, — и вот какой посылаю.

Итак, хоть поздно, позвольте поздравить с Новым годом, шестнадцатой уже день пролетающим, и пожелать вам ничего более, кроме здоровья и того, чего себе желаю. Мы, слава богу, здоровы, черная туча, могилами грозившая, сползла с нас. Филя скачет и песенки поет. Мои дела бредут и иногда сердят меня своим черепашным маршем до тех пор, покамест не брякнет сорвавшаяся со скалы серна и не застонет, переломя шею.

На днях знаменитое сословие Глинки у Великого Героя Елагина[1] полицией по имянному накрыто. Жаль, что тут же и Лазаревич[2] — в числе пернатых, расхищавших спокойствие семейств. Впрочем, у нас все золотым веком час от часу более пачинает смотреть, во вкус даже входит делать добро, пещися о бедных, помогать несчастным, не по сердечному ежели побуждению, то по побуждению походить на государя.

По обыкновению записался, простите. За четыре дня до Рождества узнал я только о троницких приключениях — о разрешившихся моих гумнах и при них хлебе. Терпи, казак, а будешь ли от этого атаманом, про то бог знает, разве грудь дойдет до твердости адаманта.

Простите, мои почтеннейшие, желаю вам здоровья и здоровья. Сердечно вас почитающий и душою преданный покорнейший слуга

Алексей Венецианов.

Напишите ко мне, дорогой мой Николай Петрович, поскорее, что-то очень хочется знать о вас.

23

[23 января 1837 г. Петербург]

Да, мой почтеннейший и дорогой Николай Петрович, Вы, т. е. все вы, Московские жители, нас браните за то, что молчим и о праздниках не откликнулись,— не одно перо, а и ложки из рук валились — такое было время. А было-то оно вот как: после тех хлопот, которые мне делали Саша, а особенно Филиса своею болезнью, случились еще экспромтики кое-какие,— они и не новые, не дивные, да 57, а в 57 лет у человека, который жил не для того, чтобы есть, а ел для того, чтобы жить, желудок внутреннего существования спотыкается. Вот, мой почтеннейший, 24 декабря, сиречь в сочельник, я и споткнулся, мне и руду пустили, от роду первой раз, и надобья в рот влили. Дня через два-три я глядь — ан рыло на стороне, однако и теперь косит, да не так. Отняли у меня: кофе, водку, вино, крепкой и горячий чай, сигары, а дали суп из телятины, что со снегу, да воду с кремотартаром,[1] и через два часа то по ложке, то по две. Вот как наши дела идут. Почтеннейший человек, ваш знакомый г. Григорьев,[2] был у меня о празднике, и я просил его повторить посещение к обеду, но он не был, а я не спросил о его квартире, чтобы самому побывать. Мне велено жить на улице, и я, невзирая на вьюгу и мороз, брожу — да как же, раз по пяти и по шести в день... (устал).

То была середа, а теперь четверг. Вот что, мой дорогой Николай Петрович: г. Григорьев мне говорил или, лучше сказать, подтвердил мои мысли о местах для вас в Каменной златомаковной. По духу вашему и здоровью нет ничего, а ежель и есть, то не зависят от владык Вассал Московских, а от здешних. Я думаю, вот только думаю, и вот что думаю: дилижанс от Москвы до Петербурга стоит, кажется, 75, от Петербурга до Москвы — 75, следовательно, 150 и 8 дней, да здесь пробыть 8 дней — 16, да проездить здесь 24 рубли, да в дороге истратить 24, итого 200, да приехать прямо-

прямехонько ко мне, у меня есть особливая комната, которую не только затворить, но и запереть можно, а от меня побывать у Данилова,[3] у Кавелина,[4] потолковать с ними, и в 8 дней решительно можно узнать,— да или нет на такое место, о каком мы с Вами и в Сафонкове и в Островках говорили. Без пожертвования временем ничего сделать нельзя. Вот, мой дорогой, моя дума какая! Дума же эта из того, что я вас твердо знаю, вам бог не дал дару пользоваться *местечками:* хорошенькими, хлебненькими, тепленькими и проч. У вас и рука не протянется, и язык не двинется, и совесть замучит.— Ну, думайте, думайте, и ежели вздумаете, то доставите 8-дневное и большое удовольствие, а ежели бог поможет, то какое это будет удовольствие! А между тем изведайте царские местечки по строительной части в Москве, конечно, там вас могут увидеть в три года раз, а здесь в месяц три раза; там нужно представление, а здесь — усмотрение. Да вот беда — вам жить нужно в Москве.

Следовательно, в ноничном лете нам не видеться в Сафонкове и Островках, нам не заезжать в Островки, не ездить в Поженки, и мне не любоваться с благоговением на порхающих и бродящего, а разве только от владык сходить и помечтать о 1836-м лете! Владыка, кажется, сердится на меня за то, что старостой я сделал того мужика, которого он не очень любил, мужик, конечно, грубиян, но с большой головой; впрочем, может быть и обыкновенные деревенские каверзы со сплетнями нашего добросердного Андрюшиньку[5] с пахвей сбивают.[6] А теперь пятница и 7 часов утра, так и хочется сказать: здравствуйте в Островках и в Поженках, а в Москве ни как, потому что в Москве не знаю ни как, а в Островках и Поженках всячески. Итак, здравствуйте теперь в сию минуту, все спящие в Москве и потом просыпающиеся, к удовольствию — ах, боже мой, как вам нужно удовольствие, для того, что ваши удовольствия всегда чисты.— Желал бы, душой моей желал бы знать, как ваши домашние дела идут после старика; с оставшимся стариком же, брюзгуном (извините, я так понимаю), вы были с ним хороши, дружны, а дружба есть не что иное, как христианская обязанность, согревающая душу высшим удовольствием; в ком есть вера святая, в том есть и дружба, а те поэтические взрывы, выкомпилеванные из романов XVIII столетия, не есть дружба, а чревобесие. Добро — зовут чай пить, да по старой привычке и холодную воду с молоком называют чаем.

А теперь утро же, 23 числа, и я честь имею вас поздравить с новорожденною Фелицатою Алексеевной, которая будет имянинницей 25 числа. Прощайте, будьте все, все здоровы и прездоровы, не так, как многогрешный, душою вас уважающий

Алексей

24

29 марта 1837 г. [Петербург]

Христос Воскресе!

Да освятит он Воскресением своим пути наши к нему в нас самих, в душах наших, тою чистою любовию, которой даровал нам этот праздник и с которым, по Христову примеру, меня любящего Николая Петровича душевно поздравляю и целую, а его прошу за меня поздравить почтеннейшего Петра Ивановича, Аграфену Кононовну и Евпраксию Тимофеевну[1] и всех, всех, от поддубского корня происходящих. — Хочется сказать — изустно произнесть в Островках, Поддубье и Маковище: Христос воскресе! — и, кажется, не опоздаю, разве дочери мои *поведением* своим меня задержат: Филиса непомерно скудее здоровьем, она так высохла, что страшно в карету посадить, почему и буду поджидать утверждения весны, нонче к нам явившейся довольно рано и довольно постоянно до сих пор все растворяющей. Проводя вас, мой почтеннейший Николай Петрович, я не покоен был до получения вашего письма, дети также — геройской ваш экипаж заставлял нас много придумывать; но, видно, мысленное состояние ваше все неудобства и невыгоды его заменило теплой целью, так бывало и со мной, когда, бывали, в виду одни версты и часы, и минута обнять близких душе. Видно, во всех случаях нравственное состояние человека управляет всем его организмом...

Прощайте, до удовольствия вас видеть в Любезных Островках, желаю только вас видеть в полном удовольствии и совершенном здоровье.

Душою вас почитающий и покорнейший слуга

Алексей Венецианов

25

[19 декабря 1837 г. Петербург]

Итак, мой почтеннейший и дорогой Николай Петрович, вот завтра две недели тому приятному удовольствию, которым вы нас питали в Островках, а сегодня неделя тому, что мы кончили мучительный от холоду наш поход, и сего дня третий день тому, что дворец горит, за век невредимо простоявший и бывший памятником того духа зодчества.[1] Эрмитаж спасен, но и в нем (говорят) много повреждено. Обе церкви, все залы с галереею фельдмаршалов[2] дотла сгорели. Загорелся дворец от аптеки пополудни, часу в пятом, 17-го числа, а сегодня поутру, т. е. теперь 19-го числа, еще зарево велико. Вчерась императрицу еще не извещали, она любила там многое, и дворец этот ей был полезен. Она его каждый день не по разу обходила по причине своей беременности. В будущем, новом,

мне не удастся побывать и так ознакомиться, как с этим был знаком. Жаль покойника, хорош был.

Дерева я вам купил, не прогневайтесь, что с трещиной. Зная изделье ваше и ваше знание расположить, я его взял, заплатя 25 рублей ассигнацией, а пять рублей оставил у себя, да к оным пяти ухватил целковый у Сашеньки из Аграфены Конновны денег, и посылаю вам «Земледельческую газету», в остальных при свидании сочтемся — свидание же, кажется, не перейдет 25 марта. Покудова простите. С наступающим праздником вас поздравляю, а вы за меня поздравьте уважаемую нами и всеми Аграфену Конновну, а прочих, достойных целования, в разные места поцелуйте за душою вас почитающего

А. Венецианова.

26

4 января 1838 г. [Петербург]

Здравствуйте, наш почтеннейший и дорогой Николай Петрович! Поздравляю вас с праздником и Новым годом, дай бог вам в нем, и впредь в новейших, находить в семействе вашем не новое, а старое и возрастающее удовольствие при совершенном здоровье. Мы новый год начали пребуйно и продолжаем ежели не развратно, то превратно. Шесть часов утра сделались как бы термином к разъезду, и, кажется, все тяготятся, но не смеют переменить дурацкого назначения. Все похудели, иссохли от изнурения и чванятся, как мастеровые, которые ночевали не дома, а на съезжей.

Финляндцы[1] говорят: у них офицером меньше, а у нас соседом больше, поздравляю вас! а жаль, впрочем, ведь это жаль по-нашему, издали по-вашему, поближе, иначе. Хозяин дело знает лучше, нежели философ.

На празднике я виделся с Павлом Петровичем.[2] Он мне сказывал, что вас оставил 19-го, а с ним и прочие пустились в Златомаковую, один Петр Иванович до пути, в которой его поставит сердечное чувство.— Новостей разительных нет никаких, слышно о настоятельности в размежевании,[3] о внимании к городской и земской полициям, т. е. о том, что правительство, видя неустройства, берет возможные меры — посредством орудий. Городской нашей полиции при Штатах дана и судная часть — не вся, однако же, а часть. За дворец принялись, и очень дельно, форсировать ничего не будут, следовательно, постоят хорошо, и снаружи будет он совершенно в старом виде, сиречь типом века Елизаветы.[4]

Ну, прощайте мой почтеннейший, скажите мое душевное уважение Аграфене Конновне и сами его примите, а прекрасных перецелуйте кого где и как водится за почитающего вас

Венецианова,

имеющего намерение 25 марта праздновать в Дубровском,[5] почему и покорнейше прошу приложенное на Сафонково повернее приказать старосте вручить.

4 января 1838 г.

При сем — писаньице к Андрею Клементьевичу и Алексею Андреевичу,[6] оный меня просил учинить справку по Удельному ведомству, како я и выполняю, а между тем пишу и о *художнике* Авдотьи Николавны[7] — рта разинуть не дают, говорят, два года он должен учиться, и ежели сделает большие успехи, то на третий — готовиться к программе на золотую медаль, без которой за границу не посылают; а тут вместо программы должен будет писать два иконостаса, которые менее 6000 положить нельзя, итого — девять. Я пишу, чтобы его заставить поработать в Эрмитаже; но я здесь пробуду до половины марта. Итак, не лучше ли ему теперь начинать образа писать? Подумайте вы и потолкуйте с ним.

27

[23 ноября 1838 г. Петербург]

Здравствуйте, мой почтеннейший Николай Петрович! В Островках мы были в четверг, у прекрасных хозяев, а в Питер приехали в Середу по хорошей зимне-колесной дороге. Нашли все, как водится, в вихре крутящемся, спешащем жить, в веселье, в порывах и в взрывах страстей всях. Так растет народ в политической и нравственной его сфере.— А, право, хорошо! В восемь месяцев, кажется, как будто все шагнуло, и шагнуло прогрессивно, в путь взаимной связи,— без теней нельзя, без них и свет бы не был виден.

Дворец чуть-чуть не кончен (я еще не был); в нем будет малахитная комната[1] — малахит в перстнях носили, помните? Мой *Петр,*[2] кажется, останется. Есть гусарской полковник, художник Майков,[3] у которого с женской стороны большие связи, эти связи делаются судьями, а не одна Академия. Также старинный профессор,[4] правивший должность ректора лет десяток, должен быть филантропиею предпочтен. Так заранее определено. Впрочем [говорят, два года он должен учиться] и ежели 6-го декабря сам государь приедет в Академию, то, может быть, назначение и переменится (Майков — это тот, для которого из Троицкой церкви вынули образа Шебуева и Егорова,[5] а его поставили). Вот как дела идут по *сей день,* то есть по 23 ноября. Я работаю, сиречь оканчиваю в Академии.

Друзья шерсть купили и отчет дадут, а я Василию Матвеевичу[6] книги взял и посылаю. В книжном мире такой бой, каких не бывало: бой по карманам? — да-с, даже напечатан. С Василием

Петровичем[7] я виделся, и мы положили: втащить его в книжный мир,— на этот мир, издали хорошо смотреть.

Неужели же мне благодарить вас и за то, и за другое, и за третие? — не надобно! Пускай это по старой привычке живет в душе уважающего Милюковых

Венецианова.

Однако же Елизавете Николаевне[8] прошу сказать мое почитание и особенное уважение кудрям.

Да, ежели в вашей стороне Андрей Александрович,[9] то скажите ему мое душевное почитание с доброй его Александрой Петровной и скажите, чтобы присылал Федора[10] по паспорту, а ко мне бы написал простое партикулярное письмо, что он согласен ему дать свободу за 2000 руб. Но присылал бы скорее.

Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Петровичу Милюкову.

28

[25 декабря 1838 г. Петербург]

Здравствуйте, мой почтеннейший и дорогой Николай Петрович! Поздравляю вас с праздником Рождества Христова, дай бог, чтобы родилось вам все благое, а окружало бы вас все то же, что теперь вас окружает.

Письмо ваше от 9-то декабря я получил 20 числа. Что вам на него отвечать — не знаю; оно по обыкновению писано не рукой, а простою и чистою душой, которую я уже за два десятка годов знаю и все одинакою.— Ну, так вот что я вам скажу: после того как я и мы письмо ваше прочитали, я и призадумался, да и положил в душе моей, чтобы чаще в Островки возить дочерей моих, чтобы они более и более бывали с островецкой хозяйкой, вниманием которой так кудри вьются у Елизаветы Николавны.— Добро, то дело впереди.

Конкурс не состоялся![1] Была очень хорошая картина по простоте идеи: на ней был изображен Петр в Голандии, в Адмиралтействе, за обработкою руля: в это время он останавливается и думает; выполнена нехорошо, впрочем, рукою, знающей дело, а рука эта — одного Берлинца; прочие плохи, всех же было 7 картин, из которых 4 никуда не годны, просто сказать, даже отвратительны. Государю донесено с самой худшей стороны; заметьте, что те, о которых я вам говорю — *отвратительны,* были очень известных людей и большой вес имеющих. Не оставить же мне моей картины, а с ней и благородной гордости с шестидесятилетней опытностью. Я картину подарил Бирже,[2] чтобы она была век свой на ежеднев-

ной выставке, и хочу даже те замечания, которые были мне сделаны умными и беспристрастными людьми, выполнить. Картина еще в Академии, а я бумагой отнесся к Биржевому Комитету, который должен об этом доложить Министру финансов — о последствиях уведомлю. Между тем уже с разных сторон Демидову пишут о происшествии;[3] Демидов в Париже. Вот как дела делаются. И не — удивляйтесь — это не новое, новое только конкурс, в котором государь принимал участие, а дело, или дела, не новые.

Я думаю с месяц здесь пробыть и явиться в Островки, в Сафонковскую мастерскую. Жаль только мне, очень жаль Филису и Сашу, — они на Сафонкове должны будут истлевать от *холода* и *голода*. Вот будет беда, ежели откажут, т. е. его светлость затеет отказать![4] Вы пишете, что в Островках скучно было, а мне не верится, там бывает скучно только при каких-нибудь *казусных* случаях, и то скука эта бывает не внутренняя, а внешняя и мимолетная; вот у нас готовятся веселье и веселье за весельем, но они будут так мимолетны, как... весна, и за собой потащут не одну скуку, а скуку с раскаянием. — Явились для святок заморские бальные музыканты, человек 20 с дирижером. Они станут играть неигранное и получат по 1000 рублей за вечер — иному и нешто, а другому после вечера каково будет утро? Конечно, нам на этих вечерах не быть, но на других доведется быть, на которых так же, как и на первых, смотрят на часы и ждут с нетерпением приличного.

Андрей Александрович[5] уехал в Москву; видно, он отдумал дать нам художника, жаль, очень жаль, и со временем он сам будет жалеть. Ежели он поздно пришлет, то я не успею ничего сделать; конечно, Андрей Александрович может денег 2000 получить, но Федор никогда не получит того, что от времени зависит, время надобно ловить да и ловить, — нам старые кадеты в пример, какие из них бывают офицеры? Тому уже не до науки, кто с *миром* ознакомился, а Федор готов: *пора пришла!* Да вдобавок — отчаянье, после которого уже все бывает поздно. Это опыты мне, именно мне, доказали. Неужели Петр Иванович всю зиму пробудет в Москве? Вообразите, что я с Василием Петровичем[6] не видался, он был у нас 3 раза, я у него 2 раза, и не заставали друг друга; на прошедшей неделе во вторник нарочно обедал у Иосифа Ивановича[7] с тем, чтобы его видеть, но он не был,— говорят, что он задумывает в Москву, потеряв надежду Петра Ивановича видеть здесь. Видел я жениха Анны Петровны,[8] молодец!

Я рад очень, что Владимир Иванович в Маковище, при свидании скажите ему мое душевное почитание. Ах, мой почтеннейший Николай Петрович, как я этого человека уважаю, мне кажется, что я его насквозь всего совершенно вижу, чувствую его.

Прощайте, мой дорогой Николай Петрович, веселитесь с птенцами вашими, которые не перестанут никогда вас утешать, и их неоцененную маменьку, которой прошу поцеловать ручку за уважающего вас

Венецианова.

При сем писание к вашему Сергию Васильевичу,[9] — я его прошу о соломе, сделайте одолжение отослать к нему в Поддубье, да и к Петру Гавриловичу [Мачихину] потрудитесь повернее отправить.

Потрудитесь сказать мое почитание доброму Василию Матвеевичу [Владимировскому].

29

[Конец 1830-х — начало 1840-х гг. Сафонково]

После удостоения священной обязанности и после обеда в золотых Поженках в Воскресенье, едучи в свое Сафонково, заехал я в Жорново, там нашел и князя.[1] Мимоходом мне хотелось узнать об успехах ваших на Голгофе, но... сказали только: наши приехали в то время, когда Николай Петрович провожался. На Троицкой дороге я встретил Александра[2] в коляске с женой, ехавших в Жорново. Так ли, сяк ли, а все-таки вы в середу или четверг оставите Островки. Да сохранит вас царь небесный от толпы бед, которые вам предстоят на поприще вашем. Кто не испытал горького, тот не увидит сладкого! Прощайте, мой дорогой, прощайте! Потрудитесь писаньице мое отослать к Шашину.[3]

P. S. Он Тверь знает, как на руках пальцы.

Еще раз прощайте.

Чистосердечно вас уважающий *Алексей*

Я хотел в Волочок посылать вчерась, но у Георгия[4] моего сын родился.

30

[1840 г., после марта. Сафонково]

Вот, мой почтеннейший Николай Петрович, вчерась я поручил Андрею Клементьевичу отдать вам официальную от меня писулю в надежде, что не годится ли она вам к какому-нибудь заряду противу надоедающего вам исправника, и поручил ему сказать о поборах, которые экспедиция эта делает по деревням; теперь явилось и у меня открытие — они взяли с моего дурака-старосты те деньги, которые были заплачены в Марте месяце *сорока* рублями, на что вам при сем и плутовскую квитанцию прилагаю от 17 марта сего 1840 года, при ней и квитанции земского суда за № 36 и 53. В это-то

время мой крестьянин и заплатил 40: 20 рублей за 1839 год и 20 рублей за 1840, чего в квитанции вы не видите. Потом и вас обманули отношением к нам станового Федорова, но по вашему приказанию по крайней мере сумма 2 р. 25 коп. выставлена, что вы из приложенной увидите. А вот те знаменитые за № 168 и 169 от земского суда подрядчику, по которым он с моего старосты получил еще 11 р. 25 коп., которых я и не приказывал отдавать, но он отдал, будучи застращен и притом отродясь не быв в недоимке, хотел очиститься. Итак, в нонешнем году у меня заплачено 53. 50 копеек. Не сделаете ли милости за обманом взятые вторично 11.25 приказать дать квитанцию на будущий 1841 год. Черт с ним, с проклятым! вперед будешь умнее. Конечно, вам некогда, вы в хлопотах, но вы уже *въелись* в хлопоты, и может быть вам будет стоит со смехом приказать.

Мы здоровы, сидим дома, а думаем ехать во Пхово[1] и Блавское[2] за праздник, для того что в праздник надобно готовиться в Туганычи.[3]

Еще у меня отыскиваются гадкие дела по размежеванию; тут являются какие-то пакости Г. С. Генашева[4] и Н. П. Ладыгина,[5] это по пустоши Блудихи, *ошибкою* мне проданной Шульгиной,[6] и пустошам Хмелевице и Лапатихе, которые бы она должна была продать. Об этом деле в Тугановичах рассказывать вам стану, а теперь совестно, и то на досуге много настрочил. Да продлит бог силы ваши и укрепит их.

Чистосердечно вас уважающий

Венецианов

со Александрою и Филистою, говорящими: «Напишите, папенька, от нас поклон и скажите, что я со льном вожусь, а я с немецкого языка мыло перевожу, а мыло-то Иван-Николаевское.

31

[Начало 1840-х гг. Сафонково]

Благодарю вас покорнейше, почтеннейший наш Николай Петрович, за присылку Мильфолии,[1] она для Филисы, ей ее пить надобно постоянно, каждый день, пополам с Трефолией, по совету нашего Изенбека.[2]

Сегодня так же, как и вчерась, я ждал Андрея Клементьевича и не дождался, завтра, ежели утром не приедете, поеду к нему, мне очень нужно с ним видеться, я запродам 100 четвертей простого и 25 крупного овса по той цене, какую условятся они с Андреем Клементьевичем; теперь у меня денег нет — в Москве и на дороге угомонил, не зная куда и ничего не покупая, даже так, что в ваших

деньгах у меня теперь, вместо *ста*, $87^1/_2$, а в Теребенях[3] нужно делать покупки.

В письме, которое вы мне прислали (застрахованном), горкая получена весть: у Сашеньки с Филисой было по сундуку с бельем, сундуки эти хранились у Клодта.[4] Мы написали к Федору Михайловичу,[5] чтобы он их взял у Клодта и к нам прислал. Федор Михайлович нашел у одного сундука дно выломанным и белье вытасканным, это был сундук Филисы — все лучшее выбрано, скатерть с салфеткой стоила более 500, их нет; голандского и тонкого полотна тоже нет; за одну скатерть Марфе Афанасьевне предлагали 250; всего украдено, право, на полторы тысячи, и мне теперь уже не вознаградить ей этого. Грустно, очень грустно, еще более потому, что все это было им собираемо попечением матери.

На будущей масленичной неделе мы к Вам явимся.

Уважающие вас

Венециановы

P. S. Не говорил ли вам Иван Петрович, кем куплены салфетки: М. И. или М. О. Веселых.[6]

Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Петровичу Милюкову.

32

11 февраля [1841 г. Сафонково]

11 февраля, вторник 1 недели великого поста.

Поздравляю вас, почтеннейший наш Петр Иванович, с вступлением во святую четыредесятницу, бог вам поможет ее провести в том порядке, к которому открыл он вам путь. Благодарить вас и всех вашему сердцу близких за душевной ваш привет ко мне в Москве не стану, пусть эта благодарность в душе моей растет и ее питает.

Говорил я с Андреем Клементьевичем о том, чтобы ему самому ехать за вами, и он охотно бы желал; но так как мое предложение и его желание случилось в то время у него, когда было привезено 70 возов сена из-за Поддубской пустоши и что все при глазах делалось не вполне так, как приказывалось, вдобавок, что хлеб еще от выжидания цены не продан, то мы и разочли, что гораздо полезнее ему сидеть дома, нежели кататься в Москву.

В середу, на масленице, были мы в Островках и по обыкновению любовались прекрасными людьми с кудрями, косами и другими разными диковинными вещами и делами; все, слава богу, здоровы. Была там и Евпраксия Тимофеевна, и она по летам своим и силе духа заставляла нас ею любоваться, была там Березина,[1] майорша,

ну уж баба, чудо что за язык и ум на языке, немного мужчин в состоянии объяснять ход дел в судебном порядке, притом музыкальном таком — может, вы подумаете, речитативо,— нет, она дело так рассказывает, что приятно слушать ее дельный рассказ.

А в пятницу был пир на Петровой горе, 11 человек было музыкантов, 53 персоны гостей со всеми жорновскими, бал кончился в 6-м часу утра, почему все почти разъехались; мы не были, для того что 7-е число — день моего нового года, и у меня были Алексей Андреич[2] и Андрей Клементьевич.

В субботу же было кормление в Панамареве без *самого, сам* был с Васей у дьякона Савича,— тут я был на пути к князю, которой в Блавском не живет почти. В Питер я думаю выехать на второй неделе, да как-то не хочется оставить друзей моих, а ехать надобно, вот поэтому-то и откладываю.

Сашичка делается хорошей хозяйкой; входит во все подробности, а к этим мелочам нужно время и большую привычку.

Теперь пожелаю вам доброго здоровья и, ежели нужно (разумея, ежели обстоятельства не открыли чего-нибудь решительно полезного), до отъезда моего в Питер вас здесь поздравить с приездом. — Продавайте дом! продавайте,— как бы то ни было! — А я бы хотел по возвращении моем из Питера найтить всех вместе, как-то тогда бывает тепло сердцу

уважающего вас и преданного душой

Венецианова.

Его высокоблагородию милостивому государю Петру Ивановичу Милюкову.

В Москве, в Таганке, по Садовой улице, в своем доме.

33

[6 марта 1841 г. Петербург]

Здравствуйте, мой почтеннейший Николай Петрович! В пятницу, 28 февраля, я приехал с проливным дождем в Питер, с шубы моей текло — и в субботу надеть ее не мог. Теперь 6 марта, зима чудная.

Деньги ваши с объявлением вашим я отдал, квитанции мне не дали, для того что в объявлении было написано — доставить оную к вам.

Приехавши сюда и, кажется, от плаща я прихворнул, почему не мог видеться с Василием Петровичем, невзирая на то, что был у них; Павел Петрович был у меня, они оба обедают у меня в пятницу. По пустым грязным интригам армейщины Василий Петрович на Гобвахте под арестом: это дело обычное.

Хорошо, что вы не поехали сюда, еще ничего нет. Это я знаю от Осипа Ивановича. Виноградской[1] барахтается и хочет удержаться, говорит Лошкарев,[2] он думает выйти, но с честью, сиречь с чином, что у него хорошие связи, которые готовят ему губернаторство. Может быть, это и сплетни; но я за что купил, за то и продаю. Орлову[3] (моему) московскому, как ушей своих не видать, так и президентства. — № 1. Вчерась государь, проходя по Помпеевой галерее[4] и остановясь у мольберта *Прындикова,*[5] сказал: «Ты ведь Венецианова?» — «Да, В[аше] В[еличество]». — «Ну, спасибо ему». № 2. В Академии художеств положено, чтобы ученики Венецианова назывались и подписывались учениками Варника[6] и чтобы по окончании во дворце своих работ без воли Варника ничего не начинали, а работали бы в Академии. Об этом № 2 князь еще не знает. Не знаю, что будет, когда я его извещу, а с ним я еще не виделся.[7]

Вот мой почтеннейший, какие дела делаются, и не в земской полиции, и что значит коллегиальное правление, и что значит итить противу него.

Прощайте, мои почтеннейшие и дорогие, кажется со своими книгами я пришлю вам Альманах на 40-й год.[8] Макарыч подфунил и бедный Владимир без 9000, чистейших, ходячих. Макарыч кидается куда-то в управители, но вряд ли удастся. Жаль старуху, она неизлечима и едет домой в дилижансе.

Прощайте.

Чистосердечно вас уважающий

Венецианов

P. S. Московской Голицын[9] скоро опять вступит в управление, и он никогда не терял уваженья царя.

Лихтенбергской[10] прежде мая не будет, для того что в[ел]. к[н]. другого понесла, и ей нужен покойный путь, по приезде их свадьба.

34

16 марта, воскресенье [1841 г. Петербург]

Как говорится, душу отвело письмо ваше, почтеннейший наш Николай Петрович. При прощанье моем с вами вы были очень нехороши, почему во всю дорогу и до получения известия от добрейшего Василия Петровича о бывшей уже вашей болезни я не был покоен; Иван Петрович поразил меня своим письмом: пишет, что в городе все заговорили, что уже вас нет на свете, и потом, что он видел Ивана Яковлевича,[1] приехавшего от вас, который ему сказал, что вам лучше и что вы будете здоровы. Долго вам жить и здоровым быть для жизни новой. Виноградской просьбу подал, об этом Пе-

кер,[2] узнав партикулярно, известил Ивана Даниловича;[3] тот своею запиской уведомил Василия Петровича. В пятницу я с Иваном Панфиловичем[4] обедал у братьем Милюковых и читал эту записку, которая может быть уже у вас, ежели они в субботу к вам писали. В субботу мы сговорились видеться у Владиславлева, но я надул, для того что обедал и вечер был у Панаева,[5] где было рождение человека, подобного Елизавете Николаевне, только без кудрей. Иван Данилович сказал, что вам надобно ездить погодить, а приехать тогда, когда будет определены к Пекеру прежде. Вот вам *тайна*: тот чиновник, который определен на место Васькова,[6] определен не по одной чистой воле министра, а по представлению Пекера. Пекер его знал с давних лет и, будучи в нем совершенно уверен, просил министра об определении его; теперь Пекер на этого чиновника совершенно положился и питает к нему полную во всем доверенность. Добрый Иван Данилович мимоходом спрашивал у Пекера, не может ли и на место Виноградского явиться чиновник, подобно явившемуся на место Васькова? Нет! Кроме Милюкова, не будет никого. Что знал, то и накатал вам, мой дорогой Николай Петрович. Ей-ей, еще радость не прошла от вашего письма. Живите, живите, мой дорогой, и служите отечеству так, как вы служите. Служба ваша угодна и богу, она ему будет лучше молитв.

Хотелось бы к страстной, да, видно, нельзя будет, а на страстной выеду, даже ежели бы нельзя было ранее, в субботу пущусь. Третья неделя тому, что я здесь, но мне кажется, что третий год. Никогда не бывало так скучно и никогда не хотелось так в Москву.

Добро! Прощайте, мой почтеннейший Николай Петрович, лягу спать покоен, рука ваша у меня на столе, до свидания *писменного*. Поцелуй за меня ручку добрейшей матери Аграфены Конновны, а молодым людям да будет каждому по делам его, особенно по кудрям. Прощайте.

Душою вас уважающий

Венецианов

35

25 декабря, 6 часов утра, в 9-й 1841 г. [Петербург]

Поздравляю вас с праздником, мой почтеннейший и дорогой Николай Петрович, с вами поздравляю и добрейшую нашу Аграфену Кононовну с ее и вашими прекрасными друзьями, гладкими и кудрявыми.

А ежели обитательницы Поженские[1] у вас, то вы поздравьте их за меня, их душою уважающего. Мои мне писали от 17-го, что они с вашими в Поженках простились.

Вы меня столько любите, что захотите знать, что я здесь. Захирел было, начали делаться волнения крови и кидаться в голову. Десять дней я *ел* холодную с сахаром воду, а иногда холодную уху и кислую капусту, иногда часу не мог быть в комнате, а выходил на воздух и ходил раза по два и по три к взморью. Теперь все прошло. Вот поэтому-то не виделся с Василием Петровичем и Павлом Петровичем [2] две недели; третьего дня был у Осипа Ивановича [Веселаго]. Он очень, кажется, простудился; при мне было у него беспрерывная дрожь часа четыре. — Устройство Академии художеств или заведения в Москве чего-то изящного заснуло совершенно, разве не приедет ли князь [3] ваш да не разбудит ли,— и то как будто нельзя, для того что действуют условия личные.

Поэтому-то на прошлогоднем основании в половине января я отправлюсь на Сафонково. Я так думаю, а там как бог даст. Князь [4] ко мне очень хорош; но совершенно не от него зависит московское заведение, а от собственной воли государя и еще от недостатка в деньгах. *Министр финансов* [5] *остается.* Федор Михайлович [6] летом писал наш Дубровский погост. Этот погост висит теперь в комнатах государя. Что вы скажете, каковы наши Дубровские? не Поддубским чета, а дали 500, из которых и 50 не остается на продолжение жизни.

Вот вам все мое и окружающее меня, ужо попекусь повидаться с Василием Петровичем и узнать о том, что у вас делается, продолжать ли мне радоваться или погодить. — А штата вы не дождетесь. Пекер, бывши у Лошкаревых, сказал, что по причине всеобщей расстройки от неурожаев должно отказаться от надежд многим.

Вам, конечно, известно дело Соболевского. Теперь не дощитывают 38 пудов платины, а не 52, но говорят, что на 38 кончится. Грабежа чаю как будто не бывало.

Вчерась ночь и день снег шел, а теперь мороза 14, и стук дорожек исчез. Говядина доходила до 45, привозная же являлась на троечных, почему была 10 рублей.

Да, вы спросите, почему я ничего не говорю о картине Бруни, [7] о ней просто не говорят, а с фанатизмом одни хвалят, а другие бранят, я — к числу последних. Более вам ничего не скажу, разве только то, что народ молчит и смотреть не ходит. В то время, когда она была поставлена во дворце, позволено было народу показывать внутренние комнаты. Это для того, чтобы прекратить глупую молву об опасности комнат царских, [8] все ходили смотреть комнаты, а не картины, и болтовня о близости к разрушению внутренних комнат и всего дворца прекратилась, а говор о картине не начался. Прощайте, мой почтеннейший и дорогой Николай Петрович, дай бог вам 41-й благополучно кончить, 42-й встретить и 900-го дождаться.

Там сказано: да благо ти будет и долголетен будеши на земли. А вы имеете на это право.

Прощайте, мой дорогой.

Душой вас уважающий
Венецианов

36

11 января 1842 г. [Петербург]

Здравствуйте, мой почтеннейший и дорогой Николай Петрович. Поздравляю вас с Новым годом. Оно бы и поздно, сего дня уже 11-й день 42-му году, да вы не взыщите. Желать вам я строчками ничего не стану, пусть это желание останется в душе моей, давно согреваемой Милюковыми.

Как вы праздник проводите? Я не разумею — весело, а несколько покойно ли,— покой лучше веселья, и он добрее, его скорее можно найти; он живет в своем кругу, в себе самом, в вере, в боге, и он растет, приходит сам-пят, сам-десят, сам-сто; конечно, во время росту его бывают и непогоды, помехи; но сам без сам никогда не бывает.

Мне скучно здесь одному, и когда побываю *один,* то делается покойнее, и удовлетворяюсь тем, что друзья мои, Сашенька и Филиса, начинают привыкать быть самими с собою, а бог им, надеюсь, поможет, они и поболее привыкнут. Трудно! Да что же без труда достается? По крайней мере есть из чего трудиться. Кто привыкнет жить с самим собою, тот вместе приучится жить со всеми, т. е. снисходить всем, а через это избавится иметь нужду городскую льстить, следовательно, избавится рабства. Ох, мой дорогой Николай Петрович, простите, записался — в таком расположении духа. С добрейшим нашим Иосифом Ивановичем опять та же история начиналась, опять кровь, однако же не так, как прежде. Вчерась она не являлась. Он в болезни очень труслив и непослушен, не любит лекарств, да кто их любит.

Кажется, в Москву я не буду, для того что денег нет для новых заведений,[1] вам известно, как и старые обрезываются. С 24 декабря здесь на санях ездят, а третьего дня и извощики поехали, но мороза более 14° еще не было, видно, зима будет в феврале, а в декабре щи с крапивой я ел. Так ли у вас, в Москве? А в Сафонкове, кажется, так, и до 1-го января все было так. Только святки там проводим не так, как мы здесь. Там скакали, кутили, а мы смирнехонько, чиннехонько. Прощайте, мой почтеннейший и дорогой, будьте здоровы, здоровы и здоровы, поцелуйте ручку у добрейшей Аграфены Конновны, ручки у сестриц ваших и по усмотрению кого как из прекрасных людей ваших, разных кудрявых и гладких, за

уважающего вас Белокурого,[2] впрочем, ежели не отяготит вас это поручение. Прощайте, мой дорогой.

Я полагаю, что Петр Иванович в Поддубье, по письму Андрея Александровича.

Его Высокоблагородию Николаю Петровичу Милюкову

37

[Конец февраля 1842 г. Петербург]

Здравствуйте, наш почтеннейший Николай Петрович, поздравляю вас с окончанием масленицы, думаю, мирной, покойной, без энергии, с какою мы с ней расстаемся здесь,— впрочем, не я, я не теряю порядка и по *62-летнему* праву привожу себя в горизонтальное положение в 11 часов и поэтому-то мысленно исполнял прародительский долг. Вам от сердца скажу: простите и меня, грешного! Завтра начнется святая четыредесятница, здесь невидимка.

Благодарю вас, мой дорогой, за 12-е[1] число. Лена[2] у меня обедала, и я ей говорил, что я чувствую, что вы у меня, а сего дня ей это чувство доказал письмом Сашеньки и Филисы.

Давеча я с вашими простился, они поехали четверо *по-петербургски* на горы, а я до гор шел с Василием Петровичем. Завтра увидимся у Осипа Ивановича, завтра рождение Нат[альи] Петр[овны].[3] Мы начинаем думать о том, как бы ехать с вашими вместе, по-моему, в дилижансе, и не знаю, как у нас это дело уладится. Впрочем, ежели зима вздумает по-летошнему начаться с марта, то вашим выгоднее будет ехать в своем зимнем экипаже.

Теперь вы захотите узнать, что я здесь делаю. Извольте: гляжу на людей, как они торгуют и кто чем и как, и я тоже думал кое-что купить и кое-что купил, кое-что торгую, а иное оставил, дорого! Не по деньгам! Фенево (?) на 50 лет купил, посулили уложить и из Твери прислать. Оно и то бывает, что извозчики плутуют, в распутицу товар на дороге сваливают. Не правда ли, мой почтеннейший, что и у нас точно так же все дела идут, только без эффектов, без энергии, без форм изящных. Удивительно, как полезно, проживши месяцев чуть не 12 в глуши, меж сафонковских болот, явиться в Златокаменной и поглядеть на него свежими глазами. Что это за калископ [калейдоскоп] как в умственном, так и в чувственном отношении. Добро! Прощайте, мой дорогой, кое-какие подробности передам в Островках — думаю, на второй, но не удастся, а спешить не стану. Прощайте, целую ручку у добрейшей Аграфены Коиновны.

Душою вас уважающий
Венецианов

38

[27 марта — 2 апреля 1842 г. Сафонково]

Вот и Благовещение прошло, и поста четыре недели отчислилось, и то, что я в Питере два с половиной месяца отжил, как у Николы побывал, и, наконец, остается только два воскресенья до Светлого. А сколько до последнего? — богу известно! Из Питера я с вами, мой дорогой Николай Петрович, беседовал, а из Сафонкова — еще нет, а в Сафонкове уже пятую неделю живу. Слышу о вас нередко кое от кого добрых людей, иные меня радуют, а другие — ни то, ни се; а я сам по себе стараюсь держаться лучшего — радостного. С Влад[имиром] Иван[овичем] [1] я не видался — он бы, может быть, меня утвердил в моем радостном. Андрей Клементьевич готовится посылать к барышням коляску, и нас это опечалило, коляска эта станет их там катать и в Мае, а может быть и в Июне. Оно для меня-то. Я уже в 62 кое к чему привык, а для бедных моих девчонок плохо без сердечного приюта, особенно после тех происшествий, которые у нас появились и по горам, и по дебрям. Я, как философ деревенский и городской, смотрю на все в призму государственной экономии, которая позволяет иногда выходить за пределы всяких постановлений, даже самой совести и закона Моисеева, лишь бы достигнуть цели умножения как в мире вещественном, так и животном. — Полно! — Скажите-ка вы мне, мой дорогой, сами на досуге, останетесь вы в Москве или сюда приедете? Я не без надежды,— отделение Академии утвердится, а медлится, для того что теперь денег нет, для этого отделения хоть и небольшая сумма нужна, но не единовременная, а всегдашняя, на которую, может быть, источники в Июне откроются. [2]

Ах, мой почтеннейший и любезнейший Николай Петрович, при всей моей философии или навыке снисходить ко всему, теперешнее мое пребывание здесь с вторника масленицы так тяжело, как никогда не бывало. Дети всегда были пищею моей души, они и теперь не перестали ею же быть, но их собственная пища теснит меня, душит. Вот поэтому-то и коляска ваша досадила. Худо здесь без Милюковых, худо душе. Боже мой, недавно, 23-го числа, Софья Петровна [Милюкова] была у нас. С 26-го стала зима, и зима славная. На 3-е число поеду в Туганычи к усачу Милюкову, поеду один, боясь дороги, а ежели на возвратном пути не испортится, то жалеть буду, что один поеду. Так рассудок велит; хоть он и мешает и портит планы, но раскаиваться не заставляет. Страничка к концу, а я еще как будто ничего не написал, да и не упишешь всего того, что бы писалось, особенно желалось. Припомните эту прибауточку: *ума много, да вон не лезе.*

Я теперь как будто в Островках вижу Аграфену Кононовну, вижу ее улыбку, при ней и кудри и другие разные люди, а все люди хорошие, так бы теперь с голоду и расцеловал; пожалуйста, поцелуйте их за меня, а у добрейшей Аграфены Конновны ручку. Не потяготитесь и у поженских то же сделать за чистосердечно уважающего вас

Венецианова.

Прощайте, мой дорогой, будьте здоровы, а я как-то хуже прежнего, впрочем, гиморой летает все в голову, а не в хвост.

39

[24 апреля 1842 г. Сафонково]

Христос воскресе!

Поздравляю вас, мой почтеннейший Николай Петрович, с праздником великим, дай бог вам его со многими за ним праздновать в полных и чистых удовольствиях, к которым вы и привыкли.

Письмо ваше я получил и вести давал о явке ко мне Григория.[1] Вестил и доброго Василия Матвеевича[2] о желании моем его видеть; но *отвестия* не получал, а жду со дня на день Василия Матвеича. Дорога худа, а ездят от Сытина до Поженок на санях, а от Сафонкова до Сытина — на колесах, так вчерась говорил Андрей Клементьевич. В воскресе̃нье светлое Миша[3] приехал из Москвы и говорит, что вы все думаете чуть ли не на Фоминой пуститься в Вышневолоцкой. Дай бог, чтобы это была правда, а то тошно, дюже тошно.

Не предсказывал ли я вам или, лучше сказать, опасениями моими не остерегал ли я вас от того, что случилось с вашим Григорьем. Он не виноват, а вы виноваты,— вы ему дали направление, а потом остановили, вы ему дали почувствовать удовольствие внутреннее, тронули его душу из склепа положительного и остановили. Ежели я его возьму, то то же будет, даже не то же, а хуже тогда, когда у него останется перспектива теперешняя — как практически 30-летние опыты, так и психологические, даже, ежели позволено будет сказать, физиологические наблюдения это мне давно доказали. Об этом при свидании потолкуем.

Вот тоже вы мне не верили, что новому штату быть нельзя. Штаты из авось не строятся. Вот теперь, ежели Июнь что-нибудь значительное даст, то немудрено, что и штат составится, но не Пейкеров. Право так, мой дорогой. Ей-ей, так. Теперь покалякаемте о житье-бытье. — Завтра Егорий, а теперь 17 градусов (на солнце) в 4 часа. Я не горюю, корму достаточно, а многим плохо. У меня никогда скот не был так хорош, как ньнче, ни одной коровы с *замусленым* хвостиком и около 30 телят живых, веселых скакунов. Но

копи, кони уже едва живы, их буки съели. Григорий по доброте своего сердца никому не может отказаться услужить, вот его и завалили подметками до того, что он потерял время и накормить и напоить животных, а сами они глупы.

Вчерась было царицы Александры. Поздравляю и вас с имянинницей.[4] У моей был Андрей Клементьевич один и приехал весь в грязи, да еще была после обеда гостья — Варенька Стромилова, одна и как ни в чем не бывало. Хоть мне и 63-й и в это время навостривался опытами, но, право, сконфузился, да так, что и теперь в недоумении, откуда это произошло, от пошлой ли глупости, или от нахальства. На горе тем распоряжается! Теперь, мой почтеннейший Николай Петрович, остается мне пожелать вам здоровья и повторить желание вас видеть в Островках, но на время, а желаю вас видеть в Москве, потому что все-таки надеюсь там быть и жду того же Июня или Июля, от которого и ваш штат зависеть может. Как-то к нам явится Петр Иванович! Я теперь к нему пишу, пусть его пользуется Питерскими удовольствиями, они там для него целительны и прибавляют дней к его жизни.

Скажите мое душевное почитание почтеннейшей Аграфене Конновне, ежели не трудно, поцелуйте ручку, а кстати поцелуйте ручки у Елизаветы Петровны, Анны Петровны и Сусанны Петровны,[5] да и Варвару Петровну[6] не забудьте, ведь она тоже Милюкова, а Пармена Петровича[7] поцелуйте, он тоже Милюков, за чистою душою вас уважающего

Венецианова.

40

[Начало августа 1842 г.[1] Сафонково]

С удовольствием, мой почтеннейший Николай Петрович, принимаю вашего Григория;[2] но не с тем удовольствием, с которым я хотел его взять, едучи в Маковищи и беседуя о нем с добрейшим нашим Василием Матвеевичем, беседуя как о грешнике кающемся. Я грешников кающихся люблю и на них надеюсь, а праведников боюсь: опыт приучил меня к этому чувству. Холодной долг человечества будет во мне действовать, а не то чувство, которое всегда мне сопутствует, утешением же будет то, что выполняю волю людей, драгоценных моему сердцу, и надежда на божию помощь грешника сподобит чистого раскаяния.

По обыкновению моему, я ему дам написать какую-нибудь внутренность, что он у вас может повторить, а потому у меня напишет голову с натуры и пойдет, как бог ему благословит. Прощайте, мой дорогой. Мои завтра поедут в Рождественское, а я дома стану, а я стану *с виноватыми* косить.

По-прошлогоднему мы будем говеть и думаем 14-го приехать в Поддубье к Василию Матвеевичу.

Еще повторяю, будьте здоровы с добрейшей Аграфеной Кононовной и прекрасными людьми.

Чистосердечно вас уважающий

А. Сафонковской

P. S. У меня половину выкошено, с понедельника хочу класть и молотить на Семена.

Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Петровичу Милюкову.

41

6 декабря 1842 г. (?) Петербург][1]

Здравствуйте, мой почтеннейший Николай Петрович! Поздравляю вас со днем вашего Ангела, желаю, чтобы он более и более хранил вас везде в жизни этой, принадлежащей уже не вам одним, а семейству вашему, которого теперь благо в вашем благе. Я вам более ничего не желаю, как только чтобы вы были в том состоянии души, в котором теперь Петр Иванович, чтобы вы в ваших Петре, Николае и Кононе и прочих видели, ощущали то же, что ощущает Петр Иванович в Николае, Василье и Павле и прочих.

Жаль, что я пишу в Питере, а не говорю в Островках и поздравляю вас за 480 верст, а не в гостиной вашей, там бы я полюбовался на все окружающее вас и на кудри Елизаветы Николаевны и на косы Лидии.

Программная судьба не решается сегодня, а отложена до 8-го, а может быть и далее, для того что бывшее парадное обручение двор весь захлопотило несказанно. Сегодня праздник в Эрмитаже, со всеми дворными узорами, а там — прощанье с принцем. Великое будет чудо, ежели я выиграю, премии давно назначены по расчетам.

Как-то мне не судьба с вашими видеться. Василия Петровича я только раз видел, он у нас был и без нас, третьего дня я взял его адрес и на днях побываю; знаю, что он и Павел Петрович здоровы, а Иосиф Иванович участвует в царских пирах, без князя,[2] которой по обыкновению болен.

Девицы мои здоровы теперь опять крепко, и я здоров по годам... Думаю только о том, как бы скорее в Островки и как бы к блинам. Воля не своя — прощайте!

Поцелуйте за меня ручку у матери Елизаветы Николаевны, а самое Елизавету Николаевну — куда угодно.

Душою вас уважающий

Венецианов

6 декабря, 7 часов утра.

42

[22 октября 1842 или 1843 г. Петербург]

Сказали мне, что надобно письмо к тому, на чье имя посылается что-либо, через контору, новую какую-то Контору Транспортов,— вот я и пишу к вам, мой почтеннейший Николай Петрович, не через почту, а через контору, которая везет сафонковским боярышням заячьи салопы, зная, что вас это не отяготит.

Сего дня, 22 Октября, Казанской, после приобретенного и сбытого с трудом ревматизма в ноге я изволил лихо простудиться, счастливо только то, что скоро спохватился и уселся дома с моими средствами, сиричь с горчицею, нашатырем и бузиною, сегодня четвертой день дома, а выйти нужно, отчего и *тошно*. С воскресенья морозы начались. Как у вас? Мне из окна весело на деятельность смотреть, особливо на быстроту тех, которые от быстроты скользят с мостков и навзничь валятся, не забывая того, что несут в руках. Вчерась послал я через *Городскую* к Василию Петровичу, прошу его завтра к себе. Как-то пусто на душе, когда долго не видишь тех, при которых бывает ощущение, и сам не знаю сказать — какое, оно безмолвное и не высокое — это ощущение, а полное, при котором непременно что-нибудь повторится в обоюдной гармонии души и как бы попотчивает ее чем-то. Я знаю, что и с вами так бывает. А между тем уже месяц, как я здесь, а от друзей одно письмо получил, и того, которое должно быть с контрактом, не получаю, не хочу придумывать, а само иногда думается: в этом беспорядке свой порядок.

Говорят: в Париже дом нашего посланника разграбили, конечно, потому что он им попался. Черт ли в том просвещении, где нет веры. Еще говорят: бриг потонул в бурю 10-го числа и тот, на котором был Сережа Крашенинников.[1] Дай бог, чтобы неправда.

Пришли за посылкой. Прощайте, мой почтеннейший.

От полной души вас уважающий

Венецианов

22 октября

43

[26 октября 1842 г. Петербург]

Митров день. Здравствуйте, мой дорогой и почтеннейший Николай Петрович! Вчерась я получил из Сафонкова самую дурную весточку. Сашенька больна и просит помощи, письмо же писано в последних строчках от 11-го Октября. Теперь я не знаю, что с ними делается, просят грудной травы, помощи от кашля и защиты от головной боли — и две недели тому назад. Ах, как грустно, мой

дорогой! — Вчерась я был у Василия Петровича, обедал у него и, кажется, моей скукой не принес ему удовольствия, он прославляет Арндта,[1] давшего ему новую жизнь.

22-го числа поручил я отправить посылку с салопами, ан вот она отправлена 25-го и квитанцию вам, мой почтеннейший, посылаю. Когда вас известят о посылке этой, потрудитесь ее переслать к друзьям моим, а при сем приложенную писулечку поранее отправить потрудитесь, в ней я пишу наставления доктора.

Бедная Наталья Петровна[2] опять *в роже*, и самой мучительной, у нее была она и казалась совершенно исчезнувшею, почему она и выехала покойною; но возвратилась с сильнейшею. Теперь она месяца на три заключится дома, чтобы совершенно искоренить начало этой рожи.

На днях я познакомился с новым соседом Шафонским,[3] он служил в Москве правителем дел военного губернатора и потом по Межевому, Пекерскому, ведомству шел; человек он хороший, кажется; он ведь купил имение от Саломки,[4] жена его в деревне, и мне этот Шафонский как-то внучатной по Енькам.[5]

Дела мои не знаю, как пойдут, надобно ждать переселения двора, которое сделается к 8-му числу.

Его светлость[6] особенно ко мне благоволит, и не знаю, что из этого благоволения выйдет — Москва или Питер. Питер страшен, а Москва, по летам моим хоть и поздна, но не страшна.

Добро! Прощайте, мой почтеннейший. Было много наготовлено, да не пишется. Будте здоровы.

Чистосердечно вас уважающий

Венецианов

26 октября.

44

26 июля [1843 г. Сафонково]

Здравствуйте, мой дорогой Николай Петрович! Вчерась, в Воскресенье, мои были в Поженках, там застали только Сусанну Петровну[1] с Петром Ивановичем и всех пятерых[2] прекрасных людей, а те, т. е. Елизавета Петровна[3] и Аграфена Конновна, были *уехадчи к Ушакову Н. А.*[4] Сказывали мне, что получили от вас три письма, что вы здоровы и веселы, чему я душевно радуюсь. Сказывали также, что ужасная цена за приготовление детей в какое-нибудь заведение.

Есть мои знакомые Лошкаревы, они люди не очень богатые, у них дети в Ларинской гимназии, и мальчики выходят прекрасные, потому что там учат отлично. Покойник Барон К. П. П. решительно хотел меньшего сына туда отдать; но старые связи переменили его

твердое намерение. Потолкуйте-ка с кем-нибудь. Лошкарева и Осип Иванович знает, потому что кто-то из Наумовых с ним короток. Этот Лошкарев *слепой*, а дети его — внучки Рыхлевские. Ларинская гимназия на Острову, по 6-й линии.

Вот для меня что загадкою: немцы, немцы — русские подданные, гораздо ученее, образованнее нас, многие, очень многие беднее нас, а детям дают воспитание, т. е. учение и образование, с небольшими издержками. Можно это же сказать — конечно, не в том градусе — и о малороссиянах. Они гораздо далее нас ушли; взгляните — столоначальник, начальник отделения и директор Департамента или немец, или хохол.

Вы теперь с Василием Петровичем, а сегодня, кажется, его новой год, 26 июля. Итак, мой почтеннейший Василий Петрович, поздравляю вас с вступлением в новой ваш год, бог вас даст непременно прогрессивно развивать и следующие — с вашими правилами вы всегда успеете. Каждой со своей точки смотрит на все, почему и мне кажется, лучше бы, веселее бы мне было вас поздравить в штате Воен[ного] Г[енерал] Г[убернатора], нежели Артиллер. Казн[ачея]. Вы помните мой конек к умничанью, к знанию человека, к знанию чего-то того, чего век не узнаешь. Мне на роду написано на этом коньке ездить, и кажется иногда, скачешь, а оглянешься — конек детской, деревянный, на лыжах, он качается, а не скачет.

На Невском проспекте, в доме Петропавловской церкви, в книжной лавке Андрея И. Иванова, продаются маслобойни Полторацкого с привилегией. Маслобойня стоит 3 целковых, а право бить масло — 4. Я сговорился с Андреем Клементьевичем пополам купить, сиречь, приобресть и право и маслобойню, почему поручаю Федору Михайловичу[5] купить ее. Не случится ли вам? Да как не случится итить мимо Петропавловской! Зайдите взглянуть на диковинку эту, и ежели она стоит 7 целковых, то покупки не останавливайте, а ежели нет, то не велите покупать. Мне кажется, ежели на нее требование велико, то она стоит того, чтобы купить, а ежели нет, то мы плюнем на нее и с хозяином.

Как бы вы думали, мой Ларион[6] опять бежал и увел с собой мужика, бывшего тоже в бегах; но вот что — бежать он вздумал скоро, в несколько минут, ночью, почему не удалось ему поговорить с братом, а для того оставил ему письмо, в котором просит украсть у меня печать и ему доставить к дедушке в следующую ночь: не дождавшись в день брата, вздумал сам с товарищем притить за печатью. Товарища поймали, а хозяин Ларион ушел. Товарищ объявил, что они, написав паспорты, намеревались итить в Боровичи. Товарищу я приказал подновить бритье головы и итить косить.

Прощайте, мой почтеннейший Николай Петрович. Да ведь я не знаю, познакомились ли вы с моим любезнейшим Пошманом [7] и узнали ли, как у Его Превосх[одительства] дела валяют. Думаю, брат Владиславлева [8] все передал. Мы будем в Успение в Поддубье к Василию Матвеевичу. [9] Прощайте оба, и ежели с вами непосед ваш, Павел Петрович, то поклонитесь ему от сердечно вас всех почитающего

Алексея Сафонковского.

Осипа Ивановича [Веселаго] нет в Питере, и я очень рад, что он сделает войяж.

Что мне вздумалось, а с вами мы, кажется, так знакомы, что всякая дума может вслух думаться и тем же экспромтом. Ежели бы вы были немец, то вы не были бы только надворной советник, а вы бы были профессор Академии, директор строительного комитета, почетной член многих заморских разных заведений, словом, вы были бы Брюллов Александр, [10] Тон Константин, [11] ну, пожалуй, хоть и Стасов. [12] Клотов [13] человек с пять, один давно артиллерии полковник, но их никто не знает, а знают одного Петра. Мне мекается, что у Петиньки [14] точно те же самые способности, какие у Николая Петровича. Вчерась даже вечером мои Саша с Филей об этом мне говорили, что они в нем все видят совершенно отцовское. Потолкуйте об этой думе, любезные братья, Николай и Василий, между собою по-братски, как всегда у вас водится эта дума экспромтом.

По душе вас уважающий

45

22 ноября 1844 г. [Петербург]

Вот уже два месяца я живу в Питере, мой почтеннейший Николай Петрович, и два месяца тому, что писал к вам при отъезде моем из Сафонкова, а здесь собрался в первой раз словечко молвить, откликнуться. Не подумайте, что занят был очень, а напротив, столько свободен, как редко бывал, для того что занял себя одним делом — копированием в Эрмитаже Рафаелевой Мадонны, [1] и вот до сего дня не приходилось сидеть дома одному вечером и взяться за перо, чтобы изъявить вам мое сердечное полное удовольствие, слыша от добрых людей о добрых ваших делах в Твери. Помоги вам бог, мой дорогой! Вчерась я был у Иосифа Ивановича, и тот радуется вашему достижению цели желаний. Жаль, что Павлу Петровичу [2] не было дороги у вас побывать. С каким удовольствием, думаю, доброй Петр Иванович проводит время у вас! Говорили мне, что он намерен в Москве остановиться прямо у Сергея Васильевича. [3] Ах, мой почтеннейший, как это меня порадовало! Святая истина: худой мир лучше доброй войны — сердечные мои чувства привыкли принимать

участие и выражать их в тех формах, в которых они в душе живут. Вчерась только, т. е. 21 ноября, двор переехал из Гатчины в Зимний и грусть о потере с собою привез. В народе траура давно нет, а там он вполне развивается и, кажется, не скоро исчезнет.

Мне думается пробыть здесь до января, а может быть и январь пробуду. Хочется Рафаеля хорошенько кончить; это дело в художничьем быту — эпоха. Один только Брюло скопировал Рафаеля.[4] Учиня сию победу, думаю в дилижанс сесть не до Волочка, а до Твери, и там повидаться с добрыми моими друзьями, иных обнять, у других ручку поцеловать, а иных в кудри или в косы поцеловать — так думается.

Сашенька с Филисою здоровы, утешаются своим здесь пребыванием. Рубини[5] не удалось еще мне им дать послушать.

Желаю вам всем доброго здоровья и продолжения того душевного удовольствия, о котором здесь слышу.

Чистосердечно вас почитающий

Алексей

22 ноября 1844 г.

46

6 декабря, 6 часов утра [1844 г. Петербург]

Поздравляю вас, мой почтеннейший Николай Петрович, с днем вашего Ангела. Хотелось бы обнять вас, как бывало обнимал в Островках. Боже мой! Да мало ли чего бы хотелось. Радует меня то, что поздравляю вас с днем Ангела во время достижения благих желаний ваших. Да продлятся они столько, сколько нужно! А впрочем, все-таки вспоминается Островский театр и на нем прекрасные сцены с матерью.

Благодарю вас, мой дорогой, за писание выше, я думал было рано отсюда выехать, в первых числах января, но не удастся. Я принялся копировать Рафаеля Мадонну. Ее никому не позволяли, и мне разрешено с Высочайшего. За эту картину заплачено 100 тысяч серебром. Она не более 5 лет находится в Эрмитаже, куда я теперь хожу всякий день и запираюсь в особой комнате. Теперь это занятие доставляет мне большое удовольствие, а иначе я бы к Рождеству уехал в скучное Сафонково, но твердое и свободное.

Третий день я сижу дома, какая-то общая *пашава* ко мне привязалась, боль в груди, насморк, кашель и головная боль мучают меня, говорят, что это еще с неделю продлится и что необыкновенная сухость этому причиной; барометр так высок, как в сто лет не бывал, невзирая на снег, который теперь только явился. Температура постоянно от 15° до 7° и с лишком месяц не было 4°. Давно

я не видался с Павлом Петровичем и Василием Петровичем и сего дня положил было за непременное быть у них и поздравить с имянинником, но *не тут-то было:* будет.

Желаю вам здоровья, мой почтеннейший, и совершенного исполнения всех тех благ, к которым душа ваша стремится.

Добрейшую Аграфену Конновну с дорогим имянинником поздравляю, и ежели еще Петр Иванович у вас, то прошу его от меня с вашим дорогим днем поздравить, а я навсегда чистосердечно вас навсегда уважающий

Алексей.

Петра Николаевича и прочих, особенно тех, которые бывали с кудрями и нонче с косами, поздравляю с имянинником.

47

[11 марта, воскресенье 1845 г. Петербург]

Я сам себе удивляюсь, наш почтеннейший Николай Петрович, что я столько времени пробыл безмолвным и столько времени прожил в Петербурге в беспрерывной готовности оставить его. Дело было только в том, что я не знал, как его оставить. Наконец, вот и теперь, в Воскресенье, 11-го марта, обоз и человеки отправлены. Отпуск взят, и день для выезда — *четверг* — определен. Филинька занемогла!

В Январе графу Велигорскому[1] просьба подана об определении Филисы в классные дамы при Сиротском институте Воспитательного дома, и она сделалась 12-ой кандидаткою. Филисанька не хочет ехать в Сафонково, а Сашенька не хочет оставаться здесь. Итак, Сашенька едет со мной в деревню, а Филинька остается одна у Авдотьи Афанасьевны Мартос;[2] конечно, она остается чуть-чуть не у родной матери, бывшей дружною с ее родною матерью, но для меня лучше бы было, ежели бы она осталась с родною сестрой и при этой матери, *а лучше* и то, что Сашенька поняла невыгоды здешней жизни при резко ограниченных средствах. Вот борьба всех этих домашних обстоятельств три месяца кружила мою старую голову и томила мою душу, которая и теперь в том же состоянии.

Думаю, приехавши в Сафонково, пуститься к вам, в Тверь; мне нужно быть в Торжке для кирпича, а там до Твери недалеко. Ах, мой почтеннейший Николай Петрович, горьки, черны мне были прошлые Январь, Февраль, и Март текущий не уступает им.

Василий Петрович много меня радовал рассказами о Москве и Твери. Да продлит господь бог текуще для вас! — Ах, как хочется взглянуть на вас!

Невзирая на черные дни, меня мучившие 3 месяца здесь, в Питере, а расстаюсь я с ним без претензий на него. Он — реторта, в ко-

торой плавится мысль человеческая. Ах, боже мой,— вот Сашенькина мысль переплавилась, а Филинькина плавится, следовательно, страдает, а с ней и моя.

Прощайте, мой почтеннейший, может быть, ежели намерения выполнятся, до свидания.

Душою моею чистосердечно уважаемой Аграфены Конновны поцелуйте ручки за уважающего вас

Венецианова.

Добрейший мой хозяин, Федор Петрович, твердо уверенный в правоте вашей, пишет к вам. Брат его Сергей[3] третьего дня покатил в Англию за железным пароходом, на котором назначен командиром по личному царя усмотрению.

48

31 декабря 1845 г. — 1 января 1846 г. Сафонково

Вчерась Александра Матвеевна[1] привезла ваше письмо, почтеннейший наш и добрейший Николай Петрович. Благодарю вас от души моей за эти строчки. Да, я поспешил уехать из Питера, и это не почему другому, как только потому, что там было мне нечего делать. Подробности этого *нечего* — лично скажу — *после праздников.*

Как бывает в доме без хозяина, невзирая на совершенный порядок во всем, заметно, когда нет хозяина, так точно и в Питере, невзирая на безостановочный ход всех дел, видно, что *Самого*[2] нет дома; по крайней мере мой *эстетической* взор это находил, например Академическая Экспозиция взбороздилась, может быть и без потери; но взбороздилась, отложилась до прибытия; Никола так прошел без надежд, без битья сердец, а светло во дворце было, да не в том месте; по заведениям песочек на лестницах посыпался, да не тем узором; конечно, это мелочи, да эти мелочи меня, мелочного же, заставили скорее уехать в свое Сафонково, где теперь не то, что Там, да то что: *Щей горшок, да сам большой.*

1-й день 1846 году, 7 часов утра. Поздравляю вас, дорогой наш и почтеннейший Николай Петрович, с Новым годом и вас, добрейшая наша Аграфена Конновна, и вас всех, малютушки и *бывшие* малютушки. Желание пусть останется в душе моей! Я всегда любил и теперь люблю поздравить с праздником. Поздравлений этих два рода: официальное и партикулярное. В официальном я не разумею чиноположного одного, для того что в нем есть люди, к которым питаешь с теплым удовольствием полное уважение, а в партикулярном этом тоже есть люди, к которым питаешь благоразумное приличие. Вот я всегда и любил греть мою душу теплым удовольствием

изъявления моего чистого почитания, даже так, что и теперь бы кое-куда полетел и прижал бы к сердцу — добро! Прощайте, мой дорогой, до свидания.

Чистосердечно вас уважающий

Алексей Сафонковской

в Блавском, где все спят от пятидневных пиров.

49

14 августа [1846 г. Сафонково]

Какой дар божий в письме вашем, мой почтеннейший Николай Петрович, я приобрел предложением вашим и Ивана Николаевича[1] написать образ на той святой досчечке, которая удостоена была хранить в себе нетленные мощи святителя Макария,— до этой досчечки счастливой будут касаться счастливые руки мои, и она, эта уже святая, счастливая досчечка, будет несколько времени в Сафонкове и, может быть, еще поедет со мною в Град Петров к Филиньке моей.

Я решился не ждать письма от Ивана Николаевича, а сам ему пишу, и вас, мой почтеннейший, прошу его вручить, *ежели нужно, запечатав*. Прочитав мое письмо, увидите мое намерение. Может быть, князь[2] и герцог[3] меня долго не задержат в Петербурге; я им сдам своего Мишеньку.[4] Как будет богу угодно, так и сделается.

После письма вашего я смотрю покойнее, безропотнее на высохший овес мой и метлистую рожь и бодрствую в строении агрономических планов.

Сего дня, 14 августа, и я совершенно ничего подробно не знаю приключившегося у вас с Сер[геем] Вас[ильевичем]. От Андр[ея] Клем[ентьевича] никакого я толку не добился, видел только размашку рук и слышал топку ног его.

Ужо мы едем к Василию Матвеевичу просить его о принятии грехов наших и прощении их его силами. Простите и вы меня, мой почтеннейший, я иногда бывал виноват перед вами, даже внутренними укорами за хозяйство ваше, но душа моя всегда питается к вам чистым уважением, которое ляжет со мною и в могиле моей.

Дмитрия Федоровича *Кулебякина*,[5] ехавшего пустошью на дрожках, без человека, при разбирании заворок[6] картечью прострелили в плечо. Д[митрий] Ф[едорович] жив — это знаю, а других подробностей не слыхал. Впрочем Д[митрий] Ф[едорович] виноватого сам скорее Дурнова[7] найдет.

Со вчерашнего дни солнышко перестало печь и допекать; теперь ежели надолго замокропогодится, то не очень хорошо. Да будет воля его!

Будьте здоровы, мой дорогой, мы завтра у вас, в Островках.

Чистосердечно вас уважающий

Грешный Венецианов

[Приписка от 15 августа]

15. Островки. Бог удостоил меня с Сашенькой принятия святых таин, и ваши все были свидетелями.

И вчерась и сего дня я не добился толку в действительной причине черного поступка с вами С[ергея] В[асильевича], и Василий Матвеевич, давно доискиваясь, о сю пору не нашел.

Вчерась мы с В[асилием] М[атвеевичем] много говорили о том, что бы можно и должно было сделать для улучшения состояния ваших крестьян, и ежели бы С[ергей] В[асильевич] за эти средства принялся, то много бы в год сделал. Василию Матвеевичу известны эти средства. Не нападете ли вы, мой почтеннейший, на него? Все ваше так близко душе моей, и хотелось видеть, как у себя, изменения к улучшению.

Может быть, я и не дело вам пишу; но это самый горячий и после причастия порыв почитающей вас души

Алексея.

50

2 ноября 1846 г. С.-Петербург

Здравствуй, почтеннейший наш Николай Петрович!

Никогда мне не было так скучно, грустно и досадно в Питере, как теперь. Может быть, потому, что своя рубашка ближе. До этого времени доводилось мне хлопотать о чужих, и оттяжки хода дел, самые неудачи не были так ощутительны, как теперь, потому что теперь хлопочу о своем деле, т. е. о Филисе. Эта выжидательная система со своими гомеопатическими законами, везде принятая, мучит меня. Ежели бы постановления наши не подлежали исключениям, покойнее бы было. Чистый законный отказ более бы успокоил и развязал каждого, нежели распучка надежды. У меня одна распучка должна показаться около 17-го числа, другие — к 6 декабря и такие, которые при малейшем ненастье пожелтеют и свалятся на основании законов, а закон говорит: преимущественно помещать в классные дамы девиц, воспитанных в том заведении. Этот закон ведь не отказывает словом *преимущественно,* а обнадеживает, велит ждать, искать, а иногда *и быть в дураках.*

Сашенька получила дощечку от гроба угодника Макария, не распечатывая ее, поставила к образам и решилась было ее хранить до моего приезда; не я ей посоветовал раскрыть ее; она, раскрыв, нашла письмо ко мне Ивана Николаевича и на днях прислала,

следовательно, возобновила мою благодарность за такое святое поручение и усугубила нетерпение мое к скорейшему началу.

Мне приходит мысль, мой почтеннейший Николай Петрович, чтобы образ написать не только на одной присланной дощечке, а и на всей той доске, которая будет составлять образ,— на досчечке головку, а ручки и прочее на доске. Увидясь с вами, потолкуем. Можно бы так сделать, чтобы дощечка даже вынималась тем, кому угодно приложиться, конечно, смотря по людям. Это ведь только зародышек мысли, а ее мне дает и заставляет обдумывать скудельность глаз моих, выходящих иногда из повиновения. Ах, мой почтеннейший, как бы мне хотелось приступить к этому святому делу. Петербург мне чем далее, тем более надоедает — приторным становится, даже так, что я бы лучше желал Филиньку видеть классной дамой в Твери, нежели в Петербурге. Может быть, этому причиной мой 66-й номер годов, который смотрит на движения мира уже не так, как в калископ [калейдоскоп], а как в телескоп.

Закалякался!

Прощайте, мой дорогой, будьте здоровы с святым семейством вашим. У добрейшей Аграфены Конновны душою моей ручку целую.

Чистосердечно Вас уважающий

Венецианов

Италиянцы[1] всех занимают, но не по-старому — прискучило, и цирк пустует, толпятся в Базаре,[2] которой императрица посетила и тем ему дала большой ход; впрочем, базар хорош, цена всему настоящая, без обмана.

2 ноября 1846 г. С.-Петербург.

51

[1847 г., около 16 марта. Сафонково]

Что же, неужели мне благодарить вас, мой почтеннейший Николай Петрович? Пусть я останусь так, не благодаря. С Сназиным говорил в Волочке и Владислав Иванович[1] о деле нашем. Это мне передал Андрей Клементьевич [Богданов]. Сназин очень хочет кончить дело. Начало этого хотения, образумления, вы положили. Теперь у вас добрая наша Евпраксия Тимофеевна, я теперь написал и Иосифу Ивановичу [Веселаго] о том, что вдруг узнал, что Страхов этот *ваш* — тот самый, о сыне которого и о самом я знаю все самое худшее, пишу и к вам для известия и передачи Евпраксии Тимофеевне.

Мой давнишний знакомый, Василий Михайлович Веселков, который служит у вел. кн. Марии Николаевны секретарем и казна-

чеем, живет в своем доме по Фурштатской улице, к Таврическому, а деревенька его и усадьба — в трех верстах от Страхова. Страхов просил Веселкова обласкать его сына и в случае нужды помочь — сын тогда находился в школе Гвардейских подпрапорщиков. Из школы Страхова выгоняют за воровство, буйство и леность. По старанию В[асилия] М[ихайловича] [Веселкова], Страхова берут университетские профессора, чтобы приготовить к поступлению в университет, и молодой Страхов по просьбе отца помещается у Веселкова. Месяца с два Страхов ходил к профессорам, потом ему надоело, он деньги, получаемые от Веселкова, профессорам перестает отдавать, а начинает их окрадывать, у Василия Михайловича и одного профессора украл часы, у другого книжку с деньгами, у третьего стакан серебряной, а у самого В[асилия] М[ихайловича] кроме денег, наконец (прошлого году, в августе) две бриллиантовые пуговки, которые стоят по 350, и им были обе проданы за 400. Отец эти поступки отнес к обыкновенной ребячей молодости, разгневался на профессоров и на В[асилия] М[ихайловича], для того что по его правилам в сыне его кипит живость лет. Дочь его давно ждет Владислава Ивановича.

Это все я написал к Иосифу Ивановичу.

В последний вечер я вынужден был моим злодеем-гимороем рано с вами проститься, и вот с тех пор этот злодей проказит со мной, изволил меня ухватить за челюсти, горло и плечи, пятой день тешится, с большою болью чай глотаю.

Будьте вы здоровы, мой почтеннейший Николай Петрович, вам здоровье более нужно, нежели мне. Целую ручку у добрейшей Аграфены Конновны.

Чистосердечно вас уважающий, хворый

Венецианов

52

[Март 1847 г. Сафонково]

Давно бы надобно мне было отвечать вам, почтеннейший наш Николай Петрович, и мне хотелось это сделать лично; но пришлось буквенно, для того что уже теперь лично поздно,— выйдет ни то, ни се, или общая помеха. Сперва Сашенька у меня мучилась своей хронигой, семь дней с постели не подымалась, потом мой сожитель-гиморой забунтовал и теперь кутит.

Я намерен, т. е. решительно положил, 26 или 27 нопичнего марта ехать в Бежецк, оттуда в Кашин и Калязин к угоднику Макарию приобресть от него то, чем он рассудит меня наделить, а оттуда заехать к Ивану Николаевичу и (*нрзб*) в его желания новые, будучи готовым к выполнению благих и теплых для меня первых.

Теперь вас прошу, ежели не уехал Иван Николаевич, то попросите его взять с собою все подробные чертежи и проекты, приготовленные для церкви.

Образ Спасителя и Божьей матери я отослал к В[асилию] М[атвеевичу] и потом съездил туда, чтобы посоветовать о старых полукружиях. Пришло мне в голову полукружия эти превратить в драпировку и сделать ее *дешево и сердито* из холста и деревенских кружев, пролевкася[1] их, а кружева и вызолотя. Васильев сын, *позолотчик,* для пробы этой моей фантазии приедет ко мне на страстной неделе, в понедельник. Теперь что мне вам сказать, мой почтеннейший Николай Петрович? Соседу моему П[етру] И[вановичу][2] как будто лучше, с палочкой начинает бродить; но вот странность, что у него уже с лишним 3 недели не было... и Красовский[3] пишет, что это ничего, а капли с опиумом постоянно месяц ежедневно приказывает принимать; впрочем, без них он бы и не мог заснуть, а у А. П. левая (пораженная) рука сильно загноилась и уже *драться* мешает.

Любовь Алексеевна едет с сыном Александром[4] в Петербург для определения его по М. Ф., а Михаил ее с нетерпением ждет начальничества над уездом и готовится *вот как.*

Снегу у нас ежедневно прибывает, даже в бывшие 20-градусные морозы не переставал навевать. Так как осадок не было, то, верно, вдруг сольется и даст большую разом воду с доброй весной, а от нее-то почти зависит годичная участь поселянина.

В теперешнюю разладицу скудельных сил моих все-таки я не оставлял палитры для *туалета моей Дианы*[5] и помаленьку-помаленьку ее все закрыл. В сельской жизни, кажется, необходимо какое-нибудь занятие для держимости умственной способности, а без него и загнить или отпустить бороду, лапти надеть.

Желаю вам доброго здоровья и добрых сил в святых подвигах ваших.

Всею душою вас уважающий

Венецианов

Почтеннейшей Аграфене Конновне свидетельствуя мое и Сашеньки моей почитание, целую ручку.

53

[7 апреля 1847 г. Сафонково]

Христос Воскресе!

Поздравляю вас, почтеннейший наш Николай Петрович, с наступившим светлым праздником. Желаю вам и почтеннейшей Аграфене Конновне в чистой религиозной радости с окружающими вас

эти святые дни провести и следующие за ними встречать такими же.

День светел, как праздник, но что-то холоден, ветрен, не дает солнышку работать, землю дораздевать, а греть ему и недолго. Люблю я, мой почтеннейший Николай Петрович, этот праздник. Да кто его и не любит! В этот день никто зла не мыслит. Хотелось бы знать, что в религиях нехристиан бывают ли дни эпохиальные с подобным ощущением сегодняшнему нашему дню? Кажется, нет, а должны быть ощущения, подобные нашим торжествам масленичным. Филисанька пишет, что и она дань эпидемии заплатила, но небольшую, днями пятью, и больных там тысяч десятка три, но смертности нет; и у нас ведь тот же грипп; по соображениям болезни и я его имел вместе с гимороем, забунтовавшим в Твери. Говорят: нет худа без добра; но в этом худе, кажется, нет добра никакого. Даже в том худе, которое произвела прошлогодняя бесхлебица, можно приискать добро, и то только по милости железной дороги, указывающей на посторонние средства к жизни. Чудесные статьи были в О[течественных] З[аписках] в феврале — *«Законы о торговле хлебом»* и в январе — *«Таможенное положение в Германии»*. Эти статьи как бы почерпнуты из разных систем Политической экономии, или, лучше сказать, в них видны брожения систем Пол. экономии. Сего дня, 7 Апреля, следовательно, два с половиной, два месяца до того, когда я скажу Григорию[1]: в Островки! В этот промежуток, может быть, я побываю в Питере, ежели нужно будет для Филиньки, она ведь у близкого к вел. кн. Мар[ии] Никол[аевне] и станет жить у нее на даче. Каменной работы у меня затеяно сверх моих... [слово пропущено] следовательно отлучка моя произведет много худого, вдобавок железная дорога всему цену подняла — кирпич не 7, а 8 рублей с тысячи, работник не 180, а 200. Конечно, в общей массе это не зло, а добро.

Добро, закалякался. Прощайте, мой почтеннейший Николай Петрович. Завтра жду к себе Андрея Клементьевича, он совершенно ожидовился и чуть ли то не обрезался и ермолку надел, когда те скинули. Будьте здоровы.

Душою вас уважающий
Сафонковской

54

[15 мая 1847 г. Сафонково]

Как будто даже не бывало, чтобы столько времени прошло между перемолвкою нашею, почтеннейший наш Николай Петрович. А почему это случилось? — Так, без малейшего почему — так, как часто и не это ведется: так.

За Аграфеной Конновной лошади пошли, следовательно, 18-го ее увидим, и она нам много удовольствия доставит, передавая хорошее, что иначе и быть не должно. А вы, мой почтеннейший, останетесь на благом поприще вашем до Июня. Бог вас да хранит!

В промежуток этот я был здоров, т. е. сообразно счету моих годов особенного, кроме спутника моего — Гимороя, ничто не являлось. Сашенька тоже была здорова и твердо расплачивалась со своею хронигою — даже без претензий, имея основанием: да будет воля твоя!

Григорий ваш у меня подвизается: «Рождество» подмалевал (Корреджиево),[1] теперь подмалевывает «Благовесчение» с Альбани,[2] а там будет писать «Взятие в небо богоматери» Мурильо[3] и «Покров» с оригиналов Боровиковского, будет проходить начатое у меня и в Костовском и привезет их ко мне, *а там* поедет в Торжок и кончит начатое, *а там* опять приедет ко мне и довершит, *а там?* — это вы знаете. Сегодня — 15 мая, а так холодно, мрачно и жестко, как осенью, почему все движется, нахмурясь сентябрем, через пень колоду валит. Девять десятин вчерась в ржаном поле я засеял, сегодня вышло яровое. Конечно, Май редко, редко бывал к нам ласков, почему не велят в мае жениться, чтоб бы *не маяться.*

Доброй Николай Никитич Сеславин[4] для начала утверждения меж землемера прислал в Тронику; землемер ее обошел на законном основании, но наш Николай Петрович опять принялся за старые проказы и вздумал уже подкупать моих мужиков на убеждение меня к отдаче ему не только той земли, которой он завладел, а еще втрое более. Не знаю, что будет? А просить *смерть* не хочется.

М. И. 1-й Аракчеев[5] опекуном над имением П. Н. Стромилова и действует чудесно; а покойник до последней минуты действовал дивно умно.

М. А. Стромилов, жаль, мстит доброму человеку, становому приставу Стогову, за Мушинского попа, впрочем, ежели не станет *жеманиться,* то кажется, будет доброй исправник. Братец его, Александр, в Ворожебском, дует белку в хвост. Князь Александр Путятин лечится гомеопатией от старости. Вот вам, мой почтеннейший, дубровский Комераж, которой накопился в безмолвной промежуток, впрочем, его нестолько. Князь Василий Иванович [Енгалычев] мне обещал доставить мою писульку Ивану Николаевичу [Кожину], которого я прошу с князем доставить мне мерочку для образа угодника Макария. Поездку мою в Калязин я отложил до Июля месяца, до заездки в Кожино к Ив[ану] Ник[олаевичу]. Он мне писал, что к этому времени будет дома в его Кожине. Князь обещал доставить от меня к И. И. Лажечникову[6] портрет Гоголя, который я в бытность мою в Твери сулил ему; этот портретик с моей литографии

рисовал Ираша,[7] сын Василия Федоровича, правителя дел Всесвятских, а рисует он со второй недели поста, под словом «рисует» я разумею масляные краски. Ему дают свободу, и в Сентябре я намерен его взять с собою в Питер. Ему 13 лет, я не видал еще у себя человека с таким даром и с таким наивным благонравием. Это не комераж. Прощайте, мой почтеннейший, будьте здоровы и веселы.

Чистосердечно вас уважающий ваш покорный слуга

Венецианов-Сафонковской

Теперь я не прошу вас кланяться Аграфене Конновне. Сам поклонюсь и ручку поцелую.

55

[Весна 1847 г. (?) Сафонково][1]

Вот, мой почтеннейший Николай Петрович, возвращаю вам вашего Григория с приростом, прирост этот вы сами увидите. Долго моему Мише[2] надобно итить, чтобы до этой станции дойти, а Плахову уже и не попасть — о Плахове я говорю в материальном отношении, для того что фантастики-немцы положительное из него все вывеяли. Вы можете Григорию позволить написать у вас какую-нибудь внутренность, но отнюдь не комнат ваших, а то, что он по своему инстинкту найдет для себя приветливым. Голов и фигур не позволяйте ему писать месяца три-четыре и более, ну, да увидимся и тогда более и более поговорим. А между тем я должен вам сказать то, что я ему сказал: что будто догадываюсь, что вы хотите из него сделать садовника, и поэтому он должен стараться вникнуть в эту часть методически, как в науку, и что при садоводстве рисованье ему принесет большую пользу, а рисованье — садоводству. Это я ему говорил, чтобы что-нибудь сказать.

Завтра мы думаем ехать ко всенощной в Теребени, а в Воскресенье после обедни к Янгалычевым и к вечеру — домой.

Итак, прощайте, мой дорогой Николай Петрович, поздравьте за меня вашу дорогую, нашу почтеннейшую Аграфену Конновну с возвращением от угодника. Меня он как будто не принимает. Не удается, да и только. Прощайте.

Душою вас уважающий

Венецианов

Сашенька рисует горох в альбом Петру Николаевичу. Доведите до сведения его.

Каковы деньки? — А страшно, ежели вдруг морозы.

56

[23 или 24 июня 1847 г. Сафонково]

Поздравляю вас, почтеннейший наш Николай Петрович, с дорогою имянинницей. Мы с Сашенькой будем иметь сердечное удовольствие в Островках ее лично поздравить. Ох, эти ревизоры, они лишают полного удовольствия в этот дорогой день обоих лично вас поздравить. Конечно, отрадно мысли и чувства передавать строчками; но далеко, далеко не то, что с глазу на глаз, рука с рукою. Что как есть, тому велено свыше так быть.

Благодарю вас, мой дорогой, за строчки ваши, которые я получил от К. В. П.[1] Он мне много, много о вас говорил. Бог вас любит и в горниле своем, как золото, плавит. И я уверен, что многие счастливцы в душе своей позавидуют вам, естли взглянут на вас оком светлым, чистым.

Получа от Ивана Николаевича план иконостаса, следовательно, меру и образа святителя Макария, заставил я тотчас же делать доску (из липы), и доска почти готова — загрунтуется скоро. Очень бы мне хотелось, чтобы ревизоры ваши операции свои скорее кончили и отпустили Ивана Николаевича в деревню. Мне не хочется без него ехать в Калязин. Об этом человеке я слышу все лучшее, благородное, светлое, немногими в удел приобретенное. Ауэрбахи мне его превозносят и говорят, что они теплее его души не видывали. Кстати об Ауэрбахах, эти люди в нашем краю много пользы приносят своей дельностью, знанием и вкусом. Домом своим они указывают, как можно без коридора обойтись.

Не знаю, что делать с Притуповым, опять землемера не допустил и опять уже на седьмой год огородную землю у крестьян моих своею капустою засадил. Жаловаться не хочется, а, видно, надобно будет, потерплю, покоплю. Ведь и на Дудихе десятины с три закатил в Максинское поле.

Ну, дай бог вам здоровья и сил продолжения золотого поприща жизни вашей, а все-таки хочется взглянуть на вас поскорее душою вас почитающему

Венецианову.

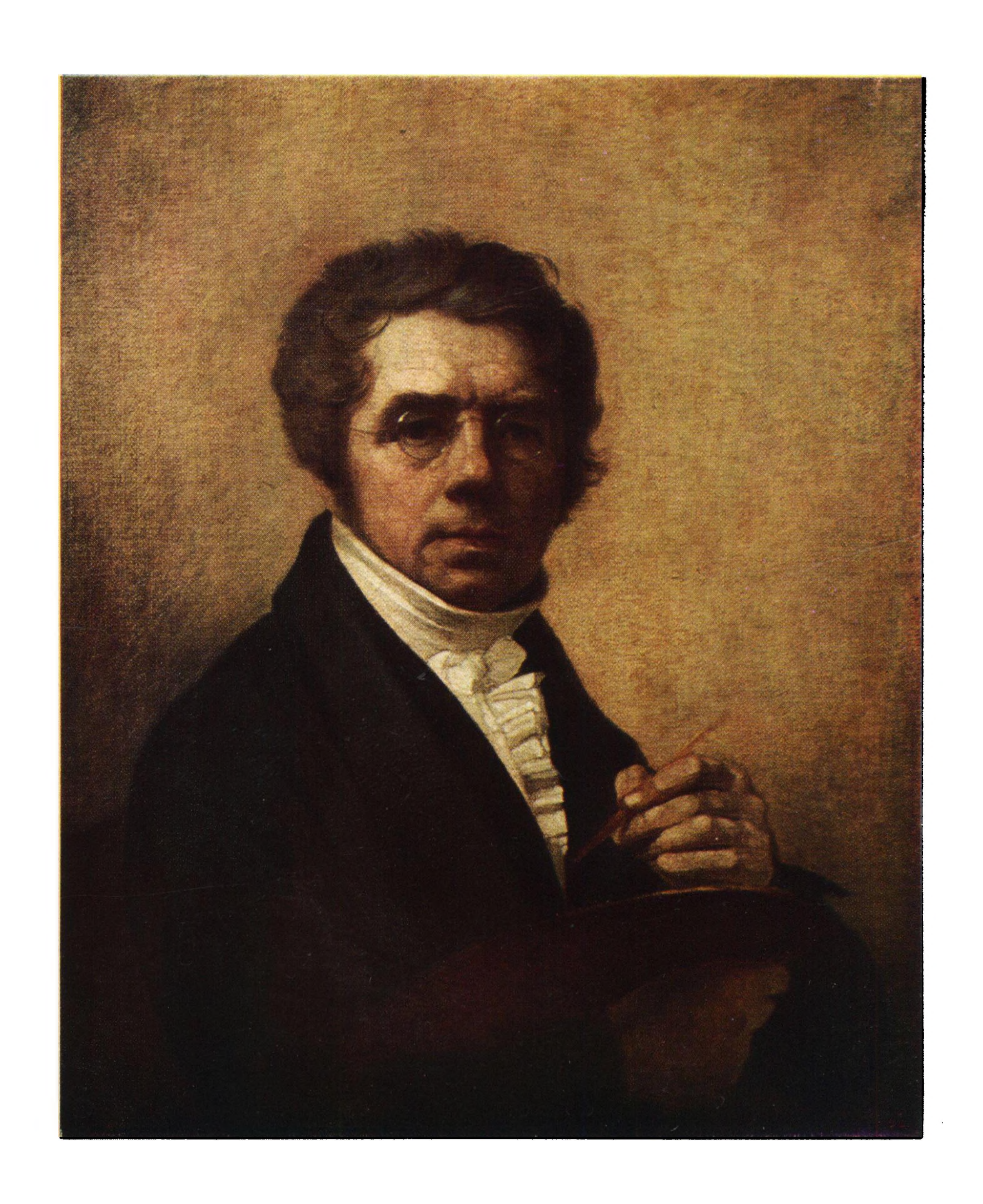
57

5—8 сентября [1847 г. Сафонково]

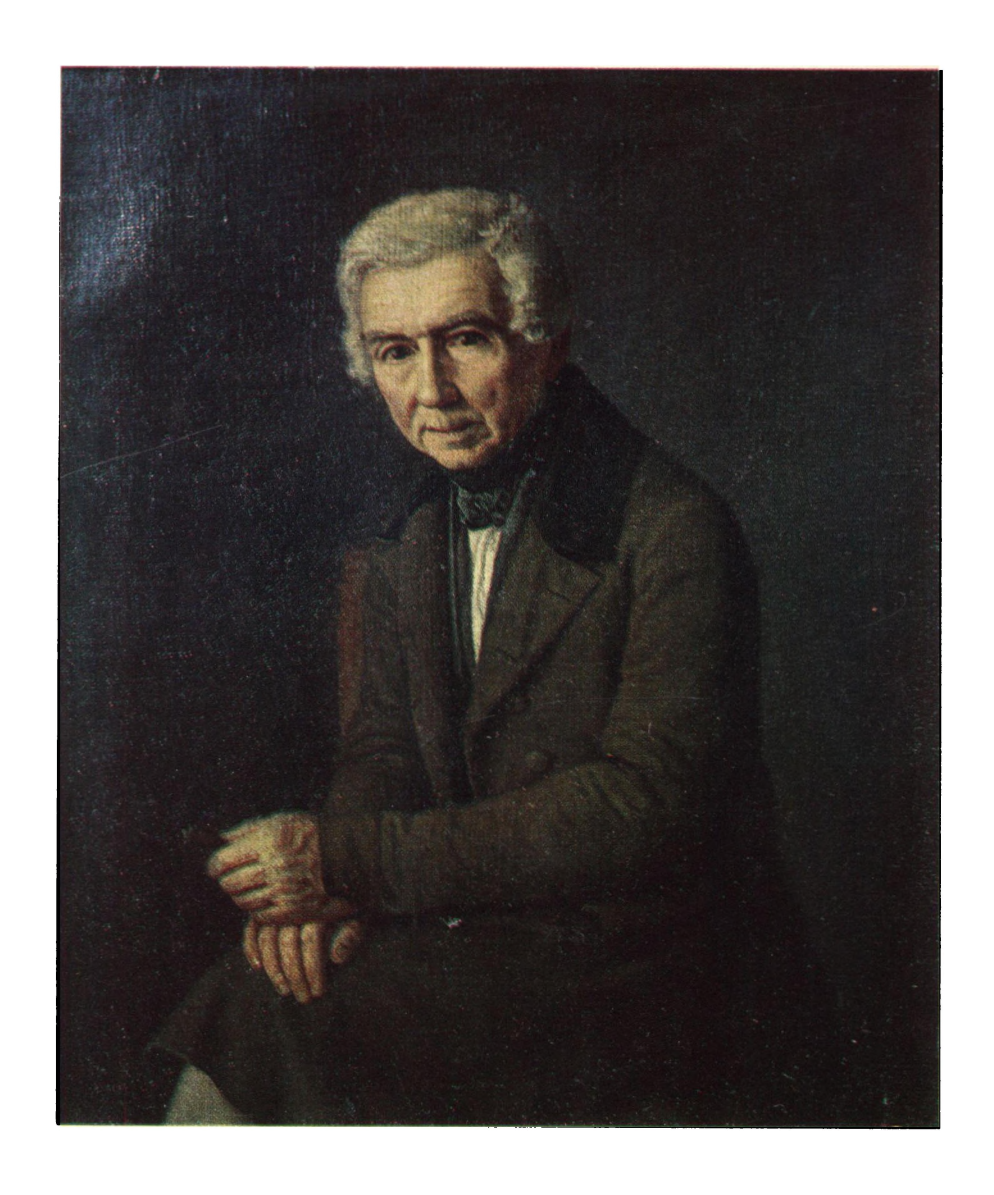
5 сентября. 30 августа со всеми Вашими-нашими, мой почтеннейший Николай Петрович, я виделся в Поженках и простился до свидания в будущем году (как самонадеянно!), кроме Аграфены Кононовны, с которой хочу видеться и проститься 8-го числа.

Она меня чрезвычайно радует, давно она не была так хороша. Бог принялся за улучшение ее здоровья, а вы с нею, кажется, решились на него надеяться.

А. Г. Венецианов. Автопортрет. 1811



1. Г. В. Сорока. Портрет А. Г. Венецианова. 1840-е гг.

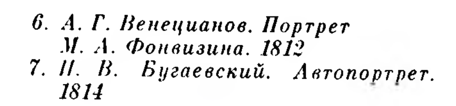


2. А. Г. Венецианов. Портрет матери художника Анны Лукиничны Венециановой. 1801

3. А. Г. Венецианов. Портрет жены художника Марфы Афанасьевны Венециановой

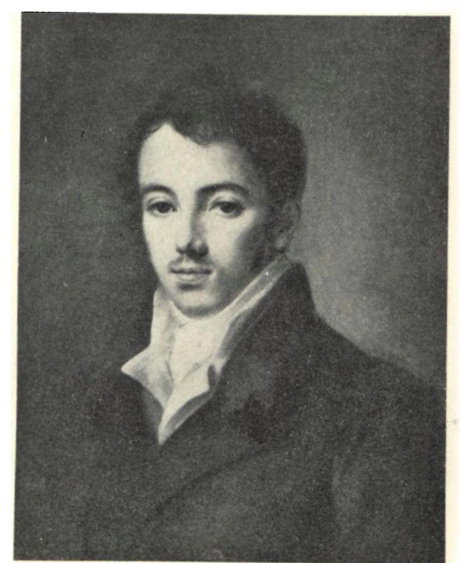
4. А. Г. Венецианов. Портрет дочерей художника Александры и Фелицаты Венециановых. 1830-е гг.

5. А. Г. Венецианов. Портрет А. И. Бибикова. Ок. 1805



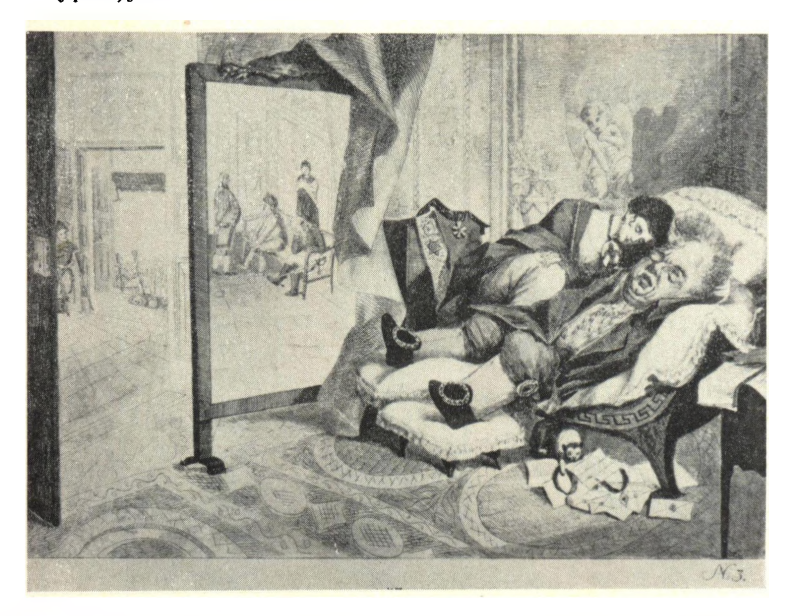
6. А. Г. Венецианов. Портрет М. А. Фонвизина. 1812

7. И. В. Бугаевский. Автопортрет. 1814

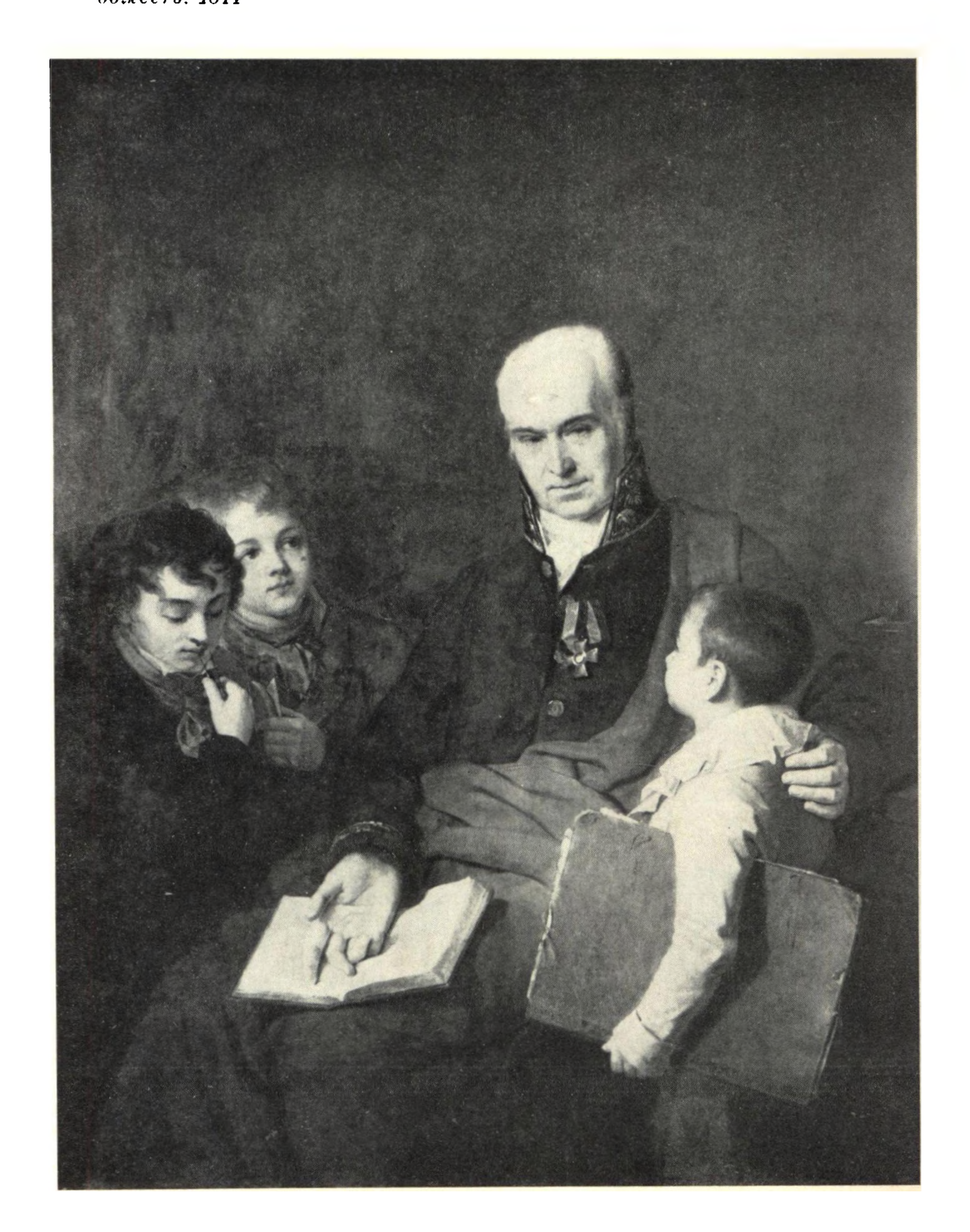


8. А. Г. Венецианов. Вельможа. 1807

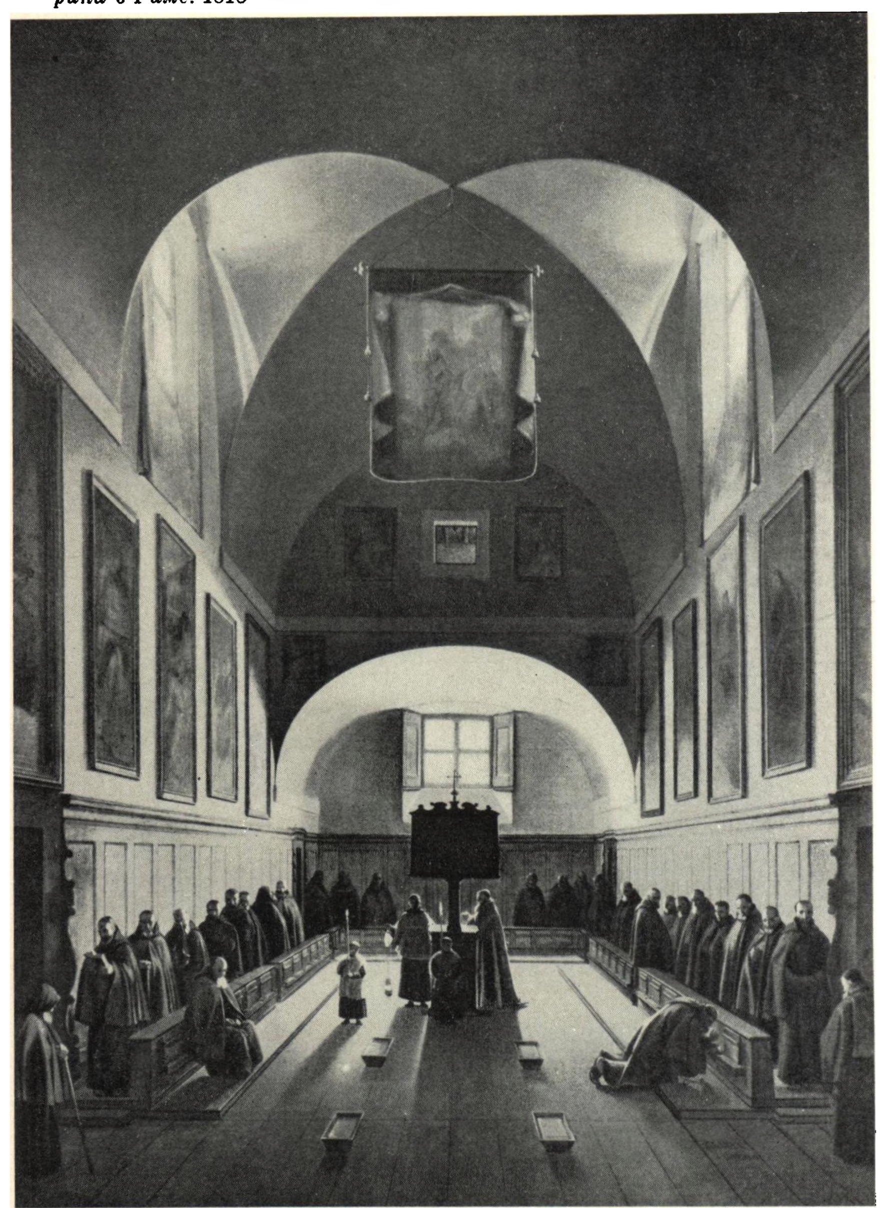
9. А. Г. Венецианов. Деятельность француженки в магазине. 1812



10. *А. Г. Венецианов. Портрет К. И. Головачевского с тремя воспитанниками Академии художеств. 1811*

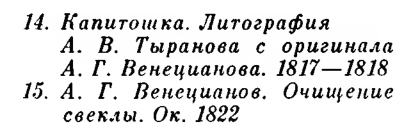


11. Ф. Гране. Внутренний вид хоров в церкви Капуцинского монастыря на площади Барберини в Риме. 1818



12. А. Г. Венецианов. Гумно. 1822—1823

13. Параня со Сливнева. Литография А. В. Тыранова с оригинала А. Г. Венецианова начала 1820-х гг.


14. Капитошка. Литография А. В. Тыранова с оригинала А. Г. Венецианова. 1817—1818

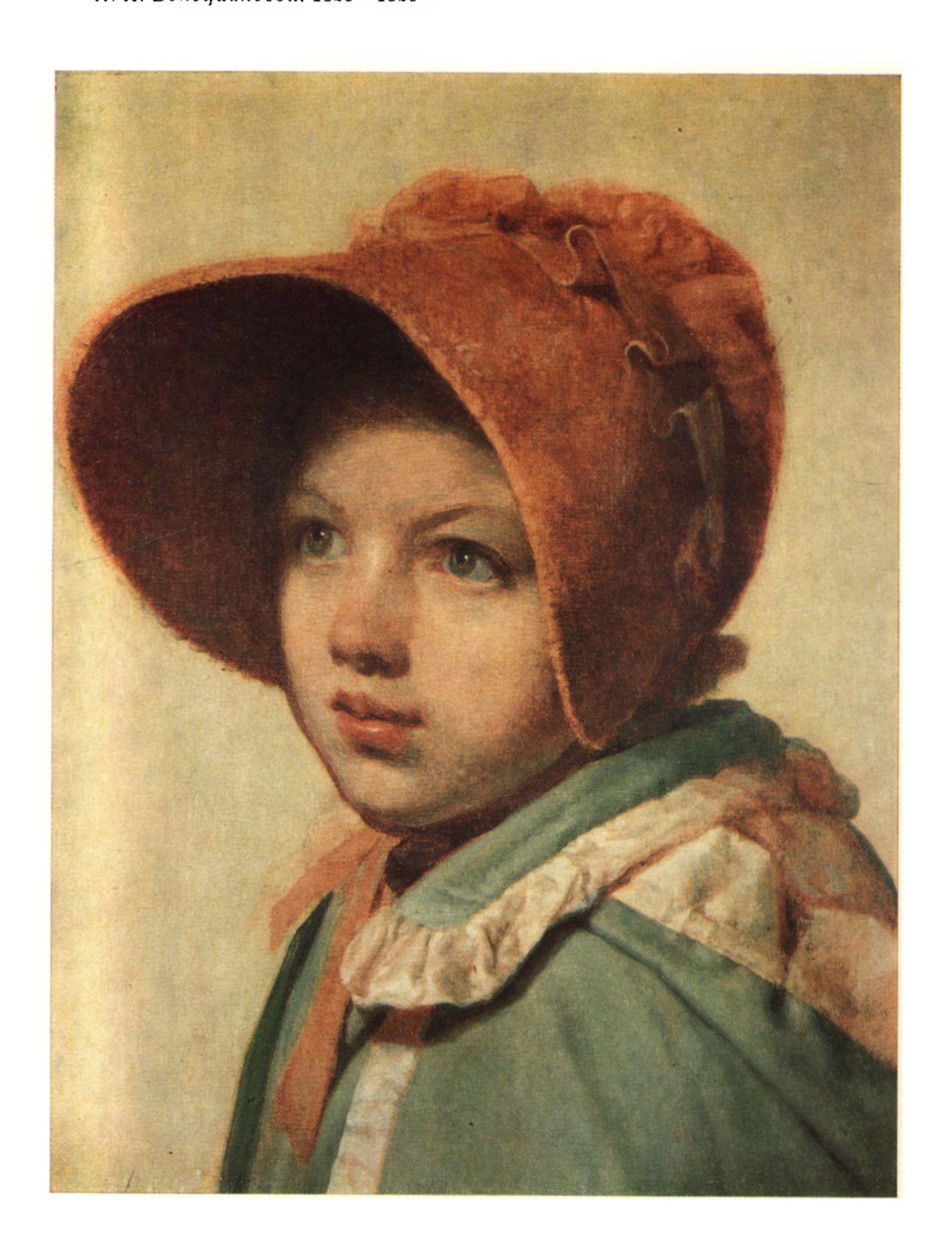
15. А. Г. Венецианов. Очищение свеклы. Ок. 1822

16. А. Г. Венецианов. Утро помещицы. 1823

17. А. Г. Венецианов. Близ Петербургской биржи. Начало 1820-х гг.

18. А. Г. Венецианов. На гулянье. Начало 1820-х гг.

19. А. Г. Венецианов. Портрет А. А. Венециановой. 1825—1826



20. А. Г. Венецианов. На Конном рынке в Петербурге. Начало 1820-х гг.

21. А. Г. Венецианов. Иллюминация. Начало 1820-х гг.

22. А. Г. Венецианов. Жнецы.
Вторая половина 1820-х гг.

23. *А. Г. Венецианов. Жница. 1820-е гг.*

24. *А. Г. Венецианов. Крестьянский мальчик, надевающий лапти. Между 1823 и 1826*

25. *А. Г. Венецианов. На пашне. Весна. Первая половина 1820-х гг.*

26. А. Г. Венецианов. Спящий пастушок. Между 1823 и 1826

27. А. Г. Венецианов. Портрет Н. М. Карамзина. 1828

28. Портрет И. И. Лажечникова. Литография А. Э. Мюнстера с фотографии Даутендея

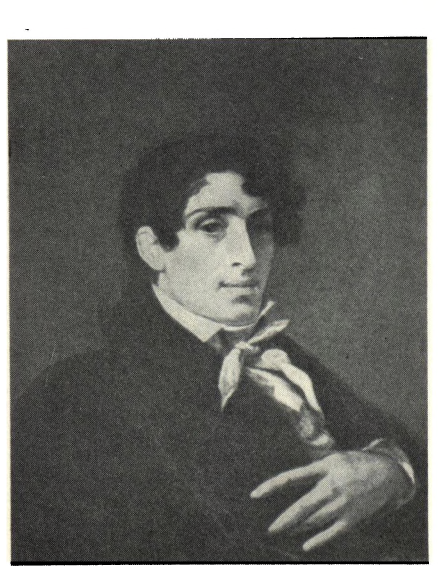
29. А. Г. Венецианов. Портрет П. В. Хавского. 1827

30. А. Г. Венецианов. Натурный класс. 1824—1825

31. Портрет И. И. Козлова. Литография с рисунка О. А. Кипренского. 1820-е гг.

32. П. Н. Михайлов. Портрет Ф. П. Толстого. 1809

33. Портрет П. П. Свиньина. Гравюра для издания Смирдина «Сто русских литераторов» (Спб., 1839)



34. А. Г. Венецианов. Портрет В. П. Кочубея. 1830-е гг.

35. К. П. Брюллов. Портрет А. И. Дмитриева-Мамонова. 1822

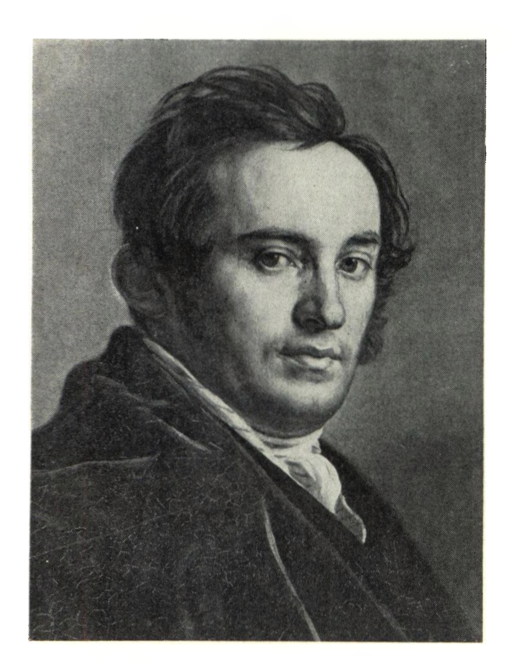
36. Портрет П. А. Кикина. Литография Василевского с оригинала К. П. Брюллова. 1820-е гг.

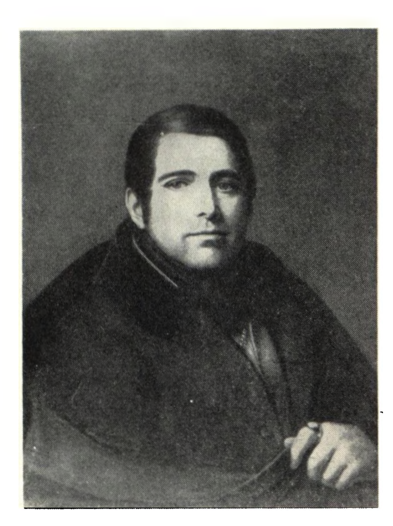
37. С. Лобанов. Портрет И. А. Гагарина. 1820-е гг.

38. А. Г. Варнек. Портрет В. И. Григоровича 1818 (?)

39. А. Г. Варнек. Автопортрет

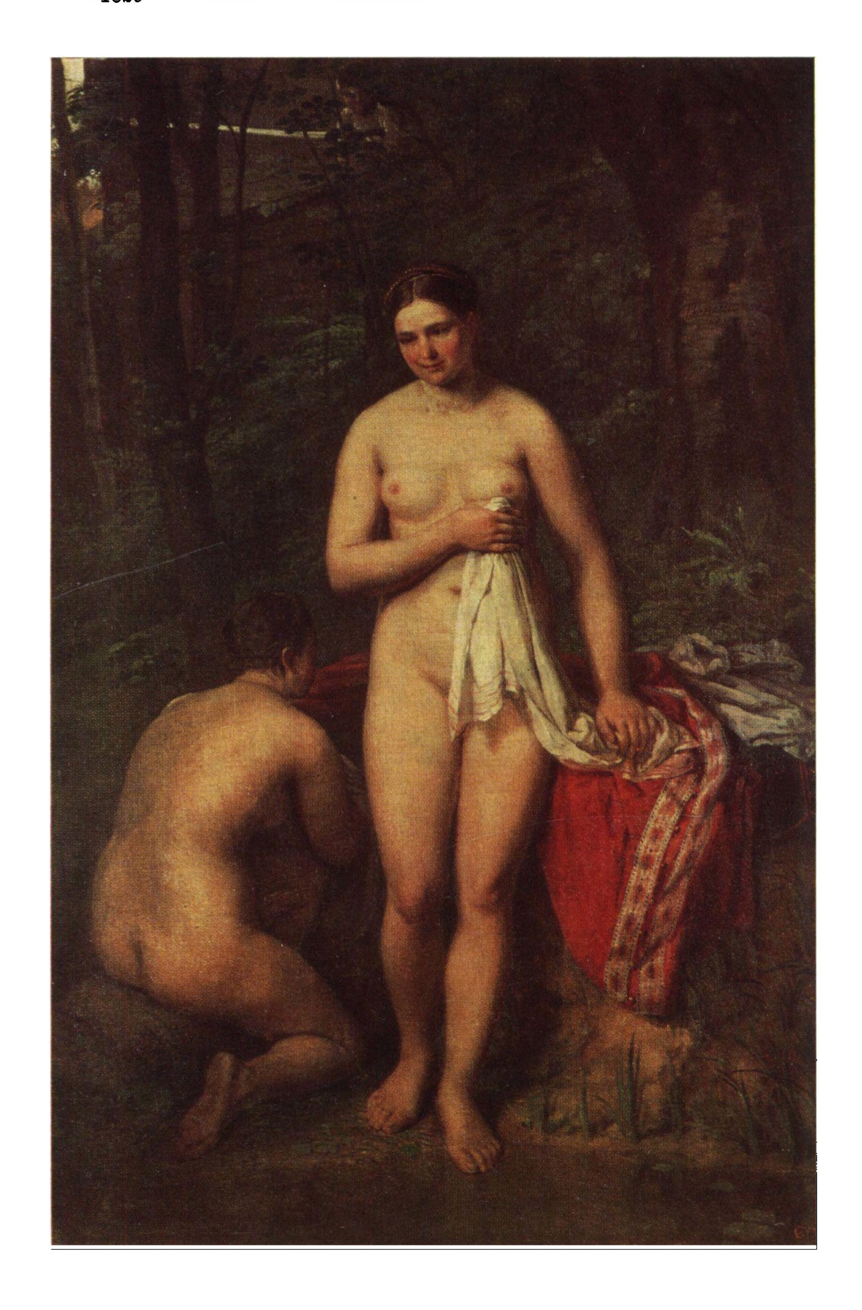
40. А. В. Тыранов. Портрет П. А. Плетнева. 1830-е гг.





41. Г. В. Михайлов. Вторая античная галерея в Академии художеств. 1836

42. А. Г. Венецианов. Купальщицы.
1829

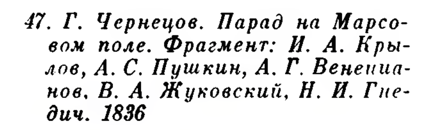


43. П. А. Оленин. Портрет А. Н. Оленина. 1810-е гг.

44. А. В. Тыранов. Перспективный вид Эрмитажной библиотеки. 1826

45. К. Мазер. Портрет Ф. В. Булгарина. 1838

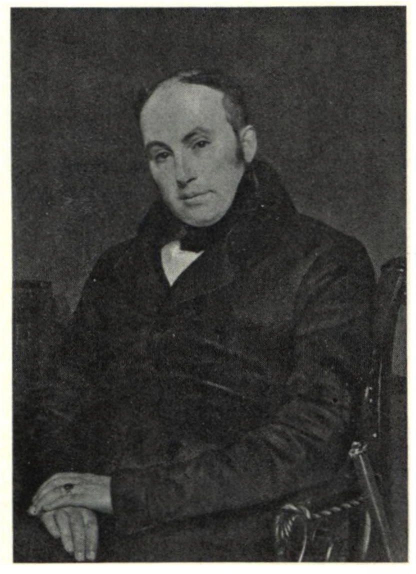
46. Портрет Н. И. Греча. Гравюра Бушарди с его же рисунка. 1815



47. Г. Чернецов. Парад на Марсовом поле. Фрагмент: И. А. Крылов, А. С. Пушкин, А. Г. Венецианов, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич. 1836

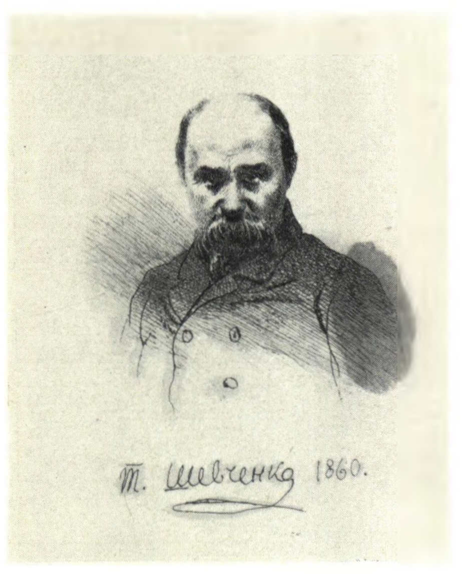
48. А. Г. Венецианов. Портрет Н. В. Гоголя. 1834
49. К. П. Брюллов. Портрет В. А. Жуковского. 1838

50. Г. К. Михайлов, А. Н. Мокрицкий и др. Субботнее собрание у В. А. Жуковского. 1836—1837

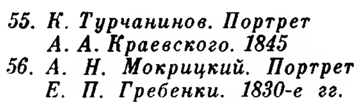


51. Портрет А. В. Кольцова. Литография с рис. К. Горбунова середины 1830-х гг.

52. Т. Г. Шевченко. Автопортрет. 1860



54. Портрет В. А. Владиславлева. Литография с акварели П. А. Каратыгина. 1830-е гг.

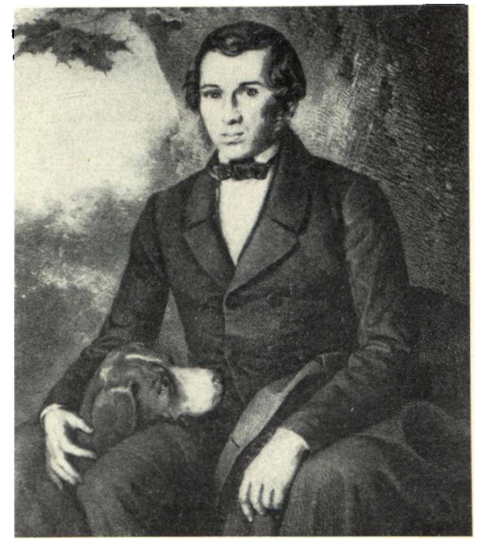


55. К. Турчанинов. Портрет А. А. Краевского. 1845

56. А. Н. Мокрицкий. Портрет Е. П. Гребенки. 1830-е гг.

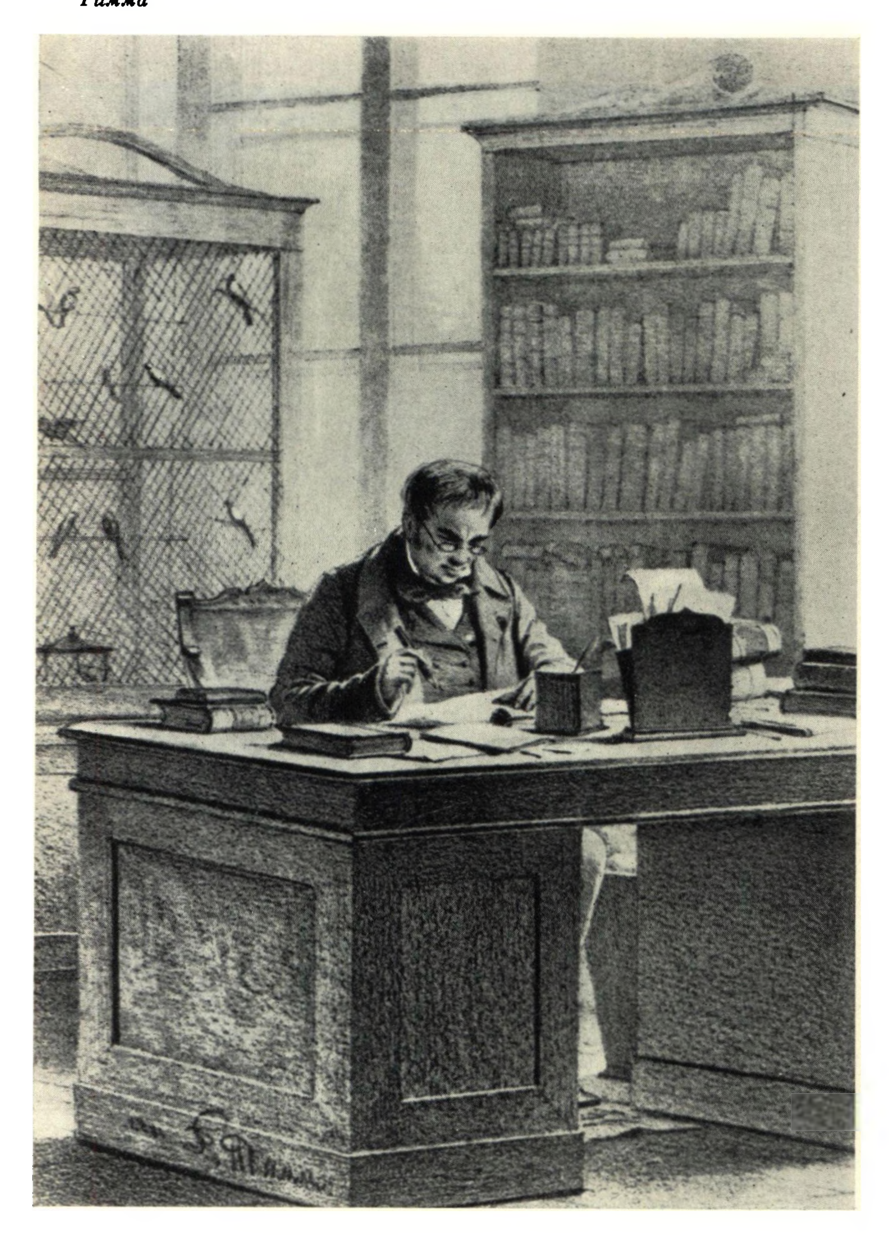
←

53. Неизвестный художник школы А. Г. Венецианова. Кабинет В. А. Жуковского (А. В. Кольцов, Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, В. Ф. Одоевский, И. А. Крылов). 1836

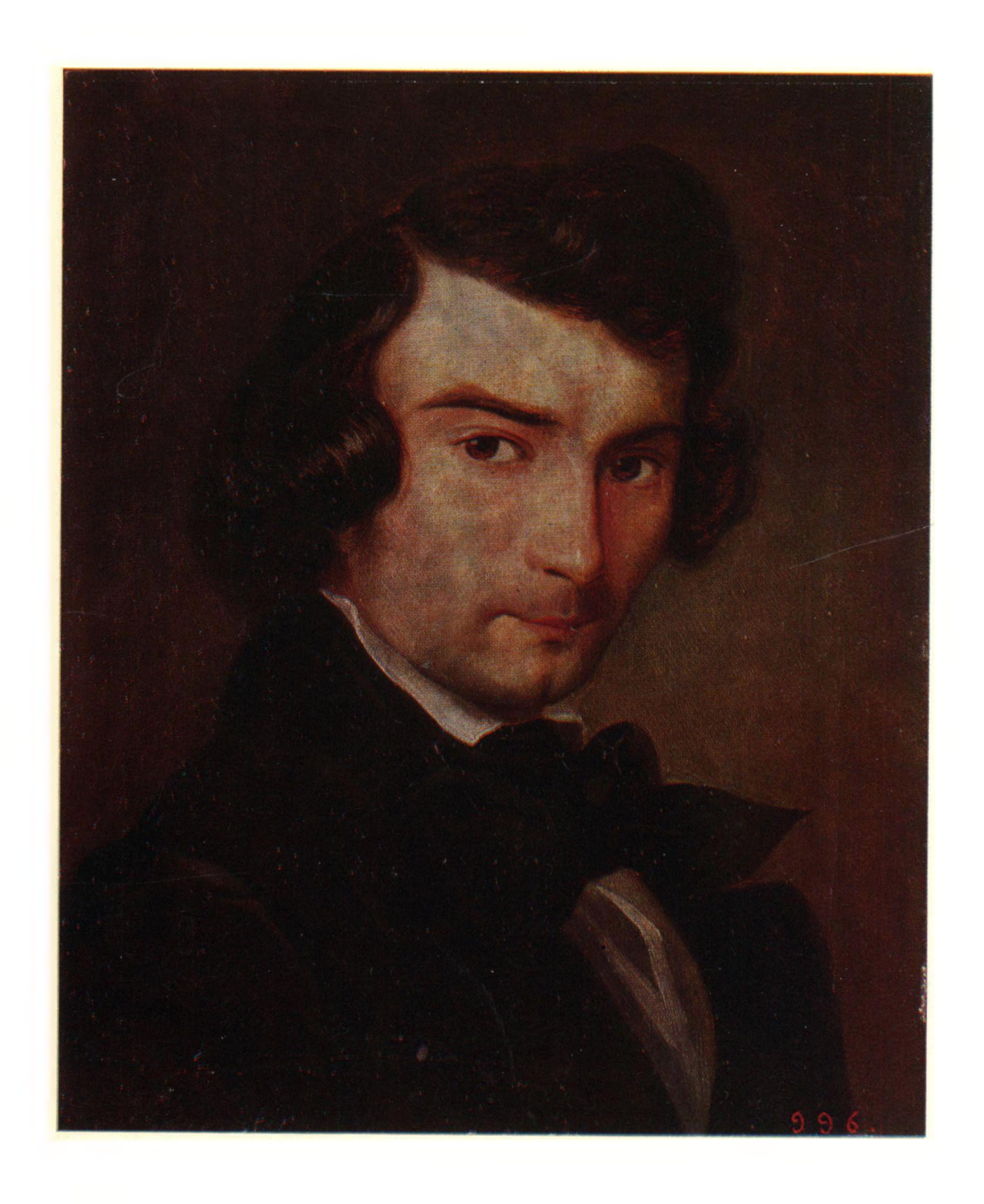


57. Неизвестный художник.
Портрет Н. И. Греча. 1830-е гг.
58. П. Александров. Портрет
А. Ф. Воейкова. 1822

59. Портрет Н. И. Греча в кабинете за письменным столом. Литография 1853 г. по рисунку Тимма



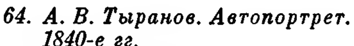
60. А. Н. Мокрицкий. Автопортрет. 1835—1836



61. К. Зеленцов. Комната художника. 1830-е гг.

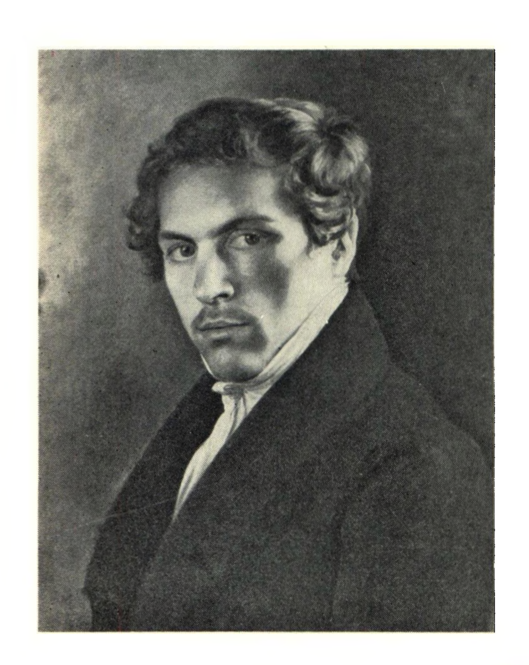
62. А. Г. Денисов. В сапожной мастерской. 1832

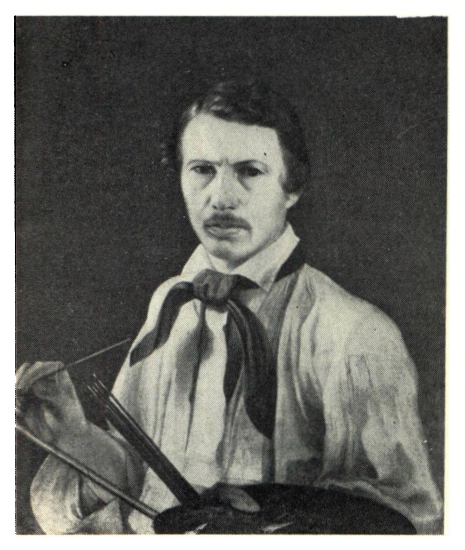
63. А. В. Тыранов. Портрет А. А. Алексеева. Середина 1830-х гг.

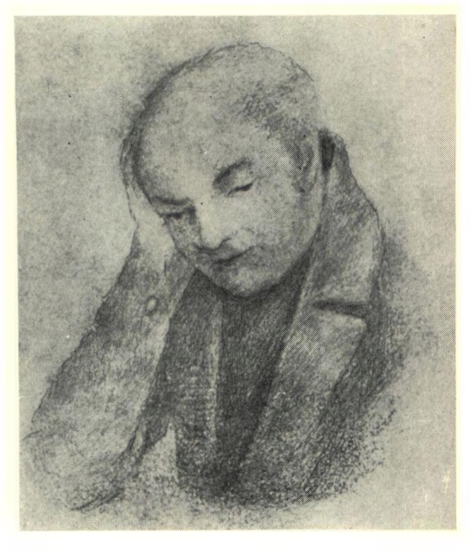


64. А. В. Тыранов. Автопортрет. 1840-е гг.

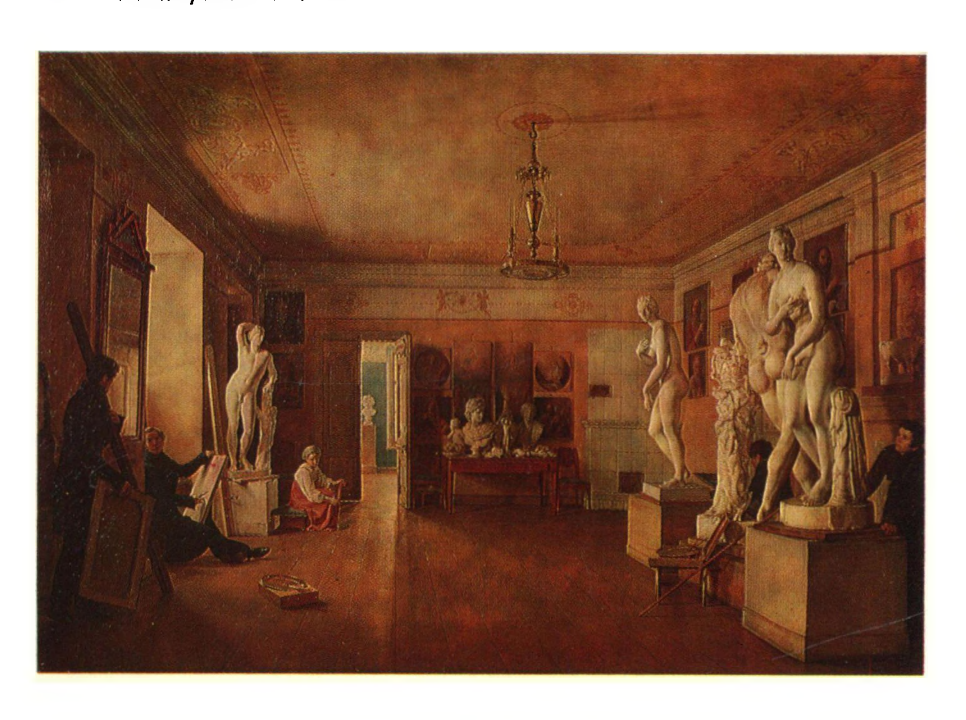
65. А. Г. Венецианов. Портрет П. И. Милюкова. 1840-е гг.



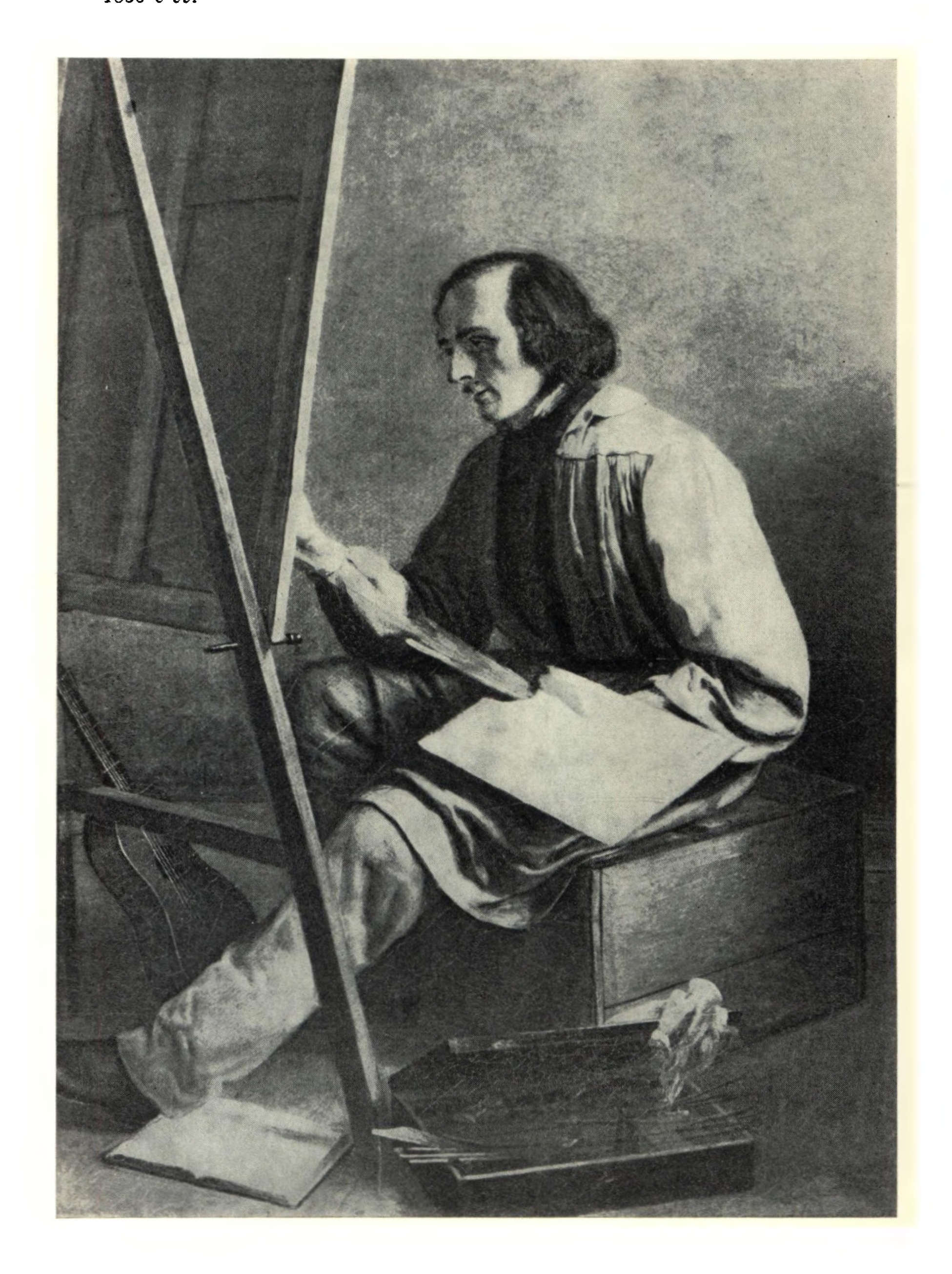




*66. А. А. Алексеев. Мастерская
А. Г. Венецианова. 1827*

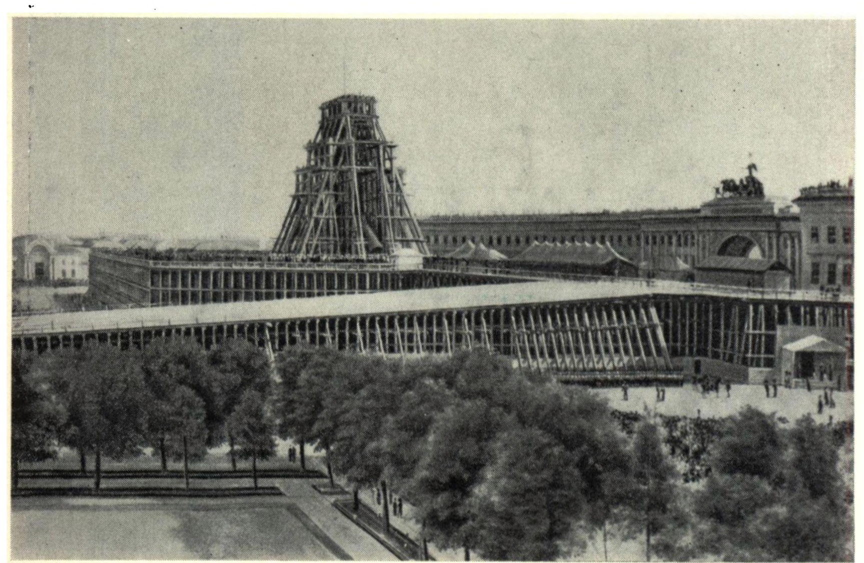


67. Ф. М. Славянский. Автопортрет. 1850-е гг.



68. А. В. Тыранов. Мастерская художников братьев Г. Г. и Н. Г. Чернецовых. 1828

69. А. Г. Денисов. Подъем Алек сандровской колонны. 1832



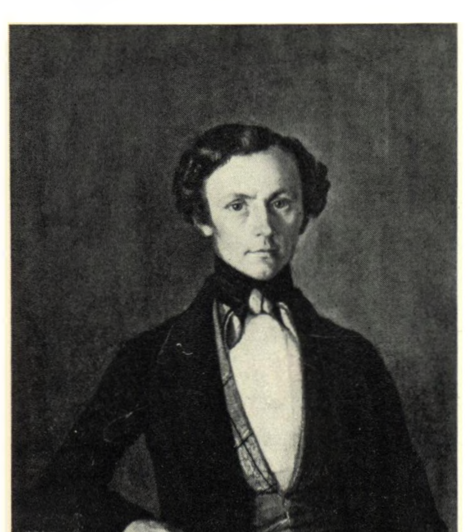
70. К. П. Брюллов. Автопортрет. 1836

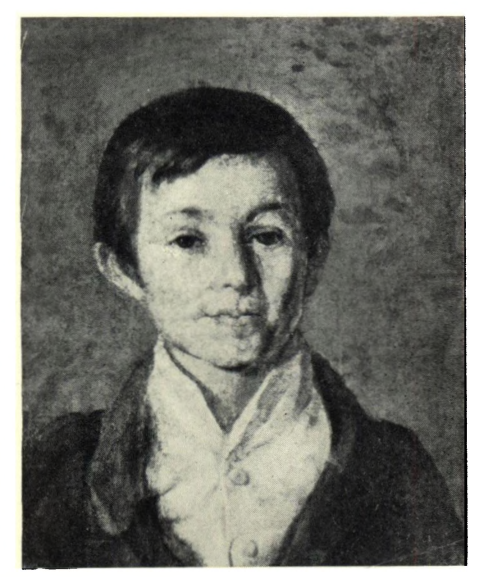
71. Г. В. Сорока. Кабинет в Островках. 1844

72. Г. В. Сорока. Автопортрет. Начало 1840-х гг.

73. Г. В. Сорока. Портрет В. А. Преображенского. 1850-е гг.
74. Г. В. Сорока. Портрет Е. Н. Милюковой. Конец 1840-х гг.

75. Г. В. Сорока. Портрет Конона Милюкова. 1840-е гг.
76. Г. В. Сорока. Портрет Л. Н. Милюковой. Конец 1840-х гг.





77. Г. В. Сорока. Флигель в Островках. Начало 1840-х гг.
78. Г. В. Сорока. Вид на озеро Молдино. Не позднее 1847

79. Г. В. Сорока. Портрет П. И. Милюкова. 1840-е гг.

80. Дом А. Г. Венецианова в Сафонкове. Фотография 1911 г.

81. Сафонково. Вид в окрестностях дома А. Г. Венецианова. Фотография 1911 г.

82. Могила А. Г. Венецианова на Дубровском погосте. Фотография 1911 г.

83. Церковь Дубровского погоста возле которой был похоронен А. Г. Венецианов. Фотография 1911 г.

Я, слава богу, здоров, только не работаю ничего? — поры нет. Она у меня, как у пьяницы запой — неделями, месяцами. Боже, наш боже, ведь и всем написан им этот же закон, в котором влита его святая воля.

Как бы вы думали, мой дорогой? ведь вы теперь Воскресения-то[1] не узнаете. Надобно было Ауэрбаху[2] *зацепить* мое самолюбие и сказать, что нельзя этот образ исправить, в то время когда я говорил, что не только можно, а должно раскрыть чистой, религиозной Боровиковского взгляд, затемненной ошибками в рисунке и эффекте. Ауэрбах его еще не видел, и я его жду, чтобы хватить его моим «я». Как я привык и языком и пером все вам молоть, без тех приличий, которые красотой своей куют людей!

В понедельник, сиречь 1-го сентября, я отправил Григория в Костовское. Рождество готово, а Благовесчение — почти. Поспешил я его туда отправить для того, чтобы воспользоваться прекрасной погодой и ему обойтись без дров Андр[ея] Клем[ентьевича]. Литографию спасителя я добыл, следовательно, возвратиться к вам может вполне бывший Нерукотворенный.

23 августа я вздумал посеять 2½ десятины. Начало хорошо всходит, почему вчерась на 8 десятин закинул и остановился, для того что первую со вчерашнего дня начал пожирать как будто с дождем упавший [вредитель], а вторую чуть-чуть не из рук хватал в семенах.

Да будет его святая воля! В Эстляндии в иные годы живут же без ржи своей, а выменивают ее на жито и овес. А хозяйство их таково, что нашему далеко, далеко до их.

Любовь Александровна наша в Питере просит места у Шульгина Николахи[3] и выпросит — Чудная баба. Я на нее с уважением смотрю. Она теперь не та стала, какою была при А[лексее] С[тепановиче], он ее грязнил и связывал.

На *горы* у нас идет все своим порядком, т. е. в обычном беспорядке до времени, а это ведь у человека большей частью. Соседушка мой, Притупов, из рук вон чудесит. Прошлого году моего старосту застращал количеством барщины, нынче и землемера пугнул *на меже;* тот парень, как неглупой, то угрозы его черкнул в журнал. Он вооружается противу уничтожения чресполосных владений. Это свойственно одному сумасшедшему. Он требует, чтобы Трониха из единственного судом утвержденного владения перешла в общее. И даже не только словесно, а бумажно к землемеру пишет и сказки, в 1841 году судом утвержденной, не признает, потому что купил землю у Петра Гавриловича,[4] доставшуюся ему от матери.

Теперь я жалею, что весною не побывал в Калязине, страшась распутицы. Лето у меня кое-как протекло, и образа угодника

Макария я не начинал. Видно, что-нибудь очень серьезное задерживает в Твери Ивана Николаевича [Кожина]. 15 августа закладка была, и наш Давыдов на ней был. Стану ждать до половины октября. Беда, что с собою в Питер образа не буду иметь возможности взять.

На днях в обыкновенных полицейских повестках попалось мне видеть печатной экземпляр правил для соображения приведения крестьян в Условное состояние.[5] Так как в то время были у меня кое-кто, то мне не удалось его рассмотреть. Не имеете ли, мой почтеннейший Николай Петрович, это *экзамтля*. Много бы, много меня одолжили, ежели бы с людьми вашими на недельку прислали. Наши обязанности очень тяжелы. Ежели их выполнять и по законам гражданским и церковным, и даже по законам материального благоустройства состояния. Как ни кинь, а все выйдет, что не крестьянин в крепостном состоянии, а помещик, помещик, понимающий вполне свои отношения к крестьянину, а не тот, который тонет в грязи феодализма.

8 сентября. Вчерась мы приехали из Лощемли, там Петр Михайлович; сказывал нам, что Петр Николаевич[6] был очень болен и в самое нужное для него время — в экзамен. Подкрепи вас, господи, мой почтеннейший Николай Петрович! Всякую болезнь легче на себе перенесть, нежели видеть ее переносимую так близкими человеками. Чего тут не придумается и как не сожмется сердце? Ну, теперь вам отраднее будет, все ваши с вами. Прощайте, будьте здоровы.

Душою вас уважающий

Венецианов

58

[Сентябрь, между 23-м и 29-м числом, 1847 г. Сафонково]

12-го числа я получил письмо от Ивана Николаевича[1] от 4-го числа. Иван Николаевич просит меня приехать к нему в Тверь до 10-го или в усадьбу его после 10-го. Я было выехал 14-го, но колесо шиною меня остановило, и я, пустясь в путь 15-го,— *в понедельник*, 17-го приехал в Юрьевское, но Ивана Николаевича не нашел, его заставила какая-то крайность улететь опять в Тверь. 18-го я слушал заутреню и раннюю обедню у угодника; молился ему и отправился к Архимандриту, *это архиепископ*. Он был внимателен ко мне и дал мне все, кажется, все средства к выполнению по намерениям моим образа угодника. Заставлял даже приносить к себе в келии образа — *типы* и со мною резонно толковал. Между прочим, показывая ему кое-какие эскизы иконостаса, которые вы, мой почтеннейший, видели, показал я ему эскиз для запрестоль-

ного образа Троицы (вы его не видали), он мне сказал, что запрещено изображать Бога-отца, что ему это объявил Преосвященный Григорий. Это известие меня совершенно расстроило, не в отношении только к эскизу, которым я по самолюбию своему любовался, а в отношении ко всему нашему духовному быту. Мимоходом, мой почтеннейший Николай Петрович, будучи у преосвященного, спросите об этом. Неужели он сделал Архимандриту Макарию такое замечание, чтобы избегать изображения Бога-отца? Положим, одного, как безначального, бесконечного, непостижимого, оформливать — можно призадуматься, но в Троице?!... Правосудие, кротость, любовь, истина и прочие добродетели, а также и пороки не имеют форм, но, олицетворяясь, изображаются.

К Ивану Николаевичу я писал, и письмо мое оставил для доставления ему у Архимандрита. Кроме черт лица и святителя характера, я все буду изображать так, как вы видели у меня на эскизе. Надо мне только узнать о *полусхиме*, что она такое, для того что как святитель Макарий, так и многие другие изображаются не в схиме и не в петрахеле [епитрахиле], а в чем-то, заключающем в себе и то и другое, и, кажется, я это найду лучше и вернее на образах *последних Боровиковского.*

Ну, мой почтеннейший Николай Петрович, записался я, залепетался, не прогневайтеся! Сего дня, 23-го, снег явился и велит нам, деревенским, ухо востро держать; рожь наша, та, которая в краске, уже не выйдет из нее. У меня до восьми десятин этими эпидемистами нашими истреблено, да и везде; но менее, нежели прошлого году.

Князь А. А. Путятин очень болен, ежели выздоровит, то уже не надолго,— он мучается спазмами, которые от времени до времени усиливаются. Так, в Кашине и в Бежецке толкуют о холере и очень о ней хлопочут. У меня кое в ком, кажется, ее признаки появлялись; но мой любезный уголь с мятными, а в нужде и с гофманскими каплями не только в сутки, а в несколько часов ее изгоняли.

Не вытерпишь, чтобы вам не сказать о моем удовольствии, с которым я смотрел на Кашин; кроме его местной красоты-питореск, пленяли меня его византийские церквы. Мы привыкли на этот стиль смотреть как на серьезной и несколько робюст, а там я видел не одну церковь такую, которая едва к земле придерживается, а вся улетает в облака и их рассекает как будто своими блестящими крестиками на легоньких головках. Право, можно более десяти картинок с церквами нарисовать акварельными красками для украшения лучшего дамского альбома.

Будьте здоровы, мой почтеннейший, мысленно с благоговением целую ручку Аграфены Коиповны.

Вас всею моею душою уважающий
Венецианов

Пишут мне, что герцог[2] отложил Академической акт до последних Октября. Итак, я до последних Октября в Сафонкове.

59

[24 ноября 1847 г. Сафонково]

Из Петербурга я хотел к вам писать, мой почтеннейшой Николай Петрович, располагая там быть по обязанности моей к 15 ноября и даже прежде; но вот и 15-е прошло, а я в Сафонкове. Не было печали, да Ч[ерти] накачали. Временному моему лакею 14-й год. Его, скотницу и еще доброго мужика сковала злая Венерушка: у скотницы была застольная, следовательно, у ней и с нею все ели. Теперь я устроил лазарет для троих. Могу ли я при этом для меня ужасном случае оставить Сашеньку одну? Везти ее — с кем же? — с неизвестными. Стану ждать, авось Герцог не повесит. По совету добрых людей, в числе которых Ауэрбах Андр[ей] Андр[еевич], я взял известную Акулину, дьяконову костовскую, взял с тем, чтобы она действовала по методе Зверева,[1] *слинковского* капитана, т. е. *без курки*. Опыты дают большое преимущество методе Зверева, названной им китайскою, и Ауэрбах-доктор отдает ей права. Вот, мой почтеннейший Николай Петрович, не так живи, как хочется, а как бог велит. С холерой и знаком и с ней бы храбро поступил, а этого зверя лютого боюсь.

Грустно мне очень, да слава богу, что я здоров и Сашенька тоже. Вот уже 2 месяца, как у нас живет землемер и ничего не делает, а ждет своего товарища *старшего* из Тапальского. Там все кончили, ямы вырыли и столбы поставили. Вообразите, владелец 4000 десятин земли не имеет малейшего понятия о ромбе и Астролябическом угле и не хочет понимать. Это В. Г., зато Д. Ф.[2] хорошо тут был. Он кажется, все томы С[вода] З[аконов] по инстинкту знает. Землемеры наши — славные ребята, преблагородные. Они спасли Павла Гаврил[овича] Мач[ихина] от 16 десятин в Новом, которые хотел у него поглотить наш троицкой Н. П. [Ладыгин], и в Тронихе столбы с ямами.

Благодарю вас, мой почтеннейший Николай Петрович, Вы трудились у владыки спрашивать мнений его о лицах св. троицы. Видно, владыка наш отстал от века, а может быть и глядел на него из одного своего окна по привычке. Почему не удалось ему взглянуть на древние Афины, Рим и новые Париж, Лондон, даже и Питер и там видеть, как не материальное, уму и сердцу подлежащее, мате-

рией излагается и объясняется, разумеется, только для тех, которые знакомы с языком изящных искусств. У меня в Сафонкове, на том месте, где от первых по болоту канав берег болота осел по крайней мере на аршин, лет с пять тому назад открылся колодезной срубец на этом осевшем месте. Нонче по причине недостатка воды вздумал я древний колодец возобновить, первая сажень шла *слоями* синей глины с песком, и старой ключ кончился, на ней срубец весь вынули и начали продолжать. В этой сажени глина шла тоже слоями, но гораздо песчанее и песок крупнее, в котором резкими кругами появлялось горное претяжелое вещество, как дресва[3] (я его сохранил и возьму в Питер), на третий сажени пошел чернозем, но не чернозем, а вещество, совершенно черное и прелегчайшее, в котором множество мелких в горошинку гнилушек; попался и сук вершка в три (чернозем этот я тоже прибрал), после этого открывается прекрупной песок и вода с приятным купоросным (железным) вкусом. К какой формации все это принадлежит — богу известно, натурально, не политической [палеолитической], как многие из наших болот. Вот я и гиогнозию[4] занимаюсь. Жаль, что орудий не имею. А сопки так остаются. Ежели не усну навсегда, то на *новогод* со своими лопатами приеду в Островки.

У меня в Сафонкове отыскалось воровство к дополнению всего новоявленного, и кто же — староста мой, Василий, явился похитителем мирских денег и хлеба, и это меня ужасно расстраивает.

Наскучил я вам, мой почтеннейший, моими новостями, и скучными, и грязными. Будьте вы здоровы, веселы и покойны, сердце радуется, слыша о том, как у вас дела идут в ваших Островках.

Душою вас уважающий *Венецианов*

Поцелуйте за меня ручку почтеннейшей и добрейшей Аграфены Кононовны.

24 Ноября 1847.[5]

Землемер наш Г. Орлов много напроказил и ужасно грязно, я посоветовал Андрею Клементьевичу ехать к посреднику; никак неожиданные пакости им *отпущены* и преглупо-глупейшие, которые могут его довести до солдатства.

2. ЗАПИСКИ К В. Г. АНАСТАСЕВИЧУ

1

30 июля, четверг, 1831 г.

Милостивый государь и почтеннейший Василий Григорьевич![1]

Сердечное мое желание было сегодня иметь удовольствие провести с вами время у доброго нашего Григория Ивановича (Спас-

ского);[2] но, как нередко случается, обстоятельства *раздирают* и не такие невинные планы, то и сегодня случилось, что я со всей моей семьей должен быть уж в одиннадцать часов у Ермаковского[3] на пятой версте в Чесме, а не на Крестовском острове в три часа...

Говорят: у бога дней много!

При сем посылаю вам *Северные цветы*,[4] в них помещено кое-что об Академии, а в журнале Григоровича есть одно только описание выставки 1824 года.

Поспешу лично засвидетельствовать вам мое почтение и ту преданность, с которой имею искреннейшее удовольствие навсегда быть

вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

Алексей Венецианов

2

17 декабря 1831 г.

Ах, ежели бы все наши намерения исполнялись! — далее бы мы были. Намерен я был видеться с вами, почтеннейший Василий Григорьевич, у доброго нашего Григория Ивановича (Спасского), но не тут-то было! У нас обедает отъезжающая завтра родственница наша и соседка *Стромилова*.[5] Ежели у В. И. (Григоровича) дома журнал («Изящных искусств») есть, то на днях же возьму и к вам доставлю.

Всею душою вас почитающий и покорнейший слуга

А. Венецианов

3

21 января 1832 г.

Хотелось мне самому лично быть у вас, почтеннейший наш Василий Григорьевич, хотелось, хотелось и — все-таки оканчивается тем, что вы предупреждаете меня, а я остаюсь с моим «хотелось», что делать, хлопоты наши издавна каверзничают и намерения, и желания!

Много обяжете, мой почтеннейший, ежели пожалуете откушать, по обыкновению, запросто у душевно вас почитающего и преданного слуги

А. Венецианова

И понедельник был целый вечер у В. И. Гри[горовича] — не из долгу.

4

14 февраля 1832 г.

Простите меня, почтеннейший Василий Григорьевич, в задержании книг ваших. *Памяти доброй матери*[6] давно и прочитана, и повторена, а Гонзаго скоро кончится в переводе.[7]

Журнала своего В. И. [Григорович] еще не разобрал, третьего дня о нем у него я спрашивал, также и об эстампах, никакого ответа не получил.

Ежели бы удалось нам вместе у него быть на масляницe! — Я вас уведомлю, переговорив или переславшись с ним. Душою вас почитающий и покорнейший слуга

А. Венецианов

5

24 февраля 1832 г.

Мы обедаем! Почему я пишу так. Давеча спрашивал В. И. (Григоровича, секретаря Академии художеств) об эстампах. Их судьба не могла быть решена, потому что оных и подобных вещей решается общим собранием (раз в месяц). *По штату так.* В. И. [Григорович] вас просит скорее уведомить о цене,— *Скорее,* должно быть завтра, для того что вышеписанное собрание 1 марта. А о журнале скажу то же — еще не разобран,— а свой подарок пришлю. Всепокорнейше благодарю за попечение о Библии.

К вечеру в середу уведомит меня В. И. [Григорович] о согласии общем взять эстампы, которые ему очень хочется видеть в собрании академическом.[8]

А. Венецианов

6

4 марта 1832 г.

Прошу вас покорнейше, почтеннейший Василий Григорьевич, вашего же человека послать с моею записочкою к В. И. [Григоровичу] (мой человек с детьми идет). Ответ ко мне будет вам ответом о действии, о котором хотел меня известить для вас В. И. [Григорович]. Чувствительнейше благодарю за попечения ваши о Библии, а с ней и о бедном семействе, находящемся в крайности. Я оканчиваю мою «Вакханку».[9]

Чистым сердцем вас почитающий и покорнейший слуга

А. Венецианов

7

10 марта 1832 г.

В то время, когда заходил я к почтеннейшему нашему Монферрану и не мог быть им принят, а прошен в воскресенье, я обещал быть у него в воскресенье,— то тогда, как ближе к вторнику, и могу решительно сказать, могу ли быть в 12-м часу дома. Посникова[10] меня в этот день просила быть с ней в Эрмитаже, я дал слово, теперь надобно с ней сладить. Завтра я обедаю дома, не посетите ли вашего покорнейшего и сердечно вас почитающего слугу?

А. Венецианов

8

11 марта 1832 г.

Жалею очень и очень жалею, что лишаюсь иметь удовольствие вас сегодня у себя видеть. Ко мне кое-кто обещали и еще быть; но жаль, что вы не будете,— мне хотелось вам лично сообщить свое удовольствие. Один из моих питомцев, шедший неукоснительно по дороге моей методы, посылается за границу, буду стараться, чтобы и другого отправили.[11] При свидании пополнее поговорю.

Душой вас почитающий и покорнейший слуга

А. Венецианов

Был у Поповского.[12]

9

19 августа 1832 г.

Нельзя ли вам, почтеннейший наш Василий Григорьевич, дня на четыре пожаловать 2-й части «Вечера на хуторе»?[13] Это моим знакомым для прочтения, которые сами вам ее и возвратят.

Здоровы ли вы? Меня неотвязной старой знакомой геморой вводит в период свой,— падобно платить монетою — терпением.

Будьте здоровы!

Душою вас почитающий и покорнейший слуга

А. Венецианов

10

19 сентября 1832 г.

Краевскому[14] не удалось прочесть *Вечеров на хуторе*, зная, что я их имею, просил на короткое время; почему я опять к вам, почтеннейший Василий Григорьевич, прибегаю с просьбою ссудить на время сими вечерами как меня, так и его. По прочтении их с полным удовольствием обратно к вам доставлю. Здоровы ли? Вот холера, хотя не шумно, а покалывает,— и у меня было завелся, но по старой дружбе не загостился.

Желая вам совершенного здоровья, душою вас почитающий и покорнейший слуга

А. Венецианов

11

Четверг, 22 Сентября дня

Сегодня приду я к обеду к Григорию Ивановичу (Спасскому), не заходя домой, и к Краевскому, которому очень хотелось быть у Григория Ивановича с нами (и был); я один найду его квартиру, а Краевскому надобно знать, чей дом на Мойке, я забыл. Сделайте одолжение, почтеннейший Василий Григорьевич, напишите адрес

для отсылки к Кр[аевско]му. Вчерась было в Академии, ужо побеседуем.[15] Итак, до удовольствия вас видеть почитающему вас

А. Венецианову

12

23 декабря 1833 г.

Вчерась было надеялся я вас, почтеннейший Василий Григорьевич, видеть у Григория Ивановича, а третьего дня — у Николая Васильевича;[16] но их не было дома. Там имел я намерение просить вас узнать (а может быть и сказать, ежели вам знаком ход дела Департамента Министерства просвещения), кого просить об определении по экзамену на вакации (имеющиеся) в дальних губерниях молодого художника в учителя (он вам предстоит), которому покровительствует Г. Дебу,[17] бывший губернатор Уфы.

P. S. Порядок учрежден таков, что место, имеющее надобность, разумея Гимназию, представляет в Департамент рисунки художника, а Департамент оные отсылает в Академию на утверждение, иногда и сам Департамент, имея людей с знанием и представя их работы Академии, по удостоении оной посылает на ваканции.

Дело также в том, чтобы кого просить Сенатору Дебу об определении по экзамену Г. Серебрякова на открывшиеся вакансии?

Много меня обяжете, мой почтеннейший, указав сему подателю, бывшему учеником у душою и сердцем вас почитающего покорнейшего слуги

А. Венецианова

13

23 февраля 1834 г.

В прошлую субботу, когда я виделся с вами у Гесса,[18] то уж был болен, не понимая того, и было поправился, но во вторник опять поддел, и так теперь решился сидеть до искоренения головной боли и лому в костях, почем и лишу себя удовольствия быть с вами у почтенного человека (Монферрана).

Душою вас почитающий и покорнейший слуга

А. Венецианов

14

3 мая 1834 г.

Милостивый государь и почтеннейший Василий Григорьевич!

Вы нас и наше всегдашнее воскресенье забыли вспомнить. А между тем податель сего есть мне знакомой наборщик, знакомой потому, что я был его посаженным отцом, и еще потому, что он между своей братию есть отличнейший; он имеет претесную и сырую квартиришку, а теперь открылась порядочная, то вы, мой почтеннейший, имея по департаменту знакомых по типографии, много

можете помочь ему, что я приму как собственно себе, имеющему к вам душевное уважение

покорнейшему слуге
Алексею Венецианову.

Хотя и четыре месяца уже прошло после моей эпохиальной болезни, но все как-то я спотыкаюсь, даже и в сию минуту, держа к вам перо, чувствую себя не по-старому, а в сотрясении каком-то, доселе неизвестном.

15

Ваше расположение позволяет мне откровенно говорить о моих расстроившихся обстоятельствах: они подобны теперь вашей датской собаке, с разницей, что ту тиранят двое, а меня четверо, товарищ и квартира, осень и карман; если не поможете теперь двадцатью пятью рублями — разорвут!

К 17-му того месяца вы найдете мое жилище уже в 5-й линии Острова, а меня с 6-го часу в натурных классах Академии.[19] Запираюсь и отдаюсь всего на целую зиму, чтобы животворной весной принесть плоды зимних моих трудов. Этот план конфирмован гением, контрассигнован обстоятельствами — окрестите же вы его имеющему удовольствие быть

вашим покорнейшим слугою
А. Венецианову.

Посылаю «Путешественника»[20] и благодарю. Этот любезный автор не пишет, а говорит. Много одолжите, если, читая, доставите удовольствие слушать его в других томах.

(Понедельник, посл. 25 р.)

16

Посылая и благодаря вас за семейственные картины, прошу, не ссудите ли меня подобными изображениями, которыми мог бы я любоваться во время теперешних вечеров,— вы одолжите вашего покорнейшего слугу

А. Венецианова.

17

Я считал, что с вами квит, видно, я не хорошо вслушался, когда вы мне сказали 50. Неправда! Вы очень хорошо вслушались и произнесли: Еще?! Я вам повторил: да! *Теперь я не знаю, сколько вам добавить.* Смешно! И... я жалею, что с вами прежде напрямки

не изъяснил, а я так более вас имею права жалеть и досадовать на себя, что, не получа денег, отдал. На той неделе я буду иметь деньги, пришлю вам 50, будучи уверен, что вы возвратите мою работу мне обратно, которой я могу служить тем, кои лучше могут знать цену оной.

А. В.

Да, пожалуйста, отдайте за раму два рубля.

18

Как я просил вас возвратить мне портреты тогда, когда буду иметь деньги,— они у меня готовы,— то потрудитесь завтра прислать своего человека с портретами для получения оных (можете и сегодня вечером), или я буду беспокоить ту даму, с которой списывал, потому что я узнал от одного моего знакомого о ее квартире и имени. [21]

Ваш покорный слуга
А. Венецианов

19

При училище Владимирской церкви учителем рисования и чистописания бывший ученик Венецианова, Михаїла Давыдов, жалованья получает 300 р. в год. Давыдов удостоен Академией художеств звания художника с хорошими способностями. Венецианов просит о перемещении куда-нибудь, где бы он более мог показать свои способности в успехах учеников и притом с прибавкою жалованья.

3. ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

Я. М. НЕВЕРОВУ [1]

[17 апреля 1836 г.]

Черт горами качает, а Академия людьми,— не Академия, она старуха добрая, а в ней есть амурсанфеневые салопы, [2] которые, качая добрых людей, стараются выкачать из них память. Дело-то вот в чем, мой Почтеннейший Генуарий Михайлович. Эти амурсанфеневые Вас ведь живее качают? то немудрено, чтобы как-нибудь не вытряхнулась и память о 21 апреле, [3] или чем-нибудь засорилася, я вам поранее напоминаю, особенно потому, что вчера у Крашенинниковых видел любезного Кольцова, [4] который обещал у меня непременно 21-го кушать пироги. Ежели вы ему не попрепятствуете, конечно, не вы, а амурсанфеневые. Пустяки на сторону! а пожа-

луйста, по летошнему, будьте у нас 21 и доставьте летошнее удовольствие душою вас почитающим

Венециановым.

17. пишу для того, чтобы самим делом не случилось летошняя перемена-то.

И. Н. СКРЫДЛОВУ[1]

[8 апреля 1836 г.]

Милостивый государь и почтеннейший Ларион Николаевич!

Письмо ваше с деньгами 325 и портрет я получил и тот же день отдал Капитону Алексеевичу Зеленцову к исполнению, сходством портрета все очарованы, говорят только, что волосы светлы и мундира голубого недостает. Г. Зеленцов служит в канцелярии графа Бенкендорфа. Почему, ежели вам в дополнение что будет угодно, извольте к нему прямо в канцелярию писать, я же, по обычаю, к концу месяца уеду в деревню и там пробуду, кажется, и сентябрь. С полным уважением навсегда пребуду душой вас почитающий

покорнейший слуга *Алексей Венецианов*

Жаль, что вы гипсов не выписали для Гимназии вашей, они бы ход дали успехам. Потрудитесь, прошу, сказать Алексееву,[2] что скоро ему будут часы присланы.

А. А. АЛЕКСЕЕВУ[1]

2 января 1836 г.

Здравствуй, любезный друг Александр Алексеевич, поздравляю тебя с Новым годом и желаю всей душой тебе здоровья и возможностей скорее бросить у учеников своих оригиналы, а дать натуру, до гипсов, за которыми спеши посылать; давай рисовать с чашек, стаканов, подсвечников, стульев, сапог, перчаток, каменьев, цветов, бумажных вздоров и прочего; и замечай способности каждого, по которым и веди, конечно; в ином они не скоро открываются, а иному, хоть кол на голове теши, толку не будет. О таких и думать нечего, а заботиться нужно о тех, у кого какая способность; природный ботаник скорее примется цветок рисовать, нежели камень, а минеролог скорее камень, нежели цветок. Сам даже не понимая в себе причины влечения, я уверен, что моряк природный охотнее будет рисовать лодку, парус, руль, волну, нежели голову Венеры. Ежели найдешь время, пожалуйста, уведомь меня о занятиях своих и в нуждах адресуйся к нам с Михайловым; он написал прекрасную голову, за которую получил вторую серебряную медаль и в натурный переведен.

Прощай, будь здоров, а я навсегда буду душою тебя почитающим и покорным слугою

Алексей Венецианов

1 марта 1837 г.

Думал, что напишу к тебе, любезнейший Александр Алексеевич, через Лариона Николаевича [Скрыдлова], ан не тут-то было. Со мной накануне Рождества, в сочельник, беда случилась: просто удар; но, к счастью, легкий от ускорения помощи и моей осторожности, а лучше сказать — божьему промыслу. С тех пор я как бы еще не пришел в старый быт, а нахожусь в каком-то слабом ленивом состоянии, может быть, от диэты — говорят, необходимой.

Душевно благодарю тебя за дорогой гостинец, который еще по сю пору ведется.

Прошлого году о часах для тебя я придумал попросить Николая Павловича,[2] он мне их и достал; но не часы, а луковицу, почему я ему их возвратил, а просил не купить, а добыть другие, в карман, поскромнее, чтобы вор не зарился,— вот он и обещал, обещал и Серебряков,[3] посулил и брат Николай, а я уехал в деревню, дело затянулось отъездом моим ровно на шесть месяцев, а когда Ларион Николаевич приехал да крикнул: давайте часы, наша милость и очнулась, посульщиков за бока, ан они и забыли, что сулили, да спасибо Н. М. Петухову,[4] тот дал часы, кажется, добрые,— теперь, получив ответ от Лариона Николаевича о портрете, пришлю тебе их через почту.

Являлся ко мне ваш купец, член строительного комитета вашего собора, с просьбою указать ему художника для образов и показал определенную цену, я и вздумал, разочтя с маленькой прибавкой, кажется рублей 350, взять иконостас и самому в деревне написать, а более для того, чтобы написать с золотом, что мне очень полюбилось для того, что прошлое лето я писал с золотом для Малороссии — и эта мысль не моя, а самого государя, который хочет ввести употребление золота по церквам, для того, что многое, очень многое Рафаэлем было писано и с золотом и по золоту, и прекрасно. А ваши чудаки испугались моих 350 рублей, написали, что на мои кондиции не согласны. Я посмеялся, и ты, верно, посмеешься.

Алексей Васильевич Тыранов едет в Мюнхен, а оттуда в Италию — говорят, в Мюнхене сосредоточивается и Италия, и Франция, и Германия.

Григорий Карпович Михайлов в Академии пансионером и учится у Брюло [К. П. Брюллова], который его полюбил и держит у себя и заставляет работать и свое, и при себе. Был у него Мокрицкий, но своей поэзией и философией надоел, почему Брюло его отдалил,

а Брюло отличнейшей доброты и простоты сердца человек. Еще особенно нового ничего тебе не могу сказать, мелочей много, как и всегда. Тухаринов[5] погиб совершенно, является из кабаков! Ну прости, мой дорогой, желаю тебе здоровья и еще желаю последовать примеру Лариона Николаевича — жениться и сделаться отцом.

Прощай, душой тебя почитающий

Венецианов

В. И. ПАНАЕВУ[1]

17 марта 1840 г.

Ваше превосходительство!

Запискою лично просил я его светлость, министра императорского двóра снизойти к долговременным моим попечения[м] о образовании многих молодых художников и пожаловать мне квартиру в Академии художеств, но, к душевному моему огорчению, соизволения не получил.

Сею же запискою просил я его светлость позволить мне с наступлением весны заняться работами моими и учениками у себя в деревне. Его светлость мне это позволил, почему покорнейше прошу Ваше превосходительство, при докладе его светлости, испросить мне, за подписанием его светлости, паспорт.

С полным уважением и совершенною преданностью
честь имею быть Вашего превосходительства
Покорнейшим слугою
Алексеем Венециановым

27 декабря 1840 г. Село Сафонково

Ваше превосходительство!

Имею честь Вас поздравить с наступающим праздником и наступающим Новым годом.

Здесь, в глуши нашей, слышно, что князь Д. В. Голицын[2] не будет в Петербурге прежде свадьбы наследника, которая ежели не совершится прежде мая, то и штат на отделение Академии в Москве прежде того времени им не представится, почему я бы желал в январе месяце съездить в Москву, там побывать у Львова,[3] Орлова[4] и самого князя, чтобы ознакомить себя с их намерением столько же, сколько я знаком с готовностью народа, а на получение какой-нибудь обязанности в самой Академии художеств мне совершенно отказано навсегда.

Паспорт я имею только в Тверскую губернию и по нем не могу ехать в Москву, почему и осмеливаюсь утруждать Вас, Ваше превосходительство, пожаловать мне другой, для побывания в Москве.

Желание мое принять на себя обязанность наставника в Москве и в моем любимом искусстве, на свободе, доходит до малодушия, особливо когда я воображаю те тысячи жаждущих ученья, то их успехи мне мерещатся как старинному немцу.

Доброе Ваше расположение ко мне обнадеживает меня, что этою моей малодушною просьбою не много обременю Вас. Ваше превосходительство малодушию снисходите, почему не почтитеся у его светлости испросить мне позволение и паспорт на побывку в Москве, имеющему навсегда быть с истинным, чистосердечным уважением

Вашего превосходительства
Покорнейшим слугою
Алексеем Венециановым.

P. S. Работа моя здесь доставляет мне большое удовольствие, но удовлетворять меня начинает только одна малюта — никто и ее лучше [не] изучил.

И. Н. КОЖИНУ [1]

1847 г.

Ваше превосходительство!

Приехавши в мое Сафонково, тотчас я принялся за поставку на место дощечки от гроба угодника в доску, приготовленную для образа, который мне хочется начать до отъезда моего в Петербург, а отъезд мой отложил до 20 октября, потому что акт Академии откладывается до последних чисел октября.

Архимандрит Макарий вполне удовлетворил мои желания к точности выполнения образа угодника, показал мне те правила, которые, соблюдая, передавал св. Макарий детям церкви, написанные на свитке, который на образе в левой руке угодник держит.

Я забыл списать эти правила, а они должны меня руководить в изображении, притом же должны быть непременно и помещены на нем, и я даже думаю, чтобы их на свитке держал не угодник, а ангел, угодник же держал бы посох, объясняющий его достоинство. Вот поэтому-то вас, ваше превосходительство, покорнейше прошу приказать списать с образа этот завет святителя и мне прислать его. Теперь мне остается отыскать о употреблении или ношении схимы и о роде св[ятого]. Много есть угодников, которые изображаются в подобных полусхимах или поснейших ипетрахилях.

Долго будет помнить меня случай, лишивший душу мою удовольствия вас найти в Юрьевском вашем и беседовать с вами как

с человеком, в полном смысле этого слова, с человеком, имеющим христианскую теплую душу; даже поля ваши, хоть пролетно, но много мне об вас сказали и заставили более сетовать на случай службою, следовательно, обязанностью произведенный, они же усугубляют мое сожаление о намерении вашем сложить с себя попечительство о губернии нашей.

В. И. ГРИГОРОВИЧУ[1]

Январь 1847 г.

Поздравляю вас, мой почтеннейший Василий Иванович, с новым годом общим и собственным вашим. Дай бог вам продолжать их по пути вашему беспрепятственно.

В гнезде моем я нашел все в порядке и Сашеньку здоровою, в деятельности деревенской хозяйки по мере средств; самого только себя привез хандривым. Никогда моя поездка в Питер не была так несчастлива, как эта последняя,— как будто судьба решилась мне отказывать в собственных моих желаниях и надобностях для того, чтобы отмстить мне за какую-нибудь полсотню людей, сведенных с пути, рождением назначенного. Может быть, Тыранов, Зарянко — с аршинами, Михайлов, Славянской, Алексеев и проч.: с сохами и топорами гораздо счастливее, беззаботнее бы были, нежели теперь с кистями их. Здесь я завидую последнему из моих крестьян в том, как ему немного надобно для обеспечения счастья и — теперь, в святки, с каким полным наивным удовольствием он скачет, навыворот шубу, в соломенной шапке, под звуки бабьих песен и гармоники.

Сроки моего платежа в О[пекунский] С[овет] февраля 4, а будущего февраля 4 будет уже год за сроком, то и не знаю, сколько придется платить просрочных. Я наметил внести 600 рублей ассигнациями, которыми 1845-й и 1846 по февраль мой домовой год очистится. Итак, мой почтеннейший Василий Иванович, к тем 500, которые, может быть, вам бог поможет вручить Филисе, она, прибавя 100 из жалованья, год этот сбудет, и я в финансовом отношении до поры успокоюсь.

В резиденции моей ища приюта в занятиях, на которые так полную имея свободу, придумал две темы: 1. написать туалет Дианы (в натуру) в домашнем роде. 2. благословение к венцу. Вторая-то меня затрудняет выполнением, для того что головки надобно делать менее вершка, а фокусы моих вспомогательных очей шутят надо мною.

10 числа я в Тверь поеду для сдачи рекрута. В Твери есть пансион, в который, по уважению к содержательнице, отдают бедных девиц на счет общества дворян — тех, которым отказывается

в Москве. Общество мне поручает написать, предполагает пожертвовать образ с. Макария Калязинского для Церкви Тверского учебного от дворян заведения: вот и для этого я в Тверь буду.

Родилась мысль к спору, да видно ей, не развиваясь, умирать. Здесь не с кем мне поспорить, мой почтеннейший Василий Иванович. Здесь у нас цифры, да мертвые легенды со сплетнями, а иногда лучше, нежели в Питере.

Почтеннейшей и добрейшей Софьи Ивановны[2] целую ручку, поздравляю с новым общим годом, а также и вашим, в котором она столько же принимает участия, как и вы. Анны Васильевны[3] целую обе ручки, ее ручки далеко уйдут на клавишах.

Прощайте, мой почтеннейший, будьте здоровы, чистосердечно вас уважающий

Венецианов

С нетерпением жду 9 числа, чтобы узнать от Филисы о приеме картинки Mme Ом.[4]

Так как уже теперь сохи или топора Чернышову в руки не всучить, то взгляните на него. Я только одного внимания прошу, внимания к части дара способности. Хотелось бы знать, видели ли вы с Кукука копию Эраси — я ему велел ее выставить на экзамен и к вам принести.

III ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА И ДОКУМЕНТЫ

I. ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА И ДОКУМЕНТЫ. 1807—1843

1807—1808

ЦЕНЗОР И. ТИМКОВСКИЙ — СПБ. ЦЕНЗУРНОМУ КОМИТЕТУ[1]

17 декабря 1807 г.

Рассмотрев рукописи под названием ⟨...⟩ Журнал карикатур[2] на 1808 год первая тетрадь январь № 1 и 2 ⟨...⟩ и не нашед в них ничего противного уставу о цензуре, я их одобрил к печатанию.

Цензор И. Тимковский

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ЖУРНАЛЕ, КАКОВОЙ ИЗДАВАТЬ НАМЕРЕН С 1808 ГОДА КОЛЛЕЖСКИЙ РЕГИСТРАТОР АЛЕКСЕЙ ВЕНЕЦИАНОВ ПОД НАЗВАНИЕМ «ЖУРНАЛ КАРИКАТУР»[3]

[24 декабря 1807 г.]

У книгопродавца Ивана Глазунова в книжных его лавках, состоящих в Гостином дворе по суконной линии от ворот в первой большой лавке под № 15 и против Гостиного двора зеркальной ли-

нии под № 18, 21 и 22 принимается подписка на журналы, издаваемые на 1808 год: ⟨...⟩ 7. Журнал карикатур. Каждую субботу сего журнала будет выходить хорошо гравированный эстамп величиною в лист, с приложением на особом листе изъяснения оного. Цена подписная на весь год или 52 изображения с объяснением раскрашенные 20 р., не раскрашенные 15 р.

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА[4]

14 января 1808 г.

Пункт VI. Выданы содержателю типографии Иверсену за подписанием цензора Тимковского билеты на выпуск в свет следующих изданий: ⟨...⟩ 2. января 11 под № 8 на № 2 журнала Карикатур.[5]

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ СПБ. ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА[6]

21 января 1808 г.

Выданы билеты на выпуск в свет следующих изданий: ⟨...⟩ № 2. Января 18 дня, ему же Иверсену под № 13 на журнал Карикатур. № 3. За подписанием его же г. Тимковского.[7]

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КНЯЗЬ А. Б. КУРАКИН — МИНИСТРУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ГРАФУ П. В. ЗАВАДОВСКОМУ[8]

18 января 1808 г.

Милостивый государь, граф Петр Васильевич!

Государь император, получив сведения о издании здесь так называемого Карикатурного журнала и признавая оное несвойственным, высочайше указать соизволил: издание Карикатурного журнала сего впредь не дозволять, заметив между тем:

1. к самому издателю, что он дарование свое мог бы обратить на гораздо лучший предмет и временем мог бы воспользоваться с большею выгодою к приучению себя к службе, в коей находится;

2. цензуре, чтоб она в позволениях на таковые издания была разборчивее.

Исполнив высочайшую волю касательно издателя упомянутого журнала, я честь имею сообщить об оной вашему сиятельству для надлежащего исполнения ее относительно цензуры.

Честь имею быть с истинным совершенным почтением

вашего сиятельства покорнейший слуга к[нязь]

Алексей Куракин

Января 18, 1808.

МИНИСТР ПРОСВЕЩЕНИЯ П. В. ЗАВАДОВСКИЙ — ПОПЕЧИТЕЛЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА Н. Н. НОВОСИЛЬЦЕВУ [9]

20 января 1808 г.

Милостивый государь мой, Николай Николаевич!

Во исполнение высочайшего повеления, объявленного мне г. министром внутренних дел, что издание Карикатурного журнала запрещается, предложите, Ваше превосходительство, цензурному комитету, подтвердив оному, чтобы в позволениях на таковые издания был осмотрительнее.

Пребываю с истинным почтением Вашего превосходительства покорнейший слуга граф

Петр Завадовский

П. В. ЗАВАДОВСКИЙ — А. Б. КУРАКИНУ [10]

20 января 1808 г.

Милостивый государь мой, князь Алексей Борисович!

Во исполнение высочайшего повеления, объявленного мне в отношении Вашего сиятельства от 18-го сего января, сообщить г. попечителю Санкт-Петербургского учебного округа господину тайному советнику Николаю Николаевичу Новосильцеву, чтобы он предписал цензурному комитету запретить издание Карикатурного журнала, подтвердив оному, дабы в позволениях на таковые издания был осмотрительнее.

Имею честь быть с совершенным почтением Вашего сиятельства покорнейшим слугою граф

Петр Завадовский

ИЗ ПРОТОКОЛА СПБ. ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА [11]

23 января 1808 г.

Вследствие высочайшего повеления, изображенного в предложении его превосходительства г. попечителя, запретить издание журнала карикатур, для чего:

1. объявить о том издателю оного журнала коллежскому регистратору г. Венецианову, обязать его подпискою представить в Комитет все напечатанные, но еще не распроданные экземпляры первых трех номеров означенного журнала; также оригинал четвертого номера сего журнала, одобренный цензурою, [12] но еще не отпечатанный, и сверх того изгладить изображения с медных досок, по коим печатаны были оные карикатуры,

2. обязать подписками же всех книгопродавцев не продавать впредь упомянутого журнала карикатур, и буде остались у них непроданные экземпляры, представить оные в Комитет, и

3. сообщить на основании 33 пункта Устава о цензуре всем цензурным комитетам о запрещении издания оного журнала.

СПБ. ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ [13]

Января 23 дня 1808 года

Цензурный Комитет, получив от начальства предписание о запрещении журнала Карикатур, Вами издаваемого, просит Вас явиться завтра в присутствие Комитета в 12 часов утра для выслушивания сделанного мне по сему определения. Причем имеете Вы представить в Комитет:

1. Все отпечатанные, но еще не распроданные экземпляры трех номеров означенного журнала.

2. Оригинал четвертого номера, цензурою к напечатанию позволенный и

3. Гравированные доски, по коим карикатуры были напечатаны.

За подписанием секретаря Комитета
Кромовского.

СПБ. ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ — Н. Н. НОВОСИЛЬЦЕВУ. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ [14]

24 января 1808 г.

В исполнение предложения Вашего превосходительства, данного Комитету от 22-го сего месяца вследствие высочайшего повеления о запрещении издания журнала Карикатур, определил:

1. Объявить о том издателю оного журнала коллежскому регистратору г. Венецианову, обязать его подпискою представить в Комитет все напечатанные, но еще не распроданные экземпляры первых трех номеров означенного журнала, также оригинал четвертого номера сего журнала, одобренный цензурою, но еще не отпечатанный, и сверх того изгладить изображение с медных досок, по коим печатаны были оные карикатуры.

2. Обязать же подписками всех книгопродавцев не продавать впредь упомянутого журнала Карикатур и буде остались у них не проданные экземпляры, представить оные в Комитет, и

3. Сообщить на основании 33 пункта Устава о цензуре всем цензурным комитетам о запрещении оного издания.

Что все и исполнено в заседании Комитета от сего января 24 дня.

За подписью всех цензоров

СПБ. ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ — ЦЕНЗУРНОМУ КОМИТЕТУ ДЛЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА [15]

Января 25 дня 1808 г.

На основании 33 пункта о цензуре, Санкт-Петербургский цензурный Комитет честь имеет сообщить цензурному Комитету, учрежденному для округа императорского московского Университета, что

вследствие высочайшей воли издание журнала Карикатур, коего еще только три первые номера были напечатаны в Санкт-Петербурге в типографии г. Иверсена, запрещено; по сему, как продолжение оного журнала, так и продажа вышедших в свет первых трех номеров остановлены.

Цензор Зон

В такой же силе написаны и сообщения:
в Дерптский университет за подписанием цензора Тимковского
в Виленский университет за подписанием цензора Зона
в Казанский университет за подписанием цензора Тимковского
в Харьковский университет за подписанием цензора Тимковского

А. Б. КУРАКИН — П. В. ЗАВАДОВСКОМУ [16]

30 января 1808 г.

Милостивый государь мой, граф Петр Васильевич!

По воспрещению издания известного Вашему сиятельству журнала Карикатур, издатель оного, Венецианов, явясь ко мне с просьбою, представлял, что для издания сего собрано им подпискою более 800 рублей, кои все употреблены уже на приготовление материалов, и что он, поставив себя таким образом в обязательство с публикою, запрещением исполнить сию свою обязанность подвергается совершенному расстройству; в уважение чего и просил о дозволении ему издавать журнал, содержание коего заимствовано будет из анекдотов Петра Великого и из российской истории.

На доклад мой о сем его величеству, государь император высочайше повелеть изволил издание журнала по сему новому предположению содержания его дозволить; но с тем, однако ж, чтоб каждый рисунок предварительно представляем был рассмотрению цензуры и издаваем в свет не иначе как с ее одобрения; о каковой высочайшей воле сообщая Вашему сиятельству, честь имею быть

с истинным и совершенным почтением
Вашего сиятельства покорнейший слуга
к[нязь] *Алексей Куракин*

ИЗ ПРОТОКОЛА СПБ. ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА [17]

3 марта 1808 г.

Два предложения его превосходительства г. попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и кавалера Николая Николаевича Новосильцева:

1. от 28 февраля под № 73, в коем прописывает, что г. министр внутренних дел отнесся к его сиятельству г-ну министру народного просвещения, что по воспрещении издания журнала Карикатур издатель оного Венецианов, явясь к нему с просьбою, представлял,

что для издания сего собрано им подпискою более 800 рублей, кои все употреблены уже на приготовление материалов, и что он, поставив себя таким образом в обязательство с публикою, запрещением исполнить сию обязанность подвергается совершенному расстройству, в уважение чего и просил о дозволении ему издавать журнал, содержание коего заимствовано будет из анекдотов Петра Великого и из российской истории. На доклад г-на министра внутренних дел о сем государю императору, его величество высочайше повелеть изволил издание журнала по сему новому предположению содержания его дозволить, с тем, однако ж, чтоб каждый рисунок предварительно представлен был рассмотрению цензуры и издаваем в свет не иначе, как с ее одобрения. О чем и предлагается комитету для надлежащего исполнения.

Определили: вследствие высочайшего е. и. в. повеления, изъясненного в предложении его превосходительства г-на попечителя, принимать на рассмотрение цензурного комитета рисунки, содержание коих г. Венецианов избирать будет из анекдотов Петра Великого и из российской истории для помещения их в журнале вновь им издавать предположенном, и одобрять их к напечатанию, если в них ничего не окажется противного уставу о цензуре.[18]

1811

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

февраля 25 дня 1811 г.[1]

Пункт II: служащий при Лесном департаменте землемером Алексей Гаврилов Венецианов, по представленному им живописному собственному портрету, определяется в Назначенные; программою же ему на звание Академика задается написать портрет с г. инспектора Кириллы Ивановича Головачевского.

Протоколист:

Скворцов

На обороте: Избран в Академики 1811 года сентября 1 дня.

1819

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — П. М. ЛОНГИНОВУ[1]

[1819 г.]

Академик титулярный советник Венецианов предпринял издать литографией изображения великих людей России с жизнеописанием каждого.

Министр просвещения одобрил его в предприятии; но переломя себе правую руку, лишился средств к достижению конца своей цели. Ныне дерзает начало своих трудов в десяти портретах посвятить кроткой монархине, которая удостаивала неоднократно его занятия пастельными красками своим воззрением в Эрмитаже.[2]

Н. М. ЛОНГИНОВ — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ[3]

20 марта 1819 г.

По высочайшему повелению государыни императрицы Елизаветы Алексеевны статский советник Лонгинов имеет честь препроводить г. Академику титулярному советнику Венецианову золотую табакерку с финифтью, всемилостивейше пожалованную за поднесенные ее величеству литографические портреты, изображающие великих мужей России с изложением, что оные удостоены высочайшего принятия и милостивого внимания е. и. в.

подписал: *Н. Лонгинов*

1822

А. Н. ГОЛИЦЫН[?] — Н. М. ЛОНГИНОВУ[1]

январь 1822 г.

Милостивый государь Николай Михайлович!

Художник Венецианов, тот самый, который за три года перед сим предпринимал издание литографически рисованных портретов великих людей России, ныне желает поднести ее величеству государыне императрице трудов своих две картины в сельском домашнем роде пастельными красками им написанные.[2]

Уважая отличные таланты г. Венецианова и зная, что он весьма нуждается, я прошу Вас покорнейше удостоить представить государыне произведения его, кои, как Вы и сами найти изволите, достойны сей чести, а между тем, по добродушию своему не откажитесь исходатайствовать ему какое-либо пособие, чем, сделав милость г. Венецианову, обяжете и меня собственно.

С чувством совершеннейшего почтения и преданности имею честь быть Вашего превосходительства

покорнейший слуга

Резолюция: г-ну Венецианову пожалован перстень за картины ценою в 600 рублей, под № 290.
6 февраля 1822.

Н. М. ЛОНГИНОВ — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ [3]

7 февраля 1822 г.

Действительный статский советник Лонгинов извещает г. Академика Венецианова о всемилостивейшем принятии поднесенных им государыне императрице Елизавете Алексеевне двух картин пастельными красками. По высочайшей е. и. в. воле препровождает при сем бриллиантовый перстень, пожалованный в награду трудов его, с объявлением ему всемилостивейшего ее вел[ичества] благоволения.

1823

ИЗ ПРИДВОРНОЙ КОНТОРЫ — ГОСПОДИНУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ СТАТСКОМУ СОВЕТНИКУ ЛАБЕНСКОМУ [1]

8 апреля 1823 г.

Доставленную по высочайшему повелению при отношении господина статс-секретаря Кикина [2] от 28-го минувшего марта картину в сельском домашнем виде пастельными красками написанную, поднесенную Академиком Венециановым, [3]

Придворная контора рекомендует вашему превосходительству, приняв, внести в каталог Эрмитажа.

Апреля 8 дня 1823.

1824

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИЗАВЕТЕ АЛЕКСЕЕВНЕ [1]

15 марта 1824 г.

Ваше императорское величество!

Благотворное внимание Вашего императорского величества к слабым произведениям кисти моей, которого Вы, всемилостивейшая государыня, за два года перед сим удостаивать оные изволили, дало мне средства для приобретения новых по силам моим успехов в живописи.

Осмеливаюсь поднести при сем опыт последних, судя по времени исполнения, трудов моих, я счастливым почту себя совершенно, ежели соблаговолите, Ваше императорское величество, с свойственным Вам снисхождением принять оный, как малейшую жертву верноподданнического благоговения моего к Матери-монар-

хине, всем усердным детям-подданным своим равно благодетельствующей

Всемилостивейшая государыня
Вашего императорского величества
верноподданнейший
Алексей Венецианов

Н. М. ЛОНГИНОВ — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ[2]

15 марта 1824 г.

Действительный статский советник Лонгинов извещает Академика Венецианова о всемилостивейшем принятии поднесенной государыне императрице Елизавете Алексеевне писанной им картины, по высочайшей воле препровождает при сем бриллиантовый перстень, всемилостивейше пожалованный ему в числе высочайшего внимания к его трудам.

Подписал:
Н. Лонгинов

ИЗ ПРИДВОРНОЙ КОНТОРЫ — ЛАБЕНСКОМУ[3]

29 апреля 1824 г.

Доставленную по высочайшему повелению при отношении г. генерал-лейтенанта и кавалера князя Волконского[4] сего апреля от 21 числа работу Академика Венецианова, изображающую русских крестьян и крестьянок в гумне,[5] придворная контора рекомендует вашему превосходительству внести в каталог Эрмитажа.
Апреля 29 дня 1824

1826

МИНИСТР ПРОСВЕЩЕНИЯ. ДЕПАРТАМЕНТ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ — ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ[1]

В Санкт-Петербурге. 12 февраля 1826 г.

Бывший попечитель харьковского учебного округа г. Карнеев заказал в прошлом 1825 году, здесь в Санкт-Петербурге, покойному советнику Академии художеств Боровиковскому написать для церкви Харьковского Университета два местные образа за 2500 рублей.

Боровиковский, не окончив своей работы, умер; однако же образа совершенно были [уже] обрисованы, не имея только последней отделки. Душеприказчики Боровиковского, желая привести сие дело к окончанию, приискали, как они объявили, по рекомендации Вашего превосходительства, Академика Венецианова, который и обязался отделать образа к последним числам января текущего года.

Ныне один из сих душеприказчиков известил департамент народного просвещения, что Венецианов кончил свое дело и образа находятся в его квартире, состоящей в Васильевской части в доме Костюриной по 5-ой линии между набережной и Большим проспектом.

Посему покорнейше прошу Ваше превосходительство поручить одному из профессоров живописи освидетельствовать, надлежащим ли образом г. Венецианов кончил порученное ему дело, и о последующем уведомить меня в непродолжительном времени.

Министр народного просвещения
Александр Шишков[2]

А. Н. ОЛЕНИН — И. П. МАРТОСУ[3]

Императорской Академии художеств ректору, действительному статскому советнику и кавалеру Мартосу

12 марта 1826 г.

Вследствие предписания его превосходительства г-на мин[ист]ра народ[но]го просвещения о поручении кому-либо из г. профессоров живописи освидетельствовать написанные Академиком Венециановым для церкви Харьковского Университета два местных образа, кои остались неоконченными после покойного советника Академии художеств Боровиковского, и об уведомлении его, г-на министра, надлежащим ли образом Академик Венецианов кончил порученное ему дело.

По сему обстоятельству поручаю — [зачеркнуто в тексте] Вашему прев[осходительств]у не оставить назначить кого-либо из г.г. профессоров живописи для освидетельствования упомянутых образов в непродолжительном времени и о последующем меня уведомить для донесения о том г-ну министру народного просвещения.

И. П. МАРТОС — А. Н. ОЛЕНИНУ[4]

16 марта 1826 г.

Его превосходительству господину президенту императорской Академии художеств, тайному советнику и разных орденов кавалеру Алексею Николаевичу Оленину
Ректора императорской Академии художеств Ивана Мартоса

Рапорт

Вследствие предписания Вашего превосходительства 12 числа текущего марта месяца под № 25, о поручении кому-либо из г.г. профессоров живописи освидетельствовать написанные Академиком Венециановым для церкви Харьковского Университета два местных

образа, кои остались неоконченными после покойного советника Академии Боровиковского, честь имею донести, что освидетельствование сих образов, написанных г. Академиком Венециановым для церкви Харьковского Университета, поручено было мною г.г. профессорам живописи надворным советникам Иванову и Егорову, кои, по исполнении такового поручения с отзывом своим о достоинстве упомянутых образов, представили мне за своеручным подписанием особое свидетельство, которое я имею честь в подлиннике при сем представить к надлежащему сведению Вашего превосходительства.

Очередной ректор
Иван Мартос

СВИДЕТЕЛЬСТВО[5]

16 марта 1826 г.

По учиненному нам от господина ректора императорской Академии художеств, действительного статского советника Ивана Петровича Мартоса поручению, мы освидетельствовали написанные г. Академиком Венециановым для церкви Харьковского Университета два местные образа, кои остались неоконченными после покойного советника оной Академии Боровиковского, и нашли, что сии образа написаны г. Венециановым с отличным искусством и в совершенно надлежащем порядке. В чем сим и свидетельствуем

Старший профессор живописи надворный советник
Андрей Иванов[6]

Профессор, надворный советник и кавалер
Алексей Егоров[7]

16 марта 1826 года

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ—МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ, ДЕПАРТАМЕНТУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ[8]

В Санкт-Петербурге. 16 марта 1826 г.

Г-ну мин[ист]ру народ[но]го просвещения.

Во исполнение предписания Вашего прев[осходительст]ва о поручении одному из профессоров живописи освидетельствовать, надлежащим ли образом Академик Венецианов кончил написание двух местных образов для церкви императорского Харьковского Университета, кои оставались неоконченными за смертью советника императорской Академии художеств Боровиковского, имею честь сим донести, что таковое освидетельствование образов было возложено на г.г. профессоров живописи Исторической Иванова и Егорова и что они, по исполнении данного им поручения, сего числа засвидетельствовали, что образа написаны господином Венециановым с отличным искусством и в совершенно надлежащем порядке.

1827

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — А. Н. ОЛЕНИНУ[1]

март 1827 г.

Ваше превосходительство
Милостивый государь!

Вам угодно было мне приказать объявить цель представления государю императору четырех картин моих трудов для Русской галереи.

Несколько раз посвящал я труды мои покойной государыне императрице Елизавете Алексеевне и получал знаки ее милостивого к трудам моим благоволения, которыми ободренный в 1823 году в первый раз имел Щастие представить покойному государю императору Александру Павловичу картину пастельными красками «Очищение свеклы». Государь мне пожаловал 1000 рублей и картинку приказал хранить в бриллиантовой комнате. Такое благоволение монарха оживило меня и заставило себя посвятить совершенно живописи, подражая Гарнету написал я с натуры свое гумно, и в 1824 году вторично чрез статс-секретаря Петра Андреевича Кикина имел Щастие представить его государю. Государь столь милостиво принял его, что, пожаловав мне 3000 рублей, сделал свои замечания. Эта милость родила во мне желание не одному ею пользоваться, а посвятить ее с собою на обучение молодых бедных людей по методе моей. Мое желание скоро исполнилось: случай доставил мне одного мальчика из бежецких мещан [Тыранова], которого в 1824 году привез я в Петербург с собою, а другого, Калязинского [Крылова], уговорил приехать. Он до сих пор у меня продолжает учиться. Сверх сих еще я имею двоих: один из них бывший крепостной человек г. Куминовой, которому добрая барыня по просьбе моей дала свободу [Алексеев]; другой же также бывший крепостной человек г. Змеевой, которому равномерно госпожа, узнав о способностях, подарила свободу [Златов].

Тыранов по двухлетнем с половиною ученье у меня (смею утвердительно сказать, что до меня никак не рисовал) написал «Библиотеку Эрмитажа», которая прошлого году князем Александр Николаевичем Голицыным была представлена государю императору и мой юный Тыранов получил милостивую награду, перстень, а я новое желание продолжать мой путь представлять августейшему монарху успехи моих воспитанников один за другим и показать следствие и употребление мое милости покойного государя императора, а вместе с сим просить его сделать мне вспоможение подобное в бозе почивающему августейшему брату его. Для того, что я уже

для содержания ежедневного натурщиков, для гипсов, для большой квартиры и прочего и для содержания самих воспитанников задолжал более 4000 рублей.

Вот, Ваше превосходительство, чистейшая истина первой цели моего представления картинок государю императору, а вторая есть желание видеть в Русской галерее продолжение своих трудов в лицах совершенно Русских.

Четверо моих воспитанников находятся под покровительством Общества поощрения художников, которого я никогда не смел обременять издержками для них, зная большие Общества расходы для общей пользы художников, и потому они на всем моем содержании.

Исполняя приказание Вашего превосходительства с глубочайшим почитанием и совершенной преданностью честь имею пребыть

Вашего превосходительства
милостивый государь
всепокорнейшим слугою
Алексей Венецианов

А. Н. ОЛЕНИН — П. М. ВОЛКОНСКОМУ [2]

31 марта 1827 г.

Милостивый государь
князь Петр Михайлович!

По словесному В[аше]го Сия[тельст]ва объяснению со мною и вместе с князем Александром Николаевичем Голициным Вам уже известно, что четыре картинки, [3] написанные Академиком Венециановым, по одобрению князя Ал[ександ]ра Николаевича представлены не чрез меня, но чрез его с[иятельст]во с тем, чтобы оные могли быть приобретены для учрежденной при Эрмитаже е. и. в. Русской галереи.

Академик Венецианов несколько раз посвящал труды свои блаженной памяти импер[атри]це Елизавете Алексеевне и получал от ее вел[ичест]ва знаки милостивого к оным внимания. Потом в 1823 году он имел счастье представить на высочайшее воззрение в бозе почивающего гос[ударя] импер[атор]а Александра Павловича трудов своих картинку, изображающую пастельными красками «Очищение свеклы». За сию картинку его вел[ичест]во изволил пожаловать ему 1000 рублей, повелев хранить оную в бриллиантовой комнате.

Одушевленный сею монаршею милостью, он посвятил себя совершенно живописи и в 1824 году, подражая Гранету, написал с натуры «Гумно». Сия картина, представленная государю импер[атор]у чрез г-на статс-секретаря Кикина, была так милостиво принята его вел[ичест]вом, что художник не токмо получил за оную от щедрот

монарших 3000 р., но еще имел то счастье, что труды его удостоены были особенных замечаний.

Сей новый опыт высочайшего благоволения возбудил в Венецианове желание образовать несколько художников в избранном им роде живописи. Теперь он уже имеет 4-х учеников, из коих двум он испросил у господ их полную свободу. Из сих учеников один в прошлом году за написанную им картину, изображающую «Библиотеку Эрмитажную», по представлению князя Александра Николаевича Голицына удостоился получить в награду перстень.

Но образование учеников, их обучение и содержание вовлекло Академика Венецианова в значительные издержки, и он задолжал более 4000 р. Представляя упомянутые картинки, он имеет целью, во-первых: испросить у всемилостивейшего государя императора за труды свои вспоможения, по примеру оказанного ему блаженного и вечнодостойного памяти государя императора Александра Павловича; во-вторых: видеть в Русской галерее продолжение его трудов в лицах совершенно русских.

Вот истинная цель Академика Венецианова, которую он объяснил в письме своем ко мне. Его искусство в живописи и полезное намерение образовать несколько хороших художников, производимое им в действие с таким успехом и бескорыстием при весьма небогатом состоянии, достойны милостивого внимания, а потому я осмеливаюсь с моей стороны ходатайствовать о г-не Венецианове у В[аше]го сия[тельст]ва. Приобретение его картинок для Эрмитажа послужило бы к обогащению Русской галереи и украшению хорошими произведениями, а для него самого было бы самою лестною наградою и сильнейшим поощрением к дальнейшим трудам и усовершенствованию.

Имею честь быть с отличным почтением
и совершеннейшей преданностью
В[аше]го с[иятельст]ва

П. М. ВОЛКОНСКИЙ — А. Н. ОЛЕНИНУ [4]

29 апреля 1827 г.

Милостивый государь мой,
Алексей Николаевич!

Государь император высочайше повелеть соизволил из поднесенных Академиком Венециановым четырех картин оставить для Эрмитажа только две маленькие картинки, за которые и выдать ему из Кабинета 2000 рублей, остальные же две, изображающие русских крестьян, к нему возвратить,

Вследствие сего я препровождаю их к Вашему превосходительству, покорнейше прося Вас, милостивый государь мой, при возвра-

щении оных г. Венецианову объявить ему, чтобы для получения пожалованных ему 2000 р. он явился в Кабинет.

С истинным почтением
имею честь быть
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
князь Волконский

В С. Петербурге.
28, Апрель, 1827.

А. Н. ОЛЕНИН — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ [5]

30 апреля 1827 г.

Милостивый государь мой,
Алексей Гаврилович!

Получив от г-на мин[ист]ра импер[аторско]го двора отношение, коим его с[иятельст]во уведомляет меня, что государь император высочайше повелеть соизволил оставить для Эрмитажа только две маленькие картинки, за которые выдать Вам из Кабинета 2000 р., остальные же две, изображающие русских крестьян, к Вам возвратить, я долгом почитаю, доставленные ко мне при упомянутом отношении две картины препроводить при сем к Вам, а притом, согласно с желанием господина министра импе[раторско]го двора, объявить, чтобы Вы явились в Кабинет для получения назначенной Вам в выдачу суммы, где и иметте предъявить сие письмо.

За сим честь имею быть

30 Апреля 1827

ИЗ ПРИДВОРНОЙ КОНТОРЫ — ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ СТАТСКОМУ СОВЕТНИКУ ЛАБЕНСКОМУ [6]

[1827]

Доставленные от г. министра императорского двора две картины, поднесенные государю императору Академиком Венециановым, придворная контора, припровождая при сем вашему превосходительству, рекомендует внесть в каталог Эрмитажа.

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — НИКОЛАЮ I [7]

10 ноября 1827 г.

Августейший монарх!

Три года тому назад начал я брать к себе молодых бедных людей для обучения живописи по методе моей, чтобы опытом доказать преимущество учения прямо с натуры и ваятельных произведений древних перед ученьем с рисунков и с гравированных, так называемых оригиналов.

Желания мои исполняются, трое из воспитанников моих Академией художеств удостоены золотых медалей, из которых одного еще прошлого году вы, всемилостивейший государь, наградили перстнем за картину Эрмитажной библиотеки и приказали поместить в Русской галерее.

Сверх оных трех воспитанников, еще трое у меня готовятся и обещают мне воздать за попечения мои успехами своими, но в сии три года, августейший монарх, расстроил я мое состояние: за мной с женою 48 душ и готовлюсь лишиться средств не только продолжать путь воспитания художников, но и собственных моих детей.

Вы, государь, в мае месяце сего года пожаловали мне 2000 рублей, приняв от меня две картины. Сею монаршею милостью дан мне был способ частью уплатить мои долги. Государь всемилостивейший, еще такая же сумма для уплаты долгу за мою квартиру поддержит меня с бедными моими воспитанниками, из которых четверо, хотя и находятся под покровительством Общества поощрения художников, но я его ни малейшим вспоможением себе не обременяю, ибо оно печется о общей пользе художников, почему и три золотые медали, моими воспитанниками получаемые, есть суть из пожертвованных Обществом. Имея столько опытов щедроты царской к пекущимся о пользе общей, я дерзаю прибегнуть к тебе, о государь! с страхом и надеждой ожидая решения дерзновенному, может быть, моему прошению

Вашего императорского величества
верноподданный *Алексей Венецианов,*
титулярный советник и императорской
Академии художеств Академик.

Ноября 10-го дня 1827 году.

1828

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — А. Н. ОЛЕНИНУ [1]

[Записка об учениках]

Крылов [2] с 1823 году. В Вышневолоцком уезде принял правила Венецианова. В 1825 приехал в Петербург и решительно начал учиться, а в 1827 году Академиею художеств удостоен золотой медали. Он остановился на портретной живописи и в оной отличен.

Тыранов [3] получил начало в июле месяце 1824 году. В 1825 году написал «Французскую библиотеку в Эрмитаже», [4] которая теперь находится в русской галерее. За оную получил от покойного государя императора перстень и Академиею художеств в 1827 году удостоен золотой медали. В сем году написал запрестольный образ «Исцеление расслабленного» для Обуховской больницы.

Алексеев[5] поступил к Венецианову в 1826 году и за перспективную картину [в] 1827 году Академиею художеств удостоен золотой медали. Он для Обуховской больницы написал оригинальный образ «Всех скорбящих».

Златов[6] поступил к Венецианову в 1826 году. Написал в Эрмитаже «Испанскую галерею».[7] Он около году дает уроки дочери бывшей своей госпожи Змеевой по методе Венецианова. Ученица его довольно хорошо рисует с натуры предметы.

Денисов[8] получил начало с апреля прошлого 1827 году и в Эрмитаже написал картину «Старую галерею».

Зиновьев[9] в сентябре месяце пришел было пешком из Вышнего Волочка. Принялся за живопись с необыкновенным успехом и начал было в Эрмитаже комнату, в которой портрет Екатерины II. Завистник свободой вынудил его оставить Венецианова. Однако же он у иконников получает по пятидесяти рублей в месяц.

Беллер,[10] глухонемой, поступил в мае месяце 1825 году, имеет способности и успевает.

Ушенков[11] поступил к Венецианову в марте месяце сего году.

Серебряков[12] — в апреле также сего году. Он получил начала противные правилам Венецианова, почему чрезвычайно его затрудняет медленностью успехов.

Панов[13] — в сентябре месяце сего же году, и подает надежду.

Давыдов[14] — в сентябре сего же году. Он учился у многих и вниманием обещает большие успехи.

Васильев[15] — не живущий, а приходящий к Венецианову с мая месяца сего года. Быстрые делает успехи, он учится и в университете.

Ларионов,[16] служивший в Преображенском полку. Ездя ко мне месяцев с восемь, написал красками свой портрет.

Из приходящих есть и еще трое купцов.

1829

А. Н. ОЛЕНИН — П. М. ВОЛКОНСКОМУ[1]

19 января 1829 г.

Милостивый государь князь Петр Михайлович!

По болезни г-на Академика Венецианова я не мог скоро отвечать вашему сиятельству на отношение Ваше ко мне от 16-го сего генваря под № 194-м. Ныне он ко мне с трудом явился и, по прочтении оного, объяснил, что он немедленно прикажет исполнить волю государя императора припискою в картине ученика Денисова дворцового гренадера в сюртуке. Что же касается до цены, вашим сиятельством спрашиваемой за сию картину, то г-н Венецианов объяс-

нил мне следующие обстоятельства, которые не благоугодно ли будет вам, милостивый государь, повергнуть во всемилостивейшее внимание е. и. в., как щедрого покровителя истинных талантов!

Г-н Венецианов (как я имел честь вашему сиятельству уже словесно объяснять) по пламенной его любви к художествам, будучи обременен семьею и бедным самым состоянием, начал первым в России заниматься живописью домашнего рода (peinture de genre), некоторые удачи в сем роде возродили в нем мысль учредить в этом роде новую русскую школу. Несмотря на крайнее стеснение хозяйственных его обстоятельств, он решил основать свое пребывание здесь, по близости императорской Академии художеств, чтоб своим ученикам дать ближайший способ по усовершенствованию в искусстве рисования с гипсов и натуры, что составляет единственное твердое основание в подражательных искусствах, то есть в ваянии и живописи.

Ученики г-на Венецианова, будучи им взятые по усмотрении в них способности к живописи из числа бедных самых мещан и вольноотпущенных, большей частью (до приобретения ими надлежащих познаний в сем художестве) содержались и доселе содержатся на собственном иждивении г-на Венецианова, без всякого пособия от правительства. Таким образом, он успел уже с необыкновенным успехом образовать шесть своих учеников; а именно: Крылова, Тыранова, Алексеева, Златова, Денисова и Зиновьева. Два из них (Тыранов и Денисов) удостоились даже всемилостивейшего внимания государя императора! а три: Крылов, Тыранов и Алексеев получили по назначению Академии художеств золотые медали. Сверх сего он учил еще у себя в доме и следующих молодых людей: Беллера, Ушакова, Серебрякова, Панова, Васильева и Ларионова. Ваше сиятельство может себе представить, что стоило* содержание, хотя и скудное, тринадцати молодых людей для человека, который сам никакого другого почти состояния не имеет, кроме своих трудов.

Г-н Венецианов, будучи, так сказать, отцом своих учеников, осмелился представить произведения двух из них: одного — Денисова, как удостоенного ныне высочайшим одобрением, другого Златова, чтоб показать успехи школы г-на Венецианова, желающего всеми силами оправдать изъявленное ему в прошлом году монаршее благоволение, а потому он цены никакой назначить никак не может, но дерзает всеподданнейше просить, чтобы обе картины были взяты в ведение императорского двора для дальнейшего тем поощрения учеников его к дальнейшим успехам!

* в четыре года времени.

Они и небогатыми подарками будут довольны.

С моей стороны позвольте мне заключить сие письмо собственными mia desideria моими пожеланиями в пользу Художеств! Некоторое денежное годовое пособие г-ну Венецианову, например, по три тысячи рублей в год, казну государеву, кажется, не обременит, а г-ну Венецианову даст способ укрепить и распространить полезное его для Художеств заведение!

За сим имею честь быть с отличным почитанием и совершенною преданностью Вашего сиятельства.

П. М. ВОЛКОНСКИЙ — А. Н. ОЛЕНИНУ [2]

19 февраля 1829 г.

Господину Президенту императорской Академии художеств

По всеподданнейшему моему докладу отношение Вашего превосходительства ко мне от 19-го минувшего января за № 2-м, государь император высочайше повелеть соизволил: за написанную учеником Денисовым [3] картину, изображающую внутренность старой Эрмитажной галереи, заплатить ему две тысячи рублей, а Академику Венецианову дать бриллиантовый перстень.

Препровождая при сем означенные деньги и перстень для доставления по принадлежности, я прошу Ваше превосходительство о получении оных меня уведомить.

Министр императорского двора
князь Волконский

На обороте, рукой А. Г. Венецианова:

1829 году февраля 19 всемилостивейше пожалованный мне бриллиантовый перстень получил, в чем и расписался Академик Алексей Венецианов.

1829-го года февраля 20 дня всемилостивейше пожалованные мне две тысячи рублей за картину, написанную мною, получил, в чем и расписуюсь: Санкт-Петербургский мещанин Алексей Денисов.

А. Н. ОЛЕНИН — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ [4]

3 апреля 1829 г.

Президент императорской Академии художеств имеет удовольствие известить г-на Академика сей Академии А. Г. Венецианова, что г-н министр императорского двора сообщил ему следующее всемилостивейшее замечание насчет картины ученика Тыранова: [5] его величество изволил найти в ней многие части довольно хорошо сделанными, но также заметил и недостатки, особенно в руках,

причем, его велич[ест]ву угодно знать, с кого был писан сей портрет? На сей конец президент просит г-на Академика Венецианова пожаловать к нему сего же утра в 9-ть часов.

А. Н. ОЛЕНИН — П. М. ВОЛКОНСКОМУ [6]

3 апреля 1829 г.

Господину Министру императорского двора

Во исполнение высочайшего мне объявленного повеления в предписании Вашего сиятельства от 2-го сего апреля под № 1324-м, поспешаю донести, что натура, с которой ученик Тыранов писал женский портрет, есть дочь норвежского уроженца скобочного мастера Ольсена, Аграфена, и находится ныне по найму в услужении у г-на Академика Венецианова. К сему донесению я долгом поставляю присовокупить, что замечания государя императора на картину ученика Тыранова сообщены сегодня поутру г. Академику Венецианову для пользы любимого его ученика, с которого г. Венецианов и школу свою начал.

Всемилостивейшие замечания его величества были приняты с благоговением как учителем, так и учеником. Работу сего последнего я осмелился представить для того только, чтоб показать государю императору (столь много по сей части сведущему) попечение наставника и старание ученика, который в четыре только года всего учения своего успел уже столь смело шагнуть на трудное поприще первостатейной Живописи.

Мое намерение увенчано полным успехом, ибо государь император изволил найти в картине Тыранова многие части довольно хорошо сделанными!

Вот истинная награда первым трудам в Живописи портретной ученика Тыранова и стараниям его учителя.

Со временем государь император, может быть, удостоит всемилостивейшим своим вниманием наставника живописца Тыранова и пожалует ему способы прочному образованию Школы, им до сего времени ревностно поддерживаемой с чувственными для него пожертвованиями.

Президент *А. Оленин*

П. М. ВОЛКОНСКИЙ — А. Н. ОЛЕНИНУ [7]

23 октября 1829 г.

Господину Президенту императорской Академии художеств

Возвращая при сем картину [8] работы ученика г. Академика Венецианова Алексеева, я имею честь уведомить Ваше превосходительство, что оная представлена была государю императору и его

величество высочайше повелеть соизволил Венецианову дать подарок, а Алексееву единовременно пятьсот рублей, о чем ныне же объяснено мною кабинету.

Министр императорского двора *князь Волконский*

Приписка карандашом рукой Волконского: «По сей бумаге нужно составить два отношения в кабинет е. и. в., с которыми могли бы к оному явиться г-н Академик Венецианов и ученик его Алексеев.

Сие же предписание с отпуском тех отношений возвратить в мою канцелярию».

П. М. ВОЛКОНСКИЙ — А. Н. ОЛЕНИНУ [9]

Господину Президенту Академии художеств

Государь император всемилостивейше пожаловать соизволил императорской Академии художеств Академику Венецианову за представленную его величеству картину работы ученика его Алексеева подарок и ученику его Алексееву пятьсот рублей ассигнациями.

Во исполнение сей Высочайшей воли препровождая при сем к Вашему Превосходительству для подарка Академику Венецианову перстень бриллиантовый с аметистом, а ученику его Алексееву пятьсот рублей ассигнациями, о получении коих предлагаю мне донести.

Министр императорского двора князь *Волконский*

Вице-президент *Оленин.*

На обороте расписка:

1829 года 26 октября вручены были Президентом Академии художеств всемилостивейше пожалованные от щедрот монарших награждения; а именно: г-ну Академику Венецианову — перстень бриллиантовый с алмазами, а ученику его Алексееву пятьсот рублей ассигнациями. В получении сих наград расписуются:

Академик *Алексей Венецианов,*

Ученик г. Венецианова *Александр Алексеев.*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ [10]

1829 декабря 18 дня

Статья 20. Определено: представленную г. Академиком Венециановым картину трудов его, изображающую двух нагих женщин, вышедших из воды [11], с тем, что не угодно ли будет приобрести оную в Академию по уважению достоинств сего произведения, состоящих в естественности колорита и приятности живописи, купить

для Академии ценою за 700 р., каковые деньги записав в расход на счет процентов из капитала на воздаяние художникам накопившихся, и выдать ему, г. Венецианову, под его расписку, а самую картину присоединить к собранию картин Русской школы.

Выписки из сей статьи дать г. г. казначею, бухгалтеру и библиотекарю, для исполнения каждому по своей части.

1830

П. М. ВОЛКОНСКИЙ — А. Н. ОЛЕНИНУ[1]

19 января 1830 г.

Господину президенту Академии художеств

Государь император высочайше повелеть соизволил: императорской Академии художеств Академику Венецианову дать звание живописца с. и. в. с жалованием по три тысячи рублей в год из Кабинета.

О сей монаршей воле я имею честь уведомить Ваше превосходительство и при том присовокупить, что о производстве г. Венецианову означенного жалования ныне же дано Кабинету высочайшее повеление.

Министр императорского двора
князь *Волконский*

Резолюция президента: уведомить о сей высочайшей милости г. Академика Венецианова по канцелярии президента, сие же предписание г. министра императорского двора передать в контору Академии для надлежащего сведения Совета и Правления оной.

Президент
Алексей Оленин

Министерство императорского двора
Канцелярия по 2-й экспедиции.
В Санкт-Петербурге, 19 января 1830.

А. Н. ОЛЕНИН — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ[2]

20 января 1830 г.

Господину Академику Академии художеств Венецианову

Г. министр императорского двора от 19-го сего января уведомил меня, что находящемуся под Вашим руководством ученику Денисову за написанный им вид Георгиевского зала в Зимнем дворце

высочайше повелено выдать из Кабинета единовременно три тысячи рублей. О каковой высочайшей милости уведомляю Вас для извещения о сем ученика Денисова.

А. Н. ОЛЕНИН — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ [3]

20 января 1830 г.

Господину Академику Академии художеств Венецианову

Г. министр императорского двора отношением от 19-го сего января за № 183 уведомил меня, что государь император высочайше повелеть соизволил дать Вам звание живописца е. и. в. с производством жалованья по три тысячи рублей в год из Кабинета.

О сей высочайшей воле я поспешаю Вас сим уведомить и при том присовокупить, что сия монаршая милость усугубит в Вас старание к всяческому продолжению занятий в пользу Художеств.

О производстве Вам жалованья дано Кабинету высочайшее повеление.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ [4]

1830 года января 21 дня

Статья 5: по предписанию господина министра императорского двора (по вход. кн. № 107-й), коим уведомляет, что государь император высочайше повелеть соизволил императорской Академии художеств Академику Венецианову дать звание живописца е. и. в. с жалованием по 3000 рублей в год из Кабинета, о производстве коего г. Венецианову ныне же дано Кабинету высочайшее повеление.

Определено: о сей высочайшей милости уведомить г. Академика Венецианова по канцелярии г. президента, сие же предписание господина министра императорского двора, записав к сведению в сей журнал, снести в первое собрание Совета Академии.

А. Н. ОЛЕНИН — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ [5]

25 января 1830 г.

Господину Академику Венецианову

Президент императорской Академии художеств уведомляет г. Академика Венецианова, что государь император в награду отличных дарований Ваших и долговременного образования Вами в живописи молодых художников, высочайшим указом, данным в 22-й день сего месяца Капитулу императорских Российских Орденов всемилостивейше пожаловать Вас соизволил Кавалером ордена Владимира 4-й степени; поздравляя Вас с сею новою монаршей мило-

стью, препровождаю при сем как знак помянутого ордена, так и грамоту, прося при том о доставлении к нему в непродолжительном времени следующих по сему ордену единовременных денег тридцати рублей для отправления в Капитул Российских Орденов и о получении помянутого знака уведомления.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ [6]

1830 года февраля 1 дня

Статья 10: по предписанию господина министра императорского двора, коим уведомляет, что государь император высочайше повелеть соизволил императорской Академии художеств Академику Венецианову дать звание живописца е. и. в. с жалованием по 3000 рублей в год из Кабинета, о производстве коего г. Венецианову ныне же дано Кабинету высочайшее повеление.

Определено: так как г. Академик Венецианов о сей монаршей воле уведомлен, а господину министру императорского двора уже донесено, то предписание сие, приняв к сведению, приложить к делу.

ИЗ ПРИДВОРНОЙ КОНТОРЫ — ЛАБЕНСКОМУ [7]

31 декабря 1830 г.

Доставленную от г. министра императорского двора для помещения по высочайшему повелению в Русской галерее Эрмитажа картину работы живописца Венецианова, изображающую женщину с мальчиком,[8] придворная контора рекомендует вашему превосходительству внесть в каталог и о получении оной конторе рапортовать.
Декабря 31 дня 1830.

1831

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — [А. В. ПЛАТАНУ] [1]

16 января 1831 г.

[Записка]

Покорнейше Вас просит Венецианов пожаловать ему для копирования «Евангелистов» Егорова, вместо исканных и ненайденных почтеннейшего Шебуева.

Много обяжете вручением и помещением в уютном уголке сего подателя г. Галианова [2]

к Вам с полным уважением пребывающего покорнейшего слугу

Алексея Венецианова

16 января 1831.

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — [А. В. ПЛАТАНУ][3]

8 декабря 1831 г.

[Записка]

Податель сего Вам давно известный Е. В. г. Ситников-Беляев[4] имеет сердечную нужду в изображении сего сиятельства бывшего министра внутренних дел гр. Арсения Андреевича Закревского[5], почему покорнейше Вас прошу, почтеннейший Август Васильевич, прикажите ему доставить из галереи изображение вышереченное.

Ежели Вы пожелаете знать направление сердечных чувств г. Ситникова к образу его сиятельства, то он может Вам изустно объяснить, а мое дело быть навсегда Вам обязанным и питать сердечное почитание и называться Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугой

Алексеем Венециановым

8 декабря 1831.

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — [А. В. ПЛАТАНУ][6]

24 ноября 1831 г.

[Записка]

Почтеннейший Август Васильевич, всепокорнейше просит Венецианов подателя сего художника г. Тухаринова[7] принять в число трудящихся в Эрмитаже, пожаловать ему билет и позволить начать копировать.

Венецианов надеется, что г. Тухаринов не ударит себя лицом в грязь, он из бывших его учеников не последний.

1832—1833

П. М. ВОЛКОНСКИЙ — Ф. И. ЛАБЕНСКОМУ[1]

21 июня 1832 г.

Государь император, быв сего дня в Царскосельском новом дворце, изволил найти, что на рисунке работы ученика Венецианова, изображающем кабинет покойного государя Александра Павловича, рама слишком широкая, а потому повелевает вместо оной поставить другую, которая бы была потоньше и сообразнее к величине рисунка.[2]

Я объявляю о сем Вашему превосходительству в надлежащем исполнении.

Министр императорского двора князь *Волконский*

21 июня 1832.

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — П. М. ВОЛКОНСКОМУ[3]

7 марта 1832 г.

Ваше сиятельство изволили приказать Венецианову объявить цену картины «Матросов» Денисова.[4]

Венецианов осмеливается изложить: государь император, увидя в первый раз в 1828 году Денисова за работой, изволил, обласкав его, приказать написать «Вид Георгиевской залы». В продолжение работы сей картины государь император изволил не раз лично изъявлять Денисову свое благоволение и соизволение послать за границу для усовершенствования в художествах.

Венецианов не смел тогда воспользоваться милостью государя к Денисову, потому что Денисов не был довольно силен в рисовании фигур. Теперь (в два года) он довольно успел, почему всепокорнейше прошу, Ваше сиятельство, исходатайствовать ему у государя императора милостивое выполнение обещания его величества послать Денисова в чужие края года на три.

Природная способность, отличное прилежание и примерное поведение Денисова ручаются за успехи и возвращение в Россию отличным художником.

Резолюция министра императорского двора: высочайше повелено Денисова отправить в Берлин с одним из фельдъегерей, отправляемых от вице-канцлера, с тем чтобы предписать нашему министру в Берлине поручить для усовершенствования в живописи известному художнику Крюгеру, прося его от имени его величества принять для образования его в роде живописи г-на Крюгера. Денисову определить содержание из Кабинета, подобное положенному с посылаемыми за границу из Академии воспитанниками, выдав за представленную им картину тысячу пятьсот рублей, а картину подарить наследнику.

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — П. М. ВОЛКОНСКОМУ[5]

[9 марта 1832 г.]

Ваше сиятельство изволили сказать Венецианову, что Денисов отправляется в Берлин на пароходе с г. Крюгером, почему покорнейше просит Венецианов приказать выдать из канцелярии Вашего сиятельства Денисову назначенные на обзаведение 1000 рублей (сто червонцев) и письменно приказать Денисову:

1. Приехав в Берлин, начать писать внутренности дворца, ту комнату, которую Вашему сиятельству угодно будет назначить.

2. Фигуры в оной ставить не иначе, как под руководством г. Крюгера, и картину сию через год прислать к Вашему сиятельству.

3. Ходить, кроме мастерской г. Крюгера, во все академические классы и посещать места, могущие поспешествовать усовершенствованию его знания.

4. Кроме перспективной картины заняться: народными сценами, характерными для Берлипа, и чрез каждые шесть месяцев присылать к Вашему сиятельству по 3 маленьких картинки и по несколько эскизов акварелью (не менее шести).

5. По окончании внутренности во дворце, начать писать какой-нибудь значительный наружный вид Берлина и фигуры ставить под руководством г. Крюгера.

P. S. Хорошо бы ему чаще доносить к Вашему сиятельству о своих занятиях на немецком языке.

ДИРЕКТОР КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА ДВОРА — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ[6]

12 апреля 1833 г.

Г. Крюгер, прочитав правила, составленные живописцем Венециановым для руководства художнику Денисову во время пребывания его в Берлине, объявил, что он не может одобрить опых, во-первых, потому что никакому художнику, желающему усовершенствоваться в живописи, не должно назначать меры занятиям, а тем менее определять число изготовленных картин и рисунков, ибо Денисов, будучи обязан посещать его мастерскую и академические классы, без сомнения, употребит все возможное старание для достижения желаемой цели, и во-вторых, что из правил сих не видно, какой живописи Денисов должен себя посвятить, если живопись в роде его, Крюгера, в таком случае должно ему писать портреты и животных, а живопись перспективную оставить.

ДИРЕКТОР КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА ДВОРА — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ[7]

12 апреля 1833 г.

Директор канцелярии министра императорского двора, препровождая к его высокоблагородию Алексею Гавриловичу Венецианову записку о замечаниях живописца Крюгера на составленные им правила для художника Денисова по случаю отправления его в Берлин, покорнейше просит уведомить, одобряет ли он замечание сие, и вместе с тем возвратить и самую записку.

12 апреля 1833
Его высокоблагородию А. Г. Венецианову

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — ДИРЕКТОРУ КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТЕРСТВА ДВОРА[8]

20 апреля 1833 г.

Венецианов, получа от господина директора канцелярии министерства императорского двора замечания г. профессора Крюгера

на предложения свои занять Денисова в Берлине, с полным уважением принимает в замечаниях сих намерения почтеннейшего профессора: быть руководителем трудолюбивому Денисову и со временем поместить его в своей мастерской. Венецианов совершенно уверен, что под руководством художника, всеми уважаемого, к которому он до личного с ним знакомства благоговел (в 1833 году, № 33 «Литер[атурных] прибавлений к Инв[али]ду» доказывает) Денисов сделается достойным милости монарха и украсит бывшую школу Венецианова.

Между тем, Венецианов долгом себе поставляет объяснить:

1. что он всегда полагал Перспективу не родом живописи, а необходимою приготовительною только частью ко всем родам.

2. что в Денисове давно открыты природные способности к родам, называемым *Домашним и Портретным*. Денисов в 1830 году от Академии художеств получил золотую медаль за группу фигур в пейзаже, а не за перспективу. Картина «Матросы», находящаяся у е. и. в. наследника, есть уже значительное доказательство рода природной способности Денисова.

3. что Денисову недостает тонкого эстетического образа природы и человека, а не механизма, к чему должны вести науки и знание света, а картина «Парад в Берлине» знанием быта человеческого так богата, что Денисов с благоговением должен только идти путем творца оной, почему Венецианов в 4-х пунктах своих предложений сказал: *сверх перспективной* картины заняться народными сценами характеристики Берлина и чрез каждые шесть месяцев присылать сюда по 3 маленькие картинки и по несколько эскизов акварелью (не менее шести), [это] не значит обременять Денисова, потому что для произведения трех маленьких картинок (а не картин) из характеристики берлинцев или быта народного (genre populaire ou moeurs Prussiens) потребно будет не более шести дней, а для нарисования шести рисунков, например à la Pigal, à la Boilly потребно часов несколько и беспрерывного внимания природы и человека, следовательно, беспрерывного занятия ума и деятельности мыслей.

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТЕРСТВА ДВОРА[9]

Справка

23 апреля 1833 г.

По случаю препорложенного отправления в Берлин художника Денисова, Академик Венецианов находит нужным предписать ему, Денисову:

1. По приезде в Берлин начать писать внутренность одной из комнат тамошнего дворца; фигуры на сей картине ставить под руководством г. Крюгера и прислать оную сюда через год.

2. Кроме мастерской г. Крюгера ходить во все академические классы и посещать места, могущие поспешествовать усовершенствованию его, Денисова.

3. Сверх перспективной картины заняться народными сценами характеристики Берлина и чрез каждые шесть месяцев присылать сюда по три маленькие картинки и по несколько эскизов акварелью (не менее шести).

4. По окончании картины — «Внутренность комнаты дворца» — начать какой-нибудь замечательный наружный вид в Берлине, и фигуры на сей картине ставить под руководством г. Крюгера.

Г. Венецианов признает также полезным, чтобы Денисов как можно чаще присылал сюда донесения о своих занятиях на немецком языке.

Г. Крюгер сделал на сие следующие замечания: ежели Денисов должен употребить в Берлине время на изучение и усовершенствование в художестве, то нельзя требовать, чтобы он ежегодно доставлял некоторое количество картин, ибо и теперь нельзя еще определить, в каком роде живописи в состоянии он писать картины. Время пребывания в Берлине должен он исключительно посвятить усовершенствованию в живописи, в продолжении коего окажется, к какому именно роду он наиболее имеет наклонности, и тогда уже можно будет заказывать ему работы.

Зная Денисова как художника хорошего поведения, прилежного и неутомимого, г. Крюгер надеется, что он сделается достойным оказываемой ему милости, а потому с удовольствием принимает на себя обязанности способствовать своими советами к усовершенствованию его в живописи.

Поручение написать внутреннюю комнату Королевского дворца в Берлине Денисов может исполнить, ибо до сего времени он занимался в сем роде живописи у Венецианова, кроме же сего поручения, требующего нескольких месяцев, а также постоянных посещений Академии и изучения немецкого языка, ничего нельзя требовать от Денисова.

Впрочем, ежели со временем помещение г. Крюгера в Берлине позволит занимать в его мастерской несколько учеников под непосредственным надзором, то Денисов, без всякого сомнения, будет находиться в числе оных и г. Крюгер употребит старание о дальнейшем его усовершенствовании в художестве.

Резолюция: высочайше повелено исполнить замечания Крюгера и присылать рисунки по мере совершенствования.

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТРА ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА [10]

Справка

[апрель] 1833 г.

По представлению Академика Венецианова 9 марта 1832-го года последовало высочайшее повеление: ученика его Денисова отправить для усовершенствования в Берлин с одним из фельдъегерей, посылаемых туда от вице-канцлера. Вместе с тем повелено было отнестись к графу Нессельроде [11] с предписанием посланнику в Берлине, дабы он поручил Денисова живописцу Крюгеру и попросил бы его от имени государя императора образовать в роде своей живописи сего молодого художника.

На содержание Денисова назначено было отпускать из Кабинета по 200 червонных в год и выдать ему на путевые издержки и обзаведение 100 червон[ных] также из Кабинета.

При поднесении к подписанию Вашего сиятельства исполнительных по сему бумаг, Вы изволили приказать дожидаться от г. Венецианова уведомления, когда должен отправиться Денисов. Живописец Крюгер объявил, что художник Денисов может отправиться с ним в Берлин на первом пароходе и что он с удовольствием будет давать ему советы и доставлять все возможные средства к усовершенствованию его в живописи. Впрочем, г. Крюгер жалеет, что не может тотчас по прибытии в Берлин позволить Денисову заниматься в его мастерской, которая для двух слишком мала, но надеется в скором времени получить другую, и тогда он будет заниматься с ним вместе.

ГЛАВНЫЙ МОРСКОЙ ШТАБ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИЯ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА — П. В. ВОЛКОНСКОМУ [12]

В Санкт-Петербурге, 4 мая 1833 г.

Господин император высочайше повелеть изволил воспитаннику Академии художеств, писавшему портрет Гвардейской ластовой роты майора Иванова, дать из Кабинета его величества подарок. [13]

Сообщая о сей высочайшей воле Вашему сиятельству, честь имею присовокупить, что воспитанник сей известен тоже Академику г. профессору Венецианову, к которому не угодно ли Вам, милостивый государь, будет приказать доставить и упомянутый подарок.

Начальник главного Морского штаба

князь Меншиков

Революция: Выдать из Кабинета в четыреста рублей подарок.
6 майя 1833.

АКАДЕМИК А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ[14]

14 ноября 1832 г.

Обучавшемуся у меня живописи и продолжающему пользоваться натурным классом Академии из дворян Алексей Александровичу Васильеву, которого последних экзаменов рисунки при сем представляя, покорнейше прошу императорскую Академию художеств пожаловать ему аттестат на звание художника.

Не примет ли в какое-нибудь уважение императорская Академия того, что г. Васильев знаком с французским и немецким языками, математикой, историей, географией и словесностью?

Ноября 14 дня 1832 году.

Академик *Венецианов*

А. А. Васильев.

Ответ на запрос Академии художеств в 1869 г.

С 1828 по 1833 состоял в числе вольноприходящих учеников Академии художеств и занимался под руководством Академика Венецианова.[15]

АКАДЕМИК А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ[16]

Рапорт

5 ноября 1832 г.

Уже несколько лет известен Академии художеств учащийся у меня глухонемой Беллер, воспитанник института Глухонемых, пользующийся и ныне натурным классом (в прошлом месяце на экзамене его рисунок получил 6-й номер).

Опекунский совет прошу я определить Беллера учителем в институт его воспитавший, а императорскую Академию прошу пожаловать ему аттестат на звание классного художника.

Ноября 5 дня 1832 года.

Академик *Венецианов*

ЗАПИСКА ЖИВОПИСЦА ВЕНЕЦИАНОВА О ГЛУХОНЕМОМ БЕЛЛЕРЕ, КОТОРЫЙ ОБУЧАЛСЯ У НЕГО ЖИВОПИСИ[17]

29 ноября 1832 г.

Глухонемой Беллер,[18] воспитанник института Глухонемых, есть сын крестьянина (курляндца); у Венецианова с 1825-го году по воле покойной государыни императрицы Марии Федоровны. Венецианов за обучение Беллера из Воспитательного дома получал по 600 р. в год, в то же время отдан был воспитанник Михайлов (не глухонемой) к г. Воробьеву по 1000 р. в год. Беллер в живописи никак не менее успел Михайлова, а рисует лучше.

Ваше сиятельство изволили исходатайствовать у государя императора Беллеру за картину его[19] часы и 500 р., соизволение подарить картину институту Глухонемых для поощрения их к художеству, а Беллера определить учителем в сей институт.

Венецианов осмеливается утруждать Ваше сиятельство покорнейшею просьбою исходатайствовать у государя императора высочайшую волю: поровнять Венецианова с г. Воробьевым в плате за обучение Беллера: то есть додать ему из Воспитательного дома по 400 рублей в год за прошедшие семь лет с половиною.

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТЕРСТВА ДВОРА — КОНТОРЕ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ[20]

В Санкт-Петербурге, 23 января 1833 г.

Канцелярия министерства императорского двора покорнейше просит оную контору об уведомлении: какие оклады и откуда именно получает Академик Венецианов.

В должности экспедитора

Прохоров

КОНТОРА АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ — КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТЕРСТВА ДВОРА[21]

24 января 1833 г.

На запрос 2-ой экспедиции канцелярии министерства императорского двора от двадцать третьего текущего января контора императорской Академии художеств имеет честь ответствовать, что г. Академик Венецианов получает из кабинета его императорского величества 3000 рублей, назначенные ему в жалованье по высочайшему государя императора повелению, объявленному Академии предписанием господина министра императорского двора от 19 января 1830 года за № 183, по званию живописца е. и. в., но получает ли г. Венецианов из других мест какие оклады, Академии художеств о сем не известно, ибо он при сей Академии на службе не состоит.

Конференц-секретарь

Григорович

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТЕРСТВА ДВОРА — КАНЦЕЛЯРИИ КАБИНЕТА Е. И. В.[22]

26 января 1833 г.

Канцелярия министерства императорского двора покорнейше просит канцелярию Кабинета е. и. в. об уведомлении: не получает

ли из оного Академик Венецианов каких-либо окладов сверх трех тысяч рублей, определенных ему в январе 1830 года по званию живописца е. и. в.

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТЕРСТВА ДВОРА — ДЕПАРТАМЕНТУ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАЗНАЧЕЙСТВА [23]

26 января 1833 г.

Канцелярия министерства императорского двора покорнейше просит оный Департамент уведомить ее: не получал ли Академик живописи Алексей Венецианов каких-либо окладов из государственного Казначейства.

Директор канцелярии министерства императорского двора

КАНЦЕЛЯРИЯ КАБИНЕТА Е. И. В. — КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТЕРСТВА ДВОРА [24]

В Санкт-Петербурге, 27 января 1833 г.

Канцелярия Кабинета е. и. в. по вопросу канцелярии министерства императорского двора от 26-го сего января за № 112 имеет честь уведомить, что Академику Венецианову, кроме определенного указом 19 января 1830 года жалованья по три тысяче рублей в год по званию императорского живописца, никаких других окладов из Кабинета е. и. в. не производится.

Начальник отделения
А. Веймарн

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ. ДЕПАРТАМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАЗНАЧЕЙСТВА. КАНЦЕЛЯРИЯ. — КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТЕРСТВА ДВОРА [25]

4 февраля 1833 г.

На отношение канцелярии министерства императорского двора от 26 января 1833 г. № 133, Департамент государственного Казначейства имеет честь уведомить, что академик Венецианов никаких окладов из государственного Казначейства не получает.

Вице-директор
П. Янжул-Михайловский

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ КАБИНЕТА Е. И. В. БЕЛЬСКИЙ — П. М. ВОЛКОНСКОМУ [26]

Рапорт

5 мая 1833 г.

Во исполнение высочайшего повеления, объявленного Кабинету Вашим сиятельством 3-го числа сего майя, имею честь представить при сем за неимением серег в назначенную цену 400 рублей, взя-

тые у ювелира Яна серьги бриллиантовые с бирюзами в четыреста рублей для подарка, всемилостивейше пожалованного дочери дьячка домовой церкви г. Апраксиной, Елене Рождественской за написание картинки из внутренностей комнат государыни императрицы Марии Федоровны, данные при том Вашему сиятельству, что если серьги сии пожалованы будут дочери дьячка Елене Рождественской, то Кабинету сделано будет распоряжение на покупку оных за сложением десяти процентов.

Генерал-лейтенант
Вельский
Начальник отделения
Петухов

Резолюция: Серьги выдать Венецианову под расписку для доставления девице Елене Рождественской.[27]

П. М. ВОЛКОНСКИЙ — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ[28]

Господину живописцу е. и. в. Венецианову

В Петергофе, 7 мая 1833 г.

Препровождая при сем бриллиантовые серьги, всемилостивейше пожалованные дочери дьячка Елене Рождественской за написанную ею картину, представляющую внутренний вид комнаты императрицы Марии Федоровны в Зимнем дворце, я прошу Вас вручить оные девице Рождественской и о получении меня уведомить.

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — П. М. ВОЛКОНСКОМУ[29]

Расписка

7 мая 1833 г.

Серьги бриллиантовые, доставленные мне из канцелярии министра императорского двора для вручения девице Елене Рождественской, имел честь получить

Академик Алексей *Венецианов*

Маiя 7 дня
1833.

1834

СЕКРЕТАРЬ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ И. ШАМБО — А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ[1]

7 сентября 1834 г.

Его высокоблагородию А. Г. Венецианову

Государыня императрица, приняв с благоволением картину, изображавшую торжество освящения памятника Александру I, всемилостивейше повелеть соизволила пожаловать за подношение оной художнику Тухаринову[2] бриллиантовый перстень.

Иван Шамбо

1837

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — П. М. ВОЛКОНСКОМУ[1]

27 апреля 1837 г.

Ваша светлость изволили согласиться заплатить ученику Венецианова Зарянке[2] за представленную им государю императору перспективную картину Петровской залы[3] 700 рублей, не по ценности картины, бессильной в тени-свете и чистоте, а только в поощрение его способностей.

Венецианов просит: приказать назначенную сумму Зарянке выдать.

Резолюция П. М. Волконского: «Заплатить».

Рукой Зарянко: за картину 700 рублей, семьсот рублей, получил ученик Академика Венецианова С. Зарянко.

Майя 3-го дня.

1838

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — П. М. ВОЛКОНСКОМУ[1]

[Январь 1838 г.]

Живописец его величества Венецианов, занимаясь, по предложению господина Демидова, картиною из жизни Петра Великого, просит о дозволении ему осмотреть хранящиеся в Петергофе, в Марли, одежды сего государя и снять с некоторых из них рисунки.

Резолюция: Позволить.

30 января 1838.

П. М. ВОЛКОНСКИЙ — ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ ЭЙХЕНУ 1-му[2]

Предписание

В Санкт-Петербурге, 30 января 1838 г.

Прошу Ваше превосходительство приказать вручителя сего, живописца его величества г. Венецианова, допустить к осмотру хранящихся в Петергофе в Марли одежд императора Петра I и к снятию с некоторых из них рисунков, но платья из дома не выдавать.

Министр императорского двора.

1840

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА А. Г. ВЕНЕЦИАНОВА[1]

В 1807 году Венецианов вступил в статскую службу, в канцелярию Директора почт Д. П. Трощинского,[2] а между тем в свободное время ходил в Эрмитаж и там, копируя пастельными красками, изучался живописи, а в 1811 году императорской Академией Художеств удостоен был звания академика. В 1819 году оставил службу для того, чтобы полнее посвятить бы себя живописи с оригиналов натуры, почему уехал в деревню свою, там занялся безусловным вниманием природы и, идучи сим новым путем, написал Гумно, которое обратило тогда внимание императора Александра. Государь пожаловал ему 3000 и еще изволил принять одну картинку из домашнего быта,[3] писанную пастельными красками, приказал ее поставить в бриллиантовой комнате. Императрица Елизавета Алексеевна также милостиво изволила принимать труды Венецианова, и несколько его картин находились у ее величества. Чтобы более утвердиться в пути, который избрал тогда для себя Венецианов, путь же этот состоит на твердом основании перспективы и подробнейшем внимании натуры,— Венецианов начал брать к себе на своем содержании бедных мальчиков и обучать их живописи по принятой им методе, которая состояла в том, чтобы не давать копировать ни с чего, а прямо начинать рассматривать натуру в прямых геометрических линиях, для чего у него первым началом был куб, пирамида, цилиндр, конус и проч. Вот первыми его учениками были Тыранов, Крылов и Алексеев; с ними он в 1824 году приехал в Петербург, чтобы показать им изящные произведения великих художников в Эрмитаже и кодексы искусства древних в антиках Академии, тут Венецианов не мог отказать от пособия многим молодым людям и начал принимать учеников по бедности их на свое содержание. В 1825 году Тыранов во второй год своего учения написал внутренность библиотеки Эрмитажа[4] и получил от государя Николая Павловича награду, Алексеев за портрет девушки[5] также, Венецианов перстень и 2000 руб. на вспоможение учеников, из которых тогда уже составилась школа. В 1827 году Тыранов, Крылов и Алексеев Академией художеств были удостоены золотых медалей 2-го достоинства. Государь император, видя во многих местах занимающихся учеников Венецианова и обратя особое внимание на Денисова, которого щедро наградил за его труды и успехи, удостоил принять своим пенсионером для отправки за границу, а Венецианова лично удостоил своего внимания, сказал, «что он честь делает Отечеству, а ему доставляет удовольствие», пожаловал звание императорского

живописца, с жалованием по 3000 руб. в год и орденом св. Владимира 4-й степени. После такого милостивого внимания и потом неоднократного приветствия Венецианов после всего этого не дорожил своими силами и начал употреблять все средства к изучению молодых людей, он не искал работ для поддержания своей школы, а мыслил только занимать своих учеников тем, что может им принесть больше знания, почему вошел в долги и в 1830 году в Опекунском Совете заложил имение жены своей — в этом году ученики его также были Академией художеств удостоены золотых и серебряных медалей (тогда Тыранов получил I-ю зол. медаль), а самому Венецианову в Академию художеств были повторяемы государем императором милостивые приветы, тогда две залы в Академии были наполнены картинами школы Венецианова.[6] Вскоре после этого Венецианов вышел из сил и потерял средства содержать школу, т. е. иметь учеников на своем содержании, а сделались у него ученики приходящими, долгов на нем накопилось 14 тысяч и из жалованья его начали вычитать.

Всех учеников у Венецианова было в разное время более 70 человек, из которых иные бывали очень ограничены в способностях и даже бездарны, другие безнравственны, были и такие, которые его обкрадывали, были такие, которые померли и при жизни делали честь — Крылов, Златов, Денисов, пенсионер государя, умер в Берлине от сильных трудов. Но много есть и таких, которые питают его душу удовольствием, например Тыранов, Васильев, Алексеев в Архангельске, Крендовский в Кременчуге, Аврорин в Москве (диаконом), Плахов в Берлине, Каширин в Новгороде, Беллер глухонемой и проч. Из учеников его 7 человек были крепостными людьми и попечением его откуплены, то сбором разным, то домашними лотереями и убеждениями. Теперь в Академии художеств из первых учеников ее Михайлов был крепостным человеком г-д Демьяновых и за 2000 отпущен, в число этой суммы Венецианов получил от государя императора и великих князей 500 руб. В деревне своей Венецианов не перестает обучать бедных людей на своем содержании, из числа которых одного господского человека он отправил в Петербург отыскивать средства к выкупу.[7] Таланты этого молодого человека отличны и могут равняться с талантами Тыранова, Денисова и Михайлова. Но ежели бы Венецианов был профессором в Академии и имел под своим ведением учеников, в Академию приходящих, и вел бы их по своей методе, будучи обеспечен профессорским жалованием и квартирой, то из сотни приходящих учеников может быть бы Венецианов нашел не один десяток людей с талантами разными, может быть в течение года, что наверно можно сказать, открылись бы декораторы, орнаментисты, рисовальщики для техно-

логических заведений, для фарфоровых, ситцевых, бронзовых и проч. фабрик и просто хорошие литографщики. Таланты тогда развиваются, когда они ведутся по тем путям, к которым их природа назначила.

А. Н. ОЛЕНИН — П. М. ВОЛКОНСКОМУ[8]

28 марта 1840 г.

Живописец е. и. в. Академик Венецианов обратился к Правлению императорской Академии художеств с просьбою о том, чтобы ученика его, вольноотпущенного Федора, по отцу Михайлова,[9] посещавшего в качестве вольноприходящего классы императорской Академии художеств, как имеющего хорошие способности к художествам и благонравие, и притом в отпускной означенного без всякой фамилии, переименовать Венециановым.

Представляя о таковой просьбе г. Венецианова на благоуважение Вашей светлости, долгом считаю присовокупить, что подобные проименования были и прежде неоднократно допускаемы в Академии, как например: Василий Малиновский (что ныне ректор) назван Демутом в память его благодетеля, Орест Швальбе прозван Кипренским и проч., и покорнейше прошу Вас, милостивый государь, о согласии на удовлетворение просьбы г. Венецианова не оставить меня Вашим предписанием.

Президент
А. Оленин

П. М. ВОЛКОНСКИЙ — А. Н. ОЛЕНИНУ[10]

В Санкт-Петербурге, 30 марта 1840

Его высокопревосходительству А. Н. Оленину

Министр императорского двора, свидетельствуя совершенное почтение его высокопревосходительству Алексею Николаевичу, покорнейше просит уведомить его, в дополнение к отношению № 240, кем и когда было дозволено принять прозвание Демута ректору Малиновскому и Кипренского живописцу Швальбе?

А. Н. ОЛЕНИН — П. М. ВОЛКОНСКОМУ[11]

3 апреля 1840 г.

Его светлости князю Петру Михайловичу Волконскому

Президент императорской Академии художеств в ответ на запрос его светлости господина министра императорского двора от 30-го прошлого марта за № 233-м имеет честь препроводить прила-

гаемую при сем Справку, взятую из дел архива Академии художеств, касательно прозваний Демута-Малиновского и Кипренского.

Справка о ректоре Демуте-Малиновском
и профессоре Кипренском

Ректор Демут-Малиновский,[12] принятый в Академию воспитанником в августе месяце 1785 года, назывался (по списку о принятых) Демут, по объявлению матери его, впрочем, никем не подписанному, в коем сказано, что она отдает в Академию сына своего Василья Демута, у коего отец был вольный резного дела мастер Иван Демут, и по свидетельству, подписанному коллежским советником Станиславом Эли, значится, что помянутого мастера Демута сын, Василий Демут, родился 1779 года, марта 2-го дня, крещен при церкви Вознесения господня священником Фокою, восприемником его был ведомства дворцовой канцелярии архитекторский помощник Василий Емельянов, сын Зимин.

А 1803 года февраля [дата пропущена] дня вдова Марья Кузьмина, дочь Малиновская, в прошении ее на имя Академии, объясняя, что сын ее, Василий Демут, назван сею фамилией не по родному, а по крестному отцу, просила Академию об уничтожении сего прозвания и о переименовании его Малиновским, настоящим прозванием бывшего мужа ее, а его отца. Но резолюции на сие прошение в делах архива Академии не видно, хотя с этого времени и присовокуплено к прежнему прозванию Демута, удержанному в память крестного отца и благодетеля, прозвание Малиновский.

Профессор Орест Кипренский,[13] также принятый в Академию воспитанником в 1788 году, назван Кипренским в прошении отца его Адама Карлова, в котором прописано, что он отдает в Академию сына своего законнорожденного Ореста Адама Кипренского, равно и свидетельство священника копорской соборной церкви Преображения господня, Петра Васильева, показано, что Орест Кипренский родился 1783 года марта 13 и им крещен, которого он же был восприемником.

В обоих сих документах ничто не упомянуто о прозвании Швальбе, хотя достоверно известно, что отец Кипренского имел это прозвание и родные Кипренского, из коих и теперь жива одна, носят по отцу прозвание Швальбе.

Из вышеписанного видно, что должного порядка при приеме воспитанников в Академии художеств лет за пятьдесят и более перед сим не наблюдалось и изменение прозваний допускалось без особой в сем случае осмотрительности со стороны тогдашнего академического начальства.

П. М. ВОЛКОНСКИЙ — А. Н. ОЛЕНИНУ [14]

В Санкт-Петербурге, 5 апреля 1840 г.

Господину президенту императорской Академии художеств

Не видя из доставленной при записке Вашего высокопревосходительства от 3 сего апреля справки, чтобы прозвание Демута ректору Малиновскому и Кипренского, умершему профессору, присвоены были формальным образом, я не могу разрешить ученику Академика Венецианова Федору Михайлову принять прозвание Венецианов.

Министр императорского двора
князь *Волконский*

1843

П. М. ВОЛКОНСКИЙ — А. Н. ОЛЕНИНУ [1]

22 марта 1843 г.

Господину президенту Академии художеств

Живописец е. и. в., Академик Венецианов просит об исходатайствовании ему чина коллежского асессора.

Препровождая к Вашему высокопревосходительству поданную им записку, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, предложить Совету императорской Академии художеств, не признает ли оный справедливым возвести его, Венецианова, в звание профессора на основании высочайшего повеления, объявленного мною Вашему высокопревосходительству 25-го сентября 1836 года за № 3004.

Министр императорского двора
князь *Волконский*

Надпись на полях: «Академик Венецианов умер»

ЗАПИСКА АКАДЕМИКА ВЕНЦИАНОВА О ВОЗВЕДЕНИИ ЕГО В ЗВАНИЕ ПРОФЕССОРА [2]

Справка

[1843]

Венецианов вступил в статскую службу по Почтовому ведомству в 1807 году, в коллежские регистраторы пожалован в 1808 году и в 1810 году переместился из Почтового ведомства в ведомство Государственных имуществ; в 1811 году императорской Академией художеств удостоен звания Академика и в том же 1811 году

произведен в губернские секретари, в 1814 году в коллежские секретари и в 1817 году в титулярные советники, и в 1818 году, оставя службу, посвятил себя исключительно обучению молодых людей живописи, за что в 1830 году удостоен звания художника государя императора с причислением к Кабинету его величества и ордена св. Владимира 4-й степени.

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТЕРСТВА ДВОРА[3]

Справка

Академик Венецианов в службу вступил в Почтовое ведомство . . . . в 1807 г.
Произведен в коллежские регистраторы . . . . . . в 1808 г.
Перемещен в департамент Государственных имуществ в 1810 г.
Академией художеств возведен в звание Академика . в 1811 г.
Произведен в губернские секретари . . . . в 1811 г.
В коллежские секретари . . . . в 1814 г.
В титулярные советники . . . . в 1817 г.

По уважению отличных дарований и в награду за успешное и благовременное образование им в живописи молодых художников дано ему звание живописца его императорского величества с жалованьем по 3000 рублей ассигнациями из Кабинета и пожалован орден св. Владимира 4-й степени в 1830 г.

2. ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА И ДОКУМЕНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБЩЕСТВОМ ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ. 1825—1843

1825

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ[1]

27 января 1825 г.

В Общество поощрения художников

Внимание, обращаемое Обществом поощрения художников на молодых художников, имеющих способности, дает мне смелость представить в покровительство Общества Бежецкого мещанина Алексея Васильева сына Тыранова, который учился у меня несколько месяцев художеству.

Тыранов человек бедный, получивший начальное образование в Тверской губернской гимназии, лишась за смертью директора оной, единственного человека, который ему благодетельствовал, должен был возвратиться к своему брату из Твери в Бежецк пешком. И как брат его занимается живописью, то и заставил его тереть краски.

Заметив в Алексее Тыранове способности необыкновенные, я решил взять его к себе; опыт трудов его после двухмесячного занятия под моим руководством и первый еще рисунок на камне[2] при сем представляю и прошу покорнейше Общество взять у него для обозрения и поощрения на будущее время. Он живет и учится у меня, нужды ни в чем не имеет, но у него есть мать, бедная женщина, о которой он много заботится. Получив возможность сделать ей некоторое пособие, он без сомнения приложит все силы, дабы успевать более и более. По временам я буду доводить до сведения Общества о будущих его успехах.

Алексей Венецианов

Января 27 1825 году.

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ[3]

10 марта 1825 г.

Благосклонное внимание, которого удостоило Общество поощрения художников представление мое о молодом, подающем надежды художнике Тыранове, и одобрение, сделанное Обществом, дало мне смелость войти с новым представлением о другом художнике, который без учителей, без наставников, занимаясь художеством по страсти, оказал уже значащие успехи в той части художества, для которой нужны более природные способности, нежели какие-либо принятые правила.

Вот история сего художника: три года тому назад, будучи в Теребенском монастыре, находящемся в Тверской губернии Вышневолоцком уезде, заметил я между живописцами-работниками одного, который писал смелее прочих и был моложе других. Ответы его на некоторые вопросы были довольно удовлетворительны.

Узнав, что я художник, он обратился ко мне с просьбой дать ему советы, потому что те, которые давал мастер, казались ему неясными и неточными. Пригласив его к себе, я показал ему случившиеся картины, толковал о необходимости знания рисунка, который есть славнейший путь к достижению совершенства в живописи и что искать его должно в хороших произведениях и в натуре, но как хороших произведений он видеть не может, живя в нынешнем местопребывании, то рекомендовал ему копировать натуру, уверив, что

и она доведет его до большой степени знания. Он последовал моему наставлению и прошлого года удивил меня совершенной живописью предметов и эффектом иконостаса, который писал в соседнем от меня погосте; удивил вместе с тем и карикатурами, которые написал. Общество увидит из представляемой картины художника сего, силу его знаний и способностей.

Приехав в прошедшем сентябре сюда, я предлагал ему приехать в Петербург и заняться рисованием в Академии, что для него всего важнее. Он с восторгом на сие решился, но страшится дорогого содержания и боится умереть с голоду в Петербурге, как он пишет ко мне. Убежден будучи, что художник сей скорее выиграет здесь и в знаниях, и в состоянии и, быть может, сделается отличнейшим художником, я намерен вызвать его сюда, дать квартиру и стол, заставив у себя рисовать и ходить в классы Академии. Но как будучи в зависимости только от одного меня, он будет располагать собою по своей воле и, статься может, раньше перестанет учиться, нежели должно, то, чтобы связать его и приохотить надежнее, я прошу покорнейше Общество поощрения художеств объявить ему предварительно о своем покровительстве и дать обещание, если он окажет успехи и заслужит от Академии первую серебряную медаль, занять его для Общества работою рублей на тысячу или более. Это может возбудить в нем рвение, отвлечет от занятий для «гостиного двора» и послужит к истинной его пользе. Что же касается до выполнения сего обещания, то оно не может, кажется, затруднить Общество, ибо по одной литографской части, я уверен, оные прилежные художники, между делом трудясь, могут выработать в год несравненно большую сумму.

Академик Венецианов

Художник сей, о котором имею честь представить, есть Калязинский мещанин Никифор Степанов, имеющий от роду с небольшим двадцать лет, по прозванию Крылов.[4]
Марта 10 дня 1825 г.

ИЗ ОТЧЕТА КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ ЗА 1825 ГОД[5]

Тыронов и Никифор Крылов, ученики г. Академика Венецианова, обратили на себя особенное внимание Комитета. Они в короткое время замечательные оказали успехи в рисовании и живописи, и потому равно найдены заслуживающими покровительства Общества. Первому дано было денежное вознаграждение; обоим позволено выставлять работы свои на продажу в Магазин Общества, и

для пользы их же, по желанию г. Венецианова, подарены Комитетом две алебастровые статуи Аполлино и Венеры Таврической.

Нельзя не сказать при сем, что усердие г. Венецианова к образованию молодых художников беспримерно. Он не щадит трудов и притом служит общей пользе бескорыстно — черта редкая в человеке, который живет трудами...

Комитет, желая доставить публике возможность к приобретению приятных картинок и притом за умеренную цену, воспользовался опытом иллюминования масляными красками литографических рисунков, который впервые у нас удачно сделан г. Венециановым.

Вам, милостивые государи [члены Общества], известны прекрасные работы сего художника, равно как и литографический эстамп с картины Карла Брюллова «Итальянское утро», таким образом иллюминованный. Они были и ныне находятся в продаже.

1826

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — ОБЩЕСТВУ ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ

18 февраля 1826 г.[1]

Венецианов желает, чтобы ему иллюминовать никак не менее двенадцати предметов. Ему бы хотелось в них поместить «Хозяйку, раздающую бабам лен»,[2] оная картинка находится у государыни императрицы Елизаветы Алексеевны.

Николай Михайлович Лонгинов верно не потяготится исходатайствовать позволение ее величества.

1. Всего иллюминовать 600 экземпляров и кончить их в год. Май, июнь, июль, август Венецианов желал бы пробыть в деревне, заняться произведением новых предметов с натуры, почему в оные месяцы ничего иллюминированного Обществу, может быть, не доставит.

2. На первый раз иллюминовать из вышедших 6-ти предметов по 25 и еще не отпечатанного седьмого — 25.[3]

3. Деньги Венецианову получить при доставлении работы и никак не менее 10 рублей за экземпляр.

4. По отпечатании на счет Общества двух первых картинок по 200 экземпляров, рисованных Тырановым,[4] Венецианов располагает, чтобы Общество оные продавало по 3 рубля пару и первою выручкою возвратило свои издержки за бумагу и напечатание с лишком 400 экземпляров, потом бы по 100 оттисков продавало в пользу Тыранова, за его труд. Рисунки, которых Тыранов не доста-

вит Обществу по числу в квитанциях Венецианова Гельмерсену, Обществу считать в числе 100 следующих Тыранова.

Кажется, около 50 экземпляров по 1р. 50 коп. Общество должно продать, чтобы возвратить свои издержки для 200 оттисков. Г. Форостовский[5] вернее может расчесть.

По всему предположению в первых двадцати пяти иллюминованных рисунках, кои Венецианов предполагает на первый раз раскрасить, Общество уже возвращает свои издержки за отпечатание и бумагу двухсот оттисков около половины. Продавая картинку по 12.50, оно имеет на издержки на комиссию 1р. 20 к. и на иллюминовку 10; 1р. 25 к. от 25 картин 31 р. 25 к.

В такой плате за рисование на камне Венецианова была первая цель та, чтобы молодой художник был награжден публикой по мере его выполнения; 2. Чтобы не обременять Общество издержками для совершенно новых, и еще как бы сказать, диких предметов. На сей счет печалиться Венецианов никак не может.

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ[6]

30 апреля 1826 г.

Пункт 6. Представлен литографический эстамп «Итальянское утро», иллюминованный Осокиным[7] и Венециановым. Положено: иллюминовать их несколько и пустить в продажу.

П. А. КИКИН — О. Н. КУМИНОВОЙ[8]

7 августа 1826 г.

Милостивая государыня
Ольга Николаевна!

Общество поощрения художников, находя в живописных работах крепостного человека Вашего Александра Алексеева признаки природных способностей, обещающих, что он, посвятив себя совершенно живописи, может сделаться хорошим художником, положило принять под свое покровительство и облегчить ему средства учиться, если Вы, милостивая государыня, пожелаете содействовать Обществу дарованием Алексееву свободы.

Ныне г. Академик Венецианов представил Комитету Общества, что Вы на увольнение Алексеева из крепостного звания согласны. Принося Вам, милостивая государыня, именем Комитета Общества поощрения художников благодарность за столь благое дело в пользу Алексеева, мне остается только просить Вас внушить ему, что будущее счастье, коему Вы уже полагаете начало, зависеть будет от трудов и благородного поведения его, Алексеева, и что Общество по

мере успехов его будет обращать на него свое внимание, содействовать по возможности попечением своим в его пользу.

Прошу Вас принять уверение в чувствах искреннего
моего уважения, с коим я всегда буду,
милостивая государыня, Вашим покорнейшим слугою
Петр Кикин

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ [9]

2 сентября 1826 г.

Собрание Общества поощрения художников удостоило одобрения своего копию с картины Жерар-дова, писанную «крепостным человеком Куминовой» Александром Алексеевым, [10], заметило, что он дает о себе самые хорошие надежды.

Его превосходительство Петр Андреевич Кикин объявил мне благотворное желание Комитета принять сего молодого человека под свое покровительство, ежели госпожа Куминова даст ему свободу.

Свободу Алексееву я испросил у доброй госпожи. Она с удовольствием дарит ее и ждет только отзыва, чтобы поручить Алексеева покровительству Общества, а я сердечным долгом себе поставлю иметь попечение о развитии его способностей, которыми, утвердительно могу сказать, природа его не обидела, почему прошу Комитет Общества уведомить г. Куминову о готовности покровительства Алексееву, так как Общество нашло уже его того достойным.

Академик *Алексей Венецианов*

ИЗ ОТЧЕТОВ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ И ПРОТОКОЛОВ ЗАСЕДАНИЙ ЗА 1826 ГОД [11]

12 августа 1826 г.

Пункт 7. Положено: по уважению достоинств картины Тыранова, ученика г. Венецианова, представляющей внутренность Эрмитажной библиотеки, [12] поднести оную государю императору.

Пункт 8. По уважению трудов, усердия и отличной деятельности в образовании молодых художников г. Академика Венецианова, который сверх того некоторым из них дает у себя квартиру и содержание без малейшего от них вознаграждения, положено: от лица Общества всеподданнейше просить государя императора о обращении на сего художника всемилостивейшего внимания его величества.

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — ОБЩЕСТВУ ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ [13]

[1826 г.]

К особенному моему удовольствию намерения мои образовать художников под покровительством Общества без малейших издержек оного — исполняются. Тыранов и Крылов успехами своими сделались Обществу и несколько публике известными, успехи Алексеева совершенно меня уверяют, что он будет третьим после двух первых или равным. Теперь к моему полному удовольствию открываю еще способности в четвертом молодом человеке,[14] которого первое произведение масляными красками при сем представляю с просьбою принять его под свое покровительство на основании трех первых. Я уверен, что он оправдает мои надежды, питающие каждого из моих воспитанников.

Академик *Алексей Венецианов*

ИЗ ОТЧЕТА КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ ЗА 1826 ГОД [15]

По части литохромии или иллюминирования масляными красками. В изготовлении литохромических картинок, выпущенных в продажу, лучшие из произведений сего рода были работы Академика Венецианова...

Состоящие под покровительством Общества молодые художники Тыронов и Крылов делают большие успехи. Академик Венецианов, их руководствующий, содействует тому всеми зависящими от него средствами. Некоторые труды Тыронова и Крылова представляются на Ваше [членов комитета Общества] усмотрение.

Кроме Тыронова и Крылова, Общество, по предстательству Венецианова, приняло и других двух учеников его под покровительство свое, а именно: Александра Алексеева и Александра Златова, молодых людей с весьма хорошими способностями.

Картина Тыронова, представляющая внутренность Эрмитажной библиотеки, которую положено было по уважению достоинства живописи представить его императорскому величеству от Общества, поднесена была его величеству министром императорского двора Петром Михайловичем Волконским.

Государь император изволил принять картину сию весьма милостиво и пожаловал художнику Тыронову в ознаменование высочайшего внимания к трудам его бриллиантовый перстень. Картина сия помещена в Русской галерее императорского Эрмитажа.

1827

ИЗ ОТЧЕТА КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ ЗА 1827 ГОД[1]

Нельзя не повторить перед Вами [членами Общества] при сем случае неоднократного уже засвидетельствования о достойных уважения и признательности Общества трудах г. Академика Венецианова, предпринимаемых им для развития способностей молодых художников, пользующихся его руководством, советами и наставлениями. Крылов, Тыронов, Алексеев и Златов весьма многим ему обязаны, особенно же Тыронов и Златов, поступившие к нему, не имея даже первых начал в искусстве.

Не менее приятно нам довести также к сведению Вашему подвиг поощрения, оказанный почтенными купцами Чернятинскими в отношении к Крылову, который, желая попытаться написать зиму[2] с натуры, был принят ими и снабжен такими пособиями, кои для всякого, кто равнодушен к успехам Отечественных талантов, показались бы и обременительными и невозможными. Они предоставили ему избрать около Тосны пункт, выстроили в нем теплую мастерскую, давали стол и содержание во время его занятий и, сверх того, заказали произвести несколько портретов, из числа которых один, в рост, бывший на Академической выставке, заслужил всеобщее одобрение.

1828

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ[1]

20 марта 1828 г.

Общество удостоило своим покровительством четырех моих воспитанников Тыранова, Крылова, Алексеева и Златова, из которых двое оправдали себя получением золотых медалей, Обществом пожертвованных, Златов, я совершенно уверен, что не замедлит заслужить своими успехами внимание Академии, следовательно, и подобную же награду Общества.

Теперь я имею еще троих: молодого, начавшего учиться с апреля прошлого 1827 г., из мещан, Александра Денисова, ему шестнадцать лет. В сентябре прошлого года из Вышнего Волочка пешком

ко мне пришедшего мещанского сына Василия Зиновьева, которого труд при сем честь имею представить, и вольноотпущенного Ивана Ушакова, недавно ко мне поступившего от Академика Васильева,[2] которого произведение также представляю, а трудов Денисова, приведенных к концу, нет, для того, что он занят в Эрмитаже галереей.

Успехи и поведение сих молодых людей меня утешают, почему прошу Общество удостоить их, подобно первым четырем, своего покровительства, которое, я уверен, что даст им полный дух к успехам, а мне новое удовольствие питаться оными.

Академик *Алексей Венецианов*

ИЗ ОТЧЕТА КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ ЗА 1828 ГОД[3]

Ученики г. Академика Венецианова, состоящие под покровительством Общества, также много трудились и делают успехи. Мы упомянем для краткости о важнейших трудах их:

Тыранов произвел прекрасную картину,[4] изображающую девочку, отдыхающую в положении, несколько напоминающем отдыхающего садовника О. Кипренского; приятное личико и, в особенности, верность колорита в теле, в волосах и одежде делают сие произведение прелестным. После того, между прочими занятиями своими, он написал с необыкновенною точностью перспективный вид Зимнего дворца.

Златов удачно окончил картину [о которой мы уже упоминали в Отчете нашем за 1827 год] «Перспективный вид Испанской галереи в Эрмитаже».

Денисов, весьма недавно обучавшийся живописи у г. Венецианова, сделал две весьма замечательные в том же роде картины, а именно: вид, взятый из так называемой старой Итальянской галереи в Эрмитаже [картина сия принята его императорским величеством с особенным благоволением], и другую: вид Георгиевского зала из дверей Военной галереи Зимнего дворца, начатую по воле государя императора.

Труды г. Венецианова на пользу молодых питомцев его достойны истинного уважения и признательности всех любителей изящного, он ничего не щадит для их пользы и верно не будет оставлен от правительства без возмездия, по всей справедливости им заслуживаемого.

1834

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ [1]

[1834 г.]

Полковник С. А. Юрьевич, узнав талант живописца Раева, крепостного человека майора Кушелева, и видя дар его лишенным возможности развиваться по тем направлениям, которые приобретаются в императорской Академии художеств, и осведомясь от меня, что господин его, майор Кушелев, за свободу Раева определил 5000 рублей, вздумал занимать Раева разными работами, и от оных отделяя часть, составить капитал 5000 рублей, от которого участь Раева зависит.

Но г. полковник Юрьевич, видя, что не так скоро можно оный капитал 5000 рублей пополнить, имея в готовности около 1500 рублей, просил меня побывать у г. Кушелева и попросить сделать его условие на свободу Раева в том, что сумма 5000 рублей в течение полутора года будет ему непременно выплачена, а Раев до того времени мог бы, ходя в академические классы, выиграть время в получении направления своему назначению.

Г. Кушелев никак не согласился на мое предложение и требовал в то же время 5000 рублей за свободу Раева. Потом, через несколько времени, согласился получить 2500 рублей и другие 2500 рублей через шесть месяцев. Я попросил от него какой-нибудь записки, но он мне отвечал, что слова его дороже всяких записок. Спустя несколько времени я писал к нему, но ответа письменно не получил, а словесное повторение: «Я слову своему господин».

С. А. Юрьевич, не имея возможности в скором времени накопить 5000 рублей и по другим обстоятельствам, решился находящуюся у него сумму около 2000 рублей отослать в Комитет Общества поощрения художников и просить его принять участие в судьбе Раева, как молодого человека с дарованиями и прежде удостаивавшегося покровительства Общества.[2]

Академик Венецианов

1835

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ — АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ, ГОСПОДИНУ АКАДЕМИКУ ВЕНЕЦИАНОВУ [1]

12 декабря 1835 г.

Комитет общества поощрения художников рассматривал денежные свои отчеты; между прочим, принял к сведению, что 2-го октяб-

ря 1828 года Вы получили заимообразно из сумм Общества 1000 рублей.

Г.г. члены, не желая Вас обременять уплатою сей, хотя и незначительной суммы, предоставили мне известить Вас, что Обществу весьма было бы приятно иметь какое-либо Ваше произведение взамен означенных денег, и таким образом, этот долг уничтожился бы из наших счетов, к совершенному удовольствию г. г. членов Общества, искренне любящих и уважающих Ваш приятный и прекрасный талант. Я прошу покорно Вашего ответа для сообщения Комитету.

Председатель Общества поощрения художников
граф *Мусин-Пушкин-Брюс*

ИЗ ОТЧЕТОВ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ ЗА 1835—1836 ГОДЫ [2]

Г. Академик Венецианов доставил к покойному председателю картину, изображающую двух нагих женщин; [3] объявил, что он почтет за особенное удовольствие представить Обществу еще какой-нибудь опыт своих трудов в благодарность за оказанную доверенность.

1836

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ [1]

24 апреля 1836 г.

В прошлом 1835 г. Общество поощрения художников, снисходя моим просьбам, два раза делало ученику моему Михайлову [2] денежное пособие, давало билеты пользоваться академическими рисовальными классами. Михайлов делал весьма значительные успехи и в доказательство представил в распоряжение Общества его работу — картину «Кухарка», за которую императорская Академия художеств назначила ему в награду вторую серебряную медаль, я покорнейше прошу Общество поощрения художников: так как я отъезжаю из Петербурга на четыре месяца и Михайлова оставлю не на моей квартире, не могу ему дать содержание и нужного пособия, чтобы без отрывов серьезно кончить им начатую прошлого года в мае кар-

тину внутренности галереи Академии художеств и экспозиции, то покорнейше прошу Комитет Общества поощрения художников пожаловать Михайлову до возвращения по 50 рублей в месяц.

Академик Венецианов

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ [3]

28 апреля 1836 г.

Пункт 5. Г. член секретарь представил на уважение Комитета письменный отзыв г. Академика Венецианова от 24 апреля, в коем он, изъясняя, что Общество поощрения художников два раза уже делало вспомоществование ученику его Михайлову, который делает весьма значительные успехи, доказательством чему может служить представленная им в распоряжение Общества картина, изображающая «Кухарку», за которую императорская Академия художеств назначила ему в награду вторую серебряную медаль, просит об оказании ныне Михайлову вспомоществования, поелику сам г. Венецианов отъезжает из Петербурга на четыре месяца, а ученик его, Михайлов, оставаясь здесь для окончания приготавливаемой им к академической выставке картины «Внутренний вид античной галереи», не имеет обеспеченного содержания.

Комитет, в уважение просьбы г. Академика Венецианова и согласно его желанию, положил: производить г. Михайлову в течение четырех месяцев по 50 рублей, а картину его, представляющую кухарку, принять в собственность Общества.

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ [4]

30 октября 1836 г.

Г. член-казначей представил Комитету работу двенадцатилетнего сына майора Мичурина, Владимира Мичурина, [5] и при том довел до сведения, что этот юноша, оказывающий необыкновенные способности к рисованию, помещается, по его ходатайству, на жительство к Академику Венецианову, принимающему на себя обязанность содержать Мичурина и наблюдать за его успехами в академических классах.

По сему, его превосходительство Андрей Петрович [Сапожников] ходатайствовал о назначении ему ежегодно 300 рублей вдобавок к сумме, платимой майором Мичуриным г. Венецианову с тем, чтобы при дальнейших успехах выдача этой суммы будет продолжаться. Комитет вполне согласился.

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ [6]

8 ноября 1836 г.

Пункт 8. Доведено до сведения Комитета, что сын майора Мичурина не может по домашним обстоятельствам воспользоваться назначенным ему от Общества вспомоществованием, положено: принять это известие к сведению по делам Комитета и к данному по оному распоряжению по части казначея.

1837

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ [1]

1837 г.

Пункт 3. Комитет рассмотрел предложенные г. Академиком Венециановым семь картин его работы [2] и, известясь от г. Председательствующего, что г. Венецианов желал, чтобы эти картины были приобретены для Общества с выдачею ему ныне двух тысяч рублей, положил: из семи картин купить за 1500 рублей три, а именно:

«Вакханку лежащую»,
«Вакханку идущую» [3]
и «Девушку с зеркалом». [4]

Деньги за сии картины предоставить г. казначею выдать по мере возможности.

ЛОТЕРЕИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, РАЗЫГРЫВАЕМЫЕ ОБЩЕСТВОМ ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ [5]

1837 г.

Первая лотерея художественных произведений без проигрыша от Общества поощрения художников будет простираться на сумму 5 тысяч рублей и состоять будет из 1000 билетов, из коих каждый выигрывает. Цена билета 5 рублей ассигнациями.

Вот предметы, назначенные для розыгрыша в 1-ю лотерею Общества:

Масляные оригинальные картины:

Венецианова — Купающиеся женщины. [6]

Литохромии

С картин А. Г. Венецианова — Мальчик с топором. [7]
Мальчик с бураком. [8]

Все картины, копии, оригинальные рисунки и литохромии в золотых рамах или оклеены за стеклом.

Билеты на означенную лотерею получить можно на выставке Общества поощрения художников в заведении Снегирева и К°, что на Невском проспекте за Аничковым мостом в доме Бруна № 85. С 4 числа наступающего марта с 10 часов утра до 3 часов пополудни и там же можно видеть и произведения, предназначенные на продажу.

1838

2-Я ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛОТЕРЕЯ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ 1838 Г.[1]

Список художественным произведениям, назначенным Комитетом Общества поощрения художников во 2-ю публичную лотерею.

Вакханка лежащая г. Венецианова.
Девочка перед зеркалом г. Венецианова.
Мальчик с двумя девочками г. Венецианова.[2]
Вакханка с фруктами на голове.[3]

Литохромии

Пастушок с девушками с картины Венецианова.[4]
Мальчик с бураком. Его же.[5]

Литографии

Пастушок с девушками с картины Венецианова.
Капитошка Венецианова.[6]
Настя и Маша Венецианова.[7]

1839

3-Я ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛОТЕРЕЯ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ[1]

В 3-ю Художественную лотерею, от Общества разыгрывающуюся, входит 1000 выигрышей, состоящих:

а) из оригинальных картин, писанных масляными красками;
б) копий с мастерских оригинальных картин;
с) литохромий;
д) литографий...

Между оригинальными картинами, которых разыгрывается 41, находятся произведения известнейших художников нашей столицы — Шебуева, Егорова, Басина, Венецианова...

№ 7 — Деревенская женщина с лошадьми. Венецианова.[2]

⟨...⟩ Предметы, входящие в 3-ю Художественную лотерею, разыгрывающуюся от Общества поощрения художников, состоящие из оригинальных масляных картин, копий с мастерских произведений, литохромий, гравированных и литографированных эстампов, можно видеть в магазине Снегирева на выставке Художественных произведений от Общества поощрения художников, учрежденной в Большой Морской на углу с Каретным переулком в доме Жако № 12.

Там же продаются билеты на означенную лотерею, которая в непродолжительное время имеет быть разыграна.

1839

Л. В. ДУБЕЛЬТ[1] — А. П. САПОЖНИКОВУ[2]

14 марта 1839 г.

Милостивый государь Андрей Петрович!

На почтеннейшее письмо Вашего превосходительства от 9-го сего марта честь имею ответствовать, что тотчас по разыграпии лотереи картин, пожертвованных г. Венециановым в пользу детской больницы,[3] я с особенным удовольствием поспешу возвратить Вашему превосходительству в капитал Общества поощрения художников 1400 рублей ассигнациями, о выдаче которых ныне же просит г. Венецианов.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности

Л. Дубельт.

Надпись на полях: тысячу четыреста рублей получил Академик Венецианов.

1840

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ[1]

4 октября 1840 г.

Неоднократно пользовался я вниманием Общества к ученикам моим, и к удовольствию моему многие из них оправдали успехами своими пособия Общества, почему и теперь беру смелость предста-

вить двенадцать картин, из которых шесть самый первый опыт в красках ученика моего Антонова,[2] из сих картинок Общество изволит усмотреть его способности, и я, найдя в нем склонности к пейзажной живописи, дал ему теперь написать во дворце картину садика при Помпейской галерее.

Антонов самый бедный человек, имеет мать, проживающую скудными доходами с домика. Я бы желал, чтобы Комитет Общества принял сколько-нибудь из его картинок и пожаловал ему единовременно в пособие средства производить с успехом начатую во дворце картину.

Другие шесть картин ученика моего Бурдина.[3] Этот человек работает в Москве у подрядчика, имеет кусок хлеба, но не имеет пищи духу. В марте пешком пришел в Петербург и через знакомых упросил меня взять его с собой в деревню вместе с Антоновым, чтобы познакомиться с натурою, он у меня лето работал, написал прилагаемые шесть картин и доставил мне полное удовольствие любовью своей к трудам, отличным нравом и благоразумием, в нем более всего меня утешает то, что он понял свои недостатки и как у кого надобно учиться, чтобы быть художником. Я его посадил также во дворце писать маленькую церковь с противной стороны той, которую пишет для великих княгинь мой же ученик Венецианов.[4] Этому человеку нужно не единовременное пособие, а постоянное, по крайней мере, на год, почему умоляю Комитет Общества принять от него картинок столько, сколько благоугодно будет, пожаловать ему на скопирование единовременно и выдавать ежемесячно на содержание рублей по двадцати. Я уверен, что эти молодые люди оправдают Общества, как успехами, так и продолжением прекрасного поведения.

Академик Венецианов

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ[5]

11 октября 1840 г.

Пункт 5. Читано прошение Академика Венецианова о принятии в покровительство Общества двух учеников его Антонова и Бурдина с представлением на воззрение Комитета работ их.

Положено: принять их в покровительство Общества, взять у Антонова две, а у Бурдина три картины, выдать единовременно Антонову 150 рублей, а Бурдину 200 рублей ассигнациями с назначением последнему из них по двадцати рублей в месяц содержания.

1841

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ[1]

21 марта 1841 г.

Принося благодарность Комитету Общества за внимание к моей просьбе об учениках Бурдине и Антонове, утруждаю моей просьбой принять в свое покровительство еще одного из учеников Ивана Смирнова[2] (из мещанского сословия), который уже по милости Общества пользуется билетом для входа в классы Академии. Он теперь во дворце оканчивает картину с натуры «внутренность Помпейской галереи». За картиной этой ему нужно посидеть постоянно месяца два или три, следовательно лишиться постоянных средств к пропитанию, почему прошу Комитет Общества на это время пожаловать ему какое-нибудь содержание (теперь у него просто буквально сапогов нет).[3]

Академик Венецианов

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ[4]

Пункт 4. Читано прошение Академика Венецианова, в котором он ходатайствует о пособии ученику его Смирнову, в том уважении, что Смирнов, постоянно занимаясь написанием с натуры картины, изображающей внутренность Помпейской галереи Зимнего дворца, лишен в настоящее время постоянных средств к пропитанию и содержанию себя. Комитет положил: выдать Смирнову единовременно сорок пять рублей серебром.

1843

Л. К. ПЛАХОВ — Ф. И. ПРЯНИШНИКОВУ[1]

Апрель 1843 г.

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь Федор Иванович!

Пользуясь неоднократно лестными для меня милостями Вашими, совершенно на то без заслуг моих, и с точностью зная поощрения Ваши художественному искусству, коим Вы не перестанете покровительствовать, я осмелился и ныне прибегнуть к Вашему высокопревосходительству и покорнейше просить милостивого Вашего внимания.

В прошлом 1842 году, мае месяце, я отправился из Петербурга для собирания материалов к написанию картин образа жизни крестьян русских, и не имея к тому необходимых средств, я вынужден был прибегнуть с просьбою к Академику Венецианову, имеющему в Вышневолоцком уезде свое поместье, по возможности, доставить мне оные; получил на то его согласие и прибыл к нему в мае же с полною надеждою в самоскорейшем времени почтеннейше представить к Вашему высокопревосходительству усердные труды мои и тем доказать неиссякаемую душевную благодарность мою Вам и всему начальству моему за попечение использовать меня за границею, но не получа от него ни малейшей помощи, я вынужден был сперва приобрести знакомство радушных помещиков здешнего уезда, от чего Академик Венецианов, неизвестно мне, по каким причинам, старался отклонить меня, но уже в сентябре месяце я был принят помещиком Строниловым в доме, обласкан и с особенным удовольствием начал писать три картины,[2] которые и надеюсь в скором времени представить к Вашему высокопревосходительству.

16-го числа сего месяца временные мои благодетели получили от Венецианова письмо, которое имею честь представить в копии к Вашему высокопревосходительству и присовокупить, что Венецианов присваивает себе надо мною власть и покровительство, не имея на то никаких прав и моего согласия, а письмом своим нанес огорчение семейству, где я, кроме потребности жизни, имею средство писать картины, но все сии препятствия для меня не суть важны, но мысль, что Ваше высокопревосходительство может переменить Ваше мнение насчет меня, совершенно меня расстроила, почему я и осмелился просить Вас не верить словам г. Венецианова, ибо быть благодарным моему начальству и быть всегда честным человеком — это мой закон.

С полной надеждой на покровительство Вашего высокопревосходительства, имею честь быть всепокорнейшим слугой

Лавр Плахов[3]

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — Л. А. СТРОМИЛОВОЙ[4]

Копия

Апрель 1843 г.

Почтеннейшая наша Любовь Алексеевна!

Ежели у Вас Лавр Кузмич, то сделайте одолжение сказать ему, что Общество поощрения художников отягощено претензиями на него, присланными из-за границы.

Федор Иванович Прянишников и А. П. Сапожников мне не дают малейшего слова молвить в защиту Плахова, для того, что и Жуковский о нем пишет, а Плетнев мне сказал, что Шержинский[5] по ветренности своей не может кому-нибудь помогать, но свои здесь долги худо платит. Григорович более не секретарь Общества, а Резвой,[6] почему претензии сообщают через военного губернатора очень скоро, и вчера во дворце А. Л. Кавелин[7] мне сказал: «Поберегите Вашего Плахова. Его таланты от нерадивости гаснут, и моя филантропия потухнет».

Я пишу к Вам для того, почтеннейшая наша Любовь Алексеевна, что я сам здесь по делам моим лишнюю неделю побуду, а Лев Алексеевич,[8] как попечительный член даже Комитета Общества, вздумает своими мерами вытребовать Лавра Кузмича, то Вам наделают неудовольствия, почему можете объявить, что он в Сафонкове, и я, приехавши туда, пошлю какое-нибудь объяснение к Федору Ивановичу Прянишникову.

М. Д. РЕЗВОЙ — Л. К. ПЛАХОВУ[9]

2 мая 1843 г.

Милостивый государь Лавр Кузмич!

Господин вице-председатель Общества поощрения художников Федор Иванович Прянишников поручил мне по званию секретаря Общества сообщить Вам в ответ на письмо Ваше (полученное 29-го апреля), что Вы напрасно обвиняете г. Академика Венецианова в каком-то к Вам недоброжелательстве и намерении Вам повредить: многолетними трудами, стараниями и пожертвованиями г-н Венецианов доказал постоянное стремление свое помогать, наставлять и быть полезным возникающим отечественным талантам, посвящающим себя художествам. Он не имеет никакой причины действовать в противоположном смысле в отношении к Вам. Все, что сказано в письме его, приложенном Вами в копии, не обнаруживает желания оклеветать, но только предостеречь Вас, ибо невыгодные о Вас слухи действительно могут Вам повредить, если Вы не примете мер к опровержению их своими поступками.

О некоторых долгах Ваших в Дюссельдорфе и о письме по этому поводу Василия Андреевича Жуковского, с препровождением счетов, сообщаю Вам официально, в отзыве господина вице-председателя от 19 апреля, № 672. От Вас зависит доказать, что Вы достойны внимания и дальнейшего покровительства Общества. Еще до отъезда Вашего за границу Вы показали первыми трудами своими, что имеете примечательный талант.

Вызовите его из бездействия, выкажите его в новых, достойных Вас произведениях, опровергните обшедшую Вас молву и будьте уверены, что Общество поощрения художников, всегда готовое поддержать даровитых и добросовестных соотечественников своих, не оставит Вас без помощи и покровительства. Докажите, не словами, а действиями, что Вы того заслуживаете.

Исполняя сим поручение господина вице-председателя, я имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугой

М. Резвой

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ—А. Г. ВЕНЕЦИАНОВУ [10]

2 мая 1843 г.

Милостивый государь Алексей Гаврилович!

До отъезда Вашего из Санкт-Петербурга Вам угодно было чрез господина члена А. П. Сапожникова представить в Комитет Общества поощрения художников некоторые работы учеников Ваших Чернышева [11] и Герасия. [12]

Усматривая из этих трудов развивающиеся под просвещенным руководством Вашим способности этих юных художников и желая ободрить их, Комитет положил выдать им поощрение двести рублей ассигнациями. О доставлении этих денег к Вам для передачи их по усмотрению Вашему г.г. Чернышеву и Герасию дано надлежащее разрешение бухгалтеру Общества 9-го класса Савину.

Успехи этих молодых людей суть новое доказательство постоянных попечений и усердия Вашего на пользу художников и художеств, и потому Комитет постановляет приятною для себя обязанностью изъявить Вам вновь свою признательность.

Примите уверения в совершенном почтении, с которым имею честь быть, милостивый государь, Ваш покорнейший слуга.

По неимению адреса художника Плахова, которого жительство Вам известно, Комитет покорнейше просит Вас, милостивый государь, принять на себя труд прилагаемые два конверта доставить по принадлежности.

1846

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ [1]

4 декабря 1846 г.

Благодаря вниманию Комитета Общества поощрения художников к труду племянника моего Эрасси питаю себя чистейшею

благодарностью и полною уверенностью, что и впредь Общество не лишит своего внимания успехов Эрасси.

Этот молодой человек занимается у меня в деревне два года писанием с натуры и рисованием с гипсов, у него нет пылкого дару, но любовь к искусству и прилежание примерны. Теперь он в первый раз копирует пейза́ж Куккука[2] и ходит в академический гипсовый класс.

Я отъезжаю в деревню и счастливейшим себя почту, ежели Комитет Общества удостоит Эрасси поручить надзор за ходом занятий его в живописи и рисовании благоразумно почтеннейшего члена Общества Андрея Петровича Сапожникова.

Академик *Венецианов*

IV. ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ

Н. П. ВЕНЕЦИАНОВ.[1] МОИ ЗАПИСКИ. 1845—1850 (?)

Родился я в городе Ставрополе 1817 года 28 генваря, а 4 февраля день моего ангела. Дедушка Коля меня очень любил и баловал, да и бабушка Анна[2] не меньше любила; они всегда мне дарили подарки и конфеты, я был первенцем в семье. Когда мне исполнилось 8 лет, отец мой пригласил учителя из военных писарей, Полежаева, это было 15 марта 1825 года; он учил меня читать, писать палочки, буквы, цифры, и так я учился дома два года. 7 апреля 1827 года к нам на Кавказ, в Ставрополь, приехал из Москвы мой дядя, военный доктор Ратников;[3] у него детей не было, он был старшим начальником военных врачей. Погостил он у нас до 20 мая, попросил моего отца взять меня с собой в Москву учить в гимназии; мне очень не хотелось ехать, но отец мой согласился. 21 мая 1827 года мы выехали из Ставрополя в Москву;

во время нашей поездки было много приключений, как, например, колесо сломалось, то чекушка из оси потерялась, колесо соскочило, то наша душетряска в грязь завязла; провозились мы три часа, вытаскивая из грязи, наконец-то вытащили, много было еще приключений. 29 июня мы приехали в Москву на большую Молчановку, в дом Ратникова, дом дяди рядом с церквой Николы на курьих ножках. Тетя Люба[4] и сестра дяди нас встретили очень радостно, а меня они зацеловали, еле-еле я вырвался от них. На другой день я, дядя и тетки отправились в коляске к дедушке Гавриле[5] в Таганку, у него была небольшая квартира над лавочкой. Лавочка тоже была крошечная, близ Покровского монастыря, а на Воронцовской улице у дедушки был сад и огород, в саду много было груш, яблок, крыжовника, смородины, а цветов разных — тьма-тьмущая. В сарае была приделана одна комната для огородника, в которой жил Федор с женой. Посреди сада был большой колодец, из которого поливали цветы и огород. Дедушка рассказывал, что в 12-м году французы его совсем разорили, сожгли дом, лавку и все, все пропало, остался он ни с чем, только и было, что захватил с собой деньги и золотые вещи; хотя у него были лошади, но их взяли для войны с французами; осталась одна лошадь и телега, на которую он уложил, что мог, а сам с бабушкой и дядей Ваней[6] и детишками[7] отправился в деревню Бронницы. Весной дедушка возвратился в Москву обратно, выстроил небольшой домик. Из одной комнаты он сделал лавку и стал опять торговать, но торговля была не такая большая, как до французов. Дядя Алеша[8] дал дедушке денег и очень жалел о своих портретах и картинах. Дядя Алеша прожил у дедушки три недели и уехал опять в Петербург.[9]

⟨...⟩меня они зацеловали. 10 августа сего года [1827], в 9 часов утра я с дядей отправились в Первую гимназию. Я выдержал экзамен в I класс. 16 августа был молебен в гимназии, а 17 августа начались занятия. 22 августа приехал к нам мой двоюродный дядя Алексей Гаврилович Венецианов из Тверской губернии, из своего имения, кажется, из села Сафроновки или Сафоновки,[10] хорошо не помню; он занимался в Петербурге. У нас прожил до 18 сентября; в это время он нарисовал красками дядину сестру, Веру Ратникову, в половину роста, по пояс.[11] Я долго любовался на этот портрет: она, как живая, была нарисована. Дядя Алеша учил меня рисовать карандашом стол, стул, самовар и много других предметов комнатных; у него выходило как настоящие предметы, а у меня все кривые, мне очень было досадно, что у меня так не выходило. Дядя Алеша говорил: «Постой, когда ты вырастешь и полюбишь рисование, то и ты будешь так рисовать». Когда дядя А. Г. Вене-

цианов уехал в Петербург, мне его очень было жалко, что он уезжает, много он нам показывал своих картин, одна другой лучше. 27 апреля 1828 года я перешел во II класс; после экзамена, 8 мая, мы поехали к Сергию Троицы и прожили там до 2 августа, а 15 мая у нас начались занятия. 28 марта 1829 года тетя забыла на треугольнике зажженную сальную свечу в столовой; это было поздно ночью, я уже спал, занавесь загорелась, а затем стена и рама, дядя разбудил меня, я вскочил, смотрю — кругом все горит, бегу в гостиную, чтобы выбежать в парадную дверь на улицу, но увидел портрет тетушки Веры; я вскочил на стол, схватил за раму, дернул его вниз, оторвал с гвоздем и выбежал на улицу. Прибежало много народа, стали ломать рамы в окнах и выбрасывать из комнат вещи и выносить через парадную дверь; из ведер плескали водой, чтобы погасить огонь, но приехали пожарные и погасили огонь; картину я держал в руках, но дядя подошел ко мне и велел положить картину на вещи; я положил ее, он взял меня за руку и повел к соседу Соколову, оставил меня там, а сам ушел смотреть за вещами. На другой день оказалось — много вещей пропало, и мой любимый портрет; дядя говорил: много вещей украли, но мне больше всего было жалко портрет. 21 апреля отец мой прислал письмо из Ставрополя с знакомым купцом и просил, чтобы дядя меня отправил с ним в Ставрополь, но дядя сказал, что он сам меня отвезет. 23 апреля 1829 года из Петербурга приехал двоюродный дядя Алеша и остановился опять в доме доктора Ратникова; я в первый раз в жизни видел двоюродного дядю Ал[ексея] Гавр[иловича] Венецианова.[12] 30 апреля мы получили письмо от моего отца из Ставрополя, в котором он просит дядю В[ладимира] Р[атникова] отправить меня обратно на Кавказ. Пишет, что он очень соскучился обо мне. 4 мая сего года я и оба дяди, В. Ратников и А. Венецианов, отправились в трясодушке, отправились домой.[13]

⟨...⟩В дальний путь на мою родину. 28 мая, в 9 часов вечера, мы приехали в Ставрополь к моему отцу. На радости я проболтал с братьями до часа ночи и несмотря на то, что я очень устал. Папа был очень рад приезду своих двоюродных братьев; да родной брат Алексея Гавриловича: дядя Павел,[14] от радости заплакал; он не видался 16 лет со своим родным братом [Алексеем] Гаврил[овичем]. Дядя Павел жил у моего отца и вместе торговали. Дядя Алеша нарисовал отцу на память большой образ на деревянной доске, пять святых — Марию-Магдалину, Павла, Николая, Марфу, Михаила-Архангела, а на полотне он нарисовал в саду у нас группу: мамаша разливала чай, папа сидел в конце стола, брат Вася и Афанасий[15] играли на траве с кошкой, дядя Павел сидел рядом с дядей Алешей, дядя Володя сидел рядом с папой, я сидел рядом

с мамой, а няня стояла и держала Олю[16] на руках. Еще он нарисовал старую няню в шлычке и Прохора-дворника, которого звали «растрепа». Прохора и нянин портреты дядя увез с собой в Москву. 3 июля оба дяди, Алеша и Володя, уехали в Москву.[17]

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА 1845 ГОДА, ГЕНВАРЯ 15 Д[НЯ]. г. СТАВР[ОПОЛЬ]

Чуть помню дедушку Николая Юрьевича, ему фамилия была тоже Венецианов, а маминого отца звали Григорий Лукашенко. Дедушка Николай Юрьевич рассказывал часто, как он приехал со своим отцом в Россию из Эпирского местечка, гор. Багдарии; фамилия им была в Греции Михапуло, а в России их прозвали Венециано; он помнит и своего дедушку и бабушку; дедушку его звали Иваном, а бабушку — Анжела.[18] Мой дедушка плохо говорил по-русски, страшно искажал слова, его трудно было понимать. Он говорит, что они переехали из Греции в город Нежин и поселились там; дедушка стал торговать, купил себе домик и землю. Дедушка тогда был очень маленький, 7 лет; из Нежина он и братья переехали в Чернигов; они жили очень богато; когда дедушка и его брат Гаврила[19] вырос большой, они уехали из Чернигова в Москву; в Москве остался брат его Гаврила, а он уехал в Ставрополь, в станицу Суворовскую, и поселился там. Стал торговать, а когда он стал богатым, переехал в Ставрополь; он говорит, что он назвал поселок Ставрополем и был членом городского правления. Торговал он на верхнем базаре. Дедушка умер, а мой отец и три брата его, Афанасий, Михаил и Павел,[20] стали вместе торговать, а затем разделились и стали в разных местах, на разных улицах, торговать. Мой [отец] Павел и дядя Павел остались торговать на верхнем базаре, у них торговля шла очень хорошо. В 1830 году к нам приехал из Москвы дядя Алеша, которого мы звали живописцем, и дядя с тетей Ратниковы. Как раз у меня был последний экзамен в гимназии по латинскому языку, я в этот день отправился на экзамен в 9 часов утра, 8 мая 1830 года возвратился с экзамена, который я выдержал. Прихожу домой и вижу — у нас гости, которые мне очень знакомы; я бросился к ним целовать, как и от радости не знал, что им говорить; они задавали мне вопросы, а я отвечал невпопад. Когда я успокоился немного и привел себя в порядок, дядя Алеша мне говорит, что они приехали за тем, чтобы взять с собой в Москву, и спрашивают, что я — согласен ехать с ними или нет. Мне очень стало жалко папу и маму, но, признаться, и очень хотелось ехать в Москву; я тихо сказал дяде Алеше: «Очень хочу ехать, но папа меня не пустит».

Мне исполнилось 18 лет, я был в Ставропольской гимназии, в VI классе, отец мой взял меня с собой в Москву за товаром; я был очень рад. 1830 года,[21] 7 июля, мы приехали в Москву и остановились у дедушки Гаврилы. Он был очень рад нашему приезду. Я сильно устал и лег спать; на другой день мы отправились к дяде Ване;[22] он часто хворал, да и мы его застали совсем больным; он был сильно расстроен, потому что тетя от него сбежала; он жил с своим сыном, доктором Аркадием.[23] Жили они очень хорошо; дядя Ваня служил почтовым чиновником в Москве на почте, он был на телеграфе и заведовал им. Дядя Ваня написал письмо дяде Алеше в Питер; он приехал повидаться с нами.[24] Дядя Алеша любил рисовать; он мне рассказывал; когда он был мальчиком, то он много рисовал с картин и любил рисовать своих товарищей карандашом и щетинным пером; за это ему доставалось очень от дедушки и от бабушки, а больше всего ему доставалось от учителей в классе; за это однажды чуть не выгнали из пансиона. «И я всегда рисовал украдкой, а в особенности от учителей, которых я боялся. Но когда я был в V классе, я смело завоевывал свое любимое занятие и рисовал красками, да не водяными, а масляными, и не на бумаге, а на полотне, и, бывало, по целым дням пропадал по воскресеньям у одного живописца Пахомыча. Этот старичок меня очень любил и учил, как составлять краски и как делать рамки, то есть подрамки, как обтягивать полотно на подрамку и как полотно прокрашивать и просушивать, и как на этом полотне сначала нарисовать карандашом, а затем отделывать красками. Но вот беда моя,— говорил дядя Алеша,— что не умел я так рисовать карандашом, а по карандашу красками; сколько я учился, а все не научился и рисовал прямо красками, и мой Пахомыч сильно досадовал и говорил, что ты никогда не научишься рисовать, а когда однажды я нарисовал брата Ваню в красной рубашке,[25] он удивился и очень похвалил меня и велел всегда так рисовать, прямо красками; он принял во мне большое участие и просил отца, чтобы отец мой отдал меня к хорошему мастеру по рисованию, но отец и слушать не хотел. У Пахомыча было много знакомых, которые хорошо рисовали во дворце, были царские и боярские художники; эти художники стали меня учить, как правильно нужно рисовать, но я их не понимал, они рассердились на меня, разругали меня и Прохорыча, плюнули и ушли; так я их больше не видал; когда же я вышел из пансиона, то я поступил в чертежное управление; мне платили жалованье 5 рублей ассигнациями; послужил я чертежником три года; меня назначили помощником землемера в Санкт-Петербург. Вот тут-то я познакомился с хорошим художником, профессором Боровиковским, который принял большое участие во мне. Вот тут-то

я понял, как нужно правильно рисовать. Хотя он и профессор, но все же очень часто сердился на меня, что я все по-своему стараюсь рисовать; иногда он молчал, когда я им заданный урок исполнял, а иногда делал замечания и удивлялся, что я не понимаю его. Но, признаться, он мне очень много помогал, хотя у меня была привычка рисовать по своему пониманию». Когда я спросил у дяди Алеши, сколько он нарисовал картин, он мне сказал: «С детства карандашом и масляными красками, углем, акварелью и пастелью и чернилами, считая с 1792 года, я записывал в свою книжечку и по сей год более двухсот двадцати картин разных; у меня осталась дома эта памятка, в которой я записывал числа, год и кого рисовал. На Кавказе я нарисовал девять картин масляными красками. «Как ты думаешь, кого я рисовал?» Я ему сказал: «Папу и маму моих, и дядю Павла, и нас всех в саду за чаем, а еще кого, не помню... нет, помню: дворника Федора, Матрену-няньку в шлычке и образ пяти святых — Николая, Марфу, Марию, Михаила-Архангела и Андрея, на большой доске». — «Ну вот, ты помнишь хорошо, Коля, а хочешь ты учиться рисовать?» Я ему говорю, что очень хочу, но не умею, а дядя Алеша говорит: «Я тебя буду учить рисовать, и ты поедешь со мной в Питер». Как дядя Алеша и дедушка Гаврила стали упрашивать моего отца, но он не согласился. В Москве мы прожили месяц, а дядя Алеша остался еще недели на две; он рисовал портрет дедушки, дяди Вани и двоюродного моего брата Аркадия, доктора. Остался он только потому, чтобы окончить портрет дедушки. Мы с отцом уехали на Кавказ, купили много товару, так что я и не видал, что дядя окончил портрет дедушки Гаврилы или нет... Осенью, в сентябре, мы получили письмо от дяди Алеши, и от дедушки с бабушкой письмо, в котором дядя пишет из Питера, что он доехал благополучно и все его в доме благополучно живут, и картины тоже целы. Я всегда любовался его картинами, как он хорошо и скоро их рисовал, и как похожи те, которых он рисовал, ну, как живые, только не дышат и не говорят. В особенности хорошо он нарисовал дядю Ваню пушистой мягкой кисточкой; у него было три палитры, одну он сам делал из доски, четырехугольную с полукруглыми краями; на другой стороне нарисована его семья; тетя Марфа и две дочки с котенком в руках; на этой палитре вырезаны год, месяц и число, а внизу, на правом углу: «А. Г. Венецианов». Эта палитра мне очень нравилась, потому что на ней очень хорошо нарисованы мои двоюродные сестры и тетя,[26] которых я никогда в живых не видал. Мне о них рассказывали дядя Алеша и дедушка Гаврила и бабушка Анна. Бабушка Анна часто говорила:[27] когда она была молодой и жила у своих родителей, то дедушка Гаврила очень лю-

бил ее брата Александра и был у них как свой человек; потом он женился. «Я за него вышла замуж в 1778 году, 26 апреля». Бабушкина фамилия была таганского купца Калашникова, а мать ее была дочь священника Александровского. Еще бабушка рассказывала, что ее родители были очень богатые и им жилось очень хорошо. Дедушка и бабушка нам рассказывали, как сказку, про французов, которые их разорили и все сожгли. Бабушка не могла говорить это без слез, что когда они возвратились из Б (*нрзб*), то увидели почти голую площадь, только торчали полуразрушенные стены каменных домов, а деревянных домов ни одного не уцелело во всем квартале, только остались одни угли; по углям можно было узнать улицы, а домов нигде [нет], чем был дом невозможно было найти, потому что по всем улицам разбросаны угли и обгорелое дерево. «По некоторым каменным фундаментам мы разобрались и отыскали свои бывшие домики. Вот приехал наш сынок Алеша из Питера, он нам построил домик и лавочку да еще дал денег, а то бы с голоду можно было умереть; но дай бог ему и его деткам и его жизни всего лучшего: он не забывает нас, его бог не забудет; он нам выхлопотал от царя-батюшки пособие, и вот теперь мы опять живем, слава богу, очень хорошо». Дядя Алеша рисовал много памятников для мрамора на могилы и на них делал надписи и говорил, чтобы это памятники были все для нашей родовой фамилии в Москве и что он приедет умирать в Москву, а не в Питере. Эти рисунки нам показывал дедушка и смеялся, что Алеша все приготовил, только осталось умереть. Алеша купил место на кладбище в Покровском монастыре, сделал ограду чугунную и поставил памятник дедушке один с бабушкой, себе с тетей Марфой и дяде Ване.[28] Удивительно, дядя Ваня никогда нам не писал ни одного письма, а дядя Алеша присылал письма, в год 3 или 4 письма. Он нам писал, когда умер дедушка, бабушка, дядя Ваня, брат мой двоюродный Аркадий. Все они умерли в 30-х годах.[29] Последнее его письмо папа получил в 1846 году, 27 декабря; он писал так: «Осталось у меня только в живых, близких моему сердцу две дочки, остальные все умерли; самая большая для меня была потеря моей дорогой Марфуши, которая зовет меня к себе днем и ночью; я чувствую, что долго не наживу, уйду к ней; без нее жить трудно, работать не могу, стал, как младенец, ничего не соображаю; хочу рисовать Этюд, а у меня получается корова, хочу писать свой дом в именьице, а у меня получается ковчег Ноя; видно, мысль и разум мои взяла с собой Марфуня, лучше бы она взяла меня с собой. Дорогой Павел, ты пишешь, что мы все уйдем искать своих прапрадедов и живыми мы не вознесемся, в этом здравый человек не может быть уверен и не должен этого искать. Но ты пойми, что

лучше было бы умереть вперед мне, а не матери, без которой я и дети как слепые; скажу тебе одно — без матери дом глохнет, без отца — дом сиротеет и беднеет». Это письмо было написано на четырех листах; переписывать мне надоело, а поэтому я его вкратце на память записал; я дяде Алеше послал письмо, в котором его просил мне прислать картинку или рисунки какие-нибудь, а главное, мне хотелось получить палитру его работы и список его картин, но он мне не ответил на письмо. После смерти моего отца я получил письмо из Твери от двоюродной сестры Фелицаты — это было 1847 года,— что дядя Алеша умер и они уезжают в Петербург; больше я ничего не знал о них, Фелицата мне не написала адреса. Дядя Ратников и жена его и сестра его умерли тоже в 1843 году; так осталась наша родовая фамилия на Кавказе и только на Кавказе. Есть еще Венециановы у нас в Ставрополе, но только это не Венециановы настоящие, а Мурлеевы. Мурлеев был воспитанник моего отца, его отец мой взял для того, чтобы его воспитать до воинской повинности, вместо меня. И вот, когда он вырос, то, отец мой был чудак, вместо того, чтобы его отдать, он отдал меня в солдаты, а Мурлеев остался у отца торговать. Если бы была жива мать моя, то я бы не служил в солдатах, а служил бы Мурлеев-Венецианов. Вот тут я и вспомнил дядю Алешу и его последнее письмо про мать; действительно, без матери — дом пустота, а без отца — дом сирота. Я подумал, лучше бы был дом сирота, нежели пустота, эта пустота, ах, как она тяжела и грустна; мой милый дядя Алеша, как ты прав и как ты умен...

А. А. ВЕНЕЦИАНОВА. ЗАПИСКИ. [Начало 1860-х гг.] [1]

Желание писать и мои воспоминания родились во мне с тех пор, как после смерти моего отца в первый раз появилась его биография; такие биографии повторялись и повторяются доныне; [2] но все они пишутся людьми или мало его знавшими, или, то по слухам, то по догадкам, делавшим о нем весьма одностороннее представление.

В прошлом 1861 году в июльской книжке журнала «Время» появилась статья Марии Каменской под заглавием «Знакомые», [3] в которой она хоть под именем Шопотковых, но так явно описала наше семейство, так беспощадно истерзала насмешками и ложью всю добрую память о моем отце и для своего красного словца не пощадила и моей матери, что давно таившееся в душе моей желание взяться за перо для того, чтобы как дочери вернее других написать об отце все, что знаю, разгорелось в ней еще сильнее.

Я не защищать намерена моего отца,— его слишком хорошо знали многие и не с такой стороны, какую представила эта писательница, защита памяти моего отца не нужна,— а я только хочу иметь удовольствие верно и беспристрастно написать мои о нем воспоминания.

Алексей Гаврилович Венецианов родился в Чернигове, отец его Гавриил Юрьевич был грек, природный дворянин, по фамилии Венециановых — Фармаки; в Черниговской губернии у него было поместье.[4] Впоследствии он переехал в Москву, имел хорошее состояние, но пожар 1812 года лишил его большей части имущества.

Из трех сыновей, которым он дал прекрасное образование, Алексей Гаврилович исключительно любил науки и искусства, в особенности живопись. По окончании воспитания в Москве в пансионе он поступил на службу в Петербург по почтовому ведомству. Служба сначала не мешала ему заниматься живописью, но потом, когда, питая к ней страсть, он познакомился с Эрмитажем, то страсть эта усилилась до такой степени, что он оставил службу и посвятил себя исключительно живописи.

Лет тридцати женился он по любви на одной бедной девушке, которой родители жили в маленьком своем именьице Тверской губернии Ржевского уезда, а она воспитывалась у родственников в Петербурге, где отец мой увидел ее, влюбился и женился.[5]

Говоря о человеке, которого столь многие знали и любили, мы приведем здесь слова, взятые из статьи, писанной о нем в 30-х годах в «Русском инвалиде»:

«Венецианов — при сем имени равно любезном и живописи, и благотворению — благословение сему достойному уважения художнику невольно вырывается из сердца».[6]

Это немногие слова довольно верно определяют свойства, которыми украшалась жизнь этого истинно редкого по душе и замечательного по таланту человека.

Умом и образованием своим он сам себе помогал подвигаться в живописи; неутомимо трудился в Эрмитаже, изучая всех великих творцов, и наконец удалился в деревню, где на просторе стал учиться, «срисовывал сельские виды, размышлял в лесах, на гумне, подсматривал природу на месте и сделался сильным в перспективе, в уменье дать тон краске самый точный, самый истинный».[7]

Сознавая в себе более силы и знания, он возвратился в Петербург. Здесь, исполняя назначение свое, он открыл в себе еще другое: образование молодых людей, в коих заметил талант в живописи; это назначение он исполнял как истинный христианин, ибо большею частью развивал эти таланты безвозмездно и всегда бескорыстно.

Каждый самородный гений, сознавший в себе призвание к искусству, стремился с первыми опытами обращаться к Венецианову, который всегда с любовью и приветствием встречал юношу, ободрял, поощрял его и, руководствуя, доводил наконец до окончательной степени совершенства.

Так как нередко такие таланты проявляются в низшем классе людей, то к Венецианову иногда являлись мальчики, находившиеся в крепостном состоянии; но вступить на поприще художества нельзя было иначе, как быв свободным.

Венецианов и тут был покровителем и благодетелем: не имея сам состояния, делал сборы, лотереи и собирал таким образом по две и по три тысячи рублей и выкупал на волю юношей; в сборах таких принимали участие их императорские высочества великие княжны Мария,[8] Ольга и Александра Николаевны, которые, узнавая о деле Венецианова, милостиво исполняли его просьбы и, то через В. А. Жуковского, то через графиню Ю. Ф. Баранову,[9] пересылали деньги, которыми пополнялись суммы выкупа.

Трудясь таким образом вполне неутомимо, Венецианов составил у себя школу как из приходящих, так и из живших у него в то время учеников. «Школа эта процветала, работы учеников его заявляли действие легкой методы, в которой он знакомил юношей с правилами перспективы, с истинными тонами красок и верностью рисовки. Он постановил исполнительную часть живописи на правилах перспективы и оптики; по сим правилам вел молодых людей, которые своими успехами на опыте подтверждали пользу и преимущества этой методы. Свидетельством этому были академические выставки, на которых половины комнат занимались произведениями учеников его...» («Русский инвалид», 1830 г., Статья о выставке императорской Академии художеств).[10]

Кто не помнит девочку с тамбурином? Сколько наделала она шуму и как публика толпилась у этой картины.[11] Кроме того, ученики Венецианова были рассеяны по всему Эрмитажу и писали там перспективы разных комнат. Императорская фамилия, проходя по залам, иногда удостаивала внимания трудящихся, спрашивала: «Чей ты ученик?» — и, когда работа шла хорошо, приказывала кончать и представлять себе картины, награждая художников драгоценными подарками. Однажды Венецианов стоял у картины своего ученика Ковалькова, у которого прекрасно шла работа и радовала учителя; в это время подходит к картине императрица Александра Федоровна, любуется ею и спрашивает фамилию художника, Венецианов в ту минуту забыл настоящее его имя и назвал первое, которое пришло ему на мысль: «Михайлов, ваше императорское величество»,— говорит он. Императрица картину взяла, и Ковальков с той

минуты сделался Михайловым. Это был тот самый, который потом перешел к Брюллову и так успешно и прекрасно работал за границей.

Польза, приносимая Венециановым художеству, не ускользнула от внимания государя императора Николая Павловича. В 20-й день января 1830 года государь всемилостивейше возвел его в звание живописца его императорского величества с жалованием по 3000 рублей ассигнациями в год, а в 22-й день января того же года пожаловал ему орден Владимира 4-й степени «по уважению от личных дарований и в награду успешного и долговременного образования им в живописи молодых художников» — сказано в высочайшей грамоте.

В статье, написанной А. Н. Мокрицким о Венецианове с большею теплотою, ошибочно между тем сказано, что все эти награды получены Венециановым за картину «Гумно», где как перспектива, так и удаление света с трех точек поражали верностью и прекрасным колоритом. Картина эта была написана в 1821 году и представлена государю, и за нее был дан драгоценный перстень. Это была первая русская перспектива.

Учеников Венецианова Тыранова, Плахова, Денисова послали за казенный счет за границу. И из не бывших за границей многие делают честь учителю, как, например, профессор Зарянко: он любит своего учителя до такой степени, что не признает никакого руководства лучшим, всегда относит все свои успехи своему наставнику и, получив профессора уже после смерти Венецианова,[12] он на другой же день прежде всего полетел объявить свою радость дочерям Венецианова, выражая искренне благодарность памяти их отца. Он нарочно ездил в деревню, где похоронен Венецианов, и служил панихиду на его могиле.

Из последних учеников его были Славянский, теперь академик, Эрасси, тоже академик, Васильев, писавший так много прекрасных портретов. Всех учеников у Венецианова перебывало более семидесяти человек, и которого не встретишь, каждый говорит о нем с особенным чувством признательности.

Славянский считал его своим отцом и благодетелем; портрет, который он сам написал с своего наставника, служит тому доказательством. Вся семья его, жена и дети, подходя к портрету, рассказывают о нем подробности, как будто сами знали дорогого дедушку, как выражаются дети.

Между тем Венецианов был неутомим в собственных трудах. Множество его произведений, рассеянных повсюду в России и даже за границей, служат доказательством его деятельности. Работы его были притом так разнообразны, что нельзя определить,

к какому роду живописи отнести труды Венецианова. Он всегда говорил и доказывал на деле, что истинный художник не должен стесняться избранием рода живописи, он может только любить один род более другого, но доступны ему должны быть все одинаково.

«Дело в том,— говорил он,— что надо верно изображать видимые предметы, какие бы они ни были, головы, целые фигуры, деревья, пейзажи, перспективы, и что имеющий истинное знание в живописи не станет определять себя к одному или другому роду». Оставшиеся после него записки о правилах перспективы и вообще о живописи, им самим составленные, доказывают, как велики были его познания в этом предмете. Венецианов писал образа, головы, перспективы; перечтем же из них, которые припомним, из образов его замечательные: в соборе Смольного монастыря запрестольный образ предстательства божьей матери,[13] в правом и левом приделах над царскими дверьми господь Саваоф и Сошествие святого духа; в царских дверях спаситель и божья матерь. В Синоде три святителя: Петр, Александр Невский и Николай чудотворец. В Обуховской больнице почти весь иконостас. В Варшаве четыре евангелиста. В Малороссии несколько образов.

Картины: у императрицы Александры Федоровны, у государей Александра Николаевича, Николая Павловича, у великой княгини Марии Николаевны, у всех по нескольку картин; у Марии Николаевны, между прочим, «Мать учит детей молиться». У Прянишникова[14] — «Причащение умирающей», «Голова старухи».[15] У покойного Паскевича[16] копия с «Мадонны» Рафаэля, у Дундукова-Корсакова,[17] у Корнилова,[18] у Панаева[19] — и картины, и образа, и у многих других повсюду есть его работы. В Москве в биржевом зале — «Петр Великий, замышляющий построение Петербурга».[20] В Эрмитаже и дворцах.

Вспоминая о Венецианове как о художнике, нельзя не вспомнить его домашней жизни: он жил просто, не делал пиров, ни обедов, но скромная трапеза его всегда разделялась между искренними друзьями. Ум и доброта его привлекали к нему каждого; у него собиралось самое образованное общество художников и литераторов, все находили удовольствие проводить у него вечера. Гоголь, Гребенка,[21] Воейков, Краевский и другие бывали у него нередко.

О художниках и говорить нечего: Брюллов часто бывал у него: приходил как вздумается, иногда во время обеда или часу в двенадцатом вечера и говорил всегда, что приходит к Венецианову отдыхать и очищаться после оргий у Яненко и Кукольника. В такое время Брюллов был неподражаем, начинал рассказывать о своей заграничной жизни, мечтал о будущей, возносился в небеса, уверял, что одно его желание есть то, чтобы кончить дни у гроба господня,

приводил всех в восторг своим разговором и однажды, уходя, сказал Венецианову: «У вас сегодня был небесный вечер».

Несмотря, однако же, на неутомимость Венецианова, силы его слабели; он не мог уже так много работать, как прежде, и, не имея состояния, без работы жить в Петербурге не мог, почему и должен был с семейством удалиться в деревню. Там нашлась новая пища его деятельности и благотворению: работая сам, он отыскивал себе новых учеников, которые как бы по чутью добирались до него из разных уездов, и, если то случались крепостные люди, Венецианов, уверяясь в их способности, выпрашивал их у помещиков, убеждая дать им свободу; иные помещики, конечно, пользуясь случаем, запрашивали страшную цену, уверяя, что сами лишаются человека, способного украшать и красить их комнаты в усадьбах. Венецианов готов был соглашаться на всякий их запрос, лишь бы высвободить из неволи талант, могущий стать наравне с известными.

И опять работа, опять Венецианов едет в Петербург, хлопочет, собирает, освобождает и открывает человеку путь, о котором он не смел и во сне мечтать. Таков был Венецианов, жизнь которого, как бы она ни была непродолжительна, могла бы быть полезна, ибо до конца дней украшалась добродетелями, но богу угодно было прекратить его дни.

Мы уже сказали, что он трудился и последнее время готовился писать иконостас по заказу Тверского предводителя дворянства Кожина, для церкви в г. Калязине. Между прочими образами надо было писать и св. Макария Калязинского, для которого предводитель прислал Венецианову дощечку от гроба угодника, на ней предполагалось писать образ.

Написав эскизы, Венецианов собрался с ними в Тверь, показать все Кожину и уже окончательно переговорить о предстоящей работе. Перед отъездом он был особенно грустен, что было несогласно с его веселым и любезным характером. Никто не знал, как он писал к своему духовнику и просил его к себе приехать, обрадовался ему, целые сутки с ним беседовал и говорил, что в то время, когда ему предложили писать образ Макария, он затруднялся исполнить и хотел где-нибудь достать образ этого угодника, как вдруг видит во сне и образ, и дом, в котором он может достать его. Действительно, образ нашелся у одного помещика, где бывал Венецианов, но не знал о существовании там этого образа. Это обстоятельство и радовало, и приводило в уныние Венецианова, он говорил духовнику, что сам не знал, почему ему грустно.

Через несколько дней, 4-го декабря 1847 года, рано поутру он выехал из своей усадьбы в Тверь. Была гололедица, экипаж его

легкий и лошади молодые; отъехав двенадцать верст, лошади начали беситься: кучер предложил вернуться и переменить лошадей, но Венецианов не согласился, говоря, что обойдутся; отъехав еще десять верст и подъезжая к соседней усадьбе, надо было спускаться с горы; здесь лошади опять стали беситься и уже удержать их не было сил; оборвалась вожжа, лошади понесли и, въезжая в ворота, ударили повозку о столб, в эту минуту Венецианова выбросило из повозки в сторону, и он на том же месте, в ту же минуту кончил свои дни.

Каждый, кто хоть немного знал Венецианова, горевал при этой вести; вдруг не стало человека, делавшего так много добра, приносившего столько пользы. Дочерям его в утешение осталась только прекрасная память об их отце, какой бы желал каждый христианин. С кем бы ни стали говорить о Венецианове, от каждого услышишь: «Добрый, редкий был он человек!»

Имение же это [Сафонково] [22] было приобретено батюшкою собственною куплею на свою часть, доставшуюся по наследству от раздела четырех братьев, то есть сыновей нашего деда Гаврилы Юрьевича Венецианова, дворянина Черниговской губернии, у которого до разорения французами Москвы в 1812 году был свой дом, где они все и жили в Москве.

В 1807 году [23] батюшка вступил в статскую службу в канцелярию бывшего Главного Директора Почт Дмитрия Прокофьевича Трощинского и около этого времени женился на бедной девушке, дочери капитана гвардии Марфе Афанасьевне Азарьевой, у которой были два брата на службе во флоте; [24] один, старший, умер лейтенантом, а другой впоследствии был береговым жителем, полковником, который имел орден Анны в петлице, св. Георгия за восемнадцать кампаний. У него было два сына и две дочери, сыновья воспитывались тоже в Морском Кадетском корпусе, а дочери в институтах Смольном и Екатерининском. Старший его сын, Николай Азарьев, [25] в настоящее время находится тоже во флотской службе и при всем том, что еще в молодых летах, но совершил уже путешествие вокруг света и имеет много орденов, женат он на весьма образованной девушке, дочери барона фон-Эрнст и, невзирая, что люди семейные, а занимаются полезным в досужные часы: муж переводами с разных языков, преимущественно с английского, а жена помогает в этом мужу и еще находит время посторонними уроками заниматься. Другой сын, хоть за неспособностью к морской службе и болезни исключен был из корпуса, но все-таки находится в статской службе в Пскове, а третий сын уже несколько лет без вести пропал.

У батюшки же моего было много знакомых таких, которые вполне доставляли ему честь и сердечное удовольствие своим посещением. Наши даже семейные вечера посещал почтенный Василий Андр[еевич] Жуковский, Иван Андр[еевич] Крылов,[26] Николай Вас[ильевич] Гоголь, Иван Андр[еевич] Козлов,[27] Кукольник и много других писателей и артистов, и все почти дарили свои сочинения с их лестными приветствиями и надписями, иные в печати, другие в рукописях.

В молодости начались его художественные занятия, так что в свободное время от службы батюшка ходил в Эрмитаж копировать пастельными карандашами, чтобы так изучиться живописи; в 1811 году Императорская Академия удостоила его звания академика; в 1818 году Венецианов оставил службу, как он сам о себе писал, единственно для того, чтобы вполне посвятить себя изучению живописи с оригиналов Эрмитажа, натуры, почему уехал в деревню свою и там занялся с безусловным вниманием копировать природу по правилам начертательной геометрии и, идя этим новым для него путем, Венецианов написал «Гумно», которое обратило тогда внимание государя императора Александра I. Государь пожаловал за эту картину Венецианову 3000 рублей, приказав ее поставить в Эрмитаже, потом еще изволил принять от него картину, писанную пастельными красками, приказав ее поставить в бриллиантовой комнате. Государыня императрица Елизавета Алексеевна также милостиво и неоднократно изволила принимать труды батюшки и помещать в своих комнатах.

Чтобы более утвердиться в пути своем, то есть изучении во всех подробностях натуры на ее линейных законах, открытых начертательной геометрией, батюшка начал к себе брать на свое содержание бедных молодых людей и обучать их живописи по принятой им методе, то есть начинал учить рисовать не с рисунков, а прямо с натуры на основании перспективы. Первыми его учениками были Тыранов, Крылов и Алексеев, начавшие у него учиться в 1824 году.

В конце этого года батюшка, видя в учениках своих необыкновенные успехи в копировании с простой и грубой натуры, переселился в Петербург, чтобы там показать ученикам своим познания великих художников о природе в изящных ее формах в образцах, находящихся в Эрмитаже и в антиках Академии. В 1825 году, то есть во второй год своего учения, Тыранов написал картину с натуры «Внутренность французской библиотеки Эрмитажа»,[28] за которую получил от государя императора перстень. Тогда к батюшке начали приходить учиться многие молодые бедные люди, а иные поступать на его содержание. В 1827 году Тыранов, Крылов и Алексеев императорской Академией художеств были удостоены золотых

медалей второй степени; а между тем Крылов и Алексеев за представленные государю императору картины были награждены деньгами, а сам батюшка получил перстень и потом за представленные две картины 2000 рублей и 2000 для поддержания школы.

Государь император Николай Павлович, видя во многих местах занимающимися работой учеников моего батюшки Венецианова, изволил обратить особенное свое внимание на ученика Денисова и, щедро награждая, благоволил его принять своим пансионером, чтобы отправить за границу, а батюшку приказал лично представить, говоря ему, что успехами учеников его он делает честь Отечеству и ему доставляет удовольствие, и пожаловал батюшке орден св. Владимира 4-ой ст[епени] и звание императорского живописца с жалованьем по 3000 рублей в год.

После такого милостивого внимания государь еще и потом неоднократно его приветствовал; батюшка не дорожил своими силами для ускорения и улучшения успехов своих учеников, он мыслил только о приспособлении средств к развитию способностей, почему расходы его увеличивались, и он должен был заложить жены своей имение в Опекунском совете и войти в партикулярные долги.

В 1830 году в экспозиции Академии художеств две залы были наполнены произведениями учеников Венецианова. Государь император в залах этих приветствиями своими оживлял Венецианова и каждого из воспитанников его, а общим собранием Академии ученики его были награждены золотыми и серебряными медалями; тогда Тыранов получил золотую медаль 1-ой степени.

Когда отличные из учеников батюшки получали от государя императора за картины свои щедрые награды по 2000 и по 3000 рублей, то батюшка никак не смел из сумм сих какой-нибудь части отделить для употребления в общую пользу школы своей, чтобы тем не ослабить духа, производимого поощрением государя,— ему казалось несправедливым воспитывать таланты неизвестные на счет развивавшихся.

В начале 1839 года школа Венецианова закрылась от прекращения средств и из жалованья его начался вычет в уплату партикулярных долгов, которых тогда накопилось до 10 000 рублей.

Всех учеников Венецианов имел более семидесяти человек, из которых были иные и ограничены в способностях, другие безнравственны, почему короткое время у него находились, но много было и потом приходящих только, а не живущих у него, таких, которые питали душу его полным удовольствием, как талантами, так и поведением, как, например, Тыранов, Денисов, Алексеев, Крендовский, Васильев, Аврорин, Плахов и прочие.

Из учеников его семь человек были крепостными людьми и попечением его сделались свободными. Тогда в Академии художеств из первых по достоинству пенсионер Михайлов, бывший ученик Венецианова, откуплен у г-жи Демьяновой за 2000 рублей (в счет этой суммы получено от императорской фамилии 500), но и потом батюшка, бывало, в деревне своей не переставал обучать бедных людей на своем содержании.

Долговременными опытами батюшка постановил исполнительную часть живописи на правилах геометрии или перспективы и оптики. По этим правилам более семи лет вел многих молодых людей, которые своими успехами на опыте подтвердили пользу и преимущество этой его методы. Венецианов желал бы тогда распространить и усугубить пользу его долговременных трудов и пожертвований. Он осмеливался мыслить, что его метода обучения рисованию во вновь устроенном тогда Технологическом институте могла бы открыть новые пользы и успехи. [29]

Многие журналисты того времени батюшку очень просили оставить объяснения преимущества своей методы, так что эти предложения их обратились как бы в неотступное требование, и когда батюшка, едва решась склониться на их желание, говорил: «Только с условием, господа, чтобы не критиковать и выражения мои не изменять, каковы понятия мои в толковании ни казались бы странны: ведь я писатель кисти, а не пера». И поэтому у нас хоть и много было оставлено рукописей покойного батюшки и при объяснении много рисунков в толковании, которые были и по частям и в тетрадях, то они растерялись, частью от переездов, а много от пожара в 1855 году, в Измайл[овском] полку случившемся. [30] Но главное, к нашему великому с сестрой несчастью, тогда сделались жертвой пламени много из лучших последних его произведений, больших и малого формата картин. Тут же сгорела и библиотека его, состоявшая из более 1000 книг. Некоторые же в разбросе оставшиеся из его записок я кой-как собрала и, что могла, представила в редакцию «Русской старины» в 1873 году. Пожар же этот случился в наше отсутствие, мы были на даче.

За год до кончины батюшки, около 1847 года, один тверской помещик, губернский предводитель генерал Кожин, у которого в Кашинском уезде той же губернии было свое поместье. [31] Понаслышке от батюшки, Иван Николаевич Кожин был человек весьма уважаемый в Твери и вообще личность которого была с достоинствами.

При хорошем его состоянии, религиозном и добродетельном свойстве, как молва о нем тогда носилась, он предложил Обществу дворянства устроить пансион для тверского дворянского юношества

вроде пансионных гимназий и церковь при этом пансионе. Далее можно видеть причину, почему явилась ему мысль выстроить эту церковь на свой счет. Впоследствии он сообщает это предприятие свое одному тоже тверскому помещику, служащему в Твери Председателем Уголовной палаты, Н. П. Милюкову, который из давних лет был коротко знаком с батюшкою и соседом по имениям; в расстоянии от усадьбы Милюкова Островков, верстах в 23-х от нашего сельца Сафонкова, и необходимо упомянуть, что еще поблизости, верстах в 2-х от Островков, находилось другого брата имение П. П. Милюкова село Поддубье, старинное, родовое, доставшееся братьям по разделу; оно в этом рассказе моем займет незабвенно-горестное сердцу моему происшествие.

Так как в жизни каждого из нас всегда совершаются своего рода эпохи с различными периодами и вариациями Судьбы, то в это, столь таинственное для меня, время могла ли я когда вообразить, что св. Провидению угодно будет готовить для нас, двух сестер, разительное происшествие и преждевременный перелом нашей и без того полусиротской жизни, ибо маменьки мы лишились в самом первом детском возрасте, семнадцатью годами прежде кончины папеньки. Так как в последнее время его жизни я оставалась одна при нем в нашем Сафонкове (сестра меньшая была в Петербурге), и сельская жизнь без развлечений далеко противоречила нашему прежнему быту с покойным батюшкой в шумной столице Петербурге. Поэтому я могла внимательно следить за какими-либо встречающимися и особенными случаями; но мне, повторяю, возможно ль было предвидеть, что знакомством батюшкиным с этим почтенным человеком Кожиным проведена будет тропинка, одна к другому ведущая по указанию св. Судьбы [туда], где готовился совершиться конец всем житейским треволнениям!..

Иван Николаевич Кожин, передавая свое предприятие г-ну Милюкову, изъявляет свое желание немедленно приступить к действию, тем более что после многих совещаний со всеми членами Дворянства и с согласия известных из подписчиков уважаемых личностей составить проект, о чем и обратился к архитектору; а между прочим, предлагает г-ну Милюкову принять участие в этом обстоятельстве и делает вопрос: «Не знает ли он, по соседству с помещиком-художником Венециановым, кого из живописцев, кто бы мог написать иконостас для предполагаемой церкви?», а так как Кожин тогда был не знаком с батюшкой, но убежден понаслышке о нем, что это вообще благое предприятие возбудит в нем желание содействовать в благом совете, и как будучи уверен в обширном знакомстве его с различными степенями художников, то рекомендовать кого из них, а еще бы лучше, прибавляет г-н Кожин, когда нашлись бы из

его собственных учеников, кто бы мог взять на себя обязанность исполнить весь иконостас для этого храма. Н. П. Милюков отвечает, [что] с удовольствием передаст все и письменно и устно лично самому Венецианову.

Итак, после двух-трех переписок у батюшки состоялось знакомство с И. Н. Кожиным, и впоследствии было решено, как по определению общего совета тверского Дворянства, также и по согласию батюшки, утвердить этот совет по форме, да еще было необходимо разрешение от духовной цензуры через епархиального архиерея Григория,[32] который впоследствии был Санкт-Петербургским митрополитом.

Рекомендации же батюшкиной г-ну Кожину никакой не воспоследовало, но когда он узнал о довольно важных причинах, возбудивших г-на Кожина предложить этот проект тверскому Дворянству, которое со всем радушием изъявило свое согласие г-ну Предводителю, и, как видно было из предпоследних писем его к батюшке, цель была единственно то, чтобы оставить памятник потомственному тверскому дворянству устроением этого благонравного дворянского приюта в самом городе, а при нем церковь, которая может привлекать благоговейные сердца, молитвенно возносящиеся «посетить благословением ертоград храма того»...

После всех вышеописанных приготовлений батюшка предлагает не учеников своих, а себя самого к услугам Ивану Николаевичу и свой труд для Общества: написать самому весь иконостас по проекту архитектора.

При постоянных и многосложных занятиях покойного моего родителя, который был неутомим во многих частях его любознательной и предприимчивой натуры, его любови к ближнему, прекрасном вкусе и взгляде на вещи вообще,— не говоря уже о главном его гении живописи,— она-то единственно составляла для него и единственное утешение его светлой души в горькие времена его тернистой жизни, а в отрадные часы возносила свой гениальный полет к беспредельной радости!

Наконец захлопотал мой старичок, начал по проекту архитектора размерять и чертить положение всех образов, располагать по приличию каждого, по соображению всего иконостаса. И вот, интересное открытие, которое в одно прекрасное утро батюшка мне сообщает,— так как я знала все почти сюжеты каждого предполагаемого к изображению образа или святого, которых было около двадцати, а запрестольный образ назначался по желанию Предводителя изобразить св. Троицу, но об именуемом церковном образе, в честь которого устраивалась церковь, батюшка сначала ничего мне особенного не говорил,— и вот тут он зовет меня к себе в мастерскую

и показывает письмо И[ван]а Николаевича, который при изъявлении своей благодарности, как от себя, равно передает слова Общества, которое остается в полном удовольствии слышать, что столь полезное предприятие запечатлится кистью знаменитого Артиста-художника, которому, как собрату и соучастнику, да вознаградит св. Провидение за отечественную пользу и труд предпринимаемый. При этом желают ему благоприятного успеха в начинании работы и в окончании оной. А между тем изъявляет причину, почему давно желанная мысль являлась ему, чтобы устроить церковь во имя св. угодника Макария Калязинского, которого мощи находятся по историческому преданию и церковному изложению в городе Калязине[33] той же Тверской губернии, потому что угодник этот, св. Макарий,[34] был сам из роду дворян Кожиных, следственно родственником их, вот это-то и было причиной.

Между тем все лето батюшка занимался приготовлением эскизов заказного иконостаса и старался его подготовить хорошенько в маленьком формате на картонках масляными красками, как располагал изобразить. Каждый из них в подлиннике, потому что в декабре месяце того же 1847 года, когда готовилось в Твери быть Собрание Дворянских выборов, отвезти самому и представить Обществу Совета, не найдется ли где мысль указать, какие недостатки для поправок какого недоразумения, невзирая на то, что по принятой батюшкой методе всегда тщательно наблюдать верность рисунка, почему он узнавал из описаний жизни, то есть из деяний святых для соображения позы, степень лет, его служение и по чину или званию одежду, конечно, всего более заботился о выражении лица, как о первом впечатлении зрителя, и поэтому он часто, и почти всегда, чтобы написать образ в натуру величины, прежде сделает очерк на том полотне или доске с натуры человека, потом, когда одежду начинает писать, опять всматривается, и так не один раз сверяет с натурой человека, как сам хорошо был знаком с анатомией.

Теперь продолжу мой рассказ о странном для меня явлении, какие могут случиться в жизни с иными людьми. Когда батюшка собирал сведения из жизнеописаний для надлежащих к изображению образов, то у него оставалось два затруднения и вопроса: первое, как изобразить св. Троицу, и потом, как установить св. Макария. «Что же делать? — подумал батюшка,— когда задана задача Судьбы, чтобы бренному человеку сфантазировать, представляя изображению триипостасного!..[35] Нужно же исполнить!.. Когда взялся, то и сделай»,— конечно он рассуждал об этом предмете как с некоторыми светскими, так и с духовными лицами, а между тем нужно ему было сделать первое начертание образа св. Макария Калязинского для

присоединения к прочим эскизам к предполагаемой поездке в Тверь, как выше сказано.

По вопросу, как его изобразить, как игумена или как схимника — он был и то, и другое,— изобразить же в схиме без разрешения духовного начальства нельзя, а мы нигде не находили его наружного описания.

Я помогала батюшке, искала в разных летописях и даже в приложениях Истории Карамзина. Каких лет этого святого представить? Одним словом, искали, спрашивали, нет ни у кого, даже и у любителей иметь старинные памятники и образа каких-либо отличившихся духовных деятелей. В особенности личность св. Макария должна быть из давних лет известна, как родом, так и жизнью. Он был тверским обывателем из дворян, прославлен и погребен в известное время, и все это в нашей Тверской губернии.

Озабоченный и тревожный, но всегда кроткий и терпеливый, батюшка стал скучать, как я замечала. Но через несколько дней является ему мысль съездить самому в город Калязин; было же это летнее время, чтобы многое, что нужно, разузнать и посоветоваться с настоятелем монастыря. Итак, собрался наскоро и отправился, Калязин от нас эдак верстах около 85 находился. Приезжает в город и узнает об этом монастыре, [36] где находятся мощи преподобного Макария.

Архимандрит его приветливо встретил и с радушием предлагает копии, какие у него только в рукописях архива находятся. О св. Троице советы были подходящи отца архимандрита с батюшкиными мнениями: то есть изобразить по форменному положению трех ипостасей. Но когда дело дошло до св. Макария, то архимандрит советовал, так как по неимению во всем монастыре настоящего его снимка, представить его по изложению монастырскому в игуменском одеянии, как игумена.

Делать было нечего, пробыв сутки в монастыре, отправился обратно. На возвратном пути, верст за двадцать пять от нашего Сафонкова, уже становилось темно, поэтому заезжает он по пути к одному хорошо знакомому помещику немцу Ауербаху в село Молдино. Любезные гостеприимные хозяева очень рады были заезду батюшки и с радушием предложили ему покойный ночлег. Итак, на другой день утром приезжает папенька домой. Я его встретила, по-видимому, хоть с довольным лицом, но все что-то было в нем скрыто тревожное!.. После некоторых рассказов о поездке я вообразила, что он остался во всем удовлетворен по желанию для своего будущего занятия. А когда я спросила, то папенька мне так ответил: «Теперь я надеюсь, что, может, буду удовлетворен, вот погоди, увидим!» И довольно неравнодушно начинает мне рассказывать, что

когда он ночевал в селе Молдино, то видел сон; стоит перед ним кто-то в одежде странника пожилых лет и говорит: «Ты все заботишься, как тебе изобразить св. Макария? Да вот так, как написан верный снимок этого угодника, того, перед образом которого ты всегда ночуешь, когда бывашь в селе Лощемле».[37]

Это село находилось в смежности двух или трех помещиков, тоже в двадцати пяти верстах от нас, но мы только знакомы были с одним семейством князя Енгалычева,[38] и, действительно, батюшка всегда ночевал у князя в его кабинете, кровать ему ставили у стены перед отепленным углом.

Я спрашиваю батюшку, неужели ему у самого этого образа готовили постель? «Этого я не знаю,— отвечает он,— и в голову никогда не приходило мне заметить, есть ли там какие образа, но вот сейчас напишу князю, чтобы он прислал мне, когда у него действительно есть, этот образ св. Макария, о котором говорит странник, явившийся мне в селе Молдине». Я опять спрашиваю: «Да какая живопись на этом образе, как Вы его помните?» Папенька отвечает: «Как сейчас на его смотрю, то есть на тот, на который во сне мне старец указывает и называет его св. Макарием, я готов начертить, так ясно его представляю, как видел его сегодня во сне; но опять повторяю, не знаю того, есть ли у князя Енгалычева такой или как настаивает мне старец, что тот самый, который должно написать, он есть самый верный и очень живо представляется в моей памяти».

Итак, слушая этот папенькин рассказ довольно изумленная, а главное потому, что он еще присоединил следующее: «Странник этот, явившись мне, и еще кое-что сказал, только я этого тебе не передам, дружок мой, а скажу только не тебе». Вот на другой день является посол от князя Енгалычева из Лощемли. Папенька его все утро в каком-то тревожном состоянии дожидался, прохаживаясь по комнате и нетороппиво посматривая в окно, па дорогу, откуда он должен возвратиться. И вот когда еще издалека увидел его появлявшегося, зовет меня и говорит: «Несут, Сашенька!» — и с этим словом идет посланника встретить.

К удивлению моему, когда вынули образ еще в обертке и когда батюшка взял его в руки с бледным лицом и говорит: «Величина та самая»,— и с этим образом тихо, едва переступая, сам несет его в мою комнату, садится и молча указывает тоже сесть возле на стул, начинает его обертку полотна снимать и, сняв и держа его на коленях, снял, в это время я всматривалась в образ и вижу очень хорошо написанный во весь рост с надписью «св. Макарий Калязинский», но только не в игуменском одеянии (как архимандрит ему советовал написать), а в схиме!.. Как эти минуты были для меня невыразимы

и этот непонятный страх обнял тогда все существо мое в какое-то тайное ожидание будущего.

Батюшка, в продолжительной бледности лица и молчании, смотрел на образ, а в это время слезы у него катились из глаз,— он сделал крест, поцеловал этот образ, потом подал его мне, я тоже приложилась и уже не смела и не имела сил вопрошать его более...

Одно только могу сказать, что я батюшку в продолжении моей жизни два раза видела плачущего: первый раз в день смерти маменьки, а другой раз в эти непонятные для меня минуты...

Лето клонилось к осени, у батюшки было много собственных забот по хозяйству и по размежеванию, потому что в Вышневолоцком уезде в тот год было как бы нашествие землемеров, так что он хоть и не желал их принимать, но череда падала на наш участок земли, необходимо было часто отвлекаться с ними по полям, пустошам и самому наблюдать. У нас им была и квартира отведена (по положению казны, у кого межуют, у того помещика землемеры и живут то время), где они и планы составляли. Часть эту батюшка и сам знал довольно хорошо: перед вступлением на художественное свое поприще служил сам землемером.

После же этого небывалого с батюшкой происшествия в сновидении ничего не могло его привести к обычному свойству характера, прежде всегда веселого, любезного, со всеми шутил, даже и в болезни не желая навлечь неприятное на окружающих, смеялся над предрассудками и кощунствовал и потому снам не верил, посты, по слабости желудка, никогда не соблюдал, но и без поста был очень воздержан.

Крестьяне наши папеньку очень любили, и он заботился об них, как отец. У нас самый из бедных мужиков имел двух лошадей, но большей частью по четыре и по шесть, рогатого скота у них тоже было довольно, постройки все порядочные у всех по деревни. Он входил всегда в их нужды, стараясь обо всем, что клонилось для пользы их благосостояния и дохода. Устроил для них в своей усадьбе мирской магазин, то есть чтобы каждый крестьянин тягольщик, то есть семьянин, запасал с осени в этот магазин по одной мере или четвертинку ржи, овса и жита, и для этого им отведена была одна десятина земли в усадьбе и называлась мирская десятина, которую они обрабатывали, а осенью после обмолотки хлеба, кто занимал весной, тот должен возвратить в мирской магазин, лишний [хлеб] продавался в их пользу, а семейный хранился под записью в закромах мирского магазина.

Что можно, извлекал из знания и на опытах делал применение. Лет около сорока тому назад, как и слуху не было нигде о крестьянских школах, а у нас, в нашем маленьком Сафонкове, была устроена

школа из десяти крестьянских мальчиков, которую сначала очень трудно было поддержать, потому что некоторые помещики, не понимая пользы, изъявляли неудовольствие с своими прадедовскими постановлениями. А невзирая на то, у нас мальчики так успевали в чтении и писании, и отцам их нравилось до того, что они сами начали просить папеньку позволить приходить учиться и другим.

Сам же он был отчасти и агроном, знал хорошо землепашество и подробно изучал на практике. У нас было четырехполосное устройство запашки, и хлеб вообще хорошо родился, также и у крестьян; у которого же из мужиков замечал плохой урожай, то приписывал лености и невниманию в соблюдении обработки.

Невзирая, что местность Вышневолоцкая довольно болотистая, но в нашем именьице было безлесье с безводьем, поэтому для удобрения земли нужно было держать более скота, а для поддержания скота не было достаточно выгонов для скота, по причине болотистых мест. По этой серьезной причине батюшка должен был хорошенько обдумать и начал с того, что нанял прежде один пруд выкопать да две канавки около болот, на другой [год] еще столько же, и таким образом понемножку в четыре года у нас было уже четыре пруда да несколько канав, которыми так и осушилось много праздных мест, так что в эти четыре года увидели значительную прибавку полей и выгонов для скота; скот стал повеселее и для телят с овцами улучшение. Вот таким образом бог помог ему не только осушить болота, на тех местах и хлеб хорошо родился и поэтому скота рогатого у нас было не меньше 90 голов, кроме телят и лошадей.

Все это [было достигнуто] предусмотрительностью и опытами. Батюшка доходил постепенно устраивать, да притом же ему необходимо было соображаться с капиталом, для того, чтобы из получаемого жалованья 3000 рублей ассигнациями он должен был уделять на некоторые полезные устройства, хоть в малом виде, но все-таки были расходы, превышающие доходы, почему имение наше, состоящее из 70 душ с 900 десятинами земли удобной и неудобной с крестьянской землей, было под залогом в Опекунском Совете, и только по смерти батюшки мы понемногу его выкупили, внося ежегодно капиталу.

В усадьбе нашей попечением его была еще устроена маленькая больничка, к которой приставлена была добрая женщина, старушка. Батюшка и медицинскою частью любил заниматься и сам доходил до причин появлявшихся болезней, так что успех лечения был виден по выздоравливающим больным и в хронических болезнях облегчал, так что к нам больных привозили верст за сорок и за шестьдесят, иногда в ранах, других с закоренелыми простудами, сделавшимися калеками, и когда по рассмотрении болезни он определял

причину ее, то всегда говорил пациентам своим: «Ты как же, любезный, думаешь, чтобы не к завтрому ли у тебя прошли боли или ты выпрямился? Я так лечить не умею, а чтобы легче было, то надо здесь быть, сколько болезнь того требует». Чаще же все выздоравливали на удивленье. Лекарства он тоже все сам составлял, почему разные травы всегда сеяли в саду и огородах, а иные в лугах собирали и сушили для питья, порошков и проч. Все эти занятия у него были в антрактах от художественых занятий и в часы отдохновения.

Спал же он так мало, что я всегда удивлялась, вставал в часов в 5, в 6 утра; после обеда отдыхал не более получаса, ложился же не раньше 11-ти вечера.

Всем крестьянам своим старался давать понятие об различных ремеслах, а чтобы приохотить молодых мальчиков, нанимал учить их или на время отдавал учиться по способностям каждого: кого в кузнецы, в красильщики, столяры, ткачи и так далее; сапожник же и портной у нас были выучены в Петербурге, которые обязаны были и другим передавать свое ремесло, был и печник, и маляр. Равным образом и в женских рукоделиях по желанию папеньки тканье у нас было так хорошо устроено, что и богатые помещики присылали к нам учиться ткать канифасы и разные полотна и прочее.

Скотный двор тоже был в хорошем положении, так что для приготовления разного (*нрзб*) устроена была в маленьком виде каменная молочная, вроде фермы, где приготовляли масло, варили сыры, творог; тут же ледник был на шестьдесят кринок молока. Масла чухонского у нас в летнее время в неделю приготовлялось более полутора пудов от двадцати пяти и тридцати дойных коров, нашего мелкого скота, а осенью, кроме полных своих родовых расходов, оставалось и на продажу около двадцати пудов, да сыру с творогом. Лишний же рогатый скот тоже продавался осенью.

Лошадей у батюшки было в конюшне двенадцать и, заметить, все своего почти завода, из которых тоже помещики покупали для развода. Хлеб вообще хорошо родился, и батюшка для помощи мужикам нередко нанимал работников, и часто из своих же крестьян, и им платил, но взыскивал хорошую обработку полей. Только один сад был у него не в особенном наблюдении, для того что способных в садовники как-то не находилось; впрочем, ягод садовых было довольно и цветов, огородных овощей тоже всяких. Гумно было выстроено на каменных столбах и фундаменте, в восемнадцать сажен длины, тоже все из своего кирпича.

Был у нас один раз в году в Сафонкове нашем праздник для крестьян, установленный еще при жизни покойной нашей мамень-

кой, и назначалось его праздновать в день Ильи Пророка, двадцатого июля. Этот же день начинался, бывало, так: после обедни в нашей сельской приходской церкви приезжало все духовенство нашего погоста, то есть весь причт, прежде всего, в нашем доме отслужить молебен празднику, потом этот образ мы с сестрой, когда она бывала в деревне, несли сами на скотные дворы, а потом уже староста принимает и с прочими, кто пожелает, несут, а мы с папенькой и со всеми своими гостями идем за образом и за причтом вместе с народом, состоящим, конечно, более из наших крестьян, ну да и из соседских деревенских приходов на празднике кто помолиться, кто пивца попить, кто попитаться Христа ради. Образ же этот св. пророка Ильи носят на все четыре поля и в каждом служат молебен с водосвящением и окроплением полей святой водой. Потом уже их всех приглашаем на праздничную трапезу, весь причт церковный с их семействами, женами и детьми, к нам в дом, а крестьян — к приготовленным столам на гумне с яствами, вином и пивом; и этот целый день они веселятся до вечера, часов же в 11 или 12 с великими благодарностями и поклонами разбредутся по домам. Наши же гости тоже, по обычному порядку, обедают и угощаются, а на другой день разъезжаются.

Пишу я эти воспоминания собственно для себя и потому как бы говорю и думаю, все вместе. Между тем не могу не заметить того, что батюшке почти каждое лето дозволялись отпуски в свое поместье для того, что он там в своей деревне всегда имел у себя несколько учеников, и сам работал, как в Петербурге, с тою разницей, что в деревне более и разнообразнее предметы, где натурой служит сама природа, воздух деревни и зелень как-то бальзамически вдохновляют каждого, а уж что говорить о благорастворенном летнем небе и его то бледнеющей, то светлеющей лазури!.. величественно плавающих облаках! в их перламутровых разливах! И это безоблачно-неизмеримое небо, иногда совсем чистое, горделиво милосердствует! Тут как у юных артистов, так и у старца зашевелится душа и запоет хвалебный гимн, пораженная красотами неба, дающего столь благо земли!.. В деревне более внимания к предметам и практике в занятиях артиста, тем более живописца. Батюшка много с своими учениками занимался, и нередко можно было видеть их чистое наслаждение!..

Они везде у него были размещены: кто в лесу за пейзажем, кто в лугах или на сенокосе, иной хлопочет над этюдом, кто чертит и устанавливает, как бы жнивье расположить на полотне. В дождливое время или ненастье им давалась опять другая работа с натуры, кому писать внутренность избы какой, либо гумна, кому перспективу крестьянской школы, кто головы с натуры рисует, иным

фрукты, плоды, грибы акварелью, все с натуры пишут, и так далее. В хорошую погоду, когда смеркается, то гуляют или катаются, иногда и с гостями.

Ученики батюшку, можно сказать, любили непритворно, как отца родного, да оно у них было обоюдно. Не говоря уж о его известной школе, которой он почти половину своей жизни был предан всем существом своим (она бы заняла большое место моего рассказа, но я не отклоняюсь от постепенности течения его последнего года и последних дней его жизни).

Нас довольно нередко посещали помещики-соседи и даже из дальних расстояний; все батюшку любили. И все, кто ни был у нас последнее время из посетителей, делали замечания, что батюшка очень переменился, как ни принуждал себя к прежней бодрости, но стал очень молчалив, задумчив. О сне же его в селе Молдино он никому не сообщал, исключив семейство князя Енгалычева, от которого и образ, как доказательство, был представлен, да еще священнику села Поддубье Василию Матвеевичу Владимирову, который был его духовник и любимый себеседник (об селе этом в начале рассказа упомянуто).

И вот наступает осень; батюшка приготовил все свои эскизы для предполагаемой поездки в Тверь к шестому декабря: Дворянское собрание; а по возвращении из Твери он располагал вскоре опять собраться в Петербург, представить отчет своих действий в деревне, да еще готовился у него новый ученичок, которому один помещик дал свободу, мальчик с большими способностями к живописи, лет двенадцати, то и об нем похлопотать. Но не так-то делается, как хочется, а по известной пословице, «человек предполагает, а бог располагает»...

Между тем по вечерам он долго занимался подготовлением своих хозяйственных распоряжений для старосты, о некоторых и мне сообщал и, таким образом, весь октябрь был необыкновенно озабочен, рано вставал и поздно ложился, и, наконец, с ним стала делаться дурнота вроде обмороков, а чтобы на меня не навлечь уныния, приказал людям скрывать, но я без всех сама ясно догадывалась, тем более что меня сильно тревожил тот таинственный сон, виденный батюшкой. Я все его упрашивала ехать скорее в Петербург советоваться с доктором, чего он и сам, по-видимому, очень желал и меня все успокаивал.

Вот наступает конец ноября. Двадцать изготовленных эскизов в четверть аршина длины каждый, кроме Троицы, который был длиннее и шире, приносит все ко мне и приказывает эти эскизы мне самой нашить на тесьму один подле другого, что я и исполнила, и он их тщательно уложил в свой чемодан.

Между тем здоровье его было то лучше, то хуже, а когда оставалось несколько дней до его отъезда в Тверь, он назначает четвертое число выехать — я помню, в тот 1847 год это число было в четверг — и пишет записку своему духовнику священнику Василию Матвеевичу в село Поддубье, чтобы он его навестил перед отъездом и что ему нужно с ним поговорить. Вот в этом-то письме, по моему предположению, должно быть пояснение тайны, которую батюшка не желал мне сообщить, о том, что ему сказал тот явившийся ему во сне странник. Священник незамедля приехал, и тогда они с папенькой много ходили и, сидя, говорили, но я никак не предполагала причины, для чего священник долго оставался, и это для меня было весьма обыкновенно, зная, что и прежде Василий Матвеевич у нас, бывало, проводил сутки и более. Батюшка его любил и уважал, почему они и прежде нередко так беседовали. Перед отъездом же последнего его свидания Василий Матвеевич батюшку уговаривал тоже лечиться и благословлял в путь поскорее, как в Тверь, так, по возвращении, и в Петербург.

И когда наступил последний вечер третьего числа декабря, канун рокового четвертого декабря, батюшка был, по-видимому, совсем здоров и даже покоен, но необыкновенно ласков и тих, простился со мной вечером, уходя по обычаю в свою мастерскую в другое строение от нашего дома, где он всегда спал, объявив кучеру, чтобы тройка лошадей в повозке была готова к шести часам утра, а мне советовал после отъезда его утром и на целый день ехать к соседке и моей приятельнице в полутора верстах от нас к помещикам Стромиловым.

Наступило утро четвертого декабря. После чая папенька приказывает мне, чтобы я занялась выписанным учеником его мальчиком Ирашей[39] во время отъезда его и дает мне гравюру, образ Рафаэля «Святое семейство», чтоб я ему дала копировать, да еще перспективку в доме начертить с натуры. Чаю он только половину чашки выпил и потом говорит: «Лошади готовы»,— стал со мной прощаться тихо, благословил меня и торопливо говорит: «Не провожай меня, дружок мой, Сашурушка». Это были его последние слова.

Спускаясь с лестницы, все люди, прислуга провожали его и сажали в повозку, но поехал он с одним только кучером, без человека. Тогда был сильный мороз, тройка двинулась, колокольчик зазвучал, а я стояла у окна и слушала постепенно удалявшегося батюшку!.. Воображала ли, что это удаление было за пределы вечности и уже безвозвратно!..

Лошади здоровые, сытые, а повозка легонькая с одним чемоданом, мороз сильный, вот они и мчали двенадцать верст. Наконец,

как после рассказывали, батюшка велел кучеру остановить и перепречь лошадей, потом закурил сигару и опять пустились, сначала ехали хоть скоро, но ровно, но когда выехали на гладкую дорогу к селу Поддубью, тут довольно большая гора, на которую въехали обыкновенно быстро, а когда с горы, нужно бы тихо было спускаться, а тут вся тройка во весь опор понеслась стрелой, кучер потерял силы удерживать лошадей, его первого сбросило на дорогу, и он, лежа, видел, как повозку свалило на бок и батюшка имел еще духу схватить вожжи, когда тройка неслась, потом сваливает батюшку не совсем на дорогу, но волоча его и ударяя обо что встречалось, и, наконец, сбросив так, что он остался на дороге без дыхания!.. Тройка как бы бешеная влетела с разбитой повозкой за ворота села Поддубья, и, кажется, один только забор удержал ее, в который она уперлась и стала, как вкопанная в землю.

В это время, как было еще довольно рано, то в селе Поддубье народ, барщинники, на гумне хлеб молотили, и тут, когда увидели необыкновенный полет проезжающих, то все кинулись на помощь. Все батюшку знали, и чужие крестьяне, и священник Василий Матвеевич, и все село сбежалось,— окружили его лежащего на дороге, израненного и уже — мертвеца!..

Внесли его во флигель помещиков Милюковых, о которых при начале рассказа упоминалось, они никогда зимой не живут в поместье. Употребляли, кто мог и как умел, всевозможные меры, кровопускание и прочее, доктора нигде поблизости не было, но уже и не для чего и не для кого было нужно!.. Одна рука его бессильно сжата крестом, а другая, сломанная, едва держалась. В вожжах же у лошадей нашли спутанную и изодранную его перчатку еще с курящейся сигарой.

Все совершилось! Живая картина в лицах изображена самим художником с натуры! Вот и последняя мечта его, вот и св. Макарий, и иконостас со всеми святыми в нем! А почтенный собеседник его Василий Матвеевич запел: «Со святыми упокой, Господи, душу новопреставленного раба своего Алексея!»

Любимейшим моим собеседником тогда оставался один Василий Матвеевич, изредка меня навещавший, от которого все-таки я не могла добиться, что было писано ему батюшкою в последнем письме!

У отца моего было нас только две дочери. Детство наше было самое счастливое, безмятежное, родители нас любили и утешали, сколько позволяло их ограниченное состояние. Сначала нас посылали в пансион, а потом взяли гувернантку, и ей на помощь приходили учителя русский, французский и музыки; последний мог бы нам сделать более пользы, если бы был терпеливее, а то он, бывало, только скорее, чтобы прошел час, вынет из кармана карты

и показывает мне фокусы, прибавляя: «Voilà, comme vous avez bien appris votre leçon, je m'en vais vous montrer un [Вот как Вы хорошо выучили Ваш урок, я хочу Вам показать. — *франц.*] фокус-покус»,— а иногда и говаривал: «Parce que vous avez bien joué il faut que je vous embrasse» [За то что Вы так хорошо играли, Вас нужно обнять]. Я ему на это отвечала: «Mais monsieur, c'est une punition pour moi et non pas une recompense» [Но, мосье, это для меня наказание, а не вознаграждение]. И, бывало, все новые ноты приносит, не даст кончить хорошенько одну пьесу, как является другая, и обертки все были цветные, красивые, а иногда принесет концерт, который стоит рубля три, сгоряча, как новенькое, и начинает, бывало, разучивать со всем усердием, да как не по силам — и пойдет, что далее, то труднее, что далее, то хуже, и мне, бывало, надоест, а ему и подавно, он поневоле и бросит, да опять тащит новые ноты,— а за концерт деньги плати. [40]

А. Н. МОКРИЦКИЙ.[1] ИЗ ДНЕВНИКА. 1834—1838

1834

2 декабря War ich bei [я был у.— *нем.*] Григорович, показывал ему свои работы, коими он и Варнек были очень довольны. От него пошел я к Ал[ексею] Гав[риловичу], где и провел весь день до вечера.

3 декабря, в понедельник — ходил смотреть на Брюллова![2] Расположенный этим гениальным произведением к высоким чувствованиям, я пошел смотреть другое, не менее великое по выполнению, но еще высшее по сюжету — «Саваофа» г. Венецианова.[3] Вот каким только может художник изобразить отца повелителя Вселенной, премудрого художника. Художник, говорю, мыслящий и силящийся обнять, посягнуть и достойно изобразить величие и силу повелителя, всемогущего творца и благость и милосердие отца Вселенной. Иначе трудно и невозможно его представить. Без недостатков. По крайней мере, я не желаю другого образа бога, кроме этого бесстрастного и вместе с тем полного высокой жизни Саваофа. В образе Божьей матери виден равным образом творец образа Саваофа.

6 декабря. ⟨...⟩ Около семи часов, вечером, я был уже у себя в квартире, уже разделся и принялся было за чтение, как неожиданный приход Алексея Гавриловича отвлек меня от беседы с Бестужевым,[4] который на своем фрегате «Надежда» нес меня к прекраснейшим картинам и сценам на море и на палубе корабля. Алексей Гаврилович велел мне идти с ним к самовару и собравше-

муся вокруг него семейству. Там был Федор.[5] Часа два пробалакали и разошлись.

1835

8 октября. День по урокам, вечер у Клодта,[6] где был Алек[сей] Гавр[илович] Венецианов. Много говорили о живописи и вообще об изящных искусствах. Спорили, спорили и, наконец, разошлись часу в одиннадцатом.

12, 13, 14 октября прошли без особенно важных случаев. Последнее [число] замечательно для меня тем, что я ходил с Венециановым во дворец смотреть Брюллова «Итальянское утро» и «Полдень», находящиеся в будуаре императрицы. Десять минут, не более, мог я оставаться в этом покойчике, освященном присутствием гениального творения нашего Брюллова. Чудные произведения, какая прелесть! Сколько натуры, и какой натуры! Видно, что эта красота созрела под небом Италии, в стране, любимой солнцем. Есть там и другие прекрасные работки.

20 октября. День целый просидел я дома с кадетом.[7] Поутру зашел ко мне Алексей Гаврилович с Алексеевым,[8] смотрел кой-какие мои работы, делал весьма полезные замечания. Выкурил трубку и ушел, взяв с меня честное слово быть у него вечером. Погода была ужасная, мокро, холодно, ветрено, и целый день шел ливнем дождь ⟨...⟩ Вечером я был у Алек[сея] Гаврил[овича]. К концу зашла речь о медалях, я бесился, выходил из себя и утешал их своими восторгами при мысли и разговоре об Италии, строил планы, утверждая, что через десять лет буду профессором Росс[ийской] Академии художеств и прочее. Разошлись в двенадцать часов.

21 октября. ⟨...⟩ Взявши у Пузино[9] портрет, отнес его к Венецианову. Старик был очень доволен работою, но как уже было поздно, я спешил в класс, то отложил до следующего утра. ⟨...⟩

[22 октября] на извозчике покатил к Венецианову. Обедал там. После обеда он критиковал мой портрет очень строго, делал весьма дельные замечания, советовал рисовать и прочее. Оттуда пошел я в класс, рисовал «Бойца», и, как нашел Григорович, очень удачно. После класса пошел к Григоровичу, где был и Венецианов, В[асилий] Иванович встретил меня возгласом: «Да здравствует будущий наш знаменитый художник!» Много сказано! Нелегко оправдать сказанное, но постараюсь угнать свою живопись далеко. Сказать это заставил портрет м[адам] Пузино, в котором, выключая погрешность в рисунке, нашел он много хорошего и, подтвердя о необходимости рисовать, говорил, чтобы я берег то, чего у многих лучших художников недоставало — верность глаза и способность видеть натуру в отношении колорита. Велел многое исправить и показать Акаде-

мии —? «Ну, Академия Вас похвалит!»? Вперед, вперед, моя история. Важна практика, когда с нею теория. Итак, нужно рисовать, и рисовать много. Хорошо! Я пообещал ему быть даже и неплохим рисовальщиком...

27 окт[ября]. Утро — в хождении по квартирам, обедал. Вечер — у Венецианова, где были Федор, Сергей[10] и *(нрзб)*.

4 ноября. ⟨...⟩ вечером был у Венецианова.

10 ноября. ⟨...⟩ пошли к Венецианову, в девять часов. Там был Анастасевич. Этот почтенный старик нечувствительно раскрыл перед нами огромный свой запас сведений. О многом говорил он. Анастасевича сменил я, и хотя рассказ мой не был учен и менее занимателен, по крайней мере, достиг своей цели: помирали со смеху и, утирая глаза, проворковали нехотя: «Прощайте».

17 ноября. ⟨...⟩ Вечером, простившись с братом, пошел я к Венецианову. Много кричал, шумел и, признаюсь, жалею на свой характер, что не могу удержаться, чтобы не высказать, что чувствую, разве только оттого, что говоришь с человеком добрым и умным, который извинит молодость, пылкость, видит в этом доброе начало.

20 ноября. ⟨...⟩ После обеда пошел с Ал[ексеем] Гавр[иловичем] к Варнеку.

25 [ноября]. Поутру писал портретец Андреевой.[11] Начало было довольно удачное. Начинает проглядывать сходство ⟨...⟩ Вечером был я у Варнека, просидели с Ал[ексеем] Гавр[иловичем] часочка два, говорили о живописи, и много полезного услышал я из разговоров таких опытных художников.

29 [ноября]. ⟨...⟩ Вечер у Венециановых.

8 дек[абря]. Приятно и с пользой провел я сегодняшний день. С утра до трех часов писал я свою «Хижину»[12] и, при всей тщательности, успел только пройти дощатый потолок. Такова линейная перспектива! Занятие мое сопровождаемо было чтением. Брат Петя читал мне повесть Гоголя «Тарас Бульба» и «Старосветских помещиков». В половине девятого, простившись с братом, отправился я к Алексею Гавриловичу Венецианову. Там застал я Краевского, с которым давно не видался, Трескина,[13] Стеньковича с женою,[14] Неверова и Стефаниду Ивановну,[15] да еще нашего брата — художника Зеленцова.[16] Пробалакали вечер и разошлись.

11 декабря. Давно уже не был я так недоволен сам собой, как сегодня. Во-первых, вставши поутру рано, я оделся и, не пивши чаю, побежал к Виктору Андреевичу,[17] располагая пойти в Эрмитаж, посмотреть картину Танера.[18]. Сидор и Рыбин[19] заупрямились, не показали, говорят, что нужно на это позволение Лабенского. Знавши, что за сокровище Лабенский, я не стал его трево-

жить. Прошелся по Эрмитажу, смотрел Вандика, Рубенса, Тициана, Мурильо, Доменикино и с грустным чувством побрел домой 〈...〉 принялся за «Хижину», работа шла очень успешно, как будто нарочно, чтобы еще более раздразнить меня, что я потерял утро.

Из класса вызван я был Венециановым, часочек только порисовал, зато дома от восьми до половины двенадцатого чертил Рафаэля и анатомию. Время летит, а еще столько нужно учиться! Едва ли я достигну счастья сделаться хорошим художником, а жаль будет, если не успею насладиться плодами трудов.

25 декабря. 〈...〉 Возвращаясь домой, я зашел к Венецианову.

1836

2 января. 〈...〉 Погода была прекрасная, немного ветрено, но тепло. Зашел к Вас[илию] Иван[овичу][20] поздравить с праздником, но не нашел его дома. Потом был у Шебуева,[21] у Венецианова и, возвращаясь, зашел еще раз к Вас[илию] Иван[овичу]. Часу в восьмом пошел на вечер к Вас[илию] Ивановичу. Гостиные были уже полны. Изредка раздавались звуки фортепьяно и опять умолкали. Маленькая кучка стояла возле стола, рассматривая внимательно рисунок К. Брюллова «Портрет моряка Корнилова»,[22] и разбирала достоинства мастера. Одни восхищались чудесным дарованием, другие требовали тщательной отделки как главного в искусстве изображения. Каждый по-своему был прав и не прав, и все вместе были заняты приятно. Во всем обществе царствовало удовольствие и веселие.

5 января. 〈...〉 вечер провел у Венецианова.

19 января. Воскресный день, но я не избавлен от труда и забот: должен тащиться к Таврическому саду на урок к Башилову.[23] А тут еще недостаток в деньгах, что даже не на что хлеба купить 〈...〉

Вечером был у Алексея Гавриловича. Скучаю, очень скучаю — чем? А всем.

23 я[нваря]. Писал портр[ет], почти кончил. Копаясь подле головки, чуть было не испортил, да вовремя оставил и взял его к себе домой. Поработаю еще денечек у себя на квартире, а то ведь там не дают кончить, развлекут внимание и неуместными замечаниями будут надоедать.

После класса был у меня Плахов и Вишневецкий.[24] Просидев с ними, я отправился к Алексею Гавриловичу Венецианову. Сегодня день рождения Фелицаты.

2 февраля. Сегодня началась масленая ужасным происшествием: сгорел Леманов балаган во время самого представления. Множество несчастных жертв устлали обгорелыми трупами своими позорище. Завтра узнаем об этом подробнее.

Утро провел у Башилова, вечер у Алексея Гавриловича. Там был и Виктор Андреевич,[25] который и ночует у меня.

9 марта. Вчера было воскресенье. День начался с того, что мы с Александром[26] отправились в Румянцевский музеум смотреть статую Кановы.[27] Статуя «Гения Мира» — изящество форм, постановка и нежное выражение мысли с тонкостью обработки составляют достоинство этого прекрасного произведения Кановы. В правой руке держит он масличную ветвь, бронзовую золоченую, а в левой — жезл с коронкою.

Из музеума пошел я к Тарновскому,[28] пробыл там полчаса. Учил у Башилова. У меня был Виктор Андреевич. Сегодня поутру писал Сашу, сделал эскиз Петр Велик[ого], рисовал в классе. Вечером был у Алексея Гавриловича, обедал у Григоровича.

17 марта. Утро целое прописал головку Петра ⟨...⟩ После класса был у Венецианова. Поздно вечером от него возвратился.

23 марта. Вчерашний день, то есть 22 марта, тронулась Нева. Это было около трех часов. Обедали у Венецианова, после обеда ходили смотреть Неву. Вечер пробыл у Венецианова же. Сегодня писал брата. Вечер провел у Клодта.

24 октября 1836 года, в субботу, после чаю пошел я к Брюллову. У него сидел какой-то офицер, который, как я после узнал, пришел к нему рекомендоваться и докучал ему своим присутствием.

Немного погодя пришел Венецианов, не долго занимался с ним не любящий принуждений хозяин, ушел к себе наверх, в спальню, и когда я спросил у него, что с ним? Он ответил мне: «Скажите, пожалуйста, что я нездоров». И в самом деле, не было другого средства освободиться от докучливого офицера — только!..

29 ноября. ⟨...⟩ После обеда отправились к Алексею Гавриловичу. Люблю я искренно это прекрасное семейство. У них был Варнек, с ним Михайлов. Под шумок, под музыку я нарисовал даму и кавалера в четвертой фигуре кадрили и довольно удачно. После десяти я ушел от них, зашел к Брюллову, но его не было дома. Он изволит уже прогуливаться, хотя весьма некстати по теперешней сырой и мерзкой погоде.

6 декабря. Никола. ⟨...⟩ После обеда каприз пришел прогуляться по Невскому, возвращаясь оттуда, хотел затесаться к Венецианову, да, увидев его главу в окне Григоровича, пошел туда и попал на пир горой, танцевал. В одиннадцать пришел Брюллов.

9 декабря. Среда. ⟨...⟩ он [Брюллов] прислал за мной, предлагая чаю, просил меня остаться с ним, но, как я дал слово Виктору Андреевичу идти к Венецианову, то не мог остаться. Хорошо, что Брюллов не согласился идти со мною к Венецианову, отговариваясь усталостью, а то бы досталось мне за угощение: мы застали там

деревенских князей сиятельных,[29] а они, рассказывая про покос, про хлеба и про старинушку, убаюкали бы гостя, привыкшего парить на крылатых конях в поднебесной!

13 декабря. После обеда пошел я к Брюллову, он еще спал. Вчерашний пикник, данный в честь его у Яненко,[30] уходил его до того, что он только в седьмом часу лег спать. Через час, то есть часу в первом, проснулся он. Я готовился уже идти к Венецианову, только он удержал меня и просил натянуть ему бумагу на доску для эскиза государю. Я это исполнил. От него ушел я к Венецианову. Холод был жестокий. Шинель моя, покрытая хотя теплым цветом (красным то есть), не могла согреть меня при таком холоде. С какой искренней радостью я был встречен этим прекрасным семейством: Фелица подбежала ко мне и самым милым образом благодарила меня за присланные ей ноты; так вот и задушила меня в своих объятиях. Удовольствие, которое я чувствовал при виде такой радости за маловажную услугу, заградило мне уста, я молча только раскланивался.

Вслед за мной начали сходиться другие гости, пришел Краевский, Зеленцов, Менцов[31] и Анастасевич. Мы сели за стол. По обыкновению сидел я возле Фелицы, мой визави был Краевский, Иван Захарович Постников[32] уселся между Анастасевичем и Неверовым.

14 декабря. После класса я послал Венециановым книгу «Записки ротмистра Дурова»,[33] поздравил их со своими именинами, и через полчаса пришел ко мне Алексей Гаврилович с Алекс[андром] Крашенинниковым с преогромным кренделем или, лучше сказать, с семейством кренделей. Это еще более уверило меня, что точно я сегодня именинник. «Ежели так,— сказал я,— так пусть же поздравит меня и Карл Павлович». Пошел я к нему, он одевался идти к Аполлону Щедрину,[34] но, идя туда, обещал зайти ко мне. Действительно, через полчаса или менее стучится кто-то в дверь. Я по ударам в дверь угадал, что это был Брюллов, и не ошибся. Брюллов и Василий Иванович Григорович пришли поздравить именинника. Вот я тотчас усадил их по местам, предложил чаю и трубок, и мои знаменитые гости повели веселую беседу, прихлебывая чаек и потягивая трубочки.

1837

17 января. Еще вчера было условлено, что мы обедаем сегодня у Венециановых. Около двенадцати отправился я к Брюллову, застал его еще в постели, и желание идти к Венецианову воздвигло его на ноги. Пришли Василий Иванович и Платон Кукольник.[35]

На вопрос, где он сегодня обедает, был ответ: «У Венецианова, я дал слово. Добрый старичок, я его очень уважаю. Он просил меня непременно у него сегодня отобедать». Но Кукольник, раз желая отклонить его, начал рассказывать про чудеса, которые ждут его дома за обедом, кислый супец какой-то с грибками, и ростбиф, и макароны 〈...〉 Долго противился он искушению, но пьесы «Водовоз» и «Швейцарская хижина»[36] после обеда соблазнили его решительно. Он изменил своему слову, послал меня одного, велел кланяться и извинить его по каким-то причинам, или лучше, когда и совсем умолчать об нем. Итак, я один отправился к Венецианову. Там были Крашени[нников] и Виктор Андреевич. Мы провели вечер превосходно.

2 марта. Сегодня он [Брюллов] прислал за мной. Я должен был исполнить его поручение, пошел к Венецианову, потерял утро.

7 марта. Воскресенье. В два часа уехал я прямо к Венецианову, там застал я Краевского. После обеда разыграли лотерею, в которой я выиграл в первый раз в жизни портрет Кольцова Дибича,[37] я пошел опять к Венецианову. Фелиса была очень мила и играла мои любимые пьесы.

18. Четверг. Часам к семи пошел я к Брюллову. Там были уже Венецианов и брат его Федор,[38] скоро пришел и Краевский и прочел нам прекрасные стихотворения Пушкина: «Молитву», «Господи, владыко живота моего», «Русалку», несколько сцен из «Дон-Гуана» и «Галуб», сцену из чеченцев.[39] До двенадцати продолжалось чтение.

21 марта, воскресенье. 〈...〉 В три часа ушел я к Венецианову, где было мне довольно скучно. Там нарисовал я портрет Николая Менцова, и довольно удачно.

4 апреля. 〈...〉 Обедал у Венецианова. Вечер пробыл также у Венецианова. Возвращаясь домой, заходил к Брюллову, но он уже спал.

Апреля 8. В четверг. Утро, по обыкновению, провел я в галерее, после класса пошел к Венецианову. В продолжении дня ничего особенного не случилось.

Страстная. Воскресенье. 〈...〉 Пошел к Венецианову, пил с ним чай и пробеседовал со стариком до половины двенадцатого. Филичка играла мне из «Отелло», и прекрасно.[40]

В первом часу. 18 апреля, после первой пушки, пошел я в Академическую церковь, где отслушал заутреню и обедню. В восемь я был опять на ногах, оделся и пошел с поздравлениями 〈...〉 у Венецианова обедали братья Крашенинниковы, Вишневецкий[41] и я. В десятом часу прислал за мной Брюллов.

1838

20 марта. 〈...〉 В шестом часу обедал, был у вечерни, пошел к Венецианову. Не застав дома, пошел к Васил[ию] Ивановичу.

22 марта, вторник. 〈...〉 вечером пошел я к Венецианову, где с большим удовольствием провел вечер. Там был Анастасевич, Владиславлев, Тыранов и Посылин.[42] Мы толковали, толковали, пока я не ушел к барышням.

24 марта. 〈...〉 Пообедав раньше, пошел я к Венециановым, чтобы проститься с ними, но вышло иначе, они не едут сегодня. Вот после класса отправился я туда, чтобы проститься окончательно, там было довольно весело. Жаль только, что старик хворает. В двенадцать часов пошли мы с братьями Крашенинниковыми в дома.

А. Н. МОКРИЦКИЙ. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. Г. ВЕНЕЦИАНОВЕ И УЧЕНИКАХ ЕГО. 1857

В числе замечательных деятелей на поприще русского искусства занимает видное место академик Алексей Гаврилович Венецианов. Было время, когда имя его и труды в живописи очень интересовали образованную петербургскую публику и достойно были награждаемы. Всякое открытие в науке и искусстве — заслуга, достойная уважения. Часто, пользуясь плодами открытия, мы не всегда знаем, кто первый виновник нашего удовольствия или пользы, и без вины делаемся виновными в неблагодарности. Итак, чтоб хоть одной виной было меньше, постараюсь указать на заслуги почтенного академика Венецианова и хотя вкратце определить его деятельность.

Один род живописи, доставляющий нам столько удовольствия, давно знакомый в чужих землях и доведенный там до известного совершенства, сделался наконец и у нас до того легким и подручным, что ученик, начинающий писать красками, знакомый, разумеется, с рисунком, при небольшом пособии наставника может сделать весьма приятную картинку, открывающую его глаза для дальнейших успехов в живописи. Говорю: «открывающую ему глаза», а это весьма важное обстоятельство, потому что зрячие глаза для живописца — необходимое условие, и, если б даровитый юноша во все время своего учения мог сохранить эту зрячесть, много бы у нас было прекрасных, оригинальных, друг на друга непохожих художников; но, к сожалению, это бывает весьма редко; большею частью глаза даровитого юноши портятся, и он если не совсем ослепнет, то по крайней мере зрение его искажается до того, что он принимает один предмет за другой. Отчего же портится зрение

ученика: от сильного ли света в классе, или от яркости красок? — Нет, отвечать на этот вопрос мы можем, только определив достоинства Венецианова.

Алексей Гаврилович Венецианов начал учиться живописи уж в зрелых летах; учителем его был Боровиковский. Первые опыты Венецианова в рисовании были карикатуры во время Отечественной войны. С большим искусством рисовал он также и пастельными карандашами, бывшими тогда в большой моде; рисовал портреты с натуры и сделал весьма много хороших копий с оригинальных картин. Но скоро, увидев всю ограниченность этого способа рисованья, он оставил его и занялся масляными красками. Большого труда стоило ему усвоить себе этот новый способ после пастельных карандашей, тем более что дарованию его предстояло обширное поле для разработки. По своему образованию и по врожденному чувству ко всему изящному он не мог остановиться на одном роде живописи; ему хотелось изображать человека с окружающей его природой, живой и тесно с ним связанной, а потому он изучал и человека, и пейзаж, и животных, и цветы. Он писал отдельные портреты и сцены из быта крестьян; и, право, ни до него, ни после него никто так не передавал их добродушия и не выразил так типически их оригинального русского склада и пригонки костюма, простоты их движений и бесхитростных поз, выражающих если не совсем щеголеватую ловкость движений, то тем не менее лишенную той угловатости, которая заметна у простолюдина западных народов. Сперва выбор сюжетов в таких изображениях был незатейлив: или «Акулька с подойником», или «Тереха с топором за поясом» или «с пилой на плече»; «Баба с лукошком грибов», уснувшая под деревом,[1] сцена у колодца и тому подобное; все это предметы незатейливые, но они не легче, например, араба, живописно сидящего с трубкой под навесом или в тени платана, итальянского разбойника, высматривающего из-за скалы свою добычу, сцены из быта неаполитанских рыбаков и пр. Для жанристов всех наций легче изобразить своих мужиков, нежели жанристу русскому. Вы спросите: почему? Более обрисовывающий формы костюм, развитые движения и более определенный национальный характер западных народов помогают художнику изобразить быт родных ему простолюдинов, тогда как индивидуальный характер нашего мужика, при малоразвитой его натуре, представляет художнику больше трудностей, ибо народный тип характера высказывается более в массе, нежели в частности. Простой, незатейливый костюм русского мужика, как зимний, так и летний, представляет для жанриста также гораздо более трудностей, нежели костюм других народов. В летнем: рубаха, плотно прильнувшая к плечам и к груди, представляет трудность для ри-

совальщика, обозначая скрытую под нею наготу, причем чрезвычайно легко впасть в сухость или в излишнюю мешковатость форм; далее, складки рубахи ниже пояска так просты и однообразны, что при рисованье их может повториться та же история, что на груди и на спине; с одной стороны, трудно распорядиться ими, не окорбляя скромности искусства, а с другой, та же невыгода, даже еще резче. Русская крестьянская шляпа так неживописна и так неизящна, что если мужик когда-нибудь сам поймет это, то зашвырнет ее куда попало. Летняя обувь крестьянина безобразит ногу, совершенно скрывая у него малейший признак человеческой ноги, потому что она обута в лапоть, а обвивка голени нередко скрывает икру, утолщая ногу у нижней берцовой мышцы. Тут и сам г. Бурмейстер[2] не узнает, чья это нога: слона, бегемота или крокодила. Зимний костюм русского мужика еще менее изящен: толстый армяк, надетый на тулуп, на голове рогастая шапка или треух, на ногах валенцы или коты... Пропало изящество рисунка, пропали следы человеческих форм; вся фигура похожа на мамонта. Женский костюм разнообразием своим в покрое и в колерах представляет также большое затруднение для художника в отношении к изящному, но он богат красивыми головными уборами, сохранившимися еще в некоторых городах у купечества и у промышленного класса народа. Однако при всем его разнообразии и богатстве в нем также весьма мало изящества уж потому, что почти все головные уборы совершенно скрывают волосы — это лучшее украшение человеческого лица, лучше всяких пучков разноцветного шелка, кисточек, сеток из пестрых бус и даже лучше самих жемчугов; домашний же костюм или рабочий и дорожный, как летом, так и зимою, до того противоречит изящному, что живописцу предстоит большое затруднение найти светлую сторону и уловить характер там, где нередко с трудом различишь мужчину от женщины. Один только женский русский костюм, в котором есть много данных для прекрасного,— костюм, присвоенный кормилицам и едва ли не одними ими носимый в целой России; но и в этом костюме есть один важный порок, общий всем женским костюмам,— обезображение бюста спереди; то, что и у других делается шубкою или сарафаном, у них повязкою передника выше талии. Головной убор при всей своей оригинальности не лишен изящества: плотно обхватывая голову краем яркой материи или галуном, кокошник окаймляет гладко причесанные волосы и сзади стянут бантом широкой ленты, висящей двумя концами, насколько господский карман позволяет. Костюм этот хорош с передником и без передника, особенно если простую ситцевую шубку заменяет нарядный сарафан с галунами, да к нему кисейная рубаха с прошивными рукавами, да две-три нитки ожерелья и

блестящие серьги: тогда красивая дородная женщина в этом костюме широкими массами своего наряда поставит в тень хоть какую угодно красавицу, одетую по картинке модного журнала. Костюм этот, кроме головного убора, весьма похож на костюм женщин в Кампании Римской, в Сабинах, в Вольских Горах и далее, особенно на костюм городка Альвито в Неаполитанском королевстве, лежащего близ Соры, недалеко от Арпино. Парадный костюм придворных дам — изящный образец того, что можно сделать из русского женского костюма.

Да, по-видимому, трудно жанристу передать тип русского мужика. Иным кажется, что около этих простых линий довольно грубых форм костюма мало дела. Однако ж это не совсем так. Под этими простыми формами скрывается человек не вертлявый, а солидный, человек добрый, сильный и по-своему чрезвычайно ловкий. Эта шапка или шляпа сидит на голове, часто весьма разумной и удалой, или на голове гуляки; и посмотрите, у каждого из них сидит она иначе и не в разладе ни с окладистой его бородой, ни с пышными волосами, поддерживающими округленную линию; следовательно, чтоб и шапку надеть, надо художнику уменье. В обуви крестьянина есть свой характер, если не красота, и не раз встречается, что она при всей своей видимой неуклюжести не мешает выказаться стройной ноге и легкой, свободной походке; тяжелая и нескладная обувь не мешает веселому и ловкому парню проплясать вприсядку и выкидывать ногами такие штуки, что и иной балетмейстер ему позавидует. В простой одежде его нет исключительно ни щепетильности многих западных мужиков, ни широких роскошных форм восточной одежды, но есть в ней понемногу и того и другого. Его одежда то обрисовывает формы тела, то широкими складками, а более массами, закрывает всю его фигуру; в том и другом случае не теряется, однако, ни стройность его сложения, ни грациозность форм русского простолюдина, и выражается разнообразие его темперамента. Под этими, по-видимому, все скрывающими массами его костюма для наблюдательного глаза не скрывается ничего: ни важность, ни молодцеватость, ни убожество — словом, ни красота, ни недостаток форм; прибавим к этому, что крестьянский костюм с некоторым изменением проходит все классы народа, кроме, разумеется, того класса, который рядится, как мы привыкли выражаться, по-немецки: все это нужно художнику сообразить и малыми этими средствами выразить множество типов народных. Легко ли это при обширности и разнообразии народонаселения в России? Это — задача, и задача довольно трудная. За всем тем, Венецианов трудился на этом поприще с большим успехом: никто лучше его не изображал деревенских мужиков во всей их патриархальной про-

стоте. Он передал их типически, не утрируя и не идиализируя, потому что вполне чувствовал и понимал богатство русской натуры. В его изображении мужиков есть что-то особенно приятное и верное натуре. Имея чрезвычайно зоркий и зрячий глаз, он умел передать в них даже ту матовость, запыленность и неблестящесть, которые сообщает мужику его постоянное пребывание или в поле, или в дороге, или в курной избе; так что, выражаясь фигурнее, можно сказать: от его мужиков пахнет избой. Всмотритесь в его картины, и вы согласитесь со мною. Эта особенность была следствием совершенного доверия к натуре, или, как сам он выражается, «к тому, что видел»; а что он видел и как видел, так и изображал, а не мудрил, сидя перед натурой, как то делают многие, помнящие чужую манеру и чужие краски, тогда как колера на тех же самых предметах при различной обстановке и освещении являются совсем иными. Таким образом, пиша с натуры, он силился выразить только то, что было у него перед глазами; до способа же, как достигнуть подражания натуре, он доходил сам. Спросят, может быть: «разве не было у кого спросить совета?» Однажды, когда, объясняя нам трудность писания с натуры, он сказал: «Я и сам, батюшка, бьюсь иной раз до поту лица», я спросил его: «Алексей Гаврилыч, если вы затрудняетесь сами, то разве нет у кого спросить?» — «То-то что нету. С тех пор, как сказал мне один художник[3]: «Учи, учи,— научится, у тебя же хлеб отымет», язык не поворотится спросить совета. Вот я и доискиваюсь сам, и что найду, тем и делюсь с вами. Часто по целым часам стою в Эрмитаже перед картиною и дохожу, как то, как это сделано и отчего оно так поразительно хорошо».

Но пора нам, однако, ответить на вопрос: отчего портится зрение ученика? Зрение ученика портится при самом начале его учения, если не было хороших пособий и благоразумного руководства при писании с натуры. Нередко видим мы весьма талантливых и опытных живописцев, у которых в рисунке и в колорите есть что-то манерное, невозделанное; в рисунке, без погрешности в пропорциях, нет красоты линий, истины и разнообразия характеров, а в колорите, при всей свежести красок и красивых тонах, нет гармонии в общем и истины в частях. Первое происходит оттого, что мало занимаются черчением с хороших гравюр, мало изучают антики и наготу, где при разнообразии субъектов изучаются и разнообразные характеры, а второе — от долговременного пребывания с плохими оригиналами или раннего заимствования чужой методы, то есть если ученик при писании с натуры не руководится собственным зрением, а помнит краску того или другого мастера, помнит ее нередко или по ложному и еще не обработанному вкусу, или по влиянию своего мастера, любившего тот или другой тон; в том и другом

случае по неопытности своей, не умея применить заимствованного к обстоятельствам, ученик, не доверяя ни своему глазу, ни натуре, невольно впадает в ложную колею манерности, в которой оставаясь год-другой, не выбьется из нее никогда, или если и выбьется, то с большим трудом. В произведениях его видно будет щегольство и ловкость приемов, но истины и оригинальности никогда не будет. Вот это-то заимствование чужого и портит зрение ученика. Он смотрит на натуру чужими глазами, пишет чужими красками, или, так сказать, смотрит на нее то в синие, то в желтые очки, нередко даже в красные; снимите с его носа очки, и он с своими здоровыми глазами будет сидеть перед натурою словно слепой. Это обстоятельство было одним из главных у Венецианова как при начале занятия с учеником, так и впоследствии. Для этого он, испытывая зрение ученика на различных предметах, требовал подражания материальному их различию; для чего после отдельных небольших этюдов с разных вещей заставлял его написать внутренность комнаты, где ученик невольно встречал множество предметов разных форм, родов и материальной сущности. Тогда ученик с небольшим трудом, но с полным доверием к натуре, идя ощупью от предмета к предмету, исполнял приятную картинку, процесс которой открывал ему глаза и указывал верный и прочный путь к дальнейшим успехам.

Какой же это род живописи, доставляющий нам так много удовольствия и пользы и дотого доступный и подручный, что каждый начинающий писать красками может с небольшим пособием учителя сделать приятную картину? Это так называемый перспективный род живописи, имеющий предметом как изображение строений под открытым небом, так и внутренности домов, церквей, дворцов и пр., даже внутренность подвалов, чердаков. В первом случае картины называются видами городов, видиками; во втором — довольно определительно: перспективным видом церкви, залы, галереи, библиотеки и т. п. Изображения таких сюжетов основаны на законах перспективы, без которой здесь ни шагу нельзя сделать, хотя без перспективы и везде спотыкаешься, ибо нет живописи без перспективы, хотя бы это было изображение мухи, гвоздя или пуговицы. Виды городов были писаны с большим успехом и прежде: Алексеев и Матвеев[4] писали виды Петербурга и Москвы; профессор Воробьев[5] также писал перспективные виды и отчасти внутренности храмов; но внутренностей дворцов, домов, даже изб, овинов, чердаков и подвалов, как принадлежностей сцен народного быта, что-то не было видно; а надо сознаться, что чердаки и подвалы — предметы чрезвычайно живописные и характерные. Эти-то внутренности, называемые les interieurs, до Венецианова мало у нас писались; а если

рисунком, без точного подражания натуре, довольствовались только линиями по законам перспективы, которые так сильны, что достаточно уже их одних для приближения, удаления, повешения или поставления предмета твердо и незыблемо. Но, согласитесь, это не вполне удовлетворяет глаз: глазу приятно в изображении внутренности комнат дворца или церкви передать и краски предметов, наполняющих пространство; нередко желательно даже выразить простоту или великолепие мебели и украшений, наконец, действие света, луч солнца, глубину и мрак, довершающие очарование зрителя; этим-то последним условием, словом, естественностью предметов и правдоподобием до обмана, мы обязаны Венецианову. У нас, на Руси, он первый подсмотрел в натуре это волшебство и, найдя ключ к тайне искусства, передал его в своих произведениях и сообщил ученикам своим, а от них мало-помалу его открытие пошло к другим и впоследствии сделалось достоянием всех. Каким же путем дошел он до столь важного открытия, известного уже в некоторых странах Европы?

Всем известна слава французского живописца Гранета. Кто не видел превосходных картин его, в числе которых две, изображающие внутренность церкви капуцинов, что в Риме на Piazza Barberini, проповедь доминиканца в капитуле какого-то монастыря, его «Инквизиции» и других? В 20-х годах приобретена государем императором картина, изображающая обедню у капуцинов.[6] Волшебство этой картины изумительно. Церковь, священник перед алтарем с двумя клириками, стоящие по местам капуцины до того естественны, что, смотря на картину в трубку или одним глазом в кулак, вы не верите своим глазам, что это картина; вы забываетесь и как бы сами присутствуете при богослужении. Свет из окна позади алтаря падает лучом на предметы, так что алтарь, священник и клирики, видимые сквозь луч, при всей силе освещения получают такое деление, что можно глазом измерять расстояние между алтарем и трибуной церкви, между священником и алтарем; тем же светом освещены и капуцины, стоящие на своих местах in coro [на хорах]; свет скользит по их характерным головам и темным одеждам, оставляя широкие массы тени, в глубине которой не теряется ни форма, ни колер предметов, и в такой постепенности доходит до первого плана, что зрителю не остается ни одного места в картине, где бы он мог изобличить оптический обман искусства: все кажется чистою натурою, все облечено волшебством светотени, везде истина. Картина эта, выставленная в Зимнем дворце, волшебством своим возбуждала всеобщее удивление и была предметом разговоров в гостиных Петербурга. Венецианов видел ее также, но не ограничился одним удивлением; поразительная в ней истина начала

тревожить его; он часто ходил смотреть на эту картину, и все более и более интересовало его узнать секрет, подсмотреть тайну волшебства. «Что тут за тайна! — говорили многие. — Вы видите, какая резкая противоположность света и тени; это просто эффект, оттого и натурально. Не будь этого резкого света, все бы пропало». «Гм, не думаю, может быть и не так,— смекал про себя Венецианов,— нет, это не от резкого света такая истина; свет — светом; но тут есть что-то гораздо проще, гораздо выше всякого контраста света и тени, а что такое — не знаю; подумаю, поищу, посижу еще перед картиною». Занятый такими мыслями, шел однажды Венецианов из дворца домой, и ему пришло на мысль: «Не есть ли это выражение той простой истины, которая является во всем великом, во всем истинно прекрасном? Не есть ли это гениальная догадка, вывод светлого, зрелого ума художника, или то, что я попросту называю: пиши, что видишь, не мудри? Может быть, это бесхитростное воззрение на натуру. Нарисуй себе комнатку по правилам перспективы и начни писать ее, не фантазируя; копируй натуру настолько, сколько видит глаз твой, потом помести в ней, пожалуй, и человека и скопируй его так же бесхитростно, как стул, как лампу, дверь, замок, картину,— человек выйдет так же натурален, как и пол, на котором он стоит, и стул, на котором он сидит... Попробую, и написал небольшую комнату в своей квартире. Сделав опыт, он не показал его никому; затаив в душе своей радость и плод открытия, он решился идти далее — уехал в деревню, подальше от шума городского, от встреч с художниками, от помех и напоминаний. Это было летом — время, благоприятное для писания с натуры. Написав две-три избы для проверки своей догадки, приступил он к гумну; написал гумно с раскрытыми дверями: мужички молотят рожь; куча смолоченной ржи на полу; телега с лошадью, и в раскрытую дверь виден край деревни. Привез он картину в Петербург, представил государю, и его величество остался до того доволен этой картиной, что кроме единовременной награды пожаловал его званием живописца его императорского величества с пожизненным пансионом. «Гумно» Венецианова по достоинству своему не уступит Гранетовым «Капуцинам». Главный мотив — один и тот же: продольный вид здания, свет на заднем плане; только свет в картине Гранета выгоднее, потому что выше горизонта картины; естественность предметов также поразительна... «Гумно» удостоилось занять место в Эрмитаже.

Венецианов любил делиться своими познаниями и достоянием с другими; это был добрейший человек; к нему обращались все бедные ученики; нередко же он и сам отыскивал их. Таким образом мало-помалу составилась у него своя школа. Человек шесть жили

у него в доме, а всех в одно время было девять человек: Крылов, Денисов, Крендовский, Алексеев, Михайлов, Зарянко, Плахов, Аврорин,[7] Тыранов, Игин[8] и Славянский. Посторонние ученики, зная доброту души его — а уж какая была душа! — по инстинкту угадывали в нем своего благодетеля; да как и не угадать, когда он, бывало, встретит ученика с портфелем или со свертком, остановит и спросит: «Что это у тебя, батюшка?» — «Рисунок». — «Покажи, голубчик. Хорошо, прекрасно! Ты давно ли учишься?» — «Давно». — «А чей ты ученик?» — «Ничей пока». — «И красками пишешь?» — «Пишу». — «Принеси ко мне показать. Ты знаешь, где я живу?» — «Знаю». — «Разве ты знаешь меня? Кто ж я?» — «Алексей Гаврилыч Венецианов». И ученик приходил к нему со своим хламом и получал наставления; а если Алексей Гаврилович видел, что он беден — и это не трудно было увидеть, взглянув на плохо сколоченный подрамник, доморощенный холст, краски, отзывавшиеся глиной с песком, даже достоинство кистей можно было определить заглазно,— то говорил: «У тебя, батюшка, материал нехорош, даже, видно, кисти плохоньки» — и, сунув руку в карман, тащил оттуда полтинник или целковый и дарил ученику на материалы; потом оглядывал его пристально, если замечал живописные развалины его сюртука, то говорил: «Эх, жаль, у тебя и сюртучок-то плох! Ну, да бог милостив, трудись, голубчик, приноси ко мне свои работки, а там и этому горю поможем».

У него была своя особенная метода преподавания. Он отвергал первоначальное рисованье с так называемых оригиналов. И точно, они настолько же оригинальны, как дурные гипсовые слепки с прекрасных мраморных статуй. Он начинал учение прямо с гипсов и с других предметов, каковы коробочки, яйцо, стул, фуражка, корзинка, находя, что ученик этим способом вместе с линиями привыкнет и к освещанию форм; за красивым штрихом он не гонялся, потому что в сущности эти штрихи ничего не выражают, кроме однообразия и нелепого уклонения от истины: ученик, привыкнув однажды к этим красивым рогожкам, с большим трудом понимает лепку предметов, особенно лепку тела и разных тканей, которых не выразить никаким замысловатым штрихом, над которым как юноши, так и барышни сидят, нагнув головы и любуясь, как красиво укладываются штрихи, не приносящие им впоследствии никакой помощи. Перейдя на гипс и на другие круглые предметы, они не видят там своих любезных штрихов, долго трудятся над рисунком, пока поймут, в чем дело: желают изобразить гипс — и выходит «оригинал». Вообще же замечено, что те рисунки с гипсов, где более передана лепка форм и материальность гипса, менее всего содержат в себе красивых штрихов; ergo [следовательно. — *франц.*],

рисование с оригиналов — бесполезная трата времени и может быть допущено только при большой массе учеников, где преподавание другого рода не так удобно. Когда ученик Венецианова приступал к писанию красками, то те же самые несложные предметы служили ему образцами: гипсовые головы, ленты, фрукты, стеклянные и металлические вещи,— до тех пор, пока он не ознакомится с употреблением красок и кистей. Для большей занимательности составлялись небольшие группы из разных мелочей: кабинетных вещиц, дамского туалета или цветов и фруктов; на этих маловажных предметах ученик приучал свой глаз различать не только их цвета, но и вещественную разницу: лента атласная, кусок бархата, белый холстяной платок, черепаховая гребенка или французская перчатка, золото и серебро,— все это предметы, которых материальное различие должен осязательно чувствовать и передать живописец, особенно портретный, и еще более жанрист или перспективный, изображающий внутренность церквей, дворцов и пр. Для этого, по-видимому, маловажного различия нужна необыкновенная зоркость глаза, сосредоточенность внимания, анализ, полное доверие к натуре и постоянное преследование ее изменений при различной степени и положении света; нужна ясность понимания и любовь к делу. Ученика, ознакомившегося таким образом с красками, сажал Алексей Гаврилович в Эрмитаже или во дворце для написания перспективы. Ученик делал сперва точный рисунок на бумаге или на холсте, смотря на сложности сюжета, и начинал писать красками, не торопясь, осторожно, рабски копируя натуру. Здесь открывалось для него обширное поле деятельности; терпение его подкреплялось приятною надеждою, что если его картина будет удачно исполнена, то удостоится чести быть представленною государю императору и, следовательно, художник будет щедро награжден. Алексей Гаврилович почти каждый день навещал своих учеников в Эрмитаже и во дворце; у него всегда было дело к министру дворца, князю Волконскому. Князь любил его. Какое же дело было у него к князю? — похлопотать об учениках, узнать, не вышла ли кому награда, напомнить о картине, представленной государю, тому пособить, того освободить от податного состояния. Князь любил художников и много делал им добра; я сам многим ему обязан. Не раз Алексей Гаврилович приходил к князю Волконскому или подбегал к нему в Эрмитаже и невпопад: у князя много было забот и без нашей братии. Раз как-то не в духе был князь. Алексей Гаврилович подошел к нему в Эрмитаже с какою-то просьбою: «Поди прочь, мне некогда,— сказал князь,— приходи завтра». Пошел старичок назад, открыл свою табакерку и понюхал табачку, чтоб не так заметна была слеза на глазах, потому что дело было очень важное: хотелось

испросить маленькое пособие каким-то сироткам. На другой день веселый пришел он к нам от князя и сказал: «А ведь вчерашнее-то дело уладили!»

Ученики, писавшие перспективы в Эрмитаже и во дворце, были: Крылов, Плахов, Алексеев, Крендовский, Денисов, Тыранов, Зарянко и глухонемой Беллер. Почти все комнаты Зимнего дворца и многие галереи Эрмитажа были написаны учениками Алексея Гавриловича; все они были представлены государю, и многие из них посланы в подарок прусскому королю и другим королевским особам в Германии. Картина Тыранова, изображающая французскую Библиотеку,[9] была помещена в Эрмитаже, в Русской галерее, где находилось и «Гумно» Венецианова; другие находятся в Зимнем и в загородных дворцах. Зарянко писал при мне так называемую «Аполлонову комнату»,[10] что перед Георгиевской залой. В картине Тыранова и во всех этих произведениях весьма много истины: правдоподобие предметов достигалось через слепое подражание, так сказать, копирование натуры, стройность и согласие в целом и в частях; дальние планы уходят от глаза зрителя, а ближайшие приближаются; потолок, карнизы, изукрашенные резьбой, живописью и позолотой, легко тянутся над пространством; блестящий узорчатый паркет так вот и стелется под ноги, отражая в себе пьедесталы с вазами, бюстами и канделябрами. Картины, пагнувшись, висят по стенам, то явственно являя свои изображения, то слегка подернутые матовым блеском от окон или испещренные радужными переливами отражений предметов. Зеркала, вбирая в себя все отражения, удваивают и утраивают противолежащие предметы и при всем разнообразии отражений являются в картине только зеркалами, а не отверстиями в стене, в которые видно продолжение залы. Темноватый тон отражений и мягкость контуров, с которою они написаны, придают им трудно уловимую художником истину. Столы, кресла, окна и занавесы и все малейшие подробности украшений царских покоев во всей своей изящности дополняют изображения. При взгляде на картину прежде всего является глазу целость общего, потом более крупные массы, наконец, начинают выясняться маленькие подробности украшений. А какие богатые предметы для изучения! Ряд мраморных колонн, лабрадоровые столы, фарфоровые вазы с живописью, мраморные статуи, порфировые и яшмовые вазы, хрусталь, бронза, штофы, атласы, ковры, красное и ореховое дерево и паркет точно зеркало; есть где прогуляться лучу света, когда он ворвется в окно со стороны Невы и, наподобие отражения луны на гладкой поверхности моря, мелкой сеткой света побежит по полу,— все это так же стройно, прекрасно и величественно в картинах, как и в натуре; право, иной раз, глядя на картину, как бы вдыхаешь в себя

легкую атмосферу дворца, которою, бывало, так отрадно дышать, когда, войдя со своим мольбертом и с холстом, приготовишься к работе. Все мы счастливо и весело учились в дворцовых залах; а кому были обязаны за эту науку и за радости сердечные? — Алексею Гавриловичу Венецианову. Мы все пришли к нему голышами; у каждого были свои нужды; он помогал нам всячески, и все мы теперь едим хлеб, и кто жив из нас, все живем его попечением о нас... И знаете что еще? — Ни один дурным путем не пошел; он и воспитывал нас и добру учил, а кого и грамоте заставлял учиться. Его семейство было нашим семейством, там мы были как его родные дети; по воскресеньям сходились у него приятели обедать, оставались и на вечер: он любил общество; много умных людей бывало у него, много и прекрасных гостей собиралось, и побеседуем, бывало, и послушаем умных бесед, и потанцуем, и подурачимся, и вовремя по домам, на койку, встанем пораньше да и во дворец или в Эрмитаж. Многих он своим ходатайством на свободу вывел, обо всех хлопотал, как о своих детях; тому урочек достанет, тому работку. Однажды, помню, какой-то господин просил его написать портреты детей; это было под праздник Рождества. Алексей Гаврилович был занят образами для Смольного монастыря; не отказал однако ж, взялся, и вот как распорядился заказом: деток было, кажется, четверо; сочинил он портреты этих малюток в венке из цветов и роздал ученикам; кто был посильнее в деле, тот написал по головке; кто послабее, тому часть гирлянды, и на мою долю выпало несколько розанов, и по разделу получил я два червонца. Василий Андреевич Жуковский пожелал иметь перспективный вид своего кабинета и в нем портреты лучших своих друзей и приятелей;[11] нужно было поместить более десяти человек и всех написать с натуры; и с этой картиной распорядился Алексей Гаврилович точно так же. Кажется, Михайлов написал кабинет, другие ученики писали фигуры; на мою долю достались тоже две фигуры.

Ученики у Венецианова знакомились со всеми предметами, потому что не знал он, какой кому придется избрать род живописи; знал только, что для каждого рода живописи нужно уметь написать то, и другое, и третье. Назову лучших учеников его.

Тыранов, писавший так много прекрасных портретов и бывший пенсионером в Италии, где также приобрел себе известность; Зарянко, прежде занимавшийся перспективною живописью и написавший превосходную перспективу церкви Николы Морского, теперь же сделавший себе громкое имя живописью портретной. Кто не удивлялся его портретами, украшающими петербургскую выставку вот уже несколько лет сряду, где сходство, жизнь, а также прелесть одежд переданы с таким совершенством? Весьма даровитый

художник Плахов, к сожалению, утративший свою самобытность в Дюссельдорфской школе, где немецкое начало не привилось к русской натуре. Плахов был — огонь. Скажу мимоходом, что отец его, инженер-полковник, заметив в сыне своем дарование к живописи, по какому-то странному соображению привез его в Петербург, отдал рисовальщиком к литографу Бегрову[12] по контракту на шесть лет, где он и рисовал на камне. Венецианов имел дело со всеми. Зайдя однажды в праздничный день к Бегрову, застал он одного только юношу, трудившегося над камнем; взглянул на его рисунок и, узнав, что это было даже его собственное сочинение, заинтересовался им. «Кто вы такой?» — «Такой-то». — «Как вы сюда попали?» — «Вот так-то». — «Как, и обязаны контрактом?» — «Да, на шесть лет». — «Боже мой! Ну, батюшка, делать нечего, потерпите немного; не сказывайте никому про наше свидание,— и, сказав ему свою фамилию, прибавил: — Я попробую, не уладим ли мы вашего дела иначе», и марш к князю Волконскому. Уж это было такое важное дело, что камердинер князя и двери настежь; в пять минут разговора устроилось все: князь взялся горячо, доложил государю, и через несколько дней Плахов был отдан в ученики Венецианову. Как уж они обделали это дело — не знаю; знаю только, что Плахов занимался у Алексея Гавриловича с большим успехом.

Александр Алексеевич Алексеев (я назвал его по имени для того, чтоб не смешивать его с академиком Алексеевым, который в то время заведовал школой живописи в Арзамасе), чрезвычайно даровитый молодой человек, писал весьма хорошо с натуры, имел первую серебряную и вторую золотую медали от Академии и владел особенным даром копировать с различных мастеров; эта способность подметить и передать манеру мастера при хорошем знании рисунка делала копии его драгоценными. Через большую наглядность на древние картины и изучение многих манер письма, особенно в копиях с картин, потемневших от времени, он умел передавать, так сказать, первобытный их колорит. Здесь кстати поместить мнение К. П. Брюллова, высказанное им однажды по поводу разговора о копиях. Как опытный и умный художник, он говорил, что, «чем ближе скопирована копия в тоне с подлинником, тем скорее она от него отстанет». Это весьма натурально. В оригинале некоторые краски от времени потемнели, а другие поблекли; особенно претерпевают большое изменение темные массы, потому что они редко пишутся одними цельными красками, а проходятся лессировкой по два и по три раза. Поэтому Брюллов советовал держать их в копии немного светлее, а поблекшие колера — немного свежее, ярче. Тогда только можно надеяться, что краски копии, претерпев необходимый процесс от влияния света и воздуха, остановятся на

точке, весьма близкой к оригиналу, а не перейдут за черту, на которой являются они в оригинале. Не говорю уже о другой, не менее важной причине, что копиист всегда более или менее затрудняется в подборе красок и накладке их по манере мастера, отчего живопись его теряет ту смелость ударов кисти и свежести красок, с какою написан оригинал; а потому при копировании в отношении механизма необходимо иметь большую осторожность и соображение; тогда только копия, сделанная немного светлее оригинала (разумеется, сохранив рисунок и гармонию красок), будет несравненно выше той, которой художник силился передать сходство точь-в-точь с оригиналом. Сравните такую копию с оригиналом через полгода, и вы убедитесь в истине сказанного Брюлловым. В императорском Эрмитаже есть картина Рубенса «Мария Магдалина, умащающая мирром ноги Иисусовы» и копия с нее Вандика, вероятно снятая вскоре после окончания оригинала. Вандику ли не были известны краски и манера Рубенса, а между тем его копия кажется столетием старше оригинала; она темна и утратила всю прелесть и свежесть колорита, которым пленяет вас оригинал Рубенса. К. П. Брюллов в копии своей с «Иоанна» Доменикино[13] не упустил из вида этого соображения и держал копию немного свежее.

Денисов — даровитый юноша, прелестный собой, с прекрасными душевными качествами; он был скромен, как девушка; в манерах его было что-то женственное, придававшее особенную прелесть его личности. Такая же грация проявлялась и в его произведениях; их было немного; ранняя смерть застигла его в самом начале его деятельности и похитила у нас этого милого юношу и, может быть, прекрасного художника. Он успевал весьма быстро; лет восемнадцати он рисовал уже весьма хорошо и приятно писал красками. Под наблюдением своего наставника, Алексея Гавриловича Венецианова, он написал несколько головок, мужских и женских, с мужичков, две-три небольшие перспективы, из которых «Мастерская сапожника» была лучшею; с нее есть много хороших и плохих литографий. Во дворце написал он портретную галерею; потом, по приказанию государя императора, начал писать Георгиевскую залу. Когда прибыл в Петербург персидский посол Хозрев-Мирза, Денисов был помещен в Георгиевской зале так, чтобы он мог все видеть. Во время приема посланника тут же, подле художника, находился и Алексей Гаврилович Венецианов и помогал юноше разместить на особо заготовленном рисунке ряды гренадеров Золотой роты, Дипломатический корпус и придворные чины, присутствовавшие в церемониале. Картина была поднесена государю и удостоена одобрения; художник был щедро награжден и послан в Берлин к профессору Крюгеру, где вскоре и скончался.

Плахов, как упомянул я выше, был у нас огонь, в высшей степени даровитый юноша с посредственным образованием и сильно развитым воображением, весельчак, рассеянный до странности, хороший товарищ и трудолюбивый ученик. У Венецианова писал он и портреты, и перспективы, и сцены народные, и даже образа; имел также большое расположение к пейзажу; а уж как он схватывал характер мужичков — на удивление! Года через два был он принят пенсионером в Академию художеств. В то время кроме казенных воспитанников, обучавшихся наукам и искусствам, принимались и сторонние молодые художники, подававшие надежды; они получали квартиру, дрова и свечи и с небольшим 400 рублей ассигнациями в год на стол и одежду. Плахова поместил инспектор в одной большой комнате подле лазарета; для какого назначения она служила прежде, право, не знаю, но комната почти на половине своей ширины имела возвышение ступеньки в три. Лучшей комнаты нельзя было придумать для Плахова; на этом амвоне воздвиг он свою кровать со всеми принадлежностями хозяйства, которое, сказать откровенно, отличалось у него особенным живописным беспорядком. Во-первых, постель всегда была скомкана, как будто он на ней вальсировал; подле кровати стояло старинное кресло, на котором лежали и висели совершенно разнородные вещи, никогда не встречающиеся у аккуратного человека ни в шкафу, ни в комоде, ни на столе. Например, лежавший тут вицмундир обнимал своими руками древко половой щетки, воткнутое в отставной чайник, на носу которого висела упавшая со стула манишка с дорогими пуговочками и золотой булавкой; на вицмундире лежала палитра с засохшими красками; в круглой вырезке ее для большого пальца торчала головная щетка или гребенка, держа в зубах своих визитные карточки; подле кресла — новая шляпа с старыми перчатками, которых первобытный цвет трудно было угадать; тут же красовалась дорогая палочка с сердоликовой или бронзовой головкой, до которой не советовал бы я никому дотрагиваться: нередко головка палочки была сильно напомажена красками, потому что она заменяла иногда муштабель, исправлявший на этот раз должность кочерги. Случалось, что художник, угощая товарища чаем, начинал с того, что выгонял из чайника целый рой мух, потом клал сахар в стакан, на донышке которого было вареное масло, и, налив в него чай, мешал если не ключом от чулана, то рейсфедером, не вынув из него итальянского карандаша. Не думайте однако, чтоб Плахов не любил щеголять; напротив, он был большой франт, любил дорогое платье и золотые вещи; даже завивался весьма часто; брился не всегда сам, потому что, затеряв перочинный или столовый нож, он употреблял бритвы для очинки карандашей и для резания твердой

говядины, которую, повозив бесполезно по тарелке, швырял в угол комнаты, где оставалась она до тех пор, пока не убирала ее или собачка, вошедшая с посетителем, или лазаретная кошка, сидевшая на большой диэте по предписанию смотрителя лазарета. Небольшой, даже малый рост художника уничтожал все попытки его казаться молодцом. Стянув талию фраком, которому, верно, также хотелось сидеть выше, потому что он, скользя по жилету вверх, вытеснял за собою и манишку туда же, он надевал перчатки, шляпу набекрень, драпировался плащом с бархатным подбоем так, чтоб рука с палочкой была свободна, и, напевая арию из «Фрейшюца»,[14] отправлялся на урок; но едва он переступал пять-шесть ступеней вниз по лестнице, как штрипка обрывалась, плащ сваливался с плеча и, оставаясь в таком свободном положении, мел остальную часть лестницы, тротуар и улицу, хотя бы на ней была грязь. Плахову все было нипочем — широкая была натура! Нередко, воротясь домой, находил он дверь своей мастерской незапертою; входил в нее, осматривался кругом, ища вора, выбегал в коридор, а оттуда в лазарет и обращался к сиделке с грозным вопросом о взломе, кричал, грозил ей палкой, между тем как та стояла над труднобольным, только крестилась и, покачивая головою, молча указывала ему на карман; тогда художник, сунув руку в карман фрака, находил свой ключ и хохотал, как безумный, задабривая старуху полтинником из суммы, полученной за уроки. Хорош он был поутру со своей прической: круто завитые и напомаженные вчера волосы, потерпев большое расстройство во время сна, тревожимого затейливыми сновидениями, вихрем подымались на голове его; красный атласный халат, наброшенный на плечи, длинный чубук с янтарем в зубах придавали фигуре художника особенную важность, когда он расхаживал по комнате или останавливался перед рядом своих картин различного содержания и пересматривал их свежим взглядом. Интересно было посмотреть на него в это время сзади: коротко остриженный затылок, над которым возвышался фантастический букет волос, длинный красный халат, который, падая с плеч широкими складками, ложился по полу, и вся великолепная фигура художника, рисовавшаяся на облаке дыма от трубки, делала его похожим на Самиеля в 4-м действии «Фрейшюца»[15] — так он был величественно страшен в эти минуты! Мы были с ним короткие приятели, жили даже одно время вместе; но, признаюсь, никогда не мог я привыкнуть к его оригинальности и часто хохотал над странностями, хотя и любил его всей душой; он был большой чудак, но предобрый малый. Любил он беседовать об искусстве, которым весь был проникнут; любил слушать чтение умной книги, сам же не был охотником до чтения; слушая других, он с детской наивностью приходил в во-

сторг, если что задевало его за душу. «Вот, братец, Мокрицкий,— говорил он тогда,— ведь и у нас есть люди умные, да ленятся писать. Будь я, например, писатель, у меня бы все пошло в дело. Разве природа бедна? Разве это не великая книга? Не умеют читать ее, не сочувствуют, братец, ничему; сердце у них холодное, братец, а предмет сам просится под перо, не видят ничего, пишут обо всем так вяло, сухо, жизни нет, братец, нет красок и освещение какое-то подслеповатое»,— говорил он сквозь слезы, подымаясь на пальцах и размахивая чубуком. А я, бывало, смотрю на его прическу и едва удерживаюсь от смеха. Окончив речь свою, он принимался тянуть из чубука, но трубка не курилась, тогда он, подойдя к топившейся печке, со всего размаха сунет, бывало, трубку в горящие угли, и трубка возвращалась оттуда с кучей золы с огненными блестками, а иногда и оставалась там, и только вспыхнувший конец чубука возвещал о случившемся. Но Плахов, привыкший к таким потерям, спокойно тушил пожар полою халата и, смеясь, надевал на чубук другую трубку. Он работал весьма много и скоро; в мастерской его всегда было пять-шесть картин, которые не застаивались; их разбирали нарасхват и по-тогдашнему платили недешево. Он писал перспективы, и с большим успехом, кузницы, столярные и другие рабочие. Подвалы Академии, где жили водовозы и сторожа, представляли богатое поприще для его плодовитой кисти; он подмечал сцены рабочих и передавал характеры их с неподражаемой истиною, тем более что и обстановка сцены была передаваема во всей точности. Одна его кузница была представлена государю, так же как и «Пирушка водовозов», в которой изображен пляшущий кучер, и небольшая картинка, представляющая часть подвала с четырьмя фигурами: у окна на лавке сидит старик и внимательно слушает чтение какой-то грамотки, чтец долбит пальцем в книгу, по складам разбирает слова; на полатях другой слушатель лежит на локтях, поддерживая обеими руками голову, а подле чтеца стоит спиной к зрителю другой парень, в синей рубахе, держа в правой руке штофик против света, а левую отнеся назад; должно быть, поправляет поясок — жест, выражающий затруднительное положение или скрытое неудовольствие. Эта небольшая картина имела такой успех, что художник должен был копировать ее несколько раз. То же было и со многими другими удачными картинами Плахова. Пейзажем занялся он, побывав в Финляндии, где, особенно на Иматре, запасся многими мотивами и написал массу картин.[16] Писал он и море и не побоялся написать большую картину: рыбаков, застигнутых бурею; и все это по одним впечатлениям, ни у кого не учась. Его успех и ранняя известность были равно для него вредны; они питали его самолюбие и не давали ему времени опомниться; успех его шел об

руку с быстро приобретавшимся механизмом и отвлекал от правильного систематического учения; к сожалению, не нашлось ни одного человека, который бы своим влиянием образумил его. Ему давали деньги, а он сорил ими. В его произведениях недоставало художественной отделки; это были мастерские эскизы, из которых легко было сделать изящную вещь, придав ей более отчетливости. Пылкая натура Плахова и избыток жизни требовали сильного влияния, осторожного и деликатного руководства. А. Г. Венецианов был слишком слаб и добр, видел, что он увлекается, пытался остановить его, но напрасно; нужно было другое, гораздо сильнейшее влияние, но его не было, а потому Плахов продолжал начатое и, так сказать, увлекаемый вихрем, мчался, куда, и сам не знал. Оканчивалось его четырехлетнее пребывание в Академии; задавались программы. Плахову, писавшему дотоле мужичков, задали Велизария с проводником. Он ужаснулся, но делать было нечего, живопись de genre [жанровая. — *франц.*] тогда еще не была введена в состав программы; римские тоги не давали хода национальной русской самобытности, и на Плахова смотрели как на скомороха, срывавшего улыбку с уст невежд, а уста, сложенные с историческою важностью, не признавали в нем никакого достоинства, не замечая того, что юный Штернберг,[17] пленяясь картинками Плахова, готовился взять первую золотую медаль за освещение пасх в заутреню на светлое Христово воскресенье в Малороссии. Можно было предвидеть, что Плахов со своим «Велизарием» оборвется на экзамене.[18] Так и случилось. Огорченный неудачею, подготовившею его падение, Плахов горько заплакал и возненавидел то место, где могло развиться и образоваться его дарование. Незадолго до этого один доброжелательный человек[19] предложил ему пособие с тем, чтобы он ехал в Берлин, обещая содержать его там три года и полагая, что Плахов исчерпает там всю мудрость. Плахов с горячностью принял предложение, достал паспорт, распродал и роздал свои вещи и уехал в Берлин. Но и тут остался он верен своему характеру: уезжая, запер он свою мастерскую, оставя в ней открытые окна, и увез с собою ключ. Несколько дней спустя понадобилась инспектору комната Плахова. Искали ключа, спрашивали у служителей — никто не знал; послали за слесарем, отперли дверь, и стая голубей, с шумом поднявшись на воздух, закружилась над головами сторожей и, свистя крыльями, вылетела в окно. Много живописных остатков, валявшихся на полу, свидетельствовало об отсутствии деятельного хозяина, который был уже далеко. Более пяти лет был он за границей; не обошлось, конечно, без трудных минут в этой новой жизни; но судьба-баловница не оставляла и там своего любимца. Встреча в Дюссельдорфе с В. А. Жуковским доставила Плахову счастье, какого он не ожидал.

Жуковский взял его с собою в Эмс, представил государю-наследнику, который, заняв его заказами, милостиво и щедро одарил его. Плахов в письме из Эмса описывал мне все удовольствия, какими он наслаждался, находясь при особе государя-наследника, сопровождая его на всех гуляньях и праздниках народных; рассказывал, как он был обласкан всеми, состоявшими в свите его императорского высочества, как он потом отправился с государем-наследником на пароходе по Рейну до Базеля, видел Кельн, Кобленц, Майнц, Франкфурт, как он, упоенный восторгом, внимал шуму Шафгаузенского водопада, как поражен был величием и красотой Альпов с их снежными вершинами и пр. Щедро одаренный, Плахов возвратился в Германию с пенсионом от великого князя-наследника по 2000 рублей ассигнациями в год. Мне мало известна деятельность Плахова по возвращении его в Россию; но из всего, что я видел, можно было судить, что пребывание его в Дюссельдорфе не много принесло ему пользы; немецкий элемент не привился к широкой русской натуре Плахова, он сжался в чужие формы. Правда, в работах его видно было более отчетливости, но менее смелости; заметна была какая-то робость и недоверчивость; заметно было, что, как говорится, он от своего отстал, а к чужому не пристал. Вскоре после возвращения из Германии Плахов принужден был взять с подряда пять иконостасов для церквей, строившихся тогда от Министерства государственных имуществ; сдав их и получив небольшую сумму, он занялся дагерротипом и, приобретя некоторую опытность в этом деле, уехал в Малороссию. Где он теперь — бог знает. Дагерротип в моде: так, надо думать, и он не без хлеба. Чувствовал ли Плахов свое падение или нет, это я видел в 1849 году, возвратившись из Рима. Когда я пришел к нему, он бросился мне на шею и зарыдал, как дитя: «Ты, вот, по крайней мере был там, куда стремился, и воротился с знанием своего дела; а я, братец, пропал, совершенно пропал. Проплясал я свою весну. Трудно мне было; знал я и радости, узнал и горе. Теперь надо на старость хлеб припасать. Поеду вот с этой шарманкой по России,— говорил он, указывая на дагерротипный прибор,— буду людей морочить, братец, лишь бы с голоду не помереть»,— прибавил он и залился смехом, напомнившим мне цветущую пору жизни его.

Михайлов — отличный техник в живописи, бывший долгое время в Италии и в Испании, подаривший нас превосходными копиями с Риберры Эспаньйолето,[20] с Рафаэля, Мурильо, Зурбарана[21] и других великих мастеров. Начал он свое художественное поприще под руководством Алексея Гавриловича Венецианова; писал перспективы, из которых кабинет В. А. Жуковского и Античная галерея в Академии художеств заслуживают особенного внимания. Начав

в юности писать масляными красками, он рано приобрел необыкновенную свободу и ловкость письма, развившуюся впоследствии наглядкой из-под кисти Брюллова, у которого он был учеником в продолжение девяти лет. Важное приобретение это применил он с успехом в копиях с великих мастеров. В Академии он получил вторую золотую медаль за программу «Прометей» и первую — за «Смерть Лаокоона с детьми».

Был у нас еще один ученик — Крендовский;[22] он исключительно занимался перспективой, и весьма удачно. Жаль, что не долго оставался он в Петербурге, домашние обстоятельства вызвали его на родину, в Кременчуг, где он женился. Мы слышали, что он ныне живет подле Кременчуга и по-прежнему занимается живописью; приготовляет и учеников.

Очертив слегка деятельность Алексея Гавриловича и учеников его, мы, кажется, достаточно определили важность значения этой маленькой школы в области русского искусства.[23] В тот период времени между Александром Ивановым,[24] посланным в Италию еще в 20-х годах, и Завьяловым[25] и Шамшиным,[26] посланными в 1836 году, из живописцев только Лебедев[27] и Щедрин[28] были отправлены за границу. Период этот был небогат: в течение этого времени из молодых художников преимущественно ученики г. Венецианова трудились для петербургской публики, и у всех у них была разная манера писать; каждый видел и писал по-своему, но у всех был один принцип. Тыранов не походил на Алексеева, Плахов не походил на Крылова, Денисов — на Крендовского, Михайлов — ни на кого; даже, что весьма редко случается в школах, никто не походил на своего мастера. Алексей Гаврилович умел передать всем ученикам своим одно начало, но давал полную свободу развиваться особенностям их таланта; даже учил он нас не одинаковым образом: приноровлялся к способности каждого и только помогал ему своею методою, так сказать, только слегка наталкивал его на прямую дорогу, и оттого каждый шел по-своему хорошо, каждый развивал особенность своего дарования. Это умение делало то, что все ученики шли ровно, никто не выскакивал вперед, а это весьма важное достоинство в преподавателе. Один нуждался в другом и не тщеславился своим преимуществом; каждый уважал достоинство товарища и не стыдился спрашивать у него совета в том, в чем сознавал его сильнее себя. Ученики Венецианова жили как братья родные, как одна семья, несмотря на разность лет, состояний и происхождения; для него все они были равны, он одинаково любил нас, одинаково пекся обо всех, и никто не был лишен милости царской по его ходатайству.

Алексей Гаврилович уважал юное дарование ученика и, зная, что, вдавливая его в чуждую ему форму, можно лишь измять его, испортить и, следовательно, изуродовать, никогда не был так самолюбив, чтоб желать целиком отразиться в другом таланте. Он сознавал, что это драгоценное зеркало назначено для отражения прекрасного в природе; что только одно изящное достойно отражаться в душе и в глазах юного дарования, а не привитые и усвоенные кем-либо недостатки. Не так делает иной, не имеющий ни малейшей способности быть наставником, ни любви к ученикам; вместо того, чтоб указанием средств, постепенностью требований и объяснением дела облегчить их затруднения в изучении искусства, приноравливаясь к способностям каждого ученика, он, презирая юное дарование и, может быть, боясь его успехов, как бы от нечего делать подсядет к картине ученика, ловким и щегольским ударом кисти придаст ей ложный блеск и, так сказать, заклеймит ученическое произведение своим штемпелем, как клеймят мешки с товарами. Доверчивые приемщики верят клейму, а что под ним, то не их дело, и пойдет товар по матушке России. Но нередко употребление товара сопровождается вопросом: что за диво, клеймо хорошее, а товар плох? Так будет и с учеником, когда он выйдет в свет с одною только фирмою, но без знания, без изучения...

Не все сказали мы по поводу А. Г. Венецианова, многое еще можно было бы сказать о его принципах; отлагаем это до более удобного случая; заметим только, что хотя ни один из учеников Алексея Гавриловича не отличался особенным образованием, но никто из них не пошел дурным путем; и те, которые сошли со сцены художественной деятельности, сошли с нее тихо, скромно, удалились в мирные уголки России и, унеся с собою добрые начала, верно, и там будут небесполезны. Сошли же они со сцены без борений, а так, как незаметно сходят с небесного свода звездочки при блеске великолепного солнца. Гений Брюллова, успехи увлекательного таланта Айвазовского[29] и новое поколение даровитых молодых людей, учеников Брюллова, Бруни,[30] Басина,[31] Маркова,[32] Заурвейда и, наконец, Виллевальда,[33] во всех родах живописи заняли внимание публики. Один Зарянко остался и, переменив род своих занятий, держится на высоте между оспаривающими друг у друга первенство товарищами по искусству.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.[1] ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «ХУДОЖНИК». 1856

За чаем рассказал он мне про свое житье-бытье.

Грустный, печальный рассказ. Но он рассказал его так наивно-просто, без тени ропота и укоризны. До этой исповеди я думал

о средствах к улучшению его воспитания, но, выслушавши исповедь, и думать перестал: он был крепостной человек.

Меня так озадачило это грустное открытие, что я потерял всякую надежду на его преобразование. Молчание длилось, по крайней мере, полчаса. Он разбудил меня от этого столбняка своим плачем. Я взглянул на него и спросил, чего он плачет?

— Вам неприятно, что я...

Он не договорил и залился слезами. Я разуверил его, как мог, и мы возвратились ко мне на квартиру.

Дорогой встретился нам старик Венецианов. После первых приветствий он пристально посмотрел на моего товарища и спросил, добродушно улыбаясь:

— Не будущий ли художник?

Я сказал ему: — И да и нет. — Он спросил причину. Я объяснил ему шепотом. Старик задумался, пожал мне крепко руку, и мы расстались.

Венецианов своим взглядом, своим пожатием руки как бы упрекнул меня в безнадежности. Я ободрился и, вспомнив некоторых художников, учеников и воспитанников Венецианова, увидел, правда неясно, что-то вроде надежды на горизонте.

Protégé мой ввечеру, прощаясь со мною, спросил у меня какого-нибудь эстампика срисовать. У меня случился один экземпляр ‹...› Я завернул оригинал в лист петергофской бумаги, снабдил его итальянскими карандашами, дал наставление, как предохранять их от жесткости, и мы вышли на улицу. Он пошел домой, а я к старику Венецианову.

Не место, да и некстати распространяться здесь об этом человеколюбце-художнике. Пускай это сделает один из многочисленных учеников его, который подробнее меня знает все его великодушные подвиги на поприще искусства. Я рассказал старику все, что знал о своей находке, и просил его совета, как мне действовать на будущее время, чтобы привести дело к желаемым результатам. Он, как человек практический в делах такого рода, не обещал мне и не советовал ничего положительного. Советовал только познакомиться с его хозяином и по мере возможности стушевать его настоящее жестокое положение...

На другой день после этого визита встретился я с Карлом Павловичем [Брюлловым], и он спросил у меня адрес, имя и фамилию его господина. Я сообщил ему. Он взял извозчика и уехал, сказавши мне: «Вечером зайдите!»

Ввечеру я зашел.

— Это самая крупная свинья в торжковских туфлях! — этими словами встретил меня Карл Павлович.

— В чем дело? — спросил я его, догадавшись, о ком идет речь.

— Дело в том, что вы завтра сходите к этой амфибии, чтобы он назначил цену вашему ученику.

Карл Великий был не в духе. Долго он молча ходил по комнате, наконец плюнул и проговорил:

— Вандализм! Пойдемте наверх,— прибавил он, обращаясь ко мне, и мы молча пошли в верхние комнаты, где помещались его спальня, библиотека и вместе столовая.

Он велел подать лампу, попросил меня читать что-нибудь вслух, а сам стал кончать рисунок-сепию «Спящая одалиска» для альбома, кажется, Владиславлева.[2]

Мирные занятия наши, однако ж, продолжались недолго. Его, как видно, еще преследовала свинья в торжковских туфлях.

— Пойдемте на улицу,— сказал он, закрывая рисунок.

Мы вышли на улицу, долго ходили по набережной, потом вышли на Большой проспект.

— Что, он у вас теперь дома? — спросил он меня.

— Нет,— отвечал я,— он у меня не ночует.

— Ну, пойдемте ужинать. — И мы зашли к Дели.

Я видел немало на своем веку разного разбора русских помещиков: и богатых, и средней руки, и хуторян. Видел даже таких, которые постоянно живут во Франции или Англии и с восторгом говорят о благосостоянии тамошних фермеров и мужичков, а у себя дома последнюю овцу у мужика грабят. Видел я много оригиналов в этом роде, но такого оригинала, русского человека, который бы грубо принял у себя в доме К. Брюллова, не видал.

Любопытство мое в сильной степени было возбуждено, я долго не мог заснуть: все думал и спрашивал сам себя, что это такое за свинья в торжковских туфлях. Любопытство мое, однако ж, охладело, когда я на другой день поутру стал надевать фрак. Благоразумие взяло верх. Благоразумие говорило мне, что эта свинья не такая интересная редкость, чтобы из-за нее жертвовать собственным самолюбием, хотя дело требовало и большей жертвы. Но вот вопрос: а если и я, по примеру моего великого учителя, не выдержу пытки,— тогда что?

Подумавши немного, я снял фрак, надел свое повседневное пальто и отправился к старику Венецианову. Он практик в подобных делах, ему, верно, не раз и не два приходилось иметь стычки с этими оригиналами, стычки, из которых он выходил с честью.

Венецианова я застал уже за работою. Он делал тушью рисунок собственной же картины «Мать учит дитя молиться богу».[3] Рисунок этот предназначался для альманаха Владиславлева «Утренняя заря».

Я объяснил ему причину несвоевременного визита, сообщил адрес амфибии, и старик оставил работу, оделся, и мы вышли на улицу. Он взял извозчика и уехал, а я возвратился на квартиру, где уже застал моего веселого, счастливого ученика ⟨...⟩

— У хозяина,[4]— проговорил он, принимая книги,— кроме тех, что на стенах висят, у него полная портфель эстампов, но он мне не позволяет рисовать с них: боится, чтобы я не испортил.

— Да ⟨...⟩ — продолжал он, улыбаясь,— я сказал ему, что вы водили меня к Карлу Павловичу и показывали мои рисунки, и что ⟨...⟩ — тут он запнулся,— и что он ⟨...⟩ да, впрочем, я сам тому не верю.

— Что же? — подхватил я. — Он не верит, что Брюллов похвалил твои рисунки?

— Он не верит, чтобы я и видел Карла Павловича, и назвал меня дураком, когда я его уверял.

Он хотел еще что-то говорить, как в комнату вошел Венецианов и, снимая шляпу, сказал, усмехаясь:

— Ничего не бывало! Помещик как помещик! Правда, он меня с час продержал в передней, ну, да это уж у них обычай такой. Что делать, обычай тот же закон. Принял меня у себя в кабинете. Вот кабинет мне его не понравился. Правда, что все это роскошно, дорого, великолепно. Но все это по-японски великолепно. Сначала я повел речь о просвещении вообще и о филантропии в особенности. Он молча долго меня слушал со вниманием и, наконец, прервал: «Да вы скажите прямо, просто, чего вы от меня хотите с вашим Брюлловым? Одолжил он меня вчера. Это настоящий африканский дикарь!» И он громко захохотал. Я было сконфузился, но вскоре оправился и хладнокровно, просто объяснил ему дело.

— Вот так бы давно сказали, а то филантропия! Деньги, и больше ничего! — прибавил он самодовольно. — Так вы хотите знать решительно цену? Так я вас понял?

Я ответил: «Действительно, так».

— Так вот же вам моя решительная цена: две тысячи пятьсот рублей! Согласны?

— Согласен,— отвечал я.

— Он человек ремесленный,— продолжал он,— при доме необходимый... — И еще что-то хотел он говорить, но я поклонился и вышел. И вот я перед вами,— прибавил старик, улыбаясь.

— Сердечно благодарю вас.

— Вас благодарю сердечно! — сказал он, крепко пожимая мне руку. — Вы мне доставили случай хоть что-нибудь сделать в пользу нашего прекрасного искусства и видеть, наконец, чудака — чудака,

который называет нашего великого Карла американским дикарем. — И старик добродушно засмеялся.

— Я,— после смеха сказал он,— я положил свою лепту, теперь дело за вами, а в случае неудачи я опять обращусь к Аглицкому клубу. До свидания пока!

— Пойдемте вместе к Карлу Павловичу,— сказал я.

— Не пойду, да и вам не советую. Помните пословицу: «Не вовремя гость хуже татарина», тем паче у художника, да еще и поутру,— это бывает хуже целой орды татар.

— Вы меня заставляете краснеть за сегодняшнее утро,— проговорил я.

— Нисколько. Вы поступили как истинный христианин. Для труда и отдыха мы определили часы, но для доброго дела нет назначенных часов. Еще раз сердечно благодарю вас за ваш сегодняшний визит. До свидания! Мы сегодня обедаем дома, приходите. Бельведерского, если увидите, тащите и его с собой,— прибавил он, уходя. Бельведерским называл он Аполлона Николаевича Мокрицкого, ученика Брюллова и страстного поклонника Шиллера.

На улице расстался я с Венециановым и пошел сообщить Карлу Павловичу результат собственной дипломатии, но, увы, даже Лукьяна[5] не нашел. Липин,[6] спасибо ему, выглянул из кухни и сказал, что они ушли в портик. Я в портик — и там заперто. (Портиком называлось у нас здание за теперешним академическим садом, где помещались мастерские Брюллова, барона Клодта, Зауервейда и Басина.) Через Литейный двор я вышел на улицу и, проходя мимо лавки Довицпели,[7] увидел в окне кудрявый профиль Карла Великого. Увидя меня, он вышел на улицу.

— Ну, что? — спросил он.

— Где вы сегодня обедаете? — спросил я.

— Не знаю, а что?

— А вот что,— говорю я,— пойдемте к Венецианову обедать. Он вам такие чудеса расскажет про амфибию, каких вы, наверное, никогда не слыхали, да никогда и не услышите.

— Хорошо, пойдем,— сказал он, и мы отправились к Венецианову.

За обедом старик рассказал нам историю своего сегодняшнего визита, и, когда дошла речь до американского дикаря, все мы захохотали, и обед кончился истерическим смехом. 〈...〉

Между Большим и Средним проспектом, в Седьмой линии, в доме Костюрина нанималась большая квартира Обществом поощрения художников для своих пяти пенсионеров. Кроме комнат, занимаемых пенсионерами, там еще были две учебные залы, украшенные

античными статуями, как-то: Венерой Медицейской, Аполлино, Германиком и группою гладиаторов. Этот приют (вместо гипсового класса под покровительством Тараса-натурщика) я прочил для своего ученика. Кроме сказанных статуй, там был еще человеческий скелет, а познание скелета для него было необходимо, тем более что он наизусть рисовал анатомическую статую Фишера, а о скелете не имел понятия.

С такою-то благою целью, на другой день после обеда у Венецианова, сделал я визит бывшему тогда секретарю Общества В. И. Григоровичу и испросил у него позволения моему ученику посещать пенсионерские учебные классы 〈...〉.

В продолжение этого времени часто я встречался с Карлом Павловичем, видел раза два или три портрет Василия Андреевича Жуковского[8] после второго сеанса, в разговоре с Карлом Павловичем замечал неумышленные намеки на какой-то секрет, но, не знаю почему, я сам отстранял его откровенность. Я как будто чего-то боялся, а между прочим, почти угадывал секрет.

Тайна вскоре открылась. 22 апреля 1838 года поутру рано получаю я собственноручную записку В. А. Жуковского такого содержания:

Милостивый государь N. N.!

Приходите завтра в одиннадцать часов к Карлу Павловичу и дождитесь меня у него, дождитесь меня непременно, как бы я поздно ни приехал.

В. Жуковский

P. S. Приведите и его с собою.

〈...〉 В продолжение этих длиннейших суток я раз двадцать подходил к двери Карла Павловича и с каким-то непонятным страхом возвращался назад. Чего я боялся, и сам не знаю. В двадцать первый раз я решился позвонить, и Лукьян, выглянувши в окно, сказал: «Их нет дома». У меня как гора с плеч свалилась, как будто я совершил огромный подвиг и наконец вздохнул свободно.

Бодро выхожу я из Академии на Третью линию, и тут как тут Карл Павлович навстречу. Я совершенно растерялся и хотел было бежать от него, но он остановил меня вопросом:

— Вы получили записку Жуковского?

— Получил,— едва внятно ответил я.

— Приходите же ко мне завтра в одиннадцать часов. До свидания! Да 〈...〉 если он может, приведите и его с собою,— прибавил он, удаляясь.

«Ну,— подумал я,— теперь ни малейшего сомнения, а все-таки:

«Коли чого в руках не маєш,
То не кажи, що вже твоє.»[9]

⟨...⟩ Ровно в одиннадцать часов явился я на квартиру Карла Павловича, и Лукьян, отворяя мне дверь, сказал: «Просили подождать». В мастерской в глаза мне бросилась только по славе и Миллерову эстампу знаемая знаменитая картина Цампиери «Иоанн Богослов».[10] Опять недоумение! Не по случаю ли этой картины пишет мне Василий Андреевич? Зачем же он пишет: «Приводите и его с собою»? Записка была при мне, я достал ее и, прочитавши несколько раз post scriptum, немного успокоился и подошел к картине поближе, но проклятое сомнение мешало мне вполне наслаждаться этим в высшей степени изящным произведением.

Как ни мешало мне сомнение, однако ж я не заметил, как вошел в мастерскую Карл Великий в сопровождении графа Виельгорского и В. А. Жуковского. Я с поклоном уступил им свое место и отошел к портрету Жуковского. Они долго молча любовались великим произведением бедного мученика Цампиери, а я замирал от ожидания. Наконец Жуковский вынул из кармана форменно сложенную бумагу и, подавая мне, сказал:

— Передайте это ученику вашему.

Я развернул бумагу. Это была его отпускная, засвидетельствованная графом Виельгорским, Жуковским и К. Брюлловым. Я набожно перекрестился и трижды поцеловал эти знаменитые рукоприложения.

Благодарил я, как мог, великое и человеколюбивое трио и, раскланявшись как попало, вышел в коридор и побежал к Венецианову.

Старик встретил меня радостным вопросом:

— Что нового?

Я молча вынул из кармана драгоценный акт и подал ему.

— Знаю, все знаю,— сказал он, возвращая мне бумагу.

— Да я-то ничего не знаю! Ради бога, расскажите мне, как это все совершилося.

— Слава богу, что совершилося, а мы сначала пообедаем, а потом и примусь рассказывать,— история длинная, а главное,— прекрасная история.

И, возвыся голос, он прочитал стих Жуковского:

«Дети, овсяный кисель на столе, читайте молитву!»[11]

— Читаем, папаша,— раздался женский голос, и в сопровождении А. Н. Мокрицкого вышли из гостиной дочери Венецианова, и мы сели за стол. За обедом, против обыкновения, как-то было шумнее и веселее. Старик воодушевился и рассказал историю портрета

В. А. Жуковского и почти не упомянул о собственном участии в этой благородной истории. Только в заключение прибавил:

— А я только был простым маклером в этом великодушном деле.

А самое-то дело было вот как.

Карл Брюллов написал портрет Жуковского, а Жуковский и граф Виельгорский этот самый портрет предложили августейшему семейству за 2500 рублей ассигнациями и за эти деньги освободили моего ученика, а старик Венецианов, как он сам выразился, разыграл в этом добром деле роль усердного и благородного маклера.

V ПРИЖИЗНЕННАЯ КРИТИКА

П. П. СВИНЬИН.[1] ВЗГЛЯД НА НОВЫЕ ОТЛИЧНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ, НАХОДЯЩИЕСЯ В С. ПЕТЕРБУРГЕ. 1824

⟨...⟩ **36. Картины г. Венецианова**

Наконец мы дождались художника, который прекрасный талант свой обратил на изображение одного отечественного, на представление предметов, его окружающих, близких к его сердцу и к нашему,— и совершенно успел в том. Картины, написанные г. Венециановым в сем роде, пленяют своею правдою, занимательны, любопытны не только для Русского, но и для самого иностранного любителя художеств, и мы совершенно уверены, что г. Венецианов, угождая трудами своими вкусу соотечественников, удовлетворит вместе с тем любопытству иностранцев, кои, как нам известно, желают приобретать в С. Петербурге картины, изображающие единственно русское, желают увозить с собою из столицы Русской

воспоминания своего в ней пребывания, одним словом: такие предметы, коих не могли бы они нигде в другом месте приобресть — ни в Париже, ни в Лондоне, ни в Риме! А потому весьма естественно, правильно было доселе их негодование на наших художников, кои занимаются большею частью изображением не русских сцен, а тем и ландшафтов, убавляют цены своим талантам и не могут составить себе ни имени, ни состояния.

Подвиг г. Венецианова тем еще значительнее, что, без сомнения, обратит многих художников к последованию ему, а имя его будет так же прославлено и любезно нам, как имя Вильке[2] в Англии, как Мьериса[3] в Нидерландах!

Лучшею из картин Венецианова должно почесться Русское гумно. Какая правда, какое знание перспективы! Остается сожалеть только, что художник взял на себя слишком большую обязанность — соблюсти эффект в трех светах, чего не осмелился и сам Гране. От этого целое его картины не так поражает удивлением, как части оной; оттого потолок кажется слишком затемнен, а правые группы фигур не довольно оконченными.

Другие его картинки, как-то: хозяйка, раздающая бабам лен, мальчик, проливший бурачок с молоком и проч.[4] пленительны своею правдою, приятностию кисти, вкусом и умом художника. ⟨...⟩

В. И. ГРИГОРОВИЧ. ХУДОЖЕСТВА В РОССИИ. 1825

⟨...⟩ Шесть также небольших картин г. Венецианова: два портрета крестьянина и крестьянки;[1] две, представляющие крестьянских детей;[2] одна крестьянку с грибами в лесу[3] и одна крестьянку, занимающуюся чесанием волны в избе, видимую в открытую дверь из сеней,[4] — вообще прелестны.

Венецианов избрал для себя род самый приятнейший. Мы не имеем еще своих Остадов,[5] Миерисов и проч. Он идет их путем потому, что изображает природу в простоте ее с тою же, как они, верностью и с тою же любовью. Образ живописи его оригинален приятностью кисти, точностью освещения и правдою без прикрас. Положения, которые дает он фигурам своим, по большей части естественны и потому милы. Он любит отчетливость в отделке. Можно заметить в работах его только то, что иногда уклоняется от строгости рисунка и что в некоторых приметно желание его побеждать трудности и располагать фигуры по принятым правилам. Последнее в особенности можно отнести к крестьянке, которая видна в открытую дверь. Впрочем, недостаток сей, если можно сказать так, замсняется в этом произведении прелестью освещения, приятностью исполнения и верностью линейной и воздушной перспек-

тивы. Мальчик, горюющий о том, что уронил бурак с молоком и пролил,[6] посажен как нельзя лучше. Собака, верный товарищ его, чувствует беду своего маленького хозяина. Эта картинка отличается сочинением, силой освещения и весьма хорошим рисунком во всей фигуре, исключая следка левой ноги, который, кажется, несколько великоват.

Крестьянка с грибами написана превосходно. Это вещь в роде лучших фламандской школы. Отчет, кисть, освещение, краски — все пленяет. Одна только модель, если смею сказать, не пленительна. Мне кажется, художник во всяком случае должен избрать лучшее. Можно все написать превосходно, но лучше превосходно писать то, что прекрасно, особенно если выбор предмета зависит от художника.

Мальчик, свивающий в клубок лыки,[7] — прелестная картинка по эффекту. Портрет крестьянки писан с большим старанием; портрет крестьянина наскоро (a la prima), но преимущество должно отдать последнему. В нем и более души и более правды. Кисть свободная, смелая; а в первом приметно несколько робости, голова менее круглится.

В отношении к расцвечиванию в некоторых произведениях г. Венецианова ничего желать не остается, так оно верно с натурою, но в других, как кажется, немного недостает теплоты и силы. ⟨...⟩

Г. Академик Венецианов написал портрет его превосходительства Алексея Марковича Полторацкого,[8] представляющий его в саду, распоряжающим при посадке кедра на память одного важного семейственного события. Эта картина прелестна, кисть наиприятнейшая, краски совершенно естественные, освещение верное, и все вообще мило, как нельзя более. Фигуры: Алексея Марковича и молодого садовника, с большим отчетом с натуры написанные, могли бы украсить весьма хорошую Фламандскую картинку известного мастера. ⟨...⟩

В. И. ГРИГОРОВИЧ. О СОСТОЯНИИ ХУДОЖЕСТВ В РОССИИ. 1826

⟨...⟩ Венецианов известен как портретист и живописец сельского домашнего рода. Он много произвел прекраснейших вещей сухими красками. Его произведения нравятся верностью и приятностью красок и чрезвычайной точностью исполнения света и тени. Лучшие и, можно сказать, отличнейшие в своем роде произведения его суть: внутренность гумна, спящий мужичок, деревенское утро, семейство за чаем.[1] Первая находится в Эрмитаже. В картине сей художник превосходно выполнил действие трех светов, входящих во внутренность гумна: вдали через открытые ворота, сбоку, а также через ворота и спереди через отверстие или окно в крыше. [...]

П. П. СВИНЬИН. ВЫСТАВКА В АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ. 1827

⟨...⟩ В классе ландшафтной живописи выставлены были труды гг. Дезарно,[1] Зауервейта, Рабуса[2] и Венецианова ⟨...⟩

⟨...⟩ Но особенное внимание публики обращалось здесь на произведения г. Венецианова, состоящие, как обыкновенно, из небольших картин, пленяющих русского патриота верным изображением предметов, близких его сердцу. Эти лица, это небо, эти вещи — все это русское, все невымышленное, все взято с самой природы. Оттого-то картины г. Венецианова нравятся и нам и иностранцам, оттого мы видим удивительные успехи его школы. *

⟨...⟩ Остальные две залы заняты были трудами воспитанников школы Венецианова и находящихся под покровительством Общества поощрения Русских Художников. При описании произведений Крылова, Алексеева, Тыранова, Золотова, Чернецовых почитаю приличным вместе с тем войти в некоторые подробности о любопытной школе г. Венецианова и не менее любопытных усилиях Чернецовых к достижению предопределения природы.

Двенадцатилетнее копирование с лучших картин в Эрмитаже и осьмилетнее изучение природы в деревне убедили г. Венецианова, что к достижению совершенств в исполнительной части живописи довести может одна природа и что, одною ею руководствуясь, можно сберечь много лет, посвящаемых теперь художниками на теорию. Дабы убедиться более в сей истине, он желал испытать оную над кем-нибудь, и счастливый случай вскоре доставил ему возможность произвесть сие испытание. Приехав однажды в Теребицкий монастырь, где в возобновлявшейся церкви расписывался новый иконостас странствующими Калязинскими живописцами, он нашел на некоторых образах признаки смелой, решительной кисти. Это возбудило в г. Венецианове любопытство узнать творца сих произведений, и он крайне обрадовался, найдя в художнике человека лет 20-ти с открытым, веселым лицом, несмотря, что он имел некоторый природный недуг — был хром. Венецианов узнал от него самого, что его прозвище Крылов, что он живет в работниках, учился в Калязине с образов своего хозяина, а теперь уже пишет с Немецкой Библии. «Видал ли ты какие-либо картины?» — спросил его Венецианов. «Да где же, отвечал Крылов, в Калязине — нет, а в деревнях и подавно». Вскоре Крылов приехал в гости к г. В[енецианову]

* Впоследствии, при описании трудов воспитанников сей школы, сказано будет о ней с некоторою подробностью, из чего читатели получат истинное представление о заслугах г. Венецианова отечественным художествам и о том уважении, которое возбуждают к нему сии его подвиги. *Изд.*

и поражен был восхищением при виде собственных произведений хозяина и портретов Боровиковского. Он с радостию принял приглашение г. В[енецианова] перейти к нему, но как прежде истечения контракта он не мог оставить старого своего хозяина, то и занялся между тем по совету г. В[енецианова] урывками и в праздничные дни списыванием с натуры. Все, что ни попадалось ему в глаза — люди, цветы, косули, бараны, коровы, куры, деревья,— все переходило на доску или лоскуток бумаги. Наконец стал он пописывать и портреты весьма похожие и дешевые, от 7 до 10 руб. В апреле 1825 года [3] г. Венецианов, возвратясь из С.-Петербурга в свою деревню, услышал, что Крылов у соседа его кн. А. П. Путятина писал иконостас для церкви и выпросил в отсутствие его у г-жи Венециановой манкень... Это крайне обрадовало его наставника; он едет к князю и поражается удивлением при взгляде на работу Крылова,— видит живую натуру в платьях и лицах, но без рисунка, без вкуса; иные предметы обманывали его своею правдою до такой степени, что он полагал их наклеенными и только прикосновением руки убеждался в противном. Венецианов торжествует в душе и дает ему нужные наставления и советы для окончания иконостаса. У Крылова нашел он мальчика г-жи Куминовой, который копировал с эстампа Леонарда-Винчи, им же ему ссуженного; но коего Кр[ылов] заставлял, следуя методе г. В[енецианова], рисовать более с натуры. Надобно заметить, что при каждом свидании г. В[енецианова] с Крыл[овым] он говорил ему о Петербурге, т. е. о картинах и антиках, кои должно было ему посмотреть, и всегда получал в ответ — один вздох.

В том же году открылась новая работа в Теребицком монастыре. Отец Архимандрит Серафим поручил ее Никифору Крылову и товарищу его Бежецкому мещанину Михайлу Тырнову. [4]

Приехав в монастырь в мае месяце, Венецианов узнает, что Тырнов в больших хлопотах насчет меньшого брата своего, пришедшего к нему пешком из Твери, где он был отдан в народную школу одним благодетелем, который, по несчастию, умер, а бедной сирота остался без пристанища. Найдя в мальчике понятливость и большую склонность к живописи, г. В[енецианов] вздумал над ним повторить опыт своей методы и легко уговорил Тырнова отпустить брата своего к нему погостить. Мальчик хорошо принялся рисовать с бюстов, а успехами и поведением породнил себя с своим наставником. Он взял его с собою в Петербург, а от Крылова получил обещание приехать также туда, коль скоро он кончит несколько работ для устройства бедного старика своего отца, причем В[енецианов] предложил ему своих лошадей до Столицы, а там квартиру и содержание.

Тотчас по приезде в С. Петербург г. В[енецианов] доставил своему питомцу позволение ходить в Академию рисовать с гипсов. Скоро перевели его в натурный класс. В апреле 1825 года он украдкой написал свой портрет, коим совершенно оправдал попечения своего наставника и показал успех его методы. После сего написал он другой таковой же с мальчика, который заслужил одобрение от покойной императрицы Елисаветы Алексеевны. С тех пор Тырнов не перестает писать с натуры, давая своим этюдам (упражнениям) разнообразные, замысловатые положения, так, что все они с необыкновенною скоростию раскупаются в выставке Общества поощрения Российских художников, а в половине прошедшего 1826 года он написал внутренность Французской эрмитажной библиотеки. Картина сия удостоилась чести быть поставленною в число Русской Эрмитажной школы и была ныне выставлена в Академии. Если она с первого взгляда не заключает ничего блестящего, очаровательного, то при тщательном рассматривании открываются в ней мало-помалу удивительные красоты и подробности, отделяющиеся одни от других, выходящие, так сказать, наружу; далее — исчезает полотно и вы видите в углах шкапы с книгами, а посредине ряд яшмовых чаш и канделябр, поставленных в длинную линию. Одним словом, в каждом предмете замечаете отличный талант Тырнова, который поведет его еще весьма далеко. *

Крылов приехал в Петербург не ближе 1825 года, ибо имел множество работ и за портрет брал уже от 25 до 50 рублей. Академическая античная зала и Эрмитаж исполнили его удивлением и восхищением. Но в сем последнем не все, однако, поражало его, а только то, что заключало истину одной природы. Только Караваж, Рубенс, Вандик, Жерар-дау, Поль-Поттер, Рембрант, Гранет сильно действовали на его душу; ибо он не понимал еще теории живописи или, так сказать, не умел ценить намерения без исполнения. Равным образом и в статуях приводило его в благоговение не одно начертание изящной красоты, а только те, кои ближе были к натуре, как-то: Венера Медичиская, Аполлон, Германик, Силен.

Найдя в столице у благодетельного наставника своего покойное и беззаботное пристанище, Крылов тотчас же из мастеров преобразился в ученика, начал ходить в натурный класс Академии, рисовать со статуй и писать с натуры. Многие из его картинок, подобно Тырновым, раскупаемы были с охотою в выставке Общества поощрения Русских художников, а небольшой вид палисадника в их квартире, где поместил он двоих детей,[6] так понравился покой-

* Прочие его работы состояли: из двух портретов и вида при речке Тосне, близ села Никольского.[5]

ной императрице Елисавете Алексеевне, что она изволила его оставить у себя. Успех сей в изображении ландшафтов подал ему охоту написать с натуры Русскую зиму.[7] Желание его исполнилось при патриотическом пособии известного химика купца Алексеева и В. С. Б.,[8] которые отвезли его в село Никольское на Тосне и выстроили избу на том месте, которое избрал для писания Крылов, обеспечив его вместе с тем и в содержании. Картина сия была выставлена в Академии и содержит в себе много правды, много ума, но вместе с тем имеет и большие недостатки; особенно снег сделан весьма грубо, тяжело. Но лучшим произведением Крылова есть конечно портрет купца Чернягина, написанный во весь рост.[9] Химик наш сидит у входа в свой купоросный завод и со вниманием смотрит на изменение ареометра. Перед ним стоит легавая собака его. Это все вместе составляет богатую картину, которая была бы, поистине, превосходною, если б внутренняя перспектива соответствовала прочему своею правильностию и эффектом. Если в голове заметна какая-то монотонность, подобная кисти Перуджина,[10] то вместе с тем заключает и все красоты сего последнего: прелестную простоту, легкость, прилежное изучение природы и строгую верность в рисунке. Руки сверх того тронуты еще с особенною душою и смелостию, а в платье, особенно в шубе, можно точно обмануться и подумать, что это наклеенный мех.

Третьего ученика той же школы, Алексеева, выставлена была картина, изображающая мастерскую г. Венецианова.[11] Не было ни одного посетителя, который бы не остановился и не полюбовался сею прелестною картинкою: столько в ней правды, ума и приятности. Хотя левая сторона, находящаяся в тени, пленяла более своею обворожительностию; ибо ничего нельзя видеть естественнее сего зеркала, повешенного в промежутке двух окошек и отражающего в себе внутренность мастерской, равномерно сих фигур, состоящих из ученика, занимающегося списыванием молодой девушки, одетой в русское платье и сидящей в отдалении, и другого, перестанавливающего свой мольберт, то правая сторона, заключающая собрание гипсовых статуй и бюстов, в глазах знакомого с механизмом художества заслуживает еще больше похвалы и одобрения, ибо потребно было еще более искусства, чтоб согласить белизну оных, не сделав ярких светов или излишнею тенью не зачернить их. (Оставалось разве пожелать только, дабы фигуры сии были начерчены с большею тщательностию.) Яркий свет, из другой комнаты через растворенные двери, поражал также верностию своего действия на пол и прочие предметы, на кои он ударяет. Этот Алексеев есть тот самый мальчик, коего нашел г. Венецианов, как выше сказано, в деревне к[нязя] Путятина работником у Крылова и который тогда

же обратил на себя его внимание. Найдя в нем большие способности, он исходатайствовал ему свободу у его помещицы Ольги Николаевны Кумино[во]й, которая, несмотря на небольшое свое состояние, с удовольствием согласилась составить его счастие, даровав ему тотчас же вольную. Да утешается почтенная Ольга Николаевна успехами юного художника, который обещает вполне оправдать ея благодеяние, принеся талантами своими пользу отечеству.

Четвертый воспитанник школы Венецианова или, так сказать, питомец природы и антиков — Златов, послабее всех других, но зато и помоложе; а потому, может статься, талант его вдруг развернется, тем более что он страстно любит художества. Он принадлежал родственнице г-жи Кумино[во]й, Надежде Михайловне Змеевой, которая также, не будучи достаточного состояния, не затруднилась даровать сему юноше свободу, дабы доставить ему возможность ходить учиться в Академию 〈...〉 *

Несравненно большие перед всеми успехи оказал по сей методе один молодой любитель, Гвардейский офицер.[12] Венецианов прямо посадил его за гипсовую голову, дав ему палитру в руки. Написавши три головки, одна одной лучше, он сделал потом портрет с самого себя и потом вместе с прочими стал писать с натуры. С теориею же живописи он познакомился совершенно из разных творений на иностранных языках, трактующих с большими подробностями о сем предмете. В изъявление признательности к своему наставнику сей молодой любитель-художник перевел для школы г. Венецианова «Теорию перспективы», которая принимается им за основу его методы, без законов коей ничто в природе не существует.[13] 〈...〉

ПОСЕЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ. 1827

〈...〉 В картинах г. Венецианова нравятся предметы, взятые из русского простонародного быта, отчетливость исполнения и мягкость колорита. Русские старики и старухи, мальчики и девочки носят у него отпечаток народной физиономии. ** Выставленный им

* Полезное действие методы учения г. Венецианова всего явственнее над глухонемым Беллером, отданным к нему в 1825 году по воле государыни императрицы Марии Федоровны, хотя затруднения делать ему нужные объяснения и наставления немало останавливают ход его успехов. Он в короткое время сделался одним из лучших копиистов в Эрмитаже.

** Скажем с благодарностью, что г. Венецианов образовал у нас многих молодых художников, подающих о себе самые приятные надежды и отчасти уже оправдавших оные.

портрет г. Хавского, скажем откровенно, не имеет тех достоинств, какими полны характеристические его картины. Колорит в лице нерешителен и вообще портрет сей как будто бы не кончен или окончен наскоро. 〈...〉

В картине г. Алексеева «Мастерская художника» — также прекрасен эффект света, скользящего из другой, отворенной комнаты и входящего в окно; освещенная им человеческая фигура и зеркало, отражающее в себе предметы, совершенно отставшие от стены,— написаны с удивительной верностью, близостью к природе.

Еще заметили мы несколько очень хороших картин Тыранова и Крылова; у последнего хозяин купоросно-масляного завода прекрасно написан и посажен, в голове много сходства и жизни; платье, особливо мех на шубе, отлично хорошо отделано. В картине сей для полного совершенства недостает только перспективы: комната или амбар, в котором написан купец, как будто бы теснит его, особливо сверху; кажется, ему никак нельзя было бы встать на ноги 〈...〉 три картины Златова, во вкусе картины г. Венецианова, также стоят внимания. 〈...〉

О НОВОУСТРОЕННОЙ ЦЕРКВИ ПРИ ОБУХОВСКОЙ ГРАДСКОЙ БОЛЬНИЦЕ. 1829

〈...〉 Все иконы, находящиеся в оном [иконостасе], писаны г. Академиком Венециановым и учениками его, которых труды с весьма выгодной стороны являлись в академической выставке 1827 года. Имена г.г. Тиронова [Тыранова], Алексеева и Златова обещают нам со временем отличных художников в сих молодых воспитанниках г. Венецианова.

Исчислим образа, написанные ими под руководством их учителя для иконостаса Обуховской больничной церкви. Запрестольный образ: «Исцеление расслабленного», оригинальный, трудов ученика Тиронова [Тыранова]. В царских вратах списки и оригиналы Боровиковского: «Богоматери» и «Архангела Гавриила» — у[ченика] Денисова, «Евангелистов Иоанна и Матфея» — у[ченика] Серебрякова, «Луки и Марка» — у[ченика] Зиновьева. Местные образа «Преображение Господне», список с оригинальной картины г. Венецианова — у[ченика] Тиронова [Тыранова], «Богоматери всех скорбящих радости», оригинальный — у[ченика] Алексеева, «Архангела Михаила» список оригин[ала] Боровиковского — у[ченика] Алексеева, «Св.

Марии Магдалины» оригинал трудов самого г. Венецианова, «Плащаница», оригинал — у[ченика] Алексеева.

Живопись в арке и на оной, также по стенам церкви и на потолке, работы художника Травина.[1]

Образа на хоругвях: «Христа Спасителя» с терновым венком, список с картины Боровиковского, «Александра Невского» — с картины Егорова, «Божьей Матери», с оригинала Гвидо и «Святителя Николая» с картины Боровиковского,— все работы глухонемого Беллера, воспитанного в здешнем училище Глухонемых на иждивении в бозе почившей государыни императрицы Марии Федоровны. ⟨...⟩

А. Ф. ВОЕЙКОВ.[1] О ВЫСТАВКЕ В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ В 1830 ГОДУ

⟨...⟩ Венецианов ⟨...⟩ при сем имени, равно любезном и живописи и благотворению,* благословение сему достойному уважения художнику невольно вырывается из сердца. Он прославился картинами сельского домашнего быта и головами Русских поселян и купцов, сохранивших с бородою и чисто русскую физиономию. Он целую жизнь провел в деревне с поселянами, срисовывал сельские виды; беспрестанно учился в поле, размышлял в лесах, на гумне, подсматривал природу на сельских праздниках, замечал изменения света в разные часы дня, в различную пору года, при различной погоде, подсмотрел природу на месте и сделался сильным в перспективе, рисовке, в умении дать тон краски самый точный, самый истинный.

Венецианов есть живописец природы. Изящнейшими его картинами знатоки признают: 1. Внутренность гумна; 2. Приготовление впрок зелени и овощей в деревне;[2] 3. Спящий мужичок[3] и 4. Деревенское утро; семейство за чаем. Первые две находятся в императорском Эрмитаже.

Четыре головы русских крестьян, ныне г. Венециановым выставленные, принадлежат также к лучшим его произведениям.

Картина «Внутренность гумна» в превосходной статье «О состоянии художеств в России», напечатанной в «Северных цветах»

---

* Описывая выставку 1827 года, г. Булгарин сказал в «Северной пчеле»: «Русские должны быть благодарны г. Венецианову за образование многих молодых живописцев, подающих самые приятные надежды и отчасти уже оправдавших оные». Примечание сочинителя сей статьи.

1826 года, стр. 85, оценена следующим образом*: «В картине сей художник превосходно выполнил действие трех светов, входящих во внутренность гумна; вдали через открытые ворота, сбоку, также через ворота, и спереди через отверстие или окно в крыше».**

Но все вышеописанные достоинства г. Венецианова составляют только малейшую часть важных заслуг его Отечеству. Образование молодых людей, в коих заметен талант к живописи, часто безмездное и всегда бескорыстное, давно уже достойно оценено публикою и обратило на себя особенное внимание государя императора. По представлению г. президента Академии художеств А. Н. Оленина (достойного преемника Шувалова, Бецкого, Строганова) государь всемилостивейше возвел Венецианова в 20-й день января 1830-го года в звание живописца его императорского величества с жалованьем по 3000 рублей в год, а в 22-й день января сего же года пожаловал ему орден св. Владимира 4-й степени; «по уважению отличных дарований его и в награду успешного и долговременного образования им в живописи молодых художников» — сказано в высочайшей грамоте. ...На самом деле, если исчислим, если осмотрим все работы бывших и теперешних учеников Венецианова, на выставке находящиеся, то подивимся его неутомимости и мастерству знакомить юношей с правилами перспективы, с истинными тонами красок и верностью зарисовки.

Свидетель этому нынешняя блестящая академическая выставка. Посмотрите, правая сторона со входа, в комнатах, открытых публике, наполнена произведениями пенсионеров и учеников Академии художеств и иностранных и отечественных любителей, а почти половина левой стороны — произведениями учеников Венецианова.

---

* Хотя автор скрыл свое имя, но не мог скрыть обширных сведений в изящных искусствах, тонкого разборчивого вкуса, благородной страсти к живописи и умения изъясняться на русском языке складно, красно и сильно. *Прим. соч. сей статьи.*

** Если бы я осмелился дать совет г. Венецианову, то просил бы его не ограничиваться изображением отдельно одних голов русских крестьян, но живописать сцены деревенской жизни: свадьбы, похороны, работы, забавы. Напр., сколько поэзии, игры страстей, сильных движений на сельской мирской сходке, перед почтовой станцией, в питейном доме, в харчевне, при рекрутском наборе. Я находил достойное кисти даже в игре в свайку, в бабки. А хороводы? Какое богатство, разнообразие в одежде, в красоте, в поступи, ухватках сельских русских девушек! И скоро народные костюмы наши будут для нас потеряны. Загляните на Охту, в Рыбинское, в Кузьмино. *Прим. соч. сей статьи.*

А. РАЧИНЬСКИЙ. ИЗ «ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА В ГЕРМАНИИ», РАЗДЕЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСКУССТВУ В РОССИИ. 1841. [1]

Венецианов с равным успехом проявляет себя в портретах, интерьерах и жанре. Он привлекает внимание приятностью колорита и продуманностью в распределении света и теней. Он первый в России проложил путь тому роду живописи, который представляет сцены домашней и народной жизни. Он не ограничился тем, что сам с успехом работал в этой области, но и образовал многочисленных учеников.

Примечания

Приложения

Указатель имен

Список иллюстраций

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Алексеева	Алексеева Т. В. Художники школы Венецианова. М., 1958.
Венецианов в письмах	Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников. Вступ. статья, ред. и примеч. А. М. Эфроса и А. П. Мюллер. М. — Л., 1931.
Дневник художника А. Н. Мокрицкого	Дневник художника А. Н. Мокрицкого. Сост., автор вступ. статьи и примеч. Н. Л. Приймак. М., 1975.
ОПХ	Общество поощрения художников.
Петров	Петров П. Н. А. Г. Венецианов, первый по времени, русский бытовой живописец. — Русская старина, 1878, окт., нояб.
Савинов	Савинов А. Н. А. Г. Венецианов. Жизнь и творчество. М., 1955.
Степанов	Степанов И. Венецианов и его школа. — Искусство, 1940, № 3, с. 121—123.
ГАКО	Государственный архив Калининской области.
ГИМ	Государственный Исторический музей.
ГПБ	Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ГРМ	Государственный Русский музей.
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея.
ГЭ	Государственный Эрмитаж.
ИРЛИ АН СССР	Институт русской литературы АН СССР.
ЛГИА	Ленинградский государственный Исторический архив.
ЦГИА	Центральный государственный Исторический архив.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

«ПИСЬМО К Н. И.» [ГРЕЧУ]. 1827

ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 414, л. 17—19 об. Публиковалось впервые: Савинов, с. 196—198.

Долгое время считалось, что под инициалами «Н. И.» скрывается имя одного из учеников Венецианова. Сопоставление фактов привело Т. В. Алексееву к расшифровке и выяснению подлинного адресата письма — Николая Ивановича Греча (Алексеева, с. 147).

Письмо относится к осени 1827 г. и является откликом на статью Булгарина по поводу академической выставки, помещенной в №№ 108 и 109 «Северной пчелы» за 1827 г., сентябрь. Критик писал: «В Риме, Париже и Лондоне богатство выставки произведений художников измеряется числом исторических картин. У нас ⟨...⟩ на нынешней их гораздо менее, нежели было когда-либо ⟨...⟩ Кто виноват, что у нас не пишут исторических картин: художники или публика? Уж, конечно, не художники».

Булгарину принадлежала и часть статьи с разбором произведений О. А. Кипренского, в отношении которого он также не терял надежды и ждал, что живописец создаст «что-нибудь историческое, достойное своей кисти» («Северная пчела», 1827, № 109). Часть статьи с обзором работ других художников, сделанным весьма бегло, принадлежала не Булгарину, а другому автору, чье имя указано не было.

Отклик Венецианова на булгаринскую статью остался неопубликованным, так как позиции издателей и корреспондента расходились.

[1] *Греч Николай Иванович* (1787—1867) — писатель, журналист, редактор «Сына Отечества» (1812—1839), соиздатель «Северной пчелы» (1825—1860), автор «Записок». В 1810-х гг. принадлежал к либеральным кругам. Состоял членом основанной в 1815 г. масонской ложи. В 1818 г. Греч принимал деятельное участие в организации Общества учреждения училищ по методу взаимного обучения.

Как помощник председателя Общества Греч вместе с Толстым, Глинкой и Григоровичем подписал «приглашение» к вступлению в Общество «почтенных ревнителей просвещения и благотворения». Тогда же в Общество вступил и Венецианов.

Познакомиться с Гречем художник мог и раньше, в начале 1810-х гг. Карикатуры Венецианова времен Отечественной войны 1812 года были сделаны на сюжеты, в основе которых лежали реальные события, описанные в журнале Греча «Сын Отечества». Встречи художника и журналиста происходили и в более позднее время. Они виделись в домах Толстого, Григоровича и других.

[2] *Булгарин Фаддей Венедиктович* (1789—1859) — писатель, журналист, редактор «Северного архива» (1822—1825) и «Литературных листков» (1823—1824), издатель, совместно с Н. И. Гречем, «Северной пчелы» (1825—

1859) и «Сына Отечества» (1825—1839), автор романов и повестей «Иван Выжигин» (1829), «Дмитрий Самозванец» (1830) и других.

Булгарин был близок к художественным кругам Петербурга. Он посещал те же дома профессоров и преподавателей Академии, что и Венецианов; бывал у Ф. П. Толстого, на вечерах В. И. Григоровича, в мастерской К. П. Брюллова. Постоянно присутствовал на знаменитых «средах» Н. В. Кукольника, где собиралась артистическая и литературно-художественная общественность.

В «Северной пчеле» Булгарин регулярно публиковал отчеты об академических выставках. Консерватизм позиций критика заставил Венецианова вступить с ним в прямую полемику.

[3] Против этой фразы на полях авторская надпись: «Желание доказать, что Русские любят русское хорошее и в живописи».

[4] На полях против этой фразы авторская надпись: «Работа М. Н. Воробьева, Шебуева, взглянем же на Трискорни, они не успевают наготовлять».

Трискорни Александро (1797—1867) и *Пьетро* (? — 1832) — итальянские скульпторы-декораторы, работавшие в России.

[5] *Доу Джордж* (Дау Герард; 1781—1829) — английский художник, работавший в России с 1810 по 1828 г. Создатель знаменитой портретной «Галереи 1812 года» Зимнего дворца. Разбирая достоинства и недостатки этих работ Доу, Венецианов, вероятно, не подозревал, что годом позже ему придется исправлять недобросовестно написанный английским художником портрет князя А. Н. Голицына. Доу сделал его не на полотне, а на бумажной накладке, которая вскоре отвалилась.

[6] На выставке 1827 г. картины Басина не экспонировались. На предшествующей выставке 1824 г. художник представил произведение «Фавн Марсий учит юношу Олимпия игре на свирели» (ныне — ГРМ). Возможно, Венецианов имел в виду именно эту картину Басина.

[7] Картина «Андромеда» из собрания князя А. Б. Куракина в то время считалась исполненной кистью Тициана. Ныне приписывается неизвестному живописцу тициановской школы.

[8] Очевидно, имеется в виду художественная манера, присущая древнегреческому скульптору 2-й — 3-й четверти V в. до н. э. Фидию.

[9] На этой фразе текст обрывается.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИБАВЛЕНИЙ К «РУССКОМУ ИНВАЛИДУ» [А. Ф. ВОЕЙКОВУ] ОТ ИЗВЕСТНОГО НАШЕГО ХУДОЖНИКА А. Г. ВЕНЕЦИАНОВА О КАРТИНЕ «БЕРЛИНСКИЙ ПАРАД», ПИСАННОЙ КРЮГЕРОМ. 1831

ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 414, л. 7—14 об. Рукопись состоит из двух частей. Первая часть была опубликована в Лит. прибавлениях к «Русскому инвалиду», 1831, № 33, 25 апр., с. 257—264, вторая — не публиковалась. Фрагменты из нее приводятся в кн.: Алексеева, с. 41.

Симптоматично, что именно вторая часть статьи, где художник продолжал развивать те же мысли, что и в «Письме к Н. И.» [Гречу], то есть отдавал предпочтение жанровой живописи перед исторической или, во всяком случае, отнимал у последней ряд ее прерогатив, не была опубликована.

Выступление Венецианова в печати не прошло незамеченным. «Литературная газета» Дельвига— Пушкина откликнулась на нее следующим образом: «Любители журнального чтения, конечно, не пропустили без замечания статью, помещенную в 33 номере «Литературных прибавлений» 〈...〉 от известного нашего художника А. Г. Венецианова о картине «Берлинский парад», писанной Крюгером.

Любопытно и приятно видеть, с каким глубоким вниманием отличный художник рассматривает произведение другого отличного художника, с каким знанием дела указывает он на все красоты сего произведения, с какой любовью говорит о них и, вообще, о своем искусстве. Здесь мы видим в г-не Венецианове уже не только сведущего, опытного живописца, но и тонкого эстетика в живописи. Замечательно еще, как совершенное знание своего дела и долговременные об оном размышления услуживали нашему художнику в приискании слов самых точных, выражений самых отчетливых для изображения разных предметов, на которые он хотел указать в картине г. Крюгера.

Весьма бы хорошо было, если бы подобные статьи лучших наших художников чаще появлялись в русских журналах: они бы пролили свет на теорию искусств начертательных, весьма еще у нас недостаточную» (Заметка анонимного автора, возможно, В. П. Лангера. — Лит. газета, 1831, № 25, 1 мая).

[1] Имеется в виду картина Ф. Гране «Внутренний вид капуцинского монастыря в Риме» (1817).

Гране Франсуа Мариус (1775—1849) — французский художник, ученик Константена и Луи Давида. С 1802 по 1818 г. работал в Риме, вторично посетил Италию (Рим и Ассизи) в 1822—1823 гг. С 1826 г. — хранитель картинной галереи Лувра, с 1830-го — хранитель исторических галерей Версаля. Известен эффектно освещенными архитектурными пейзажами и интерьерами.

Появление картины Гране в Эрмитаже Венецианов, по-видимому, ошибочно связывает с 1820 г. 4 декабря 1820 г. картина была получена из Рима в Петербургской таможне как дар живописца Гране императору Александру I. До февраля 1820 г. продолжала оставаться в таможне, после чего поступила в ведение Придворной конторы, откуда, по всей вероятности, была передана в Зимний дворец для поднесения Александру I. Ордер из Придворной конторы на внесение в каталог Эрмитажа «находящейся ныне в Эрмитаже» картины Гране датирован 5 августа 1821 г. (ГЭ, оп. 3, 1821, св. 2, № 10, л. 1—2). Как полагают К. В. Михайлова и Г. В. Смирнов, Венецианов мог видеть картину Гране еще весной 1821 г. Следовательно, начало его работы над «Гумном» в этом случае может быть отнесено к лету 1821 г., а не к поздней зиме 1821—1822 гг., как полагает Т. В. Алексеева (А л е к с е е в а, с. 237—239). Это подтверждается и воспоминаниями дочери художника, которая относит «Гумно» к 1821 г. (С а в и н о в, с. 209). Тем не менее не исключено, что художник работал над картиной в 1822—1823 гг. Косвенным подтверждением этой даты служит письмо Венецианова к Милюкову от 22 июня 1823 г.

В то же время «Гумно» написано раньше «Утра помещицы», датированного 1823 г. (Венецианов. Письмо к издателю «Литературных прибавлений...», с. 49 данного сборника). В конце 1823 или начале 1824 г. Венецианов возвратился из Сафонкова в Петербург (Венецианов в письмах, с. 141—143) и, по-видимому, привез с собой картину. 27 марта 1824 г. он писал Милюкову (Венецианов в письмах, с. 145): «„Гумно" мое всеми хорошо принято...» В апреле 1824 г. Венецианов через Кикина поднес картину Александру I. 29 апреля 1824 г. датировано дело «О внесении в каталог Эрмитажа картины академика Венецианова...» (ГЭ, оп. 2, 1824, № 18). (А. Г. Венецианов 1780—1847. Выставка произведений в ознаменование 200-летия со дня рождения. Каталог. Вступ. статья. Л., 1981).

[2] *Гонзаго Пьетро Готардо* (ок. 1751—1831) — итальянский художник-декоратор, в России работал с 1792 г. Автор ряда трудов по театрально-декорационному искусству.

А. М. Эфрос полагал, что Венецианов видел композицию Гонзаго в Павловске, в Розовом павильоне, созданном в 1814 г.; это был ландшафтно-перспективный вид русской деревни. Примечательно сопоставление Гонзаго и Гране, которое сделал Венецианов. «Как видим,— писал Эфрос,— большой эпитет при имени Гонзаго не помешал Венецианову отметить различие его мастерства от гранетовского: это значит, что для венециановского глаза Гране не переступал границ живописи, а Гонзаго их нарушил» (Эфрос А. М. Гонзаго в Павловске. — В кн.: Эфрос А. М. Избранные историко-художественные и критические статьи. М., 1979, с. 104, 107). Речь идет о панорамном иллюзионизме в творчестве Гонзаго, о тех «головоломках иллюзионизма», которые он создал в Павловске.

[3] Очевидно, имеются в виду следующие произведения: «Утро помещицы» (1823, ГРМ); «Крестьянка, расчесывающая лен в избе», другое название — «Анисья» (1822, ГТГ); «Деревенское утро. Семейство за чаем» (1823, литохромия, Курский краеведческий музей); «Крестьянский мальчик, надевающий лапти» («Обувающийся крестьянин»; 1820-е гг., ГРМ); «Спящий пастушок» (1823—1826, ГРМ).

[4] Имеется в виду картина А. В. Тыранова «Перспективный вид Эрмитажной библиотеки» (1826, ГЭ).

[5] *Крюгер Франц* (1797—1857) — немецкий художник, портретист и анималист, учился в Берлинской академии. Особенно известен умением изображать лошадей, за что, в отличие от своих однофамильцев — художников Антона и Эйгена Крюгеров, был прозван «Лошадиным Крюгером». С 1825 г. профессор Берлинской Академии художеств. Выполнял много заказов прусского королевского дома, в частности «Парад прусского королевского полка при короле Фридрихе-Вильгельме III на параде прусского гвардейского корпуса». Писал Николая I верхом на коне и парный портрет Фридриха-Вильгельма IV. Ему же были заказаны сцены охоты.

По поводу картины «Парад в Берлине» современная Венецианову критика писала следующее: «Картина «Парад в Берлине» была заказана Николаем I в 1824 г. Крюгеру, живописцу двора его величества короля прусского. В начале 1831 г. она была привезена в Санкт-Петербург и выставлена в концертном зале Зимнего дворца.

Картина сия вышиною около 9 футов и шириною в 12 изображает парад, бывший в Берлине на Дворцовой площади 22 сентября 1824 г. Момент, взятый живописцем, есть тот, когда его величество государь Николай Павлович, бывший тогда великим князем и командовавший на сей раз 6-м Кирасирским полком, коего он шеф, ведет сей полк церемониальным маршем мимо августейшего своего тестя, являющегося на третьем плане и делающего воинское приветствие. Подле его величества короля находится герцог Кумберландский и принцы королевского прусского дома; многочисленная и великолепная свита окружает сих царствующих особ. Государя императора в кирасирском мундире и с лентою ордена Черного Орла видим только в профиль в ту минуту, когда полк идет мимо его величества короля прусского.

Из одного окна здания, оканчивающегося с левой стороны картины, ее величество императрица Александра Федоровна изволят смотреть на парад вместе с ее высочеством принцессой Елизаветой, супругой наследного принца прусского. Прочие окна заняты особами высшего звания, в числе коих находится ее королевское высочество принцесса Луиза Прусская, ныне в супружестве за принцем Вильгельмом Фридрихом Карлом Нидерландским...» Статья анонимного автора (возможно, В. П. Лангера). — Лит. газета, 1831, № 12, 26 февр., с. 96.

[6] Какую именно из «Мадонн» Рафаэля имел в виду Венецианов, неизвестно. Под «причащением Иеронима» подразумевается, скорее всего, картина знаменитого художника болонской школы Доменико Цампиери, прозванного Доменикино, «Последнее причащение святого Иеронима» (1614), воспроизводившаяся в эстампах. Далее Венецианов упоминает «Афинскую школу» Рафаэля.

[7] *Рени Гвидо* (1575—1642) — итальянский художник, глава болонской школы.

[8] *Пуссен Никола* (1594—1665) — французский художник. Крупнейший и наиболее последовательный представитель классицизма в искусстве XVII в.

[9] Речь идет о фреске Микеланджело «Страшный суд» в Сикстинской капелле в Риме.

[10] *Зонтаг Генриэтта Гертруда* (1805—1854) — певица, гастролировавшая в 1830 г. в России.

[11] *Паганини Никколо* (1782—1840) — итальянский скрипач-виртуоз, композитор, гитарист, представитель музыкального романтизма.

[12] По-видимому, речь идет об *Александре Гумбольдте* (1769—1859) — немецком естествоиспытателе, географе, путешественнике. В 1829 г. путешествовал по России, был на Урале и в Сибири. Автор известных работ по естествознанию, географии и климатологии, переведенных на русский язык.

[13] *Питореск (франц.)* — живописный, живой, выразительный.

[14] Ироническое замечание художника; остеология — наука, изучающая скелет и отдельные костные сочленения.

[15] *Моден Гавриил Карл Людовик Франциск* (1774—1833) — граф, французский эмигрант, с 1793 г. находился на русской службе.

[16] *Верне Орас* (1789—1863) — французский исторический живописец, баталист. Директор французского института в Риме. Почетный вольный общник Академии художеств в Петербурге (с 1834 г.).

[17] *Орловский Александр Осипович* (1777—1832) — польский и русский художник. Работал в области батального, бытового, портретного жанров. Венецианов, очевидно, имел в виду пристрастие Орловского к изображению лошадей. И Венецианов, и Орловский в 1816—1818 гг. пробовали свои силы в литографии. Первыми оттисками Орловского были «Всадники», «Башкир и киргиз верхом» и другие произведения, в которых «свойства» лошадей были изображены самым тщательным образом. О «троечных» и «ямских» лошадях у Орловского писал и П. П. Свиньин: «С непостижимой точностью представлена русская почтовая гоньба: на одном литографированном листе в санях зимой мчится кибитка с партикулярным путешественником, на другом в летней тележке летит фельдъегерь. Какая живость! Какая натура!» (Отечественные записки, 1820, кн. 1, ч. V, с. 234).

[18] *Зауервейд Александр Иванович* (1782—1844) — художник-баталист. Родом из Курляндии. Окончил Дрезденскую Академию и пользовался известностью в Германии. В 1814 г. сопровождал Александра I в Париж и Лондон. Тогда же по его приглашению приехал в Петербург для создания картин на военные сюжеты и рисунков для обмундирования русских войск. Николай I пригласил его в учителя живописи к великим князьям. В 1827 г. Академия избрала Зауервейда Почетным вольным общником. Вскоре после этого ему был поручен класс батальной живописи и дано звание профессора (в 1836 г. — третьей степени, в 1842 г. — второй степени). Зауервейд создал множество картин, рисунков и акварелей военной тематики. Большинство их находилось в императорских собраниях.

[19] *Орловский Борис Иванович* (1796—1837) — скульптор. Происходил из крепостных, настоящая фамилия Смирнов. Учился в Академии художеств с 1822 г., позже совершенствовался в Италии у А. Торвальдсена. С 1836 г. — профессор петербургской Академии художеств. Исполнил статую ангела для Александровской колонны (1834), памятники М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю де Толли для Казанского собора (1836) и другие произведения. Адресат стихотворения Пушкина «Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую» (1836).

[20] Упомянутый автором список в деле отсутствует.

СЕКРЕТ ЛИПМАНОВСКИХ КАРТИН. 1839

Северная пчела, 1839, № 276, 6 дек.

Контакты художника с «Северной пчелой», прервавшиеся в 1827 г. после неудачной попытки поместить в газете свою полемическую заметку, «Письмо к Н. И.», возобновились в конце 1830-х гг. Газета с легкостью помещала статьи, не носящие остродискуссионного характера. Такой была и заметка Венецианова о липмановских красках. Существенно, что в статье художник обратился к вопросу связи искусства с художественной промышленностью. Эта проблема волновала Венецианова на протяжении всей его деятельности. В Сафонкове он завел мастерские крепостных, занимающихся прикладными ремеслами. В Технологическом институте в Петербурге, куда намерен был поступить в качестве наставника, Венецианов также имел в виду осуществление этой идеи на практике.

НЕЧТО О ПЕРСПЕКТИВЕ. [Середина 1830-х гг.]

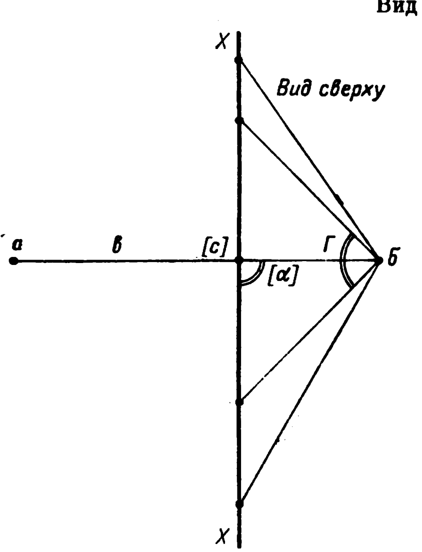
ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 414, лл. 34—36, 38—40, 42—44. Частично публиковалось: Савинов, с. 202—203. Датируется серединой 1830-х гг., не ранее 1834 г.

«Нечто о перспективе» — теоретические заметки, обобщающие достижения педагогического метода Венецианова. Они состоят из нескольких частей и носят конспективный характер, из-за чего некоторые места рукописи недостаточно ясны и порой не поддаются комментарию. Со временем, как сообщает в своих мемуарах А. А. Венецианова, художник предполагал развить отдельные положения своей работы и сделать из них самостоятельные теоретические очерки. Было ли осуществлено это намерение, неизвестно. В воспоминаниях А. А. Венециановой упоминается о рукописях «по частям и в тетрадях», к которым «при объяснении» было приложено «много рисунков в толковании». Одни из них оказались утерянными, другие погибли при пожаре. Публикуемые наброски, возможно, единственное, что сохранилось из работ художника в этой области.

Появление заметок Венецианова о перспективе непосредственно связано с выходом в свет в 1834 г. книги А. П. Сапожникова «Курс рисования». В своем труде Сапожников указывал на вред принятого в Академии правила изучать перспективу по «способу, основанному на чертеже без натуры». Давая высокую оценку работе автора, Венецианов выступал в качестве его единомышленника. Разногласия художника с академическими представлениями о теории перспективы, обнаружившиеся в 1824—1825 гг., когда он трудился над «Натурным классом», к середине 1830-х гг. еще более обострились. Успехи венециановцев, которые писали «перспективы» только с натуры, подтвердили правильность его метода.

[1] Рисунки и чертежи Венецианова, поясняющие текст, не сохранились, поэтому решаемся предложить здесь один из возможных вариантов подобного чертежа, сделанный на основе описания в тексте.

Вид сверху



а — «данная точка».

б — точка зрения.

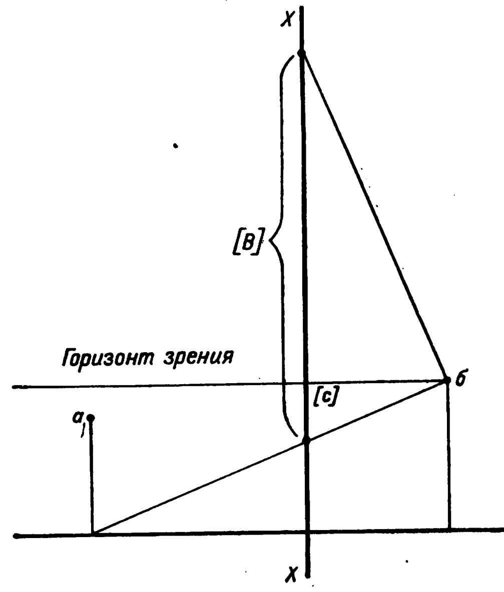
г — угол зрения.

в — перпендикуляр зрения.

х — стекло.

с — «данная точка» в сокращении.

Вид сбоку



А — земная линия.

б — точка зрения зрителя.

а — «данная точка».

х — стекло.

[В] — высота картины.

[2] *Винкельман Иоганн Иоахим* (1717—1768) — немецкий археолог и историк искусств. Его книга «История искусства древности» (1764) сыграла большую роль в развитии классицистической эстетики.

[3] *Менгс Антон Рафаэль* (1728—1779) — немецкий (саксонский) художник, испытавший сильное влияние Винкельмана. Представитель классицистического направления, сочетавший в своем творчестве античные каноны с системой живописи болонских академистов XVII века. Работал в Риме, Неаполе, Испании. Его произведения «Парнас» и «Суд Париса», а также автопортрет художник Венецианов мог видеть в собрании Эрмитажа.

[4] *Рейнольдс Джошуа* (1723—1792) — английский художник, первый президент Королевской Академии художеств (с 1768 г.). Автор произведений на мифологические сюжеты и портретов современников. Система эстетических взглядов Рейнольдса, изложенная в пятнадцати речах (1769—1790), типичная для представителя академической школы, содержала и реалистические элементы теории искусств.

[5] *Ван Дейк Антонис* (1599—1641) — фламандский художник, ученик и последователь Рубенса.

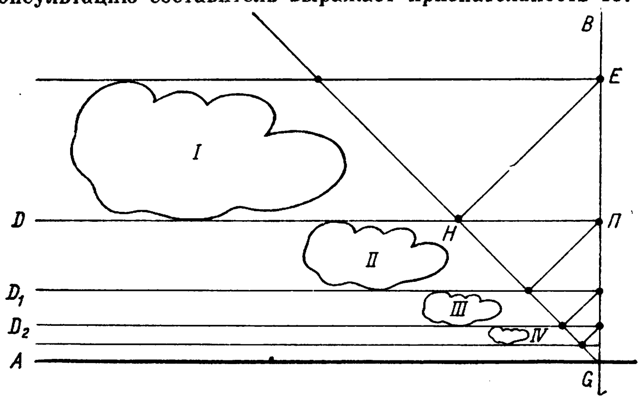
[6] *Брауншвейгское герцогство* — центр музыкальной и художественной культуры на севере Германии, где скрещивались франко-фламандские и немецкие влияния.

[7] *Федоров Борис Михайлович* (1798—1875) — прозаик и стихотворец, журналист, издатель журналов «Кабинет Аспазии» (совместно с А. Ф. Рихтером, 1815) и «Санкт-Петербургский зритель» (1828), альманаха «Памятник отечественных муз» (1827—1828) и «Новой детской библиотеки» (1827—1828), сотрудник «Северной пчелы», «Благонамеренного», «Московского телеграфа» и других периодических изданий. С 1819 г. член Вольного общества любителей российской словесности, наук и художеств, с мая 1833 г. член Российской Академии, чиновник Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий (1818—1826). С 1821 г. секретарь при директоре Департамента А. И. Тургеневе.

Автор статей об искусстве и стихотворений, посвященных художникам.

[8] Очевидно, имеется в виду то, что в глазах многих современников Венецианов был последователем известного французского перспективиста Ф. Гране.

[9] Перспективное построение облаков (вариант схемы). За составление схемы и консультацию составитель выражает признательность Ю. Б. Сурису.



[О СИСТЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ В РИСОВАЛЬНЫХ КЛАССАХ. Вторая половина 1830-х—1840-е гг.]

ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 414, лл. 37—40.

[1] *Рейсдаль Якоб ван* (1628 или 1629—1682) — известный голландский художник, пейзажист.

[2] *Поттер Пауль* (1625—1654) — голландский художник, анималист.

[3] *Давид Жак Луи* (1748—1825) — французский художник, глава и один из выдающихся мастеров «революционного классицизма».

[4] Очевидно, *Боль Фердинанд* (1617—1680) — голландский художник, ученик Рембрандта, портретист и автор картин на библейские сюжеты.

[5] *Карраччи Анибале* (1560—1609) — итальянский художник, один из основателей Болонской Академии.

II ПИСЬМА И ЗАПИСКИ

1. ПИСЬМА К МИЛЮКОВЫМ

ГТГ, ф. 38, №№ 1—60. Публиковалось впервые: Венецианов в письмах, с. 133—246.

Адресаты писем — Николай Петрович и его отец Петр Иванович Милюковы, соседи Венецианова по имению, помещики Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. В письмах упоминаются близкие родственники Милюковых (член Тверской Ученой Архивной комиссии В. А. Плетнев в 1880-х гг. получил от Якова Петровича Милюкова материалы семейного архива, ныне они находятся в ГТГ и ГАКО). На страницах писем встречаются фамилии наиболее известных представителей дворянства Тверской губернии: князей Путятиных, Енгалычевых, Стромиловых, Веселаго и других. О них: Плетнев В. А. О фамильном архиве Тверских Милюковых. Тверь, 1889; фон Винклер П. Путятины. Спб., 1895; Стромилов Н. С. Род Стромиловых с XVI по XIX в. Владимир, 1887; и др. Об иконографии Милюковых: Венецианов в письмах, с. 249—250; Михайлова К. В. Григорий Сорока. Каталог выставки. Л., 1975, с. 62—72.

Даты писем, заключенные в прямые скобки, введены А. П. Мюллер. Письма № 41—57 передатированы К. В. Михайловой и Г. В. Смирновым. Случаи передатировки особо оговариваются в примечаниях.

1

[1] *Милюков Николай Петрович* (1802—1889) — служил по Межевому ведомству, впоследствии в 1850-х гг. — предводитель дворянства в Вышневолоцком уезде Тверской губернии, женат с 1830 (1831) г. на Аграфене (Агриппина) Кононовне, урожденной Милюковой (1802—1863).

[2] *Сназин Иван Терентьевич* (1777—1837) — генерал-майор, владелец села Ивановское-Овсеево Вышневолоцкого уезда Тверской губернии при озере Ивановском. Имение было пожаловано ему в 1798 г. Павлом I. Дочь Сназина, Евдокия, была замужем за одним из Милюковых. Речь в письме идет об освещении церкви села Ивановского.

[3] *Милюкова Прасковья Васильевна, урожденная Лепехина* (1784—1833) — с 1801 г. жена Петра Ивановича Милюкова, мать адресата. В молодости жила в Петербурге.

[4] *Серафим, в миру Стефан Васильевич Глаголевский* (1763—1843) — тверской архиерей, с 1821 г. митрополит петербургский.

[5] *Боткин Николай Петрович* — лицо неустановленное, возможно домовладелец.

2

[1] *Геллерт Христиан* (1715—1769) — немецкий писатель, проповедник религиозного долга и семейных добродетелей. Автор: «Лекций по морали» (1770), «Духовных од и песен» (1757, переиздание 1785), «Басен и рассказов» (1746—1748). В последних, о которых, по-видимому, и идет речь в письме, Геллерт осмеивает дворянскую спесь и ложную ученость.

[2] *Милюков Иван Иванович* (1772—1834) — гвардейский корнет, дядя адресата, был женат на Евпраксии Тимофеевне Веселаго (1775—1863).

[3] *Сытино* — село Вышневолоцкого уезда, входящее во владения Милюковых.

[4] В конце письма приписка Милюкова: «Сент[ября] 28-го получено, и я не понял. Получил почту после. Что в книге не видал и потому на оное не отвечал».

3

[1] *Поддубье* — село на озере Молдино Вышневолоцкого уезда, 1-го стана, в 58 верстах от Вышнего Волочка. Родовая вотчина Милюковых, где жил отец адресата П. И. Милюков.

[2] *Теребени* — известное своими ярмарками село вблизи Николо-Теребеневской пустыни, на берегу реки Мологи Вышневолоцкого уезда.

[3] *Милюков Петр Иванович* (1773—1849) — отставной гвардейский ротмистр. Сын Ивана Ивановича (1730—1776), армии капитана, и Софьи Андреевны, урожденной Наумовой (1740—1810). Ему принадлежали земли в Вышневолоцком уезде, в частности — Поддубье, где он жил, как правило, летом. Зимы проводил в Москве в собственном доме на Садовой, близ Таганки и берегов Яузы. Женат на Прасковье Васильевне, урожденной Лепехиной. Род этот в начале и середине XIX в. был состоятельным. К концу же XIX в. многочисленность семейства и широкий образ жизни значительно ослабили их состояние.

[4] *Мериносы* — порода овец, разведением которой занимались русские помещики в 1820-х гг.

[5] Речь идет о сестрах Николая Петровича: *Евпраксии* (1805—1870), *Варваре*, в замужестве Печугиной (1809—1877), *Сусанне* (ум. в 1858), *Анне* (1819—1896), *Елизавете* (ум. в 1878), *Софье* и *Екатерине* (ум. в 1897), *Александре* (1818—1897).

[6] Имеются в виду дочери художника *Александра* и *Фелицата*.

[7] *Милюков Василий Петрович* (1814—1872) — брат адресата, впоследствии генерал-лейтенант, служил в Финляндском полку в Петербурге.

4

[1] *Комлот* — шерстяная ткань грубого плетения.

[2] *Милюкова Евпраксия Тимофеевна, урожденная Веселаго* (1775—1863) — жена брата адресата,— Ивана Ивановича.

3 *Милюков Владислав Иванович* (1816—1864) — племянник адресата, сын Евпраксии Тимофеевны и Ивана Ивановича.

5

1 Письмо датируется по приписке на обороте, сделанной рукой Прасковьи Васильевны Милюковой.

2 *Алексей Осипович* — возможно сын Осипа (Иосифа) Ивановича Веселаго, состоявшего по особым поручениям при начальнике Главного штаба.

3 По-видимому, *Василий Егорович Доброхотов,* брат П. Е. Доброхотова (1762—1831) — тульского оружейника, позднее гравера на крепких камнях, академика.

4 Вероятно, *Путятин Василий Александрович* (1800—1848) — помещик, владелец села Збоево Ржевского уезда Тверской губернии.

5 Вероятно, *Бугаевский-Благодарный Иван Васильевич* (ок. 1780—1860) — рисовальщик и живописец. Воспитанник Академии художеств. С 1779 г. учился у С. С. Щукина, получил звание мастера. С 1800-х гг., совершенствуясь в портретной живописи, пользовался советами В. Л. Боровиковского. В 1822 г. за портрет гусарского офицера был удостоен звания «назначенного в академики», а в 1824 г., за портрет профессора А. И. Иванова — академика.

Увлекался сатирической графикой. Его серия карикатурных зарисовок по содержанию и по средствам образной выразительности перекликается с сатирическими листами Венецианова из «Журнала карикатур на 1808 год».

Дружеские взаимоотношения с Венециановым поддерживал в течение всей жизни. В 1816 г. Венецианов написал портрет Бугаевского в маскарадном костюме, с кружевами и гитарой в руках. В свою очередь Бугаевский в 1817—1818 гг. сделал копию с картины Венецианова «Капитолина из Тронихи» (ГТГ). Оригинал не сохранился, и только благодаря копии и литографии Тыранова стало известно это произведение.

Связь художников не ослабевала: в 1823 г., приехав в Петербург из Сафонкова, Венецианов остановился на квартире Бугаевского «у Кокушкина мосту, в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел», как писал он Н. П. Милюкову. В то время Бугаевский служил в министерстве в чине титулярного советника.

Позднее встречались они в мастерской Боровиковского, которого Венецианов неизменно посещал. Бугаевский был одним из самых близких людей в окружении Боровиковского и находился при нем до последних дней его жизни. Кисти Бугаевского принадлежат два портрета учителя, написанные в 1824 и 1825 гг. На обороте последнего художник сделал заметку, что выполнил его сразу же после смерти Боровиковского, «по памяти», в знак «искреннего уважения к необыкновенным 〈...〉 талантам и величию души покойного». С этими словами Бугаевского прямо перекликается отзыв Венецианова на смерть Боровиковского, в котором художник называл его «почтеннейшим и великим мужем», украсившим «Россию своими произведениями» (Письмо к Милюковым от 2 апр. 1825 г.).

6 *«Знакомый архитектор»* — по всей вероятности, один из семьи архитекторов Шашиных, уроженцев Тверской губернии.

6

1 *Елизавета Францевна* — гувернантка детей художника из «русских француженок».

7

[1] Имение Венецианова находилось на берегах реки Ворожбы; дом Милюковых в Москве — на берегах Яузы, у Садовой.

[2] *Ладыгины:* Петр Иванович — «городовой секретарь» и сын его Николай Петрович — поручик. Помещики Вышневолоцкого уезда, соседи Венецианова. Имели владения в окрестностях озера Кезадры. Связаны родством с Милюковыми: жена Петра Ивановича, Александра Яковлевна, урожденная Милюкова.

8

[1] Вероятно, *Путятин Василий Александрович.*

[2] О каком именно произведении Венецианова идет речь, неизвестно. В списке работ художника, приведенном в монографии Савинова, указанная картина не числится.

[3] По-видимому, *Стромилов Николай Николаевич* (1807 — ?) — отставной военный, помещик Кашинского и Калязинского уездов, родственник вышневолоцких Стромиловых, знакомых художника.

[4] *«Гумно»* — программное произведение Венецианова. Ныне — в ГРМ.

9

[1] Возможно, *Стромилов Михаил Маркович* — майор, дальний родственник Милюковых.

[2] *Милюков Василий Петрович* — брат адресата, служивший в Финляндском полку в Петербурге.

[3] Возможно, *Милюков Иван Иванович,* дядя адресата.

[4] Речь идет о двоюродном брате адресата *Милюкове Владимире Ивановиче* (1806—1839) — военный инженер, сын Ивана Ивановича и Евпраксии Тимофеевны.

[5] *Костюрины* — петербургские домовладельцы, тверские помещики, военные, служившие в гвардейских полках в Петербурге. С одним из Костюриных служил в Финляндском полку брат адресата, Василий. Дом Костюриных находился на 5-й линии, угол Рыночного переулка.

10

[1] *Коллежская площадь* — у здания Двенадцати коллегий, позднее Университетская.

[2] *Академическая* — площадь у Академии художеств.

[3] *Румянцевская* — площадь возле Румянцевского обелиска, вблизи Академии.

[4] Речь идет о Малом проспекте Васильевского острова.

[5] Император *Александр I* (1777—1825).

[6] *Бенкендорф Александр Христофорович* (1783—1844) — генерал-адъютант, член Следственной комиссии по делу декабристов, с 1826 г. — шеф жандармов, начальник III-го отделения.

[7] *Алексей Егорович* — возможно, брат Доброхотова Василия Егоровича.

[8] *Владимир Иванович* — возможно, двоюродный брат адресата.

[9] *Милюкова Екатерина Петровна* — сестра адресата.

[10] *Мачихин Петр Гаврилович* — сын прапорщика в отставке Гаврилы Дмитриевича Мачихина, помещик Вышневолоцкого уезда, ближайший сосед Венецианова, управляющий Сафонковым во время отсутствия художника.

11

[1] Письмо адресовано Милюкову Петру Ивановичу.

[2] *Шестисотное жалованье* — очевидно, вакансия в Академии, на которую возлагал надежды Венецианов, работая над программой «Натурный класс».

[3] *Антошка* — слуга семьи Венециановых.

[4] По-видимому, *Милюков Иван Иванович.*

[5] Речь идет, вероятно, об именинах одной из младших дочерей адресата, Екатерины Петровны, праздновавшихся 24 ноября.

[6] *Катаплазмы* — примочки, припарки.

12

[1] *Зеланд Иван Егорович* (1778—1833) — доктор медицины, практиковал в Петербурге в первой четверти XIX в.

[2] *Богданов Андрей Клементьевич* (1786? 1792? — 1862) — управляющий имением Милюкова Островки (1820—1840), с которым Венецианова связывали приятельские отношения. В конце 1840-х г. оставил службу у Милюкова и переехал в село Костовское (Михайлова К. В. Григорий Сорока. Каталог выставки, с. 31).

[3] *Веселаго Иосиф (Осип) Иванович* (1796—1859) — родственник Милюковых по жене Ивана Ивановича, Евпраксии Тимофеевне, урожденной Веселаго. Состоял по особым поручениям при начальнике Главного штаба.

[4] *Галкина улица* в Кронштадте и церковь Богоявления, построенная в начале XVIII в., деревянная; просуществовала до 1841 г., расположена была в восточной, возвышенной части города.

13

[1] Судя по тому, что в письме говорится о смерти Боровиковского и о доме Гильмора (приложен план), куда Венецианов переехал в мае 1825 г., письмо относится скорее всего к 1826 г.

[2] *Кутайсов Павел Иванович* (1780—1840) — председатель Общества поощрения художников, обер-гофмейстер императорского двора, член Государственного совета.

[3] *Мусин-Пушкин-Брюс Василий Валентинович* (1773—1863) — обер-шенк императорского двора, действительный камергер, Почетный вольный общник Академии художеств. О посещении его Венециановым, Пушкиным и другими вспоминал Каратыгин (Каратыгин П. А. Записки. Новое издание по рукописи. Т. 1. Л., «Academia», 1939, с. 351).

[4] Отец художника, *Венецианов Гаврила Юрьевич* (1749?—1833?) — купец.

[5] Обер-полицмейстер Петербурга *И. В. Гладков* (1766—1832) — генерал-лейтенант, с 1821 по 1831 г. занимал ту же должность в Москве, поэтому Венецианов называет его «ваш», то есть московский.

14

[1] Президент Академии художеств — *Оленин Алексей Николаевич.*

[2] В создании проекта Исаакиевского собора принимали участие архитекторы В. П. Стасов, К. И. Росси, А. И. Мельников, А. А. Михайлов 2-ой.

[3] По предположению А. П. Мюллер, испорченное французское название танца «Avec pas de rigodon», ригодон.

[4] *Монферран Август Августович* (Огюст Рикар де Монферран; 1786—1858) — французский архитектор, в России с 1816 г. Строитель Исаакиевского собора (1818—1858), Александровской колонны, здания Военного министерства и других построек в Петербурге и его окрестностях.

[5] Общество поощрения художников.

[6] *Алексеев Федор Яковлевич* (1753 или 1754—1824) — знаменитый художник, пейзажист. С 1766 г. занимался в Академии художеств, вначале живописью цветов, а затем (1772—1779) пейзажной живописью. В 1773 г. послан в Италию для совершенствования. В 1777 г. назначается живописцем при Дирекции императорских театров и ведает монтировочной частью. В 1794 г. за пейзаж «Вид Петербурга на Неве-реке» удостаивается звания «назначенного» в академики. В 1795 г. был направлен на юг, в Новороссию и Крым, для создания пейзажных панорам. В 1800 г. посылается в Москву «для снятия видов». Результатом поездки явились изображения Москвы и ее окрестностей (Нового Иерусалима, Троице-Сергиевой лавры и других мест), за которые Алексееву было присуждено звание советника Академии и профессора перспективной живописи.

[7] *Николо-Перервинский* монастырь на Москве-реке.

15

[1] Адресаты письма — П. И. и П. В. Милюковы.

[2] *«Гурон»* — философский роман Вольтера, вышедший в русском переводе в 1789 г. Упоминая 3-ю главу романа, Венецианов имеет в виду простодушие и наивность родственницы гувернантки, служившей в его доме.

[3] *Толстой Федор Петрович.*

[4] *Венецианов Юрий Михайлович* (1778 — ум. после 1842) — двоюродный брат художника.

[5] *Милюков Владимир Иванович* — двоюродный брат адресата.

[6] *Полторацкий Алексей Маркович.*

[7] На той же, 4-й странице письма — краткая приписка к Прасковье Васильевне Милюковой от жены художника.

16

[1] *Поженки* — владения Милюковых в Вышневолоцком уезде на реке Кезе.

[2] *Островки* — владение Н. П. Милюкова, сельцо Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в 58-и верстах от Вышнего Волочка, на озере Молдино. Усадьба занимала полуостров, где стоял деревянный господский дом с каменным флигелем, и два острова, на одном из которых был разбит парк. В 1840-х гг. усадьбу Островки неоднократно писал ученик Венецианова Г. В. Сорока.

17

[1] *Всесвятское* — владение В. И. Милюкова Вышневолоцкого уезда на озере Меглыч, в трех верстах от Поддубья.

[2] *Братское* — село Вышневолоцкого уезда Тверской губернии.

[3] *Иван Яковлевич* — Вышневолоцкий исправник.

[4] *«Дудинские владения»* — пустошь Дудиха вблизи Сафонкова.

[5] Постников (очевидно, Иван Захарович) — знакомый семьи Венециановых, поэт.

18

[1] *Рождественское* — село и погост вблизи озера Кезадры Вышневолоцкого уезда.

[2] *«Погост»* — очевидно, Дубровский, ближайший к имению художника.

[3] *Жорнова* — пустошь, принадлежащая Милюковым.

[4] *Сливнево* — деревня вблизи венециановского Сафонкова.

[5] *«Из-перно»* — письменно.

19

[1] Речь идет о газете «Северная пчела».

[2] По-видимому, *Путятин Александр Александрович.*

[3] Имеется в виду *Милюков Василий Петрович.*

20

[1] Милюков Николай Петрович около 1830 г. женился на Агриппине Кононовне, урожденной Милюковой (1802—1863). К 1834 г. у них было трое детей: Петр (р. 1830), Лидия (р. 1832) и Николай (р. 1833).

[2] Речь идет о присяге наследника Александра Николаевича, которая состоялась 22 апреля 1834 г.

[3] *Стромилов Алексей Степанович* (1779—1843) — помещик Вышневолоцкого уезда.

21

[1] Именины Петра Ивановича (деда) и Петра Николаевича (внука).

[2] *Эрасси Михаил Спиридонович.*

[3] *Новые Маковищи* — село Вышневолоцкого уезда на реке Волчине, владение Милюковых.

[4] *Милюков Владислав Иванович* (1816—1864) — сын Ивана Ивановича Милюкова, брат упоминавшегося Владимира.

[5] *Тифонщина* — местность на реке Тифоне в Тверской губернии.

[6] *Милюкова Надежда Ивановна* — тетка адресата, жила в монастыре.

22

[1] Речь идет о «кукольниковской братии», участником собраний которой был композитор М. И. Глинка.

[2] *Лазаревич* — лицо неустановленное.

23

[1] *Крематартар* — лекарственный препарат.

[2] *Григорьев* — лицо неустановленное.

[3] *Данилов Иван Данилович* — сенатор, служил в Межевом департаменте, жил в Петербурге на Большой Садовой, близ Итальянской, в доме Шишкина.

[4] *Кавелин,* вероятно *Александр Александрович.*

[5] Речь идет об *Андрее Клементьевиче Богданове,* управляющем имением Милюковых.

[6] *Сбить с пахвей* — сбить с толку кого-либо; местное тверское выражение.

24

[1] *Милюкова Евпраксия Тимофеевна,* урожденная Веселаго, в то время вдова Ивана Ивановича Милюкова (ум. в 1834), брата Петра Ивановича.

25

[1] Речь идет о пожаре Зимнего дворца в 1837 г.

[2] Зала с портретами генералов 1812 г. сгорела, сама же портретная галерея пострадала лишь частично.

26

[1] Офицеры Финляндского гвардейского полка в Петербурге.

[2] *Милюков Павел Петрович* (1813—1895) — полковник в отставке, брат адресата.

[3] Постановление о размежевании помещичьих земель было осуществлено только в 1840 г.

[4] Имеется в виду реставрация Зимнего дворца, проводившаяся архитекторами А. П. Брюлловым, В. П. Стасовым, А. Е. Штаубертом.

[5] *Дубровское* — владение И. И. Милюкова, после его смерти (в 1834 г.) перешедшее к вдове и сыновьям.

[6] Возможно, *А. А. Певцов* — помещик, флота капитан, церковный староста села Поддубье.

[7] Речь идет о художнике *Ф. М. Славянском,* крепостном помещицы А. Н. Семенской.

27

[1] Малахитовая комната, служившая приемной императрице Александре Федоровне, была отделана по эскизам А. П. Брюллова.

[2] Речь идет о картине Венецианова «Петр Великий. Основание Петербурга» (ГТГ).

[3] *Майков Николай Аполлонович* (1790—1873) — состоял на военной службе, был художником-любителем, работал как портретист, писал образа для Исаакиевского собора. Говоря о больших связях «с женской стороны», художник имеет в виду влиятельный род дворян Серебряковых, из которых происходила мать Майкова.

[4] *«Старинный профессор»* — Шебуев Василий Кузьмич.

[5] Образа, написанные в 1835 г. В. К. Шебуевым и А. Е. Егоровым для Троицкой церкви лейб-гвардии Измайловского полка, были заменены образами работы Майкова. Майков удостоился за них звания академика, а Егорову и Шебуеву объявили выговор.

[6] *Владимирский Василий Матвеевич* — священник церкви в селе Поддубье, с которым был дружен Венецианов.

[7] Милюков Василий Петрович.

[8] *Милюкова Елизавета Николаевна* (р. 1836) — дочь адресата.

[9] По-видимому, *Андрей Александрович Семенский,* помещик, которому принадлежал крепостной художник Федор Славянский.

[10] Речь идет о *Ф. М. Славянском.*

28

[1] В 1837 г. Совет Академии художеств рассмотрел предложение А. Н. Демидова о проведении конкурса на тему «Петр I в один из тех случаев, когда соображал одну из исполинских и глубоких своих идей, которыми он возвел наше прекрасное отечество на высшую степень славного его могущества». Академия установила срок конкурса — декабрь 1838 г. — и две премии, назначенные Демидовым в размере 8000 рублей. Совет Академии предложил эту тему, как программу, художнику Молдавскому и другим медалистам. На предложение откликнулись одиннадцать живописцев, но вместо одиннадцати на конкурс было представлено лишь семь картин, в том числе картины А. И. Иванова и Венецианова.

[2] Произведение Венецианова «Петр Великий. Основание Петербурга» первоначально находилось в Московской фондовой бирже, позднее в Мещанском училище, ныне — в ГТГ.

[3] Конкурс был объявлен несостоявшимся, о чем и сообщили Демидову.

[4] Речь идет об устройстве Фелицаты Алексеевны в классные дамы при Сиротском институте Воспитательного дома.

[5] Речь идет об *Андрее Александровиче Семенском,* далее упоминается Федор Славянский.

[6] *Милюков Василий Петрович.*

[7] *Веселаго Иосиф Иванович.*

[8] *Милюкова Анна Петровна* (1819—1896) — сестра адресата. Ее свадьба не состоялась, умерла незамужней.

[9] *Сергей Васильевич Щербаков* — второй управляющий имением Милюковых в Поддубье.

29

[1] *Путятин Александр Александрович* (ум. 1847) — надворный советник, вторым браком женат на А. М. Лодыгиной, родственнице Милюковых. Одна из дочерей его, Екатерина (р. 1819) была замужем за Александром Петровичем Стромиловым.

[2] *Стромилов Александр Петрович.*

[3] Один из трех братьев *Шашиных,* архитекторов, окончивших Академию художеств: Алексей, Николай или Михаил, сыновья вольноотпущенника Тверской губернии.

[4] *Георгий* — по всей вероятности, кучер Венецианова.

30

[1] *Пхово* — село вблизи озера того же названия, на северо-востоке Вышневолоцкого уезда.

[2] *Блавское* — село в двадцати верстах к западу от Пхова, владение кн. Путятиных.

[3] *Туганычи* — владение одного из Милюковых, «усача» Милюкова, как его называет Венецианов в одном из писем.

[4] *Генашев Г. С.* — по-видимому, сосед художника по имению.

[5] *Ладыгин Н. П.* — дальний родственник Путятиных и Милюковых, по жене А. Я. Милюковой. Сосед Венецианова по владению.

[6] *Шульгины* — помещики, владельцы села Федова и пустошей, граничащих с имением Венецианова.

31

[1] Латинское название тысячелистника, средства от малокровия и чахотки, применявшегося в народной медицине.

[2] *Изенбек Карл* (ум. 1860) — известный врач Петербурга.

[3] Имеется в виду ярмарка в Теребенях.

[4] Речь идет о скульпторе Петре Карловиче Клодте.

[5] *Славянский Федор Михайлович.*

[6] *М. И. и М. О. Веселаго* — родственники И. И. Милюкова по жене Евпраксии Тимофеевне, урожденной Веселаго.

32

[1] *Березины* — помещики Вышневолоцкого уезда.

[2] Речь идет о дне рождения художника. *Алексей Андреевич* — вероятно, *Певцов.*

33

[1] *Виноградский* — чиновник, собиравшийся подать в отставку; Н. П. Милюков надеялся получить его место.

[2] *Лошкарев Григорий Сергеевич* (1788—1849) — генерал-лейтенант или его брат Сергей Сергеевич (1782—1858) — тайный советник.

[3] *Орлов Михаил Федорович.*

[4] Помпейская галерея Зимнего дворца.

[5] *Прындиков* — ученик Венецианова, принимавший участие в лотерее в пользу Санкт-Петербургской детской больницы в 1839 г. Других сведений о нем не сохранилось.

[6] *Варнек Александр Григорьевич* (1782—1843) — художник-портретист. С 1788 по 1803 г. учился в Академии художеств. В 1810 г. — академик, преподаватель Академии художеств, с 1815 г. руководил классом миниатюрной живописи. С 1831 г. — профессор, с 1834-го — заслуженный профессор. С 1824 г. состоял хранителем Эрмитажа.

Отношения Венецианова и Варнека были сложными. В обзорах академических выставок имена их стояли рядом. Но за этим равенством скрывались глубокие разногласия, а подчас и неприязнь. И тот и другой разрабатывали методологию преподавания рисунка, разумеется с разных позиций. В отличие от венециановской теории перспективных построений, Варнек ратовал за передачу художником натуры непосредственно без помощи циркуля и линейки, как то предлагал Венецианов, а позднее практиковал его ученик С. К. Зарянко, по-своему интерпретировавший принципы учителя (Алексеева, с. 137—140; Савинов, с. 161). В разногласиях с Варнеком отразились разногласия Венецианова с представителями официального академизма.

Из воспитанников Венецианова у Варнека занимались Н. А. Бурдин и Ф. М. Славянский. Часто прибегал к советам Варнека и А. Н. Мокрицкий.

[7] Вероятно, князь *Волконский Петр Михайлович.*

[8] По-видимому, альманах Владиславлева «Утренняя заря».

[9] *Голицын Дмитрий Владимирович.*

[10] Герцог *Лейхтенбергский, Максимилиан* (1817—1852) — президент Академии художеств с 1843 г.

34

[1] *Милюков Иван Яковлевич* (ум. 1889) — брат А. Я. Ладыгиной, урожденной Милюковой, помещик Вышневолоцкого уезда.

[2] *Пекер (Пейкер) Иван Иустинович* (1784—1844) — директор Межевого корпуса, ведомства, в котором ждал места адресат. Родственник Лошкаревых.

[3] *Данилов Иван Данилович.*

[4] *Иван Панфилович* — вероятно, Бирюлев — помещик Вышневолоцкого уезда, родственник Путятиных. Мать А. А. Путятина была урожденной Бирюлевой, Наталья Панфиловна.

[5] По-видимому, день рождения одного из детей В. И. Панаева, которым Венецианов писал в 1841 г.

[6] *Васьковы* — помещики Тверской губернии.

35

[1] Сестры адресата, жившие в Поженках.

[2] Милюков Павел Петрович жил в Петербурге вместе с братом Василием Петровичем.

[3] Речь идет, по-видимому, о *Д. В. Голицыне;* князь «ваш» — то есть московский.

[4] Князь *П. М. Волконский.*

[5] *Канкрин Егор Францевич* (1774—1845) — министр финансов (1822—1844), член Государственного совета, писатель, экономист, военный инженер, архитектор. Был женат на Ек. З. Муравьевой, сестре декабриста А. З. Муравьева.

[6] Очевидно, *Славянский Федор Михайлович.*

[7] Речь идет о картине Ф. А. Бруни «Медный змий».

[8] После восстановления Зимнего дворца в 1841 г. обрушился потолок в нескольких залах.

36

[1] Имеется в виду «заведение» Московского Художественного класса.

[2] Шутливое замечание художника о себе самом.

37

[1] 12 февраля по ст. ст. — именины Венецианова.

[2] *Стромилова Елена Алексеевна.*

[3] *Веселаго Наталья Петровна* (1805—1880) — жена Веселаго Иосифа Ивановича.

38

[1] *Милюков Владимир Иванович.*

[2] Речь идет о Московском Художественном классе, который предполагался как филиал Академии художеств в Петербурге.

39

[1] *Григорий Сорока (Григорий Васильев)* (1823—1864) — сын Василия Савельева и Екатерины Ивановой, крепостных П. И. Милюкова. Родился в деревне Покровской Вышневолоцкого уезда. В детстве самостоятельно научился рисовать. Числился в дворне Н. П. Милюкова в имении Островки. Первое упоминание о Сороке в письмах Венецианова относится к 1842 г. В это время (1842—1843) Сорока жил в Сафонкове и учился у Венецианова. В письмах художника к Милюкову угадывается характер конфликта между помещиком и крепостным. В течение последующих трех — четырех лет имя Сороки в письмах Венецианова не упоминается. Вновь появляется оно лишь в 1847 г., когда Сорока под руководством Венецианова писал образа по гравюрам старых итальянских и испанских мастеров. К этому времени относятся разъезды крепостного художника по Тверской губернии и предполагается его отъезд в Торжок. Со смертью Венецианова для Сороки исчезла возможность развития творческих способностей. Он оказался в положении дворового. Просьба о вольной и о разрешении поехать в Петербург была отклонена помещиком. В 1852 г. Сорока женился на крепостной, дворовой из села Островков Александре Нестеровой и переехал в Покровское. Занимался портретной, пейзажной живописью, писал образа. Одновременно обучал крепостных живописцев. Известно имя одного из его учеников: Якова Ивановича Русевича, крестьянина деревни Язвиха. Отсутствие художественной среды, крайне ограниченные возможности и бесперспективность обрекли Сороку на существование в роли рядового деревенского живописца.

После отмены крепостного права вместе с другими крестьянами деревни Покровской Сорока выступил против тяжелых условий договора с помещиком. Он был автором прошения крестьян к Александру II, в котором содержалась жалоба на Н. П. Милюкова. Жалоба до царя не дошла, а была препровождена в Тверское губернское по крестьянским делам присутствие. В апреле 1864 г. Сорока был осужден на трехдневный арест и телесное наказание. 10 апреля он покончил самоубийством. (Михайлова К. В. Григорий Сорока. Каталог выставки).

[2] *Владимирский Василий Матвеевич.*

[3] *Эрасси Михаил Спиридонович.*

[4] Именины *Милюковой Александры Петровны* (1818—1897) — сестры адресата.

[5] Сестры адресата.

[6] *Печугина Варвара Петровна, урожденная Милюкова* (1809—1877) — старшая сестра адресата, жена генерала Печугина.

[7] *Пармен Петрович* — брат адресата.

40

[1] Письмо датировано К. В. Михайловой. (Михайлова К. В. Григорий Сорока. Каталог выставки. с. 101).

[2] Речь идет о Григории Сороке.

41

[1] К. В. Михайлова полагает, что письмо следует датировать 1838 годом, так как в нем идет речь о премии, которую Венецианов надеялся получить за программу «Петр Великий. Основание Петербурга».

[2] *Князь* — очевидно, А. А. Путятин. *«Царские пиры»* — обручение великой княгини Александры Николаевны (1825—1844) с принцем Фридрихом Гессен-Кассельским, состоявшееся в первых числах декабря 1842 г.

42

[1] *Крашенинников Сергей Петрович.*

43

[1] *Арендт Николай Федорович* (1786—1859) — доктор медицины, хирург, лейб-медик Николая I.

[2] *Наталия Петровна* — лицо неустановленное, возможно Веселаго.

[3] *Шафонский Андрей Афанасьевич* (1777—1843) — чиновник ведомства Министерства внутренних дел (с 1837 г.).

[4] *Соломки* — помещики Вышневолоцкого уезда. Александр Данилович Соломка служил в Министерстве внутренних дел.

[5] *Еньки-Даревские* — родственники Венецианова, жили в Москве, Петербурге и провинции.

[6] Вероятно, П. М. Волконский.

44

[1] *Милюкова Сусанна Петровна* — сестра адресата.

[2] Дети адресата: Петр (р. 1830), Николай (1833—1895), Конон (1835—1871), Лидия (р. 1832), Елизавета (р. 1836). Шестой ребенок — Михаил родился в 1845 г.

[3] *Милюкова Елизавета Петровна* (ум. 1878) — сестра адресата.

[4] *Ушаков Н. А.* — флота капитан, женат на Е. А. Путятиной, родственник Милюковых, помещик Весьегонского уезда.

[5] Вероятно, *Славянский Федор Михайлович.*

[6] *Дмитриев Ларион* — приказчик в имении Венецианова.

[7] *Пошман Семен Антонович* (1792—1847) — директор Училища правоведения.

[8] *Владиславлев Иван Андреевич,* брат В. А. Владиславлева, чиновник 2-го Отделения III департамента Правительствующего сената.

[9] *Владимирский Василий Матвеевич.*

[10] *Брюллов Александр Павлович* (1798—1877) — архитектор. Построил в Петербурге лютеранскую церковь св. Петра, Михайловский театр, Пулковскую обсерваторию и др.

[11] *Тон Константин Андреевич* (1794—1881) — архитектор. По его проектам построены: храм Христа Спасителя (1837—1883), Большой Кремлевский дворец (1839—1849), Оружейная палата (1844—1851) и другие сооружения в Москве и Петербурге.

[12] *Стасов Василий Петрович* (1769—1848) — архитектор, член строительного комитета Исаакиевского собора, строил в Петербурге: Павловские

казармы, Преображенский и Троицкий соборы, Триумфальные ворота у Московской заставы.

[13] *Клодты* — Петр (1805—1867) — скульптор, Владимир (1803—1884) — генерал от артиллерии, Константин — генерал-майор, Герман (ум. в 1858), Борис (1817—1863).

[14] *Милюков Петр Николаевич* (р. 1830) — сын адресата.

45

[1] *«Мадонна Альба»* Рафаэля поступила в Эрмитаж от голландского банкира Кузьвельта в 1836 г.

[2] *Милюков Павел Петрович,* брат адресата.

[3] Возможно, *Щербаков Сергей Васильевич* — управляющий Милюковых.

[4] Речь идет о копиях К. П. Брюллова с «Афинской школы» Рафаэля.

[5] *Рубини* (1795—1854) — итальянский певец, выступавший на гастролях Итальянской оперы в Петербурге в 1844 г.

47

[1] *Вильегорский* — очевидно, Михаил Юрьевич (1788—1856) — Шталмейстер двора, директор главного управления училищ, композитор, музыкант.

[2] Вдова скульптора Мартоса И. П.

[3] *Крашенниниковы Федор и Сергей.*

48

[1] Возможно, сестра поддубского священника Василия Матвеевича.

[2] Николай I.

49

[1] *Кожин Иван Николаевич.*

[2] *Волконский Петр Михайлович.*

[3] Герцог *Лейхтенбергский, Максимилиан.*

[4] *Эрасси Михаил Спиридонович.*

[5] *Кулебякины (Колюбякины)* — помещики Вышневолоцкого и Весьегонского уездов.

[6] *Заворок* — прясло, околица, изгородь.

[7] *Дурнов* — местный исправник.

50

[1] Итальянская опера.

[2] Благотворительный базар.

51

[1] *Тормасов Владислав Иванович* (1816—1883) — вышневолоцкий уездный предводитель дворянства (с 1851 г.).

52

[1] *Левкас* — род жидкого клея с гипсом или мелом для подготовки грунта под краску.

[2] *Лодыгин П. И.* — Вероятно, отец Н. П. Лодыгина, городовой-секретарь, ум. в 1851 г. 77 лет.

[3] Возможно, *Красовский Антон Яковлевич* (1821—1898) — доктор медицины, позднее профессор Военно-медицинской Академии.

[4] *Стромилова Любовь Алексеевна* — жена Алексея Степановича Стромилова (1779—1843), коллежского регистратора; *Александр* (1805—1880) — ее сын, подпрапорщик; *Михаил* — брат его, поручик.

[5] Речь идет о картине Венецианова «Туалет Дианы» (иначе — «Балерина»). 1847, ГТГ.

53

[1] *Сорока Григорий Васильевич.*

54

[1] *Корреджио* (ок. 1489 — ок. 1534) — итальянский художник эпохи Высокого Возрождения.

[2] *Альбани Франческо* (1578—1660) — итальянский художник болонской школы, последователь Гвидо Рени.

[3] *Мурильо Бартоломе Эстебан* (ок. 1618—1682) — испанский художник.

[4] *Сеславин Н. Н.* — владел селом Млево в Вышневолоцком уезде (1777—1856).

[5] *Аракчеев Михаил Иванович, 1-й* (р. 1808) — племянник А. А. Аракчеева, назывался 1-м в отличие от брата, тоже Михаила Ивановича (р. 1819).

[6] *Лажечников Иван Иванович* (1792—1869) — писатель, автор исторических романов. Имел поместье в Тверской губернии.

[7] *Васильев Иринарх Васильевич* (1833—?) — последний из учеников Венецианова (1847). Сын управляющего селом Всесвятским Василия Федоровича. Крепостной Владислава Ивановича Милюкова. Хлопотами Венецианова отпущен на волю. Поездка в Петербург, упомянутая в письме, не состоялась. Васильев поехал позже и поступил в Академию самостоятельно. В 1855 г. получил звание свободного художника, в 1858-м — академика (Алексеева, с. 127—128).

55

[1] Г. В. Смирнов полагает, что это письмо можно датировать 1842—1843 годами, когда Плахов вернулся из-за границы.

[2] Эрасси Михаил Спиридонович.

56

[1] *К. В. П.* — лицо неустановленное.

57

[1] *«Воскресение»* — возможно, образ, созданный под влиянием Боровиковского.

[2] *Ауэрбах А. А.* — вышневолоцкий помещик, врач, пользовавшийся большой популярностью.

[3] *Н. Д. Шульгин* происходил из помещиков Вышневолоцкого уезда; служил в Петербурге, военный.

[4] *Мачихин Петр Гаврилович.*

[5] Указ о приведении крестьян в «условное состояние» опубликован 5 мая 1846 г.: он резко ограничивал власть помещика.

[6] Старший сын адресата.

58

[1] *Кожин Иван Николаевич.*
[2] *Лейхтенбергский Максимилиан.*

59

[1] *Зверев* — помещик Тверской губернии.

[2] Под инициалами В. Г., Н. П. — лица неустановленные.

[3] *Дресва* — гравий, мелкий камень.

[4] Очевидно, в современном понятии — историческая геология.

[5] Вместе с письмами Венецианова Милюковы сохранили письмо его дочери Александры Алексеевны, написанное 14 мая 1848 г. из Сафонкова в ответ на неизвестное нам письмо Н. П. Милюкова, адресованное ей уже после смерти художника. Приводим его здесь.

«Сегодня утром из Жорновок принесли мне письмо Ваше, почтеннейший Николай Петрович, писанное от 29 апреля, следовательно, тому 2 недели, почему тороплюсь отвечать на него, тем более, чтоб не заставить вас усумниться в моем замедлении ответа.

Поверьте, почтеннейший Николай Петрович, что я и без такого убедительно драгоценного для меня доказательства (сложенное вами письмо папеньки) [сочла бы] за сердечное удовольствие, чем только могу, служить вам, но *образа,* о котором вы мне пишете, у меня решительно нет, кроме одного образа Спасителя, писанного покойным Папинькой масляными красками с бюста Григоровича Василия Ивановича, привезенного из Рима, с опущенными вниз глазами, но *не рукотворенный и не литография литохромированная,* как вы пишете, а это большой и не совсем конченный, другого же образа более нет.

А если вы хотите знать, есть еще два образа Нерукотворных, один стоит в моей деревне Микошихе в киоте; ему служат молебны уже другой год в день празника этого образа, учрежденного самим покойным, а другой, Папинькою же подаренный Головину, только и то верно не знаю, литографиею то или масляными красками писанный, тот, что у Головина.

Вот все, что могу вам сказать, почтеннейший Николай Петрович, и чрезвычайно сожалею, что не могу удовлетворить вашей просьбы, знаю хорошо, что вы вполне понимали и любили нашего бесценного ангела Папиньку, почему, исполняя желание ваше, мне бы самой не менее было утешительно вам этим услужить. Слава богу, что здоровье ваше поправляется, быть может лето мне не доставит ли удовольствие видеть вас с почтеннейшей Аграф[еной] Кон[оновной] и со всеми милыми детьми вашими.

Остаюсь уважающей вас и готовой служить

А. Венецианова.

Письмо, писанное столь дорогою и незабвенной для меня рукою, я с благодарностью вам возвращаю».

2. ЗАПИСКИ К В. Г. АНАСТАСЕВИЧУ

ГПБ, ф. 18, б/№. Публиковались впервые: Эрнст О. Р. Письма А. Г. Венецианова к В. Г. Анастасевичу. — Старые годы, 1915, 1—2. Фамилии, даты, пояснительные замечания, выделенные в тексте скобками, сделаны рукой Анастасевича.

[1] *Анастасевич Василий Григорьевич* (1775—1845) — писатель, переводчик, библиограф, издатель. С 1786 г. учился в Киевской духовной академии, кото-

рой не окончил; несколько лет учительствовал. В 1795 г. поступил на военную службу. С 1802 г. перешел на гражданскую службу по Виленскому учебному округу; занимался в комиссии по составлению законов, состоял секретарем графа Н. П. Румянцева. В конце 1820-х гг. назначен цензором. За пропуск «Конрада Валенрода» А. Мицкевича в 1830 г. отстранен от должности. Принимал деятельное участие в издании «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова» (Спб., 1820, 1821—1824) и в «Росписи книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина» (Спб., 1828). Перу Анастасевича принадлежат переводы: «Федра» Расина (1805), «Слава прекрасного пола» Легуве (1808), «Всеобщая экономия народов» В. Стройновского (1817), «Индия и индийцы» Бержнера (1819) и другие. В 1811—1812 гг. издавал журнал «Улей».

[2] *Спасский Григорий Иванович* (1783—1864) — известный историк и археолог Сибири, действительный член русского Географического общества, Общества истории и древностей Российских, член-корреспондент Археолого-нумизматического общества, член Петербургского общества любителей словесности, наук и художеств, а также многих других ученых и литературных обществ. Происходил из духовного звания, учился в Московском университете, а затем получил специальность горного инженера. С 1799 г. занимал различные должности в Москве и Сибири. В 1817 г. приехал в Петербург и был определен в Горную экспедицию Кабинета императора. В это же время началась и его литературная деятельность, направленная в основном на изучение Сибири. Издавал два журнала: «Сибирский вестник» (1818—1824) и «Азиатский вестник» (1825—1827). В 1838 г. вышел в отставку.

[3] *Ермаковский* — лицо неустановленное.

[4] По-видимому, речь идет об альманахе «Северные цветы» на 1826 и 1827 г., где были помещены статьи Григоровича «О состоянии художеств в России».

[5] Вероятно, *Стромилова Любовь Алексеевна.*

[6] «Память доброй матери или последние советы дочери своей». Сочинение Таньской. С 4-го издания перевела «Е. М.» Спб., 1827.

[7] О каком именно переводе Гонзаго идет речь, неизвестно. А. М. Эфрос полагал, что Венецианов не знал иностранные языки настолько, насколько это необходимо для перевода Гонзаго. Изданных же переводов книг Гонзаго в то время не существовало (Венецианов в письмах, с. 304.)

[8] «Материалы» П. Н. Петрова по истории Академии художеств (Спб., 1864—1866) сведений о покупке эстампов в эти годы не содержат.

[9] Венециановым создано несколько картин на этот сюжет: «Вакханка идущая», 1830-е гг. (упоминается в материалах о приобретениях Общества поощрения художников в 1837 г.); «Вакханка лежащая», 1830-е гг. (упоминается в материалах о приобретениях Общества поощрения художников в 1838 г.); «Вакханка с фруктами на голове», 1830-е гг. (ГТГ). А. М. Эфрос полагал, что последняя картина написана около того же 1832 г., которым датирована и записка Венецианова. (Эфрос А. М. Вакханка Венецианова. — Среди коллекционеров, 1921, № 11—12).

[10] *Посникова* — по-видимому, жена Ивана Захаровича Постникова, поэта, знакомого семье Венецианова.

[11] Речь идет об *А. Г. Денисове.* Второй ученик, за которого хлопотал Венецианов в эти годы, был *А. В. Тыранов.*

[12] *Поповский* — лицо неустановленное.

[13] Имеется в виду первое издание сочинений Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Повести, изданные пасичником Рудым Паньком. Спб., 1831—1832.

[14] *Краевский Андрей Андреевич* (1810—1889) — воспитанник Московского университета, сотрудник «Московского вестника», с 1834 г. помощник редактора «Журнала Министерства народного просвещения», редактор «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду» (1837—1839), впоследствии издатель «Отечественных записок» (1839—1868), «Санкт-Петербургских ведомостей» (1852—1862), «Голоса» (1863—1883).

Можно полагать, что знакомство Краевского с Венециановым произошло в 1820-х гг. Как член ревизионной комиссии Общества поощрения художников, Краевский выступил с инициативой возобновления некогда существовавших художественных лотерей. Картины Венецианова неизменно включались в число предназначенных к розыгрышу. С 1835 г. начинается период наиболее близкого знакомства художника с журналистом. В 1836 г. В. Ф. Одоевский вместе с Краевским предполагают издавать журнал «Северный зритель». В качестве художника они приглашают Венецианова.

Сотрудничая в пушкинском «Современнике» (с 1836 г.), Краевский вместе с друзьями поэта участвует в разборке бумаг и библиотеки, оставшихся после смерти Пушкина. Неопубликованные стихотворения поэта, найденные при разборке, он показывает Венецианову, который вводит его в более широкий круг художников, знакомит с К. П. Брюлловым.

Подпись Венецианова встречается в списке лиц, выразивших желание печататься в предпринятом Краевским издании обновленных «Отечественных записок» 1839 г. (Могилянский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок». Известия АН СССР, серия истории и философии, 1949, т. 6, № 3).

Позднее через Краевского осуществлялась связь Венецианова с пушкинским кругом писателей.

[15] Очевидно, речь идет о заседании в Академии 20 сентября 1832 г. В тот день были удостоены звания Почетного вольного общника знакомые Венецианову по Обществу поощрения художеств: А. И. Дмитриев-Мамонов, Л. И. Киль, И. И. Шамбо, В. И. Панаев и другие. Тогда же В. К. Шебуев был удостоен звания ректора, А. Е. Егоров — заслуженного профессора, А. Г. Варнек — профессора второй степени, А. П. Брюллов — профессора второй степени; избраны «назначенными»: К. Беггров, К. Мейснер, Ф. Рисс, Н. Чернецов. Среди наград воспитанникам Академии вторая серебряная медаль была дана ученику Венецианова Л. С. Плахову за картину «Велизарий с мальчиком, просящим милостыню» (1832; ныне — Гос. музей латышского и русского искусства в Риге).

[16] Очевидно, Николай Васильевич Гоголь. (Машковцев Н. Г. Венецианов и Гоголь. — В кн.: Гоголь в кругу художников, М., 1955, с. 9—62).

[17] Молодой художник, о котором хлопотал Венецианов,— М. С. Серебряков. *Дебу Иосиф Иосифович* (1774—1842) — сенатор.

[18] По-видимому, архитектор *Гессе Павел* (1818—?) — учился в Академии художеств. В 1839 г. получил звание неклассного художника.

[19] Можно думать, что речь идет о работе над программой «Натурный класс»; это позволяет датировать письмо 1824 г.

[20] Очевидно, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина (М., 1797—1801, тт. 1—6).

[21] О каких именно портретах идет речь, неизвестно.

3. ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

Я. М. НЕВЕРОВУ

ГИМ, ф. 372, п. 5, лл. 145—146. Публиковалось впервые: Савинов, с. 204. На конверте надпись: «Его благородию милостивому государю Януарию Михайловичу Неверову у Обухова мосту в полукруглом большом небеленом бывшем князя Янгалычева доме, входить в те ворота, что по Фонтанке».

[1] *Неверов Януарий Михайлович* (1810—1893) — воспитанник Московского университета, с мая 1833 г. — в Петербурге, помощник редактора «Журнала Министерства народного просвещения», журналист, литератор, педагог. В молодости близкий друг и член кружка Н. В. Станкевича, друг Т. Н. Грановского, И. С. Тургенева. Сотрудник «Отечественных записок». Впоследствии — директор Лазаревского института в Москве и попечитель Кавказского учебного округа. В своей автобиографии Неверов рассказывает о связях с Венециановым:

«Крашенинников же познакомил меня с семейством художника Венецианова (живописца), Алексея Гавриловича, две взрослые дочери которого, Александра и Филицата, привлекали довольно многочисленный круг молодежи, в числе которой я был постоянным посетителем этого в высшей степени любезного семейства.

Таким образом, жизнь моя в Петербурге сложилась самым приятным образом с самого моего туда приезда, и я постоянно вращался у графа Толстого и Венециановых в художническом, у Краевского и Греча в литературном кружках, и, сверх того, у Одоевского, если не сблизился, то, по крайней мере, присматривался и к тогдашним выдающимся аристократическим личностям» (Вестник воспитания, 1915, № 6).

[2] Слово «амурсанфепевые» не поддается расшифровке. А. Н. Савинов полагает, что родившись из каких-то намеков в дружеском кругу, слово это связано с выражением «amour sans fin» — любовь без конца — и иронически характеризует представителей Академии как «бесконечно любимых». (Савинов, с. 204).

[3] 21 апреля — день рождения старшей дочери Венецианова, Александры; 23 апреля — день ее именин.

[4] *Кольцов Алексей Васильевич* (1809—1842) — поэт, сын воронежского мещанина. Впервые Кольцов появился в Петербурге в 1836 г. Имя его в это время было уже известно. Первые стихи Кольцова, напечатанные в «Литературной газете» (1831), заслужили высокую оценку современников, а выход из печати сборника стихотворений Кольцова в 1835 г. стал событием литературной жизни того времени. А. С. Пушкин отдавал должное лирическому таланту поэта и напечатал в «Современнике» его стихотворение «Урожай». В. А. Жуковский пригласил Кольцова бывать на его «субботах» в Шепелевском доме.

Знакомство Кольцова с Венециановым относится, по всей вероятности, к периоду конца января — начала апреля 1836 г. Оно могло произойти в доме близких приятелей художника и одновременно земляков поэта, воронежских помещиков братьев Крашенинниковых. Лирика Кольцова была близка Венецианову. Воронежского поэта-самоучку и не окончившего Академии художника связывали общие устремления. Обоим им было свойственно проникновенное восприятие образов русского крестьянина и тонкое понимание природы.

Встречи Кольцова с Венециановым на протяжении 1836—1838 гг. происходили довольно часто.

И. Н. СКРЫДЛОВУ

ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 413. л. 1—1об. Публиковалось впервые: Савинов, с. 204.

[1] *Скрыдлов Илларион Николаевич* — инспектор Псковской гимназии.

[2] Речь идет об Алексееве Александре Алексеевиче.

А. А. АЛЕКСЕЕВУ

ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 413, лл. 2—5.

Письмо от 2 января 1836 г. публикуется впервые. Поступило к М. И. Семевскому в 1871 г. от члена Псковского губернского статистического комитета К. Е. Евлентьева.

Письмо от 1 марта 1837 г. опубликовано: Савинов, с. 205—206.

[1] *Алексеев Александр Алексеевич* (1811—1878) — ученик Венецианова. Крепостной села Лубеньки Кашинского уезда Тверской губернии, дворовый человек помещицы О. Н. Куминовой. Работал мальчиком-подмастерьем у Н. С. Крылова. По просьбе Венецианова отпущен на волю в 1826 г. и отвезен в Петербург. С этого времени жил и работал в мастерской художника.

В 1826 г. Алексеев выполнил для Общества поощрения художников литографии с картин Венецианова. В 1827 г. за «Перспективный вид мастерской художника Венецианова» был признан Академией достойным золотой медали. В 1830 г. по заказу императорского двора им была написана «Внутренность прусских комнат» Зимнего дворца и в том же году на академической выставке экспонировались его портретные работы. В 1832 г. удостоен звания свободного художника. Впоследствии был «учителем искусств в учебных заведениях Народного Просвещения» и жил в Архангельске.

[2] *Николай Павлович* — лицо неустановленное.

[3] По-видимому, *Серебряков Михаил Сергеевич.*

[4] *Петухов Н. М.* — лицо неустановленное.

[5] *Тухаринов Ефим.*

В. И. ПАНАЕВУ

ГРМ, ф. 87, № 10 л. 1—2 об. 1840 г. Впервые опубликовано: Русская старина, 1908, окт., с. 152—153.

[1] *Панаев Владимир Иванович* (1782—1859) — литератор, автор стихотворного сборника «Идиллии» (Спб., 1820), повести «Иван Костич» (Спб., 1823) и стихотворных публикаций в периодической печати 1820—1830-х гг. Предположительный адресат эпиграммы Пушкина «Русскому Геснеру» (1820). Панаев успешно совмещал литературную деятельность с карьерой чиновника, за что получил от Пушкина пренебрежительное прозвище «идиллический коллежский асессор». Панаев состоял членом Российской академии, был чиновником комиссии духовных училищ при Синоде, а с 1832 г. состоял директором канцелярии Министерства императорского двора. В ведении Панаева находилась Академия художеств; через него делались «представления» картин художников, в том числе и Венецианова, императорскому двору.

Венецианов в 1841 г. писал портрет детей Панаева с няней, в собрании картин Панаева были и другие произведения Венецианова.

[2] *Голицын Дмитрий Владимирович* (1771—1844) — участник Отечественной войны 1812 г., московский генерал-губернатор (1818—1843). Имел ближайшее отношение к организации Московского Художественного класса.

Проект, разработанный в 1839 г. при участии Голицына, заключал штатное расписание будущего учебного заведения. Венецианов надеялся обратиться к Голицыну с просьбой о месте преподавателя.

[3] *Львов Дмитрий Михайлович* (1793—1842) — в 1824 г. назначен в Экспедицию Кремлевских строений, камергер; в 1833-м — действительный статский советник, «присутствующий» в строительной комиссии Московского университета. С 1835 г. — попечитель Московского дворцового архитектурного училища, с 1837-го — член комиссии строительства храма Христа Спасителя, с 1840-го — принимал участие в создании Московского Художественного класса.

[4] *Орлов Михаил Федорович* (1788—1842) — участник Отечественной войны 1812 года. Привлекался по делу декабристов, выслан в Калужскую губернию под надзор полиции. В 1831 г. Орлову было дано разрешение жить в Москве. С 1832 г. директор Художественных классов, созданных Московским художественным обществом. Автор проекта учреждения в Москве императорской Академии художеств и при ней Художественного общества, составитель «Памятной записки о Художественном классе» и «Краткого очерка истории изящных искусств в России», а также других трудов.

И. Н. КОЖИНУ

ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 415, лл. 1—2. Письмо передано Семевскому А. А. Венециановой. Датируется по содержанию 1847 г.

[1] *Кожин Иван Николаевич* (1807—1853) — штаб-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка, помещик, владевший селами Юрьевским и Кожиным в Кашинском уезде Тверской губернии. В 1845—1847 гг. был тверским губернским предводителем дворянства. Заказывал Венецианову образ св. Макария.

В. И. ГРИГОРОВИЧУ

ГПБ, собрание П. Л. Ваксeля, ф. 124, № 818, лл. 1—2. Публиковалось впервые: Савинов, с. 206—207. Он датировал письмо январем 1847 г.

[1] *Григорович Василий Иванович* (1792—1865) — художественный критик, издатель «Журнала изящных искусств», конференц-секретарь Академии художеств.

Родился в семье помещика Полтавской губернии. В 1803 г. окончил Киевскую духовную академию. До 1812 г. служил в Полтавской губернской конторе и Малороссийском почтамте, а в 1812-м — в Особенной канцелярии министерства полиции. С переездом в Петербург активно участвовал в общественной и литературно-художественной жизни столицы. Состоял членом Общества учреждения училищ по методе взаимного обучения, в 1819 г. исполнял в нем должность секретаря. Это время было тем периодом деятельности Общества, когда в нем принимал участие Венецианов.

С образованием Общества поощрения художников Григорович стал его членом. Занимая должность секретаря Общества, он содействовал Венецианову в делах, касающихся его учеников, пенсионеров Общества.

С 1823 по 1825 г. Григорович издавал «Журнал изящных искусств», где помещал переводы, в частности из Винкельмана, и очерки о шедеврах старых мастеров. В своих собственных статьях он ратовал за развитие национального искусства и выступал в качестве поборника отечественных талантов. «Нет сомнения, что со временем галерея Русской школы не уступит лучшим собраниям произведений школ иностранных»,— писал он в своем журнале в 1825 г. С этих позиций оценивал Григорович и творчество Венецианова, критический разбор работ которого он дал в том же номере «Журнала изящных искусств».

Почетный вольный общник Академии художеств, Григорович в 1829 г. был назначен конференц-секретарем, а в 1830-м преподавателем истории искусств в Академии. Как должностное административное лицо, близко стоявшее к президенту, Григорович имел большое влияние на ход академических дел. Его протекции искали и добивались. Он покровительствовал своим землякам и поддерживал тесные связи с «малороссийской колонией».

Академическая квартира Григоровича в 1830-е гг. была местом, где собирались известные художники, актеры, литераторы. По словам В. В. Стасова, она представляла собой нечто «вроде очень значительного и очень влиятельного художественного центра в Петербурге. 〈...〉 Там бывали Пушкин, и Жуковский, и князь Вяземский, и Гоголь (только что входивший в славу), и Крылов, Струговщиков, и множество всяких литераторов того времени, между прочим, Кукольник, Сенковский, Греч, Булгарин, но вместе с тем бывала там и вся Академия художеств, все профессора, академики, а также и все ученики, казавшиеся наиболее талантливыми и выходящими из ряду». (Стасов В. В. Статьи и заметки, не вошедшие в собрание сочинений. М., 1954, т. 2, с. 301). Здесь постоянно бывали и художники: К. П. Брюллов, Ф. П. Толстой, П. К. Клодт. Посещали вечера Григоровича А. В. Кольцов и П. А. Плетнев. Среди тех, кто почти ежедневно, без церемоний, навещал Григоровича, был Венецианов.

Григорович относился к Венецианову с неизменной доброжелательностью, при случае оказывал содействие. После смерти художника Григорович вел официальную переписку по поводу его дел. Позже к нему обращались с письмами дочери Венецианова.

[2] *Софья Ивановна* — дочь скульптора И. П. Мартоса, жена В. И. Григоровича.

[3] *Анна Васильевна* — дочь В. И. Григоровича.

[4] *Оом Анна Федоровна* — начальница Сиротского института в Петербурге.

III ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА И ДОКУМЕНТЫ

1. ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА И ДОКУМЕНТЫ. 1807—1843

1807—1808

[1] ЦГИА, ф. 777, оп. 1, № 23, л. 220.

[2] Существование этого издания было впервые зарегистрировано В. С. Сопиковым (Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. Спб., 1815, ч. 3, с. 70), указавшим, что всего было напечатано три номера журнала. Специальная статья, посвященная «Журналу карикатур», появилась в 1911 г. (Верещагин В. «Журнал карикатур на 1808 год». — Русский библиофил, 1911, № 1, с. 7—12). Ее автор впервые воспроизвел две гравюры: «Изображение двенадцати месяцев» и «Вельможа», № 1 и № 3 листы первой тетради журнала. Кроме того, В. Верещагин высказал предположение, что «журнал был запрещен за рисунок «Вельможа» — карикатуру на какое-нибудь известное в чиновном мире того времени лицо». Это предположение позднее подтвердили документы Санкт-Петербургского цензурного комитета, о существовании которых впервые сообщил в 1925 г. М. С. Урениус (Урениус М. С. А. Г. Венецианов и его школа. М., 1925, с. 8). Публикация дела о запрещении

«Журнала карикатур» была сделана в 1948 г. С. Бабинцевым (Бабинцев С. «Журнал карикатур» А. Г. Венецианова. — Искусство, 1948, № 5, с. 70—80). С незначительными купюрами автор статьи опубликовал выдержки из протоколов заседаний цензурного комитета, на которых рассматривалось дело, а также переписку министра просвещения, министра внутренних дел и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, касающуюся запрещения журнала. В настоящем издании эти материалы представлены в более полном виде.

[3] Объявление о журнале было помещено в отделе «Известия» к «Санкт-Петербургским ведомостям», 1807, 24 дек., № 103.

С. Бабинцев предполагает, что первоначально Венецианов отпечатал объявление на отдельных листах и распространил их в октябре — ноябре 1807 г. (Бабинцев С. «Журнал карикатур» А. Г. Венецианова. — Искусство, 1948, № 5, с. 78).

[4] ЦГИА, ф. 777, оп. 1, № 32, лл. 7—8 об.

[5] В первой тетради под № 1 значилось: «Аллегорическое изображение двенадцати месяцев», под № 2 — «Катание в санях».

[6] ЦГИА, ф. 777, оп. 1, № 32, л. 11—11 об.

[7] «Одобренные к печатанию» цензором Тимковским и получившие «билеты на выпуск в свет» листы № 1 и № 2 «Журнала карикатур» поступили в типографию Иверсена. Лист № 1 вышел в свет 4 января, лист № 2— 11 января. 14 января 1808 г. книгопродавец И. Глазунов вторично опубликовал объявление о подписке на журнал с извещением о том, что «при подписке два номера выдаются» («Известия» к «Санкт-Петербургским ведомостям», 1808, 14 янв. № 4, с. 49). Под № 3 первой тетради «Журнала карикатур» значился лист «Вельможа». Дата выпуска его в свет (18 января) стала датой запрещения журнала.

[8] ЦГИА, ф. 733, оп. 118, № 106, л. 1.

[9] Там же, л. 2.

[10] Там же, л. 3.

[11] Там же, ф. 777, оп. I, № 32, лл. 12—13.

[12] Под № 4 значился лист «Введение в свет молодого человека». Экземпляр не сохранился. По мнению исследователей, это могло быть сатирическое изображение молодого петиметра, персонажа, столь часто встречающегося в эпиграммах и сатирах того времени. (Алексеева, с. 23).

И. А. Крылов в «Почте духов» описывает подобного щеголя, из «тех господчиков, которых в свете называют людьми, любви достойными, веселыми и знающими светское обращение». На деле же петиметр, подобно обезьяне, «взирая на себя в большое стенное зеркало, представляет те же самые движения и обороты: он всего вокруг себя осматривает, множество раз на все стороны повертывается, поднимает и опускает голову, коверкается, кривляется, ломается; говорит не имеющие смысла некоторые невразумительные слова, которые никому другому не могут быть понятны, как разве такому же петиметру, ибо он говорил о прическе своих волос, о курчавости своего вержета (часть парика. — *Прим. издателя)*, о размере своих буклей, о лентошном бантике и о прочем подобном сему вздоре» (Крылов И. А. Собр. соч. М., 1945, т. 1, с. 65).

[13] ЦГИА, ф. 777, оп. 1, № 35, л. 1.

[14] Там же, лл. 2—3.

[15] Там же, л. 3—3 об.

[16] Там же, ф. 733, оп. 118, № 103, л. 4—4 об.

[17] Там же, ф. 777 оп. 1, № 35, л. 2—2 об.

[18] В 1808 г. в Петербурге появились новые журналы: «Русский вестник», «Драматический вестник», «Артиллерийский журнал», «Сборник умозрительных исследований имп. Санкт-Петербургской Академии наук» и «Северный зритель». В издании этих журналов Венецианов участия не принимал. Имя художника в делах цензурного комитета за 1808-й и последующие годы больше не упоминается. К теме из истории времен Петра Великого Венецианов обратится позднее.

1811

[1] ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 1, № 2148, 1811 г., лл. 1—1 об. Публиковалось впервые в кн.: Петров П. Н. Сборник материалов для истории императорской Академии художеств за 100 лет ее существования. Спб., 1864, т. 1, с. 555, 563.

1819

[1] ЦГИА, ф. 535, оп. 1, № 12, л. 264.

Лонгинов Николай Михайлович (1775—1853) — статс-секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны, член Государственного совета. Через Лонгинова Венецианов представлял свои работы императрице.

[2] Серия, задуманная художником, состояла из следующих портретов:
1. Портрет Ивана Ивановича Бецкого. 18×15.
2. Портрет Якова Федоровича Долгорукого. 18,8×15,1.
3. Портрет Ермака Тимофеевича. 19×15,2.
4. Портрет Бориса Александровича Голицына. 18×15.
5. Портрет Василия Васильевича Голицына. 18×15.
6. Портрет Франца Яковлевича Лефорта. 19×15,2.
7. Портрет Артамона Сергеевича Матвеева. 18×15.
8. Портрет Петра I. 18,9×15,6.
9. Портрет Феофана Прокоповича. 18,9×15,1.
10. Портрет Филарета Романова. 18×15.
11. Портрет Бориса Петровича Шереметева. 18×15.

(Савинов, с. 52, 188).

[3] ЦГИА, ф. 535, оп. 1, № 12, л. 265. В этом же деле находится письмо А. Абрамова к Н. М. Лонгинову от 8 сентября 1819 г. (там же, л. 266), сообщающее о том, что 27 июня 1819 г. пожалованная Венецианову табакерка переправлена к нему через вышневолоцкого исправника и «с распиской отдана».

По всей вероятности, не застав художника в Петербурге, табакерку послали ему в Сафонково.

1822

[1] ЦГИА, ф. 535, оп. 1, № 21, л. 272. Копия. Подпись отсутствует. Можно полагать, что автор письма — А. Н. Голицын, который, как видно из корреспонденции А. Н. Оленина от 31 марта 1827 г., ходатайствовал о Венецианове.

[2] Это первое документальное свидетельство о выполнении Венециановым жанровых картин в ранний период творчества. Т. В. Алексеева полагает, что одной из них была «Жница», пастель, (ГТГ) (Алексеева, с. 146), второй могла быть также пастель «Анисья» (1822, ГТГ).

[3] ЦГИА, ф. 535, оп. 1, № 21, л. 272-а.

1823

[1] ГЭ, ф. 1, оп. II, № 9, л. 1.

Лабенский Федор (Ксаверий) Иванович (1769—1850) — родом из Варшавы. В Россию приехал в качестве помощника архитектора В. Ф. Бренна. Ведал собранием картин Эрмитажа. В 1808 г. в Париже приобрел для Эрмитажа коллекцию произведений живописи Франции. В 1815 г. организовал школу реставраторов при Эрмитаже. С 1821 г. — Почетный вольный общник Академии художеств; автор изданий, посвященных эрмитажным коллекциям.

[2] *Кикин Петр Андреевич* (1775—1834) — один из основателей Общества поощрения художников. Через Кикина Венецианов представлял свои работы императорскому двору. Доброжелательное отношение к художнику Кикин сохранял на протяжении многих лет.

[3] О какой именно картине идет речь — неизвестно. Возможно, «Очищение свеклы», пастель (ГРМ).

1824

[1] ЦГИА, ф. 535, оп. 1, № 27, л. 414.

Речь идет о поднесении картины «Утро помещицы», 1823 (ГРМ).

[2] ЦГИА, ф. 535, оп. 1, № 27, л. 415.

[3] ГЭ, ф. 1, оп. II, св. № 3, д. 18.

[4] *Волконский Петр Михайлович* (1776—1852) — начальник Главного штаба, министр императорского двора (1826—1852). Состоял попечителем пенсионеров Академии в Риме, с 1850 г. Почетный член Академии художеств. Через Волконского шло представление картин Венецианова и его учеников императорскому двору.

[5] Речь идет о картине «Гумно» (ГРМ).

1826

[1] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 7, л. 1.

[2] *Шишков Александр Семенович* (1754—1841) — министр народного просвещения и глава Цензурного ведомства (1824—1828), член Государственного совета, президент Российской Академии (1813—1841), писатель, автор «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1802), один из основателей «Беседы любителей русского слова». Пушкин задевал его в эпиграмме «Угрюмых тройка есть певцов» (1815).

[3] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 7, л. 2.

Мартос Иван Петрович (1754—1835) — скульптор. Воспитанник Академии художеств с 1764 по 1773 г. Был послан за границу для усовершенствования (1773—1778), по возвращении профессор, ректор Академии. Воспитатель целого поколения русских скульпторов. Автор памятников: Минину и Пожарскому в Москве (1818), Ломоносову в Архангельске, герцогу Ришелье в Одессе. Создатель известных надгробий.

[4] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 7, л. 3—3 об.

Оленин Алексей Николаевич (1763—1843) — археолог, историк, рисовальщик. Директор Публичной библиотеки (с 1811 г.), президент Академии художеств (с 1817 г.), член Государственного совета, статс-секретарь по Департаменту гражданских и духовных дел, с 1826 г. — государственный секретарь. Член многих ученых обществ и автор трудов по археологии и медальерному делу. Автор иллюстраций к произведениям Г. Р. Державина, И. И. Хемницера.

[5] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 7, л. 4.

[6] *Иванов Андрей Иванович* (1775 или ок. 1776 (?) — 1848) — исторический живописец. В 1782 г. принят в Академию из московского Воспитательного дома. В классе исторической живописи занимался под руководством Г. И. Угрюмова. Окончил курс в 1797 г. с первой золотой медалью за картину «Адам и Ева с детьми». Через год был назначен преподавателем в Академию. За картину «Единоборство Мстислава Удалого с Редедею» в 1812 г. был признан профессором, в 1824-м — старшим профессором. Занимал эту должность до 1831 г., когда был уволен по приказанию Николая I. Наставник целого поколения русских исторических живописцев.

[7] *Егоров Алексей Егорович* (1776—1851) — исторический живописец, портретист. Воспитывался в Академии с 1782 по 1797 г. По окончании курса назначен учителем рисования, в 1803 г. отправлен за границу. По возвращении, в 1807 г., назначен адъюнкт-профессором и тогда же признан академиком за эскиз для Казанского собора «Положение во гроб». В 1812-м — признан профессором. В 1840 г. уволен из Академии по распоряжению Николая I.

[8] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 7, л. 5.

1827

[1] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 12, лл. 1—2 об. Письмо датируется ориентировочно, по содержанию и в связи с последующим письмом Оленина к Волконскому (А л е к с е е в а, с. 155).

[2] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 12, л. 3—3 об. Черновик письма без подписи.

[3] Обращаясь с просьбой о вспомоществовании для поддержания своей школы, Венецианов представил четыре картины: «Вид внутренности избы, в которой сидящий мужик разувается» («Крестьянский мальчик, надевающий лапти», между 1823 и 1826, ГРМ) и «Спящий мужик, облокотившийся у дерева, с пейзажем при ручье» («Спящий пастушок», между 1823 и 1826 гг., ГРМ). Обе эти картины были приняты и включены в каталог Эрмитажа (ГЭ, оп. VI, лит. «А», № 6, л. 54—55). Две другие: «Голова старика» и «Крестьянка, опершаяся на руку» — приняты не были.

[4] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 12, л. 4.

[5] Там же, л. 5.

[6] ГЭ, ф. I, оп. II, св. 5, д. 35.

[7] ЦГИА, ф. 472, оп. 59/854, № 21, лл. 2—3. Письмо было оставлено без ответа.

1828

[1] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 1, л. 4—5.

[2] *Крылов Никифор Степанович* (1802—1831) — первый из учеников, с которого началась школа Венецианова. Ко времени знакомства с Венециановым — 1823 г. — принадлежал к артели странствующих калязинских живописцев. Жил «в работниках, учился в Калязине с образов». Венецианов предложил Крылову перейти к нему в ученики, но тот не мог нарушить контракта с хозяином и остался в артели. Год спустя, в апреле 1824 г., возвратясь из Петербурга в свое имение, Венецианов вновь встретил Крылова. В это время молодой живописец расписывал иконостас в церкви соседнего с венециановским имения, принадлежавшего А. П. Путятину. Успехи Крылова обращали внимание. Возможно, с этого времени Венецианов начал заниматься с ним систематически, а через год, в марте 1825 г., он обратился с письмом в Общество поощрения художников и просил оказать Крылову покро-

вительство. В мае того же года Крылов приехал в Петербург. Он поселился на квартире Венецианова вместе с двумя другими его учениками — А. В. Тырановым и А. И. Беллером, занимался в мастерской художника, а вскоре (15 июля) получил билет на право посещения рисовальных классов Академии. На академической выставке 1827 г. работы Крылова были удостоены малой золотой медали. В 1830 г. Крылов стал одним из первых венециановцев — вместе с К. А. Зеленцовым,— который был удостоен звания «назначенного». Тогда же он начал писать программу на звание академика портретной живописи. Ему было предложено сделать «в естественную величину поколенный портрет Мартоса в том виде, в котором он обыкновенно бывает дома». Была ли выполнена эта работа — неизвестно. 28 июня 1831 г. Крылов умер от холеры, во время эпидемии.

[3] *Тыранов (Тиронов) Алексей Васильевич* (1808—1859) — один из известнейших учеников Венецианова. Происходил из мещан города Бежецка Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Благодаря покровительству директора училищ был принят в тверскую гимназию. Со смертью директора кончилось и ученье. Шестнадцатилетним юношей Тыранов поступил краскотером к своему старшему брату — иконописцу Михаилу, который летом 1824 г. вместе с Н. С. Крыловым работал по заказам архимандрита Теребенского монастыря. В Теребенях и увидел его Венецианов. Заметив в юноше «способности необыкновенные», художник «решил взять его к себе». Еще в Сафонкове ученик начал рисовать с бюстов. В сентябре 1824 г. Венецианов повез его в Петербург, а с ноября Тыранов начал уже посещать рисовальные классы Академии художеств. В декабре того же года Венецианов выхлопотал своему ученику разрешение заниматься в Эрмитаже, причем представлял его как собственного сына. В январе 1825 г. художник предложил Обществу поощрения работы Тыранова, выполненные за два месяца в его мастерской. Все это время Тыранов не только занимался под руководством Венецианова, но и жил у него.

На выставках Общества поощрения 1826—1827 гг. произведения Тыранова имели успех и раскупались. В 1827 г. за «Перспективный вид Эрмитажной библиотеки» Тыранов получил от Академии малую золотую медаль, а в 1830 г. за «Внутренний вид церкви Зимнего дворца» — золотую медаль первого достоинства. В 1832 г. художник получает право на посещение живописных классов при Академии. В 1836 г., с возвращением в Петербург К. П. Брюллова, Тыранов отходит от своего старого наставника. Он испытывает сильное влияние прославленного мастера «Помпеи», увлекается эффектами освещения и яркостью цветовых контрастов. Творчество его становится противоречивым. Он оказывается в числе тех «потерянных» учеников, о которых сожалел Венецианов. 1839—1843 годы Тыранов пробыл в Италии. Конец жизни, забытый публикой, художник провел у себя на родине в городе Кашине Тверской губернии, где в 1859 г. и умер в большой нужде.

[4] Речь идет о картине «Перспективный вид Эрмитажной библиотеки» (ГЭ).

[5] *Алексеев Александр Алексеевич.*

[6] *Златов Александр Алексеевич* (1810—1832) — крестьянин Тверской губернии, крепостной Н. М. Змеевой, отпущенный в 1826 г. по ходатайству Венецианова. Тогда же начал заниматься в мастерской художника и жить в его доме. Златов до поступления к Венецианову «не имел даже первых начал в искусстве», но уже в 1827 г. на академической выставке появились три его произведения, выполненные «во вкусе картин г. Венецианова». Одно из них получило положительный отзыв в «Северной пчеле». В 1827—1828 гг. Златов писал «Вид испанской галереи в Эрмитаже» и одновременно давал «уроки

дочери бывшей своей госпожи Змеевой по методе Венецианова». Ранняя смерть прервала развитие дарования художника.

[7] Речь идет о картине «Вид испанской галереи в Эрмитаже», 1827.

[8] *Денисов Александр Гаврилович* (1811—1834) — один из ближайших учеников Венецианова. Происходил из петербургских мещан, начал заниматься у Венецианова в апреле 1827 г. В 1828 г. написал «Внутренний вид старой галереи в Эрмитаже» и «Вид Георгиевской залы». Об участии, которое принимал Венецианов в работе своего ученика, вспоминал Мокрицкий. В залах Эрмитажа на Денисова обратил внимание Николай I. Результатом было монаршее предложение отправиться за границу для усовершенствования. Венецианов отклонил это предложение, мотивируя отказ тем, что ученик «не был довольно силен в рисовании фигур». Продолжая заниматься в мастерской Венецианова, Денисов в 1830 г. получил от Академии первую серебряную медаль за картину, изображавшую жанровую сцену в пейзаже. Под руководством Венецианова написал Денисов и свои лучшие произведения: «Подъем Александровской колонны» и «Матросы в сапожной мастерской». Картина «Матросы» была представлена Николаю I, который приобрел ее для наследника. К этому времени (1832) Венецианов решил, что ученик его уже «довольно успел» в живописи, и нашел целесообразной поездку за границу. По поводу этой поездки Венецианов вел переписку с министром императорского двора. Художник снабдил своего ученика программой занятий, по которой он должен был работать у нового наставника, немецкого живописца Ф. Крюгера. Возражения Крюгера против предложений Венецианова и ответ на них отражены в деловой переписке 1832 г.

В 1833 г. получив от Академии звание свободного художника, а от Кабинета императора содержание в виде пенсиона, равного пенсиону воспитанников Академии, пребывающих за границей, Денисов отправился в Берлин. В Берлине в октябре 1834 г. художник умер. Его творческая деятельность оборвалась в самом расцвете.

[9] *Зиновьев Василий* учился у Венецианова в 1827—1828 гг. Т. В. Алексеева полагает, что «художественная карьера Зиновьева так и закончилась деятельностью у иконников» (Алексеева, с. 150).

[10] *Беллер Александр Иванович.*

[11] *Ушенков (Ушаков) Иван* — вольноотпущенный, учился и жил с 1824 по 1827 г. у академика Я. А. Васильева. К Венецианову поступил в марте 1828 г.

[12] *Серебряков Михаил Сергеевич* — из оренбургских мещан. Посторонний ученик Академии художеств с 1827 по 1829 г. Учился и жил у академика Я. А. Васильева. Мастерскую Венецианова начал посещать с апреля 1828 г. В 1831 г. для получения места учителя рисования в уездном училище выполнял заданную Академией программу. Совет Академии программой удовлетворен не был. В 1833 г. Венецианов вновь ходатайствовал о Серебрякове, и тот получил искомое звание. В 1830-х гг. имя Серебрякова исчезает из круга венециановцев и снова появляется лишь в 1840 г. В это время Серебряков служил учителем рисования в Рождественском уездном училище и просил Академию присвоить ему звание свободного художника за копию с картины Антонелли «Спящий пастушок» и портрет мальчика с бюстом Крылова. Звание это было тогда же присвоено Серебрякову.

[13] *Панов (Попов ?)* — ученик Венецианова с 1828 г.

[14] *Давыдов Михаил Федорович* — крепостной князя И. Д. Салтыкова, происходил из Владимирской губернии. Рисовальные классы Академии посещал еще с 1824 г. В мастерской Венецианова начал заниматься с октября

1828 г. По ходатайству Венецианова в ноябре того же года был отпущен на волю. В 1831 г. просил Академию о присуждении звания учителя рисования за пять рисунков, сделанных в натурном классе, и картину, написанную также с натуры. 30 сентября 1831 г. получил звание свободного художника и просил Академию об определении учителем «в какое-либо из здешних уездных училищ». Такое место он получил, судя по тому, что Венецианов в 1831 (?) г. просил Анастасевича о переводе Давыдова из учителей рисования и чистописания при училище Владимирской церкви на какое-нибудь лучшее место.

[15] *Васильев Алексей Александрович* (1811—1879) — в мастерской Венецианова начал заниматься с мая 1828 г. Одновременно слушал университетские лекции. Под руководством Венецианова работал в Эрмитаже. На академических выставках 1830—1833 гг. был представлен следующими произведениями: «Французская галерея в Эрмитаже» (1830), «Внутренность комнаты, из открытого окна которой видны Нева и Смольный монастырь» (1830), «Беседка в Приютино» (1830), «Перспектива кабинета кн. Кочубей» (1833) и другими. В ноябре 1832 г. Венецианов обращался в Академию художеств с ходатайством о присвоении своему ученику звания свободного художника, но Васильеву выдали лишь свидетельство на право преподавания в гимназиях. В 1839 г. «назначенный в Академики» Васильев испрашивал у Совета Академии разрешения написать программу для получения звания академика и предлагал представить портрет родного брата Корпуса Инженеров Путей Сообщения полковника Васильева. Совет Академии отказал ему, предложив взамен написать портрет с натуры ректора В. К. Шебуева в натуральную величину. Звание академика Васильев получил в 1845 г. за портрет А. Е. Егорова.

[16] Речь идет о *Ларионове*, офицере Преображенского полка. Занимался в мастерской Венецианова с 1827 г. Начав со штудий гипсовых голов, быстро перешел к натурным постановкам.

1829

[1] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 1, лл. 2—3 об. Публиковалось частично: Алексеева, с. 155.

[2] Там же, л. 6.

[3] Имеется в виду картина «Вид старой галереи в Эрмитаже перед Георгиевским залом (с изображением фигуры дворцового гренадера)», 1829.

О передаче наград Венецианову и Денисову речь идет также и в письме А. Н. Оленина к П. М. Волконскому от 23 февраля 1829 г. (ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 1, л. 7.

[4] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 15, л. 2.

[5] Речь идет о картине А. В. Тыранова «Портрет девушки — дочери скобочного мастера Ольсена Аграфены», 1829.

[6] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 15, л. 3.

[7] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 1, л. 8.

[8] Имеется в виду картина А. А. Алексеева «Портрет крестьянской девушки», 1829. О том же говорится и в письме А. Н. Оленина к П. М. Волконскому от 25 октября 1829 г. (там же, л. 10).

[9] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 1, л. 9.

[10] ЦГИА, ф. 789, оп. I, ч. II, № 1004, л. 1.

[11] Речь идет, по-видимому, о картине «Купальщицы», 1829, ГРМ.

1830

[1] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 1, л. 11.

[2] Там же, л. 14. О том же вопросе говорится и в письме П. М. Волконского к А. Н. Оленину от 19 января 1830 г. (там же, л. 13).

[3] Там же, л. 12.

[4] ЦГИА, ф. 789, оп. I, ч. II, № 1068, л. 1.

[5] ЦГИА, ф. 789, оп. 20, № 1, л. 16. Тому же вопросу посвящено и письмо П. М. Волконского к А. Н. Оленину от 24 января 1830 г. (там же, л. 15).

[6] ЦГИА, ф. 789, оп. I, ч. II, № 1068, л. 2.

[7] ГЭ, ф. I, оп. II, св. 6, д. 39, л. 1.

[8] О каком именно произведении Венецианова идет речь — неизвестно.

1831

[1] ГЭ, ф. I, оп. II, № 48, л. 18. Адресат — *Платан Август Васильевич,* делопроизводитель Эрмитажа.

[2] *Гальянов Василий Семенович* — один из последних учеников, живших у Венецианова. Служитель при горном заводе Нижегородской губернии Ардатовского уезда. Отпущен на волю помещиком И. Д. Шепелевым в 1838 г. В 1825—1828 гг. учился в арзамасской школе А. В. Ступина. С 1829 г. занимался и жил у Венецианова. В 1832 г. принят вольноприходящим учеником в Академию художеств. Мастерскую Венецианова посещал, по-видимому, до 1834 г. В марте 1838 г. просил Академию о присвоении ему звания рисовального учителя. В сентябре того же года получил звание свободного художника за «портрет, писанный масляными красками с натуры женщины в русском костюме», и преподавал рисование в Московском кадетском корпусе. Впоследствии Гальянов служил учителем рисования в Архангельской гимназии.

[3] ГЭ, ф. I, оп. II, № 48, л. 2.

[4] *Ситников-Беляев Ефим В.* — сын купца, учился и жил у Венецианова с 1827 г.

[5] *Закревский Арсений Андреевич* (1783 (1786) — 1865) — министр внутренних дел (1828—1831), с 1831 г. в отставке, позднее (1848—1859) — московский генерал-губернатор.

[6] ГЭ, ф. I, оп. II, № 48, л. 3.

[7] *Тухаринов Ефим* — вятский мещанин. Начал заниматься у Венецианова, по-видимому, в 1831 г. Под его руководством и благодаря его протекции занимался в Эрмитаже, где значился как «художник-любитель, ученик г-на Венецианова». С 1832 г. в качестве постороннего ученика посещал классы Академии художеств. Там в 1833 г. написал картины «Воздвижение креста» и «Вышедшая из купальни одалиска». Одновременно в мастерской Венецианова создал «Портрет матроса» (1833) и «Ротонду Зимнего дворца» (1834). В 1837 г. Венецианов написал в письме к А. А. Алексееву, что бывший его ученик Тухаринов «погиб совершенно, является из кабаков».

1832—1833

[1] ГЭ, ф. 1, оп. II, № 25.

[2] По-видимому, речь идет о картине Л. К. Плахова, изображающей «Кабинет Александра I в Зимнем дворце» (ГРМ).

[3] ЦГИА, ф. 472, оп. 64/902, № 69, л. 1. Черновик письма без подписи.

[4] За картину «Матросы» А. Г. Денисову 11 марта 1832 г. было выдано из Кабинета е. и. в. тысяча пятьсот рублей (там же, л. 2).

[5] Там же, л. 4. Датируется ориентировочно 9 марта 1832 г., по связи с документом, находящимся там же, л. 5.

[6] ЦГИА, ф. 472, оп. 64/902, № 69, л. 8.

[7] Там же, л. 11.

[8] Там же, л. 12.

[9] Там же, лл. 12 об. — 13.

[10] Там же, л. 5.

[11] *Нессельроде Карл (Карл-Роберт) Васильевич* (1780—1862) — управляющий Коллегией иностранных дел, министр иностранных дел (1816—1856).

[12] ЦГИА, ф. 472, оп. 13/65/903/, № 192, л. 1.

[13] Речь идет о работе, выполненной А. Денисовым. О том же говорится и в предписании П. М. Волконского от 7 мая 1833 г. (там же, л. 2—3).

[14] ЦГИА, ф. 789, оп. I, ч. II, № 1618 (145), л. 1. На полях резолюция: «в определение Совета 28 декабря 1832. № 1562».

[15] Там же, л. 3 об.

[16] Там же, № 1617, л. 1.

[17] Там же, ф. 472, оп. 64/902, № 258, л. 1.

[18] *Беллер Александр Иванович* (1800—1884) — ученик Венецианова до 1832 г. Единственный, за обучение которого художник получал плату. По ходатайству Венецианова Беллеру было присвоено звание учителя рисования, и он получил место помощника учителя рисования в Институте глухонемых в Москве. В 1833 г. «по представленным работам в перспективной живописи» Академия художеств удостоила Беллера звания свободного художника.

[19] Очевидно, речь идет о картине «Вид Аполлоновой комнаты в Зимнем дворце», 1832 (ГЭ).

[20] ЦГИА, ф. 472, оп. 13 (65/903), № 77, л. 1.

[21] Там же, л. 2.

[22] Там же, л. 3.

[23] Там же, л. 4.

[24] Там же, л. 5.

[25] Там же, л. 6.

[26] Там же, № 191, л. 1.

[27] *Рождественская Елена Ивановна (?)* (р. 1818) — дочь дьячка, училась у Венецианова примерно с 1830 по 1833 г. В 1830 г. написала картину «Внутренность крестьянского двора». На академической выставке 1833 г. была представлена ее работа «Перспектива дворцовых комнат», по поводу которой и велась переписка Венецианова с Волконским.

[28] ЦГИА, ф. 472, оп. 13 (65/903), № 191, л. 2.

[29] Там же, л. 3.

1834

[1] ЦГИА, ф. 524, оп. I, д. 300, л. 161.

[2] Имеется в виду картина «Ротонда Зимнего дворца».

1837

[1] ЦГИА, ф. 472, оп. 64/907. № III, л. 1.

[2] *Зарянко Сергей Константинович* (1818—1870) — ученик Венецианова. Сын служителя князя А. Н. Голицына. С 1834 г. начал заниматься в Академии художеств в классе М. Н. Воробьева. В 1836 г. получил вторую серебряную медаль за «Перспективный вид залы Зимнего дворца», в 1838-м — звание неклассного художника за «Вид Тронной залы». С 1837 г. в книге записей посещающих Эрмитаж значится как ученик Венецианова. Начало его занятий с Венециановым относится к середине 1830-х гг. В прошении, обращенном в Академию художеств и датированном 1838 г., Зарянко указывает, что одновременно с классами Академии занимался «портретной живописью под руководством г. Венецианова». К числу портретов, выполненных в мастерской учителя, относится и портрет самого Венецианова.

С годами Зарянко отходит от того принципа воспроизведения натуры, который пропагандировал его учитель, и становится на позиции позднего академизма. Будучи уже «свободным» художником, он не оставляет классов Академии. На академической выставке 1839 г. появилась его историческая картина «Ангел и Товий», в 1841 г. он получил первую серебряную медаль за «Вид залы Училища правоведения», в 1843-м — был удостоен звания академика, в 1850-м — профессора исторической и портретной живописи. Портретный жанр становится определяющим в его творчестве. С 1856 г. Зарянко преподаватель Московского училища живописи и ваяния.

[3] Речь идет о картине «Вид Петровского зала в Зимнем дворце», 1837, (ГЭ).

1838

[1] ЦГИА, ф. 472, оп. 12 (23/857), № 42, л. 1.

[2] Там же, л. 2.

1840

[1] ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 414, лл. 23—25. Публиковалось впервые: Савинов, с. 193—194.

«Автобиографическая записка» датируется началом 1840 г., на том основании, что в ней без указания фамилии упоминается ученик Венецианова Ф. М. Славянский, которого художник отправил в Петербург в начале 1840-го г. (Алексеева, с. 171).

В записке Венецианов говорит о себе в третьем лице. Составление «Автобиографической записки», по-видимому, связано с обращением художника к министру двора о предоставлении ему казенной квартиры в Академии (см. письмо Венецианова к В. И. Панаеву от 17 марта 1840 г., с. 142 настоящего издания). Перечисленные в «Записке» заслуги в деле «образования многих молодых художников» давали Венецианову право надеяться на получение академической квартиры. Тем не менее просьба осталась неудовлетворенной.

В конце текста «Записки» есть приписка, сделанная, очевидно, рукой дочери художника: «умер в 1847 году 4 декабря в (нрзб) и убит в селе Поддубье, принадлежащ[ем] помещ[ику] Милюкову в Вышневолоцком уезде Тверской губернии. В восемнадцати верстах от своего села Сафонково. Он ехал к генер[алу] Кожину с эскизами (предвод[итель] дворянства), который просил учеников его, но он сам сделал эскиз, который потом нашли, он лежал у него в чемодане. 68 лет. Его анатомировали. Отец его был грек Венециан-Фармаки. Черниговской губернии».

Какой именно из дочерей художника принадлежит эта запись, Александре или Фелицате, точно сказать нельзя. Скорее всего, это могла приписать Александра Алексеевна, автор мемуаров о Венецианове, от которой М. И. Семевский получил ряд материалов, касающихся биографии художника.

[2] *Трощинский Дмитрий Прокофьевич* (1754—1829) — государственный деятель. Окончил Киевскую духовную Академию. Поступил на службу в малороссийскую коллегию, где в 1773 г. получил звание полкового писаря. Был командирован в Молдавию, где до 1787 г. состоял при князе Н. В. Репнине. В 1793 г. назначен членом Главного Почтового департамента, позднее — членом Государственного совета и главным директором почт. С 1802 г. ведает Министерством уделов. В 1806 г. временно выходит в отставку. С 1814 по 1817 г. Трощинский занимает пост министра юстиции, а затем окончательно выходит в отставку.

Венецианов связывает свое поступление в канцелярию Трощинского с 1807 г., но так как Трощинский еще в 1806 г. вышел в отставку, то упомянутое событие следует относить, по-видимому, к 1804—1805 гг.

[3] По-видимому, имеется в виду «Очищение свеклы».

[4] Речь идет о картине «Перспективный вид Эрмитажной библиотеки», 1826 (ГЭ).

[5] Скорее всего имеется в виду картина А. А. Алексеева «Портрет крестьянской девушки», 1829.

[6] Имеется в виду академическая выставка 1830 г.

[7] Речь идет о Славянском Федоре Михайловиче.

[8] ЦГИА, ф. 472, оп. 17, № 31, л. 1.

[9] *Славянский Федор Михайлович* (1817—1876) — крепостной помещицы А. Н. Семенской из деревни Вышково Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. В 1838 г. Венецианов хлопотал о его освобождении. Хлопоты были длительными. Славянский получил свободу лишь в конце 1839 — начале 1840 г. Первые занятия его с Венециановым относятся к 1838 г. В 1840 г. художник просил Академию о присвоении ученику своего имени; разрешения дано не было. Тогда же в списке вольноприходящих воспитанников Академии появилось впервые имя Славянского. До занятий в Академии в мастерской Венецианова Славянский выполнил несколько работ, три из них были представлены на лотерее, разыгрывавшейся в 1839 г. в пользу Санкт-Петербургской детской больницы. Под руководством Венецианова были написаны интерьеры: «В коридоре Зимнего дворца» (1840), «Кабинет Венецианова»— копия с картины А. Тыранова. В ноябре 1840 г. Славянский просил у Академии разрешения посещать классы, так как «хотел посвятить себя изучению портретной живописи под руководством профессора Варнека». В 1842 г. занимался в классе А. Т. Маркова. Параллельно с академическими классами Славянский не оставлял и мастерской Венецианова. Каждую весну отправлялся он в Сафонково. В 1841 г. Венецианов сообщал, что «Федор Михайлович летом писал наш Дубровский погост», в 1842 г. на академической выставке среди других произведений Славянского был портрет Венецианова. Портретный жанр вскоре стал доминирующим в творчестве художника. В 1845 г. он получил звание неклассного художника портретной живописи. Постепенно отдалился от своего первого наставника в творческом отношении, дружеские связи с Венециановым сохранял до конца его жизни.

[10] ЦГИА, ф. 472, оп. 17, № 31, л. 2.

[11] Там же, лл. 3—4.

[12] *Демут-Малиновский Василий Иванович* (1779—1846) — скульптор, учился в Академии с 1785 по 1802 г. В 1803 г. послан за границу для усовершенствования. По возвращении (1807) удостоен звания академика. Участвовал в скульптурном оформлении новостроящихся зданий Петербурга: Биржи, Казанского собора, Горного института, Адмиралтейства. В 1813 г. за статую «Русский Сцевола» получил профессорское звание. В 1817—1830-х гг. работал над скульптурными группами для зданий: Академии художеств, Елагина дворца, Михайловского дворца, Главного штаба, Александринского театра, Публичной библиотеки и других. Автор памятников: М. Б. Барклаю де Толли (1823), Ивану Сусанину в Костроме (1841—1843), Екатерине II (1834). В 1833 г. за преподавательскую деятельность «с пользою для учащихся и усердием» удостоен звания заслуженного профессора, а в 1836-м — ректора Академии.

[13] *Кипренский Орест Адамович* (1782—1836) — портретист, учился в Академии с 1788 по 1803 г. Создал портретную галерею современников, работая в Москве и Петербурге до 1817 г. — времени отъезда за границу. В Италии занимался аллегорическими композициями. Вернувшись в Россию (1823), вновь посвящает себя творчеству в области портретного жанра, создает: портрет А. С. Пушкина (1827), А. Р. Томилова (1826—1828) и другие. В 1828 г. отправляется в Италию, где и умирает.

[14] ЦГИА, ф. 472, оп. 17, № 31, л. 5.

1843

[1] ЦГИА, ф. 472, оп. 100/937, № 9, л. 3.

Обращаясь к Оленину с данной просьбой, Волконский руководствовался распоряжением Николая I, которое было сообщено Академии художеств 25 сентября 1836 г. за № 3004. Оно гласило: «Государь император высочайше повелеть соизволил во втором примечании к § 15 высочайше утвержденного в 19-й день декабря 1830 года прибавления к установлениям императорской Академии художеств статью литер «В» пополнить следующим образом: «из правила сего изъемлются художники, приобретшие всеобщую известность превосходными своими работами, произведенными в России или в чужих краях и сюда доставленными.

Таковые отличные художники могут получить звание профессоров по баллотированию или по изъявлению высочайшей воли без исполнения программы, заменой которых служат произведения, сделавшие им славу» (ЦГИА, ф. 472, Журнал исходящим бумагам 1836 года, № 70/3004).

[2] ЦГИА, ф. 472, оп. 100/937, № 9, л. 1.

[3] Там же, л. 2.

2. ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА И ДОКУМЕНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБЩЕСТВОМ ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ. 1825—1843

1825

[1] ЛГИА, ф. 448, оп. 1, № 44, л. 1. Публиковалось впервые: Степанов, с. 121.

[2] Рисунок на камне, по-видимому, представлял собой изображение находящейся в собрании П. П. Свиньина картины Венецианова «Пелагея», литографирована А. Тырановым в конце 1825 — январе 1826 г.

[3] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 2. Публиковалось впервые: Степанов, с. 121.

[4] Этому же вопросу посвящено и следующее письмо (ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 6):

Н. Всеволожский — Обществу поощрения художников.

23 декабря 1825 г. Тверь

Его превосходительству

П. А. Кикину

Милостивый государь

Петр Андреевич!

Получив отношение вашего превосходительства от 2 ноября за № 181, я предложил градским думам Бежецкой и Калязинской об увольнении из мещанского их сословия мещан Тыранова и Крылова по уважении причин в отношении Вашем изъявленных.

И первая из них, доставя Тыранову паспорт, дополнила, что по собрании Общества предложит оному, а от второй еще никакого отзыва не получил.

Препровождая при сем означенный паспорт, я буду иметь удовольствие Вас, милостивый государь, уведомить по последствии положения Бежецких и Калязинских обществ на счет увольнения вышепоказанных мещан.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Николай Всеволожский.

[5] Отчет ОПХ за 1825 г. Спб., 1826, с. 13, 19.

1826

[1] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 2—3. Публиковалось впервые: Степанов, с. 121—122. Ошибочно отнесено автором к 1828 г.

В данном документе излагаются условия, на которых ученики Венецианова брались «рисовать и иллюминировать» эстампы для Общества поощрения художников. 18 февраля 1826 г. на заседании Комитета это предложение было рассмотрено и одобрено. Венецианов предпринимал издание, чтобы материально поддержать свою школу. Надежда на это не оправдалась. Спрос на литохромии был невысок. Широкие круги населения не могли покупать их из-за высокой стоимости. Обычная черно-белая литография стоила 1 рубль 20 копеек, а «иллюминованная» — много дороже. В каталоге выставки Общества поощрения художников за 1827 г. указана цена литохромии «Сельская госпожа за утренним завтраком» — 50 рублей.

[2] Речь идет о картине «Утро помещицы» («Помещица, занятая хозяйством»; ГРМ). Картина была написана поздней осенью 1823 г. в Сафонкове. В апреле 1824 г. художник поднес ее вместе с картиной «Гумно» Александру I, называя «опытом последних, судя по времени исполнения, трудов моих» (ЦГИА, ф. 535, оп. I, № 24, л. 414). В 1826 г. картина находилась у императрицы Елизаветы Алексеевны.

[3] Т. В. Алексеева полагает, что Венецианов поставил Обществу поощрения следующее условие: из двадцати пяти «иллюминованных картин» двенадцать должны были воспроизводить его собственные произведения, а остальные — произведения учеников (Алексеева, с. 56). Д. А. Ровинский, а затем В. А. Верещагин называют тринадцать черно-белых литографий с картин Венецианова.

Однако их было создано больше. Т. В. Алексеева дает следующий перечень литографий с картин Венецианова и его учеников, хранящихся в основном в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и частично в других музеях страны:

1. «Девушка в лесу» («Параня со Сливнева»), в двух экземплярах.
2. «Захарка».
3. «Капитошка».
4. «Мальчик, свивающий лыки в клубок».
5. «Настя с Машей».
6. «Деревенское утро. Семейство за чаем»—все перечисленные литографии с картин Венецианова.

В каталоге выставки Общества поощрения художников за 1826 г. значились следующие литографии:

«Старуха, читающая книгу» (с картины Г. Доу)

«Старуха, разматывающая нитки» (с картины Г. Доу). Обе литографии, по-видимому, были выполнены А. А. Алексеевым, так как именно в 1826 г. он сделал для Общества копии с этих картин.

«Семейство за чаем»— с картины Венецианова.

«Мальчик, метущий комнату»— с картины К. А. Зеленцова.

«Мальчик, пускающий мыльные пузыри»— с картины Н. Крылова.

«Мальчик с кошечкой»— с картины Н. Крылова.

«Женщина с серпом»— с картины Венецианова.

«Девушка с крынкой молока»— с картины Венецианова.

«Крестьянин и крестьянка»— с картины Венецианова.

«Пейзаж, представляющий русскую деревню» — с чьей картины, не указано.

Литохромии и литографии, раскрашенные масляными красками:

«Крестьянин и крестьянка»

«Две девочки, играющие в куклы» («Настя с Машей»)

«Мальчик с собакой» («Вот-те и батькин обед»)

«Мальчик с топором» («Захарка»)

«Молодая крестьянка с вальком» («Капитошка»)

«Мальчик, метущий комнату»

«Мальчик, пускающий мыльные пузыри»

«Мальчик с кошечкой»

«Молодая женщина с серпом»

«Девушка с крынкой молока»

«Семейство за чаем».

[4] В конце 1825 — январе 1826 г. Тырановым были исполнены следующие литографии с картин Венецианова: «Захарка», «Капитошка», «Пелагея», «Параня со Сливнева» («Крестьянка с грибами»), «Васятка с Максихи» («Крестьянский мальчик с лыками»).

[5] *Форостовский* — бухгалтер Общества поощрения художников (по 1826 г.).

[6] ЛГИА, ф. 448, оп. 1, № 45, л. 11. Публиковалось частично: Савинов, с. 104.

[7] Речь идет об эстампе с картины К. П. Брюллова «Итальянское утро». *Осокин Константин Семенович* (1801—?) учился в Академии художеств (1809—1824).

[8] ЛГИА, ф. 448, оп. 1, № 44, л. 11.

[9] Там же, л. 10. Публиковалось впервые: Степанов, с. 122.

[10] В 1826 г. А. А. Алексеевым были сделаны для Общества поощрения художников две картины — копии с Г. Доу: «Старуха, читающая книгу» и «Старуха, разматывающая нитки». О какой именно из них идет речь, сказать трудно.

[11] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 45, л. 17.

[12] Речь идет о картине «Перспективный вид Эрмитажной библиотеки», 1826 (ГЭ).

[13] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 8. Публиковалось впервые: Степанов, с. 121.

[14] Речь идет о *Златове Александре Алексеевиче.*

[15] Отчет ОПХ за 1826 год. Спб., 1827, с. 10, 16.

1827

[1] Отчет ОПХ за 1827 год. Спб., 1828, с. 19.

[2] Имеется в виду картина «Зимний пейзаж (Русская зима)», 1827 (ГРМ).

1828

[1] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 13. Публиковалось впервые: Степанов, с. 122.

[2] *Васильев Тимофей Алексеевич* (1783—1838) — художник, пейзажист. Учился в Академии художеств (1788—1803).

В 1807 г. за картину «Вид города Селенгинска» получил звание академика, в 1815 г. за «Вид Никольской пристани при истоке реки Ангары из Байкальского озера в Сибири» удостоен звания советника Академии.

[3] Отчет ОПХ за 1828 год. Спб., 1829, с. 15.

[4] Речь идет о картине «Девушка, опершаяся на руки», 1828.

1834

[1] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 172, л. 56—56 об.

[2] Этому же вопросу посвящается и другое письмо (ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 172, л. 54):

В. Е. Раев — Комитету Общества поощрения художников.

В Общество поощрения художников
господина Кушелева крепостного человека
Василия Егорова Раева

Покорнейшее прошение

1834 г.

Учившись шесть лет в школе живописи господина Академика Ступина в Арзамасе и оставив его в 1831 году, отправился я в Петербург.

В начале моего приезда занимался некоторыми бездельными композициями театральных декораций, и когда некоторые из них были довольно удачно скомпонованы, то господин Академик Венецианов предложил ему показать оные его сиятельству кн. Гагарину, вместе с копией, сделанной с Гранета ⟨...⟩

Т. В. Алексеева полагает, что ни письмо Венецианова, ни сведения, сообщаемые самим Раевым, не дают достаточных оснований считать его учеником художника (Алексеева, с. 162—163).

В. Е. Раев, ставший впоследствии академиком живописи, в своей автобиографической записке писал: «Приятно мне еще вспомнить о прекрасной личности, которая заботилась о моем счастии более, нежели я сам». Венецианов «очень много хлопотал, чтобы мне как-нибудь да освободиться из крепостного состояния» (Савинов, с. 85).

1835

[1] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 14.

[2] Там же, № 125, л. 18 об.

[3] По-видимому, речь идет о картине «Две женщины, вышедшие из купальни», 1829 (ГРМ): иначе — «Купальщицы», хотя достаточных оснований идентифицировать эту картину с вариантом ГРМ нет.

1836

[1] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 15. Публиковалось впервые: Степанов, с. 122.

[2] *Михайлов (Ковальков) Григорий Карпович* (1814—1867) — ученик Венецианова. О настоящей его фамилии сообщает в своих воспоминаниях дочь Венецианова — Александра Алексеевна. Крепостной «господ Демьяновых», с помощью Венецианова, устроившего сбор денег, выкуплен на волю за 2000 рублей. Начало его занятий в мастерской художника относится к 1834 г. или несколько раньше (Алексеева, с. 95). В течение 1835 г. Венецианов дважды выхлопатывал Михайлову денежное пособие от Общества поощрения художников и билеты на право посещения рисовальных классов Академии. В том же году за картину «Кухарка» Михайлов получил серебряную медаль. На академической выставке 1836 г. была представлена и другая его картина — «Перспектива комнаты», предположительно портретная в доме В. П. Кочубея (Коростин А. Ф. Начало литографии в России. М., 1943, с. 94). В мастерской Венецианова Михайлов написал еще несколько работ, в числе которых было «Субботнее собрание у Жуковского», выполненное совместно с другими учениками. Венецианов помогал Михайлову, доставая ему платные заказы и снабжая время от времени денежными пособиями.

Несмотря на постоянные заботы Венецианова, Михайлов покинул его мастерскую и перешел в ученики к К. П. Брюллову. Он быстро перенял живописные приемы нового учителя и оставил все то, чему выучился у Венецианова. Как один из любимых учеников Брюллова, он успешно занимался в Академии художеств, получая одну награду за другой: в 1839 г. — вторую золотую медаль за картину «Прометей», в 1842 г. — золотую медаль первого достоинства за программу «Лаокоон с детьми». В работах Михайлова этого периода настолько заметно влияние его учителя, что одна из них, «Девушка, ставящая в церкви свечу», некоторое время считалась выполненной не без участия Брюллова. Это явное подражание Брюллову и отход Михайлова от художественных принципов его первого педагога вызвал горький упрек Венецианова, назвавшего бывших учеников своих Михайлова и Тыранова «потерянными людьми».

Академию художеств Михайлов закончил в 1842 г. и был оставлен при ней пенсионером. В январе 1845 г. он уехал в Италию. Вернувшись в Петербург в 1849 г., оставался в нем недолго, в апреле 1850 г. вновь уехал за границу, на этот раз в Испанию. Окончательно вернулся в Россию Михайлов лишь в 1855 г. Тогда же получил он звание академика, а в 1861 г. — профессора исторической живописи. Занимался в основном копированием произве-

дений классических мастеров. Жил Михайлов безбедно, имел мызу в Эстляндии, где и умер в 1867 г.

[3] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 126, с. 21.

[4] Там же, с. 33.

[5] *Мичурин Владимир* (ок. 1824—?) — сын майора, в 1836 г. пользовался наставлениями Венецианова, который был знаком с ним через Общество поощрения. В числе учеников Венецианова не состоял.

[6] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 126, л. 39.

1837

[1] Там же, № 140, л. 13.

[2] Какие именно семь картин Венецианова имеются в виду — в документах Общества не указано.

[3] «Вакханка лежащая» и «Вакханка идущая» датируются А. Н. Савиновым 1830-ми гг. (Савинов, с. 217).

[4] «Девочка перед зеркалом» датируется А. Н. Савиновым 1830-ми гг. (Савинов, с. 217).

[5] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 143, л. 10. О лотерее 1837 г. писала «Художественная газета» (1837, № 24, дек.).

[6] Вероятно «Купальщицы» 1829 (ГРМ).

[7] Под названием «Мальчик с топором» в лотерее значилась литохромия А. В. Тыранова с картины Венецианова «Захарка», 1825 (ГТГ), рисованная на камне в конце 1825 — январе 1826 гг.

[8] Под названием «Мальчик с бураком» значилась литохромия с картины Венецианова «Вот-те и батькин обед», 1824 (ГТГ).

1838

[1] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 156, л. 1—5.

[2] Под названием «Мальчик с двумя девочками» значилась картина Венецианова «Крестьянские дети в поле», 1820-е гг. (ГРМ).

[3] «Вакханка с фруктами на голове» датируется А. Н. Савиновым 1830-ми гг. Местонахождение неизвестно (Савинов, с. 217).

[4] Под названием «Пастушок с девушками» значится литохромия Л. А. Белоусова с картины Венецианова «Крестьянские дети в поле», 1820-е гг. (ГРМ).

[5] Под названием «Мальчик с бураком» значится литохромия с картины Венецианова «Вот-те и батькин обед», 1824 (ГТГ).

[6] «Капитошка», литография А. В. Тыранова (конец 1825 — январь 1826 гг.) с картины Венецианова «Капитошка» (в других случаях называется — «Капитолина из Тронихи», «Молодая крестьянка с вальком»), выполнена до 1818 г., местонахождение оригинала неизвестно. Существует копия с картины, сделанная И. В. Бугаевским-Благодарным в 1818 г.

[7] «Настя и Маша», литография Малинина, выполненная в конце 1825 — январе 1826 гг. с оригинала того же названия, созданного Венециановым в начале 1820-х гг. Местонахождение оригинала неизвестно.

1839

[1] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 154, лл. 14, 25 об. — 26.

[2] Там же, № 155, л. 12. Под названием «Деревенская женщина с лошадьми» значится картина Венецианова «На пашне. Весна». В других случаях называется —«Крестьянка в поле, ведущая лошадей», «Женщина, боронящая поле». Создана в первой половине 1820-х гг. (ГТГ). О ней упоминает Н. В. Кукольник в «Художественной газете» (1840, № 5, с. 23).

[3] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 16.

Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862) — участник Отечественной войны 1812 года, адъютант Н. Н. Раевского старшего (до 1822 г.), командир Старооскольского пехотного полка (до 1828 г.), дежурный штаб-офицер корпуса жандармов, с 1835 г. — начальник штаба корпуса жандармов, управляющий Третьим отделением (1839—1856).

[4] *Сапожников Андрей Петрович* (1795—1855) — инженер-полковник, наблюдал за преподаванием «начертательных искусств» в военных учебных заведениях (1843—1853). Живописец-любитель, автор «Начального курса рисования» (Спб., 1834), казначей Общества поощрения художников. Почетный вольный общник Академии художеств (с 1830 г.).

[5] В пользу детской больницы Венециановым были пожертвованы следующие картины: «Преображение», «Тайная вечеря», большой эскиз «Богоматери», запрестольный образ в Соборе всех учебных заведений, «Взятие на небо Богоматери», эскиз «Преображения», «Девушка к постели готовит белье», «Крестьянин у огорода», «Крестьянка с теленком», «Крестьянка с овечкой», «Две женщины, вышедшие из купальни», «Девушка с яйцом в руке», «Пейзаж», «Женщина с просфорой», «Женщина с веером» (Северная пчела, 1839, № 86, 20 апр., с. 341). Местонахождение неизвестно.

1840

[1] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 17. Публиковалось впервые: Степанов, с. 123.

[2] *Антонов Михаил Иванович* — ученик Венецианова с 1837—1838 до начала 1840-х гг. Петербургский мещанин, лето 1837—1838 и 1840 гг. проводил в Сафонкове, где занимался работой с натуры под руководством Венецианова. К этому периоду относятся «Крестьянка в овине» (1838), «Девушка, пахтающая масло» (1838) и другие картины, рекомендованные Венециановым в Общество поощрения. В Академию художеств Антонов был принят в класс исторической живописи, но затем, по личной просьбе, которая мотивировалась особой склонностью к пейзажу, был переведен в класс М. Н. Воробьева, где занимался пейзажными и перспективными работами. В марте 1845 г. был отправлен в Киевскую губернию для «снятия видов» и прожил там до мая 1846 г. В 1848 г. получил звание свободного художника по перспективной живописи.

О каких шести картинах Антонова говорится в тексте письма, неизвестно.

[3] *Бурдин Николай Алексеевич* (1814—1857) — ученик Венецианова с 1837—1838 по начало 1840 г. Из среды московских цеховых ремесленников. В конце 1840 г., желая посвятить себя портретной живописи, Бурдин поступил в Академию в класс Варнека. В 1841 г. получил вторую серебряную медаль за портрет «Придворного скорохода». В этой и других работах ясно прослеживается влияние Варнека, что заставило Венецианова сетовать, будто в Академии ученики его называются и пишутся учениками Варнека. С середины 1843 г. Бурдин жил в Москве, где писал «перспективы» Оружейной палаты. В 1844-м — получил звание свободного художника.

О каких шести картинах Бурдина говорится в тексте письма, неизвестно.

[4] *Славянский Федор Михайлович.*

[5] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 167, л. 16 об.

1841

[1] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 18. Публиковалось впервые: Степанов, с. 123.

[2] *Смирнов Иван* — из мещан, ученик Венецианова с конца 1830 г. или с начала 1840-го. Венецианов исходатайствовал ему в 1840 г. билеты на посещение рисовальных классов Академии художеств. Из отчета Комитета Общества поощрения за 1843 г. известно, что Смирнов «подавал о себе весьма приятные надежды, удостоен был второй золотой медали, начинал обнаруживать удовлетворительные успехи в собственных сочинениях и показывал наклонность к колориту и эффекту, но несчастный случай пресек поприще этого молодого художника — в прошлое лето (1843) он, купаясь, утонул».

[3] Этому же вопросу посвящено и письмо В. И. Григоровича бухгалтеру Общества поощрения художников А. П. Савину от 10 ноября 1840 г. (ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 19).

[4] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 163, л. 21.

1843

[1] ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 162, лл. 34—35.

[2] О каких именно трех картинах идет речь, сказать трудно. Одной из них мог быть «Семейный портрет», он же портрет помещика П. И. Стромилова (бывш. собрание Плотлерг). 1843 годом — тем же, что и письмо,— датирована картина «Русский крестьянин». Близкими по времени исполнения являются также «Сушка сена» (ГРМ), «Возвращение с полевых работ» (ГРМ), «Отдых на сенокосе» (ГРМ) (Алексеева, с. 196).

[3] *Плахов Лавр Кузьмич* (1810—1881) — ученик Венецианова. Сын инженер-подполковника Полтавского гарнизона, из дворян. Учился в Феодосийском уездном училище, после чего был привезен отцом в Петербург и отдан к литографу П. К. Беггрову рисовальщиком. История его знакомства с Венециановым передана в «Воспоминаниях» Мокрицкого и относится к 1829 г. Этот год считается годом начала занятий Плахова в мастерской Венецианова.

На академической выставке 1830 г. появились первые работы Плахова, а в 1832 г. он поступил в Академию художеств «для усовершенствования» и занимался в классе пейзажной живописи М. Н. Воробьева, в 1836-м — был удостоен звания классного художника 1-ой степени. Стал известен как живописец «русского простонародного быта». В октябре 1836 г. на средства члена Общества поощрения Н. М. Смирнова отправился в Берлин. Занятия у Писториуса, а затем и у А. Шредтера, известного представителя дюссельдорфской школы, не принесли русскому жанристу ни видимой пользы, ни удовлетворения. Его покровитель вскоре оказался несостоятельным и передал Плахова на попечение Общества поощрения художников. Отсутствие средств, «величайшая ипохондрия», чуждая среда и опасение, что он «может потерять кураж» среди германских академиков, заставили Плахова написать отчаянное письмо в Общество поощрения и просить денег на обратную дорогу в Россию. «Теперь скорей в Россию, да приняться за свое родное, будет веселей, а то, пожалуй, так привыкнешь к немцу, что русских оденешь в немецкую кожу».

В нем принимает участие В. А. Жуковский, который, в свою очередь, писал Ф. И. Прянишникову о Плахове: «Ему надобно только дать средства возвратиться в Россию; потом пускай он примется писать русский деревенский

быт, пускай поселится где-нибудь в Новгородской или Владимирской губернии, там, где настоящие русские православные крестьяне, и пускай пишет с натуры: можно надеяться, что ему удастся: а сим способом и талант его не пропадет и хлеб ему будет» (ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 162).

Вернувшись в 1842 г. в Россию, Плахов едет к Венецианову в его имение Сафонково. Он решает посвятить себя целиком изображению русского народного быта. Тем не менее крестьянская натура удавалась ему меньше, нежели типы городских ремесленников. Картины, представленные Плаховым в 1843 г. на рассмотрение в Общество поощрения художников, были отвергнуты с резолюцией «возвратить и впредь не принимать».

К этому же времени относится и охлаждение отношений Плахова с Венециановым. Художник покидает Сафонково, возвращается в Петербург и вновь принимается за сцены из городского простонародного быта. Однако в 1840-х гг. его произведения уже не пользуются тем успехом, что десятилетие назад, а в 1850-х гг. Плахов и вовсе оставляет художество, переходя на положение фотографа-дагерротиписта. Живет он то в Харькове, то в Вильно, в Минске и других городах России. В 1881 г. Плахов умер в Петербурге в крайней нищете.

4 ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 162, лл. 36—36 об.

5 *Шержинский Семен Данилович* — чиновник, кончил курс Петербургского педагогического института, затем служил в Почтовом департаменте в Петербурге. В 1840-х гг. — почтмейстер в Житомире. Гоголь отзывался о нем как «о преинтереснейшем и прелюбезнейшем человеке» (Собр. соч. М., 1949, т. 1, с. 313). Такого же мнения о нем был и Пушкин. Мокрицкий, познакомившийся с Шержинским в 1833 г. в Петербурге, вспоминал: «〈...〉 изящные искусства были для него потребностью. Он искал знакомства с молодыми и даровитыми художниками и, просиживая у них подолгу, давал им весьма полезные советы 〈...〉 Николай Васильевич Гоголь очень любил его. По субботам у Гоголя собирались все нежинцы, а также и другие земляки. Весело проводили мы эти субботы, но когда являлся Шержинский, то разговор оживлялся, все с нетерпением ожидали какого-либо интересного рассказа 〈...〉 Не одну поэтическую красоту заимствовал Гоголь из рассказов Шержинского 〈...〉 Шержинского на вечерах у Петра Алексеевича Плетнева, где собирались наши поэты, с жадностью слушал и А. С. Пушкин. Усевшись на диван, он слушал его с сверкающими глазами, впивался в рассказчика и хохотал от души своим наивно-звонким, детским смехом». (Художественный журнал, 1882, т. 3, с. 151).

6 *Резвой Модест Дмитриевич* (1807—1853) — Почетный вольный общник Академии (с 1839 г.). Секретарь Общества поощрения художников (1843—1850), живописец-любитель, миниатюрист и литограф.

7 *Кавелин Александр Александрович* (1793—1850) — петербургский генерал-губернатор (1843—1846).

8 *Лев Алексеевич* — лицо неустановленное.

9 ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 162, лл. 37—38.

10 ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 20.

11 *Чернышев Алексей Филиппович* (1824—1863) — один из последних учеников Венецианова. В 1841 г. приехал в Петербург из Оренбурга с помощью ходатайства В. А. Перовского. Поступил в Академию в класс М. Н. Воробьева. С Венециановым сблизился благодаря общему кругу знакомых (Томиловы, Философовы) и академическим товарищам (И. Смирнов). В 1842 г. на выставке в Академии были представлены работы Чернышева: «Перспектива крестьянского двора» и «Пейзаж», выполненные, очевидно под

руководством Венецианова. В начале 1843 г. Венецианов представлял Чернышева в Общество поощрения, а в 1846 г. ходатайствовал о нем перед Григоровичем. В произведениях Чернышева 1840-х гг. еще встречаются изображения крестьян, по манере близкие к венециановским, но сходство это скорее внешнее. «Венециановские типы» появляются и в более поздних работах Чернышева, когда творчество его становится на позиции, близкие к академическим. В 1853—1860 гг. художник находился за границей. Творчество его в этот период выходит за рамки венециановской школы.

12 *Эрасси Михаил Спиридонович* (1823—1898) — племянник Венецианова, «нежинский грек». Жил в Сафонкове, где занимался работой с натуры и рисованием с гипсов. В 1843 г. Венецианов представил его Обществу поощрения, в 1846-м — определил вольноприходящим учеником в Академию художеств. В 1852 г. Эрасси получил звание классного художника. В 1854—1872 гг. был за границей. В 1857 г. удостоен звания академика пейзажной живописи. С 1872 г. жил на Украине. Как художник, развивался уже после смерти Венецианова и работал в манере, далекой от той, которую пропагандировал его первый учитель.

1846

1 ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 44, л. 22. Публиковалось впервые: Степанов, с. 123.

2 *Куккук Иоганн* (1778—1851) — голландский живописец, пейзажист, маринист, либо его сын *Барент Корнелиус Куккук* (1803—1862) — художник, пейзажист.

IV ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ

Н. П. ВЕНЕЦИАНОВ. МОИ ЗАПИСКИ. 1845—1850 (?)

Публиковалось впервые: Венецианов в письмах, с. 23—35.
Печаталось по рукописи, предоставленной сыном автора «Записок», А. Н. Венециановым. «Рукопись — на самодельной тетрадке старинной бумаги в осьмушку; нескольких листков не хватает, вследствие чего получился перерыв в рассказе...» — сообщал А. М. Эфрос (Венецианов в письмах, с. 22). Местонахождение рукописи в настоящее время неизвестно.

«Записки» состоят из двух частей и датируются на основании прямого указания автора. «Мои воспоминания детства. 1845 года. Января 15 д[ня] г. Ставр[ополь]» — так названа мемуаристом вторая часть «Записок». Тем не менее в конце текста говорится о смерти А. Г. Венецианова, следовательно, эта часть могла появиться не ранее 1848 г. А. М. Эфросом введена общая датировка: 1845—1850 гг. (Венецианов в письмах, с. 22).

Ценность «Записок» в том, что они богаты фактическими данными о широко разветвленном и разбросанном в разные концы России роде Венециановых. Благодаря им генеалогическое древо рода пополнилось ставропольской ветвью в лице дяди художника, Николая Юрьевича, с многочисленным его потомством и московским ответвлением — Ратниковыми, в семейство которых вошла сестра художника Любовь Гавриловна.

Воспоминания Николая Павловича являются источником, существенно пополняющим итинерарий художника. Из них становится известно, что

А. Г. Венецианов дважды совершал поездки на Кавказ к брату Павлу Гавриловичу, дяде и кузену, жившим в Ставрополе. Автор «Записок» перечисляет произведения, созданные во время этого путешествия, что значительно обогащает список работ художника. Упоминает мемуарист и о наездах А. Г. Венецианова в Москву, где он впервые с ним познакомился.

Существенно для понимания внутреннего состояния А. Г. Венецианова в последний год жизни письмо, которое пересказывает его племянник. Одиночество, отсутствие профессиональной среды кроется за немногословием документа.

Временами у мемуариста происходит смещение памяти, отмеченное еще А. М. Эфросом. Он путает имена и даты, передает рассказы бабушки, умершей еще до его рождения, но якобы им самим слышанные. Несмотря на это несоответствие и видимую неточность в отношении источника информации, сами рассказы очень характерны и не вызывают сомнения. Так, правдоподобно, с конкретными и живыми подробностями воссоздана картина возвращения семейства Венециановых в послепожарную Москву 1812 года. Скорее всего, эти рассказы автор «Записок» мог слышать если не от бабушки, то от кого-либо другого из родственников. Они входили в семейную хронику Венециановых.

[1] *Венецианов Николай Павлович* (1817—1889) — старший сын двоюродного брата художника, представитель ставропольской ветви рода. Его биография воссоздана А. М. Эфросом в статье «А. Г. Венецианов в воспоминаниях племянника» (Венецианов в письмах, с. 13—22). Мемуары Николая Павловича зачастую именуются в печати не подлинным их названием «Мои записки», а как «Воспоминания племянника».

[2] *Венецианов Николай Юрьевич* (до 1748—ранее 1830), его жена «Анна Г.» — дед и бабка автора «Записок». Николай Юрьевич — родной старший брат отца художника.

[3] *Ратников Владимир Иванович* (? — 1843) — муж сестры художника Любови Гавриловны Венециановой.

[4] *Венецианова Любовь Гавриловна,* в замужестве Ратникова — родная сестра художника.

[5] *Венецианов Гаврила Юрьевич* (1749—1833) — двоюродный дед мемуариста и родной отец художника.

[6] *Венецианов Иван Гаврилович* (1785—1835) — брат художника.

[7] Вероятно, речь идет о брате и сестре художника, *Павле Гавриловиче и Любови Гавриловне Венециановых,* родившихся в начале 1800-х г.

[8] *«Дядя Алеша»* — здесь и в дальнейшем — А. Г. Венецианов. Очевидно, имеется в виду приезд художника в Москву после пожара 1812 г.

[9] Несколько страниц рукописи отсутствуют.

[10] *Сафонково* — имение художника в Вышневолоцком уезде Тверской губернии.

[11] Сын мемуариста рассказывал А. М. Эфросу, что у его отца хранилось дагерротипное изображение с портрета «Молодой девушки в русском наряде» (ГИМ), которое, по семейному преданию, считалось воспроизведением портрета В. И. Ратниковой. А. М. Эфрос считал эту атрибуцию неосновательной (Венецианов в письмах, с. 19).

[12] Утверждение мемуариста, что он именно в это время впервые встретился с А. Г. Венециановым, следует подвергнуть сомнению. Возможно, первая встреча произошла раньше; см. с. 208 данного издания.

[13] В тексте рукописи четыре страницы не заполнены.

[14] *Венецианов Павел Гаврилович* (ок. 1800-х гг. — ранее 1847).

[15] *Венециановы Василий Павлович (ум. 1890)* и *Афанасий Павлович* (ум. 1834) — братья мемуариста.

[16] *Венецианова Ольга Павловна* (ум. 1860) — сестра мемуариста. У автора «Записок» были еще две сестры: Анна (ум. 1894) и Олимпиада (ум. 1915) (Венецианов в письмах, с. 39).

[17] Благодаря этому свидетельству можно заключить, что первая поездка художника на Кавказ длилась с начала мая до середины июля 1829 г.

[18] Родословные данные, приводимые автором «Записок», расходятся с данными П. Н. Петрова (Петров, с. 268—274). Приехавший из Греции в Россию Иван Проко у Петрова назван Федором, жена его Анджела — Еленой. В отношении фамилии, которую носили предки Венецианова в Греции, А. М. Эфрос, суммируя материалы Петрова и Н. П. Венецианова, полагал, что она могла быть усложненной: Фармаки-Проко или Михапуло-Проко (Венецианов в письмах, с. 40).

[19] *Венецианов Гаврила Юрьевич* — отец художника.

[20] *Венециановы Афанасий Николаевич и Михаил Николаевич* — родные братья отца мемуариста и его двоюродный брат — *Павел Гаврилович.*

[21] Это свидетельство мемуариста следует подвергнуть сомнению: в 1830 г. ему не должно было быть 18 лет, если дата его рождения — 1817 (Венецианов в письмах, с. 40).

[22] *Венецианов Иван Гаврилович,* его жена *Анна Степановна.*

[23] *Венецианов Аркадий Иванович* (1816—1848) — медик-хирург. Умер во время холерной эпидемии. Был женат на *Марии Михайловне Венециановой* (1829—1848), умершей также от холеры. После них остался сын *Сергей.* (Венецианов в письмах, с. 41. Данные А. М. Эфроса расходятся с сообщением П. Н. Петрова о том, что Аркадий Иванович умер холостым. См. также: Московский Некрополь, т. I, с. 194, данные которого подтверждают мнение Эфроса).

[24] Приезд художника в Москву датируется июлем — августом 1830 г. В начале сентября, как следует из дальнейшего текста «Записок», он писал своим ставропольским родственникам о благополучном возвращении в Петербург.

[25] Местонахождение портрета неизвестно.

[26] Речь идет о дочерях художника, *Александре* и *Фелицате,* и их матери *Марфе Афанасьевне Венециановой.*

[27] Рассказ бабушки, переданный автором «Записок», А. М. Эфрос считал недостоверным на том основании, что мемуарист родился (1817), когда ее уже не было в живых. Согласно надписи на надгробном памятнике А. Л. Венецианова умерла 11 сентября 1812 г. Однако эта дата смерти вызывает сомнение. Венециановы покинули Москву до вступления в нее французов, то есть в период 8—12 сентября. О смерти же Анны Лукиничны во время бегства из горевшей столицы никто из мемуаристов не упоминает. Следовательно, дата, указанная на памятнике, может оказаться неточной. Тем более, что надгробие ставилось в 1830-е гг. и надпись переносилась со старой плиты или писалась заново по памяти. Из этого следует заключить, что мемуарист в данном случае мог оказаться и прав.

[28] Рассказ о проекте фамильных надгробных памятников, якобы сделанных А. Г. Венециановым, правдоподобен лишь отчасти. Можно думать, что подобный проект и существовал, но реализован не был.

А. М. Эфрос сообщал, что в Покровском монастыре есть несколько могил Венециановых, и все они расположены вместе; уцелели и памятники, и среди них есть, действительно, общий памятник Г. Ю. и А. Л. Венециановым. На надгробной плите — надпись: «Под сим камнем погребено тело московского купца Гаврилы Юрьевича Венецианова, скончавшегося 30 июня 1833 года на 85-м году жизни», и с другой стороны памятника: «Под сим камнем положено тело супруги его Анны Лукиной Венециановой, скончавшейся 1812 года, сентября 11 дня, жития ее было 52 года» (Венецианов в письмах. с. 38).

С памятниками, проектированными и будто бы поставленными художником, эти камни не имеют ничего общего: на могилах стояли рядовые и типичнейшие надгробные изделия 1830-х гг., какие тут же рядом можно видеть на могилах Языковых, Тутомлиных и многих других, из такого же материала — бурого песчаника и черного базальта — и такой же простейшей формы: подобие громоздкой урны, накрытой квадратной плитой (памятники старикам Венециановым), или массивной короткой колонки, пересеченной квадратной плитой, с урночкой наверху (у И. Г. Венецианова). (Венецианов в письмах, с. 21).

Сам художник похоронен на кладбище Дубровского погоста, недалеко от своего имения Сафонково.

[29] *Венецианов Аркадий Иванович,* умер в 1848 г.

А. А. ВЕНЕЦИАНОВА. ЗАПИСКИ [Начало 1860-х гг.]

ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 415, л. 1—17, 26—30 об. Публиковалось частично: Савинов, с. 207—210.

После смерти художника у его дочерей остались документы, письма, записки. Большинство их погибло во время пожара 1855 г. в Измайловской части, где снимали квартиру сестры Венециановы. На основе оставшихся материалов А. А. Венецианова написала свои «Записки», которые были непосредственным откликом на статью М. Ф. Каменской в июльском номере журнала «Время» за 1861 г. Эти воспоминания вместе с материалами, оставшимися после художника, Александра Алексеевна в 1873 г. передала Семевскому. Об этом говорит и приведенная надпись Семевского на обложке мемуаров: «От Венециановой Александры Алекс[еевны]. Заметки ее отца живописца — академика Алексея Венецианова». Ниже — адрес: «Фонтанка, между Измайловским и Цепным мостом от угла Подъяческой, д[ом] барона Фридерикса, № 113, в 3-м этаже, кв. № 28,— Александра Алексеевна Венецианова». (ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 415, л. 26). В число упомянутых «заметок отца» входили включенные в настоящий сборник журнальные и теоретическая («Нечто о перспективе») работы Венецианова, а также письма художника к А. А. Алексееву, И. Н. Кожину и другим лицам.

Позднее эти материалы вместе с «Записками» дочери художника попали к П. Н. Петрову. Существует запись о том Семевского: «Портрет Венецианова и остатки (воспоминания) о нем были переданы г-ну Петрову лет десять или одиннадцать назад для помещения в «Иллюстрации», издаваемой в то время, кажется, Рафаилом Зотовым-Геншелем. [Записки эти] помещены не были, но и получить их обратно никаким образом не добились. Портрет же возвращен почти к концу года без рамы и тоже после сильных домогательств» (ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 415, л. I).

В 1878 г. Петров опубликовал в журнале «Русская старина» статью, посвященную А. Г. Венецианову, где отчасти использовал материалы, полученные от Семевского. В 1855 г. Савиновым публиковалась с незначительными купюрами только первая часть «Записок дочери художника», которую он датировал 1862 г. В настоящем сборнике воспроизводятся целиком все четыре части мемуаров дочери.

Первая часть «Записок», представляющая очерк жизни и деятельности художника, носит несколько апологетический характер. Это объясняется той открытой полемикой, в которую вступила А. А. Венецианова с М. Ф. Каменской, чернившей память ее отца. Во второй части мемуаристка существенно дополняет генеалогическое древо Венециановых родственной линией Азарьевых, из рода которых происходила жена художника, Марфа Афанасьевна. Краткие упоминания о гвардии-капитане А. Азарьеве, его сыновьях и внуках, окончивших Морской кадетский корпус, создают представление о потомственном служивом дворянстве. Обедневшее, но связанное с титулованными фамилиями — Румянцевыми, Свистуновыми, семейство Азарьевых придает новую окраску разветвленному древу рода Венециановых. Третья часть содержит ценные сведения о последнем периоде в жизни художника. И, наконец, четвертая часть представляет собой черновой набросок, не доведенный автором до завершения. В нем мемуаристка описывает бытовой уклад семьи художника, дает характеристику домашних учителей и уровня преподавания ими предметов.

[1] *Венецианова Александра Алексеевна* (1816—1882) — старшая дочь художника. Проявляла способности к рисованию, занималась живописью под руководством отца. Работы ее хранятся в Третьяковской галерее и Калининской областной картинной галерее.

После смерти А. Г. Венецианова дочери его остались без средств к существованию. Академия художеств хлопотала перед министром императорского двора о пособии ввиду того, что состояние их вконец расстроено «теми тратами, которые Венецианов по добродушию своему делал на содержание и пособие многих учеников своих...». В результате ходатайства дочерям художника было выдано по пятисот рублей единовременно. (Переписка по этому вопросу выборочно дается в Приложении к настоящему сборнику.)

В 1849 г., когда дохода от имения стало недостаточно даже на уплату долга за него по закладу в Опекунский совет, сестры Венециановы вновь просили министра императорского двора о помощи. На их прошении была поставлена резолюция: «Отказать, ибо не имеют права».

В 1853 г. дочерям Венецианова пришлось продать Сафонково, сыгравшее значительную роль в жизни и творчестве художника. Продажа имения лишь покрыла долги, но положение вещей не изменила. В 1863 г. Александра Алексеевна вновь обращалась в Академию, предлагая приобрести картины художника. Она писала, что «считала бы за великую милость, есть ли б Академия меня удостоила принять все оные шесть картин, хоть за сто рублей, имея очень малое помещение в моей комнате, затрудняюсь их держать». Картины приобретены не были.

Последняя безрезультатная переписка по поводу помещения А. А. Венециановой в Смольный дом призрения тянулась много лет, до ее смерти в 1882 г.

[2] Очевидно, имеется в виду статья А. Н. Мокрицкого, появившаяся в 1858 г. в журнале «Отечественные записки»,— «Воспоминания об А. Г. Венецианове и учениках его», а также упоминаемые далее беллетризованные мемуары М. Ф. Каменской.

[3] Каменская М. Ф. Знакомые. — Время, 1861, июль.

Автор повести, дочь вице-президента Академии художеств Ф. П. Толстого, постоянно вращалась в академической среде. Оценка наблюдаемых лиц и явлений дана ею в крайне искаженном виде. В заостренной сатирической форме изображает автор домашний уклад семьи, описывает квартиру и мастерскую А. Г. Венецианова. Герои повести выглядят почти карикатурно. До неузнаваемости искажен характер творчества художника и метод его преподавания. Обе дочери Венецианова выведены автором как странные инфантильно-сентиментальные особы.

Негативное отношение распространялось не только на Венециановых, но также и на Головачевских, которым посвящена другая глава повести.

Отрицательный характер повести в целом, однако, не исключает некоторых положительных моментов: детали быта академической преподавательской среды, интерьеры, костюмы, описание наружности — все это воссоздано Каменской с живыми и мельчайшими подробностями. Подкрепленные рядом других свидетельств современников, эти детали могут быть не только приняты, но и использованы при изучении материальной культуры эпохи.

[4] Родословные данные А. А. Венециановой расходятся с материалами официальных источников.

[5] Жена художника, *Азарьева Марфа Афанасьевна* (1780—1831).

[6] Русский инвалид, 1830, № 248, с. 990.

[7] Там же. Текст дается мемуаристкой в сокращении.

[8] *Мария Николаевна* — вел. кн., старшая дочь Николая I, с 1852 по 1876 г. состояла вице-президентом Академии художеств.

[9] *Баранова Юлия Федоровна, урожденная Адлерберг* (1789—1864) — начальница Воспитательного общества благородных девиц (Смольного института), жена директора Коммерческого банка Трофима-Иоанна Баранова (1779—1828).

Очевидно, имеются в виду истории с выкупом крепостных художников, в частности Т. Г. Шевченко, в которой принимал участие Венецианов. Имена Жуковского и Барановой, упоминаемые бок о бок, заставляют вспомнить о роли Барановой в устройстве лотереи. Жуковский торопил Баранову, взявшуюся распространить лотерейные билеты. Когда предприятие удалось и вольная для Шевченко была получена, Жуковский написал Барановой шутливое письмо. Он сопроводил его серией шаржированных рисунков, в которых изобразил все перипетии истории с получением отпускной у помещика П. В. Энгельгардта. Возможно, Баранова помогала не только Шевченко, но и другим, как свидетельствует мемуаристка.

[10] Русский инвалид, 1830, № 248, с. 997. Текст дается в сокращении.

[11] *«Девушка с тамбурином»* — картина ученика Венецианова А. В. Тыранова, экспонировалась на академической выставке 1836 г. По поводу этого произведения Н. В. Кукольник писал в обзоре выставки, помещенном им в «Художественной газете»: «Девушка с тамбурином» Тыранова останавливала толпящихся около нее зрителей замечательным эффектом. Тамбурин, поднятый вверх, затеняет лицо, но сильный свет, упадая на плечо и отражаясь от красного платья, бросает на лицо яркий отсвет. Она ударяет в тамбурин с улыбкой, обращенной к зрителям, которые не могут не похвалить ее прелестной головки с таким миловидным простодушным выражением: свежесть красок, отчетливость в живописи, довершают приятное впечатление (Художественная газета, 1836, с. 175—176).

[12] *Зарянко Сергей Константинович,* получил звание профессора исторической и портретной живописи в 1850 г. Как отмечает Т. В. Алексеева, «приспособил венециановский художественный метод к искусству позднего академизма» (Алексеева, с. 104).

[13] «Предстательство Богоматери за воспитанниц Смольного института», 1830-е гг. (ГРМ). Местонахождение иконописных работ художника, упомянутых далее,— неизвестно.

[14] *Прянишников Федор Иванович* (1793—1867) — член Государственного совета, директор Почтового департамента, вице-председатель Общества поощрения художников. Собиратель русской живописи, в коллекции которого находились произведения Венецианова и учеников его школы. После смерти Прянишникова его коллекция вошла в состав Публичного и Румянцевского музеев в Москве. Хорошо осведомленный в художественной жизни Москвы и Петербурга, Прянишников посещал Академию, заглядывал в мастерские как известных, так и малоизвестных живописцев. К нему обращались художники со своими предложениями и нуждами. В 1841 г. В. А. Жуковский писал Ф. И. Прянишникову из Дюссельдорфа, ходатайствуя об ученике Венецианова Л. К. Плахове. Позднее, в 1843 г., Прянишников стал посредником между Плаховым и Венециановым в создавшемся между ними конфликте, где занял сторону Венецианова.

Вице-председатель Общества, Прянишников не раз помогал ученикам Венецианова, обеспечивая их заказами. Мокрицкий в 1840 г. писал по его заказу портрет князя А. Н. Голицына. Зеленцов сделал портрет Прянишникова, который представил в 1830 г. в Академию для получения звания «назначенного». Зарянко в 1844 г. также выполнил портрет Прянишникова.

[15] «Причащение умирающей», 1839, (ГТГ); «Голова старухи» — очевидно, «Пожилая крестьянка, опершаяся на руку», не позднее 1827 г. (ГРМ), или «Старуха в шлычке», 1829 (?) (ГРМ).

[16] *Паскевич Иван Федорович* (1782—1857) — участник Отечественной войны 1812 года, с конца 1827 г. командующий Отдельного кавказского корпуса, с марта 1832-го — наместник Царства Польского с особыми полномочиями. Командовал войсками во время русско-персидской и русско-турецкой войн. Речь идет, по-видимому, о копии Венецианова с «Мадонны Альба» Рафаэля, приобретенной Паскевичем у художника в начале 1845 г. М. И. Железнов писал, что как раз в это время «в начале 1845 года фельдмаршал Паскевич приехал в Петербург и остановился в Зимнем дворце, а возвратился в Варшаву только после пасхи...» (Железнов М. И. Заметка о К. П. Брюллове. — Живописное обозрение, 1898, № 27 — 33). Судя по письмам художника к Милюковым (от 6 декабря 1844 г.), как раз в это время Венецианов и работал в залах Эрмитажа, заканчивая копию с Рафаэля. Можно полагать, что она привлекла внимание Паскевича и тот приобрел ее.

[17] *Дондуков-Корсаков Михаил Александрович* (1794—1869) — с 1833 г. попечитель Петербургского учебного округа, председатель Цензурного комитета, с 1835 г. — вице-президент Академии наук. Надо полагать, что Дондуков-Корсаков посещал академические выставки и был знаком с работами Венецианова и его учеников. В 1839 г. ученик Венецианова Е. П. Житнев выполнил портрет М. Н. Дондуковой-Корсаковой, а С. К. Зарянко портрет А. М. Дондукова-Корсакова.

[18] Неизвестно, о каком именно из Корниловых идет речь. Скорее всего *Корнилов Владимир Алексеевич* (1806—1854) — вице-адмирал, герой Севастопольской обороны. Был знаком с художниками: в 1835 г. на его бриге совершали плавание К. П. Брюллов и Г. Г. Гагарин. Позднее обращался к

Брюллову с письмом и заказом, который тот выполнил. Имение Корнилова, как и имение Венецианова, находилось в Тверской губернии. Однако упоминаемый мемуаристкой мог быть и один из братьев флотоводца, *Александр Алексеевич* (1801—1856) — лицейский товарищ Пушкина, причастный к делу декабристов, или *Федор Алексеевич*. Оба вели переписку по поводу заказа Брюллову.

[19] *Панаев Владимир Иванович* — адресат писем Венецианова; владел большим собранием живописи.

[20] Речь идет о картине «Петр Великий. Основание Петербурга», 1838 (ГТГ).

[21] *Гребенка Евгений Павлович* (1812—1848) — писатель «гоголевского направления». Окончил Нежинскую гимназию (1831). После недолгой службы в армии — чиновник Комиссии духовных училищ в Петербурге, с 1838 г. — старший учитель русского языка и словесности в Дворянском полку. Автор рассказов и «физиологических очерков»: «Рассказы пирятинца» (1837), «Верное лекарство» (1840). Перевел поэму Пушкина «Полтава» на украинский язык. Близкий друг и соученик А. Н. Мокрицкого по Нежинской гимназии. В 1832—1833 гг. Мокрицкий писал портрет Гребенки. За работой наблюдал Венецианов. Очевидно, здесь и произошло его знакомство с писателем. Гребенка посещал дома профессоров и преподавателей Академии: Ф. П. Толстого, В. И. Григоровича и других.

[22] *Сафонково* — имение Венецианова, в Вышневолоцком уезде Тверской губернии на реке Ворожбе в 77 верстах от уездного города, 28 верстах от становой квартиры; число крестьянских дворов — 4; число жителей на 1866 год: 31 — мужского пола и 25 — женского. (Список населенных мест, т. «Тамбовская — Тверская губ.». Спб., 1866, с. 116).

[23] Об уточнении даты поступления Венецианова на службу в канцелярию Трощинского см. вступ. статью, с. 7.

[24] Из рода Азарьевых во флоте значились: *Азарьев Василий* (большой) произведенный в 1795 г. в гардемарины, в 1796-м — в мичманы, в 1799-м — уволенный от службы в чине лейтенанта; *Азарьев Платон,* произведенный в 1795 г. из гардемаринов в мичманы, а в 1799-м уволенный лейтенантом «с позволением носить мундир» (Общий морской список, ч. III. Спб., 1890, с. 23); родной брат жены художника *Азарьев Никанор Афанасьевич* — 9 февраля 1818 г. произведен из гардемаринов в мичманы (Обзор преобразований кадетского корпуса с 1852 г. с приложением списка выпускных воспитанников 1763—1896. Спб., 1896, с. 158).

[25] *Азарьев Николай Никанорович* — 27 марта 1861 г. произведен в гардемарины (Обзор преобразований кадетского корпуса..., с. 256.)

[26] *Крылов Иван Андреевич* (1768—1844) — баснописец, драматург. Как Почетный вольный общник Академии художеств, Крылов постоянно бывал на выставках, посещал мастерские художников, присутствовал на торжественных актах. Был своим человеком в доме президента Академии А. Н. Оленина. О проблеме взаимосвязи творчества Крылова и Венецианова см с. 11—12 данного издания.

[27] Вероятно, ошибка мемуаристки. По-видимому, имеется в виду *Козлов Иван Иванович* (1779—1840) — поэт, переводчик, бывший в молодые годы подпоручиком лейб-гвардии Измайловского полка, однополчанином портретируемых Венециановым А. И. Бибикова и М. А. Фонвизина. Возможно, художник через них и познакомился с Козловым.

[28] Речь идет о картине «Перспективный вид Эрмитажной библиотеки», 1826 (ГЭ).

[29] Санкт-Петербургский технологический институт — старейшее высшее учебное заведение в России, основан в 1828 г. В программу входили занятия рисунком и живописью.

[30] Из записи М. И. Семевского известен адрес сестер Венециановых Фелицаты и Александры Алексеевны: «на Фонтанке, между Измайловским и Ценным, от угла Подъяческой в доме барона Фридерикса № 113, в 3-м этаже, кв. № 28» (ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 414, л. 26).

[31] На обложке, в которую вложена эта часть мемуаров,— надпись: «Рассказ одной из дочерей покойного А. Г. Венецианова о последних днях его жизни своим почтенным знакомым». На полях надпись карандашом: «Сообщено Александрой Алексеевной Венециановой».

[32] *Григорий (Постников)* (1784—1860) — тверской епархиальный архиерей, с 1855 г. митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский. Автор антираскольничьих трудов и проповедей. Ему принадлежало исследование «Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь».

[33] *Калязин* — уездный город Тверской губернии на Волге, при впадении в нее речки Жабни. Возникновение поселения на месте города Калязина относится еще к домонгольскому периоду. Расширение и укрепление его произошло в XV в., что связывается с основанием Макарием Троицкого Калязинского монастыря. Как торгово-экономический центр Тверской губернии Калязин упоминается уже в документах XVII столетия. Переименование в уездный город произошло в 1775 г.

[34] *Макарий Калязинский (в миру Матвей Кожин)* (1400—1483) — основатель и игумен Троицкого Калязинского монастыря (по рукописному житию — в 1444 г.). Канонизирован на Московском соборе 1547 г. Мощи его находились в Троицком соборе вышеназванного монастыря.

[35] *Триипостасный* — изображение божественной сущности (ипостаси) в трех лицах.

[36] *Троицкий Калязинский монастырь* Тверской губернии, на левом берегу Волги, расположен против города Калязина, в посаде. Основан игуменом Макарием, в 1444 г. В 1610-м, во время литовского разорения, сожжен и разграблен, позже восстановлен и причислен к первоклассным (1764). Монастырь имеет пять храмов: Троицкий собор, построенный в 1654 г., церковь Сретения постройки 1617 г., церковь Алексея, человека Божия,— 1655 и церковь Успения Божьей матери — 1884.

[37] *Лощемле* — село Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Венецианов часто бывал там у своего знакомого, помещика Енгалычева.

[38] *Енгалычев Василий Иванович* — артиллерийский поручик; принадлежал, по-видимому, к той же ветви рода, что и *Енгалычев Т. И.* — рисовальщик-любитель, оставивший альбом акварелей, проникнутых лубочной изобразительной традицией. (Корнилова А. В. Альбом помещика конца XVIII века. Памятники культуры. Новые открытия. М., «Наука», 1976, с. 318—328).

[39] Имеется в виду ученик Венецианова *Иринарх Васильев.*

[40] Здесь рукопись обрывается.

К материалам, полученным от дочери художника Александры Алексеевны Венециановой, Семевский приложил записку, сделанную, очевидно, по памяти после беседы с владельцами рукописей. «Вероятно: жена его умерла в холеру 1831 года. После смерти оставался вд[овцом]. Азарьева Марфа Афанасьевна, его жена. Женился около 1812 года. 38 душ было у него. Венециановы были люди бедные.

В 1812 году сгорели в пожаре. Люди были бедные. 5 братьев поссори-

лись в саду; за один (нрзб.). Всех братьев было пять. Отец не желал Венец[ианова] пускать по художественной части. Отец Вен[ецианова] сконч[ался] ста лет — в Москве, около 1846. Сам Венец[ианов] был очень крепкого здоровья». Данные записки расходятся со сведениями, сообщаемыми другими источниками (см. с. 336 данного издания).

А. Н. МОКРИЦКИЙ. ИЗ ДНЕВНИКА. 1834—1838

ГТГ, ф. 33, № 24. Публиковалось впервые: Дневник художника А. Н. Мокрицкого. Вступ. ст. и примеч. Н. Л. Приймак. М., 1975, с. 35.

[1] *Мокрицкий Аполлон Николаевич* (1810—1870) — художник, ученик Венецианова. Родился на Украине. Учился в Нежинской гимназии, вместе с Н. В. Гоголем, Е. П. Гребенкой, А. С. Данилевским, К. М. Базили, Н. Я. Прокоповичем.

В 1830 г., по окончании гимназии, Мокрицкий приехал в Петербург. Вначале избрал медицинское поприще, но затем оставил его для живописи. Стесненное материальное положение заставило его искать службу. В 1831 г. Мокрицкий числился канцеляристом при Департаменте горных и соляных дел, в 1832 г. — писарем при журналисте экспедиции Ссудной казны Санкт-Петербургского опекунского совета. Одновременно занимался переводами. В «Литературной газете» за 1831 г. № 20 появилась его переводная статья с немецкого.

За скромным послужным списком чиновника скрывалась деятельность иного рода. В сентябре 1831 г. Мокрицкий был «посторонним учеником» Академии художеств. Вскоре познакомился с Венециановым и начал посещать его мастерскую. Под руководством нового своего учителя в мае 1832 г. Мокрицкий написал «Галерею Эрмитажа», а год спустя представил ее императору.

Материальные затруднения вынудили Мокрицкого вскоре уехать на родину. Живя в Пирятине, в доме отца, он писал портреты и «перспективы» усадебных интерьеров, зарабатывая на вторую поездку в Петербург. 30 ноября 1834 г. Мокрицкий вторично приезжает в столицу, с тем чтобы посвятить себя живописи. Здесь он возобновляет и расширяет старые связи. Круг его знакомств — художники и литераторы. Важную роль в устройстве судьбы Мокрицкого играет конференц-секретарь Академии художеств В. И. Григорович, родители которого, жившие в Пирятине, были в приятельских отношениях с семьей Мокрицкого. В лице конференц-секретаря молодой художник нашел доброжелательного наставника и помощника. Одно время он даже жил на академической квартире Григоровича. Там, очевидно, познакомился и с Ф. П. Толстым, П. К. Клодтом, И. К. Айвазовским и другими. Благодаря протекции Григоровича и Венецианова, Мокрицкий получил возможность зарабатывать частными уроками в домах их общих знакомых, среди которых были издатель «Сын отечества» и «Северной пчелы» Н. И. Греч, профессор Петербургского университета П. А. Плетнев и другие. В августе 1835 г. в доме Плетнева Мокрицкий встретился с Пушкиным, который благосклонно отозвался о его работах. В январе 1836 г. Мокрицкий вновь видел Пушкина у Плетнева. Позднее в дневниковых записях художника отразились беседы, происходившие в стенах Академии в дни дуэли и смерти поэта. Он же станет автором рисунка, запечатлевшего Пушкина в гробу.

Трудно представить себе петербургские связи Мокрицкого без его нежинского окружения. Двадцать шесть бывших лицеистов собрались в столице к середине 1830 г. Среди них были Гоголь, Кукольник, Гребенка, Базили. С ними постоянно встречался Мокрицкий.

Академическая карьера Мокрицкого в середине 1830 г. идет по нарастающей линии. В 1835 и 1836 гг. он получает одну за другой две серебря-

ные медали, зачисляется пенсионером Академии и попадает в класс к только что вернувшемуся из Италии К. П. Брюллову. Этот момент был переломным в творческой судьбе художника. Из воспитанника Венецианова он сделался почитателем и последователем Брюллова. Последнее обстоятельство определило его будущее. В 1839 г. Мокрицкий получил звание свободного художника, в 1841—1849 гг. жил за границей, а по возвращении был удостоен звания академика за портрет митрополита Никанора Новгородского. С 1851 г. преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

[2] Имеется в виду картина К. П. Брюллова «Последний день Помпеи», которая была привезена в Россию в 1834 г. и выставлена вначале в Эрмитаже, а затем в Академии художеств.

[3] Речь идет об одной из работ Венецианова, исполненной для собора Смольного монастыря в 1832—1834 гг. Перечень этих работ дан в мемуарах дочери художника. Об этом см. также: Савинов, с. 209, 217.

[4] *Бестужев (псевдоним Марлинский) Александр Александрович* (1797—1837) — писатель, литературный критик, издатель (совместно с К. Ф. Рылеевым) альманахов «Полярная звезда» (1823—1825) и «Звездочка» (1825), декабрист. Осужден на двадцать лет каторги. Упомянутый мемуаристом роман «Фрегат «Надежда» впервые был напечатан в 1832 г. в сборнике «Русские повести и рассказы» без указания имени автора, находившегося в ссылке.

[5] *Крашенинников Федор Петрович* (1806—1887) — воронежский помещик, один из трех братьев Крашенинниковых (Александр Петрович служил чиновником в Петербурге, Сергей Петрович (1811—1870) — офицером во флоте). Все братья были связаны с художественными и литературными кругами столицы благодаря давнему знакомству с ректором Академии скульптором И. П. Мартосом, поверенным в делах которого был Федор Петрович. В квартире Мартоса, вероятно, и произошло знакомство Крашенинниковых с Венециановым. Подневные записи Мокрицкого свидетельствуют о частых посещениях ими дома художника и дружеских отношениях, сложившихся на протяжении многих лет. Венецианов, в свою очередь, навещал Крашенинниковых. Там, очевидно, художник, познакомился с их земляком, известным поэтом А. В. Кольцовым, приехавшим в Петербург в начале 1836 г. Во всяком случае, поэт и художник встречались в доме их общих знакомых. Позднее именно через Крашенинниковых в Академии художеств узнали о смерти Венецианова.

[6] *Клодт Петр Карлович* (1805—1867) — скульптор. Первоначальное образование получил в Омском кадетском корпусе. В 1817 г. семья его из Омска переехала в Петербург, где П. К. Клодт довершил свое военное образование и стал офицером конной артиллерии. В 1828 г. он оставил службу, вышел в отставку и, упражняясь в рисунке, через два года представил свои работы в Академию. Совет одобрил их, приняв подателя в число вольнослушателей. Первой большой работой, за которую он в 1833 г. получил звание «назначенного», была модель двух конных групп для Адмиралтейского бульвара. Затем скульптору были заказаны кони для колесницы на Нарвских триумфальных воротах (1833) и конные группы для Аничкова моста (1834—1836). В 1838 г. получил звание академика и профессора, одновременно став заведующим Литейным двором Академии. Член Берлинской (1835) и Французской (1859) Академий. В академической квартире скульптора бывали художники, литераторы, актеры.

[7] Речь идет о младшем брате мемуариста, *Петре Николаевиче Мокрицком* (1814—?). В середине 1830-х гг. был в Дворянском полку в Петербурге,

позднее служил на Кавказе. В 1840-х гг. вышел в отставку и жил на родине в Пирятине.

[8] По предложению Н. Л. Приймак, *Алексеев Сергей Александрович* (1812 — ?) — возможно, занимался у Венецианова в середине 1830-х гг., хотя окончательно принадлежность его к школе Венецианова не выяснена. Происходил из крепостных помещика Н. К. Михайлова, отпущен на волю. С 1830 г. состоял под покровительством Общества поощрения художников и жил на квартире Общества. В 1835 г. за интерьер «Портретная галерея 1812 года» был удостоен второй серебряной медали. В 1837-м — обучался в Академии «рисовальному искусству», кроме того, занимался «перспективной живописью». Тогда же получил звание свободного художника и место учителя рисования в Харьковской губернии. Позднее работал в Переяславле.

[9] *Пузино (урожденная Аничкова) Екатерина Ивановна* — жена врача Поликарпа Ивановича Пузино. В 1835 г. Мокрицкий получил вторую серебряную медаль за ее портрет.

[10] *Крашенинниковы Федор и Сергей Петрович.*

[11] *Андреева* — лицо неустановленное, местонахождение портрета неизвестно.

[12] Имеется в виду акварель «Хижина Петра I в Саардаме», написанная А. П. Брюлловым в бытность его в Голландии. Из предшествующего текста видно, что Мокрицкий делал копию этого изображения, «пририсовывая» к нему «фигурку Петра и принадлежности, объясняющие занятия его в Саардаме». По рекомендации Григоровича, Мокрицкий собирался поднести свою работу вел. кн. Александру Николаевичу.

[13] По-видимому, *Трескин Алексей Михайлович,* портрет которого Венецианов нарисовал в 1834 г. (ныне — ГРМ).

[14] *Стенькович* с женою — лица неустановленные.

[15] *Стефанида Ивановна* — лицо неустановленное.

[16] *Зеленцов Капитон Алексеевич* (1790—1845) — художник. Сын коллежского асессора, имевшего в 1810-х гг. значительное состояние (три завода, купленные у Демидова), но разорившегося. В 1820 г. числился чиновником Министерства внутренних дел, позднее (1826) служил в собственной его императорского величества канцелярии.

В 1812 г. Зеленцов занимался копированием в Эрмитаже, где, по всей вероятности, встречался с Венециановым. Во время Отечественной войны оба художника работали над серией лубков-карикатур. 1817 г. ознаменован участием Зеленцова в издании «Волшебного фонаря» В. А. Плавильщикова. В этот период художник не был непосредственным учеником Венецианова, но пользовался его советами. О творческой связи говорят работы, написанные, по всей вероятности, по указанию наставника. Как полагает Т. В. Алексеева, наиболее плодотворный период общения Зеленцова с Венециановым начался с 1825 г. Характерные для венециановцев натюрморты и натурные постановки составляют работы художника этих лет. В 1830 г. Академия удостоила Зеленцова звания «назначенного» за картину «Комната художника» и «Портрет Ф. И. Прянишникова». В 1833 г. ему было присвоено звание академика за произведение «Мастерская П. В. Басина». Разорение отца способствовало тому, что художник начал смотреть на свои занятия живописью, как на источник существования. Он создает многочисленные жанровые сценки, которые пользуются большим успехом у публики: «Мальчик с кувшином», «Девочка с венком васильков». Сотрудничает в литературных изданиях, его иллюстрации к произведениям В. А. Жуковского и Ф. В. Булга-

рина приобретают популярность. Сохраняя связи со своим бывшим наставником, Зеленцов лишь внешне придерживается традиций венециановской школы, по сути дела он все больше начинает впадать в идеализацию и примыкает к академической ветви бытового жанра.

[17] *Трипольский Виктор Андреевич* — приятель мемуариста.

[18] *Таннер (Танер) Филипп* (1795—1873) — французский живописец, маринист. В 1835 г. был приглашен в Россию для «снятия видов» со всех важнейших русских портов. Прожил в России более двадцати лет. У него некоторое время учился И. К. Айвазовский. С произведениями Танера явно был знаком и Венецианов.

[19] *Сидор и Рыбин* — служители Эрмитажа.

[20] Григорович Василий Иванович.

[21] *Шебуев Василий Козьмич* (1777—1855) — исторический живописец; профессор Академии художеств с 1831 г.; с 1832 г. — ректор живописи и ваяния. С 1845-го — вице-президент, почетный член Московского общества любителей художеств. Принимая участия в работах для Казанского собора (1807—1809), делал эскизы росписей для здания Академии художеств (1820), расписывал плафон церкви Екатерининского дворца в Царском Селе (1822—1823), выполнял живописные работы для купола зала заседаний Совета Академии художеств, который с тех пор называется «шебуевским» (начало 1830-х гг.). В 1839 г. написал картину «Подвиг купца Иголкина». В 1840-х гг. руководил всеми живописными работами в Исаакиевском соборе, где его кисти принадлежали многие произведения.

[22] Речь идет о «Портрете В. А. Корнилова на борту брига «Фемистокл», сделанном К. П. Брюлловым в августе 1835 г. во время плавания из Афин в Смирну на бриге, которым командовал Корнилов.

[23] *Башилов Александр Александрович* (1777—1847) — сенатор, дядя графов Я. П. и С. П. де Бальмен, товарищей мемуариста по Нежинскому лицею. В доме Башилова Мокрицкий преподавал рисование.

[24] *Вишневецкий Михаил Прокофьевич* (1801—1871) — исторический живописец, портретист, земляк и приятель мемуариста. Учился в Академии художеств с 1829 г. В 1830-м — получил вторую серебряную медаль, в 1832-м — звание «назначенного», в 1861-м — академика.

[25] *Трипольский Виктор Андреевич.*

[26] *Мокрицкий Александр Николаевич* (1805—?) — старший брат мемуариста, врач, живший и практиковавший в 1830-х г. в городе Пирятине Полтавской губернии.

[27] *Румянцевский музей* — собрание книг, рукописей, произведений искусства, минералов и проч., переданное в 1826 г. Петербургу гр. Н. П. Румянцевым. В собрании музея находилась статуя итальянского скульптора А. Кановы «Мир», заказанная Н. П. Румянцевым после заключения им мира со Швецией в 1808 г. В 1861 г. музей переведен в Москву, где на основе его коллекций созданы Московский Публичный и Румянцевский музеи.

[28] Очевидно, *Тарновский Григорий Степанович* (? — 1853) — украинский помещик, любитель искусств, меценат. Состоял Почетным вольным общником Академии художеств. Был дружен с Григоровичем. В украинском имении Тарновского Качановке бывали Т. Г. Шевченко и М. И. Глинка.

[29] *«Деревенские князья сиятельные»* — очевидно, князья Путятины, соседи по тверскому имению Венецианова.

[30] *Яненко Яков Федосеевич* (1800—1852) — художник, сын академика живописи. В 1809—1821 гг. воспитывался в Академии художеств. Соученик и товарищ К. П. Брюллова. В 1825 г. за «Портрет Е. Е. Ефимова» получил звание «назначенного», в 1830-м за «Портрет гравера Н. И. Уткина» — академика. С возвращением Брюллова из Италии сближается с ним. Оба становятся неизменными участниками знаменитых «сред» Н. В. Кукольника. Брюллов в 1841 г. создал портрет Яненко.

Невоздержанный образ жизни, который вел Яненко, являлся источником эпиграмм и карикатур современников. Его имя и отчество — Федосеевич — хорошо рифмовалось с «Ерофеечем», а фамилия Яненко переиначивалась как «Пьяненко». Множество карикатур на него оставил Н. А. Степанов.

[31] *Менцов Николай Николаевич* (? — 1846) — петербургский чиновник, знакомый Венецианова. Мокрицкий в 1837 г. писал его портрет.

[32] *Постников Иван Захарович* — знакомый Венецианова.

[33] *«Записки ротмистра Дуровой»* были напечатаны в журнале «Современник» в 1836 г. В том же году вышло отдельное издание под названием «Кавалерист-девица. Происшествие в России». Автором их была Надежда Андреевна Дурова (1783—1866) — в замужестве Чернова. При выходе «Записок» Дуровой их одобрил Пушкин.

[34] *Щедрин Аполлон Федосеевич* (1796—1847) — архитектор, профессор Академии (с 1833 г.), академик (с 1837 г.), брат известного пейзажиста С. Ф. Щедрина и сын скульптора Ф. Х. Щедрина.

[35] *Кукольник Платон Васильевич* (ок. 1804—1848) — литератор и педагог. Преподавал в Нежинской гимназии высших наук, а позднее в Виленском университете. В 1838 г. вышел в отставку и жил в Петербурге. Неизменный участник «сред» Нестора Кукольника. Был известен в литературных и художественных кругах Петербурга. В 1837 (?) г. К. П. Брюллов писал его портрет. Свидетельство знакомства П. Кукольника с Венециановым не сохранилось; хотя, безусловно, зная Нестора Васильевича, художник не мог не слышать о его брате, члене известной в Петербурге «кукольниковской братии».

[36] *«Водовоз, или двухдневное приключение»* — опера итальянского композитора Л. Керубини. *«Швейцарская хижина»* — балет, музыка французского композитора А.-Ш. Адана.

[37] Как полагает Н. Л. Приймак, речь идет о портретах поэта Алексея Васильевича Кольцова и генерал-фельдмаршала Ивана Ивановича Дибича-Забалканского (1880—1831).

[38] *«Брат его Федор»* — *Федор Павлович Брюллов* (1795—1865 или 1869), старший брат К. П. и А. П. Брюлловых. С 1803 г. воспитывался в Академии, где занимался в классе профессора А. И. Иванова. В 1815 г. окончил курс и был оставлен при Академии пенсионером. Творчество его, как исторического живописца, сводилось к созданию религиозных композиций. В 1834 г. за картину «Спаситель в темнице» получил звание академика. Автор образов для соборов и церквей Кронштадта, Петербурга. Им были выполнены живописные работы для Исаакиевского собора.

[39] Мемуарист имеет в виду стихотворение Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны». Первоначально ходило в списках под названием первой строфы великопостной молитвы Ефрема Сирина «Господи, владыко живота моего», на мотив которой было написано. Драма «Русалка» напечатана после смерти Пушкина (Современник, 1837, IV). «Дон-Гуан» — трагедия «Каменный гость» — также при жизни поэта не печаталась. «Галуб — сцена из быта

чеченцев» была помещена в журнале «Современник» (1837, VII) после гибели Пушкина. Подлинное название: «Тазит» — установлено много позднее (1930).

[40] Ф. А. Венецианова разыгрывала отрывки из оперы Ж. Россини «Отелло» (1816). На русской сцене появилась в 1828 г.

[41] *Вишневецкий Михаил Прокофьевич* (1801—1871) — исторический живописец и портретист. Воспитанник Академии художеств (с 1829 г.). В 1830 г. получил вторую серебряную медаль, в 1832-м — звание «назначенного» в академики, в 1861-м — академика. Педагог.

[42] Как полагает Н. Л. Приймак, *Посылин* — то же лицо, которое упоминает А. В. Кольцов в письме к Белинскому от 14 марта 1838 г., перечисляя бывших у него на вечере гостей: «Владиславлев, Краевский, Никитенко, Григорович, Мокрицкий, Венецианов, Туранов (Тыранов. — *А. К.*), трое Крашенинниковых, Посылин...» (К о л ь ц о в А. В. Соч. М., 1966, с. 278).

А. Н. МОКРИЦКИЙ. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. Г. ВЕНЕЦИАНОВЕ И УЧЕНИКАХ ЕГО. 1857

Публиковалось впервые: Отечественные записки, 1857, № 11. Местонахождение рукописи неизвестно.

Статья Мокрицкого — первое мемуарное свидетельство о Венецианове. Приурочено автором к десятилетию со дня смерти художника. Писалось на основе «Дневника» (1831—1838 гг.) в 1857 г. В это время Мокрицкий — маститый профессор, представитель официального академизма, не только давно порвавший с венециановцами, но и ставший их художественным антагонистом. Тем не менее он отдавал должное заслугам и личности самого Венецианова, что отразилось в мемуарах. Характерно, что это противоречие отмечали еще современники. Профессор Московского училища живописи, ваяния и зодчества Е. Я. Васильев в письме к скульптору Н. А. Рамазанову писал: «В заключение, Зарянко прочитал свою обычную песню, чтобы устроить класс писания предметов с натуры. Мокрицкий пустил контру-речь, что бесполезно писать коробочки и проч., и проч., а полезнее копировать с отличных образцов ⟨...⟩ речь его была длинная и очень хорошая, а все-таки, между нами сказать, Мокрицкий скотина, читали ли Вы его сочинения о Венецианове и его учениках, где он хвалит ту же методу, которой придерживается Зарянко» (ГИМ, ф. 457, д. 8, л. 40—41).

Почти одновременно с воспоминаниями о Венецианове Мокрицкий написал восторженные мемуары, посвященные памяти К. П. Брюллова. Будучи откровенным «брюлловцем», он невольно сообщил своим «воспоминаниям о Венецианове определенную тенденцию, подвел итог деятельности венециановцев, определив их как «маленькую школу» художников, занимающихся произведением «приятных картинок», по существу далеких от подлинного, большого искусства» (Венецианов в письмах, с. 51—52).

А. М. Эфрос в статье «Венецианов в оценке бывшего ученика» отмечал: «В последнем счете Мокрицкий ошибся во всем и все проиграл: и сам он в памяти поколений остался не столько за свою живопись, сколько за «Воспоминание», и его сверстники по измене интересны преимущественно своими первыми венециановскими произведениями; а главное, то, что он пытался своим очерком доказать,— его транскрипция образа Венецианова — не прошла. В истории русского искусства «Школа Венецианова» пишется с прописной буквы» (Венецианов в письмах, с. 53).

[1] Речь идет о картинах: «Молочница. Крестьянка с подойником», написана не позднее 1826 г. (ГРМ); под названием «Мужичок с топором» в списках произведений Общества поощрения художников значилась литография с картины Венецианова «Захарка», 1825 (ГТГ); «Баба с лукошком грибов,

заснувшая под деревом» — очевидно, «Параня со Сливнева», создана между 1823 и 1826 гг., известна по литографии А. В. Тыранова.

[2] *Бурмейстер Герман* (1807—1892) — немецкий натуралист, в 1837 г. состоял профессором в Гилле, в 1850—1852 и 1856—1860 гг. путешествовал по Южной Америке. В 1861 г. — директор основанного им естественноисторического музея в Буэнос-Айресе. Замечание мемуариста имеет иронический оттенок.

[3] Как полагал А. Н. Савинов, «один художник» — это профессор Академии *А. Е. Егоров* (Савинов, с. 79).

[4] *Матвеев Федор Михайлович* (1758—1826) — живописец-пейзажист. Воспитанник Академии художеств с 1764 по 1778 г. В 1779 г. удостоен большой золотой медали и отправлен в Рим пенсионером Академии художеств. Работал в Германии, Швейцарии и, главным образом, в Италии. Создал многочисленные итальянские пейзажи: «Вид Неаполя» (1806), «Вид на Лаго-Маджора» (1808), «Вид в Сицилии. Горы» (1811), «Вид Рима» (1816) и др.

[5] *Воробьев Максим Никифорович* (1787—1855) — живописец-пейзажист. В 1798 г., как сын «смотрителя материалов» Академии художеств, был принят в число ее воспитанников. Занимаясь под руководством пейзажиста Ф. Я. Алексеева и изучая перспективную живопись у Тома де Томона, неоднократно удостаивался наград и окончил курс с золотой медалью. С 1815 г. начал преподавать в Академии по классу перспективной живописи, в 1823 г. получил звание профессора, в 1831-м — профессора 3-й степени, в 1843-м — заслуженного профессора. Воробьева называли «русским Гранетом».

[6] В каталог Эрмитажа картина Гране была внесена под названием «Внутренний вид хора в церкви капуцинского монастыря на площади Барберини в Риме» (Сомов А. Каталог картинной галереи. Спб., 1895, т. 3, с. 32). Датирована 1818 г. и является пятнадцатым повторением основного варианта, написанного в 1815 г.

[7] *Аврорин Василий Михайлович* (1805—1855) — ученик Венецианова. Певчий митрополита Филарета. С конца 1828 г. по начало 1830-х гг. жил и учился у Венецианова. Известны его работы, выполненные в мастерской художника: «Молодые люди, удящие рыбу из беседки» (1830), «Приемная и кабинет Николая I в Зимнем дворце» (1833). В 1833 г. Аврорин принял сан и уехал в Москву, где получил место дьякона при церкви Воскресения в Баратах (или Кадошове). В этот период им было написано несколько пейзажей Москвы: «Окружность церкви Воскресения в Баратах», «Воробьевы горы», «Запрудная слобода» и другие.

[8] *Игин Федор Иванович* (1816—?) — ученик Венецианова, крестьянин Подгороднего села Яренского уезда Вологодской губернии. Начал посещать рисовальные классы Академии с 1834 г. Вероятно, тогда же стал заниматься и в мастерской Венецианова. В 1837 г. ездил в Тверскую губернию в имение Венецианова, где работал с натуры под руководством учителя. С 1841 г. регулярно занимался в Академии в классе профессора П. В. Басина. Звание свободного художника портретной и исторической живописи получил за «грудное изображение старика, читающего книгу» в 1847 г. (Алексеева, с. 170).

[9] Речь идет о картине «Перспективный вид Эрмитажной библиотеки», 1826 (ГЭ).

[10] В списке работ Зарянко, приведенном Т. В. Алексеевой, упоминается картина с тем же названием и датируется второй половиной 1830-х гг. (Алексеева, с. 185).

[11] Речь идет о выполненной Г. К. Михайловым, А. Н. Мокрицким и другими учениками Венецианова картине «Субботнее собрание у Жуковского», 1836—1837, Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

[12] *Беггров Карл Петрович* (Карл Иоахим) (1799—1875) — литограф и акварелист. Учился в Академии художеств (1818—1821) в классе М. Н. Воробьева. С 1825 г. служил литографом при Главном управлении путей сообщения. В 1828 г. исполнял живописные работы в Зимнем дворце. В 1831 г. удостоен Академией звания «назначенного», а в 1832-м академика за картину «Михайловский дворец». Выполнял серию для «Альбома литографий на 1820-й год» и литографированные «Виды Петербурга и окрестностей» (1821).

[13] *Доменикино (Цампиери Доменико) Цампиери* (1582—1641) — итальянский художник болонской школы. Речь идет о копии, выполненной К. П. Брюлловым с его картины «Евангелист Иоанн».

[14] *Фрейшютц* — «Вольный стрелок» («Волшебный стрелок»), опера К. М. Вебера, либретто Ф. Кинда. На русской сцене с 1824 г.

[15] *Самиель* — «Черный охотник», персонаж оперы «Волшебный стрелок».

[16] В 1832 г. Плахов занимался в Академии художеств в классе пейзажной живописи М. Н. Воробьева. Очевидно, с этими и более поздними пейзажными работами связано упоминание в дневнике Мокрицкого о многих «прелестных и высоких» картинах природы, вышедших из-под кисти Плахова. Тем не менее сколько-нибудь значительных пейзажных изображений художник не создал. Он вошел в историю искусства как жанрист.

[17] *Штернберг Василий Иванович* (1818—1845) — живописец. Воспитанник Академии, занимался в классе М. Н. Воробьева. В 1836—1837 гг. получал серебряные медали за виды Малороссии, откуда был родом. В 1838-м — удостоен золотой медали за картину, упомянутую мемуаристом: «Освещение пасок в Малороссии». Украинские пейзажи и жанровые композиции Штернберга высоко оценивал К. П. Брюллов, говоря, что в одном его эскизе он «видит всю Малороссию» (Брюллов К. П. в письмах, документах и воспоминаниях современников. Сост. и авт. вступ. статьи Н. Г. Машковцев. М., 1952, с. 143). В 1839 г. Штернберг получил звание свободного художника и по приглашению В. И. Даля совершил поездку в Оренбург. Предполагалось, что, как рисовальщик, он будет прикомандирован к Хивинской экспедиции, но из-за болезни в путешествии не участвовал. В 1840 г. художник отправился в Рим в качестве пенсионера Академии. Там он и умер.

Земляк и близкий приятель мемуариста, Штернберг постоянно посещал его мастерскую. Известна его карикатура на Мокрицкого, пишущего пейзаж (1844). Хороший знакомый М. И. Глинки и Н. В. Гоголя, с которым в 1838 г. он вместе гостил в имении Г. С. Тарновского, Штернберг был особенно дружен с Т. Г. Шевченко. Писатель с большой теплотой отзывался о нем в автобиографической повести «Художник». Свидетельств о личном знакомстве Штернберга с Венециановым не сохранилось; но надо думать, они виделись у общих знакомых и в стенах Академии.

[18] Неудачу с академической программой «Велизарий с проводником» Мокрицкий объясняет тем, что в тогдашней Академии «римские тоги не давали хода национальной русской самобытности». Между тем в действительности дело обстояло иначе. Жанрист Плахов справился с заданной академической программой в первый же год своего пребывания в Академии. Его картина «Велизарий с мальчиком, просящим милостыню» была удостоена второй серебряной медали. Стремление Мокрицкого к созданию целостного

образа художника-бытописателя простонародной жизни заставило мемуариста погрешить против истины и объяснялось той репутацией жанриста, которая прочно укрепилась за Плаховым. Это широко распространенное мнение, очевидно, повлияло и на Мокрицкого, когда он писал свои «Воспоминания». Образ яркого национального таланта, созданный мемуаристом, по-видимому, заслонил истинный, более прозаический и жизненный тип художника, что и повлекло за собой искажение фактов. В действительности же Плахов в Академии художеств преуспевал так же, как и в мастерской Венецианова. В 1833 г. он получил благодарность за две «перспективы» и вторую серебряную медаль за экзамен; в 1835 г. — две вторых золотых медали и, наконец, в 1836 г. «за успехи в пейзажной живописи и в науках и за похвальное поведение» удостоился звания классного художника 1-ой степени. Следовательно, отношения Плахова с Академией не носили того характера «безнадежного непонимания», который складывается из «Воспоминаний» Мокрицкого.

Отъезд за границу также был вызван не столько огорчениями, причиненными Академией, сколько предложением почитателя таланта Плахова, члена Общества поощрения Н. М. Смирнова.

[19] *Смирнов Николай Михайлович* (1808—1870) — чиновник Министерства иностранных дел, служил при русской миссии во Флоренции (1825—1828), с 1829 г. состоял калужским, а затем петербургским губернатором. Служил при Азиатском департаменте в Петербурге (с февраля 1832 г.), при русской миссии в Берлине (1835—1837).

Смирнов был членом Общества поощрения художников, откуда и знал Плахова. Обеспечив художнику поездку в Дюссельдорф, он вскоре не смог его субсидировать и, возможно, просил Жуковского позаботиться о своем подопечном, что тот и сделал. С Жуковским их связывало давнее знакомство: Смирнов был женат на А. О. Россет, приятельнице Пушкина и Жуковского. Сообщения Смирнова и письма Жуковского находятся в материалах архива Общества поощрения художников (ЛГИА, ф. 448, оп. I, № 150 и др.). Венецианов, по всей вероятности, знал Смирнова, как члена Общества, заботящегося об его учениках.

[20] *Рибера Хусепе де* (1591—1652) — испанский художник.

[21] *Сурбаран (Зурбаран) Франсиско* (1598—1614) — испанский художник.

[22] *Крендовский Евграф Федорович* (1810 — после 1853) — ученик Венецианова. Служащий арзамасской городской полиции, учился в школе Ступина. В феврале 1830 г. приехал в Петербург. В марте того же года начал посещать рисовальные классы Академии художеств и одновременно занимался в мастерской Венецианова. На академических выставках 1830—1834 гг. Крендовский экспонировал свои работы. Ему же принадлежит изображение группы художников-венециановцев — Г. Г. и Н. Г. Чернецовых, А. П. Сапожникова, В. П. Лангера, литографированное Кашиным и известное под названием «Семь часов вечера» или «Литературный вечер». В своем ученике Венецианов отмечал тонкое художественное чутье и дарование. Тем не менее Крендовский в 1835 г. вынужден был покинуть Петербург и вернуться на родину. Там, в селе Мануйлове Кременчугского уезда Полтавской губернии, преподавал он рисование в доме помещицы В. М. Остроградской. В 1839 г. получил звание свободного художника. Остальные годы жизни провел на Украине, где имел своих учеников. Работал в области портретной и жанровой живописи; известен как мастер изображения провинциального быта.

[23] Об оценке Мокрицким школы Венецианова (Венецианов в письмах, с. 90).

[24] *Иванов Александр Андреевич* (1806—1858) — исторический живописец, сын художника А. И. Иванова. Воспитывался в Академии. С 1830 г. работал в Италии, где создал свое известное произведение «Явление Христа народу».

В одном из писем к отцу (1837) Иванов писал: «...Вы, кажется, очень довольны Венецианова картиной «Больная принимает св. тайн» («Причащение умирающей», ныне — ГТГ), и очень справедливо: талант Венецианова заслуживает замечания, он умеет сойтись с людьми, с которыми живет. Но Венецианов не имел счастья развиться в юности, пройти школу, иметь понятие о благородном и возвышенном, и потому он не может вызвать из прошлых столетий важную сцену на свой холст» (Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806—1858 гг. Издал Михаил Боткин. Спб., 1880, с. 115).

Иванов воспринимал картину Венецианова согласно собственным представлениям об исторической картине, в которую вкладывал глубокое идейное содержание. Произведение Венецианова —«Причащение умирающей»— могло быть лишь формально, по академическим понятиям иерархии жанров, отнесено к разряду исторических картин. В ней преобладало жанровое начало, свойственное всему творчеству художника.

[25] *Завьялов Федор Степанович* (1810—1856) — исторический живописец. Поступил в Академию в 1821 г. В 1836 г. удостоен большой золотой медали за картину «Самсон, разрушающий храм филистимлян». Послан пенсионером в Италию, где оставался до 1843 г. По возвращении в Россию удостоен звания академика (1844) за картины «Сошествие Христа во ад» и «Абадонна». Преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1844—1848). С 1853 г. — профессор, в 1855-м — приглашен в Академию, где преподавал историческую живопись.

[26] *Шамшин Петр Михайлович* (1811—1895) — исторический живописец. С 1821 г. — воспитанник Академии художеств. Удостаивался серебряных медалей (1827, 1831). В 1833 г. за картину «Гектор, упрекающий Париса» получил вторую золотую медаль, в 1836-м — первую золотую за «Избиение детей Ниобеи». Командирован за границу. По возвращении из Рима в 1843 г. преподавал в Академии историческую живопись. В 1844 г. удостоен звания академика, в 1853-м — профессора, в 1883-м — назначен ректором живописи и скульптуры.

[27] *Лебедев Михаил Иванович* (1811—1837) — художник-пейзажист, состоял рисовальщиком при Дерптском университете. В 1829 г. ученик Академии по классу профессора М. Н. Воробьева. Удостаивался наград. В 1833 г., получив золотую медаль за «Вид в окрестностях Ладожского озера», отправлен пенсионером в Италию, где и умер в Неаполе, во время холеры.

[28] *Щедрин Сильвестр Федосеевич* (1791—1830) — художник-пейзажист. С 1800 г. воспитанник Академии по классу пейзажной живописи Семена Щедрина, своего дяди, а затем М. Иванова. В 1809 г. удостоен второй золотой медали, в 1812-м — первой золотой медали за картину «Вид Петровского острова в Петербурге». В 1818 г. послан пенсионером в Италию. Умер в Сорренто.

[29] *Айвазовский Иван Константинович* (1817—1900) — художник-маринист. Родился в Феодосии. В 1833 г. определен в Академию, в класс М. Воробьева. Неоднократно удостаивался наград (1836, 1837). В 1839 г. командирован для работы за границу, побывал в нескольких странах. По возвращении (1844) удостоен звания академика, в 1847 г. получил профессорское звание. Много путешествовал и работал в России и за границей.

[30] *Бруни Федор Антонович* (1799—1875) — исторический живописец. Воспитанник Академии. В 1818 г., не конкурируя на золотую медаль, отправился в Рим на средства отца. За картину «Смерть Камиллы» (1824), присланную в Академию из-за границы, был удостоен звания академика (1834). В 1836 г. вызван из Италии в Петербург для выполнения работ в Исаакиевском соборе, удостоен звания профессора. В том же 1836 г. вновь уехал в Италию, где продолжал писать свое известное произведение «Медный змий» (1826—1841). В 1845 г. окончательно вернулся в Россию. Состоял хранителем Эрмитажа (1849—1864), профессором и ректором живописи и ваяния Академии (1855—1871).

[31] *Басин Петр Васильевич* (1793—1877) — исторический живописец. Воспитанник Академии, которую окончил в 1818 г. по классу профессора В. К. Шебуева. В качестве пенсионера командирован в Италию, где пробыл до 1830 г. Вернувшись, получил звание академика, в 1836 г. назначен профессором второй степени, в 1846-м — первой степени, в 1856-м — заслуженный профессор. Преподавал историческую живопись, работал над образами в Исаакиевском соборе. В 1869 г. потерял зрение и вышел в отставку.

[32] *Марков Алексей Тарасович* (1802—1878) — исторический живописец. Воспитанник Академии (с 1813 г.). В 1830 г., получив золотую медаль за картину «Беседа Сократа с учениками перед смертью», был отправлен в Италию. В 1836 г. за присланную из-за границы программу «Фортуна и нищий» удостоен звания академика. Вернулся в Россию в 1841 г. Получил профессорское звание (1842 — первая степень, 1852 — вторая). Работал над образами для Исаакиевского собора. В 1878 г. вышел в отставку.

[33] *Виллевальде Богдан Павлович* (1818—1903) — художник-баталист. Родом из Баварии. Воспитанник Академии (с 1838) по классам К. П. Брюллова и А. И. Зауервейда. В 1842 г. за картину «Битва при Фершампенуазе» получил первую золотую медаль и в качестве пенсионера отправлен за границу. В 1845 г. отозван для выполнения работы, начатой умершим Зауервейдом. Тогда же удостоен звания академика. В 1848 г. — профессор второй степени. С 1849 г. прикомандирован к действующей русской армии: сначала в Венгрию, потом на Дунай, в Севастополь, на Кавказ, в Малую Азию. В 1894 г. вышел в отставку.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО. ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ «ХУДОЖНИК», 1856

Автограф (черновой) в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. Публиковалось впервые: Киевская старина, 1887, № 1—3. Печатается по: Шевченко Т. Г. Собр. соч. М., 1965, т. 4, с. 145—146, 155—160, 168—169, 170—172.

Повесть написана по-русски 25 января — 4 октября 1856 г. во время ссылки — в Новопетровском укреплении. Исследователями творчества писателя неоднократно ставился вопрос о достоверности фактов, изложенных в произведении. Повесть не является полностью автобиографической, хотя публикуемые отрывки носят мемуарный характер. Образ Венецианова, созданный Шевченко,— один из самых удачных в мемуарной литературе о художнике. Без излишней утрировки — как то было в воспоминаниях племянника и дочери художника — показаны качества Венецианова-человека: его житейский ум, способность трезво оценивать ситуацию, умение вести деловые переговоры.

Повествование ведется от лица И. М. Сошенко. Сошенко Иван Максимович (1806—1876) — художник. Учился в Академии с 1835 г. За «Портрет мас-

ляными красками с натуры» (1838) удостоен звания свободного художника. Друг Шевченко. В тексте о Шевченко идет речь в третьем лице (по фамилии не называется).

[1] *Шевченко Тарас Григорьевич* (1814—1861) — поэт, прозаик, живописец и офортист. Родился в семье крепостного крестьянина в селе Моринцы Звенигородского уезда Киевской губернии. В четырнадцать лет был взят в «казачки» к помещику П. В. Энгельгардту в село Вильшана. Вместе с помещиком в 1829 г. переехал в Вильно, а затем, в 1831 г., в Петербург. Заметив художественные наклонности своего крепостного, помещик решил из «казачка» сделать домашнего живописца и отдал его на обучение цеховому мастеру живописного и малярного цеха В. Г. Ширяеву. В числе подмастерий Ширяева Шевченко работал над росписями плафона Большого театра. К этому времени относится его знакомство с художником И. М. Сошенко, при посредстве которого установилась многолетняя связь юного живописца с К. П. Брюлловым, В. А. Жуковским, А. Г. Венециановым и другими. Благодаря их хлопотам Шевченко был освобожден из крепостной зависимости и в 1839 г. зачислен посторонним учеником в Академию художеств. Занимаясь под руководством К. П. Брюллова, он трижды удостаивался серебряной медали, а в 1845 г. получил звание неклассного художника живописи исторической и портретной. В 1847 г. был арестован за «возмутительные» стихи и отправлен в Оренбургский отдельный корпус «под строжайший надзор», с запретом «писать и рисовать». В 1858 г. освобожден при содействии художника Ф. П. Толстого. В 1860 г. получил звание академика по гравюре.

[2] *Владиславлев Владимир Андреевич* (1807—1856) — беллетрист, издатель альманаха «Утренняя заря» (1839—1843), автор книги «Повести и рассказы» (Спб., 1835), собиратель рисунков; адъютант Бенкендорфа, жандармский полковник.

Речь идет о рисунке сепией «Турчанка в гареме» (лежащая на диване). Гравюра с этой сепии, выполненная для издания Владиславлева, появилась в альманахе «Утренняя заря за 1840 год» и в сборнике «Северное сияние» (1864, т. III, с. 373).

[3] Речь идет о рисунке к картине «Мать, учащая детей молиться», не позднее 1837 (ГТГ).

[4] *Энгельгардт Павел Васильевич.*

[5] Слуга К. П. Брюллова.

[6] *Липин Илья Иванович* — крепостной графа Мусина-Пушкина, учился живописи в Московских художественных классах. К. П. Брюллов, будучи в Москве в 1836 г. заметил Липина, хлопотал о его освобождении, вызвал в Петербург, где определил в Академию. В 1839 г. Липин получил звание свободного художника. Две его картины: «Молящийся старик» и «Сладкие воды в Константинополе», копия с работы К. П. Брюллова, находились в коллекции Ф. И. Прянишникова, поступившей в Румянцевский музей.

[7] Известный в 1830—1840-х гг. магазин художественных принадлежностей.

[8] *Жуковский Василий Андреевич* (1783—1852) — поэт, переводчик, близкий друг Пушкина и его старших современников — Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского, братьев Тургеневых. Частый посетитель Академии художеств, он не пропускал ни одного значительного явления, происходившего в стенах Академии: его видели на выставках, торжественных актах, в мастерских художников. Почетный вольный общник Академии, он нередко бывал у Ф. П. Толстого, К. П. Брюллова, В. И. Григоровича.

Сам хороший рисовальщик, Жуковский оценивал профессиональный уровень работ молодых художников: и суд его подчас не отличался снисходительностью. Будучи воспитателем наследника, Жуковский представлял их работы великому князю.

[9] Неточная цитата из «Энеиды» И. П. Котляревского (часть IV, с. 26):

Коли чого в руках не маеш,
То не хвалися, що твое.

[10] Речь идет о копии К. П. Брюллова с картины Доменикино «Евангелист Иоанн», известной во времена Шевченко по гравюре немецкого художника Иоганна Миллера (1747—1830).

[11] Цитата из перевода В. А. Жуковского стихотворения немецкого поэта Иоганна Петера Гебеля «Овсяный кисель».

V ПРИЖИЗНЕННАЯ КРИТИКА

П. П. СВИНЬИН. ВЗГЛЯД НА НОВЫЕ ОТЛИЧНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ, НАХОДЯЩИЕСЯ В С. ПЕТЕРБУРГЕ. 1824

Отечественные записки, 1824, № 48, апр., с. 163—165

[1] *Свиньин Павел Петрович* (1787—1839) — литератор, историк, художник, путешественник, собиратель древностей, издатель журнала «Отечественные записки» (1818—1838). Воспитывался в Благородном пансионе при Московском университете. По окончании начал серьезно заниматься живописью и посещать классы Академии художеств. В 1810 г. за две картины (пейзаж и жанровую сцену) получил звание «назначенного». 1 сентября 1811 г. был избран в академики.

В 1820 г., с организацией Общества поощрения художников, он стал деятельным его членом, а в 1827 г. был принят в почетные вольные общники Академии. Существенным вкладом в историю собирательства русского искусства было открытие Свиньиным в 1819 г. первого национального музея. «Однако же, сколько ни было доброй воли, решимости и охоты к своему делу у Свиньина,— писал В. В. Стасов,— но денег у него было мало, и, просуществовав всего десять лет на свете, «Русский музей» был распродан в розницу в 1829 году» (Стасов В. В. П. М. Третьяков и его картинная галерея.— Русская старина, 1893, XII, с. 586—587).

Журнал «Отечественные записки», издаваемый Свиньиным, просуществовал два десятилетия; в 1838 г. был передан А. А. Краевскому. Оставив дела, Свиньин удалился в свою деревню Костромского уезда, близ города Галича.

Сочетая в себе одновременно литератора и художника, Свиньин был близок к кругу венециановцев уже тем, что их объединяла приверженность к русской школе живописи. Недаром в картине «Мастерская художников Чернецовых», написанной учеником Венецианова А. В. Тырановым в 1828 г., Свиньин изображен среди них.

[2] *Вильке Давид* (1785—1841) — английский живописец, шотландец, сын священника, автор жанровых композиций из народного быта: «Ярмарка», «Слепой скрипач», «Деревенские политики». Много путешествовал по Европе, после чего стал отдавать предпочтение исторической и портретной живописи.

[3] *Мьерис (Миерис)* — Миерисы, семейство нидерландских живописцев. *Франц ван* (1635—1681), его сын *Ян ван* (1660—1690), *Виллъям ван* (1662—1747) и *Франц ван* (1689—1763) — жанристы и портретисты.

[4] «Хозяйка, раздающая бабам лен» — иначе «Утро помещицы», 1823 (ГРМ); «Мальчик, проливший бурачок с молоком» — иначе «Вот-те и батькин обед», 1824 (ГТГ).

В. И. ГРИГОРОВИЧ. ХУДОЖЕСТВА В РОССИИ. 1825

Журнал изящных искусств, 1825, кн. 1, с. 56—57; кн. 2, с. 74. Подпись под статьей: «Издатель».

[1] «Портрет крестьянина», «Портрет крестьянки», начало 1820-х гг.

[2] «Вот-те и батькин обед», 1824 (ГТГ) и «Мальчик, свивающий в клубок лыки», начало 1820-х гг.

[3] «Параня со Сливнева», начало 1820-х гг., известна в литографии Малинина, конец 1825 — январь 1826 г. (Местонахождение оригинала неизвестно).

[4] «Крестьянка, расчесывающая лен в избе» (иначе — «Анисья»), 1822 (ГТГ).

[5] *Остаде Адриан ван* (1610—1685) — голландский живописец, рисовальщик, офортист. Посвятил свое творчество изображению быта и нравов голландского крестьянина. Известнейшие из его картин: «Деревенские музыканты» (1655), «Крестьянское общество» (1661), «Крестьяне в шинке» (1662) и другие.

[6] «Вот-те и батькин обед», 1824 (ГТГ).

[7] «Мальчик, свивающий в клубок лыки», начало 1820-х гг.

[8] «Портрет А. М. Полторацкого», 1820-е гг.

Полторацкий Алексей Маркович — действительный статский советник, предводитель дворянства Тверской губернии с 1815 по 1822 и с 1830 по 1839 г. Знакомый Венецианова, о котором он упоминает в письмах к Милюковым.

В. И. ГРИГОРОВИЧ. О СОСТОЯНИИ ХУДОЖЕСТВ В РОССИИ. 1826

Северные цветы на 1826 год. Спб., 1826, с. 84—85. Статья подписана: «В.. ....—».

[1] «Гумно», 1822—1823 (ГРМ); «Спящий пастушок», между 1823—1826 гг. (ГРМ); «Деревенское утро. Семейство за чаем», между 1823—1826 гг.

П. П. СВИНЬИН. ВЫСТАВКА В АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ. 1827

Отечественные записки, 1827, ч. 32, № 8, с. 154—155, 316—326.

[1] *Дезарно Август Осипович* (1788—1840) — французский художник, пейзажист, работавший в России с 1812 г.

[2] *Рабус Карл (Вильгельм) Иванович* (1799—1857) — живописец-пейзажист, педагог. В 1821 г. закончил Академию, в 1827-м — удостоен звания академика. Преподавал в Московском училище живописи и ваяния, а позднее в Строгановском училище (Второй школе технического рисования). Под влияние романтических пейзажей Рабуса попадали некоторые из учеников Венецианова; так, в «рабусовском духе» были написаны пейзажи Л. К. Плахова второй половины 1830-х гг. Надо полагать, Венецианов интересовался не столько пейзажной живописью Рабуса, сколько его разработкой теории перспективы, а также сатирической графикой, в области которой художник про-

являл большое мастерство. О связях Венецианова с Рабусом свидетельствует надпись на картине начала 1840-х гг. «От земли на небо» (ныне — ГТГ), которую автор подарил с посвящением, процарапанным по сырому холсту: «Доброму К. И. Рабусу Венецианов» (Савинов, с. 218).

[3] Дата указана ошибочно. Описываемые события происходили годом раньше. (Письмо Венецианова в Общество поощрения художников, с. 187—188 данного издания; Алексеева, с. 149).

[4] *Тыранов Михаил Васильевич* — брат ученика Венецианова А. В. Тыранова, живописец-подмастерье. Из его работ, выполненных, очевидно, совместно с Н. С. Крыловым, известны композиции на религиозные сюжеты: «Исцеление расслабленного в городе Бежецке» и «Исцеление бежецкого помещика Куминова» (ГТГ).

[5] «Вид на реке Тосно», 1827 (ГРМ); «Два портрета» — это, возможно, выполненные приблизительно тогда же картины «Старуха» (1826—1828) и «Старик» (1827).

[6] «Вид палисадника при квартире Венецианова с изображением двух детей», 1825—1826.

[7] «Зимний пейзаж. (Русская зима)». 1827 (ГРМ).

[8] *В.С.Б.* — лицо неустановленное.

[9] «Портрет купца Чернятинского», 1827.

[10] *Перуджино Пьетро (Пьетро Ванучии)* (1450—1523) — итальянский художник, флорентиец, стоял во главе большой мастерской. Создатель знаменитых фресок Сикстинской капеллы.

[11] Речь идет о картине А. А. Алексеева «Мастерская Венецианова», 1827 (ГРМ).

[12] Речь идет о *Ларионове*, офицере Преображенского полка. Занимался в мастерской Венецианова с 1827 г. Начав со штудий гипсовых голов, быстро перешел к натурным постановкам.

[13] Какое именно издание имеется в виду — не установлено.

ПОСЕЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ. 1827

Северная пчела, 1827, № 112, 121.

Публикуемый фрагмент представляет собой часть большого обзора, состоящего из нескольких статей. Первая статья (Северная пчела, 1827, № 110) была написана Ф. В. Булгариным; последующие, как объявил Булгарин, «будут написаны другим лицом». В их число входит и обзор работ Венецианова. Автор не установлен.

[1] «Портрет П. В. Хавского», 1827 (Новгородский государственный объединенный музей-заповедник).

Хавский Петр Васильевич (1771—1876) — законовед. В начале 1820-х гг. возглавлял издание «Собрания российских законов». Автор многочисленных трудов по истории российского законодательства и геральдике. Действительный член Общества истории и древностей российских.

В 1826 г. Венецианов писал портрет дочери Хавского — Настеньки.

О НОВОУСТРОЕННОЙ ЦЕРКВИ ПРИ ОБУХОВСКОЙ ГРАДСКОЙ БОЛЬНИЦЕ. 1829

Северные цветы на 1829 год, Спб., 1828, с. 242—244. Статья без подписи. Возможно, принадлежала перу П. П. Свиньина.

Заказ для «новоустроенной церкви при Обуховской больнице» Венецианов получил для своих учеников через попечителя больницы А. Д. Стога. Знакомство со Стогом относится к концу 1810-х гг. Член-корреспондент по ученой части Человеколюбивого общества, Стог был связан с Венециановым и по делам Общества учреждения училищ по методе взаимного обучения, а позднее через общих знакомых, одним из которых был И. В. Бугаевский-Благодарный, соученик Венецианова по мастерской Боровиковского.

[1] *Травин Алексей Иванович* (1801—1867) — воспитанник Академии художеств. В 1832 г. удостоен звания художника живописи комнатной и декоративной; в 1841 г. посещал скульптурный класс, за фигуру «Икар» удостоен в 1842 г. второй серебряной медали. С 1859 г. — «назначенный» по живописи плафонной.

А. Ф. ВОЕЙКОВ. О ВЫСТАВКЕ В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ В 1830 ГОДУ

Русский инвалид, 1830, № 248, с. 990—991; № 249, с. 997.

[1] *Воейков Александр Федорович* (1777—1839) — поэт, критик, журналист, переводчик, ординарный профессор Дерптского университета (1814—1820), издатель (совместно с Н. И. Гречем) «Сына отечества» (1821—1822), «Русского инвалида» (1822—1838), «Новостей литературы» (1822—1826), «Славянина» (1827—1830), «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду» (1831—1837), член литературного общества «Арзамас» и Российской академии, автор сатиры «Дом сумасшедших».

Воейков проявлял большой интерес к художественной жизни Петербурга. Он доброжелательно относился к Венецианову и его ученикам. Показательно, что автор сразу отделил венециановцев от академического направления, повод чему давала сама экспозиция, делившаяся на правую — академическую — сторону и левую, почти половину которой занимали произведения венециановцев. Академическая выставка 1830-го г. позволила Воейкову высказать собственную точку зрения на место Венецианова в русском искусстве. Высокая оценка, данная Воейковым в издаваемом им печатном органе, означала признание венециановцев как школы.

Позднее, в 1831 г., Венецианов обратился с «Письмом» к А. Ф. Воейкову, как к издателю «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду». Письмо это, содержащее художественное «кредо» Венецианова, было опубликовано адресатом.

[2] «Очищение свеклы», не позднее 1822 г. (ГРМ).

[3] «Спящий пастушок», между 1823—1826 гг. (ГРМ).

А. РАЧИНЬСКИЙ. ИЗ «ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА В ГЕРМАНИИ», РАЗДЕЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСКУССТВУ В РОССИИ. 1841

[1] Histoire de l'art moderne en Allemagne par le Comte Athanasie Raczynski. T. 1—3. Paris, 1836—1841. (Сурис Б. Д. Русская живопись XIX века в польской художественной критике. — В кн.: Советское искусствознание, 1979, с. 346).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СВЕДЕНИЯ О ГЕНЕАЛОГИИ РОДА ВЕНЕЦИАНОВЫХ, СООБЩЕННЫЕ П. Н. ПЕТРОВЫМ. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО (СХЕМА)

П. Н. Петров, по его словам, пользовался «новыми, открытыми лично нами, известиями о роде Венециановых, его собственными отрывочными указаниями в разных бумагах да воспоминаниями дочери». Опираясь на эти источники, исследователь сообщал: «Сын Ивана Проко, Федор Венециано, переселился в Россию с женою своею гречанкою же, Еленой, в 1730—1740-х годах и поселился в Нежине. У Федора и Елены (по смерти мужа постригшейся в киевском Свято-Флоровском монастыре в 1781 г., имея более 60-ти лет от роду) были дети Андрей, как кажется, да Георгий, в 1759 году давно женатый на Екатерине Маркович. Она получила от брата, значковского товарища Михаила Марковича (по записи 9-го января 1759 г.), хутор Веприк в монастырской сотне Прилуцкого полка (Нежинского уезда). Андрея Федоровича сын, Семен Андреевич Венецианов, родился в 1773 году и был в царствование Александра I надворным советником. Он жил в Петербурге в собст-

венном доме на Васильевском острове, в Благовещенском приходе и служил в Межевой канцелярии. В браке с Александрою Сидоровной имел Семен Андреевич дочь Александру (род. 1803 г.) и сына Андрея (род. 1813 г.); что с ними сделалось, найти нам покуда не удалось.

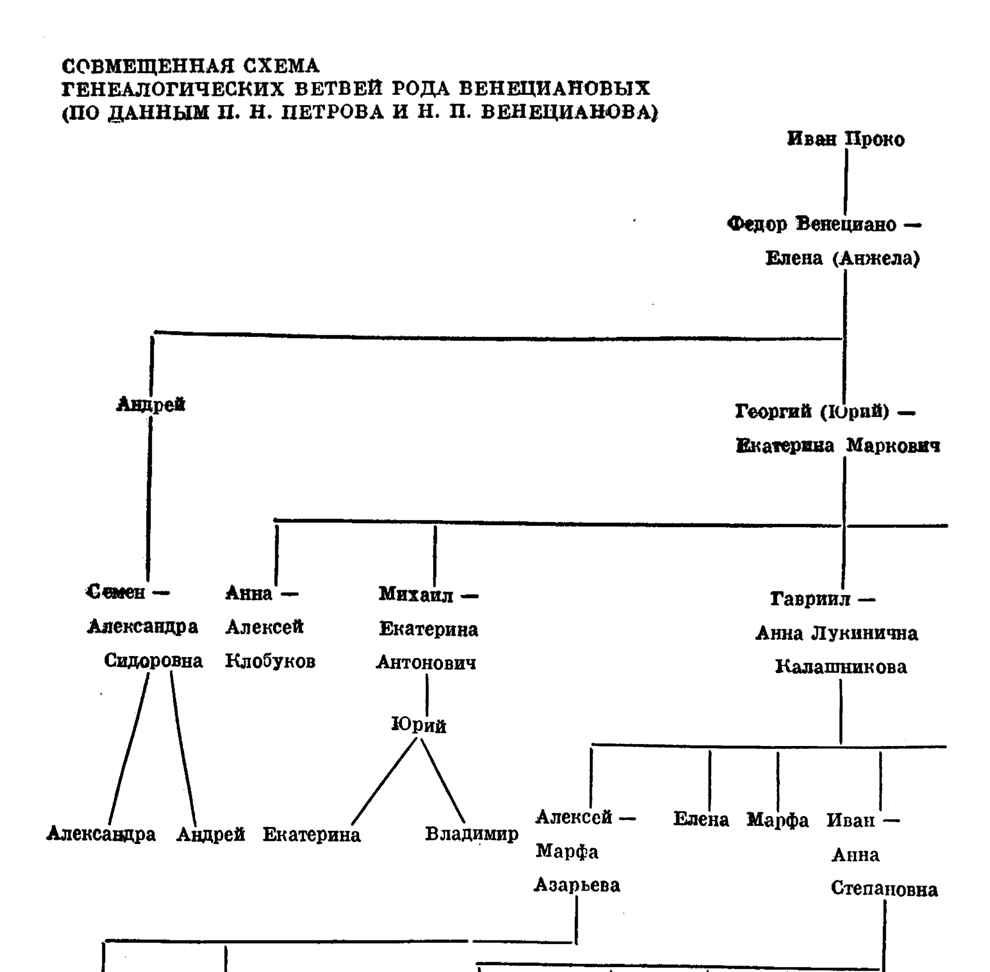
Георгий Федорович от Екатерины Маркович имел дочь Анну за майором Алексеем Клобуковым, да сыновей Михаила и Гавриила. Михаил, старший, женатый на Екатерине Антонович, владел родительским хутором в Нежинском уезде. На хуторе Куриковском у него было 37 душ женского пола и 38 душ мужского пола, и, по наследственному имению, Михаил Венецианов (умерший ранее 1808 г.) считался дворянином между греками, заявлявшими даже, что род Проко в Эпире был влиятельный и почетный. Такое заявление прямо написано было греческим магистратом, и по этому заявлению Черниговское дворянское депутатское собрание включило Венециановых в родословную дворянскую книгу свою в 1794 г. Между тем младший сын Георгия Федоровича Венецианова, Гавриил Юрьевич, род[ившийся] в 1752 г., переселился в Москву, приписался в купцы второй гильдии, женился, не ранее 1778 г., на Анне Лукиничне, десятью годами моложе его, и стал жить в своем доме в Воронцовской улице в приходе Воскресения на Таганке (тогда в 3-м квартале XVII части, а теперь в 4-м квартале Рогожской части).

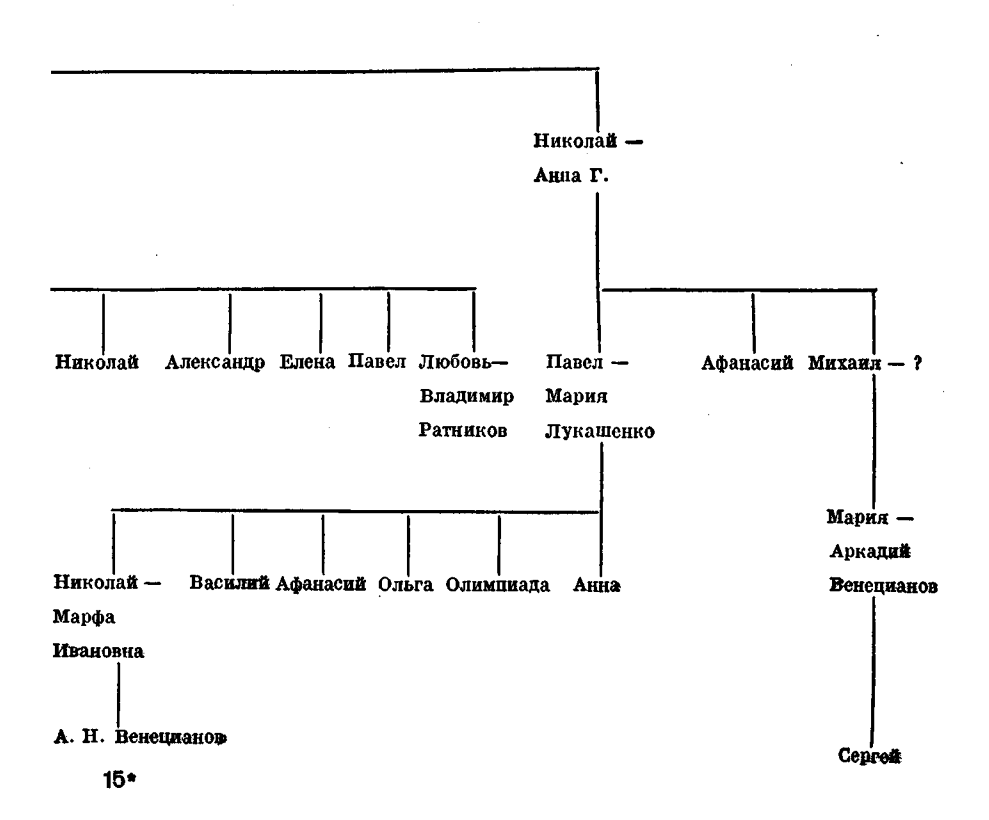
Живя здесь, он был обрадован рождением первого сына, 12 февраля 1780 года, по имени празднуемого святого названного Алексеем. Через пять лет родился третий сын (27 дек. 1785 г.) Иван Гаврилович, как и отец, московский купец второй гильдии. Иван Гаврилович Венецианов от брака с Анною Степановною имел трех сыновей: Аркадия (родившегося в 1816 г. и умершего ранее 1850 г., холостым), медика, воспитывавшегося в Московском университете и служившего в градской больнице; Клавдия (р. 1819 г.), служившего в гражданской службе, без чина, в Москве; Сергея (род. 1826 г.) и дочь Софью (р. 1821 г.). Иван Гаврилович умер пятидесяти лет от роду (23-го апреля 1835 г.), раньше отца. Вместе с Иваном в Москве торговали записанный в дворянское сословие Черниговской губернии Юрий Михайлович (род. 1778 г. и живший еще в 1842 г.), считаясь в столице купцом третьей гильдии, имея двоих детей: дочь Екатерину и сына Владимира, в военной службе.

Московским Венециановым Сенат в 1844 г. отказал в дворянстве, по неимению доказательств на это достоинство. Тогда как не хлопотавший о дворянстве Алексей Гаврилович Венецианов, определенный в гражданскую службу, впрочем, как дворянин, имел дворянство по ордену Владимира 4-й степени, но не просил о присвоении его потомству...»

Петров, с. 269—270.

**СОВМЕЩЕННАЯ СХЕМА
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ВЕТВЕЙ РОДА ВЕНЕЦИАНОВЫХ
(ПО ДАННЫМ П. Н. ПЕТРОВА И Н. П. ВЕНЕЦИАНОВА)**




Николай —
Анна Г.
Николай
Александр
Елена
Павел
Любовь—
Владимир
Ратников
Павел —
Мария
Лукашенко
Афанасий
Михаил — ?
Николай —
Марфа
Ивановна
Василий
Афанасий
Ольга
Олимпиада
Анна
Мария —
Аркадий
Венецианов
А. Н. Венецианов
Сергей

2. ВЫПИСКА ИЗ ИСПОВЕДАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ ЗА ТАГАНСКИМИ ВОРОТАМИ

В исповедных ведомостях Московской Воскресенской, что за Таганскими воротами, церкви за нижеозначенные годы в числе прихожан писаны:

1779. Нежинский купец грек Гаврила Юрьев — 25, жена его Анна Лукина — 16, свойственник их московский купец Макар Иванов — 32, жена его Софья — 30, дети их: Иван — 4 и Марфа — 5 лет.

1780. Нежинский купец грек Гаврила Юрьев — 28, жена его Анна Лукина — 18, свойственник их московский купец Макар Иванов — 34, жена его Софья Екимова — 32, сын их Иван — 6, дочь Марфа — 7 лет.

1783. Нежинский купец грек Гаврила Юрьев — 32, жена его Анна Лукина — 21, дети их: Алексей — 4, Елена — 2 лет; нежинский купец Дмитрий Степанов — 23 лет.

1784. Московский купец грек Гаврила Юрьев — 32, жена его Анна Лукина — 22 лет, дети их: Алексей — 5, Елена — 3 лет. Нежинский купец Дмитрий Степанов — 24 и нежинский купец Степан — 25 лет.

1785. Московский купец Гаврила Юрьев — 33, жена его Анна Лукина — 22 лет, дети их: Алексей — 6, Елена — 4 лет. Нежинский купец Дмитрий Степанов — 25 и Степан — 26 лет.

1786. Московский купец грек Гаврила Юрьев — 34, жена его Анна Лукина — 24, дети их: Алексей — 7, Елена — 5 лет.

1787. Московский купец Гаврила Юрьев — 35, жена его Анна Лукина — 25, дети их: Алексей — 8, Марфа — 4, Иван — 3 и Николай — 2 лет; у Марфы, Ивана и Николая в книге лета написаны по чищенному.

1788. Московский купец Гаврила Юрьев — 36, жена его Анна Лукина — 26, дети их: Алексей — 9, Марфа — 5 и Николай — 3 лет.

1789. Московский купец Гаврила Юрьев — 37, жена его Анна Лукина — 27, сын их Алексей — 10 лет.

1790. Московский купец Гаврила Юрьев Венецианов — 38, жена его Анна Лукина — 28, дети их: Алексей — 11, Николай — 6, Иван — 5 и Марфа — 7 лет.

1791. Московский купец Гаврила Юрьев сын Венецианов — 39, жена его Анна Лукина — 29, дети их: Алексей — 12, Николай — 7 и Иван — 6 лет.

1792. Московский купец Гаврила Юрьев Венецианов — 40, жена его Анна Лукина — 30, цети их: Алексей — 13, Николай — 8, Иван — 7, Марфа — 9 лет.

1793. Московский купец Гаврила Юрьев сын Венецианов — 41, жена его Анна Лукина — 31, дети: Алексей — 14, Николай — 9, Иван — 8, Александр — 3 и Марфа — 8 лет.

1794. Московский купец Гаврила Юрьев сын Венецианов — 42, жена его Анна Лукина — 32, дети их: Алексей — 15, Николай — 10, Иван — 9, Александр — 4 и Марфа — 9 лет.

1795. Московский второй гильдии купец Гаврила Юрьев сын Венецианов — 43, жена его Анна Лукина — 33, дети их: Алексей — 17, Николай — 11, Иван — 10, Марфа — 10 и Елена — 4 лет.

1796. Московский второй гильдии купец Гаврила Юрьев Венецианов — 44, жена его Анна Лукина — 34, дети их: Алексей — 17, Николай — 12, Иван — 11, Марфа — 11 и Елена — 5 лет.

1797. Московский второй гильдии купец Гаврила Юрьев Венецианов — 45, жена его Анна Лукина — 35, дети их: Алексей — 18, Николай — 13, Иван — 12, Марфа — 12 и Елена — 6 лет.

1798. Московский второй гильдии купец Гаврила Юрьев Венецианов — 46, жена его Анна Лукина — 36, цети их: Алексей — 19, Николай — 14, Иван — 13, Марфа — 13 и Елена — 7 лет.

1799. Московский второй гильдии купец Гаврила Юрьев Венецианов — 47, жена его Анна Лукина — 37, дети их: Алексей — 20, Николай — 15, Иван — 14, Марфа — 14 и Елена — 8 лет.

В исповедных ведомостях означенной Воскресенской церкви за 1770, 1771, 1772, 1773, 1774, 1775, 1776, 1777 и 1778 годы купца Гаврилы Юрьева Венецианова и его семейства не писано, а за 1775, 1781, и 1782 годы книг нет.

Апреля 29 дня 1878 года. Подписал: член комитета священник П. Марков. В д. архивариуса Никольский.

В Московской Духовной Консистории определено: отношение со справкою отослать в Академию художеств и посылается Мая 2 дня 1878 года.

Подписали: член Консистории протоиерей *Зернов*,
и. д. секретаря *Смирнов*,
за столоначальника *Спелов*.

С подлинною выпискою, доставленною из Московской Духовной Консистории верно. Кол. секретарь Михайлов.
31 мая 1878 года

ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 413, лл. 50—51.

3. А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ. [ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ. 1830—1840-е гг.]

Любуясь природой, рассматривая причины ее действий, вижу, что бывших неурожаев хлеба в 1821, 1822 и 1823 годах не столько была причиной погода, сколько обычай хлебопашества, в наивной, так сказать, системе заключающийся.

Не буду исчислять причин, а представлю обстоятельства: у зажиточного крестьянина во все три года, названные голодными, хлеб родился довольно нажитистым и умолотым в ржаных и яровых полях; по градусам достоинства хлеба можно было определить состояние хозяина полосы: следовательно, атмосфера не могла так разборчиво свирепствовать, чтобы землю в одном и том же поле обесплодить пополосно и всю свою жестокость излить на самого беднейшего.

Зажиточный крестьянин довольным количеством скота для удобрения полевой земли, который у него находится для домашнего обихода, и достаточною силою рук для рыхлой выработки оной в прошедшие годы спас землю от залива и от задервенения. А она его наградила урожаем, которого лишен был бедняк: для того что бедняк, не привязанный добротою, тучностью полевой земли, обделал ее кое-как, спешил на истощенную ниву, к которой предки его приковали пословицей: не соха хлеб родит, а топор.

К истощенной называю потому, что бедный крестьянин, не имея сил к уборке крупного лесу на обросшей и удобрившей себя большой ниве, рубит десяти или двенадцатилетнюю моложицу; потом, ежели сухая весна поблагоприятствует, сжигает,— а с сим вместе выжигает и зародыш удобрения,— наконец, сеет,— разумеется, наудачу.

Может быть, найдутся в Вышневолоцком уезде человек пять помещиков, которые почитают скотоводство за значительную часть в хлебопашестве; впрочем, никто не предпочитает полевого хозяйства нивному, а с сим вместе добротворного качества посева неблагодарному количеству, почему так редко кто печется о распространении и улучшении угодий и покосов, для того, что не имеют для оного времени, а скот держат в малом количестве от скудости в полях, угодьях, от нерасчистки, неразработки оных, а не от количества.

Есть, однако же, помещики, принимавшиеся за осушение болот; но, не имея познаний в отыскании причин, оные производящих, совершенно охлади-

лись безуспешностью от неуместного рытья. Ежели бы помещики знали науку земледелия, даже ежели бы знали, что земледелие есть важнейшая наука, то бы согласились предпочесть полевое хозяйство нивному, качество засева количеству, стали бы иметь попечение о размножении и улучшении скотоводства, о удобрении для оного пажитей, и тогда осушились бы болота, уменьшились бы озера, лес бы начал расти, словом, для полей открылись бы рудники, крестьянин не знал бы голоду, на авось, без награды не работал бы, тщетно не изнурялся бы самим собою и помещиком.

Для того, полагаю, нужно, чтобы помещик в юных летах с прочими науками получил познание о свойствах земли, силе растений, естестве вод, столь необходимых устройству сельского хозяйства, а так как непосредственная часть помещиков получает образование в корпусах и прочих казенных к образованию учрежденных заведениях, то какую бы принесло в короткое время пользу нашему земледелию введение в оные классы сельского хозяйства; тогда офицер-помещик, оставя службу и возвратясь к поместью своему, не покорится уже закоренелым предрассудкам старосты и соседа, а начнет вводить чистую систему земледелия как знающий теорию хозяин, потом утвердится в оной опытности и уверит людей, что одно добротворное качество земли может обеспечить хозяина.

Кажется, немногие из молодых помещиков служат, чтобы дослужиться до штабс-офицерского чина, а только чтобы получить его при отставке; менее того, чтобы получить мундир, следовательно, в течение десяти лет Россия могла бы, кажется, начать чувствовать следствие введения теоретического хозяйства.

ИРЛИ АН СССР, ф. 265, оп. 2, № 414, лл. 4—5 об.

4. ИЗ ДЕЛА О ДВОРОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ А. Г. ВЕНЕЦИАНОВА ЛАРИОНЕ ДМИТРИЕВЕ. 1843

КАНЦЕЛЯРИЯ, СОСТОЯЩАЯ В ВЕДОМСТВЕ ТВЕРСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА — ВЫШНЕВОЛОЦКОМУ УЕЗДНОМУ ПРЕДВОДИТЕЛЮ ДВОРЯНСТВА

Секретно.
2 ноября 1843 г.

На основании высочайшего рескрипта 6 сентября 1826 года, последовавшего на имя господина управляющего Министерством внутренних дел, имею честь препроводить при сем на рассмотрение Вашего высокоблагородия показания дворового человека Вышневолоцкого помещика Алексея Венецианова, Лариона Дмитриева, о жестоком будто бы обращения с ним его помещика по наущениям дворовой женщины Никитиной и покорнейше прошу, если жалоба эта справедлива, сделать надлежащее распоряжение об ограждении Дмитриева от жестокости помещика; если же несправедлива, то предать его суду за клевету на помещика, за бродяжничество и утруждение начальства незаконными просьбами. При сем прошу не оставить обратить особенное внимание на поведение г. Венецианова относительно дворовой женщины Никитиной.

О том, что Вы откроете по этой жалобе, прошу не оставить меня уведомлением, возвратив показания Дмитриева, которые я вместе с сим предписанием тверской полиции отправляю к Вам установленным порядком.

Подлинное подписал в должности гражданского губернатора

Бакунин.

Ноября 2 дня.
1843.

Показания Лариона Дмитриева

1843 года октября 23 дня в Тверской градской полиции Вышневолоцкого уезда помещика Алексея Гавриловича Венецианова сельца Сафонково дворовый человек Ларион Дмитриев в нижеследующем допрашиван и показал:

Ларионом меня зовут, Дмитриев сын, отроду мне двадцать лет, веры грекороссийской, на исповеди и у св. причастия бываю каждогодно, грамоте знаю, в штрафах и под судом ни за что не находился, Тверской губернии, Вышневолоцкого уезда помещика Алексея Гавриловича Венецианова сельца Сафонкова дворовый человек показать имею:

Находился я первоначально у господина своего в лакеях, после того сделал он меня приказчиком. Находясь в сей должности полтора года, отправлял оную и какие деланы были поручения в должной исправности; но в последствии времени скотница наша, дворовая женка Елена Никитина, имевшая с тем господином моим любовную связь, просила меня неоднократно, дабы я жил с нею непозволительным образом, но когда я на просьбу ее не соглашался, то она наговорила на меня разные нелепости господину, который, полагаясь на ее слова, делал мне безо всякой вины многократные побои. Я же не стерпел сего.

Текущего года января 11 числа обще с братом моим родным, Никифором Дмитриевым, учинили от него отлучку с тем намерением, чтобы явиться по начальству, дабы отдали нас в военную службу, но по глупости своей в город Тверь не пошли, а отправились в Новгородскую губернию и, придя в Устюжной уезд, взяты за неимением письменного вида и отправлены были посредством внутренней стражи в Вышневолоцкий земский суд, а от толь к господину.

По прибытии нашем, брат мой взят в лакеи, а я употребляем был в разные работы. Дочери ж его, девицы Александра и Фелицата, видя, что я напрасно претерпеваю тягости, уговаривали его о снисхождении мне, но он вместо того, единственно из-за Никитиной, сказал им, будто бы я украл у него рожь и оную продал. За что и требовал с меня деньги, а как я таковой не крал, а, действительно, он, господин мой, когда я был приказчиком, за оказанные мною услуги подарил мне двадцать восемь мер овса, но как оного на посев стало у него недостаточно, то я, с согласия его, таковового взял только восемь мер, а за достальное количество взял восемь мер ржи, то от сего и отказывался, но напоследок приказчик наш, дворовый человек Василий Митрофанов, решительно стал требовать деньги, а буде не отдам, то приказал готовиться к наказанию.

Я, убоясь сего и сверх того не имея от него, господина, никакой одежды, кроме рубашек, сего года июля месяца 24 числа вновь учинил от него отлучку и шатался по разным местам, пропитывая себя поденною работою у разных людей не заведомо беглого *(нрзб)* человека и напоследок теперь не имея никаких средств к пропитанию, вынужден нашелся сего числа прийти в город Тверь, явиться к господину начальнику губернии просить об отдаче меня в военную службу, так как к господину, по чинимым притеснениям, в услужение идти не желаю, что и показал по самой сущей справедливости, подвергая себя за ложь и утайку суждению по законам.

Ларион Дмитриев руку приложил.

В ВЫШНЕВОЛОЦКИЙ УЕЗДНЫЙ СУД — ВЫШНЕВОЛОЦКИЙ УЕЗДНЫЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА

26 ноября 1843 г.

Его превосходительство, г. начальник губернии при отношении своем от 2 сего ноября за № 508 препроводил ко мне Вышневолоцкого помещика Венецианова дворового человека Лариона Дмитриева, принесшего жалобу г. начальнику губернии на жестокое с ним обращение помещика своего с тем, что ежели жалоба таковая справедлива, то сделать надлежащее с моей стороны распоряжение об ограждении его, Дмитриева, а если же несправедлива, то предать его суду за клевету на помещика, за бродяжничество и утруждение начальства незаконными просьбами.

По предъявлению мною г. помещику Венецианову приложенного отношения и показания при оном приложенного его дворового человека Дмитриева, данного в Тверской градской полиции, г. Венецианов письменно от 22 сего ноября изложил все предосудительные поступки Лариона Дмитриева; как то, побег его от места жительства, ослушание противу помещика, намерение выкрасть господскую печать (к удобному укрывательству от помещика и совращению к сему других), непокаянность и прочее.

Таковое письмо прочитывал я Лариону Дмитриеву при старосте г. Венецианова Василии Митрофанове и крестьянине его Никите Аверьянове, доставивших ко мне оное письмо и вместе с тем показания Дмитриева.

Он, Ларион Дмитриев, обстоятельства, изложенные в письме его помещика, утвердил своим показанием во всей силе, равно остался и при прежнем показании с таковыми в оном изменении, что извет, сделанный им на помещика о любовной связи с женкою Еленою Никитиною, есть ложный, придуманный им по объясненной в показании причине, то есть чтобы поступить в военную службу. Почему я и обратное показание дворового человека Дмитриева, и отзыв его помещика нахожу необходимо нужным и справедливым, того Дмитриева, согласно отношения ко мне начальника губернии, предать суждению по законам, дабы другие, подобные ему, видели строгость закона, наказывающего вольнодумцев, каков есть и Ларион Дмитриев, отказавшийся от повиновения своему владельцу и самопутно вольно избирающий род жизни, воспользовавшись слабостью своего помещика, который за очевидные и столь явные проступки сего человека не подвергал оного определенному ему по законам наказанию.

Почему означенного человека Дмитриева с делом об нем и с описью оному делу при сем честь имею препроводить в оный уездный суд на законном распоряжении.

Вышневолоцкий уездный предводитель дворянства *Завальевский.*

Надпись на обороте: Того же числа в Вышневолоцком уездном суде по выслушании оного, приказали: отношение, записав, с делом отдать в повытье уголовных следственных дел, а присланного при отношении дворового человека Лариона Дмитриева, вызвав в присутствии суда, в чем следует предупредить и что положить записать, коего потом отослать в городническое правление для содержания в градском остроге.

При отношении подлинное за подписью господ присутствующих и скрепою секретаря.

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ — ВЫШНЕВОЛОЦКОМУ УЕЗДНОМУ ПРЕДВОДИТЕЛЮ ДВОРЯНСТВА В. С. ЗАВАЛЬЕВСКОМУ

22 ноября 1843 г.

Милостивый государь
Василий Степанович!

Вы мне изволили показывать присланные Вам от Тверского гражданского губернатора доносы на меня человека моего Лариона Дмитриева, и я честь имею Вам доложить.

1. Лариона Дмитриева в детстве, как сироту, я сам учил арифметике с приложениями, потом показывал ему части геометрии, входящие в землемерное дело, толковал о важности параллельных линий и прямого угла, входящих как в столярное, так и в плотничное дело, толковал и о прочем, входящем в сельское хозяйство,— словом, я его постепенно готовил в приказчики, и, наконец, поручил ему эту должность.

2. Ларион, как приказчик, имел у себя три шубы: одну крытую сукном, другую нанкой, третью сюртучком, обложенным мерлушками; фрак и четыре сюртука, кроме тех, которые были из домотканого сукна и полотна; о прочих мелочах я уже не упоминаю, а скажу только, что он имел и особливую комнату, в которой был диванчик, стул, кресла, столики, шкап для его платья и ширмы, за которыми находилась его постель, и, могу сказать, он стоил моего внимания, потому что исправлял свои обязанности отлично, кроме свирепого обращения с крестьянами.

3. Ларион прошлого лета во время сенокоса, сделав связь с кирпичницей, подрядчицей, делавшей у меня кирпич, бабой солдаткой, как говорится, продувной, перестал радеть о своей должности и начал ее поверять негодяю Тимофею, в избе которого жила кирпичница, чрез которого он делал разные издержки для этой кирпичницы. Издержки доросли до того, что ему недостаточно было на расходы мною ему подаренных двадцати восьми мер овса, он начал продавать барскую рожь и в другие пускаться плутни, а между тем бывшее его внимание к работам и смотрение за рогатым скотом и лошадьми остановилось, а свирепость обращения с крепостными увеличилась, отчего произошел ропот.

Словесные мои убеждения не действовали, почему в январе месяце я решился, запершись в своем кабинете один на один, убеждать его материально, приготовленными двумя прутьями: своеручно, для того, чтобы не тронуть его самолюбия, даже, сознаюсь, и собственного моего. На другой день после моей операции, кажется 10-го января, Ларион наш ушел и увел с собой брата Никифора, прекрасного мальчика, который от нас, как говорится, грубого слова не слыхивал. Бежавши, он оставил на столе ругательное письмо, в столике же было найдено несколько исписанных бумаг, наполненных сердечным стоном, из которых одну, уцелевшую, при сем прилагаю. Кирпичница еще в конце декабря была отправлена в Торжок.

4. В конце февраля месяца приятель Лариона, Тимофей, украв в семье сотника восемьдесят рублей ассигнациями, бежал, а в начале марта земской полицией были в Сафонково доставлены братья Ларион и Никифор. Никифор был определен в прежней должности и без малейшего наказания, а Ларион был отдан старосте в наказание к черной работе, которую он исправлял очень нерадиво. Я тогда находился в Петербурге.

5. По возвращении моем из Петербурга, когда случалось мне подходить к каким-нибудь работам, где находился и Ларион, то Ларион никогда ни словом, ни разу фуражечки передо мною не снимал, а я только смеялся глупости, надеясь на время, которое его исправит.

6. В июне привели ко мне и Тимофея. Тимофей повинен сотнику в краже восьмидесяти рублей и, полюбовно с ним условясь, в три года заплатит украденные восемьдесят рублей, а между тем тайком отдал Лариону шесть рублей по их прежним счетам, оставшиеся за Тимофеем.

7. 20 июля у нас делается обед для крестьян, и я приказал, чтобы Лариона к общему столу не допускать, как нестоящего, а Тимофею даже дать небольшую работу. Старосте вздумалось утром посылать мужика за березками,

велел взять с собой и Лариона. Ларион не только не послушался, но разругал старосту и меня самыми скверными словами. За такой поступок надобно было наказать, но наказание откладывалось придумыванием его. Придумали: взять у него деньги шесть рублей, как краденные у скотника, и отдать ему в счет восьмидесяти рублей, на три года разложенных; но староста услышал от Лариона новые ругательства, почему определено было утром высечь Лариона.

8. Утром уже не было ни Тимофея, ни Лариона, а в чуланчике, где жил Ларион, на столике найдено было письмо к брату, которое при сем прилагаю. Ларион взял с собой все свое белье и одежду с четырьмя сюртучками, в числе которых был и шелковый.

9. В тот день побега, вечером, поздно подошли к избе, где жил Никифор, Ларион и Тимофей. Ларион [слово пропущено] к брату за тем, чтобы взять у него мою печать, которой выдавать ему Никифор никак не думал. Шорох был услышан, люди вскочили и успели схватить только Тимофея, запутавшегося в шинели Ларионовой, которая на нем была надета. При сем прилагаю еще письмо Лариона, писанное к брату из Новгорода.

Вот, милостивый государь, краткая и верная биография нашего Лариона, которого также знают все соседи наши, особенно священник с причтом. Пеняют мне, как говорится, в баловстве людей и говорят, что такой буйный дух может произвести дурные последствия, но я полагаю напротив и мыслю, что этот дух Лариона на службе царской переменится, придет в порядок и из буйного Лариона сделается отличный унтер-офицер, даже могу надеяться, что заслужит и золотые эполеты, почему мы решительно положили отправить его в Тверь для сдачи в рекруты в зачет к будущему 1844 году.

С полным уважением и совершенною преданностью честь имею быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

Алексей Венецианов.

Ноября 22,
1843-го года,
С[ель]цо Сафонково.

ЛАРИОН ДМИТРИЕВ — НИКИФОРУ ДМИТРИЕВУ

[Конец июля — начало августа 1843 г.]

Прощай, любезный брат! Оставайса и слезами обливайса. А я теперь пойду не с тем, чтобы опять сюда, а с тем, чтобы навеки расстацы. Лучше показатца бродягою, а не сюда. А может быть и даст Бог проживу до пятидесятницы. Авось всемилосердный создатель поможет и проживу и до пока будешь дожидатцы и слезами обливатцы, но не дождатцы своей родительской крови. А я проживу у дедушки до 3-го августа.

Любезный братец, если ты хочешь не забыть свою родную кровь, то как можно постарайса принесть мене печатку именную баринову, потому что я теперь пойду прямо в Волочёк и там возьму бумагу и на бумаге себе напишу, а нацо печать приложить баринову. Если любишь меня, то и смастери для меня. Приди и печать принеси, и самого прости мене навеки

Ларион Дмитриев Кузнецов.

ЛАРИОН ДМИТРИЕВ — НИКИФОРУ ДМИТРИЕВУ

[8 августа 1843 г.]

Любезный братец, извещаю тебя, что мое положение сегодня 8-го Августа продолжаю в Новеграде, толки скори буду домой, очень скори.

Ох, братец, какое мое нещастя, толки с тем, что нету намерения служить етому господину и госпоже швалке, пущай моя пропадает голова, а я не

швалкина слуга, еще попробую пожить, а там еще через две недели непрошено буду, пущай дожидаютца и теперь получают, толки с тем я буду любезной братец Никифор Дмитриевич Апалу со слизами. А покамест было хорошо плыл на [барже].

Брат твой *Ларион Дмитриев Кузнецов 1843 года августа 8 дня.*

ПОКАЗАНИЯ ЛАРИОНА ДМИТРИЕВА, ДВОРОВОГО ЧЕЛОВЕКА ПОМЕЩИКА ВЕНЕЦИАНОВА

1843 года ноября 25 дня в присутствии Вышневолоцкого уездного предводителя дворянства полковника Завальевского, при крестьянах Вышневолоцкого помещика Венецианова: старосте Василии Митрофанове и Никите Аверьянове, нижеподписавшийся дворовый человек одного с ними помещика Венецианова Ларион Дмитриев показал:

Что я, действительно, человек помещика Венецианова, имел от него неоднократные побеги, наконец, прибыл в г. Тверь к начальнику губернии с жалобою на своего господина; о побеге моем был спрошен я в тверской градской полиции, где данное мною 23 октября сего года показание утверждаю во всей его силе.

Кроме того показано мною, что будто бы Вышневолоцкого помещика Алексея Гавриловича Венецианова скотница дворовая женка Елена Никитина с тем помещиком моим имеет любовную связь. Это показали двое людей, потому чтобы таковым показанием более убедить начальника губернии к отдаче меня в военную службу, как я и просил его превосходительство о том.

Предъявленное мне письмо господина моего, писанное 22 сего ноября в Вашему высокоблагородию с двумя моими письмами, писанными мною к брату моему Никифору Дмитриеву, представленными старостою Митрофановым сообща с крестьянином Аверьяновым, прочтенные мною сего числа, я нахожу все в этом письме писанное моим помещиком справедливым.

В подтверждение моего показания, данного в Тверской полиции, насчет желания моего быть в военной службе, прошу Ваше высокоблагородие сделать Ваше распоряжение, чтобы я помещиком был отдан в службу таковую. У него же быть не желаю и служить ему. Если же не угодно будет моему помещику отдать меня в военную службу, изберу случай вновь от него отлучиться к начальнику губернии и просить об отдаче в военную службу. Жить и служить своему помещику не буду.

К сему венециановский дворовый человек
Ларион Дмитриев руку приложил.

Оный допрос снимал предводитель Завальевский.

Означенный дворовый человек господина нашего Алексея Гавриловича Венецианова Ларион Дмитриев при нас, действительно, спрошен господином уездным предводителем, полковником Завальевским, в чем удостоверяем подписями:

староста *Василий Митрофанов*
и крестьянин *Никита Аверьянов,*

а вместо их, неграмотных, после личной просьбы
Вышневолоцкий мещанин *Иван Федоров Кочинов*
руку приложил.

Предводитель:
Завальевский.

ПОКАЗАНИЯ ЛАРИОНА ДМИТРИЕВА, ДВОРОВОГО ЧЕЛОВЕКА ПОМЕЩИКА ВЕНЕЦИАНОВА

1843 года, ноября 29 дня

В присутствии Вышневолоцкого уездного суда дворовый человек помещика Венецианова, села Сафонкова Ларион Дмитриев показал:

вычитанные мне допросы, данные мною в Тверской градской полиции и господину Вышневолоцкому предводителю дворянства, утверждаю во всей их силе. С тем, однако же, что я в тех показаниях на господина своего Алексея Гавриловича Венецианова показал по глупости моей, и от сего времени обещаюсь я быть в полном повиновении у господина Венецианова и впредь подобных и неосновательных жалоб на него, Венецианова, приносить не буду.

В чем подписуюсь
дворовый человек *Ларион Дмитриев.*

Причем дополнить имею, что в показаниях своих я показывал единственно потому, что я желал поступить в солдаты.

Я же — *Дмитриев.*

При сем присутствовали:

Уездный судья *Доможиров,*
Дворянский заседатель *Ротиславский,*
Дворянский заседатель *Уланов,*
За секретаря *Васильев.*

ВЫШНЕВОЛОЦКИЙ ЗЕМСКИЙ СУД — В ВЫШНЕВОЛОЦКИЙ УЕЗДНЫЙ СУД

Рапорт

17 декабря 1843 г.

По исполнении указа оного уездного суда от декабря за № 3330-м, земский суд донести честь имеет, что присланный дворовый человек Вышневолоцкого помещика Венецианова Ларион Дмитриев за бродяжничество и несправедливую жалобу на помещика своего, по решению оного суда при сем суде чрез низших помощников служителей плетьми пятнадцатью ударами наказан и с тем водворен в вотчину.

С сим вместе предписанием в I стан препровожден.

Старший заседатель
Максимов.

ГАКО, ф. 665, оп. 1, № 5106.

5. ВЫПИСКА ИЗ ДЕЛА ОБ УБИТОМ ЛОШАДЬМИ ВЫШНЕВОЛОЦКОМ ПОМЕЩИКЕ АКАДЕМИКЕ ВЕНЕЦИАНОВЕ

[1847 г.]

Обстоятельства дела сего следующие:

1. Исправляющий должность пристава первого стана Вышневолоцкому земскому суду 11 декабря 1847 года донес, что управляющий имением г.г. Милюковых Сергей Васильев Щербаков в поданном на имя его объявлении пишет, что помещик Венецианов, ехавши на лошадях, которые сбесились, выкинули его из повозки и убили его до смерти, просит прибыть в село Поддубье для обследования тела Венецианова.

2. Вследствие чего исправляющим должность пристава первого стана произведено исследование.

По сему оказалось:

3. Дворовый человек села Дубровского вотчины г.г. Венециановых Григорий Лаврентьев показал: 4 декабря утром, еще до восхождения солнца, запряг он по приказанию отца и господина его Алексея Гавриловича Вене-

цианова тройку лошадей серых в сани с кибиткою. Подъехал к крыльцу дома г-на своего, который вскоре вышел и сел в сани с кибиткою. Они отправились, как сказал он ему, в Тверь, посадя с собою на беседку крестьянина Агапа Богданова, который и доехал с ними до деревни Топорихи; а как лошади шли смирно, то г. Венецианов приказал отпустить Богданова, который и слез с беседки, а они отправились в дальний путь. Но не доезжая до села Поддубья сажен около ста или более, начали спускаться с горы. Сани, как были без тормозов, раскатились, и к неожиданности вдруг лошади сильно побежали, и он как ни старался удержать, но и сам был выкинут. И лежал без чувств, и встал тогда, когда увидел впереди себя за воротцами лежащего барина и стоявших около него женщин, к коим едва мог подойти, и тут вскоре прибежали и прочие люди.

В намерении лишить жизни помещика своего он виновным не станет и подозрения никакого не имеет, согласно с чем показали: управляющий вотчиной г.г. Милюковых дворовый человек Сергей Щербаков, Борис Дмитриев, Илья Карпов, Иван Захаров, и староста Василий Иванов, Мавра Сергеева, Афросинья Трофимова и Агап Богданов.

4. Оператором Тверской врачебной управы в присутствии временного отделения Вышневолоцкого земского суда и приглашенных сторонних людях произведено свидетельствование телу помещика Венецианова, по коему оказалось: глаза покойного закрыты, рот сомкнутый, на правой стороне лобной части повыше брови на два поперечных пальца имеется багровое пятно и ссадина, кожица покрытая запекшейся кровью, величина его в диаметре $^3/_4$ вершка от правой брови; и продолговатое багровое пятно, идущее через веко к правой скуловой части, длина его в 1 вершок, а ширина в $^1/_4$ вершка. От середины левой скуловой части багровое пятно неправильного вида простиралось по левой щеке к нижней челюсти и подбородку.

По разрезании общих головных покровов под таковыми находилось сильное подкожное кровоизлияние на месте, соответствующем багровому пятну лба, на прочих частях подкожного кровоизлияния не обнаружилось. Кости черепа были целы. По распилении коих пазухи и сосуды твердой мозговой оболочки преисполнены значительным количеством крови густой черной. Сосуды мозга и сосудистые оплетения боковых желудочков его весьма налиты сгущенною кровью, оказавшейся также на основании мозга, в сосудах мозжечка и продолговатого мозга на существо таковых внутренностей черепа патологических изменений не представляло и кости па основании черепа не повреждены, почему оператор заключает, что смерть помещика Венецианова воспоследовала от кровяного апоплексического удара, при преклонных летах, слабом телосложении и вследствии насильственных ушибов головы, сопровождаемых большим подкожным кровоизлиянием в толщу мускулов, а судя по виду и свойству таковых, произведены тупым орудием, имеющим негладкую поверхность, притом ушибы таковые могли произвести сотрясение мозга, ускоряющее смерть, каковой акт подтвержден тверской врачебной управой.

5. На повальном обыске кучер покойного г. Венецианова, Григорий Лаврентьев, и крестьянин деревни Микашихи Агап Богданов в поведении одобрены.

ИЗ ЦИРКУЛЯРА ТВЕРСКОЙ ПАЛАТЫ УГОЛОВНОГО СУДА

3 августа 1848 г.

Уголовная палата слушала дело, принятое по предложению г. начальника губернии, а к нему представлено из Вышневолоцкого уездного суда об убитом лошадьми тамошнем помещике Венецианове.

Приказали: случай смерти вышневолоцкого помещика Венецианова, происшедший от ушибов сбесившимися лошадьми, на основании 1311 ст. XV тома предать суду и воле божьей, а прогонные деньги, выданные уездному стряпчему Булгакову и оператору Кашенскому, отправившимся на место для произведения следствия и осмотра тела Венецианова, по ст. 906, XV тома принять на счет казны; а как следователями, дворянским заседателем Романовским, правившим должность станового пристава Васильевым и уездным стряпчим Булгаковым, имевшим уже по обстоятельствам дела в виду, что смерть г. Венецианова последовала от ушиба лошадьми, в противность 2538 ст. 2 тома дозволившим оператору Кашенскому вскрыть тело его, Венецианова, то об этом их отступлении от закона сообщить на определение губернского правления. Для исполнения же сие решение с препровождением подлинного дела послать в уездный суд.

1848 года, августа 3 дня.

ГАКО, ф. 309, оп. I, № 9462.

6. ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА ПОСЛЕ СМЕРТИ ХУДОЖНИКА. 1847—1850

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ — МИНИСТРУ ДВОРА

22 декабря 1847 г.

Недавно получено здесь в Санкт-Петербурге коллежским советником Крашенинниковым частное письмо, в котором знакомый известного академика императорской Академии художеств Венецианова извещает его, что Венецианов 4 числа сего декабря, отправляясь из деревни своей, в Вышневолоцком уезде находящейся, в г. Тверь, на дороге выброшен был лошадьми из повозки и убит на месте так, что все врачебные пособия, поданные ему в ту же минуту, остались напрасными.

По доведении о сем секретаря Академии (родственником Крашенинникова) до моего сведения, я считаю обязанным уведомить Вашу светлость о смерти Венецианова и с тем вместе представить:

1. что у покойного Венецианова остались две взрослые дочери, старшая Александра в болезненном состоянии, постоянно живущая в деревне, и младшая, Фелицата, находящаяся в гувернантках, здесь в Санкт-Петербурге. Теперь же, по неимению места, временно проживающая у вдовы действительного статского советника Мартоса.

2. что деревня отца их, в сорок или пятьдесят душ, обремененная значительными долгами из кредитных установлений, сколько известно, довольно расстроенная теми тратами, которые Венецианов по добродушию своему делал на содержание и пособия многих учеников своих.

3. что сироты Венецианова остались в беспомощном состоянии

и 4. что заслуги Венецианова, как художника и живописца е. и. в. Вашей светлости известны, и потому я надеюсь, что Вы не оставите повергнуть участь сирот Венецианова в милосердное внимание е. и. в.

Президент.

МИНИСТР ДВОРА — ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

23 декабря 1847 г.

По всеподданнейшему докладу моему отношения Вашего императорского высочества от 22-го сего декабря государь император всемилостивейше изволил пожаловать дочерям покойного академика Венецианова, Александре и Фелицате, в единовременное пособие по 500 рублей серебром каждой, всего тысячу рублей серебром из Кабинета его величества,

Имея честь Ваше высочество о сем уведомить, присовокупляю, что о доставлении к Вам означенных денег предложено мною Кабинету.

Министр императорского двора
князь *Волконский*.

Санкт-Петербург,
23 декабря 1847 г.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ — ФЕЛИЦАТЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ВЕНЕЦИАНОВОЙ, ДОЧЕРИ УМЕРШЕГО Е. И. В. ЖИВОПИСЦА АКАДЕМИКА ВЕНЕЦИАНОВА

28 декабря 1847 г.

Вследствие представления моего государю императору о смерти родителя Вашего, е. и. в. изволил всемилостивейше пожаловать Вам вместе с сестрою в единовременное пособие по пятисот рублей серебром.

Уведомляя Вас о сей монаршей милости, сообщенной мне господином министром императорского двора от 23 сего декабря, присовокупляю, что пожалованные Вам деньги приняты будут из Кабинета е. и. в. в Академию и доставлены Вам в свое время.

Президент.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ — АЛЕКСАНДРЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ВЕНЕЦИАНОВОЙ, ДОЧЕРИ УМЕРШЕГО Е. И. В. ЖИВОПИСЦА АКАДЕМИКА ВЕНЕЦИАНОВА

28 декабря 1847 г.

Вследствие представления моего государю императору о смерти родителя Вашего, е. и. в. изволил всемилостивейше пожаловать Вам вместе с сестрою в единовременное пособие по пятисот рублей серебром.

Уведомляя Вас о сей монаршей милости, сообщенной мне господином министром императорского двора от 23 сего декабря, присовокупляю, что пожалованные Вам деньги приняты будут из Кабинета е. и. в. в Академию и за отсутствием Вашим все сполна выданы сестре Вашей Фелицате Алексеевне Венециановой.

Президент.

МИНИСТР ДВОРА — ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

29 декабря 1847 г.

По высочайшему повелению имею честь препроводить при сем к Вашему императорскому высочеству всемилостивейше пожалованные дочерям умершего академика Венецианова Александре и Фелицате в единовременное пособие по 500 рублей серебром каждой, всего 1000 рублей серебром, а за вычетом из них 10% в пользу инвалидов, остальные девятьсот рублей серебром, покорнейше прося о получении сих денег почтить меня уведомлением.

Министр императорского двора
князь *Волконский*

Надпись на полях: Девятьсот рублей серебром принял в приход по книге о посторонних суммах, записанных от 31 декабря 1847 года под № 130.

Казначей *Н. Образцов*.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

[Начало января 1848 г.]

Сим свидетельствую, что предъявительница сего есть дочь умершего 4 декабря 1847 года императорской Академии художеств академика Венецианова, девица Фелицата Алексеевна Венецианова, и причитающееся покойному

содержание из Кабинета е. и. в. по день его смерти может быть выдано ей, Фелицате Алексеевне Венециановой, 8-го января 1848 года.

На полях: единственная с сестрою Александрой Алексеевной Венециановой покойного наследница.

СВИДЕТЕЛЬСТВО НА ЖИТЕЛЬСТВО ФЕЛИЦАТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕНЕЦИАНОВОЙ

Из императорской Академии художеств дочери умершего академика императорской Академии девице Фелицате Алексеевне Венециановой в том, что она свободно может проживать во всех городах Российской империи, где пожелает. В уверении чего и дано ей, Венециановой, сие свидетельство с приложением академической печати.
Января 20 дня 1848 года.

А. А. И Ф. А. ВЕНЕЦИАНОВЫ — П. М. ВОЛКОНСКОМУ

31 января 1849 г.

Его светлости господину министру императорского двора князю Петру Михайловичу Волконскому Дочери умершего живописца Венецианова, девицы Александра и Фелицата Венециановы

Прошение

После смерти родителя нашего, воспоследовавшей 4-го декабря 1847 года, Ваша светлость по милостивому вниманию к памяти покойного и к нашему бедственному положению исходатайствовали всемилостивейше пожалованные нам на похороны родителя 1000 рублей серебром.

Родитель наш оставил нам имение, заключающееся в шестидесяти душах, заложенных в Санкт-Петербургском Опекунском совете, доходы с этого имения так малы, что их недостает не только на самое ограниченное наше пропитание, но и на уплату опекунского долга, а потому осмеливаемся просить Вашу светлость о исходатайствовании нам всемилостивейшего пособия.

Дочь академика, девица *Александра Алексеевна Венецианова.*

Дочь академика, девица *Фелицата Алексеевна Венецианова.*

31 января 1849 года,
жительство имеем
в доме Департамента уделов,
в квартире 5, Булгакова.
Резолюция: Отказать, ибо не имеют права.
1 февраля 1849.

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТЕРСТВА ДВОРА — ДОЧЕРЯМ УМЕРШЕГО АКАДЕМИКА ВЕНЕЦИАНОВА АЛЕКСАНДРЕ АЛЕКСЕЕВНЕ И ФЕЛИЦАТЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ВЕНЕЦИАНОВЫМ

3 февраля 1848 г.

Канцелярия министерства императорского двора имеет честь уведомить дочерей умершего академика Венецианова Александру и Фелицату, что господин министр императорского двора не находит возможным исходатайствовать им, согласно прошению их на имя его светлости от 31 минувшего января всемилостивейшего пособия, поелику не имеют на сие никакого права.

Верно: исполняющий должность помощника столоначальника *Бердюкин*

В Санкт-Петербурге,
3 февраля 1849 г.

КАПИТУЛ РОССИЙСКИХ ОРДЕНОВ —
АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

21 июня 1850 г.

Капитулу орденов частно известно, что бывший академик императорской Академии художеств, титулярный советник Алексей Гаврилович Венецианов, пожалованный орденом св. Владимира 4-ой степени 22 января 1830 года, умер.

Вследствие сего Канцелярия Капитула орденов покорнейше просит правление императорской Академии художеств уведомить, действительно ли академик Венецианов умер и когда именно.

Директор.
Начальник отделения

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ —
КАПИТУЛУ РОССИЙСКИХ И ЦАРСКИХ ОРДЕНОВ

5 июля 1850 г.

На отношение Капитула от 21 минувшего июня № 6889 правление императорской Академии художеств имеет честь уведомить, что академик Алексей Венецианов умер 4 декабря 1847 года.

Конференц-секретарь
В. Григорович.

В. И. ГРИГОРОВИЧ — Ф. А. ВЕНЕЦИАНОВОЙ

7 июля 1850 г.

Милостивая государыня
Фелицата Алексеевна!

После смерти покойного родителя Вашего академика императорской Академии художеств Алексея Гавриловича Венецианова, имевшего крест ордена св. Владимира 4-ой степени, пожалованный ему 22 января 1830 года, и как орден, крест сей следует отослать по закону в Капитул российских орденов, то и прошу Вас, милостивая государыня, распорядиться присылкою креста в Академию, откуда оный и будет отослан в Капитул.

Примите уверения в моем совершенном к Вам почтении
Григорович.

Ф. А. ВЕНЕЦИАНОВА — В. И. ГРИГОРОВИЧУ

16 июля 1850 г.

Милостивый государь
Василий Иванович!

Крест ордена св. Владимира 4-ой степени, пожалованный отцу моему академику императорской Академии художеств Алексею Венецианову, препровождаю при сем к Вам, милостивый государь, для представления в Академию и доставления, куда следует.

Имею честь быть с совершенным почтением,
милостивый государь, покорная к услугам
Фелицата Венецианова.

КАПИТУЛ РОССИЙСКИХ И ЦАРСКИХ ОРДЕНОВ —
ПРАВЛЕНИЮ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

В Капитуле орденов получен при отношении оного Правления от 19 сего июля за № 847 орденский знак св. Владимира 4-ой степени, оставшийся после смерти академика титулярного советника Венецианова.

В приеме оного препровождается при сем квитанция для доставления по принадлежности.

Директор
Начальник отделения

Надпись на полях: Квитанцию выдать под расписку дочери академика Венецианова, Фелицате Алексеевне Венециановой.

КВИТАНЦИЯ № 1400

Оставшийся после умершего академика титулярного советника Венецианова орденский знак св. Владимира 4-ой степени в Капитуле Российских императорских и царских Орденов получен, в чем и дана сия квитанция июля 31-го дня 1850 года.

Казначей по заведыванию орденскими
и всеми другими знаками
Помощник казначея

ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, № 172.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

24. А. Г. Венецианов. Крестьянский мальчик, надевающий лапти. Между 1823—1826. ГРМ.
25. А. Г. Венецианов. На пашне. Весна. Первая половина 1820-х гг. ГТГ.
26. А. Г. Венецианов. Спящий пастушок. Между 1823—1826. ГРМ.
27. А. Г. Венецианов. Портрет Н. М. Карамзина. 1828. Всесоюзный музей А. С. Пушкина.
28. Портрет И. И. Лажечникова. Литография А. Э. Мюнстера с фотографии Даутендея.
29. А. Г. Венецианов. Портрет П. В. Хавского. 1827. Новгородский музей.
30. А. Г. Венецианов. Натурный класс. 1824—1825. ГРМ.
31. Портрет И. И. Козлова. Литография с рисунка О. А. Кипренского. 1820-е гг.
32. П. Н. Михайлов. Портрет Ф. П. Толстого. 1809. Музей НИИ Академии художеств. Ленинград.
33. Портрет П. П. Свиньина. Гравюра для издания Смирдина «Сто русских литераторов» (Спб., 1839).
34. А. Г. Венецианов. Портрет В. П. Кочубея. 1830-е гг. ГРМ.
35. К. П. Брюллов. Портрет А. И. Дмитриева-Мамонова. 1822. ГРМ.
36. Портрет П. А. Кикина. Литография Василевского с оригинала К. П. Брюллова. 1820-е гг.
37. С. Лобанов. Портрет И. А. Гагарина. 1820-е гг. ГРМ.
38. А. Г. Варнек. Портрет В. И. Григоровича. 1818 (?). ГРМ.
39. А. Г. Варнек. Автопортрет. ГРМ.
40. А. В. Тыранов. Портрет П. А. Плетнева. 1830-е гг. Всесоюзный музей А. С. Пушкина.
41. Г. К. Михайлов. Вторая античная галерея в Академии художеств. 1836. ГРМ.
42. А. Г. Венецианов. Купальщицы. 1829. ГРМ.
43. П. А. Оленин. Портрет А. Н. Оленина. 1810-е гг. Гос. музей А. С. Пушкина.
44. А. В. Тыранов. Перспективный вид Эрмитажной библиотеки. 1826. Гос. Эрмитаж.
45. К. Мазер. Портрет Ф. В. Булгарина. 1838. Всесоюзный музей А. С. Пушкина.
46. Портрет Н. И. Греча. Гравюра Бушарди с его же рисунка. 1815.
47. Г. Чернецов. Парад на Марсовом поле. Фрагмент: А. Г. Венецианов, А. С. Пушкин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич. 1836. ГРМ.
48. А. Г. Венецианов. Портрет Н. В. Гоголя. 1834. ГРМ.
49. К. П. Брюллов. Портрет В. А. Жуковского. 1838. ГТГ.
50. Г. К. Михайлов, А. Н. Мокрицкий и др. Субботнее собрание у В. А. Жуковского. 1836—1837. Всесоюзный музей А. С. Пушкина.
51. Портрет А. В. Кольцова. Литография с рис. К. Горбунова середины 1830-х гг.
52. Т. Г. Шевченко. Автопортрет. 1860. Гос. музей Т. Г. Шевченко. Киев.
53. Неизвестный художник школы А. Г. Венецианова. Кабинет В. А. Жуковского (А. В. Кольцов, Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, В. Ф. Одоевский, И. А. Крылов). 1836. Лит. музей ИРЛИ АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

I СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

II ПИСЬМА И ЗАПИСКИ

III ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА И ДОКУМЕНТЫ

IV ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ

V ПРИЖИЗНЕННАЯ КРИТИКА

ПРИЛОЖЕНИЯ

В29 **Алексей Гаврилович Венецианов.** Статьи. Письма. Современники о художнике./ Сост. и вступ. статья А. В. Корниловой. — Л.: Искусство, 1980. — 391 с., 24 л. ил., портр. — (Мир художника).

Сборник содержит статьи и заметки художника, его письма и деловую переписку, воспоминания близких людей и прижизненную художественную критику. Собранные с максимально возможной полнотой материалы, многие из которых публикуются впервые, знакомят с жизнью и творчеством одного из крупнейших русских художников первой половины XIX века, основоположника бытового жанра в русской живописи — А. Г. Венецианова. Публикуемые материалы дают представление и о творческом методе художника, о его преподавательской деятельности, о работе его многочисленных учеников.

В $\frac{80102\text{-}129}{025(01)\text{-}80}$ 174-80 ББК 85.143(2)1

АЛЕКСЕЙ
ГАВРИЛОВИЧ
ВЕНЕЦИАНОВ

Сборник

Редактор
М. В. Дмитренко

Художественный редактор
А. И. Приймак

Технический редактор
М. С. Стернина

Корректор
Л. Н. Борисова

ИБ 986

Сдано в набор 2.07.80. Подп. к печати 14.11.80. М-14455. Формат издания 60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 2, для илл. мелов. Гарнитура обыкн. Печать высокая. Усл. печ. л. 25,69. Уч.-изд. л. 29,7. Изд. № 334. Тираж 50 000. Заказ № 1369. Цена 2 р. 80 к. Издательство «Искусство», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, Чкаловский пр., 15

2р.80к.